

18+

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

Ballard

УТОНУВШИЙ ВЕЛИКАН

коллекция рассказов

FANZON

Утонувший великан
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард. Утонувший великан
Предисловие. Адам Тирлвэлл. Перевод Е. Трубецкой
Человек управляемый. Перевод Г. Шокина
Садок для рептилий. Перевод Г. Шокина
Проблема возврата. Перевод Г. Соловьевой
Могилы времени. Перевод Г. Соловьевой
Море волнуется раз. Перевод Г. Шокина
Охотники Венеры. Перевод Г. Соловьевой
Эндшпиль. Перевод М. Пчелинцева
Одним меньше. Перевод А. Бурцева
Внезапный полдень. Перевод Г. Соловьевой
Игра с ширмами. Из цикла «Алые Пески». Перевод О. Макеевой
Время течения. Перевод Г. Шокина
Пленник кораллового рифа. Перевод Г. Соловьевой
Утраченный Леонардо. Перевод Г. Шокина
Последний берег. Перевод А. Бурцева
Просветленный. Перевод Г. Соловьевой
Дельта на закате. Перевод М. Пчелинцева

Утонувший великан. Перевод Г. Шокина
Джоконда в сумрачном полудне. Перевод Г. Шокина
Танцы на вулкане. Перевод Г. Соловьевой
Пляжные убийцы. Перевод Г. Соловьевой
День извечный. Перевод Г. Шокина
Человек невозможный. Перевод Г. Шокина
Плач надежды и фурии вопль. Из цикла «Алые Пески». Перевод О. Макеевой
До завтра миллион лет. Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой
Птица Бурь против Бури Надежд. Перевод Г. Шокина
Признание. Перевод О. Макеевой
Облачные скульпторы Д-Коралла. Из цикла «Алые Пески». Перевод О. Макеевой
Мертвый астронавт. Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой
Ангелы КОМСАТА. Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой
Зона поражения. Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой
Время и место умереть. Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой
Совокупность 80-х. Путеводитель по сексуальным утехам образца 1980 года. Перевод Г. Шокина

Путешествие через кратер. Перевод Г. Шокина
Скажите ветру «прощай». Из цикла «Алые Пески». Перевод О. Макеевой
Интервью с Дж. Г. Баллардом. (беседует Ванора Беннет). Перевод Е. Трубецкой

Аннотация

Второй том полного собрания рассказов лидера «новой волны» и автора романов «Империя солнца», «Автокатастрофа» и «Высотка».

За четыре десятилетия литературной карьеры Джеймс Баллард заслужил репутацию одного из самых выдающихся и оригинальных британских романистов, однако на протяжении всей своей карьеры он был также чрезвычайно плодовитым автором рассказов. Более того, многие считают, что именно в короткой форме его талант раскрывается наиболее полно. Эти оказавшие значительное влияние тексты публиковались как в журналах научной фантастики и контркультурных изданиях, так и издавались отдельными сборниками.

Расположенные в порядке их написания и первоначальной публикации, они нередко становились центральными идеями или образами, которые впоследствии получали развитие в более поздних романах. Эти рассказы дают уникальную возможность

увидеть, как работает воображение одного из величайших британских писателей.

Здесь научная фантастика, доведенная до предела философии, лишенный чудовищ хоррор, главный источник ужаса которого – сама природа сознания, и проза, которая не дает ответов, но заставляет всматриваться в бездну.

Во второй том вошли рассказы, написанные в 1962—1969 годах.

Издание снабжено вступлением Адама Тирлвэлла и интервью с Джеймсом Баллардом.

«Имя Балларда стало нарицательным и прилагательным. Известный благодаря экранизациям своих романов, он был также невероятно плодовитым и провокационным мастером короткой формы… Незаменимая книга незаменимого писателя». – *Booklist*

«Рассказы – лучший способ впервые познакомиться с Баллардом и проследить, как он стал самым оригинальным британским писателем послевоенного времени. Это сборник демонстрирует широту и эволюцию его творчества – и показывает, что слово "баллардианский" еще далеко не исчерпало своих значений». – *The National*

«У этих рассказов есть удивительная особенность – то, как легко понять происходящее в этих альтернативных реальностях, несмотря на минимальное количество объяснений, и насколько эти реальности правдоподобны благодаря отстраненному повествованию автора. Даже в самых невероятных ситуациях он находит обыденные детали и связывает их с нашей реальностью». – *Seattle Times*

«Джеймс Баллард – изящный, постоянно развивающийся стилист, чьи идеи почти всегда воплощены с безупречной точностью». – *Bookslut*

«Каждый из этих рассказов – словно сон, реализованный точнее любого из наших собственных. В конечном счете Баллард – великий рассказчик, создатель незабываемых словесных артефактов, столь же завершенных и загадочных, как скульптуры, которые невозможно охватить одним взглядом». – *The New York Times Book Review*

«Получите недели восторга и читательского наслаждения». – *Los Angeles Times*

«Мастер короткой прозы – создатель незабываемых словесных артефактов, таких же завершенных и загадочных, как скульптуры,

которые невозможно рассмотреть с одной единственной точки зрения». – *Джонатан Летем*

«Мрачные, тревожные и полные меланхолии – рассказы беспокоят воображение, как картины Дали или фотографии Хельмута Ньютона». – *The Washington Post*

«Баллард, вероятно, самый оригинальный английский писатель прошлого столетия… эта книга незаменима». – *Чайна Мьевиль*

«Настоящее откровение; обязательное чтение». – *Literary Journal*

Джеймс Баллард
Утонувший великан

J. G. Ballard
The Complete Short Stories. Volume 2
Copyright © 2001 by J. G. Ballard
© Е. Трубецкая, перевод на русский язык, 2026
© Г. Шокин, перевод на русский язык, 2026
© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2026
© М. Пчелинцев, перевод на русский язык, 2026
© А. Бурцев, перевод на русский язык, 2026
© О. Макеева, перевод на русский язык, 2026
© А. Бушуев, Т. Бушуева, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Предисловие
Адам Тирлвэлл
Перевод Е. Трубецкой

1

О сборнике рассказов Дж. Г. Балларда нельзя говорить как-то однозначно. Они настолько разные, что ни один читатель просто не в состоянии охватить их все. И поэтому, говоря об этом колоссальном произведении, стоит позаимствовать термины из геологии и других естественных наук. Слои или эпохи — вот наиболее уместные слова. Если же попытаться уместить в одном абзаце сжатую хронику этих эпох, получится примерно следующее…

Вначале была эпоха, которую для простоты изложения можно назвать научно-фантастической. Это было время, когда природа самой Природы претерпевала зловещие изменения, внезапно становясь техногенной. В соответствующих рассказах, где действие зачастую происходит в искаженной копии Палм-Спрингс, мы встречаем звуковые скульптуры, поющие цветы и много

других диковинок. В следующей эпохе Баллард еще больше увлекается видоизменением естественных вещей. Теперь эти изменения затрагивают самые глобальные аспекты существования: время и пространство. С наступлением третьей эпохи воображение Балларда рисует все более и более апокалиптические картины, полнится образами экологической катастрофы. События всех трех эпох вылились в немалый, плотно загруженный объем: в первую часть полного собрания, занимающую 750 страниц, входит только период с 1956 по 1964 год. Вторая часть такого же объема включает больший временной промежуток — с 1964 по 1992 год[1]. И наконец, где-то в конце шестидесятых возникла новая и последняя эпоха: теперь глобальные изменения затрагивали современные стихии жизни: автоматизированную бухгалтерию, террор и диктатуру, бездуховную порнографию. Яркая и неопрятная вереница мотелей, полетов в космос, попыток убийства — вот пейзажи баллардовских рассказов последней и самой долгой эпохи. Другими словами, эти рассказы образуют антологию, которой нет равных в британской литературе двадцатого века. Она

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду двухтомное собрание рассказов. *(Прим. ред.).*

уникальна.

2

В 1967 году в интервью Джорджу Макбету Баллард попытался объяснить, в чем отличие его прозы от творчества современников-фантастов. «Большая часть фантастики, которая сейчас пишется, — говорил он, — по сути своей обращена в прошлое. Она затрагивает опыт, поведение, развитие личности героя на протяжении огромного промежутка времени, рассматривает истоки всего этого. Она показывает события через призму прошлого, чаще всего при помощи линейного повествования. Они, таким образом, имеют более-менее четкий хронологический порядок, который здесь как раз уместен. Но если, — продолжал Баллард, — писатель обращается к настоящему — а я, собственно, надеюсь, что в этих рассказах сумел заново открыть его для себя, — то должен воспользоваться нелинейной техникой. Ведь наша нынешняя жизнь, в конце концов, не подчиняется линейным законам. Она многообразна и объемна, это цепь внезапных, случайных событий».

Эта баллардовская теория, конечно, поражает своим масштабом, но, на мой взгляд, не совсем

верна. Точнее, она может быть верна, но лишь в рамках эксперимента. Вдумчивому читателю необходимо опираться и на традиционную историю литературы. Ибо рассказы Балларда отнюдь не следуют наиважнейшему из канонов этого жанра — традиции иронического реализма Чехова и Мопассана. Лучшие из рассказов, по мнению Балларда, «написаны Борхесом, Рэем Брэдбери и Эдгаром Алланом По». В собственных его произведениях вселенные точно так же вырываются за свои пределы. Но мало просто дать этой новой литературной традиции название. Итало Кальвино в своем эссе о фантастике вывел определение философии, что лежит в ее основе: «Загадка реальности, которая нас окружает, ее необычные аспекты, которые могут оказаться всего лишь порождениями больного разума, и самые обыкновенные детали, тривиальный облик которых подчас скрывает вторую сущность, более тревожную, таинственную и мрачную, — эта загадка и есть основа фантастической литературы. Ее мощное воздействие на разум кроется именно в балансе между двумя несовместимыми уровнями реальности».

Но как раз здесь прилежного читателя подстерегает проблема. Для произведений Эдгара

Аллана По вышеприведенная теория, может быть, и верна. Но применительно к творениям Балларда она ничем не поможет. И вот в этот момент нашему идеальному читателю нужно сделать паузу, чтобы рассмотреть конкретный пример.

3

Один из самых примечательных рассказов Балларда называется «Голоса времени». Его стиль выбивается из привычного авангарда. На первых страницах происходит диалог, примечательный своей неестественной формальностью: «Над чем работаешь, Роберт? — спросил он. — Все еще ездишь в лабораторию Уитби?» Судя по манере повествования, стиль можно охарактеризовать как классику эдакого «реализма разбитого поколения» («Улыбаясь через ожог, Андерсен немного подумал, что же ему сказать»). И все же читатель, предвкушая привычную историю и предысторию, скоро поймет: общепринятые литературные каноны здесь неуловимо искажены. Герои носят необычные имена — Калдрен, например, или Кома. А предыстория, изложенная намеками, полнится необъяснимым (излюбленная техника Балларда): мы видим мистические

детали пейзажа, «брошенные восемьдесят лет назад золотодобывающие машины». Но видим также и невероятно четкое описание диковинных «наблюдательных пунктов» и «стеклянных плит куполов», видим затейливый лабиринт научных терминов, выходящих далеко за рамки общепринятых представлений о культурном коде среднего читателя. «Он доказал, что это произошло в результате выделения из протеиновых структур генов скопившейся в них энергии. Сходный процесс — колебание мембраны в резонанс звуку».

Будущее здесь может одновременно быть и настоящим. Все перемешано, а причина этого как раз и составляет смысл рассказа. На первый взгляд, основная идея сюжета — странные открытия, которые биолог Уитби сделал в сфере активации молчаливых генов. Его коллега Пауэрс медленно умирает, и за время, которое ему осталось, пытается проникнуть в суть экспериментов Уитби, в ходе которых потаенное будущее живого организма пробуждается к жизни. Разгадка же прячется в странном поступке Уитби летом незадолго до его самоубийства. «Позднее Пауэрс часто думал об Уитби и о странных углублениях, выдолбленных биологом на дне

оставленного плавательного бассейна без видимой цели. Углубления эти, глубиной в дюйм и длиной в двадцать футов, складывались в какой-то сложный иероглиф, похожий на китайский». В конце концов, Пауэрс решает воспроизвести это изображение в бетоне, поставить его посреди высохшего соленого озера. Когда он его заканчивает, это оказывается мандала — миниатюрная схема Вселенной. И Пауэрс входит в ее центр. «Над собой он слышал звезды, космические голоса, наполнявшие небо».

Главная тема этого рассказа — энтропия, разрушение. И как следствие, в будущем это не только смерть человеческого тела, но и гибель звезд, исчезновение планеты. Вот почему неколебимой основой сюжета становится таинственная мандала. Последнее, что Пауэрс видит умирая, — образы мандалы, «космические часы — неотрывно смотрящие ему в глаза».

4

Баллард ощущал, что выходит далеко за рамки привычного ретроспективного мышления — и неудивительно! Среди его любимых книг есть рассказы Хемингуэя, «Алиса в Стране чудес», «Голый завтрак» — всем этим он явно вдохновлялся

в своем творчестве. Но два пункта в этом списке стоят особняком благодаря своей экстравагантности: записи переговоров из кабин самолетов, извлеченные из черных ящиков, и лос-анджелесский телефонный справочник «Желтые страницы». Этот справочник, по признанию самого Балларда, — единственная книга, которую он в своей жизни украл. «„Желтые страницы“, — писал он, — уникальны тем, что иллюстрируют реальную жизнь Лос-Анджелеса, так непохожую на гламурный мирок кинопремьер, звезд и продюсеров. Психиатров там больше, чем водопроводчиков, брачных агентств больше, чем врачей, а салонов для стрижки собак больше, чем ветеринаров. Подобно тому, как объявления в газете характеризуют круг ее читателей, телефонный справочник любого города отлично показывает его истинное лицо. В лос-анджелесских „Желтых страницах“ собрано больше человеческих трагедий, чем во всех романах Бальзака».

Что характеризует натуру человека? Что им движет? Традиционные человеческие устремления присутствуют в рассказах Балларда, но лишь в форме воспоминаний: города на холмах и античные гермы на старинных картинах.

Причина отказа от этих ценностей кроется в явлении, которое Баллард назвал «гибелью чувств». Двадцатый век породил не только страшные зверства вроде Хиросимы и холокоста, но и много другого зла: виртуальный мир компьютеров, олигархию и прочее. Среди этого всего уже не осталось места прежнему человеку. Можно, конечно, оспаривать такую теорию, но дело не в этом: именно она вдохновила Балларда на создание иной, принципиально новой литературы. В своих произведениях, парадоксально традиционных по форме, он описывает человеческую натуру в мире, где традиционные правила больше не действуют. И в основном не создает новые сюжеты, а использует повторяющиеся. «Голоса времени» не исключение — здесь читатель увидит переработанные версии образов и идей из предыдущих рассказов. Одержимость звуком и звуковыми волнами из «Шалости Венеры» и «Чистильщика звука», неизведанные планеты из «Угодья Ожидания», бессонницу из «Люка 69». Но в каждом рассказе такие образы тасуются по-разному, создавая новую канву. Эту систему можно назвать надуманной — но правда, на мой взгляд, гораздо более неожиданная. Сформулировать ее можно так: раньше в основе всей фантастики

лежала отдельная человеческая личность во всем многообразии особенностей поведения и самоощущения. Баллард же в своей литературе выводит на первый план не человека, а гораздо более масштабную сущность: невыносимое давление со стороны общества, окружения, которое никто не принимает во внимание. А между тем оно, по мнению Балларда, определяет всю жизнь современного человека, вынужденного быть частью толпы, частью стада. Вот почему не совсем верно сравнивать его с Борхесом, Кафкой или По. Его проза по своей структуре гораздо современнее, и эта нарочитая современность всегда несет в себе едва различимое зерно сатиры. Баллард постоянно утверждал, что пишет не о будущем, а о «выдуманном настоящем», и именно злободневность этого настоящего обусловливает тревожность, которую мы видим в его философских произведениях. Если Балларда и стоит с кем-то сравнивать, так это с великим фантазером Жюлем Верном. Оба они наделяют все современное и популярное — подводные лодки и космические корабли, рентгеновские лучи и теорию генов — смыслом гораздо более глубоким и мрачным.

Каждый писатель, рассказывая в своей книге

о каком-то месте, реальном или не очень, придумывает его заново. «Когда-то у меня ушло около сорока лет на то, чтобы выдумать Россию и Западную Европу, — писал Набоков в послесловии к „Лолите“, — а теперь мне следовало выдумать Америку». И Баллард в своих произведениях выдумывает места действия с величайшим мастерством. Он, всегда так яростно изобличавший тоталитаризм, как никто разбирался в тоталитарной сущности фантастической литературы, был знатоком ее способности играючи диктовать свои условия. Властно и легко он вводит в текст странные аббревиатуры, искажает слова. Эти приемы прослеживаются уже в первом рассказе сборника, «Прима Белладонна»: «До переезда в Алые Пески он служил куратором старой консерватории в Кью, где впервые вывели поющие растения».

Мастерство Балларда в измышлении разных мест поражает в основном потому, что, создавая их, он одновременно описывает и мир, в котором живет сам. На страницах своих произведений он выводит устремления социума, его дух, именно потому, что жизнь общества в двадцатом веке постоянно менялась, вбирая в себя множество разных сфер. В русло общих законов природы, где

жизнь текла прежде, теперь вливались новые струи: реклама, рынок ценных бумаг, виртуальная реальность. Баллард виртуозно описывает ландшафт нашей эпохи, абстрактные насыпи и просеки, из которых состоят бескрайние окрестности наших городов. Такие вот абстракции без всяких деталей Баллард и предпочитает использовать как место действия в своих рассказах, воплощая их то в виде бетонной набережной, усаженной пальмами, то неизведанной планеты, то лаборатории, где создаются технологии будущего.

И хотя мне кажется очень важным подчеркнуть, что действие в его рассказах происходит по всему миру, от «Апартаментос Калифорния» до Канн, на самом деле это везде Великобритания. Взять хотя бы «Голоса времени»: да, там показана энтропия космического масштаба — но это та же самая энтропия, которую Баллард увидел на задворках угасающей империи. Британия была самой современной страной в мире именно потому, что по энтропии ей тоже не было равных. А значит, и по озлобленности, враждебности, унынию, серому туману и бетону. Стоит только поглядеть на эстакады и многоуровневые парковки под дождем — сплошная антиутопия!

Позднее это необычное визионерство стало проявляться все сильнее и достигло высшей концентрации в поздних романах, по времени написания выходящих за рамки этого сборника. Это и финансовая гиперреальность, которую Баллард исследует в «Опьяняющих ночах» и «Суперканнах», и мракобесие буржуазии в «Людях Миллениума» и «Лучшем мире». И эти перемены носят технический характер. Интерес к изменению слов, отличавший его ранние рассказы, постепенно принимает другие масштабы, перетекает в интерес к глобальным лингвистическим изменениям в культуре. Баллард становится законодателем новых правил: рассказ теперь может быть очень простым по стилистике, как, например, хулиганский шедевр «Почему я хочу трахнуть Рональда Рейгана», написанный в 1968 году, когда Рейган только-только стал губернатором Калифорнии. И одновременно может отличаться настоящим буйством лексики — медицинской, психологической, социологической, выражающей самые что ни на есть крамольные фантазии. «Были созданы многодорожечные кинофильмы о „Рейгане“, совокупляющемся во время (a) предвыборных выступлений, (b) столкновения автомобилей при наезде сзади, с

участием машин одно– и трехлетней давности выпуска, (c) с приборами выхлопной системы, (d) с жертвами войны во Вьетнаме». При помощи этой «шоковой терапии» Баллард наделял жанр рассказа новыми возможностями, уводя его от чеховских канонов тонкого психологизма.

5

Вместо этого Баллард ставил во главу угла системы, материальные и умозрительные: огромные площади городов с их автострадами и бескрайние психоневротические пейзажи, скрытые в человеческом сознании. В своей фантасмагории о Рональде Рейгане он впервые улавливает близость между собой разных, казалось бы, забот и проблем современности. И даже их сопричастность: виртуальные миры кино, политики и психоанализа являют собой разные формы одного и того же насилия. Вот почему для его поздних работ характерна такая эквилибристика в части эмоциональной окраски: каждую отдельную систему он преподносит как вариант какой-то иной.

Один из своих последних рассказов, «Объект нападения», Баллард написал в 1984 году. Как всегда, не без налета жанровой литературы — со-

бытия сменяют друг друга очень быстро. Но в этой истории о покушении на убийство читатель видит, как все страхи автора взаимодействуют друг с другом внутри крошечной суперсовременной лаборатории. За внешними декорациями буржуазного британского общества таятся жестокие силы, а почет королевской семьи, власть американского президента и невероятные космические путешествия несут в себе шифры маниакальных форм безумия.

А с другой стороны, почему бы и нет? Если мандала представляет собой картину мира, то в каждом рассказе есть своя мандала. И согласно баллардовским канонам это может означать, что каждый его рассказ — тоже своего рода космические часы, отсчитывающие минуты до самой последней катастрофы.

Лондон, 2014

Человек управляемый
Перевод Г. Шокина

— Знаки, доктор! Вы прочли все эти знаки?

Нахмурившись, доктор Франклин ускорил шаг и поспешил вниз по ступенькам больницы к ряду припаркованных автомобилей. Оглянувшись через плечо, он заметил худого, неряшливо одетого молодого человека в рваных сандалиях и заляпанных известкой джинсах. Сперва тот махал ему с противоположной стороны подъездной аллеи, а затем вдруг бросился в погоню, увидев, что Франклин пытается ускользнуть от него.

— Доктор Франклин! *Знаки!..*

Опустив голову, Франклин обогнал пожилую пару, приближавшуюся к амбулаторному отделению. Его машина стояла в сотне ярдов. Слишком уставший, чтобы сбежать, он подождал, пока молодой человек нагонит его.

— Ладно, Хэтэуэй, что на этот раз? — раздраженно огрызнулся он. — Меня уже тошнит от того, что ты торчишь здесь весь день.

Хэтэуэй резко остановился перед ним. Челка нестриженых черных волос падала ему на глаза,

как навес. Он наскоро разделил ее надвое пальцами с давно не стриженными ногтями и широко улыбнулся, явно радуясь встрече с доктором и не обращая внимания на его враждебность.

— Я пытался дозвониться до вас ночью, док, но ваша жена, как слышит мой голос, сразу же кладет трубку, — сообщил он без тени недовольства, будто давно смирившись с подобным пренебрежением в свой адрес. — Ну и я не хотел искать вас в клинике…

Они стояли у живой изгороди из бирючины, которая скрывала их от окон нижнего этажа главного административного корпуса, но регулярные встречи Франклина с Хэтэуэем и его странные мессианские воззвания уже стали предметом насмешливых пересудов среди персонала.

«Спасибо и на том, что ты не стал меня искать», — хотел было сказать Франклин, но еще до того, как слова сошли с языка, Хэтэуэй остановил его небрежным жестом руки:

— Полноте, док, сейчас на повестке дня не церемонии, а вещи поважнее. Они приступили к монтажу первых больших билбордов. Каждый — на подставке высотой более ста футов, на пешеходных переходах сразу за городом. Скоро перекроют все подъездные пути. Когда они это

сделают, нам лучше перестать думать.

— Твоя беда как раз в том, что ты слишком много думаешь, — бросил ему Франклин. — Ты уже несколько недель бессвязно рассуждаешь обо всяких «знаках». Скажи, ты своими глазами видел хоть один?

Хэтэуэй сорвал горсть листьев с живой изгороди, раздраженный их неуместностью.

— Разумеется, нет. Но, доктор, *в этом-то все и дело.* — Он понизил голос, когда мимо прошла группа медсестер, с беспокойством наблюдавших за ним краем глаза. — Прошлой ночью строительные бригады снова работали, прокладывая огромные силовые кабели. Вы увидите их по дороге домой. Сейчас все уже почти готово!

— Они монтируют дорожные знаки, — терпеливо объяснил Франклин. — Только что была закончена эстакада. Хэтэуэй, ради бога, расслабься. Постарайся думать о Доре и ее ребенке.

— Я думаю о них! — Голос Хэтэуэя сорвался на крик. — Эти провода держат напряжение в сорок тысяч вольт. Строительные платформы загружены гигантскими стальными решетками. Завтра они начнут ставить их по всему городу и закроют половину неба! Как думаете, какой будет Дора через полгода после этого? Нужно остановить их,

доктор, они хотят запечь нам все мозги!

Смущенный словесным напором сумасброда, доктор Франклин, на миг забыв, кто он и где находится, стал беспомощно озираться, выискивая в море машин свою.

— Хэтэуэй, я больше не могу тратить время на разговоры с тобой. Тебе нужна квалифицированная помощь, поверь. Все эти навязчивые идеи начинают овладевать тобой.

Хэтэуэй начал было протестовать, но Франклин решительно поднял правую руку.

— Послушай, в последний раз говорю: если сможешь показать мне один из этих новых знаков и доказать, что он транслирует команды, влияющие на подсознание, мы с тобой вместе обратимся в полицию. Но пока что тебе нечего предоставить, и ты сам это знаешь. Реклама, воздействующая на подсознание, была запрещена более тридцати лет назад, и с тех пор законы о ее применении ни разу не нарушались. В любом случае, техника была очень слабая, а успехи — мизерные. Твоя идея о масштабном заговоре с тысячью гигантских вывесок всюду абсурдна.

— Хорошо, доктор. — Хэтэуэй прислонился к капоту одной из машин. Казалось, настроение у него резко поменялось. Он дружелюбно наблю-

дал за Франклином. — В чем дело, вы потеряли свою машину?

— Это твоя трескотня совершенно сбила меня с толку. — доктор вытащил из кармана ключ зажигания и прочитал номер: — NY–299–566–36721. Видишь такую?

Хэтэуэй лениво облокотился на капот, задрав одну сандалию, и оглядел площадь — перед ними выстроилось около тысячи машин.

— Сложно ориентироваться, не правда ли, когда все они одинаковые, даже одного цвета? Тридцать лет назад было около десяти разных марок, и каждая выпускалась в дюжине цветов.

Франклин наконец заметил свою машину и направился к ней.

— Шестьдесят лет назад было сто марок, и что? Очевидно, экономия от стандартизации достигается дорогой ценой.

Хэтэуэй легонько постучал ладонью по крыше:

— Но этот транспорт не такой уж и дешевый, доктор. На самом деле, если сравнивать со средними доходами тридцатилетней давности, машины стали примерно на сорок процентов дороже. Поскольку выпускается только одна марка, можно было бы ожидать существенного снижения цен, а не их повышения.

— Возможно, — сказал Франклин, открывая дверцу. — Но современные автомобили намного совершеннее в техническом отношении. Они легче, долговечнее и безопаснее в управлении.

Хэтэуэй скептически покачал головой.

— Они мне надоели. Одна и та же модель, один и тот же стиль, один и тот же цвет из года в год. Это ведь своего рода коммунизм. — он провел жирным пальцем по ветровому стеклу. — Опять новая, да, док? А куда вы дели прежнюю? Ведь она прослужила вам всего три месяца, не больше.

— Я продал ее, — сказал Франклин, заводя двигатель. — Если бы у тебя когда-нибудь завелись деньги, ты бы понял, что это самый экономичный способ владения личным транспортом. Нельзя же ездить на одной и той же машине, пока она не развалится. То же справедливо и для любого другого имущества, будь то телевизор, стиральная машина или холодильник. Но в твоем случае этот вопрос даже не встает — ты же у нас убежденный безземельник…

Хэтэуэй проигнорировал насмешку и облокотился на окно машины Франклина.

— Тоже неплохая идея, доктор. Надо хорошенько обдумать ее. Но я работаю по двенадцать часов в день не для того, чтобы оплачивать уйму вещей,

до которых у меня из-за занятости и руки-то не дойдут, — а они за это время, видите ли, *устареют*. — он помахал рукой, когда Франклин вывел машину задним ходом из ряда, а затем крикнул в облако выхлопных газов: — Быстро не гоняйте, а то потом медленно понесут!

По дороге домой Франклин старался ехать по самой «медленной» из четырех скоростных полос. Как обычно, после бесед с Хэтэуэем он ощущал легкую подавленность. Подсознательно он завидовал вольному, как перекати-поле, образу жизни этого типа. Несмотря на грязную квартиру с вечно холодной водой в тени грохочущей эстакады, несмотря на ворчливую жену и их больного ребенка, извечные препирательства с домовладельцем и кредитным менеджером супермаркета, Хэтэуэй по-прежнему сохранял свободу. Избавленный от каких-либо обязанностей, он мог сопротивляться малейшему посягательству на него со стороны общества, хоть бы и упиваясь навязчивыми идеями вроде самой свежей — о подсознательной рекламе.

Способность реагировать на раздражители, пусть даже иррационально, — важный аспект свободы. Если сравнивать с Хэтэуэем, свобода Франклина имела отчетливый привкус «второй

свежести». Ее радикально ограничивали многочисленные обязанности, занимавшие главное место в его жизни: три ипотечных кредита на дом, непременные вечеринки с коктейлями и просмотр телепередач, а также работа частного консультанта, занимавшая большую часть субботы, но зато оплачивающая взносы за множество бытовых приборов, одежду и траты по праздникам. Единственное время, когда он был предоставлен самому себе, — по пути на работу и обратно.

Но, по крайней мере, дороги были великолепны. Какие бы критические замечания ни высказывались в адрес современного общества — оно, безусловно, знало, как строить дороги. Восьми–, десяти– и двенадцатиполосные скоростные автомагистрали пересекали континент, спускаясь с насыпных дамб к гигантским автостоянкам в центре городов или разделяясь на крупные пригородные магистрали с многоакровыми парковочными площадками возле торговых центров. В совокупности дороги и автостоянки занимали более трети всей территории страны, причем в окрестностях городов их доля была выше. Старые города были окружены огромными, захватывающими дух абстрактны-

ми скульптурами в виде клеверных развязок и эстакад, и даже при таком-то изобилии от пробок было никуда не деться.

Десятимильный путь до его дома на самом деле составлял более двадцати пяти миль и занял у него вдвое больше времени, чем до строительства скоростной автомагистрали; причем дополнительные мили накрутились за счет поездки по трем гигантским лепесткам бетонного «клевера». Новые города на пути его следования буквально вырастали из групп мотелей, кафе и автомобильных киосков, расположенных вдоль шоссе. При малейшем намеке на перекресток среди леса электрически подсвеченных указателей и маршрутных табло вырастали трущобы из лачуг и заправочных станций.

Вокруг него проносились машины, устремленные в пригород. Расслабленный плавным движением автомобиля, Франклин перестроился на следующую полосу скоростного движения. Когда он разогнался с 40 до 50 миль в час, из-под его шин вырвался резкий, режущий слух звук. Автомобиль затрясся на рессорах, жалобно скрипя. Якобы для поддержания дисциплины на трассах, дорожное покрытие тут застилали сеткой из мелких резиновых шипов, разбросан-

ных на возрастающем расстоянии друг от друга в каждой полосе движения — так, что при езде по ним шум от шин был слышен на скоростных режимах 40, 50, 60 и 70 км/ч. Езда на скорости в течение более чем нескольких секунд выматывала нервы водителя, вдобавок приводя к износу шин и подвески.

Когда шипы изнашивались, их заменяли на такие же, но с немного другим рисунком, который подходил к рисунку протекторов новых моделей. Таким образом, смена шин становилась одной из регулярных, а не просто сезонных, обязанностей; зато показатели безопасности на трассе вроде как поднимались выше некуда — равно как и доходы производителей. Многие автомобили, прослужившие хозяину больше полугода, вскоре просто разваливались на части от постоянной тряски, но на то и был расчет: увеличение оборота снижало цену за единицу продукции и приводило к более частой смене моделей, также избавляя дороги от потенциально опасных транспортных средств.

В четверти мили впереди, на подъезде к первой из «клеверных» полос, поток машин замедлился, появились огромные полицейские знаки, предупреждающие о том, что впереди трасса перекрыта; допустимый скоростной режим

— десять миль в час. Франклин попытался вернуться на прежнюю полосу, но та уже была забита бампер к бамперу. Когда новый приступ тряски разнесся по всему салону, провоцируя боль в позвоночнике, доктор стиснул зубы и изо всех сил зажмурился, стараясь не протянуть руку к клаксону. Другие водители отличались куда меньшей сдержанностью — гудки ревели отовсюду. Дорожные налоги в настоящее время небывало взлетели, до тридцати процентов от валового национального продукта — для сравнения, подоходный налог насчитывал всего два процента. Любая, даже самая пустяковая пробка на скоростных магистралях немедленно требовала правительственного расследования. Главные государственные департаменты были повернуты на сверхэффективном менеджменте дорожных систем.

Ближе к «клеверному листу» полосы были перекрыты, чтобы бригада строителей могла воздвигнуть массивный металлический знак на одном из бетонных островков между полосами. Огороженная частоколом территория кишела инженерами и геодезистами, и доктор Франклин предположил, что это тот самый знак, который попался Хэтэуэю на глаза прошлой ночью. Квар-

тира Хэтэуэя, собственно, находилась в одном из ветхих зданий в стихийном поселке, притулившемся рядом с ближайшей эстакадой, в районе с низкой арендной платой, населенном персоналом станции технического обслуживания, официантками и трудовыми мигрантами.

Конструкция выглядела титанической, не менее ста футов высотой. Мощные сводчатые решетки, похожие на радарные дуги, торчали из нее, и все это поддерживалось несколькими бетонными опорами. Она возвышалась над подъездными путями, обозримая на сотни миль. Франклин вытянул шею, разглядывая решетки и прослеживая, как силовые кабели от трансформаторов вплетаются в замысловатую сетку металлических витков, покрывавших все эти «радары». Вдоль верхней стойки уже горел ряд красных сигнальных маячков, и Франклин предположил, что этот знак является частью системы наземного захода на посадку в городском аэропорту, расположенном в десяти милях к востоку.

Тремя минутами позже, когда он, набирая скорость, мчался по двухмильному прямому шоссе к следующему перекрестку, он увидел второй из гигантских знаков, маячивший перед ним в небе.

Съезжая на полосу с режимом скорости со-

рок миль в час, Франклин наблюдал в зеркале заднего вида, как удаляется массивная фигура второго знака. Хотя на проволочных кольцах, покрывающих решетки, не было никаких графических символов, предупреждения Хэтэуэя все еще звучали в его ушах. Сам не зная почему, он был уверен, что эти знаки не являются частью системы захода на посадку в аэропорту. Они *не могли быть* частью системы аэропорта, так как ни один из них не совпадал с какой-нибудь крупной авиалинией. Чтобы оправдать затраты на их размещение в центре скоростной автомагистрали — для установки второго знака на узком островке потребовались хитроумные сварные угловые опоры, — они каким-то образом должны были быть связаны с транспортными потоками.

В двухстах ярдах от них находился придорожный автосервис, и Франклин вспомнил, что ему нужны сигареты. Свернув на въездной пандус, он встал в очередь, пройдя мимо автомата самообслуживания в дальнем конце ряда. Автомаркет был забит машинами: вдоль каждого из пяти рядов для покупок — усталые мужчины, клюющие носами над рулевыми колонками.

«Накормив» автомат монетами — бумажные деньги вышли из обихода, их не принимали

больше нигде, — Франклин купил себе блок сигарет. Это была единственная марка в продаже — на самом деле, всего одна толковая марка существовала в принципе, альтернативой служили непомерных размеров оптовые спайки эконом-класса. Вернувшись в салон, Франклин запихал покупку в бардачок, в компанию к еще трем аналогичным, до сих пор запечатанным блокам.

* * *

Дома Франклина встретил запах печеной рыбы, валивший из духовки. Принюхиваясь, он снял пальто и шляпу. Жена сидела в гостиной, склонившись к телевизору. Диктор диктовал ряд цифр, и Джудит записывала их в блокнот, время от времени ругаясь себе под нос.

— Какая неразбериха! — огрызнулась она. — Он говорил так быстро, что я расслышала только несколько слов.

— На то и расчет, думаю, — прокомментировал Франклин. — Это что, очередная телеигра?

Джудит чмокнула мужа в щеку, чуть не опрокинув пепельницу, полную мятых окурков и оберток от конфет.

— Привет, дорогой! Извини, не успела сделать тебе что-нибудь выпить. Тут вышло новое спе-

циальное предложение… Кто успел без ошибок переписать все озвученные в эфире цифры, может получить скидку в девяносто процентов, правда, при условии, что он проживает в определенном районе и пользуется услугами конкретных магазинов. Такая запара…

— Зато любопытно придумано. А что ты хочешь?

Джудит заглянула в свой список.

— Ну, насколько помню, единственное, что нужно, — это инфракрасный гриль для барбекю. Но мы должны успеть за ним до восьми вечера. Уже половина восьмого!

— Значит, номер не пройдет. Я совсем без сил, мой ангелочек, и голоден как волк.

Когда Джудит начала протестовать, он твердо добавил:

— Послушай, зачем нам новый инфракрасный гриль для барбекю, когда этот у нас всего два месяца? Черт возьми, это ведь даже не новая модель!

— Но, дорогой, неужели ты не понимаешь, что купить новую выгоднее? Ведь в конце года старую все равно придется продать. Мы же подписали договор на право пользования не больше года. Значит, мы выиграем на этой сделке по меньшей мере пять фунтов. Между прочим, мне эти деньги

тяжело достаются — попробуй-ка весь день, не отходя от экрана, слушать эту нудную торговую рекламу.

В ее голосе послышались нотки раздражения, но Франклин стоял на своем, упорно не обращая внимания на часы:

— Допустим, мы не получим эти пять фунтов. Ну и что с того? Можем себе позволить. — Прежде чем она успела возразить, он добавил: — Джудит, умоляю… Ты же сама сказала, что не уловила на слух правильный промокод! — Пока она шла к бару, пожимая плечами, он крикнул: — Сделай покрепче! Мне кажется, что у нас на обед настоящая свежая рыба — нужно перебить вкус.

— Рыба полезная, милый. Нельзя же все время есть готовое, полуфабрикаты. Там ведь и белков недосчитаешься, и витаминов. И потом, ты же сам всегда говоришь: «Мы должны, как люди в старые добрые времена, правильно питаться…»

— Я бы с удовольствием ел натуральное, не будь этих запахов как в столовке. — уставившись на темнеющий за окном горизонт, Франклин откинулся на спину в ожидании своего бокала виски.

В четверти мили от него, над крышей соседнего торгового центра, сияли пять красных огней. Время от времени, когда фары подъезжающих

машин потребителей, спешащих применить услышанный по телевизору промокод, освещали фасад здания, он мог разглядеть массивную афишную панель, четко вырисовывающуюся на фоне вечернего неба.

— Джудит! — Франклин прошел на кухню и подвел ее к окну. — Вон тот билборд, сразу за супермаркетом. Когда его успели повесить?

— Не знаю. — Джудит пристально посмотрела на него. — Может, это нужды аэропорта. А почему ты интересуешься, Роберт?

Франклин уставился на огромный темный силуэт.

— Про аэропорт, наверное, все в первую очередь думают, — сказал он и осторожно вылил виски в раковину.

Припарковав машину на стоянке супермаркета в семь часов следующего утра, Франклин тщательно вывернул карманы и сложил монеты в бардачок. От утренних покупателей уже в такую рань не было прохода, и линия из тридцати турникетов-счетчиков беспрерывно щелкала. Торговый комплекс ни на секунду не прекращал работу — перешел на круглосуточный режим. Основную массу визитеров составляли заручившиеся промокодами «ловцы выгоды», а

также домохозяйки, заключившие контракт на крупные закупки продуктов питания, бытовой техники и одежды в условиях существенного общего снижения цен. Они были вынуждены целый день ездить из супермаркета в супермаркет в отчаянном стремлении не отставать от графика потребления, борясь с дополнительными стимулами, введенными для поддержания общей схемы на плаву.

Многие женщины объединились в своеобразные «потребительские банды» — Франклин, идя ко входу, слышал и видел, как они складывают покупки в машины, распихивают платежные квитанции по карманам и задорно перекликаются. Спустя минуту их машины дружно снялись с мест и стройным рядом двинулись к следующему торговому центру.

На большой неоновой вывеске над входом была указана последняя скидка — всего лишь пять процентов, — рассчитанная в зависимости от объема оборота. Самые высокие скидки, не так уж редко доходившие до двадцати пяти процентов, предоставлялись в жилых комплексах, где проживали служащие низшего класса. Там траты обладали мощным социальным стимулом, а желание прослыть самым расточительным в округе морально

подкреплялось перечислением всех имен и сумм, выплаченных в кассу наличными, на огромном светодиодном табло в фойе супермаркета. Чем больше тратит гражданин, тем больше его вклад в скидки, предоставляемые другим; те, кто тратит меньше всех, по всеобщему убеждению, наглые нахлебники, жирующие за чужой счет.

К счастью, в районе Франклина подобная система еще не была внедрена — не потому, что мужчины-профессионалы и их жены могли проявлять больше осмотрительности, а в силу того, что их более высокие доходы позволяли им заключать контракты на более выгодные дискаунты в престижных универмагах города.

В десяти ярдах от входа Франклин остановился, глядя на огромную стальную махину, установленную за ограждением на краю автостоянки. В отличие от других билбордов и щитов, находившихся повсюду, ничто не украшало и не маскировало этот неуютный прямоугольник из стальной сетки с заклепками, навевающий нечто вроде мегалофобии. С его краев паутиной спадали высоковольтные кабели. Бетонную поверхность автостоянки пересекал длинный шрам в том месте, где был проложен распределитель.

Франклин зашагал дальше. В пятидесяти фу-

тах от билборда он остановился и обернулся, осознав, что опаздывает в больницу и что ему нужна новая пачка сигарет. Из трансформаторов под панелью доносилось негромкое, но мощное гудение; когда он пошел обратно к супермаркету, звук стал тише.

Подойдя к автоматам в фойе, он поискал мелочь — и тут же резко присвистнул, вспомнив, зачем так аккуратно вывернул карманы.

— Хэтэуэй! — сказал он достаточно громко, чтобы двое покупателей уставились на него. Не желая смотреть прямо на билборд, он наблюдал за его отражением в стеклянной двери, чтобы любое подсознательное сообщение, транслируемое с него, не смогло найти адресата.

Почти наверняка он получил сразу два четких сигнала: «Держись подальше» и «Купи сигареты». Гости, обычно парковавшиеся по периметру стоянки, избегали зоны у ограждения билборда — транспорт формировал полукруг в пятидесяти футах от него.

Франклин повернулся к уборщику, мывшему пол в вестибюле.

— Послушайте, для чего нужен этот экран?

Мужчина оперся на швабру и беспечно взглянул на огромное сооружение.

— Понятия не имею, — признался он. — Должно быть, что-то аэропортовское.

С уголка губ у него свисала нетронутая сигарета, но он неожиданно сунул руку в карман и вытащил еще одну. Франклин резко развернулся и пошел к выходу, а служащий недоуменно смотрел ему вслед, рассеянно постукивая второй сигаретой по ногтю большого пальца.

Все, кто заходил в супермаркет, покупали курево.

Спокойно двигаясь по полосе, допускавшей разгон до сорока миль в час, Франклин все более пристально оглядывал окружающий пейзаж. До сегодняшнего дня он, сидя за рулем, или думал о своем, или просто отдыхал. Теперь же он внимательно изучал все попадавшиеся на пути виды рекламы, начиная с небольших щитов над придорожными кафе. Неоновые призывы окаймляли вход и заполняли витрины. В большинстве своем они казались безобидными, и Франклин переключил внимание на большие рекламные билборды, стоящие на пересечениях скоростных автомагистралей. Многие из них были высотой с четырехэтажный дом. Огромные, лоснящиеся от сознания своего совершенства женщины в коротких домашних халатиках, чьи образы со-

здавало светодиодное излучение, строили с них глазки и обнажали в улыбках зубки. Они сновали по идиллическим кухонькам, хлопоча по дому — и при этом не забывая принимать тщательно выверенные соблазнительные позы.

Районч ики по обе стороны скоростной автомагистрали напоминали сплошные свалки, заполненные легковыми и грузовыми автомобилями, пылесосами, стиральными машинами и холодильниками. Все это прекрасно работало, но было списано в утиль из-за экономического давления, вызванного последующими волнами скидок на новые модели. Их нетронутый хром почти не потускнел, металлические корпуса и тумбы ярко блестели на солнце. Ближе к городу рекламные щиты располагались достаточно близко друг к другу, чтобы скрыть их, но время от времени, когда Франклин замедлял ход, подъезжая к одной из эстакад, он мельком видел все эти жертвенные пирамиды из металла, поблескивающие, как золотые горы Эльдорадо.

Вечером Хэтэуэй опять поймал его, когда Франклин спускался по лестнице. Они вместе быстро направились к машине.

— Что-то случилось, док? — спросил Хэтэуэй, пока Франклин открывал дверцу и с тревогой

осматривал стоящие на стоянке автомобили. — За вами кто-то гонится?

Франклин мрачно рассмеялся.

— Не знаю. Надеюсь, что нет, но если все то, что ты мне рассказывал, — правда… тут волей-неволей почувствуешь себя загнанным.

Хэтэуэй со смешком запрыгнул в салон, уткнулся коленями в приборную панель.

— Значит, вы все-таки что-то увидели, доктор.

— Я пока не уверен, что именно. Но, возможно, ты не так уж и неправ. Сегодня утром в супермаркете «Фэрлонг»…

Он замолчал, с тревогой вспоминая огромный черный билборд и то, как резко повернул обратно к супермаркету, когда приблизился к нему; затем описал Хэтэуэю случай в подробностях. Тот понимающе кивнул.

— Видал я ту конструкцию. Здоровенная, зараза, но все же не такая огромная, как те, что строят сейчас повсюду. Их возводят по всему городу. Что предпримем, доктор?

Франклин крепко сжал руль. Плохо скрываемая веселость Хэтэуэя раздражала его.

— Ничего, конечно! Черт возьми, это может быть просто самовнушение — ты, наверное, задурил мне голову свой болтовней и заставил

вообразить…

При этих словах Хэтэуэй взвился:

— Не говорите глупостей, доктор! Если вы не верите собственным ощущениям, какой у вас остается шанс? Они вторгаются в ваш мозг, и, если вы не будете защищаться, они захватят его полностью! Мы должны действовать сейчас, пока нас всех не парализовало!

Франклин устало поднял руку, прерывая поток бреда.

— Минутку. Если предположить, что эти… средства внушения… размещаются повсюду — что у них за цель? Да и кому есть смысл вкладывать миллиарды в строительство этих средств? Выгода лично мне неочевидна. Некоторые ипотечные и дисконтные программы рассчитаны на полвека вперед — кому захотелось бы внести в такой-то порядок фактор хаоса?

— Вы забываете вот о чем, — сказал Хэтэуэй. — Что могло бы обеспечить дополнительную покупательную способность? Значительный рост производства. Они уже начали увеличивать продолжительность рабочего дня с двенадцати часов до четырнадцати. Там, где я живу, стоит один заводик по производству бытовой техники, воскресные трудовые смены на нем давно уже

стали нормой. Можете себе представить, доктор, семидневную рабочую неделю, когда у каждого и так есть как минимум три работы?

Франклин покачал головой:

— Люди этого не потерпят.

— Они *уже* терпят. За последние двадцать пять лет валовой национальный продукт вырос на пятьдесят процентов, но вместе с ним выросло и среднее количество отработанных часов. В конечном счете мы все будем работать двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Никто не посмеет сачковать. Подумайте, чем грозит экономический спад: миллионы будут уволены, люди без свободного времени, не знающие, на что его тратить, вдруг этим самым свободным временем обзаведутся… *реальным* свободным временем, а не этим «шопинговым досугом», как сейчас говорят. Чем они займутся, когда начнут думать? — Хэтэуэй вдруг цепко схватил Франклина за плечо. — Ну что, доктор, вы присоединитесь ко мне?

Франклин стряхнул его руку. В полумиле от них, частично скрытая четырехэтажным зданием патологоанатомического отделения, виднелась верхотура одного великана-билборда — на подъемниках, протянутых к его скелету, все еще

можно было заметить фигурки монтажеров. Авиалинии, незримо прочерченные над городом, намеренно пролегали в стороне от больницы — так что, как нетрудно было догадаться, никакого отношения к делам аэропорта конструкция не имела.

— Разве же не существует закона о… как они это формулировали… неприкосновенности подсознательной жизни? Как профсоюзы еще не взбунтовались, Хэтэуэй?

— Страх перед экономическим спадом. Вам известны новые экономические догмы. Если объем производства не увеличится на пять процентов при устойчивой инфляции, экономика пребудет в состоянии стагнации. Десять лет назад повышение эффективности само по себе могло бы увеличить объем производства, но сейчас преимущества минимальны, и остается только одно: больше работы. Реклама, воздействующая на подсознание, послужит стимулом.

— Хэтэуэй, я уже по твоему тону слышу, что ты что-то задумал.

— Я не расскажу вам об этом, док, пока вы не запишетесь в мои соучастники.

— Ты прямо Дон Кихот. Идешь войной на ветряные мельницы. Их мечом не срубишь.

— Я даже пытаться не буду. — Хэтэуэй открыл дверцу прямо на ходу, и Франклин судорожно притормозил. — Не ждите слишком долго, чтобы принять решение, доктор. Очень может быть, что к тому времени, как вы решитесь действовать, право выбора, — Хэтэуэй постучал пальцем себя по лбу, — перейдет от вас к кому-нибудь еще.

Помахав рукой, он ушел.

По дороге домой к Франклину вернулся скептицизм. Идея о заговоре звучала абсурдно, а экономические аргументы — вполне правдоподобно. Однако, как обычно, в мягкой приманке, подброшенной ему Хэтэуэем, скрывался крючок — работа по воскресеньям. Его собственные консультации продлились до утра воскресенья, поскольку он был назначен заводским врачом на один из автомобильных заводов, перешедших на воскресные смены. Но вместо того чтобы возмутиться этим вторжением в его и без того скудные часы досуга, он обрадовался. По одной пугающей причине: ему требовался дополнительный доход.

Глядя на ряды снующих машин, он заметил, что вдоль скоростной автомагистрали было установлено по меньшей мере с десяток огромных билбордов. Как и сказал Хэтэуэй, всюду их ста-

новилось только больше — они простирались над супермаркетами в жилых районах подобно парусам из стали.

Когда он вернулся домой, Джудит была на кухне и смотрела телевизор, подвешенный на кронштейне над плитой. Франклин обошел большую картонную коробку, загораживающую ему проход — нераспечатанную, под слоями скотча, — и поцеловал ее в щеку, пока она записывала в свой блокнот циферки промокодов. Приятный аромат курицы, запеченной в горшочках, — или, скорее, ее желатиновой начинки, ароматизированной и не содержащей никаких токсичных или питательных веществ, — смягчил его раздражение, вызванное тем, что она все еще продолжает охотиться за пустячной выгодой. Он постучал ногой по коробке:

— Что тут?

— Понятия не имею, дорогой. В последнее время постоянно что-то происходит, не могу за всем угнаться. — через стеклянную дверцу она посмотрела на курицу, шестикилограммового «народного» бройлера, раздутого стероидной подкормкой, трансглютаминазой и желатиновой фаршировкой до габаритов индейки. Большую часть глянцевито поблескивающей раздутой

грудки они к концу трапезы попросту выбрасывали — ни одна собака или кошка, даже и будь в их семье таковая, не стала бы это есть.

— Выглядишь встревоженным, Роберт, — заметила Джудит, переводя с бройлера на мужа многозначительный взгляд. — Неудачный день?

Франклин что-то уклончиво пробурчал. Долгие часы перед телевизором в ожесточенных поисках решения продовольственных вопросов обострили восприятие Джудит. Доктор вдруг воспылал острым сочувствием к сонму мужей, оказавшихся в таком же, как и он, невыгодном положении.

— Ты снова разговаривал с этим сумасшедшим битником?

— С Хэтэуэем? Ну да, было дело. Не такой уж он и сумасшедший. — он шагнул назад и споткнулся о картонную коробку, чуть не расплескав свой напиток. — Так, а это что за штука? Поскольку я буду работать следующие пятьдесят воскресений, чтобы оплатить ее, желательно узнать заранее…

Покрутив ящик, он нашел, в конце концов, товарную этикетку.

— Опять телевизор? Джудит, ну что за фокусы! У нас их и так три — в столовой, гостиной и на кухне. Куда ты думаешь втиснуть еще один?

— Не буянь, дорогой. Поставим его в комнате

для гостей. Неприлично принимать гостей без телевизора, верно? Я стараюсь экономить на всем, но четыре телевизора — это необходимый минимум. Об этом пишут все журналы.

— И три радиоприемника, да? — Франклин с ненавистью взглянул на коробку. — Послушай, Джудит, гости обычно приходят пообщаться, а не посмотреть телевизор. Весь этот скарб нам не бесплатно достается — он не такой уж и дешевый. Так или иначе, телевидение — пустая трата времени. Распылять одну и ту же программу на четыре экрана? Бога ради, зачем?

— Роберт! Вообще-то есть целых четыре канала!

— Да, и единственное различие в сетке их вещания — рекламные ролики!

Прежде чем жена смогла возразить, Франклин снял трубку зазвонившего телефона. В ней тут же кто-то дико затараторил — поначалу доктор даже решил, что это новый рекламный трюк. Только потом он понял, что звонит Хэтэуэй, и у бедняги явно что-то вроде нервного срыва.

— Хэтэуэй! — рявкнул в трубку Франклин. — Спокойнее, прошу! В чем дело?

— Доктор, на этот раз вам придется мне поверить! Я проник к подножию одной из этих штук

со стробоскопом. Оказывается, там, на этих щитках, сотни импульсных ламп. Лупят световыми вспышками прямо людям в лица — так быстро, что те даже и не видят ничего. Это фантастика! Следующее рекламное внушение застолблено под автомобили и телевизоры — они пытаются сократить эксплуатационные сроки до двух месяцев! Можете себе это представить, док, одна шестая года — и нужна новая машина! Господи, да это просто…

Франклин с нетерпением ожидал, когда уже начнется пятисекундная рекламная пауза. Все телефонные звонки были бесплатными, но продолжительность рекламного аудиоролика увеличивалась в зависимости от диапазона — так, при междугородних звонках соотношение рекламы и разговора достигало 10:1, и участники отчаянно пытались вставить хоть словечко в перерывах между бесконечными прерываниями. Но незадолго до того, как в излияния Хэтэуэя вклинилась перебивка, он вдруг сам резко положил трубку, а затем и вовсе снял ее с рычага.

Джудит подошла и взяла его за руку.

— Роберт, в чем дело? Ты выглядишь ужасно напряженным.

Франклин взял свой бокал и прошел в гости-

ную.

— Это всего лишь Хэтэуэй. Как ты правильно заметила, я начинаю слишком увлекаться им. Этот тип отнимает львиную долю моего мыслительного ресурса.

Он посмотрел на темный контур билборда над супермаркетом, на красные предупреждающие огни, горящие в ночном небе. Он ничего не показывал — пустой, не несущий никакой информации… или передаваемые им сведения были просто-напросто надежно зашифрованы, как имплицитная память безумца? *Обезличенность* — вот что пугало в этой конструкции больше всего; с тем же успехом это мог быть не билборд, а космический корабль непознаваемой инопланетной расы.

Даже не похожий на корабль. Не похожий *ни на что.*

— И все же я не уверен, — пробормотал Франклин. — Многое из того, что говорит Хэтэуэй, имеет смысл. Эти методы воздействия на подсознание — своего рода последняя попытка взять верх, какую вполне можно ожидать от сверхкапитализированной промышленной системы…

Он подождал, пока Джудит ответит, затем поднял на нее глаза. Она стояла в центре ковра,

безвольно сложив руки на груди, и ее острое, умное лицо казалось непривычно бесстрастным. Он проследил за ее взглядом, устремленным на крыши, затем с усилием повернул голову и быстро включил телевизор.

— Эй, — мрачно окликнул он, — садись, будем смотреть телевизор. Боже, кажется, нам все-таки понадобится этот четвертый…

Неделю спустя Франклин решил составлять опись.

Он больше не видел Хэтэуэя. Вечером, когда доктор покидал больницу, знакомая неряшливая фигура отсутствовала в поле зрения. Потом он услышал какие-то странные домыслы, а затем и прочел в газетах о таинственных диверсиях в районах строительства новых билбордов. Вскоре в газетах появились туманные сообщения о том, что взрывчатку разместили сами рабочие, которые эти билборды строили. Тем не менее новые прямоугольные контуры возносились над морем городских крыш. Они вырастали на бетонных островах, огороженных стальными заборами с мелкой сеткой, в районе всех крупных торговых центров.

Расстояние между домом Франклина и больницей составляло десять миль, и уже больше

тридцати щитов попадалось на его пути, как будто загадочный великан поставил на ребра кости своего исполинского домино. Франклин старался избегать их взглядом; его терзала догадка, что это Хэтэуэй каким-то образом надоумил тех работяг-взрывников ввязаться в противостояние с капиталистической машиной.

Как-то вечером, после выпуска новостей, доктор задумал разобраться в своих с Джудит тратах за последнюю половну месяца. Он составил длинную опись.

Автомобиль (предыдущая модель – 2 месяца);
2 телевизора (4 месяца);
триммер (7 месяцев);
электроплита (5 месяцев);
фен (4 месяца);
холодильник (3 месяца);
2 радиоприемника (7 месяцев);
аудиосистема (5 месяцев);
коктейль-бар (8 месяцев).

Половину этих вещей купил он сам, а когда именно — никак не мог вспомнить. Машину, например, он загнал на станцию техобслуживания неподалеку от больницы, чтобы пройти там

дежурный профилактический осмотр, а вечером того же дня купил новую. Он сделал покупку, не успев сесть за руль, — уступив уговорам механика, что выгоднее продать старую модель, чем оплачивать ее профилактику. Лишь через десять минут он сообразил, что ему «толкнули» эту новую марку. Аналогичным образом телевизоры были заменены на идентичные новые модели после появления на экранах раздражающей интерференционной картины. Любопытно, что на новых телевизорах также наблюдалась эта картина, но, как заверил их продавец, всего два дня — и она «рассосется» сама собой. Ни разу Франклин по собственной воле не решил, что ему что-то нужно, — но при этом все равно шел в магазин и делал покупку.

Он постоянно носил с собой опись, дополняя ее по мере необходимости, спокойно и без возражений анализируя эти новые методы продаж и задаваясь вопросом, может ли капитуляция быть единственным путем к победе. До тех пор, пока он будет оказывать хотя бы символическое сопротивление, кривая инфляции будет демонстрировать контролируемый десятипроцентный рост ежегодно. Однако, если даже это мизерное сопротивление устранить, инфляция с прытью

ракеты взмоет ввысь, и ничто ее не остановит…

Два месяца спустя Франклин, возвращаясь домой из больницы, впервые воочию узрел, чем это может обернуться.

Он ехал по полосе со скоростью сорок миль в час, не в силах угнаться за потоком новых машин, и только что проехал второй из трех перекрестков, когда движение в полумиле от него начало замедляться. Сотни машин подъехали к заросшей травой обочине, и вокруг одного из билбордов собралась целая толпа. Две маленькие черные фигурки проворно карабкались по металлическому щиту, и в сумерках на нем вспыхивали и гасли световые узоры с решетчатым рисунком. Узоры выходили дергаными и ломаными, как будто билборд тестировался в самый первый раз.

Испытав облегчение от того, что подозрения Хэтэуэя оказались беспочвенными, Франклин свернул на мягкую обочину, а затем прошел вперед сквозь толпу зрителей. Свет фонарей упал им на лица. Внизу, за стальными ограждениями, окружавшими бетонный островок, выстроился целый отряд полиции. Вытягивая шеи, они смотрели на людей, штурмовавших билборд в сотне футов над их головами.

Внезапно Франклин остановился, и чувство

облегчения вмиг испарилось. Полицейские, находившиеся на земле, вооружились дробовиками, а у двух спецназовцев, взбиравшихся на стальной щит, за плечами висели автоматы. Они настигали третью фигуру, проводившую некие манипуляции у распределительного короба на предпоследнем ярусе конструкции. Прожектор, направленный с земли, обнаружил ее: смутьяном оказался бородатый мужчина в грязной рубашке и джинсах с дырками в районе колен…

Хэтэуэй!

Франклин поспешил к островку. Билборд шипел и трещал — похоже, предохранители в нем перегорали целыми контурами. Но мерцание прояснилось и выровнялось — и теперь огни вспыхнули ровным светом; толпа дружно подняла глаза на ряды ярких букв. И сами фразы, и все возможные их сочетания были ему хорошо знакомы — и Франклин понял, что читал их уже несколько недель, проезжая взад и вперед по скоростному шоссе:

КУПИ СЕЙЧАС КУПИ СЕЙЧАС КУПИ СЕЙЧАС
НОВУЮ МАШИНУ НОВУЮ МАШИНУ
КУПИ ПРЯМО СЕЙЧАС

ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА ДА

Завывая сиренами, два патрульных экипажа выкатились на обочину и протиснулись через толпу по мокрой траве. Полицейские высыпали наружу с дубинками в руках и быстро начали оттеснять зевак. Франклин не сдвинулся с места, когда они приблизились, крича:

— Офицер! Офицер, я знаю этого человека! Дайте мне…

Но полицейский ударил его в грудь раскрытой ладонью. Задыхаясь, Франклин попятился к машинам, беспомощно навалился на бампер. Стражи порядка принялись резво громить лобовые стекла дубинками. Незадачливые водители гневно протестовали; те, кто стоял дальше, бросились к своим стальным коням.

Шум стих, когда один из автоматов дал короткую ревущую очередь, — а затем усилился, когда Хэтэуэй, раскинув руки, издал крик триумфа и боли… и прыгнул.

— Но, Роберт, какое это на самом деле имеет значение? — спросила Джудит, когда застала Франклина на следующее утро абсолютно сокрушенным в гостиной. — Я знаю, это трагедия для его жены и дочери, но Хэтэуэй был во вла-

сти навязчивой идеи. Если он так уж ненавидел рекламные билборды — почему не взорвал те, где хоть какая-то информация видна? Смысл так беспокоиться о тех, где почти никогда ничего не видно?

Франклин уставился на экран телевизора, надеясь, что программа отвлечет его.

— Хэтэуэй был *прав,* — сказал он.

— Был ли? Реклама не может развиваться дальше. У нас так и так нет выбора, ведь мы не можем тратить больше, чем зарабатываем. Скоро вся эта финансовая махинация накроется.

— Ты так думаешь? — Франклин подошел к окну. В четверти мили впереди, на территории какого-то поместья, устанавливался еще один билборд. Он находился прямо к востоку от них, и в лучах раннего утра тени от его прямоугольной надстройки накрывали сад — доходя почти до основания французских окон, ложась к его ногам. В качестве уступки соседству и, возможно, для того чтобы развеять любые подозрения, вызванные мелочным снобизмом, нижние секции конструкции были обшиты панелями с узором, имитирующим тюдоровский стиль.

Франклин уставился на нее, пересчитывая с полдюжины полицейских, бездельничавших у

своих патрульных машин, пока бригада строителей выгружала из грузовика секции решетки. Он посмотрел на вывеску супермаркета, пытаясь отогнать воспоминания о Хэтэуэе и о жалких попытках этого человека убедить в чем-то Франклина, заручиться его помощью.

Он все еще стоял там час спустя, когда вошла Джудит, надевая шляпу и пальто, готовая отправиться в супермаркет. Франклин проводил ее до двери.

— Я отвезу тебя, Джудит. Оставлю в салоне заказ на новую машину — новые модели поступят в продажу в конце месяца. Если повезет, нам достанется экземпляр из первой партии.

Они вышли на аккуратную подъездную аллею. Тени от билбордов, отбрасываемые днем на тихий районч ик, нависали над головами людей, спешивших в супермаркет, словно лезвия огромных кос.

1961

The Subliminal Man. Первая публикация в журнале New Worlds, январь 1963.

Садок для рептилий
Перевод Г. Шокина

— Они напоминают мне гадаринских свиней[2], — объявила Милдред Пелхэм.

Прервав осмотр битком набитого пляжа, подступавшего к террасе кафетерия, Роджер Пелхэм взглянул на жену.

— Почему ты так говоришь?

Какое-то время Милдред продолжала читать, потом отложила книгу.

— Ну а разве нет? — риторически спросила она. — Они похожи на свиней.

Пелхэм едва улыбнулся при этом слабом, но характерном проявлении мизантропии. Он внимательно посмотрел на свои белые коленки, торчавшие из шортов, на полные руки и плечи жены.

— Все мы немножечко гадаринские свиньи, — уклончиво согласился он.

---

[2] Примечания: 2

Согласно Евангелию, к Христу, прибывшему в землю Гадаринскую, обратился одержимый бесами мужчина («гадаринский бесноватый») с просьбой об избавлении; бесы же попросили у Христа позволить им вселиться в свиней, что паслись неподалеку. Как только просьба была исполнена, стадо ринулось в море с горы.

Вряд ли кто-нибудь мог слышать слова Милдред и обидеться на них. Они сидели за столиком в самом углу, спиной к сидевшим впритык друг к другу сотням посетителей, поглощавших на террасе мороженое и кока-колу. Глухой говор голосов заглушали бесконечные репортажи из транзисторных приемников, пристроенных между бутылок, и доносившиеся из-за дюн далекие звуки с площадки аттракционов.

Чуть ниже террасы был расположен пляж, усеянный множеством распростертых фигур и тянувшийся от самой воды до шоссе, проходившего позади кафетерия, исчезая дальше за дюнами. Не видно было ни песчинки. Даже у кромки воды, в этот час затишья между приливом и отливом еле-еле плескавшейся, баюкавшей пачки из-под сигарет и иной мусор, на самом краю пляжа, толкалась, взметая серый песок, толпа ребятишек.

Снова глядя на пляж, Пелхэм понял, что недобрые слова жены бьют в самую цель. Повсюду в воздухе торчали голые ляжки и плечи; на песке раскинулись чьи-то руки и ноги. Несмотря на солнце и довольно длительное пребывание на пляже, кожа у многих неофитов по-прежнему оставалась белой, в лучшем случае — ярко-розовой, словно ошпаренная. Вся эта куча плоти

ерзала по песку в бесплодных попытках найти идеальное положение.

Глянув вдоль пляжа, простиравшегося до далекого мыса, Пелхэм, как наяву, увидал в воздухе зловонное марево, поддерживаемое снизу звуковой волной гомона десяти тысяч транзисторов. В другой ситуации вид теснящейся и толкающейся чрезмерно оголенной людской массы, отдающей отвратительным амбре застарелого крема для загара и пота, заставил бы его тотчас повернуть прочь и удалиться по первой же ведущей от моря дороге на скорости в сто километров в час. Но на сей раз обычная неприязнь Пелхэма к массовости почему-то улетучилась. В присутствии такого множества людей — он уже подсчитал, что на отрезке пляжа протяженностью в пять миль он может видеть более пятидесяти тысяч человек, — Пелхэм испытывал странное оживление и не хотел покинуть террасу, хотя было уже три часа, и ни он, ни Милдред ничего не ели с самого завтрака. Стоит только встать, и назад этих мест в уголке ни за что не получишь.

«Поешь мороженого на пляже Эхо…» — вообразил он рекламный слоган и поиграл стоявшим перед ним пустым стаканом. К его стенкам пристали волокна апельсиновой мякоти, инте-

ресовавшие лениво кружащую над ними муху. Море было гладкое и спокойное, как непрозрачное серое зеркало, но в миле от берега, словно пар над ушатом, низко, у самой воды, висел туман.

— У тебя разгоряченный вид, Роджер. Может, сходишь искупаться?

— Можно. Знаешь, странная вещь. Из всех людей на пляже никто не купается.

Со скучающим видом Милдред кивнула. Крупная, инертная женщина, она, по-видимому, была бы вполне довольна просто посидеть на солнышке и почитать книжку. Однако она-то и предложила поехать на пляж и в качестве исключения удержалась от обычного ворчания, когда они попали в первую большую пробку и были вынуждены покинуть машину и пройти две оставшихся мили пешком. Пелхэм десять лет не видел, чтобы она так ходила.

— Странно, — сказала она. — Но сегодня не особенно и жарко.

— Не думаю. — он собирался было продолжить, но внезапно вскочил и через парапет террасы стал всматриваться в пляж. Посередине его, параллельно набережной, по стихийно образовавшемуся проходу бесконечной цепью двигались люди, протискиваясь мимо друг друга

с бутылками кока-колы, лосьоном и мороженым.

— В чем дело, Роджер?

— Да, ничего… Мне почудилось, будто я увидел Шеррингтона.

Пелхэм осматривал пляж, не обнаруживая там больше никого похожего.

— Вечно тебе мерещится Шеррингтон. Только сегодня это уже четвертый раз. Перестань волноваться.

— Я и не волнуюсь. Не уверен, конечно, но мне показалось, что в тот момент я видел Шеррингтона.

Неохотно Пелхэм снова сел, понемножку пододвигая стул к парапету. Несмотря на то, что он пребывал в состоянии вялости и праздной скуки, неопределенное, однако вполне отчетливое ощущение беспокойства владело им весь день. Каким-то образом оно было связано с пребыванием Шеррингтона на пляже, и эта тревога постепенно возрастала. Вероятность того, что Шеррингтон, его коллега в университете по факультету физиологии, действительно выбрал эту часть пляжа, была ничтожна. Пелхэм не понимал, почему, собственно, был убежден, что Шеррингтон тут. Возможно, эти обманчивые видения — тем более невероятные ввиду черной бороды, сурового,

с высоким лбом лица и сутулой, при длинных ногах, фигуры Шеррингтона — были попросту продолжением внутреннего напряжения и его странной зависимости от коллеги.

Ощущение беспокойства было свойственно не одному Пелхэму. Хотя Милдред и не поддавалась ему, большинство людей на пляже, как видно, разделяло настроения Пелхэма. С течением времени безликий общий гомон уступил место обрывкам вдруг завязывавшихся отдельных разговоров. Временами гул вообще прекращался, и огромная толпа, словно несметное сборище фанатов, ожидающих начала какого-то надолго задержанного концерта, привстав, садилась, нетерпеливо ерзая на месте. Пелхэму, со своего поста ведущему чуткий надзор за пляжем, сигналом таких приливов беспокойной активности, когда все люди огромным, во всю длину пляжа валом подавались вперед, служил металлический блеск тысяч портативных приемников. Извиваясь и сверкая, блеск напоминал ему волну на экране осциллографа. Каждый раз во время очередного «приступа», повторявшегося примерно с промежутком в полчаса, толпа, казалось, пододвигалась чуточку ближе к морю.

Прямо у бетонного основания террасы среди

массы развалившихся на песке фигур расположилось большое семейство, устроив себе нечто вроде отдельного загона. В одном его конце, буквально рукой подать от Пелхэма, вырыли себе гнездо юные отпрыски, их распростертые угловатые тела в мокрых коротеньких купальниках переплелись друг с другом и высовывались из этого клубка наподобие какого-то странного кольчатого животного. Через бесконечный шум, долетавший с пляжа и от аттракционных площадок, и сквозь бессмысленную болтовню соседей до Пелхэма доносились обрывки радиорепортажа по хрипучему транзисторному приемнику, то и дело соскакивавшему с пойманной волны.

— Вот-вот запустят новый спутник, — сказал он. — «Эхо XXII».

— И чего стараются? — Равнодушные голубые глаза Милдред разглядывали марево вдали над морем. — По-моему, их и так более чем достаточно.

— Ну…

Пелхэм замолчал, не решаясь расценивать скупую реплику жены как приглашение к разговору. Хотя она была замужем за преподавателем Школы физиологии, ее интерес к ученым материям сводился почти что к огульному осуждению

всей этой сферы. К его работе в университете она относилась с мучительной для него терпимостью, презирая его пребывавший в вечном беспорядке кабинет, студентовлодранцев и старое лабораторное оборудование. Пелхэму так и не удалось выяснить, какую профессию она уважала. До женитьбы, как он понял впоследствии, она хранила вежливое молчание относительно его деятельности, и за одиннадцать лет супружества отношение это вряд ли изменилось, хотя трудности существования на его скудное жалованье побудили ее заинтересоваться тонкой, сложной и бесконечно утомительной игрой «тише едешь — дальше будешь» в области служебных продвижений.

Как и следовало ожидать, ее ядовитый язычок привлек на их сторону мало друзей, но — любопытный парадокс — Пелхэм чувствовал, что ему шло на пользу неприязненное уважение, завоеванное супругой. Порой ее язвительные замечания, высказанные на каком-нибудь чересчур затянувшемся приеме неизменно громким голосом, во время паузы в разговоре восхищали Пелхэма своей ядовитой точностью. Например, как-то раз она назвала престарелого предводителя факультета физиологии, увлекавшегося

идеями большевизма, «пародией Ленингхауза» в присутствии находившейся от нее не далее чем в пяти шагах жены профессора. Но вообще-то в ее непоколебимом отсутствии сострадания к остальной части рода человеческого было что-то пугающее. Круглое, равнодушное лицо с церемонно поджатыми, похожими на бутон розы губами напомнило Пелхэму одно шуточное описание Моны Лизы, где утверждалось, будто у нее «вид женщины, съевшей на обед собственного мужа».

Милдред, однако, даже не улыбалась.

— У Шеррингтона довольно занятная теория относительно спутников, — сказал Пелхэм. — Я надеялся, что, может, мы его встретим и он снова объяснит ее тебе. Думаю, тебе будет любопытно послушать. В настоящий момент он исследует ВИП…

— ВИП-персон?

Сидевшая позади них компания включила приемник погромче, и у них над головой загремел репортаж с мыса Кеннеди с последним перед стартом отсчетом времени.

— ВИП, — пояснил Пелхэм, — это «врожденные инициирующие протоколы». Я уже тебе о них рассказывал. Это рефлексы, передаваемые по наследству…

Он осекся, робко таращась на Милдред. Та перевела на него отсутствующий взгляд, прежде обращенный к остальной публике на пляже.

— Милдред, — с недовольством бросил Пелхэм. — Я же пытаюсь объяснить теорию Шеррингтона о спутниках…

Милдред невозмутимо покачала головой.

— Роджер, здесь так гудят, что я все равно ничего не могу слушать. А тем более теории Шеррингтона.

Почти незаметно по пляжу прокатилась новая волна беспокойства и активности. Возможно, в ответ на кульминацию счета в репортажах с далекого мыса Кеннеди люди, привстав, садились и отряхивали песок со спин друг друга. Пелхэм наблюдал, как заплясали солнечные зайчики, отражаясь от хромированных транзисторов и зеркальных стекол солнцезащитных очков, когда взволновался и пришел в движение весь пляж. Гул заметно стих, и сквозь него яснее послышался звук музыки на площадке аттракционов. Повсюду происходило одно и то же исполненное ожидания копошение. Пляж представлялся Пелхэму, взиравшему на него полуприкрытыми от ослепительного света глазами, огромной ямой, кишевшей белыми змеями.

Где-то раздался громкий женский крик. Пелхэм, сидя, подался вперед, вглядываясь в ряды скрытых под темными очками лиц. В воздухе стояло резкое напряжение, неприятное, почти зловещее ощущение неистовой энергии, бурлящей под оболочкой спокойствия и порядка.

Постепенно, однако, активность спала. Огромная толпа успокоилась и вновь растянулась на песке. Маслянистая вода лизала неподвижные ступни людей, лежавших у кромки. Над пляжем пролетел легкий ветерок, вызванный волнением в открытом море, разнося сладковатый запах пота и лосьона для загара. Пелхэм отвернулся, почувствовав, как ему сводит горло от приступа дурноты. Вне всякого сомнения, homo sapiens в массе, размышлял он, представляет собой более отвратительное зрелище, чем чуть ли не все остальные виды животных. Загон с лошадьми или молодыми быками производит впечатление могучей нервной грации, тогда как это скопище коленчатой, бесцветной, как у альбиносов, распростертой на песке плоти напоминает больную фантазию художника-сюрреалиста на анатомические темы. Что привело сюда всех этих людей? Прогноз погоды на утро был не очень благоприятен. Большинство сообщений было

посвящено известиям о предстоящем запуске спутника, последнего звена всемирной системы связи, которая обеспечит каждый квадратный фут земной поверхности качественной телевизионной связью с одним из десятка сателлитов, выведенных на орбиту. Очевидно, окончательное и бесповоротное сведение этого воздушного моста побудило всех отправиться на ближайший пляж и в знак покорности свершить там символический акт самообнажения.

Пелхэм беспокойно заерзал на стуле, неожиданно ощутив, как впивается в локти ребро металлической столешницы. Сидеть на сбитом из узких планок дешевом стуле было неудобно и больно, словно его тело было втиснуто в железный футляр с шипами и зажимами. Странное предчувствие чего-то ужасного опять шевельнулось в его душе, и он посмотрел на небо, почти ожидая увидеть самолет, терпящий крушение аккурат над всей этой собравшейся многоликой толпой.

— Удивительно, каким популярным может сделаться загорание на пляже, — сказал он. — Перед Второй мировой войной это превратилось в Австралии в серьезную проблему.

Оторвавшись от книги, Милдред, мигая, под-

няла глаза.

— Им, наверное, больше нечего было делать.

— В том-то и дело. Пока люди готовы проводить все время, растянувшись на пляже, мало надежды создать другие виды отдыха. Загорать антиобщественно, ибо это абсолютно пассивное времяпрепровождение. — он понизил голос, заметив, что сидевшие вокруг них люди оглядываются через плечо и, навострив уши, прислушиваются к его чеканной речи. — С другой стороны, оно, конечно, сближает людей. Воистину коммунистическое, если подумать, действо. В голом, ну или в полуголом виде принцессу и в самом деле не отличишь от нищенки…

— Вот даже так?

Пелхэм передернул плечами.

— Ну да. Но, по-моему, гораздо интереснее психологический аспект пляжа. Особо важна полоса прилива, промежуточная область, одновременно и принадлежащая морю, и находящаяся выше его, извечно наполовину погруженная в неизвестность времени. Если принять море за воплощение подсознания, тогда стремление на пляж можно рассмотреть как попытку к бегству от экзистенциальной роли в повседневной жизни и возвращению в извечное время-море…

— Роджер, помилуй. — Милдред устало отвела взгляд в сторону. — Ты говоришь сейчас совсем как Чарльз Шеррингтон.

Пелхэм снова уставился на море, пока радиокомментатор сообщал местоположение и скорость удачно запущенного спутника, рапортовал о его пути вокруг земного шара. От нечего делать Пелхэм подсчитал, что спутник долетит сюда минут через пятнадцать, примерно в полчетвертого. Его, разумеется, не будет видно с пляжа, хотя последние работы Шеррингтона по восприятию инфракрасных лучей позволяли предположить, что часть насылаемого солнцем коротковолнового излучения неосознанно воспринимается сетчаткой глаза. Думая о том, какие перспективы открывает это перед политиками и рекламщиками, Пелхэм слушал стоявшее внизу на песке радио. Вдруг к приемнику протянулась длинная белая рука и выключила его. Владелица руки, полненькая девушка с белой кожей и лицом безмятежной Мадонны, чьи круглые щеки обрамляли кудряшки черных волос, перекатилась на спину, отстраняясь от своих приятелей, и с минуту они с Пелхэмом смотрели друг другу в глаза. Нарочно выключила, решил он, чтобы он не смог услышать репортаж, но потом сообразил,

что на самом деле девушка слушала его и надеялась, что он возобновит свой монолог.

Польщенный, Пелхэм рассматривал круглое, серьезное личико девушки, ее вполне сложившуюся, но еще немного детскую фигурку, распростертую на песке чуть ли не в такой же близости от него и в таком же обнаженном виде, в каком она могла быть, находясь в одной с ним постели. Ее откровенное, юношеское, притом странно снисходительное выражение ничуть не изменилось, и Пелхэм отвернулся, не желая признавать его смысла, с болью осознав вдруг всю глубину своего смирения перед Милдред и существование теперь уже непреодолимой изоляции, исключавшей из его жизни всякую возможность испытать что-то новое, настоящее. За десять лет тысячи принимавшихся ежедневно компромиссов и предосторожностей ради того, чтобы их жизнь была сносной, выделяли свои дурманящие, обезболивающие соки, и все, что осталось от его личности со всеми ее возможностями, было заспиртовано, как образец в банке. Некогда он презирал бы себя за такое пассивное подчинение обстоятельствам, но сейчас ему была недоступна любая реальная самооценка, ибо не существовало больше никаких критериев,

по каким он мог бы оценить себя. В самом деле, его положение отличалось большей глубиной грехопадения, чем у этого вульгарного глупого стада, окружавшего его.

— Там что-то в воде, — Милдред махнула рукой вдоль пляжа.

Пелхэм посмотрел в ту сторону, куда указывала ее поднятая рука. В двухстах ярдах от них у кромки волн собралась небольшая толпа; буруны лениво плескались у их ног, пока люди наблюдали за чем-то на мелководье. Многие для защиты от солнца подняли над головой газеты. Пожилые женщины стояли, зажав юбки между колен.

— Ничего не могу разобрать, — Пелхэм почесал подбородок; его внимание отвлек человек с бородой, стоявший выше его на краю набережной, — лицо не Шеррингтона, однако удивительно похожее. — Как будто ничего опасного. Может, выбросило на берег необыкновенную морскую рыбу.

На террасе и пляже все ожидали чего-то, в предвкушении вытянув головы вперед. Чтобы уловить любые звуки от стоявшей в отдалении группы, они приглушили транзисторы, и по пляжу, подобно громадной черной туче, застилающей солнце, волной пробежало молчание.

Почти полное отсутствие всякого шума и движения после стольких часов надоедливой возни казалось странным и жутким, придавая тысячам смотрящих на море людей вид сосредоточенно ушедших в себя.

Стоявшая у воды группа не двигалась с места, даже ребятишки невозмутимо разглядывали то, что привлекло внимание родителей. Впервые за все время обнажилась узкая полоска пляжа: беспорядочно брошенные там, наполовину засыпанные песком транзисторы и пляжные принадлежности напоминали свалку металлолома. Постепенно пустоты заполнялись вновь прибывшими с набережной, однако маневр этот не привлек внимания застывшей у воды группы. Пелхэму они показались похожими на семейство кающихся пилигримов, которые, совершив длинный путь, стояли теперь у священных вод, кротко дожидаясь, пока животворные силы сотворят чудо.

— Что же там происходит? — спросил Пелхэм через несколько минут. Группа у воды по-прежнему не проявляла ни малейшего признака движения. Он заметил, что, следуя линии берега, они выстроились не полукругом, а по прямой. — Они вообще ни на что не смотрят.

Марево находилось теперь над морем всего в пятистах ярдах, закрывая контуры громадных валов. Абсолютно непроницаемая вода походила на горячую нефть, набегавшие время от времени на берег небольшие волны лениво уходили в песок, смешанный с мусором и пачками из-под сигарет, оставляя после себя маслянистые пузыри. Пиная таким образом берег, море походило на поднявшееся из глубин огромное морское животное, слепо пытающееся ухватиться за песок.

— Милдред, я на минутку схожу к воде. — Пелхэм встал. — Там что-то чудное. — он запнулся и показал на пляж по другую сторону террасы. — Погляди — еще группа. Что же это?..

И снова, не отрывая взгляда от моря, в семидесяти пяти ярдах от террасы у самой воды выстроилась вторая группа. Всего на пляже собралось уже человек двести. В полном молчании они смотрели на море прямо перед собой. Пелхэм заметил, что нервно хрустит костяшками пальцев. Обеими руками он ухватился за парапет террасы, чтобы удержаться и не пойти туда. Его останавливала лишь толчея на пляже.

На этот раз интерес толпы через несколько минут иссяк, и глухой гул голосов снова воцарился над всем и вся.

— Бог знает, что они там делают. — Милдред повернулась к группе спиной. — Вон еще одни. Наверное, ждут чего-то.

И действительно, у кромки воды выросло уже с полдюжины таких групп, стоявших почти на одинаковом — в сотню ярдов — расстоянии друг от друга. Пелхэм внимательно всматривался в дальний конец бухты, стараясь отыскать какие-нибудь признаки моторной лодки. Он поглядел на часы. Было почти три тридцать.

— Не может быть, чтобы они чего-нибудь ждали, — сказал он, пытаясь скрыть, что нервничает. Под столом его ноги беспокойно отбивали чечетку, упираясь в засыпанный песком цемент. — Единственное, чего можно ждать, — это спутник, но его все равно никто не увидит. Очевидно, что-то в воде. — при упоминании о спутнике он снова вспомнил Шеррингтона. — Милдред, ты не думаешь…

Прежде, чем он успел продолжить, сзади под странным углом, словно собираясь протиснуться к парапету, встал мужчина, вонзив в спину Пелхэма острое ребро своего стула. Пока тот пытался привести его в равновесие, Пелхэма окутал едкий запах пота и прокисшего пива. Он увидел уставившийся в одну точку остекленевший взгляд

мужчины, шершавый небритый подбородок и открытый, подобно жерлу орудия, рот; все это с какой-то импульсивной жадностью было обращено к морю.

— Спутник!

Высвободившись, Пелхэм извернулся и посмотрел на небо. Оно было бледнолубое и равнодушное, без единого самолета или птицы, хотя нынче утром чайки попадались в двадцати милях от берега, словно в предчувствии шторма. Яркий свет резал глаза, и неясные светящиеся точки взмыли и судорожно заплясали по кругу на фоне неба. Однако одна из них, появившаяся, по-видимому, на западном горизонте, непрерывно двигалась вперед по краю его поля зрения, тусклым пятнышком приближаясь к нему.

Вокруг них поднимались люди — по полу заскрежетали передвигаемые стулья. С одного столика свалились несколько бутылок и разбились на цементном полу.

— Милдред!

Под ними в огромной, беспорядочной, простиравшейся, насколько хватало глаз, свалке люди медленно поднимались на ноги. Неясный шепот сменился более настойчивым и жестким звуком, эхом отдававшимся над головой с обоих концов

пляжа. Казалось, весь пляж задергался и судорожно зашевелился. Лишь фигуры людей у воды оставались недвижны. Теперь они образовали вдоль берега сплошной заслон, закрыв собой море. К ним все время подходили новые и новые, и в отдельных местах друг другу в затылок стояло до десяти человек.

На террасе все тоже теперь стояли. Теснимые прибывающими, толпы людей с пляжа подавались вперед. Располагавшееся под ними семейство футов на двадцать отодвинулось к морю.

— Милдред, ты нигде не видишь Шеррингтона? — Удостоверившись по ее часам, что было ровно три тридцать, Пелхэм потянул ее за плечо, стараясь привлечь ее внимание. Жена посмотрела на него оледеневшим взглядом, с гримасой полного непонимания. — Милдред! Нужно выбраться отсюда! Шеррингтон убежден, — хрипло прокричал он, — что мы можем видеть какую-то часть инфракрасных лучей, исходящих от спутника, и лучи эти могут сложиться в такую систему, что активирует ВИПы, эти врожденные инициирующие протоколы! Паттерны, заложенные миллионы лет назад, когда вокруг Земли летали *другие космические корабли*. Милдред!..

Неведомая сила подняла их так, будто они превратились в беспомощные манекены, и притиснула к ограде кафетерия. Огромная толпа текла вниз, к воде, и весь пятимильный склон затопил людской поток. Все молчали с одинаково отрешенным и застывшим на лице выражением, какое бывает у людей, уходящих со стадиона после поражения любимой команды. За спиной в парке аттракционов бессмысленно крутилось чертово колесо с пустыми кабинками. Через плечо Пелхэм взглянул на площадку в полукилометре от пляжа. Среди пестрых строений все еще крутилась-вертелась пустующая карусель. Он решительно подтолкнул Милдред к парапету, помог ей соскочить на песок и попытался выбраться на набережную. Но как только они завернули за угол здания, встречный людской поток объял их и поволок назад по трещавшим под ногами транзисторам и бутылкам.

По-прежнему держась вместе, они, когда немного спал напор давившей сзади толпы, смогли нащупать землю под ногами. Вновь обретя равновесие, Пелхэм продолжал:

— …Шеррингтон считает, что кроманьонец доходил от страха до безумия, вроде гадаринских свиней, — большинство их захоронений обнару-

жено на берегах озер. Рефлекс может оказаться слишком силен… — тут он прервал свою речь.

Гул внезапно утих, и огромное скопище, заполонившее теперь пляж до последнего дюйма, безмолвно стояло, обратив лицо к морю. Пелхэм тоже повернулся к морю, где туманное марево уже всего в пятидесяти футах от берега огромными клубами надвигалось на них. Слегка склонив головы набок, передовая линия толпы безучастно взирала на высоко вздымавшиеся валы. От поверхности воды шло яркое, пульсирующее, призрачное сияние огромного накала, и по сравнению с ним воздух на пляже казался серым. Неподвижные фигуры людей в этом странном фильтре напоминали надгробные статуи.

Наискось от Пелхэма, ярдах в двадцати впереди, стоял высокий человек с мирным, задумчивым выражением лица — борода и высоко подстриженные виски безошибочно указывали, кто он такой.

— Шеррингтон! — закричал было Пелхэм. Он невольно посмотрел при этом на небо и почувствовал, как светящаяся точка обожгла ему сетчатку.

На увеселительной площадке позади них в пустом воздухе кружила музыка.

Это было последнее, что он успел почувствовать, потому что в следующий миг толпа, охваченная единым порывом, снесла его и поволокла за собой в морскую пучину.

1962

The Reptile Enclosure (альтернативное название The Sherrington Theory). Первая публикация в журнале Amazing, март 1963.

Проблема возврата
Перевод Г. Соловьевой

Они весь день шли вверх по течению, иногда останавливаясь, чтобы поднять и очистить от намотавшихся водорослей винт — и к трем часам покрыли примерно семьдесят пять миль. В пятидесяти ярдах по сторонам патрульного катера высокой стеной поднимались джунгли — *mato grosso* Амазонки, протянувшиеся от Кампос Бурос до дельты Ориноко. Телеграфная контора Трес Буритис, от которой они начали путь в восемь утра, осталась далеко позади, но река не становилась у́же, а течение — слабее. Неизменный сумрачный лес укрывал воду у берегов черным бархатным покрывалом. Временами попадались разливы, где вода стояла почти неподвижно, а медлительная маслянистая рябь, тревожившая поверхность, превращала ее в отяжелевшее отражение далекого, таинственного неба с островками бальзовых стволов, разбитых многослойной дымкой на дрейфующий сказочный архипелаг. Потом русло снова сужалось, и катер окутывала прохладная темнота джунглей.

Первые несколько часов Коннолли провел у борта вместе с капитаном Перейрой, но скользящие мимо бесконечные зеленые берега скоро ему наскучили, и с полудня он сидел в рубке, притворяясь, что изучает схему траектории. Время здесь тянулось, пожалуй, еще медленнее, зато было прохладнее и не так уныло. Жужжа, крутился вентилятор, потрескивал водорез, шептали струи у гладких бортов, и все это успокаивало головную боль от тепловатого пива, выпитого за компанию с Перейрой после завтрака.

Первая встреча с джунглями разочаровала Коннолли. До сих пор его опыт ограничивался работами на озере Маракайбо, где от леса остались лишь деревянные скелеты нефтяных вышек, торчащие над водой. Фауну заменяли ржавые корпуса судов, тяжелые драги и понтоны. В амазонских лесах он надеялся увидеть все разнообразие и богатство природы, а нашел только заросшее, нетронутое болото, скорее мертвое, чем живое, — образчик бесхозяйственности в континентальном масштабе. Трудно было определить границы реки, разве что гниющие стволы складывались в подобие набережной, но строгих берегов не было: на сотни ярдов мелководье сливалось с подлеском, заливая и без того утопа-

ющие в сырости заросли.

Коннолли попытался высказать свое разочарование Перейре, который сидел под палубным навесом и хладнокровно покуривал сигару — отчасти в отместку за вежливое презрение к себе и своей миссии. Не только Перейра, но и другие знакомые Коннолли по Венесуэле и Бразилии служащие «Миссии защиты туземцев» считали джунгли со всеми их тайнами своей вотчиной и не собирались делиться с румяными пришельцами в отглаженных мундирах. На капитана Перейру не произвели впечатления ни шевроны с орбитальным значком ООН на плечах Коннолли, ни спущенная с верхов просьба о содействии, телеграфированная бразильской миссией три недели назад. Очевидно, офисы столичных небоскребов были так же далеки от Перейры, как Нью-Йорк, Лондон и Вавилон.

Внешне капитан проявлял готовность помочь: присмотрел за командой, грузившей снаряжение, проверил его «Смит-Вессон», поменял пару негодных противомоскитных сапог. Пока Коннолли не надоело, он дружелюбно поддерживал беседу, указывал на особенности местности и называл необычных птиц и ящериц, сидевших на ветвях над водой.

Однако его равнодушие к настоящей цели миссии — капитан едва кивнул, выслушав объяснения Коннолли, — скоро стало бросаться в глаза. Это безразличие раздражало: как будто Перейра только и делает, что катает по реке следователей ООН, разыскивающих пропавшие космические капсулы, как прочих туристов в поисках легендарного Эльдорадо. Мало того, такое поведение наводило на мысль, что Коннолли и сотни других поисковиков на материке зря стараются. Что ни говори, намекал Перейра, с возвращения космического корабля «Голиаф 7» минуло пять лет и продолжать поиски в гуще южноамериканских лесов попросту неприлично, отдает некрофилией. У пилота не было ни малейших шансов выжить, так что его следовало бы почтительно забыть, поставив памятник у какого-нибудь вокзала или аэропорта и доверив его голубям.

Коннолли охотно объяснил бы причины столь упорных поисков, среди которых моральные соображения перевешивали даже политические и технические. Он бы напомнил, что пропавший астронавт, полковник Фрэнсис Спендер, взяв на себя огромный риск полета на Луну и обратно, заслужил, чтобы для его спасения сделали все возможное. Он бы сказал Перейре, что успешная

высадка на Луне после полудюжины неудачных попыток — по меньшей мере трое неудачливых пилотов и теперь вращались вокруг Луны на мертвых кораблях — стала кульминацией вековых стремлений человечества, причиной глубочайших психологических перемен, а потерянный после возвращения астронавт нанесет людям неизлечимую травму вины и беспомощности. Если море было символом бессознательного, то не был ли космос образом необузданного времени, а его недоступность — знаком трагического изгнания на одну из окраин вечности, символом смерти в жизни?..

Только капитана Перейру все это не интересовало. Невозмутимо вдыхая пряный аромат сигары, он озирал с борта проплывавшие мимо гнилые болота.

Незадолго до полудня, когда катер прошел около сорока миль, Коннолли указал капитану на остатки бамбукового причала, приподнятого над берегом на столбиках. От него в мангровые заросли тянулся подвесной мостик на потрепанных канатах, а сквозь прореху в зарослях виднелась поляна с заброшенными глинобитными хижинами, похожими в солнечном свете на осевшие кучки навоза.

— Это их лагерь?

Перейра покачал головой.

— Племя эспирро в близком родстве с намбикварами. Три года назад кто-то из них занес с телеграфной станции грипп, началась эпидемия, которая перешла в легочную форму, и триста индейцев вымерли за сорок восемь часов. Община распалась, выжили всего пятнадцать мужчин с семьями. Очень жаль.

Они подошли к мосткам и стояли рядом с высоким рулевым-негром, пока двое из команды укладывали секции проволочной сетки в клетку над палубой. Перейра в бинокль рассматривал реку впереди.

— С тех пор как эспирро покинули эти места, намбы хозяйничают и здесь. Мы их, конечно, не увидим, но убедиться не помешает…

— Вы хотите сказать, индейцы нам враждебны? — спросил Коннолли.

— Они бы так не сказали. Но между собой у них постоянная вражда и стычки, так что здесь, вдали от поселений, можно нечаянно угодить под удар. В селениях опасаться нечего — там установилось подобие равновесия. Хотя осторожность не помешает. Сами увидите, они нервные как птицы.

— Как же Райкер сумел с ними поладить? Он

ведь не один год здесь провел?

— Двенадцать лет. — Перейра присел на планшир и сдвинул фуражку на затылок. — Райкер — особый случай. Темперамент у него довольно взрывной — хочу вас предупредить, обращайтесь с ним осторожнее. Ему недолго заварить кашу… Но Райкер сумел приобрести положение в племени, вроде третейского судьи в вопросах межплеменной мести. Как он этого добился, до сих пор не знаю: для индейцев такое отношение к белым — редкость. Впрочем, нам это на пользу, мы, может быть, даже учредим здесь миссию. Хотя это почти невозможно: однажды пытались, так индейцы просто взяли и переселились на пятьсот миль от нас.

Коннолли снова взглянул на ветхий причал, уже скрывавшийся за излучиной и почти неотличимый от столь же безрадостных и убогих джунглей.

— Чем же Райкер здесь занимается?

В Бразилии Коннолли немного рассказывали об этом странном персонаже, журналисте и авантюристе, самозваном гражданине мира, который после сорока лет прозябания среди позолоченных божков цивилизации вдруг скрылся в дебрях Амазонки, где поселился с одним из туземных

племен. Современные гогены — большей частью невротики или разуверившиеся в себе люди, но Райкер, похоже, был из настоящих. Последний представитель рода истинных индивидуалистов, презирающих регламентированную и разгороженную колючей проволокой жизнь двадцатого века. Однако избранный им рай выглядит вблизи довольно обшарпанным и убогим, отметил Коннолли. Впрочем, лишь бы этот человек сумел навербовать индейцев на несколько поисковых отрядов, а большего от него не требуется.

— Не понимаю, почему Райкер выбрал бассейн Амазонки. Тихоокеанское побережье — да, но здешние индейцы, как я вижу и вы подтверждаете — болезненное и жалкое племя, едва ли достойное звания благородных дикарей.

Капитан Перейра, уставившись на маслянистую воду, пожал плечами. Тень от проволочных сеток разрисовала его пухлое желтоватое лицо. Застенчиво рыгнув, он поправил портупею.

— Насчет Тихоокеанского побережья не знаю, но догадываюсь, что и его приукрашивают. Да и Райкер сюда не видами любоваться приехал. Индейцы же, верно, болезненные и довольно жалкие. Возможно, лет через пятьдесят они окончательно вымрут. Но пока живы, они все же

ведут вольную, естественную жизнь, для которой все мы, по большому счету, созданы. Жизнь эта невероятно трудна, а они выживают. — Капитан хитро улыбнулся Коннолли. — Непременно обсудите это с Райкером.

Они помолчали, сидя у борта и глядя, как разворачивается впереди река. Изнемогающие деревья теснились по берегам, умирающие испускали дух среди живых, расталкивали друг друга, словно в последнем отчаянном рыке к патрульному катеру с его пассажирами. Следующие полчаса, пока не вскрыли упаковку с завтраком, Коннолли высматривал среди крон мятую ткань гигантского парашюта, который должен был доставить капсулу на землю. Прочная материя не гниет и должна быть заметна, как огромная птица над крышей листвы. Однако после пива он почувствовал себя усталым и спустился в каюту.

Два стальных ящика с поисковым оборудованием задвинули под штурманский столик. Коннолли их выдвинул и убедился, что влагопрочная упаковка не повреждена. На визуальный поиск он почти не надеялся, но если капсула уцелела, у нее должны действовать радар и радиомаяк, передающие, правда, всего на двадцать миль, но вполне распознаваемые вблизи. Однако всю

северную половину Южной Америки прочесали с воздуха, так что вряд ли маяки еще действовали. Исчезновение капсулы доказывало, что она получила по меньшей мере легкие повреждения, и за прошедшее время влажный воздух должен был разъесть батареи.

В последнее время в космическом департаменте ООН стали поговаривать, что полковник Спендер ошибся на входе в атмосферу, и капсула испарилась при падении, но Коннолли подозревал, что эти разговоры ведутся, чтобы умиротворить общественное мнение и подготовить его к возобновлению космической программы. Прочесанное драгами озеро Маракайбо, как и его присутствие на этом катере, доказывало: в департаменте еще верят, что полковник Спендер жив или хотя бы пережил посадку. Предпосадочный виток орбиты должен был нацелить его в пятисотмильную зону восточнее Тринидада, но последняя радиограмма перед тем, как ионизация частиц вокруг капсулы прервала связь, указывала, что аппарат не дотянул до расчетной точки и должен спуститься где-то в материковой части Южной Америки, на линии от Маракайбо до Бразилии.

На трапе прозвучали шаги, в рубку спустился капитан Перейра. Бросив фуражку на штурман-

ский столик, он сел спиной к вентилятору — так, что струя обдувала поредевшие волосы и доносила до Коннолли неаппетитный аромат чеснока и дешевой помады.

— Вы разумный человек, лейтенант. Только сумасшедший стал бы торчать на палубе. Однако… — капитан указал на бледное лицо и руки Коннолли, отпечаток долгой нью-йоркской зимы, — жаль, что вы отказываетесь от солнечной ванны. Столичная бледность индейцам в диковинку.

Он добродушно улыбнулся, показав желтоватые зубы, рядом с которыми его оливковая кожа казалась еще темнее.

— Очень может быть, что до вас им не приходилось видеть настоящих белых.

— А Райкер? Он ведь белый?

— Теперь — чернее черного. Не отличишь от индейца, если бы не рост — в нем семь футов.

Капитан наклонился к стоявшим на другом конце скамьи коробкам, порылся в них. Внутри обнаружилась странная коллекция: клубки пряжи и непряденого хлопка, комки воска и смолы, паста из семян уруку и бисер.

— Это убедит их в вашей благожелательности.

Коннолли смотрел, как капитан собирает ко-

робки.

— На сколько поисковых партий здесь хватит? Мне на подарки выделили пятьдесят долларов.

— Это хорошо, — деловито кивнул Перейра. — Купим еще пива. Не подумайте чего, лейтенант, просто эти люди не продаются. Придется вам положиться на их добрую волю, а этот хлам — только чтобы привести их в подходящее расположение духа для разговора.

Коннолли коварно усмехнулся.

— Мне главное их расшевелить и выгнать в лес. Как вы будете организовывать поиск?

— Да уже искали.

— Что? — подался к нему Коннолли. — Как? Почему они не дождались… — Он оглянулся на тяжелые ящики с оборудованием. — Они же не знали, как…

Перейра остановил его, подняв руку.

— Успокойтесь, мой дорогой лейтенант, я выразился фигурально. Как вы не понимаете: это кочевой народ, они всю жизнь в движении. За пять лет индейцы по сто раз исходили каждый квадратный фут леса. Нет смысла их снова туда посылать. У вас одна надежда — если они что-то видели, и их удастся разговорить.

Пока Перейра разворачивал следующий пакет,

Коннолли обдумывал сказанное.

— Хорошо, но я, может быть, захочу сделать несколько разведочных выходов. Не сидеть же мне на месте три дня.

— Естественно. Не волнуйтесь, лейтенант. Если ваш астронавт сел в пределах пятисот миль отсюда, они об этом знают.

Развернув пакет, он извлек миниатюрный тиковый футляр. Передняя панель откидывалась, открывая циферблат больших настольных часов из бронзового сплава с золоченым куполом колокольчика над готическими стрелками и цифрами. Капитан сверил их с наручными часами.

— Хороши, идут безупречно, ни на секунду на отстали за сорок восемь часов. Райкер запишет нас в белую книгу.

— Ради бога, зачем ему часы? — покачал головой Коннолли. — Я думал, он оставил все это в прошлом.

Перейра закрыл циферблат.

— А, да ведь от чего бы мы ни бежали, всегда уносим с собой воспоминания. Райкер коллекционирует часы, это я уже третьи для него покупаю. Бог знает, что он с ними делает.

Катер изменил курс и по широкой дуге развернулся поперек течения. Струи журчали и

лепетали у борта. Мужчины вышли на палубу, где рулевой убирал часть сеток, освобождая себе вид на реку. Двое матросов вылезли из люка и встали на носу и на корме с причальными крючьями наготове.

Катер достиг широкой излучины, где поток выходил из берегов, разливаясь на полосе илистых отмелей двухсот, а то и трехсот ярдов в ширину. Вода на них стояла почти неподвижно, просачиваясь за обозначенные деревьями края, так что взгляд с трудом находил вход и выход русла. Во внутреннем изгибе излучины, где был единственный участок твердой земли, на низком свайном помосте выстроили несколько хижин. Лес с обеих сторон протягивал к ним узкие языки, но дальняя от реки сторона была расчищена под селение — кампонг. По его дальнему краю тянулись домики кладовых, полуразвалившиеся шалаши и завалы сухих пальм.

Все выглядело заброшенным, но, когда катер, выбивая из стеклянной глади султан белых брызг, подошел ближе, в тени завивших помост лиан появились индейцы и с каменными лицами уставились на пришельцев. Коннолли ожидал увидеть высоких плечистых воинов с белыми шрамами на груди и плечах, но эти индейцы вы-

глядели мелкими вырожденцами, низколобыми и плоскоголовыми, явно недоедающими. Они созерцали гостей с угрюмой настороженностью, как у забившейся в канаву бродячей собаки.

Перейра, прикрыв глаза от солнца — они пересекали солнечную дорожку на воде, — шарил взглядом по убогим бунгало из плетеного ротанга на дальнем конце помоста.

— Райкера что-то не видно. Спит или пьян? — Капитан заметил отвращение на лице Коннолли. — Да уж, неприглядное местечко.

Волна от движения катера плеснула в сальные бамбуковые сваи и подняла тем самым порыв зловония. Коннолли оглянулся на открытое зеркало разлива, на котором таял след их долгого пути к этому убогому селению. В вязкой бурой воде терялась последняя нить, связывавшая его с порядком и здравомыслием цивилизации. Странный, мертвенный дух запустения навис над этой лагуной и угрожал без явных признаков враждебности — словно вся грубая жестокость амазонских джунглей сошлась здесь в неустойчивом равновесии, нарушив которое пришелец спустил бы с цепи страшные силы. Вдали, выше по течению, огромные мертвые стволы кренились в застывшем воздухе, и дымка погружала

джунгли в беспокойную полуденную неподвижность.

Борт ударился о причал, ряд свай чуть качнулся, потревожив пару стоявших на воде долбленок. Рулевой дал задний ход, матросы завели концы. Ни один индеец и не подумал им помочь. Коннолли мельком поймал взгляд покрасневших старческих глаз, заметил сморщенное обезьянье личико и неровные зубы, жующие отвисшую губу.

Обращаясь к Перейре, он уже радовался, что капитан станет посредником между ним и индейцами.

— Капитан, я раньше не спросил… эти индейцы — каннибалы?

Перейра, придержавшись за опору, покачал головой.

— Что вы! Будь они каннибалами, их бы давно извели.

— И… белых не едят? — Коннолли поймал себя на том, что резко подчеркивает слово «белых».

— Бога ради, лейтенант! — расхохотался Перейра, поправляя форменную куртку. — Нет! Вы боитесь, что они съели вашего астронавта?

— Допускаю такую возможность.

— Уверяю вас, таких случаев не описано. Кстати

говоря, на нашем континенте это редкое явление. Оно больше распространено в Африке… и в Европе, — с юморком добавил капитан. Помолчав, он с улыбкой добавил: — Не презирайте индейцев, лейтенант. Они больны и грязны, зато живут в равновесии с природой. И с собой. Здесь вы не найдете ни Христофора Колумба, ни полковника Спендера, но и Бельзена не найдете. Пожалуй, одно стоит другого, а?

Они уже двигались вдоль помоста, тесня одну из лодчонок, нос которой со скрипом ушел под корму катера. Перейра заорал на рулевого:

— Вперед, Санчо! Еще вперед! Где этот чертов Райкер?

Взбив Ниагару бурой воды, катер продвинулся дальше, раздвинул плечами бамбуковые сваи, отчего помост слегка подпрыгнул. Когда выключили мотор и закрепили концы, Коннолли поднял голову к помосту над собой.

На него с желчным раздражением глядел рослый мужчина с тяжелым подбородком, одетый только в поношенные полотняные шорты да безрукавку с плиссированной оборкой, открывавшую грудь. Темные глаза были едва различимы под широкими полями соломенной шляпы. Мощный мускулистый торс и плечи цветом на-

поминали тиковое дерево, на котором светлели лишь белые шрамы на губах и поджившие следы ожогов на бедрах. Надменно подбоченившись, мужчина словно воплощал собой ту неукрощенную энергию, которой Коннолли так и не нашел в здешних джунглях.

Закончив рассматривать визитеров, великан взревел:

— Перейра, старый черт, ты что творишь?! Это ж ты мою пирогу притопил! Скажи своему рулевому, пусть сотрет бельма с глаз, не то я всажу ему пулю в зад!

Перейра, добродушно улыбнувшись, подтянулся на помост.

— Держите себя в руках, мой дорогой Райкер, а то как бы давление не подскочило. — он покосился на залитое водой суденышко, медленно всплывавшее из-под воды. — Да и зачем вам каноэ, вы же никуда не собираетесь?

Смягчившись, Райкер пожал капитану руку.

— Это вы так думаете. Вы с вашей треклятой миссией свалили на меня всю работу. Придете в другой раз, а я сбежал на тысячу миль вверх по реке и намба с собой прихватил.

— Грандиозный замысел, Райкер! Достоин Гомера! — Обернувшись, Перейра знаком подозвал

Коннолли. Индейцы так и торчали вокруг, словно провинившиеся в чем-то чужаки.

Райкер недоверчиво изучал мундир лейтенанта.

— Это еще кто? Очередной самозваный антрополог в поисках сальных историй? Последний раз предупреждаю, с меня хватит!

— Нет же, Райкер! Вы что, мундир не узнали? Позвольте представить: лейтенант Коннолли из нового святого братства, чьими щедротами и заботами все мы живем в мире, — из ООН.

— Что? Вы еще скажете, у него и мандат есть? Упаси боже, он станет морочить мне голову соотношением клетчатки и белков в рационе!

Этот театральный стон обнаружил в Райкере скрытые резервы едкого юмора.

— Расслабьтесь, лейтенант вежлив и обаятелен. Он работает в Департаменте космоса, отдел возврата. Разыскивает пропавшие аппараты и все такое. Вы, может быть, сумеете ему помочь. — подмигнув Коннолли, Перейра подтолкнул его вперед. — Лейтенант, это Раджа Райкер.

— Сомневаюсь, — кисло процедил Райкер, однако протянул руку, сомкнувшуюся на пальцах Коннолли как челюсти капкана. Сутулый и толстошеий, он все же на добрых шесть, если

не десять дюймов обогнал лейтенанта в росте. В ту секунду, пока он удерживал руку Коннолли, под маской недовольства на его лице мелькнула тревога.

— Когда упал ваш самолет? — спросил он. Коннолли подумал, что Райкер уже обдумывает выгоды спасательной операции.

— Довольно давно, — сдержанно ответил Перейра.

Забрав с катера пакет с настольными часами, он вслед за хозяином зашагал к дальнему бунгало. Под плетенками из ротанга скрывалась единственная комната, со всех сторон окруженная верандой. Нависающая крыша защищала ее от солнца. От леса к дому тянулись лианы, так что бунгало, слившееся с фоном пальм, представлялось упорядоченным кусочком джунглей.

— Но индейцы могли что-то слышать, — продолжил Перейра. — Собственно, это было пять лет назад.

— Господи, и вы еще надеетесь! — фыркнул Райкер.

Поднявшись по ступенькам на веранду, они застали там узкоплечего подростка с глазами как влажные камешки, блестевшими из тени навеса. Райкер, недовольно поцокав языком, подзатыль-

ником спровадил юнца со ступеней. Тот, упав на колени, подобрался, по-прежнему не сводя глаз с Коннолли, и гнусавым уханьем выразил страх и возбуждение. Оглянувшись из дверей, лейтенант заметил, что еще несколько индейцев, собравшись на причале, наблюдают за ним с таким же пугливым любопытством.

Перейра похлопал Коннолли по плечу.

— Я же говорил, вы им в диковинку. Видали, Райкер?

Тот коротко кивнул и провел их в свою «гостиную», где снял соломеную шляпу и забросил на кушетку под окном. Комната была нищей и безрадостной. Простые бамбуковые полки вдоль стен, украшенные примитивными поделками из бамбука и слоновой кости, два кресла-качалки и карточный столик посредине терялись рядом с громоздившимся у задней стены викторианским гардеробом из черного дерева. Зеркала и резное подножие превращали его в подобие соборного алтаря. На первый взгляд казалось, что гардероб прислонен к стене, но присмотревшись, Коннолли обнаружил, что задние ножки тщательно подперли мелкими клинышками, чтобы укрепить сооружение на шатком полу. Там, где множились и уходили вдаль отражения

боковых зеркал трюмо, громко тикал дешевый трехдолларовый будильник. Рядом, у стены, стоял двуствольный дробовик «винчестер».

Указав гостям на кресла, Райкер поднял жалюзи на заднем окне. За ним открывался вид на круглую деревенскую площадь. В тени хижин сидели на корточках, зажав коленями копья, несколько индейцев.

Пока Райкер расхаживал по комнате, Коннолли отметил, что его прежняя шумливость уступила место слабому, но заметному беспокойству. Заметив, что перед хижинами собирается все больше индейцев, Райкер недовольно поморщился.

В доме стоял неприятный сладковатый запах. Оглядевшись, Коннолли увидел на карточном столике шкурки мелких зверьков, водяных землероек или каких-то лесных грызунов. Обработаны шкурки были кое-как, местами на них налипли сгустки крови.

Райкер ногой подвинул столик к Перейре.

— Вот они. Двенадцать дюжин. Не так легко было добыть, скажу я вам. Часы привезли?

Перейра, так и державший сверток на коленях, кивнул и с отвращением покосился на сырые сморщенные шкурки.

— Вы к ним крысиных не подмешали? Выглядят

не очень. Может, вынесем наружу и проверим?

— Черт, Перейра, не валяйте дурака! — огрызнулся Райкер. — Лучших вы нигде не получите. Мне половину самому пришлось выделывать. Посмотрим лучше на часы.

— Минутку. — бодрая и легкая манера капитана сменилась более сухой. Пользуясь преимуществом покупателя, он брезгливо потрогал одну шкурку и помотал головой.

— Фу... Знаете, сколько мне пришлось заплатить за эти часы, Райкер? Семьдесят пять долларов! Это ваш кредит за три года. Не знаю, не знаю... Вы не слишком стараетесь помочь. К слову, об упавшем аппарате...

Райкер щелкнул пальцами.

— Забудьте. Ничего здесь не падало. Намбы мне все рассказывают. — он обернулся к Коннолли: — Поверьте, кругом ни следа никаких самолетов. Здесь кого-то спасать — только время терять.

Перейра критически разглядывал Райкера.

— Между прочим, речь не о самолете. — капитан ткнул пальцем в шеврон с орбитой на плече Коннолли. — Это была посадочная капсула ракеты — с человеком на борту! С очень важным и ценным человеком. Пилот лунохода, полковник Фрэнсис Спендер!

— Ну, если так… — Иронически вздернув бровь, Райкер шагнул к окну и оглядел индейцев, занявших уже половину площадки. — Боже мой, что же дальше будет? Вы и вправду ищете здесь вашего лунопроходца? Вот уж нашли место!

Высунувшись в окно, он рявкнул на индейцев, но те, отступив на несколько шагов, снова укрепились на позициях.

— Чертово дурачье — что им здесь, зоопарк?

Перейра, передав хозяину сверток, стал наблюдать за индейцами. Их уже собралось больше полусотни. Большинство сидели на корточках в дверях хижин, несколько мужчин помоложе точили копья.

— Удивительное любопытство, — заметил капитан Райкеру, который стоял у гардероба, бережно разворачивая подарок. — Неужели они прежде не видели бледнолицых?

— Это они от нечего делать.

Райкер большими ладонями извлек часы из футляра и чрезвычайно бережно водрузил рядом с будильником. Еле слышное шуршание маятника затерялось за металлическим тиканьем современного прибора. Минуту Райкер любовался затейливыми стрелками и циферблатом. Затем взял в руки будильник и, снисходительно

огладив, примерно как офицер хлопает по плечу старательного, но туповатого подчиненного, запер его в нижний ящик.

— Капитан, если вам понадобятся еще шкурки, только свистните!

Попятившись от окна, капитан задел пяткой ногу Коннолли и тем отвлек его от мысли, занимавшей лейтенанта с тех пор, как он вошел в хижину. Он, как замороченный автором читатель детектива, чувствовал, что заметил что-то важное, но не мог понять, что именно.

— Нас не шкурки интересуют, — ответил Перейра. — В чем нам нужна ваша помощь, Райкер, так это в переговорах с вождями. Надо узнать, не вспомнят ли они чего-нибудь о капсуле.

Райкер кинул взгляд на индейцев, подступивших уже к самой веранде, и сердито захлопнул жалюзи.

— Ради бога, Перейра, откуда им? Почему бы вашему лейтенанту не расспросить народ на Парк-авеню или на Пиккадилли? Если бы индейцы что-то видели, я бы знал!

— Возможно, — пожал плечами Перейра. — Однако мне приказано содействовать лейтенанту Коннолли, а от вопроса нас не убудет.

— Раз уж я забрался так далеко, капитан, я про-

сто обязан провести два-три поиска. — Коннолли выпрямился в кресле.

Для Райкера он пояснил:

— Наши пересчитали финишную траекторию. Есть вероятность, что он приземлился еще дальше от посадочной зоны. Вполне возможно, что здесь.

Райкер, покачав головой, рухнул на кушетку и сердито ударил кулаком по кулаку.

— Значит, надо ждать скорого нашествия с тысячами бульдозеров и огнеметов! Черт побери, лейтенант, если вам приспичило запустить человека на Луну, почему бы не заниматься этим на своем дворе?!

Перейра поднялся.

— Через пару дней мы уберемся, Райкер.

С намеком кивнув Коннолли, капитан шагнул к двери.

Когда и тот выбрался из кресла, Райкер вдруг окликнул его.

— Лейтенант, мне бы очень хотелось знать… — он недобро кривил губы, и в голосе звучал воинственный вызов, — зачем они отправили человека на Луну?

Коннолли замялся. Весь разговор он молчал, не желая раздражать Райкера, чья грубость и

погруженность в себя вызывали скорее жалость, чем обиду.

— Вы подразумеваете военные и политические соображения?

— Нет, не их. — Райкер снова подбоченился, меряя Коннолли взглядом. — Я подразумеваю *настоящую* причину, лейтенант.

Коннолли неуверенно развел руками. Почему-то ему трудно оказалось найти подходящий ответ.

— Ну, наверно, прирожденный дух поиска…

Райкер оскорбительно фыркнул.

— Вы серьезно в это верите, лейтенант? Дух поиска! Бог мой, что за фантастика! Перейра в это не верит — верно, капитан?

Перейра, не дав Коннолли ответить, взял его за плечо.

— Идемте, лейтенант. Не подходящее время для философских диспутов, — и бросил Райкеру: — Что бы вы ни думали, человек побывал на Луне и вернулся обратно. Ему нужна наша помощь.

Райкер горестно насупился.

— Бедняга! Ему, наверно, сейчас несладко. Впрочем, тот, кто, добравшись до Луны, имел глупость вернуться, получил по заслугам.

На веранде зашаркали. Выйдя на солнце, ка-

питан и лейтенант спугнули двух индейцев, с неугасающим любопытством поглядывавших на Коннолли.

Райкер остался в дверях, бесстрастно глядя на часы, но догнал их у самого катера. Поглядывая через плечо на расширяющийся полукруг зрителей, он с ехидным презрением обратился к Коннолли:

— Вам не приходило в голову, лейтенант, что Спендер, если он спустился, мог решить остаться здесь?

— Не думаю, Райкер, — холодно ответил Коннолли. — Впрочем, маловероятно, что полковник еще жив. Нас интересует капсула.

Райкер собирался ответить, когда из его хижины донесся металлический звон. Резко обернувшись, он переждал шум, и все собравшиеся на помосте и на площади за ним тоже замерли в нелепых позах. Как видно, механизм старого будильника был заведен до упора, так что звонок затянулся на добрых тридцать секунд и наконец оборвался на пронзительном взвизге.

Перейра ухмыльнулся и посмотрел на часы.

— Точное время, Райкер.

Но тот уже шагал к хижине, распугивая перед собой индейцев.

Коннолли посмотрел на расходящееся собрание и вдруг щелкнул пальцами.

— Вы правы, капитан! Вот именно, точное время! — повторял он, спускаясь в рубку катера.

Перейра, заметно утомленный препирательствами с Райкером, уселся среди ящиков с мониторами и расстегнул рубашку.

— Извиняюсь за Райкера, но ведь я вас предупреждал. Честно говоря, лейтенант, с тем же успехом можно возвращаться хоть сейчас. Здесь ничего нет, и Райкеру это известно. Однако он не дурак и способен подделать следы, чтобы побольше из вас вытянуть. Он был бы не прочь увидеть здесь бульдозеры.

— Не скажите… — Коннолли выглянул из люка. — Капитан, у Райкера рация есть?

— Нет конечно, а что?

— Уверены?

— Абсолютно. Вот уж в чем он меньше всего нуждается. Да и электричества здесь нет, и аккумуляторов… — Капитан пристально посмотрел на Коннолли: — Что у вас на уме, лейтенант?

— Кроме вас, он ни с кем не связан? Другие торговцы сюда не добираются?

— Нет. Индейцы опасны, а торговать здесь нечем. С чего вы взяли, что у Райкера есть ра-

ция?

— Должна быть. Рация или что-то в этом роде. Капитан, вы только что обратили внимание, как точно идет его старый будильник. Вас такая точность не удивляет?

Перейра медленно выпрямился.

— Лейтенант, а ведь это мысль!

— Именно. Я почуял неувязку, когда часы стояли рядом. Такие будильники — дешевка, постоянно врут. Теряют по две-три минуты за сутки. А у него показывали время с точностью до десяти секунд. Никакие оптические наблюдения такой точности не дают!

Перейра скептически пожал плечами.

— Но я здесь не был четыре месяца. И в прошлый раз он у меня время не проверял.

— Конечно нет. Ему и незачем. Единственное объяснение такой точности — ежедневная сверка, по радио или через маяк дальнего действия.

— Минутку, лейтенант. — Перейра уставился на тускнеющие в сумерках джунгли. — Совпадение удивительное, но ему наверняка найдется невинное объяснение. Не спешите предполагать, будто Райкер утащил что-то с лунной капсулы. Над этими лесами уже разбивались самолеты. Да и зачем ему? Он же не начальник станции и не

диспетчер аэропорта. Зачем Райкеру знать время, да еще с точностью до десяти секунд?

Коннолли постучал по крышке ящика. Легкомысленное равнодушие Перейры к заданию злило его все сильнее, как и ленивая снисходительность в отношении Райкера, индейцев, джунглей. Похоже, капитан бессознательно отвергал острое любопытство Коннолли к миру, который тот считал своей собственностью.

— Часы у него — идея фикс, — продолжал Перейра. — Может, у него развилась невероятная чувствительность к работе механизма. Знание точного времени могло стать замещением оставшейся за спиной цивилизации.

Капитан задумчиво лизнул кончик сигары.

— Хотя я согласен, это странно. Может быть, все же стоит разобраться, — добавил он.

Спокойно выспавшись под вентилятором, Коннолли с утра начал незаметно знакомиться с окрестностями. Перейра захватил с катера две бутылки виски и сифон содовой, чтобы отвлечь Райкера, пока Коннолли рыскал по кампонгу с поисковой аппаратурой. Раз-другой Райкер добродушным басом окликал его в окно, но тут же возвращался к выпивке. В промежутках, когда хозяин засыпал, Перейра в пятнистом от пота

мундире выходил на солнце и принимался гонять индейцев.

— Пока вы на расстоянии крика от Райкера, вам ничто не грозит, — заверил он Коннолли. В зарослях сложной сетью скрещивались тропинки — если какая-то сворачивала к кампонгу, от нее тут же ответвлялась другая, сколько бы их уже ни вело в ту же сторону. Этот лабиринт раскинулся на мили вокруг.

— Если потеряетесь, не паникуйте, а стойте на месте. Рано или поздно за вами придут.

Отчаявшись поймать сигнал маяка пропавшей капсулы — ни сонар, ни рация ничего не дали, — Коннолли попробовал жестами объясниться с индейцами, но те отвечали ему тупыми взглядами. Все, кроме юнца с влажными глазами, который накануне околачивался на веранде. Об этом подростке Перейра сказал, что он сын бывшего колдуна — теперь эту роль узурпировал Райкер, а старик почему-то утратил доверие племени. Другие индейцы таращились на Коннолли так, будто его окружала светящаяся аура, а парень, очевидно, подозревал в белом особые таланты, сродни умениям его отца. Однако сблизиться с молодым индейцем лейтенант не решился — глаза у того постоянно слезились от

гонококковой инфекции. Та же зараза мучила многих других, угрожая им слепотой, и Коннолли не раз видел, как индейцы промывали глаза настоем какой-то пахучей коры.

Лейтенанта озадачивала непринужденная и уверенная властность Райкера. Посреди долгого разговора с Перейрой, на протяжении которого Раджа сидел, развалившись в кресле и поглаживая одной рукой настольные часы, он вдруг вываливался на площадь кампонга, бесстрашно разгонял толпу, отправлял партию за дровами, порой хватая за шкирку сидящих у своих хижин. Больше всего Коннолли заинтересовался реакцией индейцев. Казалось, их подчиняла не сила характера Райкера, не его надменная повадка, а неохотное признание, что никому из них пока что не справиться с этим человеком. Очевидно, Райкер был полезен племени как посредник в отношениях с миссией, но едва ли это было единственным источником его власти. Вне достаточно узких пределов — границ кампонга — она быстро сходила на нет.

О причинах Коннолли начал догадываться на второй день, когда нечаянно заблудился в лесу.

С утра Конноли сидел под палубным навесом, уставившись на темную и густую как желе воду.

Кампонг молчал: ночью индейцы скрылись в зарослях, поддавшись, подобно леммингам, какому-то непреодолимому зову. Иногда такая жажда движения уводила их за двести миль от деревни, но чаще, пройдя несколько миль, они успокаивались и порознь возвращались в кампонг.

Решив воспользоваться их отсутствием, Коннолли взвалил аппаратуру на плечо и выбрался на деревенскую площадь. Между хижинами жалобно дымились покинутые костры, в красной пыли валялась домашняя утварь и глиняные черепки. Когда утренняя дымка над лесом рассеялась, вдалеке показался невысокий холм — возвышенность не больше ста футов, поднимавшаяся над плоской лесистой равниной в четверти мили от селения.

Кто-то шевельнулся между хижинами справа от него. Там, среди разбитых горшков и корзин из рафии, скрестив ноги, сидел под навесом старик. Он почти сливался с пылью, и его отжившее тело как будто вмещало всю безнадежность амазонских лесов.

Коннолли двинулся к холму, раздумывая на ходу о причинах уединения Райкера в этих джунглях.

Накануне вечером тот вел себя странно. Едва

стемнело и закат утонул в кронах на западе, окутав джунгли ультрамарином и золотом, индейцы разом прервали обычную суету и разговоры. Коннолли обрадовался тишине — он успел устать от бесконечных шлепков ротангового тростника и скрежета каменных жерновов, перетиравших, среди прочего, продовольственную помощь правительства. Несколько раз Перейра пробирался к окраине кампонга, а возвратившись, докладывал, что индейцы собрались в круг перед хижинами и глазеют на бунгало Райкера. Последний сидел в лунном свете на своей веранде, подперев подбородок ладонью, задрав одну ногу на перила и угрюмо созерцая собрание племени.

— У них копья и ритуальные наряды из перьев, — шептал Перейра. — Я даже подумал, не собираются ли напасть.

Прождав полчаса, Коннолли выбрался на помост и обнаружил, что индейцы так и сидят на корточках темным молчаливым кругом, а Райкер сверкает на них глазами. Только сын колдуна сделал попытку, скрываясь в тени, приблизиться к лейтенанту. В его руках блестел осколок синего обсидиана — утративший силу отцовский талисман.

Коннолли в беспокойстве вернулся на катер.

В начале четвертого ночи их поднял с коек и выгнал на палубу громкий вопль. За ним последовал топот ног и шипение опрокинутых в костер горшков. Вожак стаи, Райкер, разразился серией гулких призывов и скрылся в зарослях. Через минуту кампонг опустел.

— Что за игру ведет Райкер? — пробормотал Перейра, стоя на залитом лунным светом помосте. — Откуда у него такая власть над намбами?

Так ничего и не поняв, они разошлись по койкам.

У подножия пригорка раскинулся маленький сад, возвращенный природе. В голове у Коннолли еще звучали возбужденные вопли Райкера, прорезавшие полночные джунгли. Лейтенант бездумно срывал едва созревшие гуавы и яркие, свежие и сочные анакардии, сплевывал косточки, а когда решил выбраться из сада, понял, что заблудился.

Заметный издалека пригорок оказался началом гряды наносов, оставленных старицей, а остаток старого русла между ними превратился в глубокую трясину. Коннолли сложил аппаратуру к подножию ствола и, достав пистолет, дал два выстрела в воздух в надежде, что услышат Райкер или Перейра. Потом он сел и стал ждать

спасителей, протирая шкалы приборов, чтобы скоротать время.

За десять минут он никого не дождался. Несколько пав духом и опасаясь столкнуться с возвращающимися индейцами, Коннолли снова взвалил на себя груз и двинулся на северо-запад, в направлении кампонга. Земля перед ним шла вверх.

Внезапно, обогнув строй диких магнолий, он очутился на прогалине у гребня холма.

Присев на пятки под деревьями и в высокой траве, на ней собралось все племя намбиквара. Все уставились на него: застывшие лица и пристальные взгляды — глаза как светлые бусины в соломенных снопах. Индейцы сидели тут, в каких-нибудь пятидесяти ярдах, когда он стрелял, и Коннолли стало не по себе при мысли, что его-то они здесь и ждали.

В замешательстве лейтенант крепко сжимал датчик. Лица индейцев блестели как полированный тик, их плечи были выкрашены тонкой мозаикой природных красок. Заметив в траве копья, лейтенант двинулся через прогалину к просвету между деревьями.

Индейцы, не двигаясь, дали ему пройти дюжину шагов. Потом они с дружным воплем

вскочили и галдящей стаей обступили Коннолли. Среди них не было ни одного выше пяти футов ростом, но крепкие как мячи тела, налетая, чуть не сбили его с ног. Наконец суматоха улеглась, и двоетрое предводителей, выступив вперед, стали пристально оглядывать лейтенанта, ощупывать его странными движениями большого и указательного пальцев — так знатоки таксидермии оценивают чучело.

Наконец, индейцы, обмениваясь скулящими и ворчащими звуками, перешли на середину поляны. Коннолли они гнали перед собой шлепками по бедрам и плечам — как непослушную свинью. Все взбудораженно галдели, иные рубили траву мачете или горстями срывали листья.

Споткнувшись о травяную кочку, лейтенант упал на колени. На ящике с монитором открылась крышка, и пока Коннолли подхватывал тяжелый футляр, его револьвер, выпав из кобуры, затерялся в траве.

Поддавшись панике, он заорал в раскачивающиеся перед ним макушки, и немало удивился, когда один из индейцев поддержал его крик. Толпа подчинилась, перестала наступать и снова обступила его стеной. Задохнувшийся Коннолли утвердился на ногах и стал отыскивать в

примятой траве револьвер, но скоро заметил, что индейцы не сводят взглядов — не с него, а с открывшихся шкал приборов. Опустив копья и мачете, вытянув шеи и разинув рты, они вглядывались в качающиеся стрелки.

На краю прогалины раздался рев, и свирепый великан в соломенной шляпе, держа дробовик как дубину, ворвался в толпу индейцев, заставив их отступить. Снимая с шеи ремень от ящика, Коннолли почувствовал на своем локте успокаивающую ладонь капитана Перейры.

— Лейтенант, лейтенант, — укоризненно бормотал тот, когда они, подобрав револьвер, возвращались к кампонгу, а гул голосов затихал в зарослях позади. — Еще немного, и нам бы осталось только молиться за вас.

Тем же вечером Коннолли сидел в шезлонге на палубе катера. Половина индейцев уже вернулась и рассеянно бродила среди хижин, собирая костры. Райкер, утвердив свою власть, вернулся в бунгало.

— Вы говорили, они не каннибалы? — напомнил Перейре Коннолли.

Капитан щелкнул пальцами, словно его отвлекли от более важной мысли.

— Нет, не каннибалы. Не волнуйтесь, лейте-

нант, котел вам не грозил. — заметив недоверие Коннолли, он развернулся на каблуках. Капитан привел мундир в порядок, портупея и оружие были на месте, фуражка надвинута на лоб. Как видно, опасное приключение Коннолли подтвердило какие-то его тайные опасения. — Поймите, они не каннибалы в смысле классификации системы питания, установленной для аборигенов «Организацией продовольствия и земледелия». Они не охотятся на людей и не предпочитают человечину другой пище. Но… — капитан в упор взглянул в лицо Коннолли, — при определенных обстоятельствах, например при обрядах плодородия, они едят человеческое мясо. Как все члены малочисленных примитивных сообществ, намбиквара не хоронят своих покойников. Они их съедают, чтобы возместить потерю и увековечить тело усопшего. Теперь понятно?

— Рад слышать, что меня собирались увековечить. — Коннолли поморщился.

Перейра покосился на кампонг.

— Вообще-то мяса белых они не едят, чтобы не осквернить племя. Во всяком случае, — добавил он, помолчав, — я раньше так думал. Странное дело, похоже, что-то… Послушайте, лейтенант, я еще не все понимаю, но убежден, что нам стоит

здесь задержаться на несколько дней. Кое-какие мелочи выглядят подозрительно. Райкер наверняка что-то скрывает. Тот холм, где вы заблудились, — священное место, а судя по тому, как индейцы смотрели на ваши приборы, они уже видели подобное. Панели с мигающими циферблатами?..

— «Голиаф 7»? — Коннолли, вслушиваясь в бормотание реки за бортом катера, недоверчиво покачал головой. — Сомневаюсь, капитан. Хотел бы вам верить, но почему-то не верится.

— Согласен, хочется других объяснений. Только каких? Индейцы, рассевшись на том холме, кого-то или чего-то ждали. Что другое мог напомнить им ваш монитор?

— Часы Райкера? — предположил Коннолли. — Они могут видеть в будильнике колдовской амулет, волшебную игрушку.

— Нет, — категорически возразил Перейра. — Эти индейцы — большие прагматики, бесполезными игрушками их не впечатлишь. Чтобы удержать их от убийства, пришлось бы убедить, что ваше оборудование обладает весьма реальными, земными силами. Слушайте, если капсула в самом деле спустилась здесь, и Райкер ее прикопал, а часы каким-то образом помогают

определить ее местонахождение… — Перейра с надеждой шевельнул плечом. — Это, пожалуй, возможно.

— Вряд ли, — заметил Коннолли. — К тому же в одиночку Райкер не сумел бы закопать капсулу, а если бы полковник Спендер выжил, Райкер бы ему помог.

— Не совсем уверен, — задумчиво протянул Перейра. — Слетать на Луну и вернуться, чтобы быть убитым дикарями, — наш друг Райкер мог счесть это забавным. И не стал бы портить хорошую шутку.

— А во что верят местные индейцы? — спросил Коннолли.

— Настоящей религии с символом веры и догматами у них нет. Мертвых они съедают, чтобы не выдумывать «того света» и не тратить силы на воскрешение. Можно сказать, что они адепты так называемого карго-культа. Говорю же, материалисты. Потому-то они так ленивы. Ждут в скором будущем волшебный галеон или великанскую птицу, которая доставит вечный рог изобилия с мирскими благами — им всего лишь надо дожить до великого дня. Райкер их в этом поддерживает. Это очень опасно: на некоторых островах Меланезии племена, увлекшиеся карго-

культом, полностью выродились. Целыми днями лежали на песке, ожидая летающей лодки от ВОЗ или… — Капитан запнулся.

Коннолли, кивнув, закончил его мысль:

— Или космической капсулы?

* * *

Перейра все сильнее утверждался в мысли, что в окрестностях найдется нечто, связанное с капсулой, но Коннолли его бессвязные аргументы не убедили. Рискованное приключение на удивление мало затронуло его чувства, и о вероятной гибели он вспоминал с равнодушием фаталиста: она сливалась для него с бесконечными приливами и отливами жизни амазонских лесов, с мириадами неприметных смертей, с сухими стволами, стоящими вдоль расходящихся от кампонга тропинок. За два дня джунгли успели внедрить в его сознание собственную логику, и мысль о космической капсуле все меньше вязалась со здешними местами. Слишком разным природным множествам принадлежали эти элементы, и пересечение их представлялось все менее вероятным. Другая, более глубокая причина для сомнений подчеркивалась намеком Райкера на «истинную» причину запуска

лунохода. Райкер намекал, что вся космическая программа — симптом скрытой, неосознанной болезни человечества, и в особенности западной, технократической цивилизации; что спутники и космические корабли служат неким секретным целям и удовлетворяют тайные желания. В джунглях же, где бессознательное в явном виде выходило на поверхность, в безумных проектах не было нужды, и психический параллакс смазывал, удалял вероятность, что Амазонка сыграла хоть какую-то роль в успехе или неудаче космического предприятия, а сама пропавшая капсула превращалась во фрагмент огромной фантастической картины.

И все же Коннолли поддался уговорам Перейры и одолжил ему аппаратуру для ночного похода в лес с Райкером и индейцами. Снова вместе с сумерками на кампонг спустилась вдохновенная тишина, снова индейцы заняли места у дверей своих хижин. Райкер, подобно тоскующему принцу-изгнаннику, расположился на веранде, поглядывая краем глаза на видневшиеся в окне часы. За ним в лунном свете неотрывно следили десятки влажных глаз.

Наконец, выждав полчаса, Райкер ожил и, испуская оглушительные вопли, помчался через

кампонг, увлекая всю толпу в заросли. Вдали, слабо очерченный недельной луной, над черной крышей джунглей виднелся силуэт священного холма. Перейра дал затихнуть топоту пяток, и только тогда, выбравшись на помост, скрылся в тени леса.

Издали Коннолли слышал крики стаи, следовавшей за Райкером сквозь кусты, и удары мачете, расчищающих дорогу. Угли на дальнем краю кампонга озаряли покинутого старика — вероятно, того же отставного колдуна, которого лейтенант видел утром. Рядом виднелась тонкая фигура подростка с больными глазами, отиравшегося вокруг Коннолли.

Дверь на веранде Райкера качнулась, открыв картину лунной дорожки на реке в зеркальной раме трюмо. Когда дверь ударилась о косяк, лейтенант двинулся к ступеням.

На полках лежали пустые жестянки от табака, в углу грудой валялись пустые бутылки. Бронзовые часы были заперты в ящике черного гардероба. Подергав закрытую на основательный висячий замок дверцу, Коннолли обратил внимание на книжку с примятыми уголками бумажной обложки, лежавшую на трюмо вместе с начатой коробкой патронов.

Черные значки на блеклом красном фоне почти не читались за пятнами от потных пальцев Райкера. На первый взгляд лейтенант принял книжицу за таблицу логарифмов. Восемь десятков страниц, исписанных колонками мелких цифр и значков.

Из любопытства он поднес находку к дверям. Титульный лист оказался разборчивее.

> ЭХО III
> СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ
> АСТРОНОМИЧЕСКИХ ТРАВЕРСОВ
> 1965–1980
>
> *Издание управления национальной астронавтики и космоса, Вашингтон, 1965. Ч. XV 40–80 западной долготы, 10 северной – 35 южной широты.*
> *(Южноамериканский субконтинент).*
> *Цена 35 центов.*

Еще более заинтересовавшись, Коннолли стал листать страницы. Справочник открылся на разделе: «5 ю. ш. 60 з. д.». Насколько он помнил, это были координаты Кампос Буроса. Расписанные по годам и датам, колонки чисел давали высоту и направление на спутник «Эхо III» — новейшую из

больших алюминиевых сфер, запускавшихся на орбиту с 1959. Данные 1968 года были небрежно выделены карандашным подчеркиванием. С этого места начинались детальные отметки, каждая строка имела следы тупого грифеля, а страница стала серой от размазавшегося графита. Следуя точным указаниям этих перекрестных ссылок, Коннолли нашел последнюю строку: «17 марта 1978. Время наблюдения — 1:22. Высота 43 градуса ЗСЗ, Капелла-Эридан». Ниже был расчет на следующую дату — часом позднее и координаты немного другие.

Горестно качая головой, восхищаясь хитроумием Райкера, Коннолли взглянул на часы. 1:20, две минуты до следующего траверса. Он нашел в небе созвездие Возничего, в котором должен был появиться спутник.

Так вот в чем секрет власти Райкера над индейцами! Вот чем может нищий бледнолицый поразить и запугать примитивных дикарей! Вооружившись всего лишь набором таблиц и надежными часами, он точно предсказывает появление спутника с первой секунды его видимого траверса. Ясно, что индейцы с трепетом взирают на полночную колесницу, неизменно совершающую свой небесный круг и маяком освещающую

глубины их умов. Райкер мог приписывать спутнику любые магические силы — доказательством служила его способность предсказывать час и место небесного явления.

Теперь становилась понятна и точность старого будильника: Райкер каждую ночь сверял время по движению спутника. Более точные часы позволяли не тратить время на ожидание чуда — с ними он мог выходить на холм всего за несколько минут до начала.

Расхаживая по помосту, Коннолли смотрел в небо. В ночи прозвучал отдаленный крик, призраком растаял над джунглями. Рулевой, сидевший неподалеку на носу катера, крякнул и ткнул в небо над дальним берегом. Посмотрев туда, лейтенант быстро нашел движущуюся светлую точку. Она плыла прямо на холм, уверенно пересекала небеса, подмигивая сквозь полосы высокогорных перистых облаков. Верный спутник карго-культа племени намбиквара.

Светлая точка уже терялась среди звезд на юго-востоке, когда Коннолли отвлекло шарканье ног по помосту. Обернувшись, он встретил жалобный взгляд слезящихся глаз — сын колдуна стоял в нескольких шагах от него.

— А, это ты, парень, — приветствовал мальчика

Коннолли и указал на исчезающий спутник. — Видишь ту звездочку?

Парень чуть заметно кивнул, помедлил секунду, блестя глазами, как лунными бликами на воде, и, шагнув ближе, тронул ороговевшим ногтем часы на запястье Коннолли.

Тот, озадаченный, дал посмотреть. Юнец с сосредоточенным вниманием следил за движением секундной стрелки, потом, отчаянно закивав, указал на небо.

— Так ты понял? — усмехнулся Коннолли. — Разгадал трюк старика Райкера, а?

Он ободряюще кивнул парню, который усердно щелкал по стеклу циферблата, быть может, в надежде вызвать второй спутник. И рассмеялся, похлопав по справочнику.

— Чего тебе не хватает, так это пары джокеров.

Коннолли уже повернулся обратно к бунгало, когда юнец отчаянно рванулся за ним и загородил дорогу, упрямо расставив ноги. Потом с бесконечными церемониями извлек из-за спины круглый цветной предмет со стеклянным циферблатом — тот самый, который Коннолли видел у него в руках накануне.

— Любопытно… — Коннолли наклонился посмотреть и успел заметить слабое свечение

прежде, чем молодой индеец отдернул прибор.

— Погоди, парень, дай-ка посмотрю еще.

Помедлив, тот повторил пантомиму, но снова позволил бросить только короткий взгляд. Коннолли увидел калиброванную шкалу и качающуюся стрелку. Затем индеец, шагнув вперед, тронул часы Коннолли.

Лейтенант быстро расстегнул металлический ремешок и бросил ему часы. Индеец тут же уронил свой прибор — сделка состоялась, и обрадованный юнец шмыгнул в тень деревьев. Коннолли, наклонившись, но не прикасаясь руками, изучал циферблат. Металлический корпус был помят и исцарапан, словно его выламывали из приборной панели грубыми орудиями. Но стекло и шкала под ней уцелели. По центру шла надпись:

ЛУННЫЙ АЛЬТИМЕТР
Мили: 100
ГОЛИАФ 7
Дженерал Электрик
Шенектеди.

Коннолли взял прибор в ладони. Герметичность была нарушена, гироскоп плавал, и стрелка индикатора грациозной птицей металась по

шкале.

Помост заскрипел. Подняв голову, Коннолли нашел взглядом взмокшего Перейру. В одной руке капитан нес фуражку, на другой висел монитор.

— Мой дорогой лейтенант! — пропыхтел Перейра. — Ну, я вам скажу, комедия — просто фантастика! Знаете, что вытворяет Райкер? Так просто, что не верится, как это раньше никто не додумался! Вот ведь деловой парень! — Отдуваясь, капитан сел на кипу шкур и прислонился к планширу. — Подсказка: Нарцисс.

— Эхо, — равнодушно ответил Коннолли, все разглядывая альтиметр.

— Вы тоже видели? Умник! — Перейра утер лоб околышем фуражки. — Как вы догадались? Не так уж это просто. — Коннолли протянул ему справочник: — Что за? … А, понимаю, тогда совсем ясно. Ну конечно. — Капитан хлопнул книжицей по колену. — Нашли у него в комнате?

— Снимаю перед Райкером шляпу, — продолжал он, не замечая, как лейтенант бережно опускает альтиметр на помост. — Скажем честно, хитрый фокус. Представляете: является он сюда, к племени с мощным карго-культом, открывает свою книжонку и говорит: «*Presto,* сюда летит большая белая птица! ВОТ ОНА!»

Коннолли, кивнув, встал и вытер руки полоской ротанга. Когда Перейра отсмеялся, лейтенант ткнул пальцем в светящийся циферблат у его ног.

— Капитан, — тихо сказал он, — дело не только в Райкере с его спутником. Индейцы уже дождались одного подарка с неба.

Перейра, опустившись на колени, осмотрел альтиметр и тихо присвистнул. Коннолли тем временем отошел к краю помоста и бросил взгляд за черную полосу спокойной воды на большие деревья, нависавшие над водой гигантскими надгробными памятниками. Их серебристые голоса плачем разносились над мертвой водой.

На следующее утро за полчаса до выхода Коннолли стоял на палубе, дожидаясь, пока Перейра закончит допрос. Пустой кампонг, снова покинутый индейцами, пекся на солнце, к небу поднималась одинокая струйка дыма. Старый колдун вместе с сыном пропали — возможно, решили испытать свое ремесло на соседнем племени, — но потеря часов не печалила Коннолли. Внизу, надежно скрытый среди прочего багажа, покоился тщательно стерилизованный и упакованный альтиметр. На столе, в двух футах от кобуры с пистолетом, лежал справочник

Райкера.

Коннолли почему-то не хотелось видеть Райкера, вызывавшего теперь только презрение, и он обрадовался, когда капитан вышел из бунгало один. Лейтенант уже решил, что не вернется сюда с поисковым отрядом, который отправят за капсулой. Перейра вполне справится с работой проводника.

— Ну?

Капитан тускло улыбнулся.

— Да, признался, конечно. — он присел на перила и указал на справочник. — После этого выбора у него не оставалось. Без него ему здесь не выжить.

— Признал, что полковник Спендер приземлился здесь?

Перейра кивнул.

— Без лишних слов, но все сказал. Капсула зарыта где-то здесь — думаю, под холмом. Полковника Спендера захватили индейцы, Райкер клянется, что ничем не мог ему помочь.

— Ложь. Меня он спас, когда индейцы решили, что и я с неба явился.

Перейра пожал плечами.

— С вами дело обстояло несколько иначе. К тому же, насколько я понял, Спендер все равно

умирал. Райкер говорит, что парашют сильно обгорел. Он, вероятно, смирился с состоявшимся фактом, решил ничего не предпринимать и все замять, а посадку ввел в систему карго-культа. Очень полезная деталь. Он морочил индейцев спутником, но рано или поздно терпение у них иссякло бы. А после крушения «Голиафа» они готовы до скончания века глазеть на «Эхо» и ждать следующей посадки. — губы капитана тронула слабая улыбка. — Нечего и говорить, что Райкер видит во всем этом черный юмор. Насмешку над вами и вашей цивилизацией.

Дверь на веранду хлопнула, Райкер вышел на солнце. С голой грудью, без шляпы, он зашагал к катеру.

— Коннолли, у вас моя шляпа с кроликом!

Коннолли тронул справочник пальцем. Рукоять пистолета стукнула о край стола. Лейтенант поднял взгляд на Райкера — золотую фигуру, омытую утренним светом. Тон его остался воинственным, но что-то изменилось. Погас насмешливый огонек в глазах, а мнительность, окутавшая этого человека и сделавшая его изгнанником, стала явной. Коннолли осознал, что, как ни странно, они поменялись ролями. Не так давно Перейра напоминал ему, что индейцы живут в равновесии с

окружающим миром, принимая его требования и не пытаясь стать хозяевами крепости лесов — в некотором смысле являющейся внешним проявлением их бессознательного. Райкер нарушил равновесие, использовав спутник «Эхо» — принес в глубь Амазонки психопатические проекции двадцатого века и превратил индейцев в суеверных мистиков-материалистов, вся культура которых сосредоточена на божестве звезды-марионетки. Теперь уже Коннолли принимал джунгли такими, каковы они есть, с новой точки зрения увидев и себя, и выкидыш космического полета.

Перейра махнул рулевому. Глухо взревел мотор, катер натянул причальные канаты.

— Коннолли! — Голос Райкера стал пронзительным, на воинственный рев наложилась жалобная нота. Мгновенье двое мужчин смотрели друг другу в глаза, и Коннолли увидел бессильное одиночество Райкера в тщетной попытке обрести единство с лесом.

Наклонившись через борт, Коннолли швырнул справочник на помост. Райкер хотел поймать, промахнулся и, упав на колени, подхватил, не дав провалиться между пружинящими жердями. Так, на коленях, он и стоял, пока отводили концы и катер отходил от причала.

Они вышли из залива и, взбивая брызги, понеслись в сторону открытого русла.

Уходя за излучину, в последний раз взглянув на теряющегося в солнечных лучах и лианах Райкера, Коннолли повернулся к Перейре.

— Капитан, а что же сталось с полковником Спендером? Вы говорили, что индейцы не едят белых.

— Зато едят их богов, — ответил Перейра.

1962

A Question of Re-Entry. Первая публикация в журнале Fantastic, март 1963.

Могилы времени
Перевод Г. Соловьевой

1

Вечерами, когда Тракселъ и Бриджес уезжали в песчаное море, Шепли со Стариком бродили среди вскрытых могил времени, слушая в угасающем свете невнятный лепет полуисчезнувших призраков и глядя, как пламенеют гигантскими кубками глубокие хрустальные склепы.

Большую часть могил по южному краю песчаного моря разграбили сотни лет назад. И все-таки Шепли любил нырять в тесноту затонувших павильонов, где древний песок играл с его босыми ногами, как прибой бесконечного пляжа. В одиночестве среди мерцающих могил, пустых скорлуп десятитысячелетней давности, он на время забывал гложущее чувство поражения.

Но в этот вечер прогулка ему не светила. Тракселъ — номинальный глава грабителей могил — недвусмысленно предупредил за ужином, что надо либо расплачиваться, либо уходить. Шепли три недели увиливал от поездки с Трак-

селем и Бриджесом под разными неуклюжими предлогами, и они понемногу теряли терпение. Старику многое прощалось за великолепное знание песчаного моря — он сорок лет прочесывал рассыпающиеся могилы, знал каждый риф и пруд-терму как собственную ладонь. К тому же, как представитель института, он придавал высокий смысл низменному призванию грабителей. Шепли же провел здесь всего три месяца, и из достоинств у него было только мрачное молчание да ненависть к себе.

— Сегодня, Шепли, — твердо сказал ему Тракселль жестким отрывистым тоном, — ты должен найти пленку. Мы не можем без конца кормить нахлебника. Напоминаю, здесь все не меньше тебя мечтают расстаться с Вергилием.

Шепли кивнул, разглядывая свое отражение в золотой чаше для омовения пальцев. Тракселль сидел во главе разборного стола, расстегнув бархатную куртку с высоким воротом. В окружении помятой золотой посуды, добытой в могилах, перед лужицей красного вина, пролившейся из кувшина Бриджеса, он напоминал скорее герцога времен Возрождения, чем безработного доктора наук. Шепли оставалось только гадать, какой скандал забросил в море Вергилия бывшего пре-

подавателя семантики. Теперь, став могильной крысой, Тракселль вместе с Бриджесом раскапывал пленки и продавал их музеям психоистории по доллару за фут. Шепли так и не сумел найти общий язык с этим высоким надменным типом. Вот Бриджес, хоть и обычный бандит, обладал простодушным юмором, и оттого был вполне сносен — а в обществе Тракселя никогда не получалось расслабиться. Возможно, его холодная отрывистая речь воплощала для Шепли голос властей, замкнутых суровых допросчиков, до сих пор преследовавших его в кошмарах.

Бриджес оттолкнул стул от стола и поднялся, хлопнув Шепли по плечу:

— Давай с нами, малыш. Сегодня мы добудем мегапленку!

Снаружи, спрятавшись в седловине между дюнами, ждал камуфлированный вездеход с низкими бортами. Пустыня понемногу заполняла старый летний дворец, так что пол его банкетного зала уже скрылся под белым песком, словно палуба тонущего лайнера, уходящего под воду в льющемся из салона сиянии.

— А вы, доктор? — обратился Тракселль к Старику, когда Бриджес забрался на вездеход и дал первый выстрел из выхлопной трубы. — Мы бу-

дем рады вашему обществу.

Когда Старик покачал головой, Траксель повернулся к Шепли:

— Ну, идешь?

— Не сегодня, — поспешно возразил Шепли. — Я попозже сам схожу к могилам.

— Двадцать миль, — напомнил Траксель, задумчиво разглядывая его. — Ну что ж.

Застегнув молнию куртки, он зашагал к машине, и отъезжая, крикнул Шепли:

— Я не шучу!

Шепли провожал их взглядом, пока вездеход не скрылся за дюнами. Потом тупо повторил:

— Он не шутит.

Старик, сметая песок со стола, пожал плечами.

— Траксель — человек тяжелый. Что будешь делать?

В его голосе прозвучал мягкий упрек — те же мотивы, что двигали Шепли, четыре десятка лет назад превратили Старика в отшельника на затерянном берегу песчаного моря.

Шепли раздраженно огрызнулся.

— С ним ехать не могу. Он за пять минут высосет мне все мозги. Что с ним вообще? Почему Траксель здесь?

Старик встал, рассеянно взглянул на пустыню.

— Не помню. У каждого есть свои причины. Со временем все истории сливаются воедино.

Они прошли под портиком вдоль следов, оставленных вездеходом. Машина, виляя между остатками лавовых озер, отмечавших южную границу моря, прошла уже милю и почти скрылась в темноте. Старый участок могил, к которым обычно ходили Шепли со Стариком, лежал между ними — павильоны тремя рядами протянулись по низкому базальтовому гребню. Временами в белой как кость темноте мелькала короткая вспышка, но большей частью могилы молчали.

Шепли стоял, уронив руки.

— Новый участок у озера Ньютона, почти в двадцати милях. Мне за ними не угнаться.

— Не стоит и пробовать, — согласился Старик. — Ночью прошла сильная песчаная буря. Сторожа времени выберутся проверять, не вскрылись ли новые могилы. — он тихо хихикнул себе под нос. — Тракси с Бриджесом не найдут ни фута пленки — пусть скажут спасибо, если не попадутся.

Сняв белую полотняную шляпу, Старик остро прищурился в мертвый свет, оценивая перемены в очертаниях дюн, а потом повел Шепли к платформе старого монорельса, доходившего до

могил. Когда-то по нему доставляли павильоны на северный берег, и маленький вагончик все еще стоял, привалившись к грузовой платформе.

— Сходим к Паскалю. Никогда не знаешь, что подвернется.

— Траксель водил меня туда, когда я только приехал, — покачал головой Шепли. — Там все сто раз ободрали.

— Ну а мы посмотрим. — Старик ковылял к монорельсу, его грязный белый костюм раздувался на слабом ветру. Позади таял в темноте летний дворец, построенный триста лет назад воротилой с Цереры; рябь на стеклянной черепице шпилей сливалась со звездным мерцанием.

Шепли, откачнув вагончик от платформы, раскрутил гироскоп и помог Старику забраться на переднее сиденье. Очистил кусок ржавого рельса и двинул вагон. Каждые пятьдесят ярдов приходилось делать остановку, чтобы разгрести занесший дорогу песок, но они все же понемногу продвигались между дюнами и озерами. Здесь и там на луковичных куполах одиноких могил времени мигали крошечными звездочками осколки стеклянного покрытия.

Через полчаса, спустившись по последнему длинному склону к озеру Паскаля, Шепли пе-

ребрался вперед и сел рядом со Стариком. Тот, очнувшись от каких-то мыслей, вдруг спросил:

— А ты почему здесь?

Шепли откинулся назад, подставив вспотевшее лицо прохладному ветерку.

— Я пытался кое-кого убить, — коротко объяснил он. — Когда меня вылечили, мне захотелось убить себя. — Вагон набирал скорость, и Шепли дотянулся до ручного тормоза. — За десять тысяч долларов можно заново пройти комиссию. Я думал, здесь что-то вроде франкмасонов. Но вы, доктор, довольно добры.

— Не бойся, будет тебе выигрышная пленка. — Старик нагнулся вперед, прикрыл глаза от звездного блеска, разглядывая скопление выпотрошенных могил на берегу озера. Всего там было около дюжины павильонов с дырявыми крышами — это их Траксель показывал Шепли, когда объяснял новичку способ ограбления.

— Шепли! Смотри, мальчик!

— Куда? Я их уже видел, доктор. Там пусто.

Старик толкнул его.

— Нет же, дурень! На триста ярдов западнее, у длинного гребня, где сдвинулась большая дюна. Теперь видишь? — Он кулаком ударил Шепли по колену. — Ты победил, мальчик. Теперь ни

Траксель, ни кто другой тебе не страшен.

Шепли рывком остановил вагончик. Обогнав Старика, он бросился туда, где из темной земли, как шатры призрачного каравана, вырастали на фоне неба светящиеся могилы времени.

2

Море Вергилия десять тысяч лет служило кладбищем, и полторы тысячи квадратных миль сыпучих песков скрывали, согласно оценке, более двадцати тысяч могил. Поколения удачливых грабителей оставили от них лишь малую долю, и музей психоистории на Тихо платил за сохранное погребение Семнадцатой династии не меньше трех тысяч долларов. За каждую предшествовавшую династию — хотя древнее Двенадцатой еще не находили — полагалась премия.

В могилах времени не было ни трупов, ни пыльных скелетов. Населявшие их киберархитектонические призраки были забальзамированы в металлических кодах: ленты памяти хранили среди дюн трехмерные молекулярные копии живых оригиналов, сделанные в надежде, что когда-нибудь станет возможным их телесное воскрешение. После пяти тысяч лет напрасных усилий от этой надежды пришлось отказаться,

но из почтения к строителям могил павильоны оставили на волю песчаного моря Вергилия. Позже пришли грабители — историки новой эры осознали, какие громадные архивы дожидаются их в этом чистилище древних эпох. Сторожа времени не справлялись с грабежом и нелегальной торговлей мертвыми душами.

— Сюда, доктор! Смотрите!

Шепли, по колени утопая в песке, метался от павильона к павильону, как восторженный щенок.

Старик, улыбаясь про себя, медленно выбрался на тающий склон и по пояс погрузился в осыпь мелких кристаллов, нащупывая под ней отрог твердой скалы. Купол ближайшей могилы всего на шесть дюймов выступал из-под каменного навеса. Минуту Старик посидел на крыше, следя, как мечется в темноте Шепли, потом, смахнув ладонями песок, всмотрелся сквозь стекло. Могила была нетронутой. Внутри горел над алтарем светоч обета, виднелся шестиугольный неф с выстеленным золотом и коврами полом и за ним — узкое хранилище памяти. Его окружали низкие столы с чеканными кубками и золотыми чашами — эти приношения должны были отвлекать наткнувшегося на могилу вора.

Вприпрыжку подбежал Шепли.

— Идем, доктор! Чего мы ждем!

Старик оглядел равнину внизу, разграбленные могилы на краю озера, темную ленточку монорельса, изгибами уходящую за холмы. Его не трогала мысль о богатстве, лежащем на расстоянии вытянутой руки. Он так долго прожил среди могил, что отчасти проникся их бессмертием и безвременьем. Нетерпение Шепли принадлежало иному измерению. Старику не нравилось грабить могилы. Каждое ограбление не только окончательно гасило хранившуюся в ней личность, но и подтачивало его собственное ощущение вечности. Всякий раз, как пески открывали новые могилы, в нем на миг возгоралось нечто… не надежда, ее Старик уже изжил, а безмятежное принятие краткости оставшегося ему срока.

— Хорошо, — кивнул Старик, и оба начали отгребать песок от дверей. Шепли сгонял его вниз, и белая пена стекала по базальтовым камням. Освободив узкий портик, Старик присел перед печатью времени. Его пальцы очистили вделанные между пластинами кристаллы и отстучали по ним легкую дробь.

Словно ломались сухие сучки, древний голос проскрипел:

Орион, Бетельгейзе, Альтаир —

Кто дважды вспыхнет, мне наследник в мир?
Кому опять судьбой предрешено
Стать тем же отпрыском, как было суждено?
— Бросьте, доктор, так будет проще!

Шепли надавил на дверь бедром — безуспешно. Старик оттолкнул его.

Альтаира, Бетельгейзе, Ориона…

Дверь приняла ответ и отворилась под его шепот.

— Не презирай старых обрядов. А теперь посмотрим.

Они остановились в прохладном, не тронутом дыханием воздухе. Светоч обета бросал бледный рубиновый луч на золотые драпировки, разделявшие хранилище.

Воздух подернулся странной пестрой дымкой. Через несколько секунд по ней пробежала быстро учащающаяся дрожь, и световой конус, исходящий из дальнего конца хранилища, пошел яркими переливами. Скоро из них сгустилось трехмерное изображение пожилого мужчины в синей одежде.

Образ был прозрачным. Светящаяся электрическая синева одежд выдавала несовершенство проекции, и все же иллюзия оставалась настоль-

ко сильной, что Шепли почудилось: сейчас этот человек заговорит с ними. Ему было далеко за семьдесят: собранное, внимательное лицо и редкие седые волосы, спокойно сложенные руки. Край стола едва обозначился: дуга конуса охватывала часть серебряного письменного прибора и маленький металлический кубок. Эти подробности, вместе с призрачными книжными полками и картинами на заднем плане иллюзии, бесконечно ценились институтами психоистории. Они говорили о прежних цивилизациях больше и вернее, чем погребальные урны и чаши в преддверии.

Едва Шепли двинулся вперед, изображение утратило резкость. Визуальная проекция памяти продолжалась и после удаления записи, хотя индукционные катушки скоро иссякли. Тогда могила окончательно угасала.

До давно покойного магната оставалось два фута. Мудрые немигающие глаза встретили его взгляд, складчатый лоб выглядел куском прозрачного розоватого воска. Шепли, робея, погрузил руку в конус. Рябь вибрации мириадами волн побежала по запястью. Мгновенье он держал в ладони лицо мертвеца; край стола и серебряная чернильница рисовались на рукаве.

Потом Шепли шагнул вперед и прошел прямо сквозь образ в темноту за источником света.

Вспоминая наставления Тракселя, он быстро отвинтил консоль хранилища и извлек три тяжелые катушки с лентой. Картина сразу стала бледнеть, книжные полки пропали за краем съежившегося конуса. Луч пересекли узкие полоски мертвого воздуха — одна перерезала горло мужчины, обезглавив его. Сканер внизу начал сбоить. Сложенные на столе руки нервно дрожали, одно плечо временами подергивалось. Шепли прошел насквозь и не оглянулся.

Старик ждал снаружи. Шепли уронил катушки на песок.

— Тяжелые… — пробормотал он и, просветлев, добавил: — Тут, наверно, больше пятисот футов, доктор. С премиями, и если все пройдет хорошо… — Он взял Старика под руку. — Идемте, вскроем следующую.

Старик сбросил его руку, разглядывая дергающийся призрак в павильоне. Голубой свет от одежд мертвеца пульсировал на песке зарницами беззвучной грозы.

— Минуту, парень, не теряй головы. — Шепли поехал вниз вместе с песчаным оползнем, и Старик добавил уже тверже: — И перестань воро-

шить песок. Этих могил десять тысяч лет никто не видел. Не порти дела, не то их найдет первый же сторож, проехавший мимо.

— Или Тракселъ, — быстро трезвея, добавил Шепли. И посмотрел на озеро внизу, проверяя, не следит ли кто за ними из теней между могилами, не хочет ли вырвать сокровище у него из рук.

3

Старик остался у дверей следующего павильона — не желал смотреть, как могилу лишают и без того зыбкой надежды на бессмертие.

— Эта ночь у нас последняя, — предупредил он Шепли. — Всех пленок от Тракселя с Бриджесом не утаишь.

Обстановка могилы была иной, чем у первой. Мрачный черный мрамор, испещренный странными золотыми иероглифами, покрывал стены, а пол был инкрустирован стилизованными астрологическими знаками, жуткими и таинственными. Шепли, опершись на алтарь, смотрел, как от раскрывающейся занавеси протягивается световой конус. В нем преобладали золото и кармин с пылинками яркой меди, сложившимися наконец в головной убор в форме арфы. Женщина покоилась на массивном черном

катафалке посреди сферы из мягко светящегося газа. От ее ложа разворачивались гигантские геральдические крылья. Медные волосы женщины раскинулись ото лба на пять или шесть футов. Их концы вплетались в оперение крыльев, создавая впечатление скрытого стремления, скорости — словно богиня замерла посреди полета на краю великого города мертвых.

Ее глаза равнодушно смотрели перед собой, прямо на Шепли. Руки и плечи были обнажены, и белая, как плотный снег, кожа отблескивала, отражая свет, пылающий у подножия катафалка и в длинном узком платье, стекающем от бедер на пол. Изысканная фарфоровая маска лица была чуть запрокинута, полуприкрытые веки наводили на мысль, что она спит или грезит. Образ не снабдили фоном, но сияющая чаша подножия вливала в него великую силу и тайну.

Шепли услышал за спиной шарканье Старика.

— Кто она, доктор? Принцесса?

Старик медленно покачал головой.

— Можно только гадать. Я не знаю. Странные сокровища попадаются в этих могилах. Делай дело, не надо тут задерживаться.

Шепли медлил. Он сделал шаг к женщине на катафалке, и тотчас ощутил мощный порыв ее

стремления ввысь; тяжесть минувших веков сложилась перед ним в осязаемую преграду.

— Доктор! — Он оказался у двери, догнав Старика. — Оставим ее, спешить некуда.

Старик остро всмотрелся в его лицо под лунным сиянием; блеск образа мерцал на юношеском румянце Шепли.

— Понимаю твои чувства, мальчик, но помни, этой женщины не существует, она просто картина. Тебе скоро придется за ней вернуться.

Шепли поспешно кивнул.

— Знаю, но может, сюда сходит кто-нибудь другой. Что-то странное с этой могилой. — он закрыл за собой дверь, и световой конус тотчас съежился, всасывая во тьму хранилища катафалк и женщину на нем. По дюнам прошел ветер, бросил горсть мелкого песка на обнажившиеся купола, вздохнул над разбитыми могилами.

Старик добрался до монорельса и там ждал Шепли, который еще час трудился, засыпая участок.

По совету Старика он отдал Тракселю только один контейнер с примерно пятьюстами футами пленки. Пророчество оправдалось: сторожа времени нахлынули в море Ньютона и поймали две шайки на месте преступления. Бриджес был зол,

но Тракселъ владел собой как всегда и будто не думал о потерянном вечере.

Устроившись на столе в покосившемся бальном зале, он заинтересованно изучал барабан и похваливал новичка за проявленную инициативу.

— Отлично, Шепли, я теперь рад, что ты с нами. Не расскажешь, где их нашел?

Шепли неопределенно пожал плечами и забормотал что-то о тайнике в основании одной из вскрытых могил, но тут вмешался Старик.

— Не болтай! А ты, Тракселъ, не задавай таких вопросов. Ему тоже приходится зарабатывать на жизнь.

Тракселъ ответил улыбкой сфинкса.

— Опять вы правы, доктор. — он забарабанил пальцами по гладкому, не потемневшему корпусу. — Превосходная сохранность, да еще и Пятнадцатая династия.

— Десятая! — негодующе возразил Шепли, испугавшись, что Тракселъ норовит прикарманить его премию. Старик выругался, а у Тракселя заблестели глаза.

— Десятая, значит? Я и не знал, что от Десятой сохранилась хоть одна могила. Ты меня удивил, Шепли. Очевидно, есть в тебе скрытые таланты.

К счастью, он, кажется, решил, что Старик хра-

нил эту пленку с давних пор.

Лежа ничком в мелкой впадине на склоне гребня, Шепли следил за белым пескоходом сторожей, продвигавшимся в темноте к старому кладбищу. Прямо под ним торчали шпили свежевскрывшихся могил, невидимых на фоне темного гребня. Двоих сторожей в пескоходе больше интересовал старый участок — они засекли вагонетку, лежащую на боку рядом с монорельсом, и догадывались, что в руинах опять копались. Один, стоя на движущейся палубе, осветил фонарем вскрытые павильоны. Пройдя под монорельсом, машина, оставляя за собой песчаный хвост, медленно ушла через озеро на северо-запад.

Несколько минут Шепли тихо лежал в густой тьме, вглядываясь в спускающиеся к озеру лощины и расщелины, а потом прокрался к павильонам. Смахнув песок, он открыл квадратную деревянную заслонку и нырнул под нее, на портик.

Когда золотой образ колдуньи встал ему навстречу из черноты хранилища, когда развернулись драконьи крылья, он отступил за колонну нефа, завороженный ее странной бессмертной красотой. Временами светящееся лицо мертвой внушало едва ли не отвращение, и все-таки

Шепли цеплялся за зыбкую надежду на ее воскрешение.

Он приходил сюда каждую ночь: прокрадывался в могилу, где она пролежала десять тысяч лет, и не мог заставить себя прервать ее. Длинные медные волосы струились за ней ветром времен, ее угловатое тело летело меж двумя бесконечно далекими вселенными, где тленно мерцали в собственном свете архетипические существа сверхчеловеческой стати.

Через два дня Бриджес обнаружил остальные барабаны.

— Траксель! Траксель! — взревел он, выбегая из пустующего бункера во внутренний двор. Вломившись в бальный зал, он грохнул металлические жестянки на компьютер, который программировал Траксель. — Ты посмотри — еще Десятая! Их там полно!

Траксель лениво взвесил банки на ладони, покосился на Шепли со Стариком, сторожив ших у окна.

— Любопытно. Где вы их нашли?

Шепли спрыгнул с подоконника.

— Это мои. Доктор подтвердит. Они продолжают ту первую, что я отдал на прошлой неделе. Я их придержал.

Бриджес проглотил ругательство.

— Да что ты говоришь?! Придержал! Это что, твой личный бункер?! С каких это пор?! — Он широкой ладонью отстранил Шепли и развернулся к Тракселю. — Слушай, Тракселъ, я их честно нашел. Никаких ярлычков не вижу. Что, малышу позволено накладывать лапу на все, что я принесу?

Тракселъ поднялся и навис над Бриджесом.

— Ты, конечно, прав, строго говоря. Но мы ведь вместе работаем, верно? Шепли сделал ошибку — простим его на этот раз. — он отдал барабаны Шепли. Бриджес едва сдержал возмущение. — На твоем месте, Шепли, я бы их обналичил. Не бойся сбить спрос на рынке.

Когда Шепли, обходя Бриджеса, двинулся к выходу, Тракселъ добавил:

— В сотрудничестве, знаешь ли, есть свои преимущества.

Проводив юношу взглядом, он повернулся к большой карте песчаного моря, наклеенной на стену.

— Придется тебе сейчас же обобрать могилы, — чуть позже говорил Шепли Старик. — Любому ясно, что ты на что-то наткнулся, а где это, Тракселъ вычислит в пять минут.

— Может, не так быстро, — ровным голосом ответил Шепли. Они вышли из тени дворца и двигались к дюнам; Бриджес с Тракселем, неподвижные в солнечном свете, следили за ними от обеденного стола. — Крыш уже почти не видно. Следующая песчаная буря захоронит их навсегда.

— Ты в другие могилы заходил?

Шепли замотал головой.

— Поверьте, доктор, я теперь понял, что здесь делают сторожа времени. Пока есть шанс вернуть их к жизни, мы, грабя могилы, каждый раз совершаем убийство. Даже если это один шанс на миллион — они, эти люди, может, на него и рассчитывали. Мы-то, между прочим, не кончаем с собой, хотя шансы на жизнь в другом мире практически нулевые.

Он уже поверил в воскрешение колдуньи, в ее шаг с катафалка ему навстречу. Как ни слаба была надежда вернуть ее к жизни, она служила Шепли опорой. Крошечным элементом уверенности в бессмысленной, беспорядочной вселенной.

4

Когда сквозь крышу пробился первый луч рассвета, Шепли неохотно отвернулся от нефа. Он

бросил еще один взгляд на светящийся образ и подавил легкую досаду, что так и не дождался преображения. Все же ему делалось легче, когда он проводил все свободное время в ожидании.

Спускаясь к старому кладбищу, он осторожно выбирал дорогу среди теней. Добрался до монорельса, но и дальше пошел пешком, опасаясь навести Тракселя на мысль, что тайник лежит на его линии. В холодном воздухе слабо разносился шум мотора. Бросившись за низкую насыпь, Шепли нашел взглядом извилистый след машины между дюнами.

Двигатель вдруг застучал почти за спиной: пятнистый вездеход Тракселя показался на гребне. Передние четыре колеса бешено закрутились, и тяжелая машина рванулась вниз по склону, разбрасывая с могил тонны мелкого песка, трудолюбиво спущенные на них Шепли. Несколько павильонов открылись сразу — белая пыль струями стекала с низких куполов.

Полузасыпанные спущенной ими же лавиной, Тракселя с Бриджесом выскочили из кабины и, тыча пальцами в павильоны, закричали что-то друг другу. Шепли рванулся вперед и занес ногу над монорельсом в тот самый миг, когда сталь загудела от вибрации.

К ним издалека медленно ползла вагонетка со Стариком — растрепанным, без шляпы.

Шепли оказался у могилы, когда Бриджес уже вышибал дверь тяжелым сапогом, а Тракселль стоял у него за спиной с набором гаечных ключей.

— О, Шепли! — весело приветствовал его Тракселль. — Так вот она — твоя сокровищница!

Шепли, расставив ноги, утвердился на оползающем песке и оттолкнул Тракселя. Окно брызнуло стеклом, но юноша, бросившись на Бриджеса, опрокинул его навзничь.

— Это моя, Бриджес! Остальные забирайте хоть все!

Бриджес рывком вскочил на ноги и злобно уставился на Шепли. Тракселль подозрительно присматривался к другим могилам с залитыми песком портиками.

— Что в ней особенного, Шепли? — ядовито поинтересовался он. Бриджес, взревев, саданул сапогом по стеклу, высадив одну панель. Шепли вцепился ему в плечи и тут же отлетел к стене, а Бриджес, не дав опомниться, с левой руки мощно ударил его в зубы, опрокинув на песок.

Тракселль расхохотался над оглушенным юношей, а потом, опустившись на колени, стал рассматривать его залитое кровью лицо в све-

те от возникающего в могиле образа. Бриджес удивленно ухнул по-обезьяньи и, разинув рот, воззрился на золотой мираж.

— Как вы меня нашли? — невнятно промычал Шепли. — Я десять раз двоил следы.

— Мы не тебя выслеживали, приятель, — усмехнулся Тракселъ. — Мы шли по рельсу, — он указал на серебристую нить металлической полосы, заметной в утреннем свете за десять миль. — Вагонетка расчистила рельс, он нас сюда и привел. А, здравствуйте, доктор, — обратился он к Старику, который, съехав по склону, устало опустился рядом с Шепли. — Благодарить, как я понял, следует вас? Не бойтесь, доктор, я вас не забуду.

— Большое спасибо, — равнодушно ответил Старик и, помогая Шепли подняться, нахмурился на его разбитую губу. — Не слишком ли серьезно вы настроены, Тракселъ? С ума сходите от жадности. Оставьте эту могилу мальчику, тут еще много.

Световой узор на песке потускнел и разбился: Бриджес нырнул сквозь луч в конец хранилища. Шепли слабо дернулся за ним, но Старик его удержал. Тракселъ пожал плечами:

— Поздно, доктор. — через плечо оглянувшись на образ, он горестно покачал головой, признавая

его величие. — Могилы Десятой династии все потрясающие. Но в этой есть что-то особенное.

Он все еще задумчиво смотрел на павильон, когда оттуда показался Бриджес.

— Ребята, это же крышу сносит! Тракселъ, я вот подумал, не липа ли? — Он подал Тракселю три контейнера, и тот один за другим взвесил их на ладони. — Легковаты, да?

Тракселъ принялся вскрывать контейнер ключом.

— Уверен, что там больше нет?

— Сто процентов. Хоть сам посмотри.

Два контейнера оказались пустыми, без катушек. Третий был полупуст: виток трехдюймовой пленки посередине. Бриджес обиженно взвыл.

— Малыш нас ограбил! Не верю!

Тракселъ, отмахнувшись, подошел к Старику, созерцавшему мигающий теперь образ. Двое переглянулись и согласно кивнули. Тракселъ со смешком пнул контейнер с обрывком пленки, выбросив катушку на песок, где она начала разматываться на тихом ветру. Бриджес попытался возразить, но Тракселъ только головой покачал.

— Липа. Иди, присмотрись к изображению.

Пока Бриджес тупо пялился на картину, он пояснил:

— Матрицу снимали с мертвой. Да, она красавица — как убедился бедняга Шепли, — но это буквально скорлупа. Вот почему данных всего полбанки. Ни нервной системы, ни мускулатуры и внутренних органов — одна красивая золотая маска. Это мертвая могила. Воскресишь — получишь на руки холодный труп.

— Да зачем же?! — проскрипел Бриджес. — Какой смысл?

Траксель картинно развел руками.

— Своего рода бессмертие. Может, она умерла внезапно, и это был лучший вариант — за неимением другого. Доктор поначалу находил здесь множество мертвых могил с маленькими детьми. Помню, он составил себе репутацию на том, что никогда их не трогал. Типичная для высоколобых сентиментальность — бессмертие только для мертвецов. Верно, доктор?

Тот не успел ответить; снизу закричали, с шипением взлетела сигнальная ракета; яркая красная звезда загорелась над озером, плюясь на них обрывками пламени. Траксель с Бриджесом, прыгнув вперед, увидели, как двое в пескоходе указывают в их сторону, а через озеро в полумиле приближаются еще три машины.

— Сторожа! — крикнул Траксель. Бриджес под-

хватил сумку с инструментами, и оба рванули по склону к вездеходу. Старик ковылял за ними. Он обернулся на Шепли, который так и сидел на земле, глядя на призрак за дверью павильона.

— Шепли! Соберись, парень. Получишь десять лет!

Не дождавшись ответа, он добежал до вездехода, уже уходившего задним ходом по песчаной морене. Бриджес вздернул его на борт.

— Шепли! — еще раз крикнул Старик. Траксель придержал машину, но с ревом рванул ее за гребень, когда загорелась вторая ракета.

Шепли потянулся к ленте, но подошвы сапог порвали ее на куски, и обрывки, которые он думал вставить обратно в проектор, трепетали на песке. Снизу слышались голоса и шум погони, предупредительные выстрелы, рев моторов — Траксель уходил от сторожей времени, — но Шепли не отрывал взгляда от образа в могиле. Тот уже начал распадаться, гаснуть в разгоравшемся солнце. Медленно поднявшись, Шепли вошел в могилу и закрыл помятую дверь.

В прежнем величии лежала между огромных крыльев колдунья. После тысячелетней неподвижности ее оживили, гальванизировали — рваный синкопический ритм сотрясал ее тело.

Крылья беспокойно дрожали, тремор прошел по основанию катафалка, и женские ноги принялись отплясывать мелкий, мерцающий менуэт, неутомимо и часто сводя и разводя носки. Широкие гладкие бедра сталкивались в пародии на быстрое танго.

Он смотрел, пока не пропало все, кроме лица, нескольких разрозненных линий, обозначивших крылья, и рывками растворяющегося в темноте катафалка, потом вышел наружу.

Там, в прохладном утреннем свете, его, подбоченившись, ждали сторожа времени в белых мундирах. Один держал в руках пустые контейнеры и шевелил ногой трепещущие обрывки ленты. Второй, взяв Шепли за плечо, направил его к машине.

— Шайка Тракселя, — сказал он водителю, — новичок, должно быть. — Он кисло глянул на разбитые губы Шепли: — Похоже, передрались из-за добычи.

— Вывернули? — кивнул на пустые контейнеры водитель.

Тот, что их держал, кивнул.

— Все три. А это Десятая династия. — он наручниками пристегнул Шепли к приборной доске. — Беда с тобой, сынок, тебе тоже светит

десятка. Покажется не короче десяти тысяч.

— Если только это не фальшак был, — подсказал водитель, не без сочувствия поглядывая на Шепли. — Знаешь, мертвые могилы…

Шепли сжал окровавленные губы.

— Эта была не мертвая, — твердо сказал он.

— А что за пленка там летает по ветру? — напомнил сторожам водитель.

Шепли поднял голову к слабо трепещущей под гребнем могиле. Она почти погасла.

— Это была просто личина, — сказал он. — Пустая кожура.

Когда завелся мотор, он услышал стук трех пустых барабанов, упавших за сиденье.

1961

The Time Tombs. Первая публикация в журнале Worlds Of If, март 1963.

Море волнуется раз
Перевод Г. Шокина

Ночью Мэйсон вновь уловил шум приближающегося моря, приглушенный грохот валов, прокатывающихся по близлежащим улицам. Стряхнув окончательно сон, он выбежал наружу, под свет луны, где среди омытых бетонных дворов склепами высились белые дома. В двухстах ярдах от него волны неистовствовали и пенились, захлестывая мостовые. На прутьях заборов оседали белые барашки. Россыпь брызг наполняла воздух винно-терпким привкусом морской воды.

А еще дальше — там, впереди, — глубокие воды смыкались над крышами уже ушедших под воду домов, и только торчащие кверху дымоходы передавали привет со дна. Отскочив назад — холодная пена обожгла ступни, — Мэйсон взглянул на дом, где спала его жена. С каждой ночью море приближалось на несколько ярдов, отсекая, словно гильотина, очередной кусок от пустынной лужайки.

Полчаса смотрел Мэйсон, как волны перекатывались между крышами. Светящийся прибой

отбрасывал бледный сполох на облака, несущиеся над головой на суровом ветру; он же покрывал руки Мэйсона восковым блеском росы.

Но вот волны мягко улеглись, и глубокий люминесцирующий омут закрутился в обратном направлении, открывая лунному оку таинство пустынных улиц, кайму очертаний домов. Тогда Мэйсон рванулся вперед, шлепая по лужам, — но море сбегало от него, исчезая в подворотнях, проскальзывая под дверями гаражей. Он достиг конца дороги, когда небо за шпилем церкви озарил прощальный всполох. Измученный, Мэйсон вернулся в постель, и пока он спал, в его ушах трепетал голос затихающих волн.

— Прошлой ночью я снова видел море, — сказал он жене, Мириам, за завтраком.

— Ричард, — тихо отозвалась она, взглянув на мужа, — между нами и морем — как минимум тысяча миль. — Ее бледные пальцы перебирали завиток черных волос. — Выйди на дорожку и посмотри. Никакого моря нет.

— Но, радость моя, я *видел*…

— Ричард!

Мэйсон встал и медленно поднял ладони.

— Мириам, я почувствовал брызги на руках. Волны разбивались у моих ног. Я не спал.

— Что ж, если ты так говоришь… — Мириам встала в проеме двери, словно пытаясь своим телом отгородить супруга от странного водного мира, являющегося без приглашения в ночи. С длинными волосами цвета воронова крыла, обрамлявшими ее круглое личико, и в алом халате, распахнутом, открывавшем ее стройную шею и белую грудь, она напомнила Мэйсону героиню прерафаэлитов, застывшую в позе короля Артура.

— Ричард, ты должен показаться доктору Клифтону. Дело плохо.

Мэйсон улыбнулся. Его взор блуждал по далеким крышам, поверх деревьев.

— Не нужно беспокойства. На самом деле все до смешного просто. Ночами я слышу шум моря, выхожу — и смотрю, как волны плещутся под луной. Потом я преспокойно возвращаюсь в постель, к тебе. — он замолчал, и на его лице проступил болезненный румянец. Мэйсон, высокий и худощавый мужчина, все еще не оправился от недуга, на полгода заключившего его в четырех стенах. — Любопытно, однако, — продолжал он, — что эти волны источают столь удивительный свет. Я бы предположил, что соленость воды значительно выше нормы, но…

– *Но,* Ричард, — Мириам беспомощно огляделась по сторонам. Спокойствие, с которым муж рассуждал обо всех этих призрачных вещах, обескураживало ее, — моря там нет, оно — в твоем воображении. Никто, кроме тебя, его не видит.

Мэйсон кивнул, спрятав руки в карманах халата.

— Думаю, и не слышит, — добавил он мечтательно.

Он вышел из столовой и направился к себе в кабинет. Диван, где он спал во время болезни, по-прежнему стоял в углу, рядом с ним высился книжный шкаф. Мэйсон сел и взял с полки большого ископаемого моллюска. Зимой, когда он был прикован к постели, гладкая раковина в форме трубы, вызывавшая бесконечные ассоциации с древними морями и островами, исчезнувшими под толщей вод, доставляла ему безграничное удовольствие, являя собой бездонный рог изобилия образов и грез. Успокаивающе баюкая в руках этот изящный, но неоднозначный, как фрагмент греческой скульптуры, артефакт, найденный в русле высохшей реки, он размышлял, что ракушка похожа на временну́ю капсулу, сохранившую в себе мизерный фрагмент другой вселенной. Он готов был верить, будто полуночное море, пре-

следовавшее его во сне, вырвалось из раковины, когда он нечаянно процарапал насквозь один из ее витков.

Мириам последовала за ним в комнату и быстро задернула шторы, словно понимая, что Мэйсон возвращается в сумеречный мир своей постели. Она обняла его за плечи.

— Ричард, послушай. Сегодня вечером, когда ты услышишь шум волн, разбуди меня, и мы пойдем гулять вместе.

Мэйсон мягко высвободился.

— Видишь ты его или нет, не имеет значения, Мириам. Вижу *я* — и это факт.

Позже, прогуливаясь по улице, Мэйсон дошел до места, где стоял прошлой ночью, наблюдая за игрой волн. Из домов, прежде казавшихся затопленными, доносились сейчас звуки чьего-то размеренного быта. Трава на газонах выгорела от июльской жары, и струйки, бьющие во все стороны из системы полива, рассыпали в воздухе мириады крошечных радуг. Толстый слой пыли, не знавшей тревоги с весенних ливней, покоился у оград, куда не доставали здешние миниатюрные ирригационные системы.

Улица, одна из десятков окраинных эспланад по периметру города, тянулась на северо-запад

примерно триста ярдов, а затем выходила на открытую площадь близ торгового центра. Мэйсон, прикрыв глаза рукой, взглянул на башенку с часами, украшавшую здание библиотеки. Сразу же на ум пришел образ шпилей, торчащих над волнами. Все они оказались на тех самых местах, как ему запомнилось по минувшей ночи.

По мере приближения к торговому центру дорога слегка сворачивала — и, по любопытнейшему совпадению, проходила по краю пляжа, каковой мог существовать, если бы весь этот районч вдруг затопило. Примерно в миле от города пологий хребет, формирующий часть края большой естественной впадины, окружавшей аллювиальную равнину[3] внизу, заканчивался небольшим выступом меловых отложений. Хотя тот и был частично скрыт стоящими на пути взора домами, Мэйсон теперь ясно разглядел в нем *мыс*, напоминающий некую цитадель на взморье. Синие волны накатывали на его склоны, вздымая огромные столбы брызг, с почти что гипнотической плавностью опускаясь на отступающую воду. Ночью мыс казался больше

[3] Примечания: 3

Аллювиальная равнина (от лат. *alluvialis* — «наносный») — равнина, возникающая вследствие аккумулятивной деятельности крупных рек.

и неприступнее — нерушимый бастион на фоне моря! «Однажды под вечер, — пообещал себе Мэйсон, — я улягусь спать прямо там, на самой вершине мыса; и пускай волны разбудят меня».

Мимо проехала машина. Водитель с невинным любопытством наблюдал за интересным мужчиной, застывшим посреди дороги с задранной к небу головой. Не желая казаться отпетым чудаком, муж миссис Мэйсон, красивой, но бездетной («Увы и ах!» — судачили кумушки), этот грезящий наяву отшельник, свернул на променад, протянувшийся вдоль пологого хребта, и неторопливо брел к далекому холму, время от времени пытаясь разглядеть внизу, в котловине, следы потопа. Ни поваленных фруктовых деревьев, ни перевернутых автомобилей… а ведь вся округа побывала во власти прилива.

Первые видения моря пришли к Мэйсону всего три недели назад, но он уже был убежден в их абсолютной достоверности. Он осознал, что после ночного отступления вода не оставляла никаких следов на сотнях затопленных домов — и не испытывал тревоги за утонувших, безмятежно усопших в огромном резервуаре с соленой водой. Парадокс, казалось бы, налицо — но именно твердая убежденность в реальности моря заста-

вила Мэйсона признаться Мириам, что однажды ночью он проснулся от шума волн за окном и, выйдя на улицу, увидел, как море наплывает сквозь соседние улицы и дома. Сначала она просто улыбнулась ему — мало ли на свете чудны'х снов; какой бы смысл в них ни таился, это просто сны. А затем, три ночи спустя, она проснулась от звука закрываемой на задвижку двери, когда он вернулся, и была напугана его тяжелым дыханием и взмокшим лицом.

С тех пор Мириам проводила весь день, оглядываясь через плечо в окно в поисках каких-либо признаков моря. Если что и беспокоило ее больше, чем само видение, так это полное спокойствие мужа пред лицом этого ужасающего неосознанного апокалипсиса.

Утомленный прогулкой, Мэйсон присел на низенькую декоративную ограду, скрытую от соседских домов кустами рододендрона. Несколько минут он провел, чертя что-то веточкой на белой, выгоревшей насыпи у себя под ногами. Песок, аморфный и инертный, заставлял Мэйсона думать о той самой ископаемой раковине — наверное, потому что, как и она, таил в себе далекий необъяснимый свет.

Дальше дорога перед ним изгибалась и уходила

под склон, к лежащим внизу полям. Меловой уступ, облепленный зеленым дерном, поднимался к ясному небу. На склоне стояла сшитая из листовой стали будка, отмечающая спуск в старую горняцкую шахту. У входа в нее суетилась небольшая группка людей, устанавливая деревянный подъемник. Жалея, что не взял машину жены, Мэйсон следил, как маленькие фигурки одна за другой сходили в подземелье.

Образ этой неуловимой пантомимы не покидал его в библиотеке весь день, перекрывая воспоминания о темных волнах, катящихся по полуночным улицам. Мэйсона поддерживала уверенность в том, что другие люди скоро тоже узнают о том, как волнуется здешнее море.

Когда в тот вечер он засобирался спать, то обнаружил, что Мириам, все еще одетая, сидит в кресле у окна, и на лице у нее застыло выражение спокойной решимости.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Жду.

— Чего?

— Моря. Не волнуйся, просто не обращай на меня внимания. Ложись спать. Я не против посидеть здесь в темноте.

— Мириам… — Мэйсон устало взял ее за тонкую

руку и попытался приподнять со стула. — Дорогая, к чему это приведет?

— Разве не очевидно?

Мэйсон присел на краешек кровати. По какой-то причине, не связанной единственно с желанием защитить ее, он хотел удержать жену от встречи с морем.

— Мириам, неужели ты не понимаешь? Вполне возможно, что я вижу его не в обычном смысле понятия «видеть», — он попытался подыскать правильные слова, — может, море — это как сон… галлюцинация.

Мириам покачала головой и стиснула пальцами подлокотники кресла.

— Я так не думаю. В любом случае, надо убедиться самой.

— Но так ли это делается… — протянул Мэйсон, потягиваясь.

Мириам выпрямилась в кресле.

— Ричард, ты воспринимаешь это так спокойно, будто речь о простой головной боли. Это-то меня и пугает. Будь ты в панике, я бы так не волновалась, но…

Полчаса спустя он заснул в темной комнате. Тонкое личико Мириам смотрело на него из тени.

…Волны пели свою песню, пришептывали лопающимися пузырьками пены; звук прибоя врывался в его сон, стучал в барабанную перепонку. Мэйсон выскочил из постели, поспешно оделся и выбежал на улицу вслед за ускользающими голосами. В углу, озаренная отсветом, сидя в кресле, спала Мириам. Полоска лунного света уперлась в ее нежную шею подобно лезвию.

Бесшумно ступая босыми ногами, Мэйсон побежал навстречу волнам. Он остановился за блестевшей под луной границей прилива; в ту же секунду накатил вал и разбился с гулким «бом-м-м-м». Мэйсон почувствовал, как холодная сверкающая влага, кишащая мелкой морской живностью, окатила его грудь и плечи, а затем отхлынула прочь, засасываемая в пасть следующего буруна. В мокрой одежде, льнущей к телу, точно мертвая медуза, Мэйсон смотрел на море. В лунном свете белые дома вдавались в воду, как палаццо призрачной Венеции или мавзолеи на дамбах какого-нибудь островного некрополя. Все еще был виден только церковный шпиль. Вода достигла своего пика, и еще через двадцать ярдов вниз по улице брызги практически долетали до дома Мэйсона.

Он выждал промежуток между двумя волнами,

а затем перешел вброд по мелководью к аллее, ведущей к далекому мысу. К этому времени вода уже залила проезжую часть, захватывая темные лужайки и ударяясь о пороги домов.

В полумиле от мыса его едва не настиг крупный вал, грозящий сбить с ног и увлечь на дно, в дышащие холодом глубины. Уклоняясь, Мэйсон увидел под струящими странный свет облаками нечеткий силуэт женщины, застывшей посреди бурунов на каменном парапете, который венчал край утеса. Ее черный плащ развевался на ветру, а длинные волосы ярко белели в лучах ночного светила. Далеко под ее ногами люминесцирующие волны подпрыгивали, как акробаты.

Мэйсон побежал по тротуару, теряя ее из виду, когда дорога сделала резкий поворот и впереди показались дома. Вода отступала, и он в последний раз увидел сквозь брызги ледяной профиль женщины. Прилив нырнул за угол, и море схлынуло между зданий, лишая ночь света и движения.

Когда на мокром асфальте лопнули последние пузырьки, Мэйсон осмотрел мыс — но дамы в плаще было уже не видать. Его мокрая одежда высохла сама собой, пока он брел обратно по пустым улицам. Полуночный воздух унес с живых

изгородей последний запах морской воды.

* * *

На следующее утро он сказал Мириам:

— И все-таки это всего лишь сон. Полагаю, море меня забыло. Прошлой ночью я ничего не увидел.

— Как хорошо, Ричард! Ты говоришь правду?

— Правду-правду. — Мэйсон ободряюще улыбнулся. — Спасибо, что присматриваешь за мной.

— Сегодня ночью я снова буду сторожить тебя. — она предупреждающе подняла руку: — Не спорь. Я чувствую себя нормально после этой ночи и хочу, чтобы это морское наваждение исчезло из твоих снов навсегда. — немного помолчав, она добавила: — Ты удивишься, но я тоже несколько раз слышала его… отголоски. Оно ворчало по-стариковски… будто просыпаясь после миллионов лет во сне.

По дороге в библиотеку Мэйсон свернул к меловому выступу и припарковал машину там, где видел под луной фигуру беловолосой женщины, повелевавшей морем. Солнце прогревало бледный дерн, освещая проход в шахту, где кипела все такая же беспорядочная деятельность.

Следующие минут пятнадцать Мэйсон прохаживался вверх-вниз по зеленеющим аллеям, украдкой заглядывая в окна кухонь. «Почти наверняка, — думалось ему, — она живет в одном из этих домов. Свое черное одеяние ночной героини она сменила днем на уютный домашний халат».

Позже около библиотеки он увидел машину, приглянувшуюся ему на мысу. Водитель, старик в твидовом костюме, разглядывал витрины с образцами геологических находок со всей округи.

— Кто он? — спросил Мэйсон Феллоуса, хранителя древностей, когда машина отъехала. — Я его видел как-то раз на скалах.

— Это профессор Гудхарт. Его палеонтологическая партия, видимо, набрела на отменные залежи окаменелостей. — Феллоус кивнул на выставленную у него коллекцию осколков тазовых и челюстных костей: — Если повезет, может, и нам что-нибудь от них перепадет.

Мэйсон уставился на кости, осознавая: некий ребус в его сознании вдруг сошелся.

Каждую ночь, когда море возвращалось на темные улицы и волны накатывались на дом, он просыпался под боком у спящей жены и выходил на свежий воздух, пробираясь по глубокой воде к мысу. Там он видел беловолосую женщину на

краю обрыва, коронованную фонтанами брызг. Ни разу ему не улыбнулась удача дойти до нее раньше начала прилива; в отчаянии он падал на мокрый асфальт покинутой морем улицы.

Однажды полицейские из ночного патруля обнаружили его обессиленно лежащим возле дорожного шлагбаума. В другой раз, вернувшись, он забыл закрыть за собой входную дверь.

На протяжении всего завтрака Мириам наблюдала за ним с прежней настороженностью, заметив синяки у него под глазами, формой напоминавшие кандалы.

— Ричард, тебе лучше перестать ходить в библиотеку, — сказала она. — Тебя снова мучают кошмары про девятый вал?

Мэйсон покачал головой, выдавив из себя усталую улыбку.

— Нет, с этим покончено. Возможно, я просто переутомился.

Мириам взяла его за руки.

— Ты вчера не упал? — Она осмотрела ладони Мэйсона. — Дорогой, у тебя все руки в ссадинах! Ты, должно быть, поранился совсем недавно. Неужели не помнишь?

Погруженный в свои мысли, Мэйсон на ходу сочинил какую-то историю, чтобы утолить интерес

жены, затем отнес кофе в кабинет и уставился на утреннюю дымку, расстеленную по крышам, — разлив млечного сияния, заполняющего собой ту же огромную чашу, что и ночное море. Но дымка вскоре растаяла в солнечном свете, и мимолетно отступившая реальность, эта юдоль привычных вещей, снова обрушилась на него всей тяжестью, пронзая душу иглами щемящей меланхолии.

Не задумываясь, он потянулся к ископаемой раковине на книжной полке, но отдернул руку, так и не коснувшись ее.

Мириам встала рядом с ним.

— Жуткая штуковина, — сказала она, с тревогой глядя на раковину. — Ричард, скажи мне… что, по-твоему, вызывает все эти сны?

Мэйсон пожал плечами.

— Наверное, какое-то воспоминание… о чем-то. — он задумался на мгновение, уместно ли говорить Мириам про то, что он по-прежнему слышит по ночам прибой, и про ту беловолосую женщину на вершине утеса. Но ведь, как и все женщины, Мириам полагала, что в жизни ее мужа есть место только для одной загадки. Вопреки логике вещей, Мэйсон чувствовал, что его нынешняя зависимость от доходов жены и потеря самоуважения дают ему право скрывать

от нее что-то о себе.

— Ричард, что такое?..

Он забылся. Забылся, потому что в его воображении фонтан брызг раскрылся прозрачным веером — и повелительница волн повернулась к нему.

Волны, доходившие ему до пояса, бурлили на лужайке. Мэйсон снял куртку и швырнул ее в воду, а затем вышел на улицу. Валы — выше, чем когда-либо прежде, — наконец достигли его дома и перехлестнули через порог. Мэйсон, глядя, как они сшибают с подставки в коридоре изящные тапочки жены, беспечно подумал, что с Мириам ничего страшного не случится, и все внимание обратил к мысу, непреклонному под непрерывной канонадой брызг. Пелена мелких капель делала фигуру, застывшую на гребне, еле различимой.

По мере того как Мэйсон продвигался вперед, иногда проваливаясь в воду по плечи, море подбрасывало ему препятствия в виде кустистых колоний светящихся водорослей. От соленого воздуха у него щипало в глазах. Он добрался до нижних склонов мыса, почти обессилев, и упал на колени. Высоко над его головой, стекая по узким расщелинам в теле утеса, пела вода на

фоне глухого рева прибоя. Увлекаемый призывом, звучащим в этой музыке, Мэйсон принялся карабкаться по склону, оставляя внизу море, отразившее бесчисленные луны. Когда он достиг вершины утеса, порыв ветра скрыл краем черного плаща лицо женщины — его глазам в тот момент предстали лишь ее крепкие бедра и жесткая, прямая спина. Глубокие басы бурунов, перекрываемые дискантом усиливающегося ветра, терзали ему слух; а она вдруг развернулась — и пошла прочь, словно поплыла по воздуху.

— Подождите меня!

Его крик потонул в воздухе. Мэйсон бросился вперед, а фигура обернулась и уставилась на него. Ее белые волосы окутали лицо спереди, подобно струйкам серебристого пара, а затем разделились, являя лицо с пустыми глазами и разрезанным ртом. Рука, похожая на связку белых прутьев, потянулась к нему, и фигура восстала сквозь клубящуюся тьму, как гигантская птица.

Не зная, вырвался ли вопль из его собственных уст или из гортани этого призрака, Мэйсон отшатнулся. Не успев обрести равновесие, он споткнулся о деревянные перила — и под звон цепей и стук противовесов лебедки подъемника упал навзничь в шахту.

Во тьму, где шумело, волнуясь, море.

* * *

Выслушав рассказ полицейского, профессор Гудхарт покачал головой.

— Боюсь, что нет, сержант. Мы работали над установкой подъемника и заграждений всю неделю. Никто не падал в шахту. Ну, одна перекладина вроде как разболталась. Так что спасибо за предупреждение. Полагаю, нам следует соорудить перила покрепче, если этот парень бродит по округе во сне.

— Не думаю, что лунатик смог бы вскарабкаться сюда, — сказал сержант. — Подъем-то не из простых. — подумав, он добавил: — В библиотеке, куда он часто наведывался, сказали, что вчера вы нашли в шахте пару скелетов. Я, конечно, знаю, что прошло всего два дня с тех пор, как он исчез, но один из скелетов никак не мог принадлежать ему? Может, там на дне скопилась какая-нибудь природная кислота, и…

Профессор посмотрел на него как на невежду, и сержант развел руками:

— Ну, не обессудьте — его жена безутешна. Намерена любой ценой найти этого гуляку Мэйсона. Надо же мне хоть что-то ей сказать…

Гудхарт придавил подошвой меловую почву.

— Чистый карбонат кальция толщиной примерно в милю. Слой образовался в триасовый период, двести миллионов лет назад, когда здесь было большое внутреннее море. Скелеты, найденные нами вчера, мужской и женский, принадлежат двум кроманьонцам. Очевидно, это рыбаки, которые жили тут на берегу незадолго до того, как все окончательно высохло. Другой вопрос, как они попали в этот древний слой — шахту затопило только тридцать лет назад, и до того в ней велись работы… Хотел бы я быть вам полезен, сержант. Но, боюсь, тут все решается археологической, а не криминологической наукой.

Вернувшись к полицейской машине, сержант покачал головой. Отъехав, он взглянул на бесконечную вереницу тихих пригородных домов еще раз.

— Значит, когда-то здесь разливалось древнее море. Миллион лет назад. — он подобрал с заднего сиденья мятую фланелевую куртку Мэйсона. — А я-то все думал, чем это таким она вся пропахла… конечно же, морем!

1962

Now Wakes the Sea. Первая публикация в журнале Fantasy & Science Fiction, май 1963.

Охотники Венеры
Перевод Г. Соловьевой

Поступая на работу в Мемориальный институт Хаббла в обсерватории Маунт-Вернон, доктор Эндрю Вард и думать не думал, что самым близким из новых знакомых станет для него Чарльз Кандински, астроном-любитель и пророк от нечего делать, которого сотрудники обсерватории снисходительно именовали сумасшедшим. На самом деле, если бы они с замдиректора института профессором Кэмероном предвидели, как далеко заведет эта дружба за двухлетний срок, Вард покинул бы Маунт-Вернон в день приезда и не позволил бы вовлечь себя в нелепую и на удивление ироничную трагедию, оставившую неизгладимый след в его карьере.

С Кандински его познакомил профессор Кэмерон. Примерно через неделю после приезда Варда они вместе завтракали в институтском кафетерии.

— Кофе выпьем в Вернон-Гарденс, — сказал Кэмерон, доедая десерт. — Мне нужен шампунь для роз Эдны, а потом посидим часок на солныш-

ке, полюбуемся на девушек.

Они неторопливо прошли мимо уличных столиков к парковке. За милю от них над редеющими выше по склону хвойными деревьями мраморно блестели на фоне неба три больших купола Вернона.

— Кстати, там можно познакомиться с оппозицией.

— В Верноне есть еще одна обсерватория? — спросил Вард, когда «бьюик» Кэмерона выехал на дорогу. — Или вы о метеостанции военной авиации?

— Вы еще не слышали про Чарльза Кандински? — ответил Кэмерон. — Автор книги «Десант Извне». Она вышла года три назад.

Вард с сомнением покачал головой. Они проехали пропускной пункт у ворот. Кэмерон помахал охраннику.

— Он уверяет, что видел внеземных жителей, марсиан или венерианцев. Такой вот он, наш Кандински. Мало сказать — видел, — добавил профессор, — он с ними разговаривал. Чарльз работает в кафе в Вернон-Гарденс. Мы хорошо знакомы.

— У него тоже обсерватория?

— Да, старый четырехдюймовый рефрактор

Макдональда в ведре с цементом. Вы, может быть, скажете, что это немного, но хотел бы я увидеть через наш «два-пятьдесят» то, что видит он.

Вард неопределенно кивнул. Обе обсерватории, где он успел поработать — Кейптаунская и Миланская астрографическая, — привлекали множество психов и шарлатанов, претендующих на великие открытия, так что перспектива знакомства с Кандински его не слишком заинтересовала.

— Шутник или маньяк?

Профессор Кэмерон поднял очки на лоб и закрепил их шпилькой.

— Ни то, ни другое.

Вард улыбнулся, лениво рассматривая пухлое ангельское личико Кэмерона с оттопыренными губками и острыми глазками. Он знал, что профессор пользуется репутацией остряка.

— Он и при вас уверял, будто видел… венерианцев?

— Не раз, — кивнул профессор Кэмерон. — Чарльз два-три раза в неделю читает лекции о посещениях Земли в женских клубах и готов предоставить себя в наше распоряжение. К сожалению, нам пришлось отказаться — мы для него недостаточно прогрессивны. Впрочем, подожди-

те, сами увидите.

Вард пожал плечами и стал смотреть в окно на протянувшиеся под ними плавно изогнутые персиковые террасы в золоте августовского зноя. Они спустились на тысячу футов. Дорога расширилась и влилась в шоссе от Вернон-Гарденс к пустыне Санта-Вера и побережью.

Вернон-Гарденс был ближайшим к обсерватории населенным пунктом. Большая часть городка строилась в последние годы в расчете на туристов: ряд голубых и розовых домиков, школьное здание из стеклянного кирпича, баптистская церковь в абстрактном стиле. Магазины вдоль главной улицы были выкрашены в яркие попсовые цвета, пестрые навесы и неоновая реклама складывались в уличные декорации экспериментального мюзикла.

Профессор Кэмерон свернул на широкую площадь и остановил машину у фонтанов посередине. Они с Вардом пешком направились к кафе. «Альс Фреско», «Илла», «Купол» выстроились вдоль улицы. На площадь выходил десяток сувенирных лавок: посеребренные телескопы и модели большого купола Вернона украшали чернильные приборы и ящики для сигар. Рядом лежала дешевая мелочовка — миниатюрные

планетарии, шлемы скафандров и объемные звездные атласы из пластмассы.

Они подошли к кафе, декорированному в столь же футуристическом стиле: кресла и столики были выкрашены тусклой алюминиевой краской, сиденья и столешницы застыли в форме разнообразных геометрических фигур. И на каждом название кафе: «Станция Тихо».

Рядом торчал из земли большой мобиль, подвески и растяжки вспыхивали на солнце. Профессор брезгливо отстранил висюльку.

— Готов поклясться, что эта дрянь растет, — признался он Варду. — Надо сказать Чарльзу, чтобы подстриг крону.

Выбрав столик на улице, он надел новую пару темных очков и устремил взгляд на загорелые ноги длинноногой девицы, проскакавшей мимо.

Вард, оставшийся на минуту в одиночестве, огляделся и обратил внимание на целлофановый билет до планетного кольца, приклеенный к столу. Кроме того, «Станция Тихо» собрала небольшую обменную библиотеку научной фантастики. У дверей стоял маленький металлический стеллаж, и скромно одетый немолодой мужчина, явно прячась за поднятым воротником, перебирал бумажные корешки. За соседним столиком читал

журнал серьезный и сосредоточенный молодой человек. На виске, за высоким лбом церебротника, виднелись выпуклые розовые шрамы. След лоботомии, ехидно подумал Вард.

— С нас, наверно, спросят разрешение на посадку, — обратился он к Кэмерону, когда за три-четыре минуты никто так и не подошел их обслужить. — Или потребуют анализ на pH.

Профессор усмехнулся.

— Не волнуйтесь: пока не обслужат, никаких операций. — Кэмерон на минуту отвел глаза от проходящих девушек. — Вот и он.

Высокий бородач в клетчатой рубашке с короткими рукавами и светло-зеленых брюках вынес из кафе две чашки кофе на подносе.

— Привет, Чарльз, — обратился к нему Кэмерон. — Вот ты где! Мы уж решили, что провалились во временну́ю дыру.

Тот, хмыкнув, поставил перед ними кофе. На вид Вард дал бы ему лет пятьдесят пять. Ростом бородач был заметно выше шести футов, с массивным загорелым затылком и тощими, но мускулистыми руками.

— Эндрю, это Чарльз Кандински, — представил Кэмерон. — Эндрю будет работать со мной, Чарльз. Это он делал в прошлом году фотографии

цефеид для Миланской конференции.

Кандински кивнул и критически, без особого интереса осмотрел Варда.

— Я рассказывал ему о тебе, Чарльз, — продолжал Кэмерон, — и о том, как все мы следим за твоими работами. Новостей, как я понимаю, нет?

Кандински чуть заметно улыбнулся. Вежливо слушая болтовню Кэмерона, он, задрав огромную голову, на которой красовались борозды швов, смотрел в небо над площадью.

— Эндрю читал твою книгу, Чарльз, — разглагольствовал Кэмерон, — и очень заинтересовался. Он хотел бы видеть оригиналы тех снимков. Правда, Эндрю?

— Безусловно, хотел бы, — согласился Вард.

Кандински опустил на него взгляд — не столько пронзительный, сколько безличный и отстраненный, словно он оценивал Варда с беспристрастием, не оставляющим места никаким иллюзиям. Такой взгляд Вард прежде замечал у глубоких стариков.

— Хорошо, — заговорил Кандински. — Они сейчас в депозитном сейфе моего банка, но, если вы серьезно, я их возьму.

В этот момент к кафе свернули две девушки в

широкополых шляпах «Рапала». Пробравшись между столиками, они сели и улыбнулись Кандински. Тот кивнул Варду с Кэмероном и перешел к посетительницам, тут же завязавшим с ним оживленную болтовню.

— Вижу, он пользуется популярностью, — отметил Вард. — Я ожидал другого. Надеюсь, он не обиделся за свои тарелки? Он слушал вас так серьезно…

— Он несколько чувствителен на этот счет, — пояснил Кэмерон. — Знаменитые летающие тарелочки из мусорных бачков. Но не подумайте, будто я его дразню. По правде сказать, я очень уважаю Чарльза. Все мы, по сути, в одной ракете.

— Да что вы? — удивился Вард. — Я его книгу не читал. Он что, так прямо и утверждает, что видел пришельцев с Венеры и говорил с ними?

— Точно так. Вы ему не верите?

— Такое я еще не пробовал, — рассмеялся Вард. Поискав в кармане мелочь, он оставил монету на столике. — Говорите, это не розыгрыш?

— Нет конечно.

— Как же вы это объясняете? Компенсаторные фантазии или…

Профессор Кэмерон улыбнулся.

— Погодите, пока не узнаете его получше.

— О его мессианстве уже известно, — сухо сказал Вард. — Попробую угадать остальное. Питается одним йогуртом, сам шьет себе одежду, всю ночь, стоя на голове, декламирует Бхагавадгиту задом наперед…

— Нет, — все еще улыбаясь, возразил Кэмерон. — Он просто великан, страдающий от сыпи, которая часто бывает после посещения парикмахерских. Так и думал, что это вас озадачит.

Вард смахнул со стола билет. Какой-то любитель фантастики искусно подрисовал на поверхности планеты воображаемые детали рельефа.

— Где он виделся со своими венерианцами? — скрывая любопытство, спросил Вард.

— Милях в двадцати отсюда, у шоссе в пустыне Санта-Вера. Он выезжал на прогулку с друзьями, отошел за дюны и наткнулся на космический корабль. Его друзья клянутся, что Кандински был абсолютно нормален и до, и после, а металлическую табличку с письменами, оставленную венерианским пилотом, они все видели. Что-то вроде ультиматума, если не ошибаюсь, приказывающего человечеству свернуть все космические программы. Как видно, кому-то там, наверху, мы не по нраву.

— Табличка по-прежнему у него? — осведомил-

ся Вард.

— Нет. К сожалению, она самовозгорелась на жаре. Но Чарльз успел ее сфотографировать.

Вард засмеялся.

— Не сомневаюсь. По мне, это прекрасно организованный розыгрыш. Думаю, на книге он нажил состояние?

— Примерно сто пятьдесят долларов. Он сам оплатил издание. Почему, вы думаете, он здесь работает? Отзывы были недоброжелательные. Читатели научной фантастики, кажется, не поклонники летающих тарелок, а остальные сочли его безумцем. — профессор встал. — Не пора ли обратно?

Выходя из кафе, Кэмерон помахал Кандински, все еще беседовавшему с девушками. Те, подавшись вперед, жадно внимали его словам.

— А что о нем думают жители Вернон-Гарденс? — спросил Вард, когда они въехали в аллею.

— Ну, как ни странно, практически все, кто знаком с Кандински, верят в его искренность и в то, что он видел корабль пришельцев, хоть и сознают в то же время, что рассказ совершенно неправдоподобен.

— «Знаю, что Бог существует, но не могу в него

поверить»?

— Именно так. Большинство вернонцев, естественно, считает его сумасшедшим. Месяца через три после встречи с венерианцами Чарльз увидел еще один НЛО, виляющий хвостом над нашим городом. Он вызвал пожарных, поднял по тревоге радарную станцию, и даже нацгвардия носилась по городу, звоня во все колокола. В облаках и вправду мотались два белых пятнышка. К несчастью для Чарльза, это был отсвет фар одного фермера из долины, поливавшего ночью свою спаржу. Чарльз первым это признал, но никто не обрадовался побудке в три часа ночи.

— Кто он, собственно, такой? — спросил Вард. — Откуда взялся?

— Он не профессионал по контактам с венерианцами, если вы на это намекаете. Родом с Аляски, несколько лет преподавал психологию в университете Мехико. Всюду побывал, перепробовал тысячу профессий. Ветеран самоэвакуации. Найдите его книгу.

Вард что-то промычал в ответ. Он въехал в торговый ряд и остановился у первого магазинчика — аквариума «Нувель вог», — чтобы полюбоваться рыбами-ангелами и королевскими брахманами, сонно плавающими в глубине.

— Почитать стоит, — продолжал Кэмерон. — Скажу не преувеличивая, документов интереснее я не встречал.

— Боюсь, я слишком консервативен для веры в межпланетных чудищ, — съязвил Вард.

— Жаль, — в том же тоне ответил профессор. — Меня они завораживают. Прямо из подсознания. И рыбы тоже. — он кивнул на аквариум и, насмешливо улыбнувшись Варду, поехал к фермерской лавке в глубине ряда.

Пока профессор Кэмерон перебирал гормональные удобрения, Вард отошел к ларьку посмотреть журналы. Соседство обсерватории обеспечило большой выбор популярных пособий и обзоров по астрономии — почти на всех обложках красовались купола Маунт-Вернона. Вард заметил потрепанный бумажный томик Чарльза Кандински — «Десант Извне». На обложке был гигантский, как Нью-Йорк, космический аппарат. Из десятков тысяч иллюминаторов лился свет, и все сооружение торжественно проплывало на фоне звезд и спиральных галактик.

Вард перевернул книгу. На задней обложке было фото Кандински, затянутого в темный костюм и неуклюже припавшего к окуляру своего «Макдональда».

Поколебавшись, Вард все же достал бумажник. Купив книгу, он спрятал ее в карман. Профессор Кэмерон уже вышел из магазина.

— Нашли свой шампунь? — подмигнул Вард.

Камерон взмахнул блестящим опрыскивателем и по-пиратски засунул его за ремень.

— Мой дезинтегратор, — похвастался он. — В саду нашествие термитов, прямо кошмар из фантастического романа. Я пробовал объяснить Эдне, что истинная причина — психологическая. Помните рассказик «Линингген против муравьев»? Классический пример Ид, восставшего против Суперэго.

Профессор проводил взглядом проплывавшую мимо девушку в черном бикини и лимонных очках и мечтательно добавил:

— Знаете, Эндрю, мое настоящее призвание — психиатрия. Я так тщательно анализирую свои побуждения, что времени действовать не остается.

— Суперэго Кандинского — должно быть, сложная задача, — заметил Вард. — Вы мне еще не объяснили.

— Чего не объяснил?

— Подоплеку его встречи с венерианцами.

— Нет там никакой подоплеки. С чего бы?

Вард беспомощно улыбнулся.

— Вы еще скажете, что в самом деле ему верите?

Профессор хихикнул. Они уже сели в машину.

— Конечно верю.

Три дня спустя, одалживая машину профессора, чтобы съездить за слайдами, последовавшими за ним через Атлантику, Вард вовсе не собирался встречаться с Чарльзом Кандински. Он накануне прочел одну-две главы его книги и бросил, заскучав. Встреча с венерианцами была описана неумело, по-детски, да еще и без малейшей фантазии.

Все время Варда отнимала теперь работа в институте. В конце месяца Маунт-Вернон принимал международный конгресс геофизиков, и организация трехнедельной программы лекций, семинаров и банкетов легла большей частью на них с профессором Кэмероном.

Но по дороге от почты, проезжая мимо кафе на площади, он заметил на террасе «Станции Тихо» Кандински. Было три часа — время, когда большинство жителей Вернона дремали в теньке, а на солнцепеке, похоже, остался один Кандински. Он энергично оттирал абстракционистские крышки столов длинными волосатыми руками, склонив-

шись так, что борода чуть не касалась металла столешниц — словно одичавший абориген в смутном недоумении над руинами футуристического города, затерянного в обратившемся вспять времени.

Что-то толкнуло Варда остановить машину на площади и подойти к «Тихо», хотя он пожалел, что не выбрал другое кафе, едва Кандински подошел к столику. В прошлый раз тот показался ему довольно неразговорчивым, а сегодня, когда рядом не было Кэмерона, мог оказаться безумно скучной компанией.

Подав заказ, Кандински сел на лавочку у книжных полок и угрюмо уставился себе под ноги. Вард пять минут наблюдал за ним, замершим под тихо вращающимся в теплом воздухе мобилем, и решал — подойти или нет. Затем встал и прошел к журналам. Рассеянно перебрав полдюжины, обратился к Кандински:

— Вы не порекомендуете, какой взять?

Кандински поднял глаза.

— Читаете научную фантастику? — деловито спросил он.

— Как правило, нет, — признался Вард и, не услышав ответа, продолжал: — Наверно, я слишком скептик, чтобы принимать ее всерьез.

Кандински сковырнул мозоль на ладони.

— Никто и не требует. Что значит — принимать всерьез?

Принимая упрек и посмеиваясь над собой, Вард вытащил один журнал и присел за столик рядом с Кандински. На обложке был тихий пригород с уютными верандами домов, тисы и детские велосипеды. Над крышами, загородив солнце, раскинул щупальца гигантский студенистый кошмар, от него на дома и лужайки падал дикий и жуткий свет.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Вард, развернув обложку к Кандински. — Страшно подумать — принять такое всерьез!

Кандински отмахнулся.

— Я видел иллюминацию в честь одиннадцатого столетия в «Пентатехе» — страшнее любой картинки. — он кивнул на кинотеатр по ту сторону площади — там шел четырехчасовой сеанс с эпической картиной на библейские мотивы. Огромная, выше деревьев, афиша в химически ярких красках изображала одетого в римские доспехи Каина, схватившегося с огромным удавом-гидроцефалом.

Кандински снисходительно пожал плечами.

— Работай сейчас на «МГМ» Микеланджело,

думаете, выдал бы что-нибудь лучше?

— Опять вы правы, — рассмеялся Вард. — Может быть, Дом Медичи следует переименовать в «XVI Сенчури-Фокс».

Поднявшись, Кандински поправил книги на полках.

— Я вас видел с Годфри Кэмероном, — бросил он через плечо. — Работаете в обсерватории?

— Да, в Хаббле.

Вернувшись, Кандински сел рядом.

— Кэмерон — хороший человек. Очень славный парень.

— Он о вас высокого мнения, — сказал Вард, подумав, что у Кандински вряд ли много друзей.

— Не стоит верить всему, что говорит обо мне Кэмерон, — вдруг сказал тот. И помолчал, решая, заслуживает ли Вард доверия. Потом, взяв у него из рук журнал, добавил: — Здесь есть и получше. Надо учиться выбирать.

— Меня не страсть к сенсациям отпугивает, — пояснил Вард, намекая на психологические причины. Большая часть сюжетов в этих журналах черпалась из самых неприятных глубин бессознательного.

В быстром взгляде Кандински мелькнула насмешка.

— Это звучит довольно двусмысленно и, смею сказать, не ново. Принимайте лучшие из этих рассказов, как они есть, — как упражнения фантазии на тему завтрашнего дня.

— Вы много фантастики читаете? — спросил Вард.

Кандински покачал головой.

— Нет. С детства не читал.

— Вы меня удивляете, — протянул Вард. — Профессор Кэмерон представил вас как автора научно-фантастического романа.

— Не романа, — поправил Кандински.

— Я захотел прочитать, — продолжал Вард. — Со слов Кэмерона, он представляется мне увлекательным, хотя идея несколько свифтовская. Прибывший с Венеры космический корабль и странные беседы его пилота со встретившимся философом. Современное моралите. Я не ошибся?

Задумчиво посмотрев на Варда, Кандински ответил:

— Да, в общих чертах. Но я не зря сказал, что книга — не роман. Это точное и буквальное описание действительной высадки венерианцев — дневник встречи, значительней которой не бывало в истории с тех пор, как Павел увидел

Христа на пути в Дамаск.

Вздернув бороду, он без тени смущения смотрел на Варда.

— Интересно, что, как мог бы сообщить вам профессор Кэмерон, свидетелем высадки был я.

Вард, не желая отказываться от игры, заинтересованно нахмурился.

— Ну, Кэмерон что-то такое говорил, однако мне…

— Вам трудно было ему поверить? — с иронией подсказал Кандински.

— Трудновато, — признал Вард. — Вы всерьез утверждаете, что видели космический корабль с Венеры?

— Точно так, — кивнул Кандински. И, словно заметив, что беседа приближается к знакомому повороту, вдруг утратил интерес к Варду. — Простите…

Вежливо кивнув, он поднял подключенный к крану шланг и принялся опрыскивать большой мобиль.

Озадаченный, но не утративший скепсиса, Вард посидел, критически наблюдая за поливом, потом выудил из кармана мелочь.

— Должен сказать, я восхищен вашим спокойствием, — заметил он, расплачиваясь.

— Почему вы решили, будто я спокоен?

— Ну, если бы я увидел венерианца, а тем более побеседовал с ним, то носился бы кругами, оповещая все правительства и обсерватории.

— Я так и делал, — ответил Кандински. — Все, что мог. Никто не заинтересовался.

Вард со смехом покачал головой.

— Поверить трудновато — мягко говоря.

— Согласен.

— Я хочу сказать, — продолжал Вард, — что сюжет прямо из ваших фантастических журналов.

Кандински потер губы исчерченным шрамами кулаком, явно подыскивая предлог свернуть разговор.

— Сходство обманчиво. И это не мои журналы, — покровительственно добавил он. — Сами понимаете, почему только это кафе согласилось взять меня на работу. Что касается неправдоподобия, позвольте заверить, что я был потрясен — и до сих пор таковым остаюсь. С виду я, может быть, спокоен, но с самой высадки живу в тревоге и недобрых предчувствиях. И все же не вижу способа привлечь к себе внимание — разве что совершить какое-нибудь сенсационное преступление.

Вард поднял стакан.

— Возможно. Но я удивляюсь, что вы не понимаете самых простых причин недоверия к вашему рассказу. Например, как вы оказались единственным свидетелем события столь ошеломительного значения? Почему только вы видели венерианцев?

— Чистая случайность.

— Но почему корабль приземлился именно здесь?

— Разве окрестности обсерватории Маунт-Вернон — не лучший выбор?

— Мне в голову приходит множество других. Скажем, перед ассамблеей ООН.

Кандински весело рассмеялся.

— Колумб устанавливал первый контакт с американскими индейцами не на межплеменной сиу-ирокезской конференции.

— Допустим. — Вард начал терять терпение. — А как выглядели венерианцы?

Кандински устало улыбнулся и снова поднял шланг.

— Не знаю, читали ли вы мою книгу. Если нет — в ней вы найдете все.

— Профессор Кэмерон упоминал ваши фотографии венерианского корабля. Можно мне их посмотреть?

— Конечно, — не раздумывая, отозвался Кандински. — Завтра принесу сюда. Изучайте как угодно.

В тот же вечер Вард ужинал с Кэмеронами. К ним присоединился директор Хаббла, профессор Ренталл с женой. Застольный разговор состоял большей частью из добродушных сплетен двух профессоров о коллегах, а Вард нашел случай упомянуть о разговоре с Кандински.

— Поначалу я принял его за сумасшедшего, но теперь не уверен. Он далеко не прост. Создает впечатление полной искренности, но в то же время уводит разговор от подробностей. А если удается все же задать прямой вопрос о венерианцах, отделывается банальностями. Уверен, что все это — многослойный розыгрыш.

Профессор Ренталл покачал головой.

— Нет, не розыгрыш. Вы согласны, Годфри?

— Не в том смысле, какой подразумевает Эндрю, — кивнул Кэмерон.

— Тогда как вы это объясните? — спросил Вард. — Мы знаем, что венерианцев он не видел, значит, вся история — обман. Или он помешался. Но на сумасшедшего он совсем не похож.

— Что такое — помешанный? — риторически вопросил профессор Ренталл, вглядываясь в

грани ножки бокала. — Всего лишь человек, понимающий больше, чем в нем умещается. Думаю, Чарльз принадлежит к этой категории.

— Это определение его не объясняет, сэр, — настаивал Вард. — Он собирался одолжить мне свои снимки, и думаю, доказав, что это подделка, я сумею пробить его оборону.

— Бедный Чарльз, — вздохнула Эдна Кэмерон. — Ну почему бы ему не увидеть космический корабль? Я их, по-моему, каждый день вижу.

— И у меня такое же чувство, милая, — согласился Кэмерон, похлопывая по внушительному плечу жены. — Оставим Чарльзу его венерианцев, раз он без них не может. Черт побери, они всего-то и хотят, что закрыть проект «Аполлон». Отличная мысль, я всегда говорил, что заниматься космосом должны только профессиональные астрономы. После «радужных» испытаний каждый астроном встанет на сторону Кандински. Кстати, — обратился он к Ренталлу, — интересно, что приготовил Чарльз для Конгресса? Нептунианцев? Или целую делегацию с Проксимы Центавра? Надо раздобыть ему космический скафандр и павильон. «Чарльз Кандински — Новые миры за старину!»

— Санта-Клаус в скафандре, — поддержал шут-

ку профессор Ренталл. — Это ново. Пошлем ему билет.

На следующих выходных Вард вернулся на «Станцию Тихо» с двенадцатью фотопластинками.

— Ну? — спросил Кандински.

— Трудно сказать, — ответил ему Вард. — Они сильно передержаны. Возможно, умелый монтаж из ламповых патронов и лопастей винта. Один снимок напоминает диск сцепления при сильном увеличении. Заметно отсутствие связующих деталей, которых можно было бы ожидать при такой большой выборке. С другой стороны, — закончил он, помолчав, — они могут быть и подлинными.

Кандински молча забрал пакет со снимками и ушел в кафе.

Зал «Станции Тихо» изображал рубку космического корабля, стоящего на поверхности Луны. Потайные люминесцентные лампы, мерцая за пластиковыми панелями, наполняли помещение неземным голубоватым сиянием. Большая фреска за стойкой бара передавала изогнутый лунный горизонт на фоне звезд. Двери в туалеты были круглыми и выпуклыми, как крышки люков, и помечены значками ♂ и ♀.

Сделано было затейливо, но Варду пришла на ум пещера двадцать пятого столетия.

Сев к стойке, он подождал, пока Кандински бережно спрячет снимки в старый кожаный чемоданчик.

— Я прочел вашу книгу. Прочел еще до нашей прошлой встречи, но теперь внимательно перечитал. — Вард ждал отклика, но Кандински отошел к краю стойки, где стояла старая пишущая машинка, и принялся старательно печатать одним пальцем. — Вы еще видели венерианцев после выхода книги?

— Нет, — ответил Кандински.

— А надеетесь увидеть?

— В пятницу вечером я выступаю с лекцией. — две клавиши у Кандинского сцепились, и он развел их пальцем. — Хотите послушать? В полшестого в школе баптистской церкви.

— Если выберусь. — Вард видел, что Кандински хочет от него избавиться. — Спасибо, что показали пластинки.

Он вышел на солнце. В свежем утреннем свете шли люди, до него донесся чистый аромат персиков, цветущих на склоне над городом.

Вард вдруг ощутил, как давил на него безумный интерьер «Тихо», какой уместной была мысль о

пещере колдуна, бормочущего заклинания над негативами, как Мерлин из древних веков — над рунами. Досадно стало, что он позволил себе так увлечься Кандински, поддался мощной харизме его личности. Кандински, очевидно, играл на естественном сочувствии к отверженным, привлекая легковерных внешней искренностью и убежденностью.

Подставив лицо мелким брызгам от фонтанов, Вард двинулся через площадь к машине.

Двумя тысячами футов выше за полосой елей футуристическим Тадж-Махалом сверкали три купола Маунт-Вернона.

В пятнадцати милях от Вернон-Гарденс шоссе Санта-Вера сворачивало от подножия горы Вернон в заросшие низким кустарником холмы, отмечавшие южный край пустыни. Вард оглядел длинные песчаные дюны, уходящие в дымку и размытые полуденным маревом. Взглянул на книжку, валявшуюся на сиденье, открыл карту на форзаце и, отыскав свое точное местоположение, невольно замедлил ход: «шевроле» подъезжал к месту высадки венерианцев.

За две недели после возвращения фотографий он видел Кандински только раз — на вчерашней лекции. Вард сознательно держался подальше от

«Станции Тихо», но афишу заметил и, вопреки собственному намерению, поехал в школу.

Лекция была в спортивном зале, где собралось сорок или пятьдесят слушателей, вернее, слушательниц — большей частью из многочисленных в городке клубов любителей астрономии. Вслушиваясь в разговоры вокруг, Вард усвоил, что деятельность их сводилась к стараниям запомнить хоть дюжину созвездий. Кандински они слушали не в первый раз, а темой новой лекции было содержание венерианской скрижали, которую он изучал последние три года.

Взошедшего на трибуну Кандински встретили короткими аплодисментами. На лекторе был салонный костюм удивительно архаичного покроя. Отмытая борода распушилась над галстуком-шнурком, и весь его облик напоминал мормонского патриарха или местного святого буйной евангелической секты.

Ради новых слушателей Кандински предварил лекцию кратким отчетом о своей встрече с венерианцами, затем перешел к анализу таблички. Она содержала привычный ультиматум с предостережением человечеству: прекратить исследования космоса на том сомнительном основании, что как море есть универсальный

образ бессознательного, так и космос — не более чем образ психоза и смерти, и попытки проникнуть в межпланетную бездну лишь низвергнут человека на Землю, подобно безумному Икару, не совладавшему с величием космического Зеро. Мотивы Кандински бросались в глаза: успех проекта «Аполлон» и намеченные экспедиции на Марс и Венеру так или иначе разоблачили бы его фантазии.

Однако к концу лекции Вард обнаружил, что его мнение о Кандински совершило разворот налево кругом.

Лектором тот был никудышным: с трудом подбирал слова, говорил медленно и нерешительно, с ненужными длиннотами, но выступление спасали его спокойный будничный тон и полная убежденность в важности сообщения в сочетании с основой материала. Анализ венерианской шифровки с рядом сложных филологических теорем были на голову выше уровня аудитории, но что произвело впечатление на Варда — наряду с тщательнейшей подготовкой данных — это мучительная нервозность в его подаче. Заметив, как запинается Кандински на слове «венерианский», Вард понял, что тот отнюдь не купается в свете рампы, а выступает только из чувства долга

перед аудиторией и безмерно радуется завершению тяжкого испытания.

Закончив излагать материал, Кандински предложил задавать вопросы. Все они, за исключением реплики председателя, касались посадки инопланетного корабля, а предмет лекции игнорировали. Варду показались любопытными колебания слушателей: от зачарованности до отрицания выставленных напоказ потаенных фантазий. Немало пророков в истории такая двойственность загнала на неизбежную Голгофу.

Председатель уже собирался закрывать собрание, когда поднялся Вард.

— Мистер Кандински, вы сказали, что венерианцы сообщили о наличии жизни на одном из спутников Урана. Не объясните ли, каким образом, если вербальная коммуникация между вами отсутствовала?

Кандински не удивился, увидев Варда.

— Конечно. Как я уже говорил, он начертил на песке восемь окружностей, по одной на планету. Вокруг Урана он изобразил пять малых орбит и одну из них отметил. Затем указал на себя, на меня и на клочок лишайника. Из этого я заключил, как мне кажется, правомерно, что…

— Простите, мистер Кандински, — прервал его

Вард, — говорите, он нарисовал вокруг Урана пять орбит? По одной на каждый спутник?

— Да, пять, — кивнул Кандински.

Аудитория зароптала, поглядывая на Варда.

— Почему же венерианец забыл шестой спутник? — Голос Варда зазвенел над залом.

Кандински нахмурился и с подозрением уставился на него.

— Я не знал, что спутников шесть, — начал он.

— Вот именно! — выкрикнул кто-то, и по рядам прокатились смешки.

— Понимаю, что венерианец не хотел усложнять сообщение, — продолжал Вард, — и все же это выглядит странно.

Кандински растерялся. Помявшись, он представил Варда слушателям.

— Доктор Вард — профессиональный астроном, а я — всего лишь любитель, — признал он. — Боюсь, что я не сумею объяснить этой странности. Возможно, меня подводит память. Но я уверен, что венерианец нарисовал пять орбит.

Он спустился с трибуны и поспешно вышел, морщась себе в бороду. Вслед ему понеслось несколько насмешек.

Вард пятнадцать минут выбирался из толпы: поклонницы в белых перчатках загнали его

между двух гимнастических коней. Вырвавшись на свободу, он бросился к машине, чтобы найти Кандински и извиниться.

* * *

Проехав пять миль по пустыне, Вард увидел следы ломки камня и заброшенные каналы — остатки недостроенной оросительной системы. Цвета холмов сейчас резали глаз: красный и желтый кремень с блестками света на выходах кварцевых жил. Ориентируясь по развернутой на сиденье карте, Вард свернул с шоссе на грунтовку, тянувшуюся по берегу сухого канала. Он проехал несколько секций сетчатого ограждения, полузасыпанный песком грейдер и рассыпающиеся бытовки. Тащился на десяти милях в час, подскакивая на рытвинах и вздымая за собой тучу пыли, похожей на раскаленный пепел.

Через две мили дорога вдоль канала оборвалась. Вард, остановив машину, стал ждать, когда осядет пыль. Захватив с собой книгу Кандински, чтобы лучше проникнуться, он пешком прошел оставшиеся триста ярдов. Местность была отмечена на карте, но за время, прошедшее с выхода книги, дюны отступили на сотни ярдов к западу, и ему пришлось перебираться с гребня на гребень,

заглядывая в неглубокие лощины, возникшие при последней песчаной буре. Все здесь было подвержено течениям и настроениям: песчаные вихри сбегали с дюн, а близкий горизонт замыкал все невидимыми стенами.

Наконец Вард отыскал отмеченный круг холмов и вскарабкался в узкую седловину гребня. Одолев тридцатифутовый склон, он застыл как вкопанный.

Посреди впадины спиной к Варду, отблескивая гвоздями на подошвах сапог, стоял на коленях Кандински. В песке вокруг него валялись мелкие предметы, и первой мыслью Варда было, что он молится, поклоняется божественным наставникам с Венеры. Потом он разобрал, что Кандински скребет землю маленькой лопаткой. Круг диаметром двадцать ярдов был отмечен колышками и разбит веревкой на сектора-клинья. Кандински то и дело ссыпал щепотку земли в пробирки, установленные в деревянном держателе.

* * *

Спрятав книгу, Вард стал спускаться в лощину. Кандински обернулся и встал ему навстречу. Покрытая красной пылью борода придавала ему сходство с пророком. Узнав Варда, бородач при-

ветственно поднял лопатку.

Вард остановился у края круга.

— Что же такое вы тут делаете?

— Собираю образцы почвы. — нагнувшись, Кандински заткнул пробирку пробкой. Выглядел он уставшим, но возобновил работу.

Вард смотрел, как он заканчивает ряд.

— Охватить весь участок — долгое дело. Я думал, в периодической таблице уже не осталось пробелов.

— Корабль перед взлетом быстро вращался. Абразивные свойства местной почвы должны были соскрести хоть несколько мельчайших частиц. Если повезет, найду. — Кандински скупо улыбнулся. — Номер 262. Надеюсь, его назовут венерием.

Вард открыл рот, чтобы сказать: но ведь трансурановые элементы спонтанно распадаются… — и вместо этого прошел к центру круга, к круглой ямке трех футов глубиной и пяти в поперечнике. Внутри она была гладкой как стекло. Перевернутый конус, словно здесь крутился огромный волчок.

— Здесь они приземлялись?

Кандински кивнул. Наполнив последнюю пробирку, он убрал держатель в полотняную сумку

и, подойдя к Варду, тоже уставился в яму.

— На что это, по-вашему, похоже? Метеоритный кратер? Или нефтяники бурили? — За пыльной бородой мелькнула улыбка. — Неподалеку проводила учения авиашкола, испытывали F–109. Может быть, это воронка от снаряда?

Вард нагнулся, ощупал стенки ямы, погладил пальцами теплый оплавившийся кремнезем.

— Разве что пятисотфунтовая бомба. Но конус геометрически совершенен. Весьма необычно.

— Необычно? — хихикнул Кандински, поднимая сумку.

— Кто-нибудь еще здесь бывал? — спросил Вард, вместе с ним поднимаясь по склону.

— Двое, с позволения сказать, экспертов. — Кандински отряхнул колени. — Геолог из корпорации по очистке залива и баллистик из военной авиации. Вам приятно будет услышать их мнение: что я сам выкопал яму и расплавил стенки ацетиленовой горелкой. — Кандински критически осмотрел Варда. — Что вас сюда привело?

— Праздное любопытство, — ответил Вард. — Вечер у меня свободен, решил прокатиться.

Выбравшись на гребень, он оглянулся. Веревочные линии разбивали круг, как циферблат диковинных часов или большую зодиакальную

мандалу. Темные пятна на обработанных Кандински секторах словно отмечали расположение созвездий.

— Вы собирались рассказать, зачем приехали, — напомнил Кандински, когда они направились к машине.

Вард пожал плечами.

— Наверно, хотел сам себе что-то доказать. Успокоить душу. — поколебавшись, он стал объяснять: — Видите ли, есть вещи, которые не нуждаются в опровержении. Их опровергает здравый смысл и весь опыт жизни. Я знаю, многое, в чем мы убеждены, покоится на зыбких доказательствах. И все же для уверенности, что луна не вылеплена из зеленого сыра, мне не нужна теория познания.

— И?.. — Кандински перекинул сумку на другое плечо.

— Ваши венерианцы, — сказал Вард, — высадка, табличка с рунами, факты, приведенные в этой книге… все это очевидная фальшивка. — он открыл книгу на середине: — Возьмем наугад: «…фосфоресцирующая зеленая жидкость пульсировала в дорсальных легочных камерах Прима, раздувая полупрозрачные веерообразные жабры». — Вард закрыл книгу и беспомощно пожал

плечами. Кандински стоял перед ним в нескольких шагах, солнечный свет разбивался в глубоких морщинах его лица.

— Так вот, я знаю, что вы мне ответите, — продолжал Вард. — Скажи я химику девятнадцатого столетия, что свинец может трансмутировать в золото, он бы счел меня средневековым фанатиком. Но штука в том, что он был бы прав…

— Понимаю, — перебил Кандински. — Но вы так и не объяснили, зачем приехали сюда сегодня.

Вард засмотрелся на пустыню. В стратосфере выписывал восьмерки реактивный самолет: след расплывался на солнце, распадался на фрагменты апокалиптического пророчества. Оглядевшись, Вард сообразил, что Кандински добирался сюда пешком от автобусной остановки на шоссе.

— Я подвезу вас обратно, — сказал он.

Проезжая вдоль канала, Вард вновь заговорил:

— Мне понравилась ваша вчерашняя лекция. Хотел извиниться, что выставил вас дураком.

Кандински распускал шнуровку сапог. В его смехе не было упрека.

— Вы меня поймали. Как я мог оспорить ваши слова? Подписка на все астрономические журна-

лы мне не по карману. Правда, открытие шестого спутника наделало бы шуму.

Уже на подъезде к Вернон-Гарденс он спросил:

— Не хотите зайти посмотреть анализ таблицы?

Вард не ответил на приглашение. Он переехал площадь и остановил машину под деревьями. Глядя на фонтаны, забарабанил пальцами по ветровому стеклу. Кандински сидел рядом, размышляя себе в бороду.

Вард всмотрелся в его лицо.

— Вы думаете, венерианцы вернутся?

— Да, — кивнул Кандински, — уверен.

Потом они сидели за широким раскладным столом в комнатке над баром «Тихо». Картонные листы на стенах были исписаны клиновидными значками и расшифровками, сделанными Кандински.

— Как видите, — объяснял тот, — венерианцев, по всей вероятности, не миллионы, как следовало бы ожидать, а лишь трое или четверо. Двое на орбите Венеры, третий у Урана и, может быть, еще один на орбите Нептуна. Это разрешает затруднение, смутившее вас и почти всех. Почему Прим выбрал одного из сотен миллионов, причем наугад. Он наверняка видел русские и американ-

ские спутники и решил, будто наша раса столь же немногочисленна, как его, а наблюдая атмосферные испытания водородной бомбы, сделал вывод, что мы конфликтуем и вот-вот уничтожим друг друга. Это одна из причин, почему я жду его скорого возвращения и считаю таким важным организовать встречу на государственном уровне.

— Минуту, — прервал его Вард, — он должен был знать, что эту планету населяют не три и не четыре человека. Это видно даже в самый слабый телескоп.

— Конечно, но он, естественно, предположил, что миллионы обитателей Земли — низшие виды, которых, возможно, используют как рабочий скот. Наблюдая, какое жалкое существование влачит население при огромных ресурсах планеты, инопланетянин и не мог предположить иного.

— Однако космические аппараты наблюдали за нами со времен Вавилона, когда о спутниках не было и речи. Должны накопиться тысячи наблюдений.

— Неподтвержденных, — покачал головой Кандински.

— А как насчет других посещений, о которых сообщалось в последнее время? — спросил

Вард. — Немало народу встречалось с венерианцами и марсианами.

— Да ну? — недоверчиво усмехнулся Кандински. — Хотелось бы мне в это верить. Иные участники таких встреч обнаруживают дивную силу воображения, но всякому очевидно, что это фантазии.

— Столь же критически отнеслись и к вашему космическому кораблю, — напомнил Вард.

Кандински как будто вышел из терпения.

— Я его видел, — объяснил он, с силой бросая блокнот на стол. — Я говорил с Примом!

Вард уклончиво покивал и снова взял в руки снимки. Кандински, обойдя стол, отобрал их.

— Вард, — внушительно заговорил он, — поверьте мне! Вы должны поверить! Вы видите: я не так ничтожен, чтобы размениваться на бессмысленные загадки. — его тяжелая рука сжала плечо астронома и едва не выдернула того со стула. — Верьте мне! Вместе мы подготовимся к следующей высадке, поднимем на ноги весь мир. Я — всего лишь Чарльз Кандински, официант в захудалом кафе, но вы — доктор Эндрю Вард из обсерватории Маунт-Вернона! К вам прислушаются. Постарайтесь понять, что это значит для человечества!

Вард высвободился и потер плечо.

— Вард, вы мне верите? — настаивал Кандински. — Спросите себя!

Вард задумчиво оглядел нависающего над ним человека. Рыжая борода пылала неопалимой купиной.

— Думаю, что да, — тихо проговорил он. — Да, верю.

Через неделю открылся 23-й конгресс международной ассоциации геофизиков. В половине четвертого в амфитеатре библиотеки Хойла профессор Ренталл должен был приветствовать девяносто двух делегатов и двадцать пять репортеров, открывая двухнедельную программу лекций и диспутов.

К одиннадцати часам Вард с профессором Кэмероном закончили с подготовкой и сбежали в Вернон-Гарденс часок отдохнуть.

— Ну, — говорил Кэмерон, подходя к «Станции Тихо», — теперь я немного представляю, каково работать в «Уолдорф-Астории».

Они выбрали столик на улице.

— Несколько недель здесь не был, — продолжал Кэмерон. — Как у вас дела с нашим лунатиком?

— С Кандински? — понял Вард. — Я с ним почти не вижусь.

— Я говорил о Чарльзе с местным корреспондентом «Тайм», — сообщил Кэмерон, протирая очки. — Он считает, что о нем можно сделать заметку.

— Не хватит ли с Кандински таких заметок? — проворчал Вард.

— Может, и хватит, — согласился Кэмерон. — Он все еще разгадывает свой кроссворд? Или таблицу, как он ее называет.

— Он считает возможным увидеть лунные базы, — небрежно бросил Вард. — Заправочные станции, установленные венерианцами много веков назад.

— Любопытно, — отозвался Кэмерон.

— Расположены у кратера Коперник, — продолжал Вард. — Я знаю, что Вандон в Милане картирует кратер Архимед и Море Дождей. Хотел завтра на семинаре переговорить с ним.

Профессор Кэмерон, сняв очки, ошеломленно уставился на Варда.

— Мой милый Эндрю, что с вами? Только не говорите, что вы пополнили число обращенных!

Вард со смехом покачал головой.

— Нет конечно. Ясно, нет никаких лунных баз и инопланетных кораблей. Я ни на минуту не поверил Кандински. И в то же время… — он бес-

помощно развел руками, — должен признаться, он меня увлек. В нем что-то есть. С одной стороны, невозможно принимать его всерьез…

— Я принимаю его всерьез, — ловко вставил Кэмерон. — Очень серьезно, хотя и не совсем в вашем понимании. — профессор повернулся спиной к прохожим. — Взгляд Юнга на летающие тарелки многое проясняет, Эндрю. Юнг помог мне понять Кандински. Он считает, что цивилизация стоит сейчас на исходе платоновского Великого Года, при склонении знака Рыб, преобладавшего в христианскую эпоху, и восхождении знака Водолея, знака смятения и хаоса души. Он отмечает, что во все исторические периоды сомнений и разлада к Земле приближались космические корабли, а изредка имели место и встречи с их пилотами.

В паузе Вард поискал глазами Кандински, но, заметив подменного официанта, решил, что тот взял выходной.

Кэмерон продолжал:

— Почти все видят в Чарльзе Кандински сумасшедшего, между тем он, по сути, играет важнейшую в современном мире роль — роль мана-личности, предупреждающей человечество о грядущем кризисе. Реальное значение его

фантазий, как и движения за запрет ядерного оружия, надо искать не на сознательном уровне, а в выражении безмерных психических сил, движущихся под поверхностью рацио, подобно изотактическому движению континентальных плит, предвещающему геологические катаклизмы.

Вард недоверчиво покачал головой.

— Допускаю, что Фрейд и ему подобные были пророками, но Кандински?..

— Безусловно. В гораздо большей степени, чем Фрейд. К несчастью для Кандински и, если на то пошло, для авторов научной фантастики, им приходится исполнять свою миссию — описывать символы преображения в так называемом рационалистическом обществе, априори требующем научных или хотя бы псевдонаучных объяснений. А поскольку истинный пророк никогда не утруждается рациональными обоснованиями, таких, как Кандински, в наше время игнорируют или осмеивают.

— Любопытно: Кандински сравнивает свою встречу с венерианцами с обращением Павла на пути в Дамаск, — заметил Вард.

— Он совершенно прав. В обеих встречах виден тот же механизм ослепительных подсознатель-

ных откровений. И вы видите, что Кандински, так же как Павел, считает неизбежным долгом известить о своем откровении весь мир. Антиаполлоновское движение еще только зарождается, но в ближайшее десятилетие в него вольются миллионы, и люди, подобные Кандински, станут предтечами апокалипсиса.

— Вы представляете его титаном, — тихо сказал Вард. — для меня же он просто одинокий усталый человек, одержимый тем, чего не в силах понять. Быть может, ему только и нужно, что несколько близких, кому он мог бы довериться.

Кэмерон, медленно качая головой, постучал по столику.

— Осторожней, Эндрю: играя с огнем Кандински, вы рискуете обжечь пальцы. Мана-личностям не до личных привязанностей — как ясно показал основатель христианской церкви.

В тот же вечер, в начале восьмого, Чарльз Кандински сел на велосипед и выехал из Вернон-Гарденс. Комнатка в захудалом квартале в выходные неизменно навевала на него тоску, вот он и уехал прочь, не слушая окликов соседей, сидевших на террасах с ящиками пива. Он знал, что со своим старинным высоким велосипедом, снабженным плетеной корзиной вместо багажника,

выглядит карикатурой на Дон Кихота, но мысли были заняты другим. Утром ему сообщили, что французский перевод «Десанта», изданный им за свой счет, остался незамеченным парижской прессой. В довершение типография Санта-Веры донимала его требованиями оплатить прошлогодний заказ: 5000 листовок с протестом против «Аполлона».

А главное, по радио прозвучала новость, что первая высадка человека на Луне намечена на 1969 год, а завтра состоится запуск новейшего беспилотного лунника. Бюджет программы «Аполлон» — как-то раз он с черным юмором подсчитал, что этих денег хватило бы на тысячу миллиардов листовок, — кажется, удваивался каждый год, а все усилия Кандински предупредить человечество об опасности космических предприятий пока шли прахом. Весь день его мучила бессильная злость.

Он вывернул с улицы на дорогу к спаржевым фермам, занимавшим двадцатимильную полоску между городом и пустыней. Был жаркий безлюдный вечер, легковые машины и грузовики лишь изредка обгоняли его. По обе стороны дороги на увлажненных террасах раскинулись лимонно-зеленые поля спаржи. Временами над

головой, хлопая крыльями, пролетала куропатка, и, нырнув, скрывалась в траве.

Через пять миль стоял последний дом на краю пустыни. Кандински проехал еще двести ярдов до конца дороги и оставил велосипед в кювете. Повесив на плечо фотоаппарат, он по твердой земле зашагал к устью лощины.

Граница между пустыней и полями спаржи была неровной. Слева, за каменистым откосом, рокотала мотокосилка — там клин плодородной земли на милю вдавался в пустыню, но здесь голая безлюдная местность внушала покой, и Кандински забыл терзавшую его весь день досаду.

Будучи наблюдательным натуралистом, он заметил длинношеего песчаного журавля на границе сланца, и поднял фотоаппарат. Всмотревшись в видоискатель, понял, что для хорошего снимка уже слишком темно. Странное дело: стоявший в пятидесяти футах журавль силуэтом выделялся на фоне округлого светового пятна, парившего над замыкавшим лощину низким гребнем. Это сияние, с виду не имеющее источника, подсвечивало вечерний воздух так, словно поднималось из освещенной шахты.

Убрав аппарат, Кандински двинулся дальше и

через несколько минут уже взбирался на гребень. Склон был крутой, ему приходилось подтягиваться, хвататься за кусты и бурьян и нащупывать ногами каменистые уступы.

Перед самым гребнем его сердце болезненно сжалось от предчувствия, и Кандински на миг замер, чувствуя, как закружилась голова. Пережидая спазм, чуть дрожа в остывшем воздухе, он уловил в сознании непривычные тревожные нотки. В воздухе мерещились волны звонкой безмолвной музыки, сжимавшей виски. Кандински, потирая лоб, приподнялся над гребнем.

Хребет, на который он поднялся, загибался крутой дугой около двухсот футов в ширину. Дальний от него конец лощины открывался на пустыню. Там на песке стоял огромный металлический диск — больше ста футов диаметром, тридцать в высоту. Он как бы балансировал на мощной конической подпорке, почти наполовину ушедшей в песок. Трубчатая кайма диска разделяла верхнюю и нижнюю части, быстро вращающиеся в противоположные стороны и отбрасывающие ослепительные серебристые блики.

Кандински лежал не шевелясь, чувствуя, как уходит первый испуг, сменяясь обычной отвагой и присутствием духа. Пронзительная неслыш-

ная музыка затихла, сознание стало ясным, как кристалл. Взгляд мгновенно обежал космический корабль, позволив заключить, что этот диск вдвое больше виденного три года назад. На корпусе не было вмятин и щербин, но Кандински не сомневался, что этот — не с Венеры.

Он минут десять наблюдал за кораблем, решая, что делать. К несчастью, объектив фотоаппарата разбился. Наконец Кандински задом наперед сполз вниз. От подножия гребня еще слышен был визг роторов. Скрываясь в тени, Кандински пробрался к началу лощины, и только удалившись от гребня на двести ярдов, бросился бежать.

Вернувшись знакомой дорогой, перепрыгивая валуны и рытвины, он вытащил из канавы велосипед и погнал к ферме.

Свет горел только в комнате наверху. Одной рукой нажимая звонок, он заколотил другой в дверь, чуть не сорвав ее с петель. Наконец выглянула молодая женщина. Она нерешительно спустилась, явно смущенная бородой и рваной, грязной одеждой Кандински.

— Телефон! — задыхаясь, выкрикнул он.

Девушка все же отперла дверь и пугливо попятилась. Кандински ворвался в дом и вслепую зашарил по темноватой прихожей.

— Где? — рявкнул он.

Включив свет, девушка показала на гостиную. Кандински оттолкнул ее и ринулся к аппарату.

Вард, поигрывая коньячной рюмкой и незаметно распустив воротничок, слушал выступление доктора Макинтайра из Гринвичской обсерватории — третье за этот вечер. Его очередь была следующей, и он повторял в уме вступительные фразы, изредка заглядывая в конспект. В свои тридцать четыре года он был самым молодым из выступающих, и конечно, оценил выпавшую ему честь. Оглядывая почтенных старцев, восседающих за главным столом в черных пиджаках и белых манишках, отражающихся в столовом серебре, он встретил взгляд профессора Кэмерона. Тот ободряюще подмигнул.

Вард последний раз просматривал конспект речи, когда над его плечом склонился официант:

— Вас к телефону, доктор Вард.

— Сейчас не могу, — шепнул он. — Скажите, чтобы перезвонили позже.

— Сказали, это чрезвычайно важно, доктор. Кто-то, вроде бы, прибыл из Нептуна.

— Нептун?

— Кажется, это отель в Санта-Вере. Может быть, русская делегация все-таки объявилась.

Вард отодвинул стул, извинился и тихо вышел.

Когда он вышел из телефонной будки, у дверей банкетного зала его ждал профессор Кэмерон.

— Что-то случилось, Андре? Надеюсь, не с вашим отцом?..

— Звонил Кандински, — торопливо ответил Вард. — Он в пустыне у полосы полей. Видел еще один космический корабль.

— А, только-то, — покачал головой Кэмерон. — Ну, нам лучше вернуться. Бедный дурачок.

— Постойте, — остановил его Вард. — Кандински сейчас держит его под наблюдением. На месте посадки. Просит позвонить на авиабазу генералу Вэйну и предупредить командование стратегической авиации. — Вард закусил губу. — Не знаю, что делать.

Кэмерон взял его под руку.

— Идемте, Андре. Макинтайр уже закругляется.

— Но что мы можем сделать? — твердил Вард. — С ним, кажется, все в порядке, но, по его словам, они могут проявить враждебность. Это прозвучало несколько зловеще.

— Эндрю! — прикрикнул Кэмерон. — Да что это с вами? Пусть Кандински сам разбирается. Вы сейчас уехать не можете, это было бы непрости-

тельной грубостью!

— Я должен ему помочь, — настаивал Вард. — Уверен, на этот раз ему нужна помощь!

Он вывернулся из рук Кэмерона.

— Вард, — крикнул профессор, — вернитесь, ради бога!

Выскочив за Вардом на балкон, он увидел, как астроном сбегает по ступеням и скрывается в темноте за лужайкой.

Въехав колесом в глубокую рытвину, Вард выключил фары и осмотрел темную линию холмов на краю пустыни. Позади слабо светился Вернон-Гарденс, а по сторонам дороги горело лишь несколько одиноких огоньков. Он проехал мимо дома, из которого, видимо, звонил Кандински, и затормозил у оставленного ему велосипеда.

Чтобы взобраться на громоздкую конструкцию, у него ушло несколько минут. Ноги едва дотягивали до педалей. С великим трудом одолев сотню ярдов, Вард въехал в кусты, после чего пришлось слезать и продолжать путь пешком.

По словам Кандински, по лощине до гребня было около мили. Почти совсем стемнело, отраженный склонами звездный свет озарял долину мимолетными живыми красками. Вард бежал тяжелой рысцой, слыша только звук косилки

— стрекот гигантского кузнечика в полумиле позади. Набрав в грудь воздуха, он одолел последнюю сотню ярдов.

Кандински так и лежал на гребне, наблюдая за кораблем и нетерпеливо дожидаясь Варда. Вращение верхней и нижней секций диска замедлялось, сейчас они совершали примерно один оборот в секунду. Опора ушла в землю пустыни футов на десять, и вся конструкция была теперь не выше купола обсерватории. Одинокий световой палец шарил в темноте, обметая стены хребта широкими взмахами.

В лощине позади послышались спотыкающиеся торопливые шаги. Чувство победного восторга захлестнуло Кандински: на этот раз у него будет свидетель!

Вард взобрался на высоту, с которой уже мог его видеть. Дважды он срывался и съезжал обратно, обдирая ладони о мелкий щебень. Кандински лежал плашмя, не смея показаться из-за гребня. Его запылившаяся одежда почти сливалась со склоном.

— Вы целы? — прохрипел Вард. Он сорвал с себя галстук-бабочку и распахнул ворот. Выровняв дыхание, астроном подполз к Кандински.

— Где?

Тот указал в лощину. Вард, опираясь на локти, поднял голову. Несколько секунд вглядывался в темноту, потом отвернулся.

— Вы его видите? — прошептал Кандински. Голос его срывался. Не сразу дождавшись ответа, он схватил Варда за запястье и сжал как клещами. В слабых отблесках белой пыли Вард ясно видел горящий в его глазах огонь.

— Вард! Вы видите?

Могучие пальцы впились в его запястье и не выпускали. Вард всмотрелся в темноту.

Под окном купе компания друзей провожала пассажира: при виде девушек в ярких шляпках и банданах и мужчин в легких брюках и сандалиях Варду почудилось, что он покидает морской курорт после отдыха. Из окна виднелись поднимающиеся над деревьями купола обсерватории, а в тысяче футов под вершиной он узнал белые кирпичные стены библиотеки Хойла. Эдна Кэмерон довезла его до станции, но он попросил не провожать на перрон, так что она попрощалась и уехала. С самим Кэмероном Вард виделся лишь один раз, забирая в институте свои книги.

Хотелось все скорее забыть, и Вард с облегчением подумал, что поезд через пять минут отойдет.

Он достал из бумажника чековую книжку и подсчитал траты последней недели. Поморщился на самую крупную — шестьсот долларов, переведенных на счет Кандински в оплату телеграмм.

Вард решил купить себе что-нибудь почитать и вернулся к киоску. В нескольких журналах нашлись статьи о нем — иначе, как обескураживающими, Вард бы их не назвал. Он взял пару газет.

И тут кто-то тронул его за плечо. Обернувшись, Вард увидел Кандински.

— Уезжаете? — тихо спросил тот. Он подстриг бороду — от прежнего цветения осталась лишь бледная тень, зато открылись высокие костлявые скулы. Лицо помолодело лет на пятнадцать, стало тоньше, осунулось и подтянулось, как у человека, медленно оправляющегося от приступов лихорадки.

— Извините, Чарльз, — заговорил Вард, возвращаясь к вагону. — Надо было бы с вами попрощаться, но я не стал.

Кандински сдержанно удивился:

— Почему? Не понимаю.

Вард пожал плечами.

— Боюсь, здесь для меня все более или менее кончено, Чарльз. До весны возвращаюсь в

Принстон. Физика Фришмана, — он горестно улыбнулся, посмеиваясь над собой, — закон Бойля, модули Юнга, возвращение к основам. Может, это и не такая плохая мысль.

— Но почему вы уезжаете? — недоумевал Кандински.

— Ну, Кэмерон считает, что деликатнее будет уехать. После того как «Нью-Йорк Таймс» опубликовала наше обращение к генеральному секретарю, я в Хаббле — персона нон грата. Сегодня утром профессора Ренталла опять допекал опекунский совет.

Кандински улыбнулся — не без облегчения.

— Что там Хаббл! — отмахнулся он. — Наше дело важнее! Знаете, Вард, когда миссис Кэмерон сказала, что вы уезжаете, я не поверил.

— Простите, Чарльз, но так и есть.

— Вард, — упорствовал Кандински, — вам нельзя уезжать. Прим скоро вернется, мы должны быть готовы его встретить!

— Знаю, Чарльз, и хотел бы остаться. — он подошел к вагону и протянул руку: — Спасибо, что проводили.

Кандински неловко пожал его ладонь.

— Эндрю, скажите честно: вы боитесь, как бы люди чего о вас не подумали? Вы поэтому уезжа-

ете? Неужели вам недостает храбрости и веры в себя?

— Наверно, так, — согласился Вард, мечтая, чтобы поезд уже тронулся. Он взялся за поручень и шагнул было в вагон, но Кандински его удержал.

— Вард, нельзя отказываться от такой ответственности!

— Прошу вас, Чарльз. — Вард терял терпение. Он выдернул руку, но Кандински схватил его за плечо и чуть не вытащил на платформу.

Вард вывернулся.

— Оставьте меня в покое! — яростно выкрикнул он. — Я ведь видел ваш космический корабль, чего вам еще?

Прозвучал гудок, и поезд тронулся.

— До свидания, Чарльз! — крикнул Вард. — Дайте знать, если еще что-то увидите!

Он прошел в купе и сел, но в окно не смотрел, пока Маунт-Вернон не остался в двадцати милях позади.

1962

The Venus Hunters (альтернативное название The Encounter). Первая публикация в журнале Amazing, июнь 1963.

Эндшпиль
Перевод М. Пчелинцева

После суда Константину предоставили виллу, пенсию и палача. Вилла — маленькая, обнесенная высокой стеной — явно не в первый раз использовалась с такой целью. Пенсии Константину хватало с избытком — его никуда не выпускали, а всю еду готовил полицейский-ординарец. Палач находился в полном его распоряжении. По большей части они сидели на закрытой веранде, выходившей в узкий мощеный дворик, и играли в шахматы большими, основательно потертыми фигурами.

Палача звали Малек. Официально в его обязанности входило присматривать за Константином, поддерживать исчезающие малые контакты виллы с внешним миром, прятавшимся за высокими стенами, и отвечать — всегда очень кратко — на телефонный звонок, ежедневно раздававшийся ровно в девять утра. Однако истинная его роль тоже не являлась большим секретом. Крепко сложенный человек с безразлично-отсутствующим выражением рыхлого лица, Малек поначалу

крайне раздражал Константина, привыкшего к более живым, активным реакциям своих прежних знакомых. Малек ходил за ним повсюду, по всей вилле, никогда ни во что не вмешиваясь, — если только Константин не пытался подкупом получить от ординарца запрещенную ему газету. В подобных случаях Малек ограничивался жестом, легким поворотом кисти руки, на его лице не появлялось ни малейших признаков неодобрения, но попытка пресекалась твердо и окончательно, необратимой преградой. Кроме этого, он не вмешивался ни во что, не делал никаких предложений, как Константину поступать со своим временем. Подобно большому медведю, он сидел в одном из выгоревших кресел, все время наблюдая за подопечным.

Через неделю Константина утомило чтение старых романов, обнаруженных на нижней полке книжного шкафа. Сперва он еще надеялся найти между их серых, сильно замусоленных страниц послание от кого-нибудь из своих предшественников, а потом предложил Малеку сыграть в шахматы. Исцарапанные деревянные фигуры лежали на одной из пустых полок все того же книжного шкафа, единственного украшения маленького шестикомнатного дома. Кроме книг и

шахмат, все на вилле было строго функциональным: ни занавесок, ни картин, все освещение — встроенные в потолки тяжелые матовые плафоны. Не вызывало сомнений, что шахматы и стопка книг здесь не случайны — временным обитателям виллы предоставлялись две альтернативные возможности, чем занять свое время. Люди флегматичного, философического склада, смирившиеся с неизбежным, предпочтут продираться через напыщенную, витиеватую прозу девятнадцатого века, все глубже и глубже погружаясь в глубину наведенного на себя транса.

С другой стороны, экстраверты, люди характера более живого и активного, скорее предпочтут шахматы, не в силах устоять перед искушением до последнего вздоха демонстрировать макиавеллианские способности к позиционному маневрированию. Игра в шахматы поможет поддержанию их подсознательного оптимизма и, что важнее, отвлечет мысли от попыток побега, сублимирует подобные попытки.

* * *

Когда Константин предложил сыграть в шахматы, Малек сразу же согласился; за этим занятием они и провели весь долгий следующий месяц,

по мере которого позднее лето сменилось самой настоящей осенью. Константин был рад, что предпочел шахматы — игра давала ему непосредственный личный контакт с Малеком; как и у всех обреченных, у него вскоре развилась сильнейшая эмоциональная связь с тем, кто являлся фактически последним человеком в его жизни.

Трудно было сказать, хороша эта связь или плоха, просто Константин ощущал острую зависимость. Созданная в его представлении личность Малека уже успела покрыться многими слоями ассоциаций — ассоциаций, в которых смешались все безымянные, но от того не менее могущественные, олицетворявшие авторитет фигуры, встречавшиеся Константину начиная с раннего детства. Его собственный отец, священник из семинарии, позднее, уже после революции, повешенный у него на глазах, первые вошедшие в его жизнь комиссары, партийные секретари из министерства иностранных дел и, в конце концов, сами члены центрального комитета. Тут затуманенные временем персонажи сменялись лицами близко ему знакомых и часто наблюдаемых коллег и соперников, процесс завершал полный круг; он сам оказывался одной из этих призрачных сейчас фигур, которые санкционировали его

смерть и которых сейчас представлял Малек.

И конечно же, Константина мучила еще одна навязчивая мысль — ему необходимо было знать: когда? Первые недели после суда и вынесения приговора он пребывал в странном эйфорическом состоянии; слишком потрясенный для осознания, что какое-то время еще остается, мысленно он уже умер *a posteriori*[4]. Однако постепенно воля к жизни, а с ней и прежние безжалостность и решительность, так хорошо послужившие ему эти тридцать лет, вернулись; он осознал, что надежда, сколь ни малая, все еще остается. Сколько ему отпущено времени, оставалось только догадываться, однако если удастся подчинить себе Малека, выживание из надежды превратится в реальную возможность.

Оставался этот проклятый вопрос: когда?

К счастью, с Малеком можно было быть вполне откровенным. Первый важный факт Константин узнал сразу.

— Малек, — спросил он однажды утром, сделав десятый ход, завершавший развитие фигур, и позволив себе на мгновение расслабиться, — скажите мне, а вы знаете — когда?

---

[4] Примечания: 4

A posteriori — основанный на опыте *(пер. с лат.).*

Малек поднял голову от доски; большие, почти бычьи глаза смотрели на Константина безо всякого выражения.

— Да, господин Константин, я знаю.

Голос его был глубоким и каким-то чисто функциональным, лишенным выражения, словно голос, объявляющий на вокзале о прибытии поездов.

Константин немного задумался. За стеклами веранды дождь монотонно поливал одинокую елку, сумевшую каким-то чудом протиснуть свои корни между усеивающими двор камнями. В паре миль к юго-востоку от виллы начинались пригороды маленького порта, одного из этих унылых «курортов», где мелкие министерские чиновники и вконец отупевшие от рутины партийные работники проводили полагавшиеся им раз в два года отпуска. Погода, однако, стояла совсем не курортная: необычно ненастная, солнце ни на миг не проглядывало между тяжелых брюзгливых облаков. На какое-то мгновение Константин почувствовал радость, что находится здесь, внутри, в относительной теплоте виллы. Но сразу опомнился.

— Вы объясните мне прямо, — сказал он Малеку. — Должен я понимать, что вы знаете это не

в каком-то там общем смысле — ну, скажем, по получении указания от такого-то и такого-то, — а знаете конкретно когда?

— Именно так.

Малек сделал ход ферзем. Он играл в шахматы вполне прилично, но без малейшего намека на индивидуальный стиль; похоже, надзиратель совершенствовался исключительно благодаря практике — в большинстве своем его противники, сардонически подумал Константин, были игроками классными.

— Так вы знаете и день, и час, и минуту? — продолжал настаивать Константин.

Малек, поглощенный изучением позиции, медленно кивнул; Константин, подперев рукой свой гладко выбритый острый подбородок, внимательно изучал его лицо.

— Может быть, прямо сейчас, в ближайшие десять секунд, а может — пройдет десять лет, и все — ничего?

— Именно так. — Малек сделал жест в направлении доски: — Ваш ход.

— Знаю, — отмахнулся Константин. — Знаю, но давайте не будем спешить. Эта игра ведется на очень многих уровнях, Малек. Те, кто болтает о трехмерных шахматах, не знают, по-видимому,

ничего про обычные.

Время от времени он давал такие затравки в надежде развязать Малеку язык, но всегда без толку. Диалог казался просто невозможным.

Константин резко наклонился над доской и попытался поймать взгляд Малека:

— Вы, Малек, единственный знаете когда, и, как вы говорите, может пройти десять лет, а то и двадцать. И вы думаете, что сумеете так долго сохранить свой секрет?

Малек даже не попытался ответить, а просто ждал, когда Константин сделает ход. Время от времени его глаза начинали блуждать по углам веранды или останавливались на каменистом дворике, видневшемся за окном. Со стороны кухни изредка доносился звук скребущих по полу сапог ординарца, в тоскливом безделье сидевшего у телефонного аппарата.

Изучая позицию, Константин размышлял, что же надо сделать, чтобы добиться от Малека хоть какого-нибудь, любого отклика. Тот никак не среагировал даже на слова о десяти годах — нелепо, смехотворно долгом сроке. По всей вероятности, их игра закончится гораздо раньше. Неопределенность даты казни, придававшая всему этому такой странный, эксцентричный привкус, бы-

ла задумана не с целью превратить последние дни осужденного в пытку напряженного ожидания, а просто чтобы затемнить, затушевать сам факт его ухода из жизни. Будь установлена наперед точная, вполне определенная дата, в последнюю минуту вполне мог бы возникнуть порыв сочувствия, попытка добиться пересмотра приговора, возможно, даже ценой перенесения части вины на кого-либо другого. Бессознательное, а то и сознательное ощущение соучастия в преступлениях осужденного могло спровоцировать мучительную переоценку, а потом, после приведения приговора в исполнение, глубоко проникающее чувство вины. Чувство, на котором могут сыграть к своей выгоде оппортунисты и интриганы.

Существующая система с успехом предупреждала все эти опасности и нежелательные побочные эффекты. Осужденного устраняли с места, занимаемого им в иерархии, в тот момент, когда оппозиция была в апогее, затем передавали следственным органам, а оттуда — в один из высших судов, где заседания велись исключительно при закрытых дверях и приговоры никогда не обнародовались.

С точки зрения прежних своих коллег он

исчезал в бесконечных коридорах бюрократических чистилищ, его дело постоянно подлежало рассмотрению, но никогда не закрывалось окончательно. А главное, сам факт его вины никогда не устанавливался и не подтверждался. Как понимал Константин, его приговорили на основании некой смехотворной мелочи, гнездившейся где-то на обочине главного обвинения, простой процедурной уловки, подобной неуклюжему повороту сюжета в рассказе и изобретенной с единственной целью — закончить следствие. Хотя сам Константин прекрасно знал действительную природу своего преступления, его так и не уведомили формально, в чем его вина; более того, суд прямо из кожи вон лез, чтобы избежать предъявления каких-либо действительно серьезных обвинений.

Эта странная, полная иронии инверсия классической кафкианской ситуации — вместо того чтобы признаваться в несуществующих преступлениях, он был вынужден принимать участие в фарсе, утверждавшем его непричастность к ему самому прекрасно известным проступкам, — сохранялась и теперь, на этой вилле для приговоренных к высшей мере.

Психологическая подоплека ситуации была не

столь очевидной, но значительно более тревожной: палач, с дружелюбной, обманчивой улыбкой подзывающий жертву к себе, уверяющий, что все прощено и забыто. Тут палач играет не на обычном подсознательном ощущении тревоги и вины, но на внутренней, врожденной убежденности, что самое страшное не может случиться, на той одержимости идеей личного бессмертия, которая в действительности есть не что иное, как присущая каждому человеку боязнь заглянуть в лицо собственной смерти. Вот эта-то уверенность, что все будет хорошо, это отсутствие каких-либо обвинений и создавали такой идеальный порядок в очередях к газовым камерам.

В настоящий момент парадоксальную личину этого воистину дьявольского умысла представлял собой Малек: мясистое аморфное лицо вкупе с безразличным, хотя и двусмысленным поведением делало из него олицетворение всего государственного аппарата. Возможно, сардоническое его звание «надзиратель» ближе к истине, чем могло показаться на первый взгляд, и его задача — просто присутствовать в качестве наблюдателя, самое большее — посредника на чем-то вроде средневекового суда Божьего, где Константин сам и обвиняемый, и прокурор, и судья.

Но только в этом случае, продолжал размышлять он, изучая доску и все время ощущая громоздкое присутствие Малека по другую ее сторону, получается, что они напрочь неверно оценили его натуру, его неисчерпаемую душевную энергию, чуть ли не галльскую жизнерадостность и беззаботность. И не ждите, что он сам расстанется с жизнью в унылой оргии самоугрызений и самообвинений. Не для него невротическое самоубийство, столь любимое славянами. Пока остается хоть какой-то выход, он без малейшего уныния будет нести бремя любой вины, снисходительный к своим слабостям и всегда готовый с шуткой от них отмахнуться. Беззаботность всегда была лучшим его союзником.

Глаза Константина осматривали доску, двигаясь по вскрытым для дальнобойных фигур диагоналям, словно ответ на столь настоятельно требовавшую разрешения загадку находится где-то на этих покрытых лаком дорожках.

Когда? По его оценке — месяца через два. Почти наверняка — он совсем не боялся, что просто внушает это себе, — не в ближайшие два-три дня, даже не в ближайшую пару недель. Спешка всегда непристойна, не говоря о том, что так вообще пропадает то, из-за чего весь огород городили.

Два месяца надежно заведут его в чистилище; это период достаточно долгий, чтобы он сломался и выдал тайных своих союзников, если таковые имеются, и достаточно краткий, чтобы соответствовать конкретному совершенному им преступлению.

Два месяца? Можно бы и побольше. Вводя в игру черного слона, Константин начал набрасывать в уме стратегию борьбы. Сперва, разумеется, выяснить, когда Малек должен исполнить приговор, частично — для спокойствия ума, но главное — для разумного распределения времени при подготовке своего освобождения. Просто взять вот так и сигануть через стену навстречу свободе — бессмысленно. Надо установить контакты, надавить на некоторые чувствительные точки иерархии, проложить путь к пересмотру дела. И на все это нужно время.

Его мысли были прерваны быстрым движением левой руки Малека, за которым последовало нечто вроде гортанного хрюканья. Пораженный скоростью и экономностью, с какими Малек сделал свой ход, не меньше, чем объявленным шахом, Константин нагнулся и внимательнее, чем прежде, изучил позицию. Потом с невольным, неохотным уважением исподлобья глянул

на противника, все так же бесстрастно откинувшегося на спинку стула. Конь, какого Малек так ловко выиграл, стоял перед ним, на краю доски. Глаза надзирателя изучали Константина с прежним, ничем не омраченным спокойствием, словно глаза бесконечно терпеливой гувернантки, широкие плечи терялись в бесформенном, мешковатом костюме. Но в то мгновение, только в то мгновение, когда Малек вытягивал руку над доской, Константин заметил, как мощно сокращаются его плечевые мускулы.

«Да не чувствуй ты себя так уверенно, не надо такого самовольства, Малек мой драгоценный, — с косой усмешкой сказал про себя Константин». — Вот теперь я хотя бы точно знаю, что ты левша». Малек «съел» коня одной рукой, прихватив его толстыми костяшками среднего и безымянного пальцев, а затем со щегольским стуком поставил на его место ферзя, что не так-то уж легко сделать посередине доски, полной фигур. Полезное подтверждение, хотя и раньше было заметно: открывая окна, закрывая их, за едой Малек старается скрыть то, что он левша. Однако эта неожиданная особенность личности палача странным образом тревожила Константина. Начинало казаться: нет ничего предсказуемого ни

в его противнике, ни в их будущем состязании умов и характеров. Даже вполне вроде бы очевидное отсутствие у Малека живости, остроты мысли тут же опровергалось изощренностью его последнего хода.

Игравший белыми Константин избрал ферзевой гамбит, считая, что получающееся после такого начала сложное положение даст ему преимущество и позволит подумать над более серьезной проблемой — проблемой побега. Однако Малек избегал любых возможных ошибок, неуклонно укреплял свою позицию и даже умудрился организовать контргамбит, предложив слона за коня; пойди Константин на этот размен, его позиция вскоре была бы сильно подорвана.

— Хороший ход, Малек, — прокомментировал он. — Но немного рискованный стратегически.

Отказавшись от размена, он неуклюже защитился от атакующего ферзя пешкой.

Малек тупо уставился на доску. На тяжелом, типично полицейском лице с широким квадратным подбородком не отражалось ни малейшего признака работы мысли. Его подход, размышлял Константин, разглядывая противника, будет подходом прагматика, всегда руководствующегося ближайшими возможностями, а не скрытыми

намерениями. И, словно подтверждая такой диагноз, Малек попросту вернул ферзя на прежнее место, не желая или не умея использовать завоеванное преимущество и удовлетворившись выигранной фигурой.

Впав в тоску от примитивного уровня, на который скатилась их игра, и от перспективы других ей подобных, Константин рокировкой отправил своего короля в безопасное убежище. По какой-то, несомненно иррациональной, причине он предполагал, что Малек не убьет его посреди игры, особенно если он, Малек, будет в этой игре побеждать. И вдруг осознал, что тут и лежит главная, бессознательная причина, почему ему захотелось сыграть в шахматы, и что эта же причина была и у многих других, вот так же сидевших на веранде, вслушиваясь в осенний дождь и вглядываясь в сидящего напротив Малека. Справившись с неожиданным уколом страха, Константин посмотрел на мощные кисти, высовывавшиеся из рукавов палача подобно двум большим кускам мяса. Скорее всего, Малек, появись у него такое желание, может убить Константина этими своими голыми руками.

Что напоминало о втором вопросе, почти столь же интригующем, как и первый.

— Да, Малек, вот еще. — Откинувшись на спинку, Константин полез в карман за воображаемыми сигаретами — курить ему не давали. — Извините мое любопытство, но я все же заинтересованная сторона…

Он одарил собеседника ярчайшей из своих улыбок — острой, с изрядной долей небрежной самоиронии, улыбкой, имевшей такой успех среди секретарш и на министерских приемах. Однако Малека эта демонстрация юмора, похоже, ничуть не тронула.

— Скажите мне, а вы знаете… как…

Пытаясь подыскать подходящий эвфемизм, он повторил:

— Вы знаете, как вы будете?.. — а затем оставил бесплодные попытки, последними словами ругая про себя Малека за отсутствие такта и милосердия. Мог бы ведь вытащить его из такого дурацкого положения!

Подбородок Малека чуть-чуть приподнялся, обозначив кивок. Ничто не показывало, что ему надоели эти вымученные расспросы, или что они его раздражают, или что он заметил смущение Константина.

— И что же это будет? — продолжал настаивать оправившийся уже Константин. — Пистолет, таб-

летка или, — с резким, неестественным смехом он указал за окно, — вы поставите гильотину там, под дождем? Мне все же хотелось бы знать.

Малек посмотрел на доску; сейчас его лицо казалось еще более рыхлым и расплывчатым, чем обычно.

— По этому вопросу было принято решение.

Ответ прозвучал ровно, механически.

Константин негодующе фыркнул:

— Да какого черта, что это значит?! — в голосе его появилась резкость, агрессия. — Хотя бы больно не будет?

И тут Малек впервые улыбнулся, чуть заметное облачко иронии скользнуло по его губам.

— А вы сами убивали кого-нибудь, господин Константин? — спокойно спросил он. — Я имею в виду — лично, собственными своими руками.

— Туше, — согласился Константин. Он делано засмеялся, пытаясь развеять возникшую напряженность. — Великолепный ответ.

Про себя он сказал: «Я не должен поддаваться своему любопытству, этот тип меня поднял на смех, и — за дело».

— Да, конечно, — продолжал он, — смерть не бывает безболезненной. Я просто подумал, будет ли она гуманной, в юридическом смысле этого

слова. Поверьте, это большое облегчение. Ведь теперь так много садистов, извращенцев и всяких прочих…

И снова он внимательно наблюдал, не спровоцирует ли Малека эта неявная издевка.

— …что чистый уход — благо, которое трудно переоценить. Очень приятно иметь уверенность. Теперь я могу посвятить последние дни тому, чтобы привести в порядок свои дела и как-нибудь примириться с этим миром. Вот если бы только знать, сколько этих дней осталось, тогда можно было бы получше спланировать последние приготовления. Нельзя же день за днем вечно читать предсмертные молитвы. Вы меня понимаете?

— Генеральный прокурор советовал вам заняться последними приготовлениями сразу по окончании суда, — столь же бесцветно, как и прежде, произнес Малек.

— Но что это может значить? — спросил Константин, намеренно подняв голос на октаву выше. — Ведь я все-таки человек, а не гроссбух какой-нибудь, который можно кинуть на полку, где он будет ждать, пока до него доберется аудитор. Я начинаю сомневаться, Малек, что вы до конца осознаете, сколько мужества требует от меня эта ситуация. Вам-то легко сидеть здесь…

Малек резко встал, что вызвало у Константина дрожь ужаса. Посмотрев зачем-то на закрытые окна, он обогнул шахматный столик и направился к двери, ведущей в комнату.

— Мы отложим эту партию.

Кивнув Константину, Малек ушел на кухню, где ординарец готовил обед.

Константин слушал удаляющееся поскрипывание ботинок по неполированному паркету, затем раздраженно смел фигуры с доски и задумался, зажав в руке черного короля. Во всяком случае, на этот раз удалось настолько разозлить Малека, что тот ушел. Если так подумать, не стоит ли послать к чертовой бабушке всю осторожность и устроить палачу веселую жизнь? Это же совсем просто — непрерывно таскаться за ним следом, осыпая невротическими вопросами, споря и устраивая истерики. Рано или поздно Малек обязательно огрызнется и может при этом нечаянно выдать что-нибудь, касающееся его намерений. Или, наоборот, напрочь отгородиться от него, обращаться с ним презрительно, как с наемным убийцей, каковым он, собственно, и является, отказываться находиться с ним в одной комнате и есть за одним столом, настаивая на своих правах бывшего члена Центрального комитета.

Такая методика вполне может оказаться удачной. Почти наверняка Малек не врал, говоря, что знает точный день и час казни Константина. А это значит, что ему отдали приказ и он лишен возможности сколько-нибудь приблизить или отдалить этот момент из своих собственных соображений. Малек вряд ли решится пожаловаться на поведение Константина. Совершенно очевидно, что подобная жалоба заставит задуматься о его собственной пригодности для занимаемой должности, а это не тот пост, с которого легко с почетом уйти в отставку; к тому же теперь, когда дата уже установлена, даже начальник полиции не сможет изменить ее, не созывая несколько специальных собраний. А в таком случае появлялась опасность попытки пересмотра дела Константина — у него оставались еще союзники или хотя бы люди, желающие использовать его в своих собственных целях.

Но несмотря на такие разумные соображения, все эти затеи, связанные с лицедейством, не слишком привлекали Константина. Ему хотелось чего-нибудь посложнее. Да к тому же, если провоцировать Малека, появляются новые неопределенности, которых и так с избытком.

Он заметил, что надзиратель вошел в гостиную

и спокойно уселся в одно из больших кресел; как всегда, его лицо, частично скрытое тенью, было повернуто в сторону Константина. Казалось, Малека совершенно не трогают естественные в такой обстановке скука и усталость — и хорошо, что не трогают, подумал Константин, более нетерпеливый человек нажал бы курок уже на второй день. Как будто ему даже нравится сидеть вот так в этом кресле и наблюдать за Константином, пока там, за окном, падает холодный серый дождь, а под стеной скапливается все больше и больше желтых листьев. Трудности установления отношений с Малеком — а ведь надо установить с ним хоть какие-нибудь отношения, если думаешь о спасении, — казались непреодолимыми; единственная возможность — эти самые шахматы.

Поставив черного короля на доску, Константин окликнул надзирателя:

— Малек, если вы не против, я готов сыграть еще раз.

Малек встал, оттолкнувшись длинными руками от подлокотников, и сел напротив. Он скользнул глазами по лицу Константина, словно желая увериться, что больше не будет никаких нервных срывов, а затем начал расставлять белые фигуры, явно не собираясь напоминать, что

предыдущая партия так и не была закончена.

Он применил спокойное, надежное начало Лопеса, тысячу раз уже проанализированную и малоинтересную атаку, однако через двенадцать ходов, когда подошло время обеда, Константин уже был вынужден рокироваться в длинную сторону, а его противник получил сильную позицию в центре.

Обедая вместе с Малеком за карточным столом, стоявшим в гостиной около диванчика, Константин размышлял о странном элементе, появившемся в их отношениях. Строго пресекая свое стремление наполнить пустяковое обстоятельство зловещим символическим смыслом, он понимал в то же время, что искусность Малека в шахматах, способность создавать сильные комбинации после тривиальнейших дебютов очень симптоматичны и отражают его скрытую власть над Константином.

Бесцветная, унылая вилла, орошаемая осенней моросью, блеклая мебель и однообразная, примитивная пища, которую они сейчас ели, все это тусклое, серое чистилище, связанное с настоящим миром тоненькой ниточкой телефонного провода, было непосредственным продолжением личности Малека. Как игра в шахматы, но с од-

ним отличием: тут везде мерещились потайные двери, секретные туннели. В такой обстановке пышным цветом расцветали неожиданности. Во время бритья зеркало могло в любой момент отъехать в сторону, обнаружив извергающий пламя ствол автомата, или причиной чуть горьковатого привкуса супа могла оказаться не чечевица, а нечто совсем, совсем другое.

Такие мысли обуревали Константина все больше по мере того, как небо на востоке темнело и на его тусклом фоне все резче проступал белый прямоугольник освещенной закатом стены, прямоугольник, напоминавший огромную *tabula rasa*[5]. Пожаловавшись на несуществующую головную боль, Константин отложил партию и ушел на второй этаж, в свою комнату.

Дверь между его комнатой и жильем Малека была снята; лежа на кровати, он все время ощущал, что надзиратель не лег, а сидит, спиной к окну. Возможно, именно это постоянное присутствие Малека и не дало Константину толком отдохнуть; встав через несколько часов и вернувшись на веранду, он почувствовал себя разбитым, его не оставляли все сгущающиеся

---

[5] Примечания: 5
Tabula rasa — чистая доска *(пер. с лат.)*.

дурные предчувствия.

Сделав над собой усилие, он собрался с духом, сосредоточился на игре и смог добиться позиции, по всем признакам равной. Хотя эта партия была отложена без каких-либо комментариев с той или другой стороны, Малек, судя по его поведению, признал, что утратил начальное преимущество; он какое-то мгновение помедлил над доской, когда Константин уже встал.

* * *

Уроки этого дня не пропали для Константина даром. Он прекрасно осознавал, что игра в шахматы не только истощает его силы, но и ставит его в большую зависимость от Малека, чем Малека — от него. Хотя со вчерашнего дня фигуры никто не трогал, Константин не предложил доиграть. Малек тоже не обращал внимания на доску; похоже, ему было безразлично, закончат они партию или нет. Большую часть времени он сидел рядом с Константином, около единственного радиатора в гостиной, иногда выходя на кухню поговорить с ординарцем. Как и обычно, каждое утро звонил телефон, но других звонков, кроме этого, не было; не было и посетителей. Фактически обитатели виллы находились в полном вакууме.

Именно эта неизменность, предсказуемость дневной рутины особенно угнетала Константина. В последующие дни он несколько раз играл с Малеком в шахматы, каждый раз попадая в проигрышное положение, но его внимание было сосредоточено не на игре, а на загадке, скрытой за бесстрастным лицом надзирателя. Со всех сторон его окружали сотни невидимых часов, стрелки которых с бешеной скоростью неслись к манящему нулю, беззвучный грохот, подобный топоту апокалиптических копыт.

Прежние предчувствия уступили место все нарастающему страху, тем более ужасному, что, несмотря на очевидную и нескрываемую роль Малека, страх этот казался абсолютно беспочвенным. Константин заметил, что не может больше чем на несколько минут сосредоточиться ни на какой задаче; он оставлял обед недоеденным, нервно и беспомощно слонялся у окна веранды. Малейшее движение Малека вызывало у него мучительную дрожь; если надзиратель покидал обычное свое место в гостиной, чтобы поговорить с ординарцем, напряжение чуть ли не парализовало Константина, он беспомощно считал секунды до его возвращения. Однажды, когда Малек за едой попросил передать ему соль,

Константин поперхнулся чуть не до смерти.

Черный юмор этого едва не ставшего фатальным инцидента напомнил Константину, что прошла уже почти половина отмеренного им себе двухмесячного срока. Однако неловкие попытки получить у ординарца карандаш, а потом, когда это не удалось, ногтем подчеркнуть буквы на вырванной из какого-то романа странице были в корне пресечены Малеком; Константин понял, что, если не считать возможности схватиться с двумя полицейскими врукопашную, у него нет никаких средств избежать своей становящейся все более и более неизбежной судьбы. Последнее время Константин стал замечать, что движения Малека, да и вся его деятельность в вилле как-то ускорились. Все так же подолгу сидел он в своем кресле, наблюдая за Константином, но теперь это прежде пассивное присутствие дополнялось жестами и наклонами головы, которые, казалось, отражали возросшую умственную активность, словно Малек готовил себя к некоей давно ожидаемой развязке. Даже тяжелая его лицевая мускулатура расслабилась, стала мягче, острые подвижные глаза, подобные глазам опытного полицейского следователя, ни на секунду не оставались без дела.

И несмотря на все свои усилия, Константин не мог собраться хоть для каких-нибудь защитных действий. Он ясно видел, что отношения с Малеком вступили в новую фазу, что в любой момент их внешне любезное и официальное поведение может выродиться в уродливый приступ отвратительного насилия, но все равно был парализован собственным ужасом. Дни проходили в мелькании недоеденной пищи, недоигранных шахматных партий, их полное друг с другом сходство отменяло сами понятия времени и движения. И всегда где-то поблизости маячила пристально наблюдающая за ним фигура Малека.

Каждое утро, пробуждаясь после двух-трех часов сна и обнаруживая, что все еще способен обрести сознание — открытие каждый раз почти болезненное по остроте и приносимому им облегчению, — он сразу же ощущал присутствие Малека, стоящего в соседней комнате, затем скромно ждущего в коридоре, пока Константин побреется в ванной, также лишенной двери, Малека, следующего за ним по пятам вниз к завтраку. Осторожная, задумчивая поступь напоминала шаги палача, спускающегося с помоста.

После завтрака Константин предлагал Малеку

партию в шахматы, но уже после нескольких первых ходов начинал играть дико, безрассудно, кидая фигуры вперед, Малеку на растерзание. Иногда надзиратель с любопытством поднимал глаза на Константина, словно сомневаясь, не потерял ли его подопечный остатки разума, но затем продолжал все ту же точную, осторожную игру, неизменно выигрывая или хотя бы сводя партию к ничьей. Константин смутно осознавал, что, проигрывая Малеку в шахматы, он одновременно проигрывает ему психологически, но теперь игра стала для него просто способом убить бесконечно долгие дни.

Через шесть недель после первой их партии Константин — не столько из-за умения, сколько по счастливой случайности — преуспел в довольно экстравагантном пешечном гамбите, заставив Малека отказаться и от центра, и от какой-либо надежды на рокировку. Пробужденный этим временным успехом из обычного своего состояния тупой озабоченности, Константин склонился над доской и раздраженно отмахнулся от ординарца, сообщившего, что обед готов.

— Скажите ему, Малек, чтобы подождал. Я не могу сейчас отвлекаться, я же почти выиграл партию!

— Ну… — Малек посмотрел на часы, затем через плечо на ординарца, который успел уже повернуться и направился назад на кухню, и начал подниматься с места. — С этим успеется. Он сейчас принесет…

— Нет! — почти выкрикнул Константин. — Дайте мне хотя бы пять минут! Да какого черта, откладывают ведь после хода, а не посередине него!

Малек чуть помедлил, снова взглянул на часы и встал.

— Хорошо. Я ему скажу.

Все внимание Константина сосредоточилось на доске, он не замечал удаляющуюся фигуру надзирателя, запах близкой победы, словно нашатырный спирт, прояснил его мозг. Но через тридцать секунд он резко выпрямился, сердце болезненно сжалось.

Малек пошел наверх! Константин ясно помнил, как надзиратель обещал сказать ординарцу, чтобы тот повременил с обедом, а сам вместо этого направился к себе в спальню. Крайне необычно, что Константин оставлен без наблюдения, когда ординарец чем-то занят; к тому же последний почему-то так и не принес обещанный обед. Отодвинув столик, Константин встал; его глаза

обшаривали обе открытые двери гостиной. Ну конечно же, объявление обеда было просто сигналом, а Малек нашел удобный предлог, чтобы пойти наверх и приготовить орудие казни! Оказавшись наконец лицом к лицу с возмездием, которого так долго ждал, Константин напряженно прислушивался, когда же раздадутся шаги спускающегося по лестнице Малека. Виллу окружала глубочайшая тишина, нарушаемая лишь падением на кафельный пол какой-то шахматной фигуры. Видимо, по небу бежали облака — солнце вспышками освещало двор, разбитые плиты дорожки, голую поверхность стены. Какие-то чахлые травинки пробивались между камней; и так тусклые, при ярком свете они казались совсем бесцветными. И Константина вдруг охватила ошеломляющая в своей силе потребность: бежать, бежать на открытый воздух, хотя бы на последние оставшиеся ему до смерти мгновения, но — бежать. На залитой солнцем восточной стене смутно виднелся ряд горизонтальных бороздок, возможно, следы бывшей здесь когда-то пожарной лестницы; даже крайне сомнительная возможность использовать эти бороздки в качестве зацепок для рук делала закрытый со всех сторон двор сам по себе идеальным местом

для экзекуции, предпочтительнее безумного, вызывающего клаустрофобию мрака виллы.

А над головой мерные шаги Малека двигались поперек потолка, приближаясь к лестнице. Чуть помедлив, он начал спускаться по ступенькам; звуки шагов складывались в четкий, точно выдержанный ритм.

В поисках чего-нибудь хоть немного напоминающего оружие Константин беспомощно окинул взглядом веранду. Французские окна, выходящие в сад, были заперты, левую часть к краю подоконника крепила наружная зубчатая шестерня с прорезями. Если поднять, появляется шанс выдавить окна наружу.

Одним движением смахнув фигуры на пол, Константин схватил доску, сложил ее, сделал шаг и с силой ударил тяжелой деревянной коробкой по нижнему окну. Звук разлетевшегося вдребезги стекла выстрелом разнесся по вилле. Упав на колени, Константин просунул руку в образовавшееся отверстие и попытался открыть проржавевший засов, отчаянно дергая его вверх и вниз. Когда из этого ничего не вышло, он высунул наружу голову, вцепился в засов и, не замечая падающих на шею острых осколков, беспомощно напряг свои узкие плечи.

За спиной Константина с грохотом свалился стул, две мощные руки ухватили его и оттащили от разбитого окна. Он истерически ударил куда-то шахматной доской, почувствовал сильный толчок и головой вперед полетел на кафельный пол.

Выздоровление заняло почти всю следующую неделю. Первые три дня Константин оставался в постели, оправляясь физически, ожидая, когда придут в норму надорванные мускулы рук и плеч. Почувствовав в себе достаточно сил, чтобы встать, он спустился в гостиную и сел на край диванчика, спиной к окнам и сочившемуся сквозь них мутному осеннему свету.

Малек все так же наблюдал за ним, ординарец все так же возился на кухне; ни один из них и словом не упомянул об истерическом припадке, не подал ни малейшего знака, что что-то произошло, но Константину было ясно: он перешел какой-то важный Рубикон. Отношения с Малеком изменились в корне. Страх перед неизбежностью смерти, мучение из-за незнания точной даты сменило спокойное осознание: процесс, санкционированный судом, будет неотвратимо следовать своим чередом, а Малек и ординарец — всего лишь исполнители воли пребывающего где-то вдали аппарата. В некотором смысле и этот

приговор, и это полупризрачное существование на вилле — микрокосм жизни с внутренне ей присущими, но не вызывающими постоянного ужаса неопределенностями, с неизбежным ее концом в день, никогда не известный заранее. Глядя на жизнь на вилле с такой точки зрения, Константин уже не страшился перспективы своего исчезновения из мира, не забывая, однако, что какое-либо неожиданное изменение политического ветра может принести ему помилование.

В дополнение к этому Константин понял, что Малек — далеко не простой исполнитель приговора, фигура чисто формальная, а посредник между ним и иерархией, в некотором немаловажном смысле даже потенциальный союзник. Пересматривая свою защиту против обвинения, которое суд возжелал ему предъявить, — теперь он понимал, что со слишком уж большой готовностью принял *fait accompli*[6] своей вины, — Константин одновременно просчитывал, каким образом можно использовать помощь Малека. Нет никакого сомнения, что он ошибся в оценке этого человека. Острый ум, внушительная внешность; надзиратель далеко не какой-то там

[6] Примечания: 6
Fait accompli — свершившийся факт *(пер. с фр.).*

убийца-мордоворот — начальное впечатление оказалось результатом некоторой замутненности восприятия. Эта прискорбная близорукость стоила Константину двух месяцев драгоценного времени.

Которое можно было посвятить организации пересмотра приговора.

Удобно закутавшись в домашний халат, он сидел за карточным столом, поставленным в гостиной, стараясь сосредоточиться на шахматах. С похолоданием они перешли с веранды сюда; коричневая бумажная заплата в нижней части двери напоминала об этом первом круге чистилища. Сидящий напротив Малек сцепил руки на правом колене; иногда, когда он особенно задумывался над ходом, его большие пальцы начинали описывать круги. Поведение надзирателя не стало менее сдержанным, чем прежде, однако что-то показывало: он и понимает, и одобряет переоценку Константином положения. Как и прежде, он всюду за ним следовал, однако это внимание заметным образом приобрело характер чисто формальный, словно теперь он знал: его подопечный больше не попытается бежать.

Константин был откровенен с самого начала:

— Малек, у меня нет ни малейших сомнений,

что министерство юстиции ввело в заблуждение Генерального прокурора и для суда не было абсолютно никаких оснований. Из всех имевшихся против меня обвинений формально было предъявлено лишь одно, так что я не мог даже защищаться. Вы можете такое себе представить, Малек? А выбор высшей меры при одном-единственном — таком! — обвинении был чистым произволом.

Малек кивнул и передвинул фигуру:

— Вы все это уже объясняли, господин Константин. Боюсь, у меня не слишком юридический склад ума.

— Да тут и не надо никакой особой юриспруденции, — заверил его Константин. — Тут же все совершенно очевидно! Я надеюсь, что есть еще возможность опротестовать решение суда и добиться пересмотра дела.

Константин взмахнул в воздухе шахматной фигурой:

— Как я ругаю себя, что так легко согласился с обвинением! Я же практически даже не пытался защищаться. Если бы только я защищался! Меня наверняка признали бы невиновным.

Пробормотав что-то уклончивое, Малек указал на доску. Константин вернулся к игре. Раз

за разом проигрывая, он не обращал на свои проигрыши особого внимания; ведь они только укрепляли связь с Малеком.

Кристально очевидная задача: нужно передать в министерство юстиции кассационную жалобу. Сделать это можно только через надзирателя — если удастся полностью убедить его, что в деле осталось достаточно места для сомнений. Преждевременная просьба может наткнуться на автоматический отказ Малека, сколь бы ни были велики его личные симпатии. И наоборот, как только Малек прочно встанет на сторону Константина, у него появится готовность рискнуть в глазах начальства собственной репутацией; к тому же поддержка им Константина сама по себе будет убедительным доказательством невиновности последнего.

Очень скоро после практически односторонних бесед с Малеком Константину стало ясно, что обсуждать с ним процессуальные подробности суда, бесконечно тонкие нюансы, неявные предположения совершенно непроизводительно. Придется добиваться нужного результата, опираясь на впечатление, производимое собственной личностью, — манерой держать себя, разговаривать, общим поведением и, самое главное,

убежденностью в своей невиновности перед лицом кары, которая может последовать в любую секунду. Как ни странно, этот последний момент оказался совсем не таким трудным, как можно было бы ожидать; Константин уже ощутил прилив уверенности, что в конце концов удастся ускользнуть с этой виллы. Рано или поздно, но Малек обязательно почувствует неподдельность его внутренней убежденности.

Однако поначалу надзиратель хранил привычную свою флегматичность. Целые дни напролет, с утра до вечера, Константин говорил и говорил, с каждым словом становилось очевиднее, что его обязательно признают невиновным, но Малек лишь кивал, слегка улыбаясь и продолжая свою неизменно безошибочную игру.

— Малек, мне совсем не хотелось бы, чтобы у вас создалось впечатление, что я подвергаю сомнению компетенцию данного суда рассматривать обвинения, выдвинутые против меня, или отношусь к нему без должного уважения.

После инцидента на веранде прошло уже около двух недель, и они играли обычную утреннюю партию.

— Ни в коем случае. Но решения суда должны выноситься в контексте предъявленных обви-

нителем доказательств. И даже тогда остается очень важное обстоятельство — роль, играемая в процессе самим обвиняемым. В моем случае я практически не был представлен в суде, так что *force majeure*[7] устанавливает необходимость вынесения мне оправдательного приговора. Вы согласны со мной, Малек?

Малек, поджав губы, изучал выстроенные на доске фигуры.

— Боюсь, это выше моего понимания, господин Константин. Я лично не считаю себя вправе подвергать сомнению авторитет суда.

— Но ведь и я ничуть в нем не сомневаюсь! Я же это вам совершенно ясно объяснил. Вопрос состоит только в том, оправдан ли этот приговор в свете описанных мной новых обстоятельств.

Малек пожал плечами; по всей видимости, его больше интересовал сложившийся эндшпиль.

— Я бы посоветовал вам, господин Константин, смириться с приговором. Для вашего же спокойствия.

Нетерпеливо взмахнув рукой, Константин резко отвернулся:

— Не могу с вами согласиться. К тому же слиш-

---

[7] Примечания: 7
Force majeure — высшая сила *(пер. с фр.)*.

ком многое поставлено на карту.

Его взгляд упал на окно, стучавшее на промозглом осеннем ветру. Рамы закрывались не очень плотно, и по комнате гулял сквозняк. Отапливалась вилла из рук вон плохо, единственный установленный в гостиной радиатор обогревал три комнаты первого этажа. Приближающаяся зима уже начинала наводить на Константина ужас. Его руки и ноги постоянно зябли, и он не мог их ничем согреть.

— Малек, а нельзя ли как-нибудь добыть еще один обогреватель? Тут не слишком-то жарко. У меня есть предчувствие, что предстоящая зима будет особенно суровой.

Малек поднял голову от доски, в светло-серых глазах, глядящих на Константина, мелькнула искорка любопытства, словно это последнее замечание было одной из очень немногих фраз его подопечного, таивших в себе какой-то намек.

— Холодно, — согласился он в конце концов. — Посмотрю, не удастся ли взять у кого-нибудь радиатор. Большую часть года эта вилла заперта.

Всю следующую неделю Константин изводил Малека напоминаниями — отчасти потому, что успех мог символизировать первую уступку, но обогреватель так и не материализовался. В конце

концов Малек отделался какой-то неуклюжей отговоркой, а дальнейшие разговоры на эту тему просто игнорировал. За окнами холодные вихри мотали по камням листья, небо заполняли низкие облака, несущиеся в сторону моря. Два человека сидели в гостиной около радиатора, согнувшись над шахматной доской, в промежутках между ходами засовывая руки глубоко в карманы.

Возможно, как раз по причине ненастной погоды Константин и потерял терпение. В отчаянии от неспешности надзирателя, который никак не мог понять столь ясные аргументы, он предложил — впервые, — чтобы Малек передал своим начальникам из министерства юстиции официальное прошение о повторном суде.

— Вы же каждое утро говорите с кем-то по телефону, — настаивал он, видя нерешительность Малека. — Тут нет ничего сложного. Если вы боитесь себя скомпрометировать — по моему мнению, это совсем небольшая цена, принимая во внимание, что поставлено на карту, — тогда можно передать через ординарца…

— Это невозможно, господин Константин. — по-видимому, разговор начал утомлять Малека. — Я бы посоветовал вам…

— Малек!

Константин вскочил и заходил по гостиной.

— Неужели вам не понять, что вы просто должны? Ведь вы, в самом буквальном смысле этого слова, единственная моя связь с миром; если вы откажетесь, я буду абсолютно бессилен, потеряю всякую надежду на отмену приговора!

— Суд уже состоялся, господин Константин. — в голосе Малека звучало бесконечное спокойствие.

— Не суд, а судилище! Неужели вы не понимаете, Малек, что я признал вину, будучи, в сущности, совершенно невиновным?!

Малек оторвался от доски, брови его поползли наверх.

— Совершенно невиновным, господин Константин?

Константин щелкнул пальцами:

— Ну, практически невиновным. Во всяком случае, что касается суда и предъявленного мне обвинения.

— Но это же чисто формальное различие, господин Константин. А министерство юстиции заботится лишь об абсолютных понятиях и ценностях.

— Совершенно верно, Малек. Полностью с вами согласен.

Одобрительно кивнув надзирателю, Константин отметил про себя насмешливое выражение его лица; оказывается, Малек способен на иронию.

В их разговорах появился некий лейтмотив, раз за разом повторявшийся в последние дни: каждый раз, когда Константин касался прошения о пересмотре дела, Малек парировал одним из своих обманчиво-наивных вопросов, стараясь выяснить какое-либо малозначительное, частное обстоятельство, словно стараясь заставить Константина раскрыться полнее. Решив было, что надзиратель в собственных своих целях выуживает информацию о членах иерархии, Константин подкинул ему куски на пробу. Полное равнодушие Малека свидетельствовало о неожиданном: тот действительно хочет узнать, насколько искренне Константин считает себя невиновным.

Однако не было ни малейших признаков, чтобы Малек собирался связаться с министерством юстиции. Нетерпение Константина продолжало расти. Теперь он использовал утренние шахматы для длинных монологов на тему пороков и недостатков судебной системы, используя в качестве иллюстрации собственное дело, раз за разом

утверждая свою невиновность и даже позволяя себе намеки, что Малек может оказаться виновным, если по некоей несчастной случайности приговор не отменят.

— Я нахожусь в поистине странном положении, — говорил он Малеку ровно через два месяца после своего появления на вилле. — Все, абсолютно все удовлетворены этим приговором, и только я один знаю о собственной невиновности! Я чувствую себя как человек, которого похоронят заживо.

Подняв голову от доски, Малек изобразил легкую улыбку:

— Разумеется, господин Константин. Ведь себя можно убедить в чем угодно, был бы достаточно серьезный стимул.

— Но Малек, — продолжал настаивать Константин, игнорируя доску и все свое внимание сконцентрировав на надзирателе, — уверяю вас, это совсем не предсмертное раскаяние. Поверьте, я же знаю. Я изучил свое дело со всех возможных точек зрения, поставил под вопрос любые возможные мотивы. И у меня нет сомнений. Может быть, когда-то я был готов признать возможность своей вины, но теперь мне понятно, как сильно я ошибался в этом! Жизненный опыт побуж-

дает нас возлагать на себя слишком большую ответственность; недотягивая до поставленного идеала, мы начинаем относиться к себе критически и готовы признать себя виновными во всем. Теперь я знаю, Малек, насколько опасен такой курс действий. Только совершенно невиновный человек способен осознать, что это такое — вина!

Константин замолк и откинулся на спинку. Страстный монолог слегка его утомил. В гостиной было очень холодно. Малек медленно покачивал головой, на его губах блуждала легкая, не лишенная сочувствия улыбка; казалось, он понимает все, что говорит ему Константин. Затем, сделав ход и пробормотав «извините, пожалуйста», он встал и вышел.

Константин получше завернулся в халат; его глаза беспорядочно блуждали по доске. Он заметил, что последний ход Малека был первым по-настоящему плохим за все партии, но чувствовал себя слишком уставшим, чтобы толком использовать представившуюся возможность. В своей короткой речи он изложил Малеку все, во что верил; больше говорить уже нечего. Теперь все, что будет дальше, зависит исключительно от Малека.

— Господин Константин.

Повернувшись на стуле, он, к полному своему удивлению, увидел, что стоящий в двери надзиратель одет в длинное серое пальто.

— Малек? — На мгновение сердце Константина бешено заколотилось, но он сдержал себя. — Значит, вы все-таки согласились, Малек, вы отвезете меня в Министерство?

Тот покачал головой; глаза, смотревшие на Константина, были очень серьезны.

— Не совсем так. Я просто подумал, не стоит ли нам прогуляться по двору, господин Константин. Глоток свежего воздуха вам совсем не повредит.

— Конечно, Малек, конечно. Это вы хорошо придумали. — Константин встал, слегка покачнувшись, и затянул потуже пояс халата. — Вы уж извините мои дикие мечтания.

Он попытался улыбнуться Малеку, но тот стоял уже у двери, засунув руки в карманы и глядя куда-то вниз.

Они вышли на веранду. Снаружи, на маленьком каменистом дворике, бешено, спиралями швыряя в небо сухие листья, кружился холодный утренний ветер. Константин не видел особого смысла выходить, но стоявший за ним Малек уже взялся за дверь.

— Малек. — что-то заставило Константина повернуться и поглядеть надзирателю прямо в лицо. — Вы же понимаете, почему я говорю, что абсолютно невиновен. Я знаю это.

— Разумеется, господин Константин. — лицо надзирателя было мягким и почти доброжелательным. — Я понимаю. Когда вы уверены в своей невиновности, ваша вина очевидна.

И его рука распахнула дверь во двор, в крутящиеся листья.

1963

End-Game. Первая публикация в журнале New Worlds, июнь 1963.

Одним меньше
Перевод А. Бурцева

— Где, боже мой, *где* же он?

Произнесенный срывающимся голосом, пока он расхаживал взад-вперед перед высоким, сужающимся кверху окном позади стола, этот *крик души* доктора Меллинджера, директора лечебницы «Грин Хилл», отразил ужас всего персонала в связи с таинственным исчезновением одного из пациентов. За двенадцать часов, прошедших с момента побега, доктор Меллинджер и его подчиненные перешли от удивления и обычного раздражения к острому и наконец к состоянию почти эйфорического недоверия. В довершение ко всему, пациенту Джеймсу Хинтону не только удалось стать первым в истории сбежавшим из лечебницы, но он также умудрился совершить побег, не оставив никаких зацепок относительно того, куда собрался. Таким образом, доктора Меллинджера и его сотрудников мучила мысль о том, что Хинтон вообще никогда не сбегал и все еще находится в пределах лечебницы. Во всяком случае, все были согласны, что если Хинтон сбе-

жал, то буквально растворился в воздухе.

Однако небольшим утешением, напомнил себе доктор Меллинджер, барабаня пальцами по столу, служило то, что исчезновение Хинтона выявило недостатки системы безопасности лечебницы и оказало благотворное влияние на руководителей отделений. Когда же злополучная группа вышеозначенных руководителей во главе с заместителем директора доктором Нормандом вошла в кабинет на первое из утренних экстренных совещаний, доктор Меллинджер бросил злобный взгляд на каждого по очереди. Однако их помятые, невыспавшиеся лица оставались безмолвно обращенными к ковровому покрытию, словно, отчаявшись найти Хинтона где-либо еще, они искали его укрытие в глубине рубинового ворса.

«По крайней мере, — подумал доктор Меллинджер, — сбежал всего лишь один пациент. Но негативное чувство от его исчезновения приобретет больший смысл в свете возмущения, что поднимется в округе, когда обнаружится, что пациент — наверняка помешанный на убийствах — оставался на свободе более двенадцати часов, прежде чем руководство лечебницы уведомило полицию».

Решение не информировать гражданские власти, ошибка в суждении, последствия которой, казалось, возрастали с течением времени, помешала доктору Меллинджеру немедленно найти козла отпущения. Подходящим кандидатом был бы маленький доктор Мендельсон из патологоанатомического отделения, самого маловажного в психушке, что и принесло бы его на жертвенный алтарь. Природная осторожность и нежелание уступать ни пяди земли без крайней необходимости помешали доктору Меллинджеру поднять общую тревогу в первые часы после исчезновения Хинтона, когда еще оставались сомнения в том, действительно ли пациент покинул лечебницу.

Хотя неспособность найти Хинтона могла быть истолкована как разумный признак успешного побега, доктор Меллинджер, что характерно, отказался принять такую ошибочную логику.

К настоящему времени, более двенадцати часов спустя, его просчет сделался очевидным.

Как показала тонкая ухмылка на лице доктора Норманда и как вскоре поняли другие подчиненные, теперь на карту было поставлено *его, Меллинджера,* руководство лечебницей. Если Хинтона не найдут в течение нескольких часов,

именно он окажется в невыносимом положении виновного как перед гражданскими властями, так и перед попечителями лечебницы.

«Однако, — напомнил себе доктор Меллинджер, — в первую очередь я стал директором „Грин Хилл“ из-за немалой толики хитрости и привлечения внешних ресурсов».

– *Где он?* — громогласно взревел он, сместив акцент с первого из допрашиваемых лиц на второго, словно для иллюстрации того, что бесплодные поиски местонахождения Хинтона были заменены изучением всей их роли в несчастливом фарсе, автором и главной звездой которого являлся он сам.

— Ну что, вы нашли его? — Доктор Меллинджер повернулся к трем оставшимся без завтрака подчиненным. — Вы без толку сидите тут и дремлете, джентльмены! Возможно, вы провели бессонную ночь, но мне-то еще предстоит проснуться от этих кошмаров… — Произнеся такую невеселую реплику, доктор Меллинджер бросил язвительный взгляд на обсаженную рододендронами подъездную аллею, словно надеясь мельком увидеть там исчезнувшего пациента. — Доктор Редпат, мы слушаем вас.

— Поиски продолжаются, директор, — неуве-

ренно пробормотал доктор Редпат, регистратор лечебницы, формально отвечающий за безопасность. — Мы обследовали всю территорию, общежития, гаражи и хозяйственные постройки — даже пациенты принимали участие в поисках! Но все следы пребывания Хинтона как испарились. Боюсь, у меня нет другого предложения, кроме как сообщить о побеге в полицию.

— Чепуха! — Доктор Меллинджер сел за стол и раскинул руки, обшаривая взглядом пустую столешницу, словно в поисках миниатюрной копии исчезнувшего пациента. — Не расстраивайтесь из-за своей неспособности найти его, доктор. Пока поиски не завершены, мы бы напрасно потратили время полиции, обратившись к ним за помощью.

— Конечно, директор, — спокойно ответил доктор Норманд, — но, с другой стороны, поскольку теперь мы доказали, что пропавшего пациента нет *в пределах* «Грин Хилл», то можем заключить, что он, следовательно, находится *за пределами*. А в таком случае, может быть, настало время *нам* помочь нашей доблестной полиции?

— Вовсе нет, мой дорогой Норманд, — любезно ответил доктор Меллинджер.

Пока он мысленно обдумывал ответ, понял,

что никогда не доверял своему заместителю и не любил его. При первой же возможности нужно заменить его на более удобного Редпата, чьи промахи в «деле Хинтона», как теперь можно было бы назвать побег пациента, навсегда держали бы его под каблуком директора.

— Если бы нашлись какие-нибудь свидетельства, — продолжал доктор Меллинджер, — при помощи чего совершил побег Хинтон — ну там, скомканные простыни или следы на клумбах, — мы могли бы предположить, что его больше нет в наших стенах. Но таких доказательств не обнаружено. Насколько нам известно — и на самом деле все неизбежно указывает на такие выводы, — пациент все еще находится в пределах «Грин Хилл», более того, все еще сидит в своей палате. Решетка на окне не вырезана, а единственный выход возможен через дверь, ключи от которой все время находились у доктора Бута, — он указал на третьего члена троицы руководителей, стройного молодого человека с озабоченным выражением лица, — в течение всего периода между последним контактом с Хинтоном и обнаружением его исчезновения. Доктор Бут, вы врач, фактически лечащий Хинтона… Вы совершенно уверены, что были последним, кто его навещал?

Доктор Бут неохотно кивнул. Слава о том, что именно он обнаружил побег Хинтона, давно угасла.

— В семь часов, сэр, во время вечернего обхода. Но последней, кто *видел* Хинтона, была все же дежурная медсестра полчаса спустя. Однако поскольку никакого лечения назначено не было — пациент был госпитализирован для наблюдений и постановки диагноза, — дверь в палату не отпирали. Вскоре после девяти вечера я решил навестить пациента…

— Зачем? — Доктор Меллинджер соединил кончики пальцев, построив из них подобие собора со шпилем и нефом. — Это самый странный аспект дела, доктор. Зачем вы решили почти полтора часа спустя покинуть комфортабельный офис на первом этаже и подняться на три лестничных пролета? Только для того, чтобы провести беглый осмотр, который лучше всего было бы доверить дежурному персоналу? Ваши мотивы ставят меня в тупик, доктор.

— Но, директор!.. — Доктор Бут сделал было попытку вскочить, но тут же опустился обратно. — Вы же не подозреваете меня в сговоре с целью побега Хинтона? Уверяю вас…

— Пожалуйста, доктор, — брезгливо поморщил-

ся доктор Меллинджер, подняв гладкую белую руку. — Ничто не может быть дальше от моих мыслей. Возможно, мне следовало сказать: ваши *подсознательные* мотивы.

— Директор! — опять запротестовал несчастный Бут. — Да не было у меня никаких подсознательных мотивов! Признаюсь, я не могу точно вспомнить, что побудило меня пойти посмотреть Хинтона, но это была какая-то совершенно тривиальная мысль. Я вообще практически не знал пациента.

Доктор Меллинджер перегнулся через стол.

— Именно это я и имел в виду, доктор. Если быть точным, вы вообще не знали Хинтона. — он замолчал, уставившись на свое искаженное отражение в серебряной чернильнице. — Скажите, доктор Бут, как бы вы описали внешность Хинтона?

Бут заколебался.

— Ну, он был… среднего роста, насколько я помню, с… да, с каштановыми волосами и бледным цветом лица. Его глаза… Мне нужно освежить в памяти информацию из его досье, директор…

Доктор Меллинджер кивнул и повернулся к Редпату:

— А вы могли бы его описать?

— Боюсь, что нет, сэр, — ответил доктор Редпат. — Я вообще никогда не видел этого пациента. — он кивнул на заместителя директора. — По-моему, с ним при поступлении беседовал доктор Норманд.

Тот с явным усилием напряг память.

— Наверное, это был мой ассистент. Насколько я помню, Хинтон был среднего телосложения без особых примет. Не низенький, не высокий… Можно сказать, коренастый. — он поджал губы. — Да… Или, скорее, нет. Я уверен, его принимал мой ассистент.

— Как интересно, — заметно оживился доктор Меллинджер, искорки ироничного юмора, вспыхнувшие в его глазах, свидетельствовали о какой-то мощной внутренней трансформации; бремя гнева и срывов, мучившее его весь прошедший день, казалось, как рукой сняло. — Означает ли это, доктор Норманд, что все учреждение было мобилизовано на поиски человека, которого здесь никто не смог бы узнать, даже если бы и нашли? Вы меня удивляете, мой дорогой Норманд. У меня сложилось впечатление, что вы человек хладнокровный, аналитического склада ума, но в поисках Хинтона вы, очевидно, используете более тайные силы.

— Но, директор!.. Нельзя же ожидать, что я смогу помнить лицо каждого пациента…

— Хватит! Довольно! — Доктор Меллинджер величественно встал и продолжил расхаживать по ковру. — Все это очень тревожно. Очевидно, отношения между «Грин Хилл» и пациентами следует пересмотреть. Наши пациенты не безликие цифры, джентльмены, а уникальные, жизненно важные личности. И если мы относимся к ним как к ничтожествам, не наделяем их какими-либо личностными характеристиками, то стоит ли удивляться, что они как бы исчезают? Предлагаю посвятить следующие несколько дней тщательной переоценке пациентов. Давайте внимательно проанализируем те поверхностные предположения, которые мы делаем тут с такой готовностью.

Побуждаемый открывшимися перспективами, доктор Меллинджер вышел на свет, льющийся из окна, как бы для того, чтобы озарить себя светом новых откровений.

— Да, вот какая задача стоит сейчас перед нами, — продолжал он, — и в результате ее успешного завершения возникнет новый «Грин Хилл», «Грин Хилл» без теней и заговоров, где пациенты и врачи будут стоять друг перед другом

во взаимном доверии и ответственности!

По окончании такой проповеди воцарилось напряженное молчание. Наконец доктор Редпат откашлялся, не желая нарушать возвышенное общение доктора Меллинджера с самим собой.

— А как же Хинтон, сэр? — спросил он.

— Хинтон? Ах, да, Хинтон… — Доктор Меллинджер повернулся к ним, как епископ, собирающийся благословить свою паству. — Давайте посмотрим на Хинтона как на иллюстрацию процесса самоанализа, на фокус нашей переоценки.

— Значит, поиски следует продолжать, сэр? — настаивал Редпат.

— Разумеется. — на мгновение доктор Меллинджер отвлекся. — Да, мы обязаны найти Хинтона. Он где-то здесь, его сущность пронизывает «Грин Хилл» огромной метафизической головоломкой. Решите ее, джентльмены, и вы разгадаете тайну его исчезновения.

В течение следующего часа доктор Меллинджер в одиночестве расхаживал по ковру, время от времени грея руки у слабого огня под каминной полкой. Несколько язычков пламени сплелись в дымоходе, словно идеи, крутившиеся на периферии его сознания. Меллинджер почувствовал, что наконец-то нашел способ выйти из тупика.

Он всегда был уверен, что чудесное исчезновение Хинтона представляло собой нечто большее, чем просто проблему нарушения системы безопасности, и было символом чего-то прискорбно неправильного в самих основах «Грин Хилл».

Размышляя об этом, доктор Меллинджер покинул кабинет и спустился на этаж ниже, где располагался административный отдел.

Там кабинеты пустовали, поскольку весь персонал здания принимал участие в поисках. Время от времени в теплом изолированном воздухе раздавались недовольные крики пациентов, требующих завтрак. К счастью, стены были толстыми, а тарифы, взимаемые лечебницей, достаточно высокими, чтобы исключить необходимость в чрезмерной скученности.

Лечебница «Грин Хилл», девиз и главная достопримечательность которой: «Где-то далеко-далеко есть „Грин Хилл“», была из тех учреждений, которым покровительствуют наиболее состоятельные члены общества и которые фактически выполняют роль частных тюрем. В таких местах содержатся все те негодяи или несчастные родственники, чье присутствие в противном случае было бы бременем или затруднением для состоятельных членов семейств: назойливые вдовы

паршивых овец, престарелые незамужние тетушки, опять-таки престарелые кузены-холостяки, расплачивающиеся за свою романтическую неосмотрительность… Короче говоря, все брошенные жертвы армии привилегированных. Что касается завсегдатаев «Грин Хилл», на первом месте стояла максимальная безопасность, а плохое обращение, если оно вообще имело место, — на втором. Пациенты доктора Меллинджера благополучно исчезли из мира, и пока они оставались в таком далеком подвешенном состоянии, те, кто оплачивал счета, были довольны. Все это делало побег Хинтона особенно опасным.

Войдя в открытую дверь кабинета Норманда, доктор Меллинджер бегло оглядел комнату. На столе лежала открытая тонкая папка с несколькими документами и фотографией.

Какое-то мгновение доктор Меллинджер рассеянно смотрел на папку. Затем, бросив осторожный взгляд в коридор, сунул ее под мышку и поднялся обратно по пустой лестнице.

Снаружи, приглушенные темными зарослями рододендронов, звуки поисков эхом разносились по территории. Открыв папку у себя за столом, доктор Меллинджер уставился на фотографию, случайно оказавшуюся вверх ногами. Не пово-

рачивая ее, доктор изучал неприметное лицо. Прямой нос, лоб и щеки симметричные, уши слегка оттопыренные, но в перевернутом положении лицу не хватало какой-либо целостной индивидуальности.

Внезапно, когда доктор Меллинджер уже начал читать досье, его охватило глубокое негодование. Вся тема Хинтона и шаткие притязания этого человека на реальность своего существования вызывали у него тошноту. Меллинджер отказывался признать, что этот безмозглый болван с неприметным лицом мог стать причиной замешательства и тревог предыдущего дня. Возможно ли, что эти несколько листков бумаги составляют полное доказательство права такого ничтожного индивидуума на реальность?

Слегка вздрогнув от прикосновения пальцев к папке, доктор Меллинджер отнес ее к камину. Отвернувшись, он с растущим облегчением слушал, как пламя ненадолго разгорелось и вскоре погасло.

— Мой дорогой Бут! Заходи же. Как мило с твоей стороны уделить мне свое драгоценное время! — С таким приветствием доктор Меллинджер подвел вошедшего к креслу у камина и протянул ему серебряный портсигар. — Я хотел

бы обсудить один небольшой вопрос, и вы почти единственный, кто может помочь мне.

— Конечно, директор, — заверил его Бут. — Это для меня большая честь.

Доктор Меллинджер сел за свой стол.

— Тут очень любопытный случай, один из самых необычных, с которыми я когда-либо сталкивался. Он касается пациента, находящегося под вашим присмотром.

— Могу я узнать его имя, сэр?

— Хинтон, — сказал доктор Меллинджер, бросив острый взгляд на Бута.

— Хинтон, сэр?

— Вы выражаете удивление, — продолжал доктор Меллинджер, прежде чем Бут успел ответить. — Я нахожу этот случай особенно интересным.

— Поиски все еще продолжаются, — неуверенно сказал Бут. Доктор Меллинджер сделал паузу, чтобы переварить его замечание. — Боюсь, мы не нашли абсолютно никаких его следов. Доктор Норманд считает, что мы должны сообщить…

— Ах да, доктор Норманд. — Директор внезапно оживился. — Я попросил его явиться ко мне с досье Хинтона, как только он освободится. Доктор Бут, вам не приходило в голову, что, возможно,

мы гонимся не за тем зайцем?

— Сэр?..

— Действительно ли нам нужен *Хинтон*? Возможно, задаюсь я вопросом, не скрывают ли поиски Хинтона нечто большее, более значительное, тайну, о которой я упоминал вчера, которая лежит в сердце «Грин Хилл» и раскрытию которой мы все теперь должны посвятить себя. — Доктор Меллинджер словно посмаковал каждое произнесенное слово, прежде чем продолжать. — Доктор Бут, давайте на мгновение задумаемся о роли Хинтона, или, точнее, о комплексе пересекающихся и смежных событий, которые мы условно обозначаем термином «Хинтон».

— О комплексе, сэр? Вы имеете в виду диагноз?

— Нет, нет, Бут. Сейчас меня интересует феноменология Хинтона, его абсолютная метафизическая сущность. Говоря более откровенно: приходило ли вам в голову, Бут, как мало мы знаем о неуловимом пациенте, как скудны следы, которые он оставил за собой?

— Верно, директор, — согласился Бут. — Я постоянно упрекаю себя в том, что не проявил более пристального интереса к этому пациенту.

— Вовсе нет, доктор. Я понимаю, насколько вы заняты. Я намерен провести крупную реорганиза-

цию «Грин Хилл» и уверяю вас, ваша неустанная работа у нас не будет забыта. Я уверен, что высокий административный пост подошел бы вам идеально.

Тут интерес Бута к разговору возрос в несколько раз, и доктор Меллинджер ответил на его выражение благодарности сдержанным кивком.

— Как я уже говорил, доктор, у вас столько пациентов, все они носят одинаковую одежду, размещены в одних и тех же палатах и, по большому счету, им назначают одно и то же лечение. Так стоит ли удивляться, что они теряют свою индивидуальность? Если позволите, я сделаю небольшое признание, — добавил он с плутоватой улыбкой. — Я сам нахожу, что все пациенты похожи друг на друга. Ведь если бы доктор Норманд или вы сами сообщили мне, что прибыл новый пациент по фамилии Смит или Браун, я бы машинально сделал о нем стандартную запись в книге пациентов «Грин Хилл»… Причем с описанием одних и тех же примет: тусклые глаза, отвисшие губы, невыразительное лицо. — расцепив руки, доктор Меллинджер напряженно склонился над столом. — Я предполагаю, доктор, что такой механизм, возможно, сработал в случае с так называемым Хинтоном и что вы, возможно,

наделили совершенно несуществующего человека фиктивной личностью.

Доктор Бут медленно кивнул:

— Понимаю, сэр. Вы подозреваете, что Хинтон — или то, как мы до сих пор называли Хинтона, — возможно, просто смутное воспоминание о другом пациенте.

Он с сомнением помедлил, потом заметил, что глаза доктора Меллинджера с гипнотической пристальностью устремлены на него.

— Доктор Бут, я спрашиваю: какие у нас есть фактические доказательства, что Хинтон вообще когда-либо существовал?

— Ну, сэр, есть… — Бут беспомощно возвел глаза к потолку, — ну, записи в административном отделе. И медкарта с назначениями.

Доктор Меллинджер презрительно покачал головой.

— Мой дорогой Бут, вы говорите мне о листочках бумаги! Они не являются доказательством личности человека. Пишущая машинка напечатает вам все, что пожелаете. Единственным убедительным доказательством является физическое существование лица во времени и пространстве или, в противном случае, отчетливая память о его осязаемом физическом присутствии.

Можете ли вы честно сказать, что выполнено какое-либо из этих условий?

— Н-нет, сэр. Полагаю, что не могу. Хотя я беседовал с пациентом, которого принял за Хинтона.

— Но существовал ли он? — настойчиво вопросил директор. — Поройтесь в памяти, Бут, и будьте честны с самим собой. Может, вы разговаривали с каким-то другим пациентом? Врач вообще когда-либо по-настоящему разглядывает своих пациентов? По всей вероятности, вы просто увидели в списке имя Хинтона и предположили, что он сидит перед вами, такое же достоверное физическое существо, как и вы сами…

Его прервал стук в дверь, и в кабинет вошел доктор Норманд.

— Добрый день, директор.

— А, Норманд. Входите, пожалуйста. У нас тут с доктором Бутом состоялась очень поучительная беседа. И я верю, что мы нашли разгадку тайны исчезновения Хинтона.

— Я испытываю огромное облегчение, сэр, — настороженно кивнул доктор Норманд. — Я уже начал подумывать, не сообщить ли нам о побеге гражданским властям. Прошло почти сорок восемь часов с тех пор, как…

— Мой дорогой Норманд, боюсь, вы несколько

оторваны от жизни. Наше отношение к делу Хинтона радикально изменилось. Доктор Бут был мне так полезен, мы обсуждаем возможность подыскать для него административную должность… У вас есть медкарта Хинтона?

— Э-э… К сожалению, нет, сэр, — замялся Норманд, переводя взгляд с Бута на директора. — Насколько я понимаю, ее временно куда-то переложили. Я организовал тщательные поиски, и она как можно скорее будет доставлена вам.

— Спасибо, Норманд. А теперь, если не возражаете… — Меллинджер взял Бута под руку и повел к двери. — Итак, доктор, я чрезвычайно польщен вашей проницательностью. Я хочу, чтобы вы расспросили персонал вашего отделения так же, как я расспросил вас. Пробейтесь сквозь туман иллюзий и ложных предположений, явно окутывающий их умы. Предупредите о тех выдумках, которые усугубляются иллюзиями и могут принимать облик реальности. Напомните им также, что в «Грин Хилл» требуются ясные умы. Я был бы крайне удивлен, если бы кто-нибудь из них мог, положа руку на сердце, поклясться, что Хинтон *действительно* существовал.

После того как Бут вышел, доктор Меллинджер вернулся к своему столу. Какое-то время

он словно не замечал своего заместителя, затем спохватился.

— Ах да, Норманд. Интересно, где эта медкарта? Вы захватили ее с собой?

— Нет, сэр. Как я уже объяснял…

— Ладно, неважно. Но мы не должны быть беспечными, Норманд, слишком многое поставлено на карту. Вы понимаете, что без медкарты мы бы не знали буквально ничего о Хинтоне? Сложилась бы крайне неловкая ситуация…

— Уверяю вас, сэр, медкарта…

— Хватит, Норманд. Не волнуйтесь. — Доктор Меллинджер одарил неугомонного заместителя хищной улыбкой. — Я испытываю величайшее уважение к эффективности административного департамента под вашим руководством. Я считаю маловероятным, что ее там могли потерять. Скажите, Норманд, вы уверены, что эта медкарта вообще когда-либо существовала?

— Конечно, сэр, — тут же ответил Норманд. — Разумеется, я сам ее не видел, но ведь на каждого пациента в «Грин Хилл» заведена полная медкарта.

— Однако, Норманд, — мягко заметил директор, — пациента, о котором идет речь, *нет в* «Грин Хилл». И никто не знает, существует ли эта

гипотетическая медкарта Хинтона.

Директор остановился и подождал, пока Норманд, прищурившись, вдоволь насмотрится на него.

* * *

Неделю спустя доктор Меллинджер провел заключительное совещание в своем кабинете. Это было заметно более непринужденное собрание. Подчиненные откинулись на спинки кожаных кресел у камина, в то время как доктор Меллинджер облокотился на письменный стол, наблюдая за тем, как разливают лучший херес из его личных запасов.

— Итак, джентльмены, — в заключение заметил он, — мы можем оглянуться на прошедшую неделю как на период уникального самопознания, урок для всех нас, позволяющий вспомнить истинную природу наших ролей в «Грин Хилл», нашу приверженность задаче отделения реальности от иллюзии. Если наших пациентов преследуют химеры, давайте, по крайней мере, сохраним сами абсолютную ясность ума, принимая обоснованность любого утверждения только в том случае, если все наши чувства подтверждают его! Рассмотрим, например, «де-

ло Хинтона». Здесь путем накопления ложных предположений, подкрепляющих выдумки, вокруг абсолютно мифической личности некоего пациента было воздвигнуто обширное здание фантазий. Эта воображаемая фигура, которой каким-то неизвестным нам образом — скорее всего, по ошибке машинистки в отделе документации — было присвоено имя Хинтон, впоследствии была оформлена как личность, ей была выделена отдельная палата, а также сопровождающие медсестры и врачи. Хватка этого иллюзорного мира, этого скопления ошибок была такова, что, когда он рухнул и за иллюзиями обнаружилось лишь отсутствие какой-либо субстанции, оставшийся вакуум был автоматически истолкован как *побег пациента*.

Доктор Меллинджер красноречиво взмахнул рукой, а Норманд, Редпат и Бут согласно кивнули. Тогда директор обошел стол и занял свое место.

— Возможно, джентльмены, — продолжал он, — мне повезло, что я остаюсь в стороне от повседневных дел «Грин Хилл». Я не ставлю себе в заслугу, что лишь я один был достаточно беспристрастен, чтобы суметь увидеть все последствия исчезновения Хинтона и осознать единственно возможное объяснение — *то, что Хинтона нико-*

гда не существовало!

— Блестящий вывод, — пробормотал Редпат.

— Без сомнения, — эхом вторил ему Бут.

— Глубокое понимание ситуации, — согласился Норманд.

Раздался резкий стук в дверь. Нахмурившись, доктор Меллинджер проигнорировал его и продолжал свой монолог:

— Благодарю вас, джентльмены. Без вашей помощи гипотеза о том, что Хинтон был не более чем скоплением административных ошибок, никогда бы не подтвердилась…

Стук в дверь повторился. Затем дверь распахнулась, и появилась запыхавшаяся старшая медсестра.

— Ради бога, извините меня, сэр. Простите, что прерываю вас, но…

Доктор Меллинджер отмахнулся от ее извинений:

— Да ладно. В чем дело?

— К вам посетитель, доктор Меллинджер. — медсестра сделала паузу, поскольку директор нетерпеливо ждал. — Миссис Хинтон хочет повидаться со своим мужем.

На мгновение в кабинете воцарился ужас. Трое сидящих у камина выпрямились, забыв о своих

бокалах, в то время как доктор Меллинджер неподвижно застыл за своим столом. В комнате воцарилась полная тишина, нарушаемая только легким стуком женских каблучков в коридоре снаружи.

Но доктор Меллинджер быстро пришел в себя. Встав и мрачно улыбнувшись своим коллегам, он сказал:

— Повидать мистера Хинтона? Но это же невозможно! Хинтона никогда не существовало. Эта женщина, должно быть, страдает ужасными галлюцинациями. Ей требуется немедленное лечение! Пригласите ее сюда. — и он повернулся к своим коллегам: — Джентльмены, мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь этой несчастной.

Двумя меньше…

1962

Minus One. Первая публикация в журнале Science Fantasy, июнь 1963.

Внезапный полдень
Перевод Г. Соловьевой

Поразила Эллиота внезапность приступа. Джудит с детьми уехали на море захватить кончик лета, а его оставили дома одного, и три дня он наслаждался тишиной комнат, ел, когда вздумается, и потихоньку столярничал в мастерской. За воскресное утро он перечитал все газетные обзоры и тщательно внес еще полдюжины названий в список книг, которые купить-то не надеялся, не то что прочитать. Эти безнадежные упражнения, наряду со сложным процессом приготовления мартини перед ланчем, входили в ритуал короткого холостяцкого отпуска. После обеда он решил пройтись быстрым шагом через Хэмпстедскую пустошь, а потом вернуться и навести порядок к ожидавшемуся вечером возвращению Джудит.

Не вышло. Первый приступ — гриппа, как ему показалось, — поразил его в час дня. Пульсирующая головная боль и подскочившая температура заставили рыться в шкафчике с аптечкой в ванной комнате — и тут же обнаружилось, что аспирин Джудит увезла с собой. Сидя на краю

ванны, он обхватил ладонями свою бедную голову: чудилось, что под черепом натягивается вторая кожа, и мозг в ней давится, как спелые фрукты в полотняном мешке.

— Джудит! — выкрикнул он в пустой дом. — Черт!

Боль нарастала, под черепом кололи серебряные иголки. Обессилев, он кое-как дотащился до кровати и упал на нее одетым, прикрыв глаза от тусклого солнца, сиявшего над пустошью.

Через несколько минут болезнь чуть отступила, оставив после себя назойливую основательную мигрень и полное нежелание шевелиться. Еще час он, валяясь на кровати стреноженным бычком, пялился на свое отражение в зеркале туалетного столика. В окно ему был виден играющий под дубами на краю парка малыш — мальчик терпеливо пытался поймать кружащиеся на лету листья. В двадцати ярдах от него сидел, уставившись за деревья, неприметный смуглолицый человечек.

Эта сцена оказала на Эллиота успокаивающее действие, и головная боль растворилась, словно заговоренная качанием ветвей и прыжками мальчугана.

— Странно, — пробормотал он про себя, недо-

умевая, что это на него вдруг нашло. Впрочем, Джудит не поверит, она всегда считала его чуточку ипохондриком. Лучше бы она была здесь, чем валялась на пляже в Вортинге, а вот то, что дети избавлены от зрелища воющего от боли отца, — удача.

Вставать не хотелось, он предчувствовал новый приступ. Может быть, какой-то вредоносный, но нестойкий вирус? Эллиот откинулся на подушку: запах жены напомнил ему детство и надушенные волосы матери. Он вырос в Индии и помнил катание на лодке с отцом, мощную спину Ганга, алеющую в закатном свете. Калькуттская набережная цвета выжженной земли горела в памяти даже тридцать лет спустя.

Улыбнувшись приятному воспоминанию, Эллиот засмотрелся в потолок, представляя ритмичные убаюкивающие взмахи весел, но его вырвал из задумчивости далекий гудок автомобиля.

Он резко сел, вздрогнув, и оглядел комнату.

Калькутта? Какого беса?..

Воспоминание было фальшивкой. Он в жизни не бывал в Индии, и вообще на Востоке. Родился в Лондоне, жил там же, не считая двух лет аспирантуры в Штатах. А отца, воевавшего с немцами,

захваченного в плен при боях Восьмой армии в Северной Африке и большую часть войны проведшего в концлагере, Эллиот в детстве почти не видел.

Но воспоминание о переправе через Ганг было чрезвычайно ярким. Эллиот, надеясь вытряхнуть из головы остатки боли, спустил ноги на пол. Виски опять слегка заныли, но боль, как ни странно, отступила, стоило ему впустить в сознание калькуттскую набережную. Пейзаж, откуда бы он ни взялся, был, несомненно, индийским: Эллиот видел ступени к Гангу, множество дау на реке и даже дым от нескольких скромных погребальных костров на берегу. А больше всего его поразили эмоции, связанные с ложным воспоминанием об отце, сидящем на веслах: чувство надежности, внушенное ритмичными движениями темной фигуры с лицом, неразличимым на фоне заходящего солнца.

Гадая, где он подхватил такое сильное зрительное впечатление, проникшее в память вместе с уникальным личным подтекстом, Эллиот перешел из спальни в кухню. Половина второго — поздновато для ланча. Он равнодушно окинул взглядом упаковки яиц и ряды молочных бутылок в холодильнике. Поем, решил он, а потом

устроюсь на диване в гостиной, почитаю или посмотрю телевизор. Вспомнив о телевизоре, он сообразил, что ложное воспоминание с Гангом — почти наверняка забытый отрывок фильма-путешествия, виденного, может быть, еще в детстве. Весь ряд образов с лодкой, живописно разрезающей багровую водную гладь, типичен для стиля кинопутешествий сороковых годов, и Эллиот почти готов был увидеть финальные титры под рокот барабанов.

Успокоив себя выводом, что головная боль каким-то образом «включила» этот зрительный ряд — от мутных фильмов военных лет часто болели глаза, — Эллиот принялся готовить ланч. Не тронув запасы Джудит, он порылся в кладовке. Отыскал рис и немного порошка карри среди специй и солений. Джудит так и не овладела мастерством приготовления настоящего карри, а редкие попытки Эллиота вызывали только насмешливые улыбки. Но сегодня, когда спешить некуда и никто ему не мешает, может быть, и получится.

Эллиот неспешно принялся за приготовление еды, и скоро кухню наполнил пар и аппетитные ароматы карри и чатни. Снаружи неяркое солнце скрылось за тучами, начался первый вечерний

дождик. Малыш убежал, но одинокий мужчина все так же сидел на скамейке, только поднял воротник.

С удовольствием вдохнув пар кипящего соуса, Эллиот опустился на табурет и задумался о своей медицинской практике. Обычно по вечерам он вел прием, но сегодня коллега согласился подменить, к его превеликому облегчению: пациентка была трудная, законченная невротичка, устраивала врачам скандалы и даже угрожала жалобой в медкомитет. Правда, обвинения были настолько нелепыми, что в комитете их не примут всерьез.

Карри получился острый — резкая боль под ложечкой обещала несварение. Проклиная свою незадачливость, Эллиот налил стакан молока. Жаль было заглушать вкус пряностей.

— Ты не в форме, старина, — иронически обратился он к самому себе. — Обратись-ка ты к доктору.

И резко встал, щелкнув пальцами. Опять ложная память… Все мысли о медицинской практике, коллеге и пациентке были чистой игрой воображения, никак не связанной с его жизнью. Эллиот работал химиком, занимался исследованиями в биохимической лаборатории одного из онколо-

гических институтов Лондона, но почти не имел дела с врачами и хирургами.

Однако воспоминание о практике, пациентах и прочих врачебных заботах было поразительно острым и стойким — не просто впечатление, а четкая картинка, не уступающая образу биохимической лаборатории.

Эллиот с нарастающим беспокойством выпил стакан молока. Откуда взялись эти образы? Можно подумать, что ему в мозг ввели обрывки чужой памяти. Он прошел в гостиную, сел спиной к окну и со всем хладнокровием профессионала, какое у него еще осталось, стал исследовать себя. За спиной под деревьями парка тихо сидел под дождем человек на скамейке. На него с безопасного расстояния уставилась бродячая дворняга.

Сделав паузу, чтобы взять себя в руки, Эллиот обдуманно принялся исследовать второе ложное воспоминание. И тут же почувствовал, что желудок отпустило, словно, обратившись к чужому сознанию, он ослабил давление на свой разум. Сосредоточившись, Эллиот увидел большой письменный стол из черного дерева, кожаную кушетку, книжные полки и дипломы в рамках на стене — явно кабинет врача. Покинув его, он по широкому ковровому пролету лестницы спустил-

ся на мраморный пол вестибюля. В нише слева стоял стол секретарши; рыжая милашка улыбнулась ему из-за пишущей машинки. Потом он оказался на улице, очевидно, в богатом квартале, где среди машин преобладали «роллс-ройсы» и «бентли». Двумястами ярдами дальше двухэтажный автобус проезжал знакомый перекресток.

— Харли-стрит! — вырвалось у Эллиота. Опустившись на место, он оглядел знакомую обстановку гостиной, вымокшие дубы парка — действительность с трудом восстанавливала свои права на его сознание, — напоследок мелькнул еще раз врачебный кабинет, расплывающаяся табличка с именем на кремовой стене. Над крыльцом он увидел позолоченные цифры: 259. Двести пятьдесят девять по Харли-стрит? Ну и что за черт там работает? Поднявшись, Эллиот подошел к окну, окинул взглядом пустошь, потом вернулся в кухню, где еще стоял аромат карри. Желудок снова скрутило, и он поспешно сосредоточился на образе врачебного кабинета. Под отступающую боль ему привиделась невысокая пожилая женщина в больничной палате, с загипсованной левой рукой, а потом перед глазами, отчетливо как фотография, встал служебный вход в Мидлсекскую больницу.

Захватив газету, Эллиот вернулся в гостиную. Спокойствие давалось ему нелегко. Идеальная четкость воспоминаний убеждала, что это не полузабытые обрывки кинофильмов и не игра воображения. Чем больше он на них сосредотачивался, тем реальнее они становились, не желая ни блекнуть, ни исчезать. К тому же слишком сильным был эмоциональный фон. Эмоции, связанные с детским воспоминанием о реке, успокаивали, а вот атмосфера кабинета нагоняла неуверенность и тревогу, словно его настоящего хозяина мучил кошмар.

Боль еще билась в затылок, поэтому Эллиот, подойдя к бару, щедро налил себе виски с содовой. Возможно ли, чтобы он каким-то невероятным образом воспринял бесплотные воспоминания маленького индийца из Калькутты и в то же время — консультирующего врача с Харли-стрит?

На первой полосе газеты взгляд выловил заголовок:

> РАЗЫСКИВАЕТСЯ ВРАЧ-ИНДУС
> Таинственная смерть жены.
>
> Полиция продолжает поиски психиатра с Харлистрит, доктора Кришнамурти Сингха. СкотландЯрд полагает, что он

мог бы прояснить причины смерти своей супруги, миссис Рамадьи Сингх.

Эллиот с огромным облегчением отбросил газету. Вот откуда эти образы, притворяющиеся воспоминаниями! Утром, до первого приступа инфлюэнцы, он незаметно для себя просмотрел статью, а в жару ее содержание разыгралось во всех подробностях. Возможно, вирус — скоротечная инфекция, подхваченная в лаборатории, — вызывал галлюцинации, образы почти фотографического правдоподобия. Даже карри вписался в систему фантазий.

Эллиот задумчиво расхаживал по гостиной, слушая звонкий, как от града, стук дождя в окна. За несколько минут он установил, что в глубине сознания скрывались и другие галлюцинаторные воспоминания, и все они вращались вокруг личности пропавшего врача.

Отделаться от них не удавалось, и тогда Эллиот сознательно отдался течению. Быть может, виновниками копившегося в душе недоброго предчувствия были похоронный барабан дождя и боль под ложечкой. В сознании всплывали смутные идеи, заставляя его беспокойно ерзать в кресле. Он поймал себя на невольных мыслях

о смерти жены — событии, окутанном болью и странным, как во сне, насилием. На миг он словно вошел в умирающее сознание жены, погрузился на дно глубочайшего озера, где от крошечного кружка неба его отделяла теснящая грудь толща воды.

Обливаясь по́том, Эллиот очнулся от кошмара. Вся трагедия смерти жены стояла перед глазами. Конечно, Джудит была жива, отдыхала с замужней сестрой в домике на побережье Вортинга, но телепатический сигнал сильно и настойчиво внушал: утонула.

— Джудит!

Эллиот бросился в прихожую к телефону. Не разум, а психика убедила его, что сцена смерти — не причуда воображения.

Море!

Он схватил трубку, набрал номер телефонной станции. Может быть, Джудит прямо сейчас уплыла одна, а сестра готовит детям чай и не смотрит на берег, не догадывается об опасности.

— Прошу вас, очень срочно, — обратился Эллиот к телефонистке. — Мне нужно поговорить с женой. Думаю, ей грозит опасность. Дайте, пожалуйста, Калькутту, 30331.

— Калькутта 30331. Перевожу на…

— Стойте! — Эллиот привалился к оконной раме. — Я ошибся. Хотел сказать, Вортинг 303…

— Говорите, абонент. Вортинг, три ноль три… — Голос ждал продолжения.

Эллиот устало опустил трубку.

— Надо посмотреть, — глухо проговорил он. — Не тот номер.

Листая страницы телефонной книжки, он вспомнил, что они с Джудит много лет знают номер наизусть и никогда его не записывали.

— Абонент!.. — нетерпеливо повторила телефонистка.

Несколько секунд спустя, попросив связать его со справочной, Эллиот понял, что забыл и имя, и адрес невестки.

— Калькутта 30331, — повторил Эллиот, наливая себе виски. Овладев собой, он осознал, как глупо было бросаться к телефону. Джудит в полной безопасности, едет сейчас с детьми в Лондон, а его сбило с толку предсмертное видение другой женщины. Телефонный номер, однако, застрял в памяти. Загадочный ряд цифр слетел с языка бездумно, как бывает с давно знакомыми номерами. Еще множество таких воспоминаний только и ждали, когда их позовут, — словно разум беглеца прочно обосновался в мозгу Эллиота.

Он поднял с пола газету.

> …Доктора Кришнамурти Сингха. Скотланд-Ярд полагает, что он мог бы прояснить причины…

Типичный для Флит-стрит эвфемизм, составная часть сложного шифра, известного и газетчикам, и читателям. Французские газеты, не связанные английскими законами о диффамации, уже вопили бы: «Синяя Борода! Убийца!»

> …Следователи дежурят у постели миссис Этель Бурджес, служившей приходящей уборщицей в доме доктора и миссис Сингх и найденной вчера без сознания под лестницей.

Миссис Бурджес! Перед глазами сразу встал образ маленькой старушки с морщинистым, как печеное яблоко, лицом. Она с боязливым упреком смотрела на него с больничной койки Мидлсекса… Рюмка с ополовиненным виски разбилась о кафель у камина. Эллиот бессмысленно уставился на осколки мокрого стекла, потом рухнул на диван и сжал голову руками, сдерживая поток воспоминаний. Помимо воли вспомнился

медицинский институт в Калькутте. Мелькали полузнакомые лица однокурсников. Он помнил свой страстный научный интерес к тайнам йоги и индуистской парапсихологии, студенческое общество, опыты по передаче мыслей и тел, и скандал, когда их эксперименты закончились смертью одного из студентов. Минуту Эллиот дивился связности и правдоподобию воспоминания. Оцепенело он напомнил себе, что изучал химию… где? И обомлел, поняв, что забыл. Поспешно обшарив свою память, он обнаружил, что почти не помнит далекого прошлого: откуда он, своих родителей, детства. Вместо этого ему опять с сияющей отчетливостью представилась гребная лодка на багровом Ганге и загадочная улыбка глядящего на него темнокожего гребца. Потом он увидел другую картину: он сам, маленький, пишет в большой бухгалтерской книге, где заботливо стерты все заголовки столбцов, — сидит за столом под низким потолком из бамбуковых жердей, в комнатушке над рыночным складом отца. Чушь! Отбросив воспоминания вместе со всеми их нежными ассоциациями, Эллиот беспокойно вскочил. Сердце лихорадочно колотилось, лоб горел, сознание выстраивало фантастические связи с разыскиваемым полицией доктором

Сингхом. Он пощупал себе пульс, склонившись к зеркалу над камином, осмотрел глаза, проверил зрачковый рефлекс — нет ли сотрясения.

Сглотнув сухим горлом, он уставился на руки врача, осматривавшие его тело, и решил позвонить своему доктору. Успокоительные, час сна, и он придет в себя.

В гаснущем вечернем свете цифры на диске были едва видны.

— Алло, алло, — выкрикнул он. — Ответьте, кто-нибудь!

— Да, доктор Сингх, — отозвался женский голос. — Это вы?

Перепуганный Эллиот прикрыл трубку ладонью. Он набирал номер по памяти, но не по своей. И мало того что секретарша узнала его голос — Эллиот тоже узнал ее, знал, как зовут.

Для проверки он открыл микрофон и назвал памятное имя:

— Мисс Тремейн?..

— Доктор Сингх? Вы…

Эллиот усилием воли изменил голос на гортанный:

— Простите, ошибся. Куда я звоню?

Девушка заколебалась. И заговорила — он опять безошибочно узнал ритм и интонации.

— Это Харли-стрит 30331, — осторожно ответила она. — Доктор Сингх, полиция… — Эллиот положил трубку на рычаг. В темноте устало опустился на ковер, уставился в черный прямоугольник двери. Головная боль снова барабанила в виски, потому что он пытался не замечать теснившихся в голове воспоминаний. Лестница над ним вела в мир иной.

* * *

Спустя полчаса он поднял себя на ноги. В поисках кровати, не осмеливаясь зажечь свет, ввалился в комнату и рухнул вслепую. И тут же вскочил, обнаружив, что лежит на обеденном столе. Он забыл расположение и обстановку комнат, их вытеснил другой дом — по-видимому, обычная квартира. На чужом втором этаже он нашел неприбранную детскую, заваленную игрушками и одеждой, забытые детские рисунки, изображавшие безмятежные небеса над церковными шпилями. Едва закрылась дверь, детская растаяла, как забытая картина.

В соседней комнате — спальне — на туалетном столике стоял фотоснимок с лицом миловидной светловолосой женщины — он никогда ее не видел. В темноте кровать, шкафы и зеркала об-

ступили его как декорации сновидения.

— Рамадья, Рамадья, — пробормотал он. Губы выговорили имя умирающей женщины.

Зазвонил телефон. Остановившись на площадке темной лестницы, он слушал пронзительные трели в тишине дома. На свинцовых ногах спустился к аппарату, отрывисто ответил:

— Да?

— Привет, милый, — весело начал женский голос. В трубке слышался шум и гудки поездов. — Алло, это Хэмпстед?..

— Это Харли-стрит 30331, — поспешно перебил он. — Вы ошиблись номером.

— Ох, извините, я думала…

Отрезая голос, который на миг притянул отброшенный на задворки памяти образ, он встал у окна в передней. В узкое стекло видно было, что дождь почти прошел, и среди деревьев повис светлый туман. Промокший человек на скамейке продолжал нести свою вахту, его лицо скрыла темнота. Временами в блике света блестела мокрая одежда.

Эллиот почему-то почувствовал, что должен спешить. Он знал, что предстоит много дел: составить отчет — пока не пропали важные улики, связаться с надежными свидетелями. Пока он

отыскивал в шкафу у спальни ботинки и куртку, в голове незамеченными проплывали сотни образов: сцены врачебных приемов, пациентка, которой снимали ЭЭГ, радиатор «бентли» и наклейки автомобильного клуба. Мелькали кусочки улицы неподалеку от Харли-стрит, обрывки бессчетных переходов из кабинета в кабинет, дверь «Заморского клуба», шумный семинар с пафосным докладчиком. Неприятным оказалось раскаяние в смерти жены, но его уравновесило нарастающее внутреннее убеждение, что смерть, как ни парадоксально, была во спасение, насильственным переводом в новую жизнь. Чужой и все же знакомый голос — его собственный — произнес: «Душа, подобно тонкокожему созданию, прячется в первую попавшуюся раковину. Только разбив эту раковину, заставишь ее перебраться в новую».

Пока он спускался по лестнице, несколько раз волнами накатывало головокружение. Надо было найти человека — единственного, кто мог его спасти. Пьяно покачиваясь, он взял трубку и набрал номер.

Жесткий, как полированная слоновая кость, голос ответил:

— Профессор Рамачандран слушает.

— Профессор!..

— Алло? Простите, кто говорит?

Он шумно откашлялся в микрофон.

— Профессор, поймите меня. Опухоль была неоперабельной, это был единственный способ ее спасти — метемпсихоз не только психических, но и соматических функций! — Он заговорил бессвязно, выбрасывая слова слипшимися комьями. — Рамадья ушла, она теперь другая женщина… ни она, ни другие не узнают… Профессор, пожалуйста, скажите когда-нибудь ей… и мне… одно слово…

— Доктор Сингх! — Голос сорвался в крик. — Я не могу больше вам помогать. Вам придется ответить за свое безумие. Я столько раз предупреждал, что ваши эксперименты опасны…

Трубка, выпав из руки, квакала с пола. За окном вспыхивали огни полицейских машин, вращались на крышах призрачными маяками. Отпирая дверь, выходя на ночной холод, он принял последнюю навязанную мысль: светловолосый человек средних лет, химик в институте онкологии — у него необыкновенно восприимчивый разум, открытый сосуд с горлом, широким как тарелка приемной антенны. Он один может спасти. Его зовут Эллиот.

Сидя на скамье, он смотрел на огни за деревьями, приближающиеся зыбкими ореолами. Дождь кончился, светлый туман повис каплями на ветвях, но после домашнего тепла на улице оказалось неожиданно холодно, и за несколько минут в парке он замерз до дрожи. Уходя за деревья, он видел ряд полицейских машин, выстроившихся вдоль объездной дороги в двухстах ярдах от него. Куда бы он ни сворачивал, огни словно бы приближались, хотя ни один не надвигался прямо на него. Он повернул к дому и с удивлением увидел стройного светловолосого мужчину — перейдя дорогу от парка, тот поднялся на крыльцо. Он с изумлением следил, как чужак скрывается за дверью и закрывает ее за собой.

Потом из тумана выступили двое полицейских, ослепили фонарями глаза. Он побежал, но из-за ствола проявился третий, загородил дорогу.

— Ну хватит, — проворчал кто-то, когда он беспомощно забился в их руках. — Давайте-ка поспокойнее.

В темноте собирался круг огней. По парку подбегали новые полицейские. Инспектор с серебряным значком на плече всмотрелся в его лицо — констебль подсветил фонарем.

— Доктор Сингх?

Еще секунду он вслушивался в зависший в мороси звук имени, которое преследовало его весь день. Большая часть сознания приняла это имя с готовностью, но малая доля, сжавшаяся уже в крошечную искорку, в слабую звездочку, скрытую туманом, воспротивилась, сознавая, что он, кем бы ни стал теперь, был когда-то не доктором Сингхом.

— Нет!

Он замотал головой, дернувшись, как от удара тока, высвободил одну руку. Его схватили за плечо, и он вскинул ладони, заслоняясь от лучей и лиц.

Очки свалились и хрустнули под ногами, но без них он видел лучше. Посмотрел на свои ладони. Даже в бледном свете они казались смуглыми. Тонкие изящные пальцы, незнакомый шрам на косточке. И еще он нащупал на подбородке козлиную бородку.

Последний оплот сопротивления в его сознании рухнул, ускользнул в темное недосягаемое прошлое.

— Доктор Кришнамурти Сингх, — уверенно повторил инспектор.

Джудит Эллиот, оставив чемоданы в дверях, провожала взглядом отъезжающие к Хэмпстеду

полицейские машины. Двое детей хозяйничали наверху, в детской.

— Какой ужас! Хорошо, что дети не видели ареста. Он отбивался как животное!

Эллиот, расплатившись с таксистом, закрыл дверь.

— Кто это, кстати, был? Надеюсь, не из знакомых?

Джудит оглядела прихожую, заметила телефонную трубку на полу. Наклонилась и положила ее на место.

— Таксист сказал: какой-то психиатр с Харли-стрит. Индус. Вроде бы задушил жену в ванной. Странно то, что она и так умирала — от опухоли в мозге.

— Страшное дело, — поморщился Эллиот. — Может быть, он хотел спасти ее от мучений?

— Задушив, когда она была в сознании? Типично мужская мысль, милый.

Эллиот рассмеялся, проходя с ней в гостиную.

— Ну, милая, хорошо провели время? Как там Молли?

— Хорошо, нам было очень весело. Тебя, конечно, не хватало. Вчера было немножко не по себе: большая волна опрокинула меня, я наглоталась воды. — она помолчала, разглядывая парк за

окном. — Знаешь, что странно? Двадцать минут назад я звонила тебе со станции и по ошибке попала на Харли-стрит. Ответил индус, по голосу — типичный врач.

— Не он ли это и был? — ухмыльнулся Эллиот.

— И я о том же подумала. Но разве бы он добрался так быстро от Харли-стрит до Хэмпстеда? Шофер сказал, полиция весь день его искала.

— Может, они задержали не того. Или существует два доктора Сингха. — Эллиот прищелкнул пальцами. — Откуда бы мне знать его имя? Наверно, в газете вычитал.

Джудит кивнула и подошла к нему.

— Да, в утренних писали. — он взял и положил на полку над камином ее шляпу. — Индусы — странный народ. Не знаю почему, вчера, пока боролась с той волной, я вспоминала одну девушку из Индии. Ничего о ней не помню, кроме имени. Рамадья. Кажется, она утонула. Очень была милая и хорошенькая.

— Как ты. — Эллиот обнял ее за талию, но Джудит уже заметила осколки на полу.

— Ага, заметно, что меня не было дома!

Она со смехом обхватила его за плечи и тут же встревоженно отстранилась.

— Милый, почему ты так странно одет? Боже,

посмотри! — Под ее пальцами из куртки, как из мокрой губки, выдавилась вода. — Ты же насквозь промок! Где тебя носило весь день?

1963

The Sudden Afternoon. Первая публикация в журнале Fantastic, сентябрь 1963.

Игра с ширмами
Из цикла «Алые Пески»
Перевод О. Макеевой

Летом в Хирохито день за днем мы играем в игру с ширмами. Сегодня, в послеобеденное время, когда аркады и террасы кафе опустели и народ спал где-то внутри, мы втроем погрузились в «линкольн» Рэймонда Мэя и покатили по дороге в Алые Пески.

Сезон шел к концу, и пустыня снова дала о себе знать. Солнце выжгло цвет из киосков с сигаретами, огромные наносы песка окружили город. На линии горизонта вздымались до самого неба столовые горы, окрашенные в цвета вулканической лавы. Пляжные домики теперь пустовали неделями, брошенные дюноходы стояли в болотцах, оставшихся от пересохших озер, купаясь в зыбком мареве. Только автострада казалась живой — по ней хотя бы сновали туда-сюда машины.

В двадцати милях от Хирохито, где шоссе ветвится между Ред-Бич и Алыми Песками, мы свернули на остатки старой гравийной дорожки, бегущей через песчаные рифы. А ведь год назад

тут все было так ухоженно и цивилизованно!.. Сейчас же декоративные ворота рухнули поперек трассы, а в будке постового поселились скорпионы и песчаные скаты.

Обычно сюда никто просто так не приезжал — всех отпугивали случающиеся с завидной частотой оползни и яд в хвостах скатов. Кроме того, любопытная, но безошибочная атмосфера угрозы нависала над этим местом, отделяя его от остальной части пустыни. Висячие галереи рифов казались даже более извилистыми и зловещими, чем кавалькады истерзанных демонов на стенах средневековых соборов. Массивные обсидиановые башни вздымались над проезжей частью, как каменные виселицы, с карнизами, испещренными железно-красной пылью. Свет казался более тусклым, в отличие от остальной пустыни, время от времени вспыхивая — как будто какое-то подземное огненное облако закипало и, дыша замогильными миазмами из недр, доставало до поверхности скал. Окружающие вершины и шпили закрывали пустынную равнину, и единственными звуками были эхо двигателя, рычащего среди холмов, да пронзительные крики песчаных скатов, реявших над открытыми устьями рифов, подобно страшным ангелам.

Примерно полмили мы ехали по дороге, которая, словно окаменевшая змея, извивалась над рифами. Наш разговор становился все более сиюминутным и совсем затихал, возобновляясь только тогда, когда мы начинали спуск по неглубокой долине. Несколько абстрактных скульптур стояли у обочины дороги. Когда-то они были звуковыми, реагируя на скользящий поток воздуха от проезжающих машин серией предупреждающих *vibrato,* но наш «линкольн» проехал мимо них непризнанным.

Внезапно за крутым поворотом рифы и пики исчезли, и перед нами простерлось обширное внутреннее песчаное озеро с бунгало на берегу. Обрывки легкой дымки нависали над дюнами, как разлохмаченные облака. Покрышки мягко рассекали багряный песок, и вскоре мы поравнялись с чем-то, что казалось краем огромной шахматной доски из черных и белых мраморных квадратов. Появились новые статуи — или занесенные целиком, или просто опрокинутые тяжестью песка.

Глядя на них сегодня днем, я не в первый раз почувствовал, что весь ландшафт смешан с иллюзией, что по нему, как брошенные галеоны, дрейфуют громады сказочных снов. Когда мы шли

по дороге к озеру, руины бунгало приветствовали нас по левую сторону. Террасы и балконы были пустынны, а некогда мраморно-белая поверхность обрела безжизненную желтизну. Лестницы резко обрывались посреди пролета, полы напоминали провисшие палаточные тенты.

В центре террасы на том же месте, где мы оставили их днем раньше, стояли ширмы, зодиакальные символы которых сверкали подобно змеиной чешуе. Мы подошли к ним, щурясь под палящим солнцем. В течение следующего часа мы играли ими в игру, двигая их по запутанной траектории, снуя туда-сюда по гладкому мраморному полу.

Никто не смотрел на нас, но в какой-то момент мне показалось, что я вижу высокую фигуру в синем плаще, спрятанную в тени балкона второго этажа.

— Имеральда! — окликнул я ее, но она, даже не дрогнув, растворилась в тени зарослей гибискуса. Когда имя эхом разнеслось по дюнам без ответа, я понял, что последняя попытка выманить ее сюда провалилась.

— Пол! — окликнули меня Рэймонд и Тони от машины. — Пол, мы уезжаем!

Отвернувшись, я уставился на руины бунгало.

Где-то на берегу песчаного озера слабо играла музыка, отдаваясь эхом в открытых кварцевых жилах. Сначала лишь несколько одиноких аккордов зависли в вечернем воздухе. Устойчивые *tremolo* походили на песни незримых цикад. Вскоре они утихли, оставив после себя только память — память о тех самых первых наших играх с ширмами здесь, о самой последней трагической партии, прошедшей в битве с механическими насекомыми, об Имеральде Гарланд…

* * *

Впервые я увидел ее прошлым летом, вскоре после того, как Хирохито навестила кинокомпания. Чарльз ван Страттен предоставил ей полную свободу действий на здешней территории. Называлась она «Орфей Продакшнз» и снимала фильмы, которые один раз громко выстреливают в финале Каннского кинофестиваля, а потом кладутся на полку — и там уже либо вызревают до шедевров, либо так и тлеют, пока их не убьет пожар или небрежность архивариусов. Спонсируют такие конторы обычно дилетанты-миллионеры, испытывающие непреодолимую тягу попробовать себя в роли Лоренцо Медичи.

Нет, люди из «Орфея» отнюдь не казались

мне дилетантами. У них были и средства, и техническое обеспечение: эскадра трейлеров и съемочных павильонов, обрушившаяся на Хирохито в один из скучных августовских вечеров, напоминала авангард всадников Судного дня, а самые осторожные оценки бюджета грядущих съемок вдвое превышали ВВП какой-нибудь иберо-американской республики. Дилетантским выглядело лично для меня их пренебрежение к «массовому кинематографу» и его методам. Когда кому-то так сильно хочется показаться приверженцем высокого искусства, скорее всего, перед вами простой закостенелый сноб.

«Орфеев» щедро спонсировал Чарльз ван Страттен. На его средства должен был выйти революционный фильм с названием «Афродита–80». Поначалу нас, вовлеченных в процесс скорее невольно, забавляли самоуверенные попытки Чарльза создать абсолютный кинематографический шедевр, но позже мы усмотрели в них нечто поистине трогательное. Тогда никто из нас не знал, что творится в душе у Чарльза, что за трагедия привела его в пустыню. Мрачная Немезида, притаившаяся за съемочными декорациями, пока не давала о себе знать.

Ко времени покупки всех акций «Орфей Про-

дакшнз» Чарльзу ван Страттену стукнуло сорок. Тихий, сдержанный, серьезный, этот отпрыск богатого банкирского рода к двадцати годам уже дважды побывал женатым — сначала на графине-неаполитанке, потом на киноактрисе, — но так и не избавился от всеобъемлющего влияния матери. Властная паукообразная карга, заседавшая в мрачном особняке эдвардианской эпохи на Парк-авеню, все стены в котором были увешаны подлинниками Рубенса и Рембрандта, овдовела вскоре после рождения сына — и, очевидно, рассматривала его как замену мужа, дарованную самой судьбой. Хитроумно манипулируя паутиной трастовых фондов и остатков наследства, она безжалостно изжила обеих жен Чарльза — актриса покончила с собой, сбросившись с венецианской гондолы, графиня сбежала с психоаналитиком, — а потом и сама умерла при неясных обстоятельствах в летнем особняке в окрестностях Западной Лагуны. Вопреки вниманию масс к семейству ван Страттен, о смерти старухи было известно мало — по официальной версии, она упала с балкона второго этажа, — но Чарльз после трагедии на долгих пять лет оставил публичные сферы. Изредка он мельком появлялся на венецианском биеннале или выступал одним

из спонсоров какого-нибудь культурного фонда. В остальном же вакуум, оставшийся после смерти матери, явно поглотил его. Ходили слухи — тут, у нас, в Хирохито, — что сам Чарльз и убил ее. Этот бедный несостоявшийся Эдип отомстил за свой мифологический прообраз, когда старуха, учуяв перспективу третьего брака, Иокастой нагрянула сюда, к бунгало, и застукала отпрыска с новой возлюбленной, поймав, так сказать, на горячем.

История, конечно, пикантная, да только одного взгляда на ван Страттена хватало для того, чтобы понять — все это чушь. Пять лет прошло после смерти матери, а он все еще вел себя так, будто она следила за каждым его движением в мощный бинокль из какой-нибудь потаенной ложи. Он располнел, на лице читалась смешанная с изумлением нерешительность, как будто без матери он не был уверен в собственной личностной состоятельности.

Вскоре после прибытия в Хирохито компании «Орфей Продакшнз» ее исполнительный продюсер посетил кафе в здешнем арт-квартале, выискивая дизайнеров декораций. Как и большинство художников из Хирохито и Алых Песков, я пребывал тогда в длительном творческом застое. Оставшись здесь после окончания сезона, я

томился яростным бездельем, спуская последние деньги в кафе, и уже проявлял верные симптомы «пляжной лихорадки» — апатичность и безотчетную тоску. Перспектива реальной работы была такой заманчивой, что поначалу я даже не поверил в нее.

— Они снимают «Афродиту–80», — воодушевленно поведал нам Рэймонд Мэй после того, как обсудил вопрос с кем-то на стороне. — Кажется, дело серьезное — они хотят, чтобы местные художники нарисовали им задники в абстрактном стиле. Расценки — доллар за квадратный фут.

— Маловато будет, — заметил я.

— Да, ван Страттен — миллионер, деньги для него, в отличие от нашей голи перекатной, ничего не значат. Это менеджер его, видать, прижимист. Рафаэлю и Микеланджело платили за роспись Сикстинской капеллы гораздо меньше, напомню.

— У ван Страттена большой бюджет, — заметил Тони. — Но современного художника, я считаю, должны волновать не только деньги. Как насчет концепции, стиля? Ему нужен для создания декораций современный Микеланджело или сойдет и простой маляр-подрядчик?

Мы угрюмо наблюдали, как вдалеке продюсер

бегает от одной кафешки к другой.

— А сколько, говоришь, квадратных футов им нужно? — спросил я.

— Около миллиона, — откликнулся Рэймонд.

* * *

Позже в тот же день, когда мы свернули с дороги на Ред-Бич и махнули мимо постовой будки в Лагуну, до наших ушей донеслись стенания поющих статуй, прокатывающиеся гулко по рифам и преследующие призрачными кавалькадами мчащиеся по горным автострадам автомобили. Перепуганные левитирующие скаты стайками реяли в воздухе, их неистовые крики терялись среди высот, шпилей и рифов.

Озабоченные перспективой наших огромных гонораров — я поспешно присягнул Тони и Рэймонду в качестве помощника, — мы едва ли обращали внимание на причудливый пейзаж, который пересекали, на большие гаргульи красного базальта, пронзающие воздух, как шпили безумных соборов. Со стороны Ред-Бич — на шоссе к Алым Пескам — холмы казались навеки воспетыми песчаной дымкой, а Западная Лагуна, хотя и получила кратковременную известность после смерти миссис ван Страттен, оставалась

изолированной и неведомой. С пляжных домиков на южном берегу песчаного озера в двух милях отсюда можно было разглядеть далекие террасы и многоярусные балконы, торчащие в вишневое вечернее небо, как стопка домино. С пляжа к дому подступов не имелось. Кварцевые жилы прорезали глубокие трещины на поверхности, рифы из рваного песчаника вздымались в воздух, как ржавые остовы забытых кораблей.

Вся Западная Лагуна представляла собой сплошную зону переходов. Время от времени мягкий гул нарушал утреннюю тишину, когда одна из галерей уплотненного песка, с ее замысловатыми гротами и колоннадами, похожими на перевернутый дворец в стиле барокко, внезапно растворялась и мягкой лавиной оседала во внутреннюю пропасть внизу. Большую часть времени Чарльз ван Страттен находился где-то в Европе, и дом, как полагали, был пуст. Единственным звуком, который слышали обитатели пляжных вилл, была слабая музыка поющих статуй, протянувших через озеро термальные ролики.

Именно к этому пейзажу с его незаметным переходом между реальным и ирреальным Чарльз ван Страттен привез съемочные группы и фургоны компании «Орфей Продакшнз». Когда

«линкольн» присоединился к колонне машин, двигавшихся к бунгало, мы увидели огромные парусиновые щиты, по крайней мере, двести ярдов шириной и тридцать футов высотой, устанавливаемые командой строителей среди рифов, в четверти мили от дома. Украшенные абстрактными символами, они должны были служить фоном для действия и сплетать своего рода фрагментарный лабиринт, извивающийся среди холмов и дюн.

На одной из больших террас, выступившей импровизированной стоянкой, собралась группа мужчин в мокасинах из крокодиловой кожи, парусиновых брюках и атласных рубашках — к ним-то мы и направили стопы. Центром группы выступал человек с массивной челюстью, который обмахивал потное лицо разлохмаченным сценарием и оживленно жестикулировал свободной рукой. То был Орсон Кэнин, режиссер «Афродиты–80» и совладелец на равных правах с ван Страттеном «Орфей Продакшнз». Когда-то он снимал вычурные футуристические фильмы, а сейчас явно остепенился, раздался и обзавелся бочкообразным животом. Двадцать лет назад его неофрейдистская интерпретация «Орфея и Эвридики» выстрелила так громко, что на от-

звуках того успеха этот тип выезжал до сих пор. Согласно трактовке Кэнина, Орфей нарушил табу намеренно — и взглянул в лицо Эвридике в надежде избавиться от нее. Пройдя сквозь лабиринты ада и подметив в своей воскресшей жене некий чуждый холод и потустороннюю немоту, он, обернувшись, убеждается в страшной догадке: красавицу Эвридику вернули ему в виде рассыпающегося зомби.

Когда мы достигли периферии кипучей группки, то поняли, что Кэнин проводит типичное сценарное совещание: беспрерывной пантомимой обсуждает будущие дубли, травит анекдоты из мира кинематографа, сулит всем славные гонорары и приправляет все это плохими каламбурами, озвученными сочным мужским баритоном. На балюстраде рядом с Кэнином сидел красивый молодой человек с чувственным лицом, в котором я узнал Чарльза ван Страттена. Время от времени вполголоса он вставлял какие-то замечания, которые тут же фиксировал на бумаге один из секретарей.

По ходу обсуждения я уловил, что съемки фильма стартуют через три недели и что в программе запланировано много импровизации. Кэнина беспокоило, казалось, лишь то, что актрису

на роль, собственно, Афродиты до сих пор не утвердили. Но Чарльз ван Страттен в тот же миг поклялся в кратчайшие сроки явить съемочной группе «идеально подходящий типаж», избранный лично им.

— Ну-ну, — кривя бровь, пробормотал Рэймонд. — Ищите женщину… Интересно, кто же эта новая миссис ван Страттен?

Кажется, сам миллионер остроту либо не услышал, либо пропустил мимо ушей. Завидев меня, он извинился перед компаньонами и подошел к нам.

— Пол Голдинг? — Его рукопожатие оказалось теплым и мягким. Мы никогда не встречались до настоящего времени лично, но я предположил, что он узнал меня по фотографиям из журналов. — Кэнин сказал, что вы любезно согласились заняться нашими декорациями. Какая удача, право. — звук его голоса изливался плавно и легко, без намека на нервозность. — Тут такая суматоха царит — приятно осознавать, что по крайней мере живописная сторона проекта будет выглядеть первоклассно. — прежде чем я успел возразить, он взял меня за руку и повел по террасе вдаль. — Давайте подышим свежим воздухом. Кэнин будет продолжать в том же духе еще пару часов.

Оставив Рэймонда и Тони, я последовал за ним через огромные мраморные площади.

— Кэнин все тревожится насчет главной роли, — продолжал Чарльз. — Он всякий раз женится на очередной протеже — уверяет, что только так и можно добиться от них послушания, — но я подозреваю, что в этом сокрыт старомодный пуританин. Впрочем, должен сказать, на сей раз его ждет разочарование — пусть и не в актрисе. Моя Афродита будет бесподобна.

— Ваши планы на фильм звучат смело, — заметил я. — Думаете, Кэнин справится?

— О, само собой! Он почти что гений, а мне меньшего не нужно. — ван Страттен засунул руки в карманы серого пиджака и вышел вперед меня — странно, по диагонали, будто оживший шахматный офицер. — Знаете, а ведь название фильма вводит всех в заблуждение. Он не столько об Афродите, сколько, опять же, об Орфее — и это еще одна причина, по которой я привлек именно Кэнина. Меня, знаете ли, интересует проблема иллюзий, заблуждений, существующих в любых отношениях, — тех, что вообще делают отношения жизнеспособными. А еще — о ширмах, за которые мы привыкли друг от друга прятаться. Ведь реальность — жестокая штука, а у нас есть

свой предел, правда?

Мы добрались до огромного фанерного щита, установленного среди рифов. Возвышаясь над шпилями и гротами, он будто затмевал половину неба, и я вновь задумался, что в Западной Лагуне реально, а что — всего лишь иллюзия. Время и пространство неуловимо куда-то смещались, огромные задники представлялись единовременно барьерами и распахнутыми дверьми. Радиально расходясь от дома и разрезая пространство, позволяя ему прорываться там и тут бессвязными проблесками, они вносили в спокойную канву дня удивительно привлекательный элемент неопределенности. Безлюдье и загадочность бунгало лишь усиливали впечатление.

Вернувшись к сборищу вокруг Кэнина, мы прошли по краю террасы. Здесь песок дрейфовал над балюстрадой, отделявшей ничьи земли от возделанных. Бросив взгляд вдоль линии балконов на южной стороне, я заметил кого-то, стоявшего в тени под одним из навесов.

Что-то ярко вспыхнуло у меня под ногами. На мгновение отразив полный диск солнца, как полированный сапфир или кварц, загадочный призрак полыхнул ярко в красном песке и мет-

нулся прочь.

— Ух ты, скорпион! — Я показал на зловещее членистоногое. Отбежав на безопасную от нас дистанцию, оно горделиво мотнуло смертоносным хвостом и покралось по песку. Но как скорпион мог сиять? Приглядевшись, я понял, что передо мной какая-то причудливая роботизированная игрушка, украшенная гранеными драгоценными камнями. Они-то и сверкали на солнце подобно раскаленным углям.

— Вы это видели, ван Страттен? — спросил я ошарашенно. — Кому в голову придет сделать такую штуку? Да еще и выпускать ее без надзора!

— Полноте, Пол, это обычный скорпион. — пройдя мимо меня, почти оттолкнув, он глянул в сторону навесов, где мне причудилось чье-то присутствие, а затем втоптал причудливую игрушку в песок. — Да, Пол, — добавил он твердым голосом, — я верю в ваш подход. Вы уловите нужную мне ноту и сделаете все по высшему разряду. — застегнув пиджак, он пошел обратно к киноплощадке, задержавшись лишь на миг, чтобы соскрести с подошвы какие-то пружинки и обломки.

Я нагнал его.

— Вы разве не видели? Тот скорпион был весь

в диамантах!

Он отмахнулся безмолвно, а потом достал из нагрудного кармана большие солнцезащитные очки и водрузил на нос. Эта ширма сделала его лик более жестким и властным — словно он вдруг захотел напомнить мне о разнице между нами, о том, что здесь, по сути, не может быть никакого равенства.

— Это иллюзия, Пол, — сказал он. — А еще эти твари опасны, так что будьте осторожнее, ради бога. — Он расслабился и продемонстрировал мне свою самую обаятельную улыбку.

Присоединившись к Тони и Рэймонду, я стал смотреть, как Чарльз ван Страттен уходит через толпу техников и обслуживающего киноплощадку персонала. Его шаг стал заметно более целеустремленным, и он отмахнулся от помощника продюсера, приставшего с каким-то вопросом, не потрудившись даже повернуть к нему голову.

— Тут такое дело, Пол. — Рэймонд хмыкнул. — У картины нет ни толкового сценария, ни актрисы на главную роль, а в некоторые камеры даже пленка не заправлена. И никто тут не имеет на самом деле ни малейшего представления о том, что предстоит делать. Но зато один миллион

квадратных футов фанеры ждет, когда мы его окрасим. Думаю, можно и приступить?

Я оглянулся на террасу, где мы с Чарльзом повстречали странного скорпиона.

— Полагаю, да, — сказал я.

Где-то в пыли ярко блеснул драгоценный камень.

* * *

Через два дня я увидел еще одну такую богато украшенную игрушку.

Подавляя все сомнения по поводу Чарльза ван Страттена, я был занят подготовкой эскизов. Хотя первая оценка Рэймонда в миллион квадратных футов была преувеличена — менее одной десятой этого было бы необходимо, — объем работы и материалов был значительным. Фактически я собирался перекрасить тут всю пустыню.

Каждое утро я выходил в Западную Лагуну и работал среди рифов, приспосабливая дизайн к контурам и цветам местности. Большую часть времени я проводил наедине с палящим солнцем. Рэймонд был прав в одном — внятный план картины не складывался, и «Орфей Продакшнз» растеряли изначальный пыл. Кэнин отъехал на кинофестиваль в Ред-Бич, а все его ассистен-

ты и сценаристы размякли в бассейнах отеля «Нептун» в Алых Песках. Оставшихся в Лагуне людей сковала сонливость, они апатично бродили туда-сюда и дремали под цветными зонтами, установленными у переносного бара.

Оживился лишь Чарльз ван Страттен, без устали бродивший в своем белом костюме среди рифов и песчаных шпилей. Время от времени я слышал, как одна из поющих статуй на верхних балконах бунгало меняла свою ноту, и поворачивался, чтобы увидеть его стоящим рядом с ней. Настраивая ее, Чарльз вызывал к жизни странную мягкую последовательность аккордов, переплетенных более резкими, почти жалобными нотами, которые дрейфовали по неподвижному вечернему воздуху к лабиринту больших фанерных щитов, теперь обступавших бунгало. Весь день он бродил среди них, расхаживая по периметру и диагонали, словно пытаясь выстроить рунический круг какой-то персональной загадки, дать старт некой вагнеровской драме, что вовлекла бы нас всех в действие, вознесла в катарсис.

Вскоре после полудня, когда над пустыней, растворяя цвета в своей мантии из глазури, пролегла интенсивно-желтая пелена света, я сел на

балюстраду и стал смотреть на песчаное озеро, мерцавшее в термальных градиентах, будто огромный бассейн талого воска. В нескольких ярдах что-то мерцало на ярком песке — уже знакомая вспышка света. Прикрывая глаза, я нашел источник, миниатюрного Прометея, несущего эту блестящую корону. Паук-каракурт приблизился на своих ходульных ногах, передавая стаккато сигналов, льющихся из его драгоценной короны — крупной сапфировой вставки в голове.

И вдруг мерцания стало больше — еще одна точка, еще и еще. В мгновение ока терраса вся засияла драгоценным светом. Я приметил несколько бирюзовых скорпионов, пурпурного богомола с гигантским топазом, похожим на многоярусную корону, и более десятка пауков, из чьих голов торчали лампочки изумрудов и сапфиров.

А поверх них, укрывшись в тени разросшейся ночной фиалки, на меня взирала женщина — высокая, бледная, в голубом платье.

Я прошел вдоль балюстрады, стараясь не наступать на застывшие драгоценные игрушки. Там, где она кончалась, меня встретила прохладная тень бунгало — и я вдруг ощутил дыхание потустороннего. Колонны лоджии походили на

оголенные кости, мерцающее песчаное озеро и самоцветные насекомые заточили меня в пустынном мире лимба. Фигура женщины и вовсе уверяла меня в том, что я ненароком задремал на солнцепеке и угодил в мир причудливой грезы. Но я не набрался духу вовремя ее окликнуть.

На лоджии, где она стояла, вдруг послышались шаги, и мне явился еще один призрак — темноволосый мужчина лет пятидесяти, с невыразительным лицом, застывший среди изуродованных трещинами колонн. На нем плотно сидел застегнутый наглухо черный пиджак. Он глянул на меня абсолютно бесстрастным взором, делаясь еще более похожим на гробовщика.

Вскоре обе фигуры скрылись где-то в недрах бунгало, и драгоценные членистоногие, будто вняв их исчезновению, разбежались по сторонам, мигая на прощание своими диамантовыми коронами.

С тех пор каждый день, возвращаясь с рифа с блокнотом для набросков, я видел, как эти игрушки в побрякушках ползают в лужах солнечных бликов у песчаного озера, а их хозяйка в голубых одеждах, призрачная Венера Западной Лагуны, наблюдает за ними со своего балкона.

Несмотря на частые появления, Чарльз ван

Страттен не пытался объяснить ее присутствие. Его сложные приготовления к съемкам «Афродиты–80» почти завершились, и он день ото дня становился все более и более беспокойным.

Был согласован финальный вариант сценария. К моему превеликому удивлению, первая сцена должна была быть сыграна на террасе озера и воссоздать «балет теней», для которого я нарисовал серию декораций-ширм, перемещающихся, как шахматные фигуры. Каждая из них была порядка двенадцати футов высотой — большой холст, установленный на деревянной колоде, представляющий один из знаков зодиака. Как и главный герой «Кабинета доктора Калигари», запертый в лабиринте движущихся стен, орфический герой «Афродиты–80» рыскал в поисках своей потерянной Эвридики среди передвижных ипостасей Времени.

Так и появилась «игра с ширмами», в которую нам приходилось без устали играть бесчисленное множество раз. Когда я закончил последнюю декорацию и стал наблюдать, как группа статистов передвигает ее под руководством Чарльза ван Страттена, мне вдруг стало понятно, насколько этот человек эксцентричен, возможно, безумен — мы все стали пешками в какой-то сюрреали-

стичной шахматной партии, разыгрываемой им против неизвестно кого.

Впрочем, вскоре мы узнали, с кем он играет.

Когда я прибыл в Западную Лагуну на следующие выходные, бунгало пустовало, и завеса непрошибаемого затишья укутала озера и окрестные холмы. Двенадцать ширм стояли на террасе перед пляжем, их яркие геральдические узоры расплывались в марево из бирюзы и кармина, горизонтально заляпавшее трепещущий воздух. Кто-то выстроил из них узенькую спиральную галерею. Когда я расставил декорации по местам, в тенях песков испуганным голубиным крылом порхнул шлейф голубого платья.

Поняв, что женщина, по-видимому, мне все-таки не привиделась, я тихо прокрался за одну из последних ширм, изображавшую огромного королевского пурпурного скорпиона, и очутился от нее на расстоянии вытянутой руки. Да, это была та самая призрачная гостья — ее аристократически бледное лицо, похожее на мраморную маску, обратилось к пологу солнечного света, прорезавшего верхние края декораций. На ней было все то же голубоватое платье, а волосы укрывал невесомый платок.

Одно из драгоценных членистоногих сидело

прямо у женщины на шее. На лице ее лежала печать странной, холодной неподвижности, придававшая молочной коже почти что могильный вид.

— Эй! — окликнул я, и она, вздрогнув, отступила назад. Игрушки-в-побрякушках у ее ног брызнули по сторонам. Она удивленно уставилась на меня, укрыв нижнюю часть лица своим платком.

— Простите, что напугал вас, — сказал я. — Не знал, что здесь ходит кто-то еще. Вам, я смотрю, нравятся мои декорации? Что ж, польщен!

* * *

Она чуть опустила подбородок, прядь непослушных волос выбилась из-под платка.

— Так это вы нарисовали? — удивленно спросила она. — Я думала, это все доктор Грабер.

— Нет, это декорации для фильма Чарли ван Страттена, — объяснил я. — Для «Афродиты–80», говоря точнее. Новая экранизация легенды об Орфее. — Улыбнувшись, я добавил: — А вам определенно следует попросить у Чарли роль. Из вас выйдет прекрасная Эвридика.

— Фильм? — перебила она. — Послушайте… а вы уверены, что это для фильма? Мне надо знать наверняка.

— Абсолютно уверен. — почему-то подспудно ее реплика меня задела. Что-то в ее манере опять-таки возвращало меня к логике абсурдного сна, где слова имеют не тот смысл, какой в них обычно вкладывают. — Здесь собираются снять одну из первых сцен.

Незнакомка насупилась.

— Нет, конечно, если вы хотите, можете передвигать эти штуки, — поспешил приободрить ее я. — А вообще, хотите, я вам что-нибудь нарисую?

— Нарисуете? — Судя по скорости ответа, я чем-то ее заинтересовал. — А можете прямо сегодня? Нарисуйте что-то похожее. В тех же цветах. Можете даже ничего не менять. — она окинула взглядом зодиакальные символы, в тенях вдруг ставшие напоминать дикарские рисунки кровью на стенах гробниц тольтеков[8]. — Они у вас вышли восхитительно живые, даже живее, чем доктор Грабер. Хотя, — она запнулась, — я не знаю, чем вам отплатить. Денег мне не полагается. — она улыбнулась странной улыбкой взволнованного ребенка, а затем ее лицо просветлело. Опустившись на колени, она подобрала

[8] Примечания: 8

Тольтеки — индейский народ юто-ацтекской языковой семьи, живший на территории средневековой Мезоамерики.

одного из украшенных диамантами скорпионов с земли. — Хотите такого?

Мерцающая игрушка с блестящей короной неуверенно проползла по ее бледной длани.

Кто-то шагал к нам по мрамору.

— Кажется, кто-то из актеров вернулся порепетировать, — заметил я. — А почему бы вам не пойти со мной и не посмотреть? Я устрою вам экскурсию по съемочной площадке.

Но едва я начал раздвигать ширмы по сторонам, длинные пальцы ее руки обвили мое запястье. Кажется, она волновалась о чем-то.

— Все хорошо! — заверил ее я. — Попрошу, чтобы за нами никто не вился. Не волнуйтесь, лишнего внимания мы не привлечем.

— Нет! Послушайте, пожалуйста!

Маленькие носители диамантов у нас под ногами разбежались по сторонам, когда, отодвинув одну из ширм, к нам вместе с ослепительным солнечным светом вышел мужчина в темном костюме, смахивающий на гробовщика. С лица его не сходило настороженное выражение. Змеиная улыбочка играла на его бескровных устах.

— Мисс Имеральда! — поприветствовал он мою случайную собеседницу мурлычущим голосом. — Думаю, вам лучше зайти в дом. Такая

жарища стоит после обеда — вы и не заметите, как переутомитесь.

Его черные лакированные туфли явно отпугивали золотоносных членистоногих. В его глазах читалось практически неисчерпаемое терпение — терпение сиделки, приставленной к абсолютно безнадежному, неизлечимому больному.

— Я приду через несколько минут, — бросила Имеральда.

— Я показывал ей декорации, — помахал я ручкой.

— Я так понимаю, мистер Голдинг? Рад знакомству, — невозмутимо ответил он. — Мисс Имеральда, и все же… вас зовут.

На мгновение их диалог будто бы зашел в тупик. Имеральда стояла рядом со мной, схватив меня за запястье, у ног ее выстроились драгоценные жучки. Опекун с невозмутимой улыбкой на губах взирал на нее. И тут шаги возвестили, что к нам кто-то приближается. Раздвигая ширмы с другой от нас стороны, к нам подходил напудренный Чарльз ван Страттен.

— Что за конференция? — спросил он шутливо. — Доктор Грабер, с моей драгоценной Име все в порядке, я надеюсь?

— Все хорошо, сэр, — отчеканил Грабер. — Мисс

Гарланд собиралась вернуться к себе.

— Замечательно, спасибо, доктор. — пока ван Страттен мерял шагами песок, распугивая драгоценных жучков, Грабер взял пациентку, уставившуюся на Чарльза странным взглядом, за плечи и повел прочь от ширм. У наших ног остался один-единственный богомол. Недолго думая, Чарльз наклонился к нему, но насекомое, застрекотав, унеслось прочь. Тогда, улыбнувшись как-то рассеянно, будто только сейчас осознав, что Имеральда ушла, меценат обратил свое внимание на меня.

— О, Пол! — Его голос впервые на моей памяти звучал не вполне уверенно. — Рад, что вы свели с мисс Гарланд знакомство. Господи, какие восхитительные декорации! Ни секунды не сомневался в вас.

Мы вышли к солнцу.

— С ней что-то не в порядке, — осторожно заметил я.

— С мисс Гарланд? Ну, она живет здесь после смерти матери. Трагический опыт, что тут сказать… Доктор Грабер полагает, что она никогда до конца не оправится.

— Он ее лечащий врач?

Чарльз кивнул.

— Лучший из всех, кого я смог найти. По какой-то причине Имеральда чувствует себя виновной в смерти матери. Она отказалась уходить отсюда.

— Думаете, эти штуки помогут ей? — Я махнул рукой на ширмы.

— Конечно. Как думаете, Пол, почему мы вообще здесь? — Он понизил голос — несмотря на то, что в этот день Западная Лагуна пустовала. — Пока не говорите Кэнину… но вы только что познакомились с главной дивой «Афродиты–80».

— Что? — Я даже замер от неожиданности. — Имеральда будет играть в фильме?

— Да, Эвридику. — Чарльз кивнул. — Кто, как не она?

— Но, Чарльз, она ведь… — Вежливый эвфемизм никак не шел на ум.

— В этом-то все и дело. Доверьтесь мне, Пол. — тут Чарльз улыбнулся с неожиданным для него коварством дикой лисы. — Этот фильм не так абстрактен, как я внушил Кэнину. На самом деле у него есть терапевтическая цель. Видите ли, Имеральда когда-то была актрисой второго плана. Я убежден, что съемочная деятельность и обилие декораций помогут ей вернуться в прошлое, в период до ужасного потрясения. Это единственный способ излечить ее. Выбор темы,

легенда об Орфее и все с ней связанное в точности соответствуют ситуации — я вижу себя как Орфея последних дней, пытающегося спасти мою Эвридику от ада доктора Грабера. — он мрачно улыбнулся, как будто понимая всю надуманность аналогии и зыбкость надежды. — Имеральда полностью замкнулась в своем мирке, тратит все время на возню с этими игрушечными тварями в диамантах. Если повезет, ширмы вызовут ее на диалог с реальностью. В конце концов, если она знает, что все вокруг иллюзорно, она перестанет бояться этого.

— Может, проще будет силой вывезти ее из Западной Лагуны? — с сомнением спросил я. — Возможно, Грабер — не тот доктор, что ей нужен. Не могу понять, зачем вы держите ее тут все эти годы.

— Я не держу ее, Пол, — серьезно ответил он. — Она сама вцепилась в это место и во все связанные с ним воспоминания мертвой хваткой. Сейчас она меня к себе едва ли подпускает.

Мы разошлись, и он убрел куда-то в дюны. Окружающие меня ширмы накладывали на лик пустыни необычную маску. Геометрические формы вырисовывались и колыхались в дымке, как движущиеся символы манящего сна.

Наблюдая за уходом Чарльза, я вдруг почувствовал жалость к его твердой, но наивной решимости. Размышляя, стоит ли предупреждать его о почти неизбежной неудаче, я потер запястье — на нем остались следы от яростной хватки Имеральды, синяки и красные лунки от ее острых ногтей.

Каждый день после обеда мы начинали играть с ширмами, передвигая знаки зодиака по террасе. Сидя на балюстраде и наблюдая за первыми приближениями Имеральды Гарланд, я задумался, насколько глубоко мы все увязли в ловушке Чарльза ван Страттена, в раскрашенной пустыне среди статуй, пение которых осеняло бунгало.

Имеральда Гарланд, красивая, но вся будто натянутый пучок струн-нервов, являлась, проскальзывая меж расставленных под ее балконами ширм, а затем, укрываясь за огромным знаком Девы в самом центре, снисходила к озеру, окруженная подвижным узором из все тех же разрисованных фигур.

Однажды, оставив свой наблюдательный пост возле ван Страттена, я присоединился к игре. Постепенно я переместил свою ширму, отмеченную знаком Стрельца, в центр лабиринта, где и нашел Имеральду — та раскачивалась из

стороны в сторону, будто очарованная самим ритмом игры. Игрушки-паучки были рассыпаны у ее ног. Когда я подошел, она схватила меня за руку и рванулась куда-то в лабиринт, отчего бретельки платья слетели с ее обнаженных плеч. По нему мы выбежали ровно в ту же точку, из какой начали путь, — и тогда, подобрав шлейф платья, моя невольная Ариадна убежала, снова исчезнув меж колонн.

Вернувшись к Чарльзу, я приметил на лацкане его пиджака драгоценного богомола, походившего на брошь. Аметистовая корона жучка словно таяла под палящим солнцем.

— Она подошла ко мне, Пол! — улыбнулся Чарльз. — Раз она приняла игру с ширмами, ей скоро они будут без надобности. Как же я благодарен вам! Теперь понимаю, откуда растут ноги у высказывания про то, что *абсолютную* реальность может создать один лишь художник. Может, разукрасите еще несколько таких штук?

— Чарльз, я с удовольствием, но уверены ли вы…

Но он лишь кивнул сам себе и побрел в сторону съемочной площадки к своей группе.

За несколько следующих дней я разрисовал еще несколько ширм символами зодиака — с

каждым днем игра наша становилась все медленнее и сложнее, поскольку теперь в ней было уже целых тридцать фигур, и проходы они выстраивали самые неожиданные. В кульминационный момент очередной партии я каждый раз заставал Имеральду в затененном центре всей этой безумной композиции, под звуки отчаянного пения поющей статуи устремленного от крыши упадочного особняка к распахнутому небу над нашими головами.

— Почему же вы сами не присоединитесь к игре? — спросил я однажды Чарльза. Миновал период его приподнятого настроения, он сделался нетерпеливым. Каждый вечер, когда он возвращался в Хирохито, столб пыли за его мчащимся «мазерати» поднимался все выше и выше в бледный воздух. Он потерял интерес к «Афродите–80». На счастье, Кэнин пришел к выводу, что нарисованная пустыня Западной Лагуны не может быть воспроизведена никаким из существующих цветовых процессов, и съемки фильма переметнулись к арендованной где-то в Ред-Бич студии. — Возможно, если бы Имеральда увидела вас в лабиринте…

— Нет-нет. — Чарльз категорически покачал головой, затем встал и стал расхаживать по ком-

нате. — Пол, теперь я в этом всем не так уверен.

Без спроса я нарисовал еще дюжину ширм. Рано утром я пристроил их среди уже стоявших на террасе.

Три ночи спустя, устав от странной ответственности за Имеральду Гарланд, я поехал в Западную Лагуну, взбираясь по темным холмам, чьи искривленные формы вздымались в раскачивающихся фарах, как испарения из какого-то затонувшего ада. Вдалеке, у озера, в сером непрозрачном воздухе повисли угловатые террасы беседки, словно подвешенные невидимыми проводами на облака цвета индиго, которые, подобно бархату, тянулись к немногочисленным слабым огням вдоль берега в двух милях отсюда.

Поющие статуи на верхних балконах были почти безмолвны, и я осторожно прошел мимо, сподобив их лишь на несколько приглушенных аккордов. Слабые звуки переносились от одной статуи к другой на крышу беседки, а затем терялись в полуночном воздухе.

С лоджии я посмотрел вниз на лабиринт ширм и на драгоценных жучков и паучков, разбросанных по террасе, сверкающих на темном мраморе, как отражение звездного неба. Вскоре я заметил Имеральду — бледный овал ее лица выступал

из тени. Она шла почти обнаженная, в том шелковом платье, похожем на завесу из лунного сияния, к огромному знаку Тельца, раскинув в стороны руки в каком-то наполовину молельном жесте — как сдающаяся быку Европа. Светящиеся призраки зодиакальной стражи окружали ее.

Когда я подошел к ней, она не двигалась. И даже от моего робкого прикосновения не шелохнулась. Ветер ночи развевал синеву ее волос, и я, зябко поведя плечами, взял за руку мою невольную спутницу и повел прочь от этих гипнотических ширм. Выражение ее лица, ставшего похожим на фарфоровую маску, отличалось почти ужасающим спокойствием, словно сама реальность была для нее не более чем сном. Мне ужасно не хотелось оставлять ее тут, на холодном ветру, в компании странных зодиакальных знаков, но почему-то меня преследовало подспудное ощущение, будто я сейчас похищаю у некоего законного пусть не супруга, но *обладателя* — но кого, неужели ван Страттена?

Мы вышли на внутренний балкончик, вившийся над центральным садом. Где-то невдалеке от нас большая поющая статуя испускала напряженный нервный эмбиент, словно в попытке заглушить подчеркнутый полночной тишиной

звук моих нерешительных шагов.

— Стой! — вдруг скомандовала Имеральда, выйдя из прострации, и я вздрогнул. — Там! — Она показала куда-то пальцем.

Я проследил ее взгляд и наткнулся на мрачную фигуру в темном костюме, явно наблюдавшую за нами с чуть склоненной головой.

— Боже мой, — зачарованно прошептала Имеральда. — Боже мой!

— Это же доктор Грабер, — пробормотал я, сбитый с толку. — Доктор Грабер! — окликнул я темный силуэт, и Имеральда вцепилась в меня мертвой хваткой:

— Тише, ради бога! Твоя машина — она сейчас в дюнах? Прошу тебя, увези меня отсюда! Это место порочно, насквозь порочно! — Она сделала страшные глаза. — Не хочу больше видеть ни доктора Грабера, ни… все вот это! Мне нужно попасть в Алые Пески или хотя бы в Ред-Бич! Прошу…

Мы поспешили к машине. Подол ее платья обметал пески, и за него, пытаясь нагнать хозяйку и отчаянно перебирая лапками, цеплялись драгоценные механические жучки. Когда до автомобиля оставалось всего ничего, Имеральда вдруг вскрикнула и застыла, словно чья-то незримая рука схватила ее, остановив. Прижав

пальцы к вискам, она молнией рванулась обратно к лабиринту из ширм и затерялась в нем. Пощелкивая и посвистывая, игрушечные жучки двинулись за ней. Пока я стоял, обескураженный, блеск их маленьких тел удалялся все дальше — и наконец растворился, как впитавшийся в песок искристо-звездчатый ручей.

Пока я сконфуженно топал к машине, прохладная янтарная мгла сумеречных дюн вдруг расступилась, являя мне мужчину, спрятавшего руки глубоко в карманы белого пиджака.

— Вы отменный художник, Пол, — заметил Чарльз ван Страттен. — В последнюю пару ночей она точно так же потакала мне… и все равно в итоге убегала.

Я сел за руль и кивком пригласил его занять место рядом со мной. Пока мы ехали обратно в Хирохито, статуи скулили нам вослед, словно ведьмы-банши.

На следующий день, как я и предполагал, Чарльз ван Страттен наконец-то сыграл в эту чертову забаву с ширмами. Он прибыл вскоре после начала, проходя через толпу статистов и операторов возле автостоянки, с руками, по-прежнему глубоко засунутыми в карманы белого костюма, как будто его внезапное появление среди дюн

прошлой ночью и его нынешнее прибытие были непрерывными во времени. Он остановился у балюстрады на противоположной стороне террасы, где я сидел с Тони Сапфиром и Рэймондом Мэем, и задумчиво взирал на медленные передвижения ширм, чуть прикрыв серые опалы глаз морщинистыми веками.

К настоящему времени ширм скопилось неоправданно много — более сорока; втайне я не переставал подрисовывать новые, не понимая, спасаю ли Имеральду от чего-то, или же, напротив, все только усугубляю. Все их передвижения невольно концентрировались в центре игровой площадки, многократно подчеркивая сходство действа с нечестивым ритуалом. То, что начиналось как невинное развлечение, как разработка живописных декораций к злосчастной «Афродите–80», выродилось в разгадку жуткой шарады, которая затягивала всех, кто к ней подступался, в свои зловещие недра.

Обескураженные или попросту утомленные заторможенной и бессмысленной игрой, статисты один за другим стали уходить, занимая балюстраду рядом с Чарльзом. В итоге среди ширм осталась бродить одна лишь Имеральда — я почти видел, как она скользила по коридо-

рам, защищенная зодиакальными божествами, начертанными моей рукой. Время от времени ее тень мелькала за натянутыми холстами, обретая гротескные очертания.

— Ты придумал для нее чудесную ловушку, Пол, — задумчиво протянул Рэймонд Мэй. — Самый настоящий лабиринт, только вместо Минотавра в нем — окончательно заплутавшая Ариадна.

— Ван Страттен попросил меня возвести все это! — возразил я. — Я думал, что помогаю ей хоть чем-то!

Где-то вдалеке на берегу запела статуя, ее жалобный вой раздался прямо у нас над головами. Несколько распавшихся скульптур с выветрившимися звуковыми стержнями снова собрались из кусков. Перепад температур воскрешал их к жизни, и теперь они тянули странные обрывочные мотивы — пародии на свои же прежние песни.

— Пол! — Тони Сапфир махнул рукой на террасу. — Там что-то происходит!

В пятидесяти ярдах от нас ван Страттен перепрыгнул через перила и встал на один из черных мраморных квадратов, свесив руки по бокам, — солдат-одиночка перед целым строем из ширм.

Все остальные уже разошлись, и мы трое остались наедине с Чарльзом и невидимой жительницей лабиринта.

Резкий голос разбитой статуи все еще пронзал воздух. Двумя милями дальше мгла почти скрыла дальний берег, усыпанный коттеджами, улеглась на поверхности столь богатого на секреты озера.

Дымка рассеялась, и громады песчаных рифов будто бы придвинулись вплотную на нас, ощетинившись алыми шипами. Свет пронизал матовую поверхность озера, подсветил ее окаменевшие прожилки, и трезвучия умирающих статуй зазвучали в полный голос.

— Имеральда!

Когда мы вскочили, застигнутые врасплох его голосом, Чарльз ван Страттен уже со всех ног бежал по террасе, выкрикивая ее имя. Прежде чем мы успели что-либо предпринять, он стал разбрасывать ширмы по сторонам, опрокидывая их наземь. В считаные мгновения террасу усыпали клочья рваных холстов и перекладины разбитых в щепки рам. Зодиакальные знаки разлетались по сторонам, как элементы парада во время китайского карнавала.

И только когда первичный круг из полудюжины ширм явил себя, Чарльз замер, переводя

дыхание, уперев руки в бока.

— Имеральда! — громко позвал он.

Рэймонд уставился на меня беспомощно:

— Пол, с этим надо что-то делать.

Решительно ступив вперед, Чарльз сорвал последнюю ширму. Мы вдруг увидели ее — Имеральду Гарланд, бегущую прочь от солнечного света, в ореоле белого платья, которое стало походить на сломанные крылья какой-то огромной птицы… а затем со взрывной вспышкой из-под ног ее рванулся блестящий вихрь света. Пауки и скорпионы, усыпанные драгоценностями, перестали быть игрушками — теперь то были орудия смерти, нацеленные на Чарльза ван Страттена.

Беспомощно воздев руки и закрыв голову, он помчался по террасе, и армада драгоценных тварей последовала за ним, высоко подпрыгивая, цепляясь за его плечи и даже за кожу головы. Незадолго до того, как он исчез среди дюн у пляжа, мы увидели его в последний ужасающий раз, беспомощно цепляющегося за драгоценный рой, облепивший его лицо столь плотно, что его черты попросту стерлись. Мы услышали его крик, приглушенный и слабый, сдавленный, до мурашек напоминающий стон рассыпающейся поющей статуи.

…Мы нашли его среди статуй — он лежал ничком на раскаленном песке, роскошный белый костюм запятнала кровь, к ней прилип песок. Вокруг него разбросаны были те механические монстры, которых он сумел растерзать, прежде чем растерзали его самого. По их узловатым лапкам и мандибулам, оторванным и брошенным наземь, стекали рубиновые капли, рисуя на песке абстрактные идеограммы. Блики играли на сапфирах и диамантах, оторванных от своих хозяев.

Мрачным грифом на белом выступе балкона застыла фигура доктора Грабера. Единственные звуки теперь исходили от певчих скульптур, что подхватили последний крик ван Страттена и вплели его ноты в партитуру персонального реквиема.

— Она… убила… — Рэймонд потрясенно покачал головой. — Пол, слышишь? Слышишь, что говорят статуи, — я совершенно точно слышу слова! Он что-то хотел сказать нам о ней…

— О ней, но не о себе. — переступив через обломки смертоносных игрушек, я наклонился над телом, перевернул его, закрыл покойнику глаза. — Она и вправду убила, но не его, а миссис ван Страттен, старую вдову, его мать. Вот вам и ключ к разгадке всей этой фантасмагории. Вчера

вечером, когда мы увидели Грабера, она испугалась. Я понял, почему он все время маячит там, на одном месте — именно там стояла старая гарпия, когда Имеральда толкнула ее. Долгие годы Чарльз держал ее здесь, наедине с собственным чувством вины. Не со зла — скорее, он боялся, что под гнетом неудобных вопросов она сломается, правда всплывет. Он все-таки был куда более ответственным человеком, чем казалось… Он не мог понять, что Имеральда так долго жила со своей виной, что спутала ее с личностью самого Чарльза. Убить его было ее единственным освобождением.

Я замолк, поняв, что меня не слушают — Рэймонд и Тони бежали к террасе, а навстречу им уже двигалась сформированная из разобщенной съемочной группы толпа. Громоздкая и угловатая фигура Кэнина выступила вперед, за ним в хвосте плелась троица исполнительных продюсеров. Их недоверчивые взгляды сошлись на распростертом теле. Голоса поющих статуй затихли, унося с собой в глубины ископаемого озера последний жалобный крик Чарльза ван Страттена.

* * *

Год спустя, после того как люди из «Орфей Продакшнз» покинули Западную Лагуну и скандал вокруг смерти Чарльза утих, мы снова отправились к заброшенному особняку в песках — в один из тех унылых безликих вечеров, когда дюны, далекие холмы, освещенные последними лучами солнца, и сами развалины несли на себе отпечаток запредельной тусклости и безжизненности. Конечно, здесь больше не было доктора Грабера. Песок поглотил целиком длинные участки ведущей к этому месту дороги, наросшие гряды опрокинули поющие статуи. Теперь они молчали, и могильную пустоту разбавляло лишь потаенное присутствие Имеральды Гарланд.

Мы нашли ширмы ровно там, где их оставили, выкопали их остатки из песка и сожгли самые безнадежно потрепанные в наспех сооруженном костре. Должно быть, те восходящие столбы фиолетового и карминового дыма первыми сообщили Имеральде о нашем прибытии. На следующий день, когда мы передвигали ширмы, я почувствовал, как она наблюдает откуда-то за нами, заметил проблеск ее голубого платья в укромной тени. Тем не менее, хоть мы и играли

каждый день на протяжении всего лета, она ни разу не присоединилась к нам — ее не смогли привлечь даже новые ширмы, нарисованные мной взамен тех, что сгинули. Только в ту ночь, когда я посетил Западную Лагуну в одиночестве, она спустилась ко мне, но заслышав голоса статуй, ожившие еще раз, я убежал прочь, стараясь изгнать из памяти призрачный абрис ее смертельно бледного лица.

По какой-то акустической причуде мертвые скульптуры вдоль берега ожили, и я снова услышал призрачные отголоски последнего крика Чарльза ван Страттена, нашедшего гибель от оравы ополоумевших механических игрушек, которыми управляла безумная хозяйка. По руинам особняка этот низкий рефрен гулял свободно, заполняя собой пустые галереи и залитые лунным светом террасы, возносясь к устьям песчаных рифов и играя последнюю мрачную музыку нарисованной ночи.

1962

The Screen Game. Первая публикация в журнале Fantastic, октябрь 1963.

Время течения[9]
Перевод Г. Шокина

Кладбище, усаженное благоухающими цветами, мрачным совсем не казалось. Мрамор надгробий и ангелов-памятников, залитый ярким солнцем, наводил на мысли, скорее, о некой экстравагантной художественной галерее, чем о месте последнего упокоения. Сторожа-копатели, эта парочка худощавых стервятников, бездельничали, опершись на черенки лопат. Их длинные скрещенные тени пятнали идеальную белизну недавно установленного могильного камня с пока еще золотистыми, не успевшими потускнеть оттисками:

ДЖЕЙМС ФАЛЬКМАН
1963–1901
«Конец – лишь начало».

Ленивыми росчерками острых краев лопат взрезав податливый земельный слой, они сня-

---

[9] Примечания: 9

В оригинальном названии (Time of Passage, т. е. «Время течения») обыгрывается еще и прочтение фразы наоборот (*passage of time* — течение времени).

ли надгробие, упаковали в брезент и отнесли в ближний проход между могил. Костлявый, в черной жилетке, Бидль-старший обернулся и кивнул в сторону траурной процессии, надвигавшейся от кладбищенских ворот.

— Нам бы поторопиться, — промолвил он. — Уже идут.

Его сын, Бидль-младший, оглядел бредущих по извилистым межмогильным тропкам посетителей. Их было не так уж и много. Воздух терпко пах свежевскопанной землей.

— Всегда заявляются пораньше. Хоть бы раз пришли точно в срок!

Часовня, почти незаметная за шеренгой кипарисов, провозгласила о себе протяжной и печальной звонницей. Слаженно налегая на лопаты, копатели расчистили захоронение от мягкой, почти не слипшейся в комья земли — по обе стороны от могильной ямы выросли холмики. Считаные минуты спустя, когда пастор и родственники покойного уже достигли своей цели, крышка гроба из гладкого тика полностью обнажилась. Бидль-отец, спрыгнув в яму, стал соскребать с латунной обивки влажные последки.

Выстояв недолгое прощание, скорбящие — их насчиталось где-то десятка два — решили воз-

вратиться в часовню. Вели их сестра Фалькмана, высокая узколицая старуха властного вида, и ее супруг; шли они под руки. Бидль-отец дал отмашку сыну — подходи, мол. На пару они извлекли гроб из могилы, уложили на тележку и зафиксировали специальными ремнями. Осталось только забросать яму землей и разровнять дерн.

Когда и с этим было покончено, они отряхнули руки и повезли тележку к часовне. Хитросплетенные тени древесных крон трепетали им на прощание с бледных ликов изрядно поредевших могил.

Двое суток спустя гроб отвезли в просторный особняк Джеймса Фалькмана, который стоял в самом дальнем конце Мортмир-парк. На обнесенной высокими коваными заборами улице не было ни прохожих, ни автомобилей. Некому было и засвидетельствовать, как катафалк вырулил в тенистую аллею и встал у парадного входа. Гроб внесли в залу с зашторенными наглухо окнами, взгромоздили на массивный стол из красного дерева и сняли крышку.

Фалькман мирно возлежал внутри, окруженный обилием дорогих венков. При тусклом освещении его лицо с рублеными чертами и тяжелым подбородком казалось едва ли не живым.

Небольшая прядь мягких волос на лбу смягчала облик мертвеца — он не выглядел столь мрачно и властно, сколь его пожилая сестрица.

По мере триумфального восхождения солнечного шара по небу передвигался и гордый одиночка-лучик, с трудом пробившийся сквозь густые кроны платанов, что окружали дом. Скользнув по залу, он тронул висок Фалькмана, коснулся его распахнутых бездвижных глаз — и двинулся дальше. Но и после, когда, казалось, свет его угас, в самой глубине этих глаз будто бы сохранился слабый его призрак — так звезда, отразившись единожды в черной колодезной глуби, еще долго напоминает о себе бликами, играющими в беспокойной воде.

С утра до вечера сестра Фалькмана чинно, без намека на суету, расхаживала по дому. Ее ловкие руки быстрыми движениями выбивали пыль из бархатных портьер на библиотечных дверях, заводили миниатюрные настольные часы, выполненные в манере, свойственной временам правления Людовика Пятнадцатого, проверяли стрелку установленного в коридоре барометра. Ей помогали две девицы в черном с острыми чертами лица. Их усилия, слаженные и молчаливые — за все время они не обмолвились

и словом между собой, — изменили домашнее убранство, добавив ему блеска и лоска. Гости, изъявившие желание отдать Фалькману дань последнего уважения, собрались в паркетном зале, стены которого были обшиты панелями из черного дерева.

Шло перечисление:

— Мистер и миссис Монтефиоре…

— Мистер и миссис Колдвелл…

— Мисс Эвелин Жермин и мисс Элизабет…

— Мистер Сэмюэл Банберри…

Кивая в ответ на свои имена, они проходили внутрь, ненадолго замирали у гроба, со сдержанным интересом разглядывая лицо Фалькмана, затем переходили в обеденную залу, где наливали в рюмки портвейн, выпивали и закусывали сухофруктами и сырами. Главным образом то были немолодые, не по погоде тепло одетые люди. Кого-то из них явно угнетала темень, царившая во внутренних покоях дома, и близость мертвеца; на лицах других читалось тоскливо-томительное ожидание.

Следующим утром Фалькман был извлечен из гроба и снесен наверх, в спальню, чьи окна выходили на дорогу. С него сняли саван, обнажив сухое и ломкое тело в шерстяной пижаме.

Лицо Фалькмана цвета безжизненного папируса выглядело безмятежным и упокоенным. Лежа в ледяной постели, он ни сном ни духом не ведал о своей сестре, восседающей на поставленном почти вплотную к ложу стуле с высокой прямой спинкой и тихо плачущей. Лишь когда доктор Маркхэм зашел в спальню и положил руку ей на плечо, она чуть-чуть собралась, пряча эмоции внутри.

Тут же, будто повинуясь приказу свыше, веки Фалькмана взлетели вверх. Поблуждав немного по потолку, мутные зрачки обрели фокусировку. И вот Фалькман взглянул — вполне осмысленно — в горестное лицо сестры. Когда она на пару с доктором подалась вперед, ко все еще неподвижному телу, бледные губы мертвеца искривила мимолетная улыбка, терпеливая и понимающая. В следующий миг Фалькман провалился в изнуренный глубокий сон.

Сдвинув вместе шторы в спальне, Бетти и доктор Маркхэм тихо покинули его. Замок двери легонько щелкнул, и дом погрузился в стазис. Минута за минутой грудь Фалькмана поднималась все выше, дыхание обретало ровный ритм, звук вдохов-выдохов заполнял мирок спальни, отвечая неугомонному шороху листвы платанов,

растущих за окном.

Всю первую неделю Фалькман не мог встать с кровати, однако силы его копились споро — он уже мог сам управляться с едой, которую готовила ему сестра. Траурное платье Бетти сменила на домашнюю одежду. Сейчас она восседала в старинном кресле и сверлила брата беспокойным взглядом:

— Джеймс, поешь нормально! Не нравится мне твой аппетит, ты и так уже как скелет.

Фалькман отставил поднос, скрестил худые кисти рук на груди и улыбнулся.

— Если я буду съедать все, что ты мне приносишь, сестрица, я из скелета быстро превращусь в настоящего Гаргантюа.

— Не нравится, как я готовлю, — делай себе еду сам, — проворчала она, резко одернув на ногах брата пуховое одеяло и выхватив у него из рук поднос.

— Спасибо за идею, Бетти. Знаешь, над этим стоит серьезно подумать.

Тихо посмеиваясь, он проводил ее глазами до двери. Эти безобидные поддевки были ему столь же полезны, сколь и приготовленные сестрой обеды. Вот и теперь он ощутил, как кровь бежит по венам, согревая задубевшие икры. А мозг

по-прежнему казался и вялым, и ни на что не годным. Трудно было даже голову повернуть, потому Фалькман следил за садящимися на подоконник птичками одними глазами, стараясь обходиться без лишних движений. Все-таки он был еще слаб.

Потихоньку он начал садиться в кровати, вести с Бетти разговоры более длительные и частые. Его интерес по отношению к окружающему миру рос, он стал наблюдать за идущими по улице людьми из окна, слушать замечания сестры по поводу этих случайных пешеходов; иногда даже оспаривал ее мнение.

— Погляди-ка, вон Сэм Банберри идет, — неодобрительно заметила она, когда мимо дома прошествовал похожий на гнома старикашка-сморчок. — В паб, а лучше бы шел искать себе дело!

— Помилуй, Бетти. Сэм человек мудрый. Вот я бы сейчас тоже с большей охотой шел в паб, чем на работу.

Бетти фыркнула — подобные шуточки никак не вязались у нее с образом брата.

— У тебя один из самых лучших домов во всем Мортмир-парк, — назидательно промолвила она. — Не думаю, что водиться с людьми вроде

Сэма Банберри — здравая идея. Он другого поля ягода.

— Ягоды, поля… — с улыбкой отмахнулся Фалькман. — Мы все произрастаем на одном и том же поле, или ты, Бетти, живешь тут уже так долго, что всех позабывала?

— Все забывают, — пожала плечами сестра. — И тебе, Джеймс, стоит кое-кого забыть, это нормально. Может, порой тебе и будет грустно, но раз уж мы попали в этот свет, надо жить по его законам. Если церковь может освежать нашу память — отлично, да будет так. Но ты и сам вскоре поймешь, что по большей части люди и сами горазды забывать. Так даже к лучшему, наверное.

Первых гостей она привечала с плохо скрываемым раздражением, все время твердя, что Фалькман еще не окреп и разговаривать ему трудно. Впрочем, визиты эти взаправду быстро утомляли его и сводились к краткому обмену бессмысленными любезностями. Даже когда Сэм Банберри принес трубку и мешочек табака, сил Фалькмана хватило лишь на нетвердое «спасибо, Сэм», после чего Бетти унесла подарок, не встретив возражений с его стороны.

Только с приходом преподобного Мэтьюса Фалькман собрался с силами. Они говорили около

получаса, практически не останавливаясь, а может, и дольше. Священник слушал с живейшим вниманием, время от времени задавая Фалькману вопросы. Беседа явно подняла священнику настроение. Спускаясь вниз по лестнице, он одарил сестру Фалькмана лучезарной улыбкой.

Через три недели Фалькман мог вставать и с грехом пополам стал ходить на первый этаж и осматривать свои покои. Бетти была против и на каждый его нетвердый шаг разражалась тирадой о его слабости, однако Фалькман не слушал сестру. Кое-как волоча ноги, он доплелся до зимнего сада и устало приник к стволу платана. Нервные его пальцы ласкали грубую кору, носом он жадно втягивал дурманящий цветочный флер, к лицу его прилила кровь. Собственный сад вдруг уподобился для Фалькмана давно утраченному раю земному.

Бредя обратно, он споткнулся о выбоину в плитке и с размаху приложился оземь.

— Ты хоть когда-нибудь будешь меня слушаться? — кипятилась Бетти, проводя его по террасе. — Я же сказала — лежи и не двигайся!

Добравшись до своей комнаты, Фалькман выдохнул облегченно, уселся в кресло и стал растирать ушибленные ноги. Боль понемногу

отступила.

— Послушай-ка, дорогая сестрица, ослабь хватку! Я жив и в добром здравии.

Слова его не были пустой отговоркой: с того момента Фалькман пошел на поправку. Апатия последних недель слетела с него подобно надоевшей шляпе, сдернутой порывом свежего ветра. Его походка стала легкой и непринужденной, бледность лица уступила здоровому румянцу, и не стало в доме такого уголка, куда он не мог бы добраться самостоятельно.

Спустя месяц Бетти, признав, что Фалькман вернулся к самостоятельной жизни, уехала, и ее место заняла экономка. Освоившись с домом, он стал проявлять больше интереса к миру за его пределами. Он нанял славный автомобиль с шофером и взял за обычай каждый вечер посещать клуб. Вскоре его харизматичная фигура, блистающая безупречной манерой держать себя и роскошной шевелюрой цвета соль-с-перцем, привлекла множество друзей и знакомых. По воскресеньям он ходил в церковь на утреннюю и вечернюю службы, недоумевая, почему среди прихожан так мало молодежи, но вскоре его и самого начало тревожить, что картины, выписываемые литургией, столь слабо соотносятся с его

собственными быстро блекнущими воспоминаниями, что потихоньку превращаются в нечто непостижимое, подвластное не уму, но вере.

Прошло несколько лет, и это давящее беспокойство привело его в брокерскую фирму. Там Фалькман стал одним из ее президентов.

Большинство его знакомых тоже стали браться за работу, жертвуя сонным покоем клубных залов и палисадников. Гарольд Колдвелл, один из ближайших друзей Фалькмана, стал заправлять кафедрой истории и антропологии в одном университете, а Сэм Банберри сделался хозяином паба.

В честь первого дня Фалькмана на бирже устроили торжественную церемонию. Сначала мистер Монтефиоре, старший концессионер фирмы, представил персоналу троицу новых сотрудников рангом пониже — всем им вручили золотые часы в знак благодарности за годы грядущей работы. Фалькману же достались серебряный портсигар и громкие аплодисменты всех собравшихся.

Пять следующих лет прошли в рабочем режиме; и чем больше он работал, тем сильнее рос его интерес к жизни и различным ее проявлениям. Фалькман увлеченно играл в гольф, день за днем

прибавляя в ловкости и силе, потом ввязался в теннис. Заработанная репутация водила его по собраниям и званым ужинам, знакомила с новыми и новыми людьми, и дороге в церковь он вскоре предпочел дорогу на стадион, где каждое воскресенье проходили скачки. Но — удивительное дело! — и эти радости не задержались с ним надолго: откуда ни возьмись накатила черная тоска, лишенная, на первый взгляд, всяких причин, и захлестнула его, день ото дня становясь все беспросветнее. После работы Фалькман ехал домой и сидел в своей комнате затворником. В клубе его больше не видели. На рабочем месте он все чаще предавался необъяснимой рассеянности — подходил к окну и мог часами стоять у него, глядя, как снуют взад-вперед по дороге автомобили, не понимая, что происходит вокруг.

Заметив эти перемены, мистер Монтефиоре предложил ему отпуск на неопределенный срок.

Неделями Фалькман бездумно слонялся по своему пустому и бестолково-огромному дому. Сэм Банберри из кожи вон лез, настаивая на том, чтобы друг вышел в свет и хоть как-то развеялся, но все его старания шли впустую. Фалькман наглухо занавесил окна, свою обычную одежду сменил на черный костюм с черным галстуком

поверх белой рубашки, все время стал проводить в библиотечной зале, потушив свет.

Когда депрессия Фалькмана достигла пределов, он поехал на кладбище за своей женой.

Конгрегация чуть-чуть рассредоточилась, и Фалькман остановился снаружи ризницы, дабы поприветствовать могильщика Бидля и восхититься красотой его трехлетнего сына, беспечного херувимчика, резвящегося среди надгробий. Затем он поехал обратно в Мортмир-парк — в машине, следующей за катафалком; остальная часть кортежа держалась позади него.

— Экая процессия! — одобрительно присвистнула Бетти. — Двадцать наемных машин, да сколько еще личных.

Фалькман поблагодарил ее, его глаза с критической отрешенностью осматривали сестру. За те пятнадцать лет, что он знал ее, она заметно огрубела, ее голос охрип от возлияний, а жесты стали шире. Их всегда разделял незримый мировоззренческий барьер, существование коего Фалькман честно признавал, но в настоящее время ситуация только усугубилась. С тех пор как дела ее мужа пошли в гору, все мысли ее перешли практически исключительно в плоскость денег и социального престижа. Он втайне порадовался

тому, что сохранил, в отличие от нее, здоровую иронию и здравомыслие… но странное предчувствие, нечеткое, но тревожное, зародилось в его уме.

Как и сам Фалькман пятнадцатью годами ранее, его жена возлежала в своем гробу в зале, превращенном пышными венками в темную оливково-зеленую беседку. За опущенными жалюзи мир будто сжался, и она, с ее пышными рыжими волосами, ниспадающими золотом со лба, с широкими скулами и полными чувственными губами, показалась Фалькману какой-то спящей чародейкой в волшебной беседке. Он вцепился в серебряный поручень гроба и без отрыва глядел на жену, почти не замечая присутствия гостей и Бетти, препровождавшей их одного за другим в соседнюю комнату к портвейну и виски. Его глаза медленно скользили по изысканным впадинам подбородка и шеи, по светлой коже плеч жены. На следующий день, когда гроб подняли наверх, дух ее присутствия заполнил спальню. Весь день Фалькман просидел рядом с ней, терпеливо ожидая ее пробуждения.

Вскоре после файф-о-клока, в те несколько минут света, истекающих перед приходом сумерек, когда воздух неподвижно застыл под сенью де-

ревьев в саду, слабое эхо жизни озарило ее лицо. Ее глаза прояснились, взгляд сосредоточился на потолке. Затаив дыхание, Фалькман подался вперед и взял ее холодную руку. Пульс уже прощупывался — пока еще слабый и далекий.

— Мэрион, — прошептал он.

Она слегка наклонила голову, ее губы тронула вялая улыбка. Несколько мгновений она спокойно смотрела на своего супруга.

— Привет, Джейми…

Возвращение жены преобразило Фалькмана. Он был безгранично предан ей и с головой ушел в совместную жизнь. Когда она оправилась от долгой болезни, Фалькман расцвел и сам, его седые волосы стали гладкими и черными, черты лица разгладились, очертился твердый волевой подбородок. Он возвратился на биржу, взявшись за работу с прежним рвением.

Они с Мэрион были красивой парой. Время от времени они выезжали на кладбище, чтобы отметить появление на свет кого-либо из своих старых друзей, однако такое случалось все реже и реже. Приветственные церемонии происходили регулярно, но теперь из земли извлекали малознакомых людей, а чаще и вовсе незнакомцев. Могилы стремительно редели, освободившиеся

от надгробий участки превращались в лужайки для отдыха. Похоронное бюро, взявшее на себя обязанность следить за кладбищем и своевременно извещать родственников о скором пробуждении усопших, закрылось, его помещение было продано. После того как старик Бидль освободил из последней могилы свою собственную жену, кладбище наконец умерло, и на его месте разбили детскую игровую площадку.

Годы брака Джеймса и Мэрион были самыми счастливыми. С каждым последующим летом она становилась стройнее и моложавее, ее рыжие волосы слагали яркую диадему, выделявшую ее из толпы на улице, когда она приходила к нему. Они шли домой рука об руку, коротали летние вечера среди ив у реки, с готовностью бросались друг другу в объятия.

Их счастье поистине прогремело в кругу друзей — более двухсот гостей посетили церковную церемонию празднования долгих лет их брака. Когда они вместе встали на колени у алтаря священника, на щеках у Мэрион заиграл застенчивый румянец.

...То была последняя ночь, которую они должны были провести вместе. С годами Фалькман стал все меньше интересоваться своей работой

на бирже, а появление пожилых и более серьезных мужчин в фирме привело к целой серии понижений. Многие из его друзей сталкивались с подобными проблемами. Гарольд Колдвелл был вынужден уйти в отставку с должности профессора и в настоящее время работал младшим преподавателем; чтобы подробно ознакомиться с огромным багажом научных работ, написанных за последнюю четверть века, он записался на аспирантские курсы. Сэм Банберри стал барменом.

Мэрион переехала жить к родителям, а квартиру Фалькмана, куда они заселились несколькими годами ранее после продажи дома, отдали новым жильцам. Фалькман, чьи вкусы с годами становились все проще, занял комнату в общежитии для молодежи, но они с Мэрион все еще виделись каждый вечер. Он чувствовал себя все более беспокойно, наполовину осознавая, что жизнь движется к неизбежному финалу, и часто подумывал отказаться от своей работы. Когда он поделился планами с Мэрион, та возмутилась:

— Ведь ты потеряешь все, над чем работал, Джейми! Плоды многолетних трудов!

Фалькман пожал плечами, жуя стебелек травы. Они лежали на лужайке в парке в один из тех дремотных послеобеденных часов. Мэрион рабо-

тала консультантом в универмаге.

— Возможно, но я возмущен понижением в должности. Даже Монтефиоре уезжает. Его дед был назначен председателем. — перекатившись на спину, он положил голову ей на колени. — Мне так скучно в этом душном офисе, со всеми этими чинными старикашками. Все, надоело!

Мэрион ласково улыбнулась его наивности и юношескому задору. Никогда еще на ее памяти Джеймс не был таким, как сейчас, — красивым и беззаботным. Время разгладило даже самые крошечные морщинки на его загорелом лице.

— Как же у нас все чудесно, — сказал он в канун тридцатилетней годовщины их совместной жизни. — И как же все-таки славно, что мы не завели ребенка. Есть же пары, которые наживают троих, даже четверых новеньких — можешь себе представить такую трагедию?

— Все так говорят поначалу, — напомнила она ему. — Многие умные люди считают, что воспитание ребенка — красивый и благородный опыт.

Весь вечер он бродил с ней по городу. Ее скромность лишь распаляла в нем желание. С тех пор как Мэрион переехала к родителям, она стала такой недотрогой, что даже стеснялась держаться за руки на людях.

И вот он потерял ее.

На городском рынке Мэрион встретила двух своих подруг, Элизабет и Эвелин Жермин, и познакомила их с Джеймсом.

— Тут Сэм Банберри. — Эвелин выразительно стрельнула глазами в дальний кут рынка, где только что хлопнула шутиха. — Опять куролесит. — сестры Жермин неодобрительно покивали. Тонкогубые и чванливые, они были обряжены в одинаковые пальто из темной саржи, застегнутые на все пуговицы.

Засмотревшись на Сэма, Фалькман отошел чуть в сторону, затем обернулся и не увидел девушек. Попытка найти их в толпе не увенчалась успехом, только в какой-то момент он вроде бы заметил вдали огненно-рыжую гриву Мэрион.

Охваченный отчаянием, Фалькман срезал путь через нагромождение лотков, перевернув по дороге тележку зеленщика, и крикнул Сэму Банберри:

— Сэм! Ты не видел здесь Мэрион?

Сэм, позабыв про свои шутихи, стал на пару с ним прочесывать толпу. На все про все ушел битый час. Наконец Сэм сдался и пошел домой, оставив понурого Фалькмана одного под тусклым фонарем посреди закрывшегося рынка. Блуждая

по замусоренной мощеной площади, несчастный влюбленный спрашивал у припозднившихся со сборами лавочников:

— Простите, вы не видели здесь девушку? Девушку с рыжими волосами?

— Пожалуйста, она была здесь сегодня днем.

— Ее…

— …зовут…

Ошеломленный, он понял, что забыл ее имя.

Вскоре после этого Фалькман бросил работу и уехал жить к родителям. Их небольшой дом из красного кирпича стоял на противоположной стороне города; сквозь частокол каминных труб он порой углядывал отдаленные склоны Мортмир-парка. Жизнь вступила в куда менее беззаботную фазу — помощь матери и забота о сестрице Бетти отнимали много сил. По сравнению с собственным домом, дом его родителей был мрачным и неудобным, совершенно чуждым всему, что ранее знал Фалькман. Пусть они и были людьми добрыми и уж точно добропорядочными, жизнь их была ограничена отсутствием образования. У них не было никакого интереса к музыке или театру, и Фалькман обнаружил, что его ум начинает простаивать и грубеть.

Отец открыто критиковал его за то, что он бро-

сил работу, но взаимная грызня вскоре сошла на нет, поскольку превосходство родителей над ним укреплялось, ограничивая его свободу и сокращая его карманные деньги. Им даже удалось убедить его не играть с кое-какими друзьями — тем же Сэмом Банберри, к примеру. Зажив с родителями, Фалькман попал в совершенно новый мир… а начав ходить в школу, он и вовсе забыл всю свою прошлую жизнь. Память о Мэрион и о большом доме, где он жил с экономкой, растаяла, подобно миражу.

Во время своего первого семестра в школе он учился в классе со старшими мальчиками, к которым учителя относились как к равным. Но, как и в случае с родителями, их седины стали довлеть над ним с течением лет. Порой Фалькман восставал против попыток подавить собственную личность, но в конце концов учителя одержали над ним верх путем жесткого контроля того, что он делает, говорит и думает. Весь процесс образования, смутно осознал он, был призван подготовить его к странному сумеречному миру самого раннего детства. Взрослые сознательно устраняли всякий след изощренности, разрушая своими постоянными повторениями и упражнениями на расщепление мозга все его знания

языка и математики, заменяя их набором бессмысленных рифм и песнопений, и из этого строя пластмассовый мир тотального инфантилизма.

Наконец, когда процесс обучения довел Джеймса чуть ли не до стадии бессловесного младенчества, родители вмешались, забрав его из школы, и последние годы жизни он провел дома.

— Мама, можно мне поспать с тобой?

Миссис Фалькман посмотрела на серьезного малыша, склонившего голову на подушку. Любовно ущипнув его за упрямый подбородок, она погладила шевельнувшегося во сне мужа по плечу. Даже учитывая несопоставимую разницу в возрасте, отец и сын были так похожи друг на друга — те же широкие плечи, та же крупная голова, те же густые черные волосы.

— Нет, Джейми, не сегодня. Как-нибудь потом. Уже скоро.

Джейми смотрел на мать широко раскрытыми глазами, силясь понять, почему она плачет, смутно подозревая, что он коснулся одной из запретных тем, бывших предметом возбужденного интереса всех мальчиков в школе, ненароком затронул тайну их конечного назначения — тайну, которую заботливо скрывают родители, а дети уже не в силах понять.

К этому времени он уже начал испытывать первые трудности с ходьбой и почти разучился есть самостоятельно. Неуклюже ковыляя на нетвердых ногах, он пискляво бубнил нечто неразборчивое. Словарный запас Джеймса таял на глазах, и вскоре он знал одно-единственное слово — «мама». Когда он разучился стоять, мать стала носить его на руках и кормить с ложечки, как немощного инвалида. Его сознание затуманилось, в нем остались лишь самые простые, базовые понятия — горячо-холодно, голодно-сыто. Он любил свою маму открыто и беззаветно, держась за ее светлый образ всей силой крохотных розовых пальчиков.

Вскоре мать и дитя легли на пару недель в больницу. По возвращении домой миссис Фалькман пролежала несколько дней в кровати, затем начала вставать и ходить — день ото дня все больше избавляясь от излишка веса, коим наградил ее стационар.

Через девять месяцев после возвращения домой чета Фалькман отбыла за город, чтобы провести там медовый месяц. Все это время супруги непрестанно думали о сыне и о его смерти, еще больше сблизившей их трагическим предвестием скорого и неотвратимого разрыва.

1961

Time of Passage. Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, февраль 1964.

Пленник кораллового рифа
Перевод Г. Соловьевой

Раковину я нашел во время отлива в лужице на скале у грота; перламутровые витки светились в прозрачной воде как драгоценность работы Фаберже. Я только что высунулся из грота, где пережидал шторм, глядя, как серые волны обессилевшими драконами тянутся к устью, и раковина у моих ног выглядела чуть ли не извинением со стороны моря.

Буря еще рокотала на далеких утесах, так что я не спешил покинуть пещеру. Я все утро гулял вдоль этой пустынной полоски дорсетского берега. Я пробирался в закрытые бухты, из которых не было выхода на прибрежные скалы. Разломанные морем известняки постоянно сходили оползнями, и пляж был завален рябыми плитами камня. После шторма почти наверняка будут новые обвалы. Я осторожно вышел из укрытия и присмотрелся к высокой скале. Даже кружащие здесь чайки не спешили обгадить эти крошащиеся карнизы.

В воде подо мной лежала раковина, увели-

ченная преломлением света. Добрых двадцати дюймов длиной, с пятью большими шипами, расходящимися от побитой скорлупы. Ископаемое брюхоногое, купавшееся в теплых кембрийских морях пятьсот миллионов лет назад, как видно, получило свободу от взломавших известняк волн.

Подивившись величине окаменелости, я решил унести ее домой в подарок жене и на память о каникулах — я нуждался в полной перемене обстановки после необычайно напряженного учебного полугодия. Меня на неделю отправили на море. Шагнув в прудик, я поднял раковину из воды и зашагал обратно той же дорогой, какой пришел.

Я удивился, заметив, что на меня с известнякового уступа в двадцати ярдах за спиной смотрит высокая женщина: волосы цвета воронова крыла и небеснолубое платье до пят. Она неподвижно застыла среди луж отлива прерафаэлитским видением темноглазой Мадонны из какой-нибудь первобытной рыбачьей деревушки и задумчиво рассматривала меня сквозь облачко брызг. Темные волосы, разделенные прибором от середины низкого лба, шалью падали ей на плечи и обрамляли спокойное, но несколько меланхоличное

лицо.

Я молча ответил на ее взгляд, потом сделал приглашающее движение раковиной. Острые утесы, бурное море и небо окружали нас чувством полной оторванности, словно скалистый берег и случайная встреча перенесли нас к пустынным берегам Терры дель Фуэга на дальнем краю света. Ее голубое платье на мокрых камнях светилось почти неземной яркостью, сравнимой разве что с перламутровым переливом раковины в моих руках. Я решил, что она живет в одиноком домике где-то над обрывом — шторм закончился не больше десяти минут назад, а другого укрытия рядом не было, не было и незаметных тропинок, сбегающих среди трещин известняка.

Взобравшись на уступ, я подошел к ней. Каникулы были нарочно задуманы, чтобы спрятаться от людей, но после бури и одинокой прогулки я рад был с кем-нибудь поговорить. Женщина не ответила на улыбку, но темные глаза следили за мной без враждебности, словно она меня и ждала.

Волны под ногами шипели, змеями пробираясь в расщелины между камнями.

— Вот уж внезапно налетела буря, — заметил я. — Мне повезло, спрятался в пещере. — я пока-

зал на нависающий в двухстах футах над нами карниз. — А от вас, наверно, великолепный вид на море. Вы здесь живете, наверху?

Ее белая кожа была как древняя раковина.

— Я живу у моря, — проговорила она на удивление глубоким голосом, звучащим словно из-под воды. Женщина на добрых шесть дюймов превосходила меня ростом, а я далеко не коротышка. — Красивая у вас раковина, — заметила она.

Я взвесил ее на руке.

— Впечатляет, да? Окаменевший моллюск — куда древнее этих известняков, знаете ли. Пожалуй, подарю жене, хотя место ему в музее естественной истории.

— Почему бы не оставить на берегу, где нашли? — спросила она. — Ее дом — море.

— Не это море, — возразил я. — Кембрийского океана, где плавал этот моллюск, не существует уже миллионы лет.

Я оторвал ниточку фукуса, приставшую к шипу, и пустил ее по ветру.

— Сам не знаю почему, окаменелости меня завораживают — они как капсула времени; сумей кто-то развернуть эту спираль, она бы, пожалуй, проиграла для нас все картины, какие видела на

своем веку: великие океаны каменноугольного, теплые мелководья триаса…

— Вы бы хотели к ним вернуться? — В ее голосе проскользнуло любопытство. — По-вашему, тогда было лучше, чем сейчас?

— Едва ли. Думаю, это зов памяти подсознания. Если вы понимаете… моря подобны памяти. Все потерянное и забытое существует в них вечно.

Ее губы шевельнулись, растягиваясь в улыбку.

— Или вам эта мысль кажется странной?

— Вовсе нет.

Она задумчиво рассматривала меня. Одежда ее была соткана из яркой нити голубого серебра, очень похожего на сверкающую чешую морской рыбы.

Ее взгляд обратился на море. Начался прилив, и лужицу, в которой я нашел раковину, уже залило. Первые волны разбивались в устье моего грота, а уступ, на котором мы стояли, вскоре должен был стать островком. Я оглянулся, отыскивая дорогу по камням, и заметил:

— Опять штормит. Атлантика коварна и непредсказуема — как и следует ожидать от древнего моря. Когда-то она была частью великого океана под названием…

— Посейдон.

Я обернулся к ней.

— Вы знаете?

— Конечно, — снисходительно кивнула она. — Вы учитель. Вы этому учите детей: помнить моря и возвращаться в прошлое?

Я засмеялся над собой — она меня поймала.

— Простите. Вечная беда учителей — хватаемся за любой случай поделиться знаниями.

— Память и море? — Она понимающе покачала головой. — Это волшебство, а не знание. Расскажите мне о своей раковине.

Вода поднималась, обступая камни. По левую руку от меня опрокинутая скальная колонна узким мостом вела к высокому берегу. Я спорил сам с собой: лезть на обрыв, даже по пробитой тропе, пришлось бы не меньше получаса, тем более помогая спутнице. Та равнодушно смотрела на тянущиеся к нашим ногам гребни — волны извивались, как рептилии в яме. Скала под нашими ногами словно погружалась под воду.

— Лучше пусть раковина сама говорит за себя, — скромно отказался я. На жену мои размышления наводили скуку. Приложив раковину к уху, я вслушался в ее трубный шепот.

* * *

Витки отражали шелест прибоя, усиливали их, и изнутри раковины отзывался мрачный ропот глубин. Снаружи вода гудела и вздыхала ритмично, но из раковины неслось смятение звуков, словно я слышал не только прибой этого берега, но и безграничный океан, разбивающийся о все берега мира. Я услышал рев и свист гигантских валов, шорох гальки, бури и тайфуны кипящего моря. А потом все переменилось, и мне почудился тихий ритм другого моря, туманной мелководной лагуны, к поверхности которой поднимался огромный риф, словно на песчаной отмели грелся под нежным солнцем левиафан. Собеседница наблюдала за мной, подставив разгоревшееся лицо брызгам.

— Вы слышите море.

Я прижал раковину к уху. И снова услышал голос древних вод — теперь наступала буря: атака титанов на тонущие берега континента. Я слышал рев гигантских рептилий, крики птицеящеров, бросающихся на добычу со скал, разворачивая в падении страшные кожистые крылья.

Потрясенный, я сжимал раковину в руках, слов-

но кальцинированные шипы были пружинами, открывающими ее тайны.

Женщина по-прежнему наблюдала за мной. Игра угасавшего света добавила ей роста, и ее плечи теперь возвышались над моей макушкой.

— Ничего не слышно, — нерешительно солгал я.

— Слушайте ее, — велела она. — Эта раковина слышала моря всех времен, каждая волна оставила в ней свое эхо.

Первый клок пены плеснул мне на ноги, на подсохшие ремешки сандалий. Каменный мост, сузившись, еще соединял наш островок с берегом. Грот залило, из его устья сквозь набегающие волны поднимались пузыри.

Я кивнул на обрыв:

— Там есть тропинка? Спуск к морю?

— К морю? Как же не быть! — Ветер взметнул подол ее платья, и я увидел босые ноги, обвитые водорослями. — Но слушайте же раковину. Море просыпается ради вас.

Я поднял раковину обеими руками. И закрыл глаза, так что, когда в уши ударил древний ветер и прибой, мне привиделись пустынные бухты древности времен миллионов лет назад. Высокие белые скалы тянулись к небу, и огромные ящеры

ползали по шершавым камням, ускользая от уродливых бронированных рыб, кидавшихся на них с мелководья. На горизонте поднимались конусы вулканов, багровые выбросы из жерл пятнали небо.

— Что вы слышите? — настойчиво, не скрывая разочарования, спрашивала моя собеседница. — Море и ветер?

— Ничего не слышу, — выдавил я. — Просто шорох.

Звук вырвался из перламутровой горловины — резкий вскрик ящера, перекрывающий море. Над вавилонским смешением голосов поднялся один — тонкий крик, исходивший, казалось, из пещеры, где я недавно укрывался. Открыв сознание зрительному образу, я рассмотрел перед гротом головы дерущихся рептилий.

— Постойте!

Я отмахнулся от женщины, не замечал плескавших мне на ступни волн. Среди наступающего моря я прижался ухом к раковине и вновь различил слабый человеческий вскрик, безнадежную мольбу о спасении.

— Теперь вы слышите море?

Женщина потянулась отнять у меня раковину.

Я крепко сжал ее и крикнул сквозь шум волн:

— Не это море! Боже, там кричит человек!

На миг она замерла, озадаченная неожиданными словами.

— Человек? Кто, скажите! Дайте мне! Это просто утонувший моряк!

Я снова вырвал у нее раковину. Услышал голос, то зовущий, то теряющийся за ревом ящеров. Да, моряк, но моряк из далекого будущего, заброшенный на миллионы лет назад, на берег триасского моря, а эта странная наяда глубин сторожит его и меня увлекает к волнам.

Я в последний раз поднял раковину к уху и в последний раз услышал безнадежный замирающий крик сквозь смятение бури:

— Помоги-и-те!

Закрыв глаза, я увидел древний берег, и на миг в устье пещеры мелькнуло белое пятнышко лица. Отчаявшись вернуться в свою эпоху, человек выбрал красивую раковину и забросил ее в море — в надежде, что однажды кто-то услышит его голос и вернется за ним?

— Идемте. Пора уходить! — Она уже опередила меня на дюжину шагов, но ее раскинутые руки как будто почти касались моих. Вода трепала подол ее платья, свивая его в странные текучие узоры. Лицо, обращенное ко мне, напоминало

чудовищную рыбу.

— Нет!

В нахлынувшем бешенстве я отшатнулся, развернулся и забросил большую раковину далеко на глубину. Когда она канула в крутую волну, я услышал шорох тяжелых одежд — как шелест кожистых крыльев.

Женщина пропала. Я поспешно перепрыгнул на ближайший камень в начале переправы, поскользнулся в мелкую воду, но благополучно выбрался. Только добравшись до сухих камней, я решился оглянуться.

С уступа, где стояла она, за мной пустыми глазами следила большая ящерица.

1963

Prisoner of the Coral Deep. Первая публикация в журнале *Argosy,* март 1964.

Утраченный Леонардо
Перевод Г. Шокина

Исчезновение — или, выражаясь менее эвфемистично, похищение — картины Леонардо да Винчи «Распятие» из Лувра в Париже, факт, установленный утром 19 апреля 1965 года, вызвало беспрецедентный скандал. Десятилетие крупных краж произведений искусства, таких как картина Гойи «Герцог Веллингтонский» из Национальной галереи в Лондоне и коллекции импрессионистов из домов богачей на юге Франции и в Калифорнии, а также явно завышенные цены на аукционах на Бонд-стрит и Рю де Риволи, казалось, должны были приучить широкую общественность к потере еще одного разрекламированного шедевра. И все равно весть об этой конкретной краже была воспринята миром с неподдельным ужасом и возмущением. Со всего мира ежедневно на Ке д'Орсе'[10] и в Лувр шли тысячи панических телеграмм; в окна француз-

---

[10] Примечания: 10

Иносказательное обозначение французского Министерства иностранных дел (по названию набережной Сены в Париже, где находится главный офис Министерства иностранных дел Франции).

ских консульств в Боготе и Гватемале горстями швыряли камни; привыкшие отбивать атаки пресс-атташе от Буэнос-Айреса до Бангкока пребывали на сей раз в полном смятении.

Я сам прибыл в Париж менее чем через сутки с небольшим после того, как грянул так называемый «великий скандал с Леонардо», и атмосфера недоумения и негодования была ясно ощутима. Всю дорогу из аэропорта Орли заголовки газет в киосках пестрели одной и той же историей.

Как лаконично выразилась континентальная газета «Дэйли Мэйл»:

> УКРАДЕНО «РАСПЯТИЕ» ЛЕОНАРДО
> Шедевр стоимостью в 5 миллионов фунтов стерлингов исчезает из Лувра.

Официальный Париж, судя по всему, пребывал в шоке. Незадачливый глава Лувра был отозван с конференции ЮНЕСКО в Бразилии, чтобы лично держать ответ в Елисейском дворце перед президентом. Все Второе бюро[11] было поставлено на

---

[11] Примечания: 11
Орган военной разведки ВС Франции в 1871–1940 гг.

уши. Минимум трем министрам без портфеля[12] прозрачно намекнули, что их карьера в политике висит на волоске. Как отметил сам президент на своей пресс-конференции накануне, хищение картины стало событием не только для Франции, но и для всего мира, и в страстной мольбе призвал всех, кто может, поспособствовать ее скорейшему возвращению. Невзирая на то, что беда стряслась, в общем-то, серьезная, циничные обозреватели не преминули заметить, что за всю карьеру господин президент впервые забыл завершить выступление словами «Да здравствует Франция».

Мои собственные чувства, несмотря на профессиональное отношение к картинам — я был и остаюсь директором «Норзбис», всемирно известного аукционного дома на Бонд-стрит, — в целом совпадали с реакцией широкой публики. Когда такси проезжало мимо садов Тюильри, перед моими глазами замелькали лавки газетчиков — и всюду меня преследовали эти черно-белые, плохого качества, газетные репродукции лучезарного полотна. Даже по ним было совер-

---

[12] Примечания: 12

Член кабинета министров, не ведающий отдельной отраслью государственного управления, но имеющий в кабинете одинаковое с другими министрами право голоса.

шенно очевидно, что композиция и колоратура уникальны, светотень гармонична, а техника — виртуозна. Это полотно, принадлежащее великому Возрождению, по праву вдохновляло скульпторов, художников и архитекторов стиля барокко, служа им путеводной звездой.

Несмотря на то, что каждый год продавалось два миллиона репродукций «Распятия», не говоря уже о бесчисленных подделках и некачественных имитациях, его сюжет по-прежнему сохранял свою величественную силу. Картина, написанная да Винчи спустя два года после «Богородицы и святой Анны», также хранящейся в Лувре, оказалась не только одной из немногих, сохранивших первозданность вопреки хождению по рукам реставраторов, но и единственным полотном мастера с многофигурной композицией и подробным содержательным пейзажем. За исключением постепенно приходящей в упадок, выцветшей «Тайной вечери».

Возможно, именно этот последний фактор придал картине ее ужасающую, вызывающую галлюцинации силу. Загадочное, почти двойственное выражение лица умирающего Христа, рептильные глаза Мадонны и Магдалины, полуприкрытые веками, — все эти характерные

черты становились чем-то большим, нежели просто художественным приемом. На фоне скопления фигур внизу, тянущихся к отдаленному горизонту, эти лица превращали сцену распятия в апокалиптическое видение воскресения и Страшного суда над человечеством. Именно этот сюжет вдохновил впоследствии грандиозные фрески Микеланджело и Рафаэля в Сикстинской капелле, лучшие полотна Тинторетто и Веронезе. То, что у кого-то хватило наглости украсть это полотно, стало трагическим примером «уважения» современного общества к величайшим памятникам культуры.

И все же, когда мы подъехали к офисам галерей *Normande* и *Cie* в районе Мадлен, я задался вопросом, действительно ли картина была украдена? Ее габариты, примерно 15 на 18 футов, и вес — она была перемещена с оригинального холста на тяжелую панель из дуба, — как мне казалось, исключали возможность причастности к злодеянию фанатика-одиночки, безумца с идеей. Однако же ни одна группировка профессиональных расхитителей музеев не стала бы тратить время на кражу картины, не имеющей спроса. Возможно, французское правительство надеялось отвлечь внимание от какого-то друго-

го надвигающегося события. Хотя, сдается мне, даже восстановление монархии и церемония коронации претендента на престол Бурбонов в соборе Парижской Богоматери не потребовали бы такой густой дымовой завесы.

При первой же возможности я поделился сомнениями с Георгом де Стаалем, директором галереи в Нормандии, — у него я остановился на время своего визита. Якобы в тот день я приехал в Париж для участия в конференции арт-дилеров и директоров галерей, также пострадавших от кражи крупных произведений искусства, но любой посвященный человек предположил бы, что причиной выступали какие-то другие мотивы. Да, само собой! Всякий раз, когда в мутные воды международного рынка изящных искусств прилетает крупный камень, такие люди, как я и Георг, немедленно занимают позицию на берегу, наблюдая за любой необычной рябью или зловонными пузырьками. Без сомнения, кража картины Леонардо раскрыла бы гораздо больше, чем личность одного сумасшедшего вора-музейника. Все нечистые на руку дельцы бросились искать укрытия, да и по официальному кругу старших хранителей и директоров музеев был нанесен весьма благотворный удар.

Когда Георг изящной, легкой походкой обогнул свой стол, чтобы поприветствовать меня, я сразу понял — его ситуация тоже взбодрила. Его синий шелковый летний костюм, пошитый задолго до начала сезона, блестел, как и гладкие, уложенные бриолином волосы, а тонкие и хищные черты лица озаряла очаровательная улыбка.

— Мой дорогой Чарльз, — сказал он, — я категорически заверяю вас, что этот проклятущий рисунок и впрямь кем-то уведен. Был — и нет! — Он щеголевато прищелкнул пальцами. — В кои-то веки газетчики и телевизионщики не лгут. Что еще более примечательно — украден самый настоящий подлинник!

— Не знаю, рад я это слышать или нет, — признался я. — Но случай, безусловно, говорит многое о том, как нынче обстоят дела в львиной доле Лувра и в Национальной галерее.

— Согласен. — Георг уселся в кресло и забросил ноги на стол. Его лакированные туфли так и блестели на свету. — Я надеялся, что эта катастрофа побудит власти честно поведать о кое-каких своих так называемых сокровищах — в попытке, так сказать, немного развеять чары, окружающие Леонардо. Но там, наверху, все в полном замешательстве.

На мгновение мы оба задумались о том, что такая сенсация сделает с мировыми рынками изобразительного искусства — цены на все, что хоть отдаленно напоминает подлинник, взлетят до небес, — а также с популярным представлением о живописи эпохи Возрождения как о чем-то священном и не имеющем аналогов. Однако даже это не ставило под сомнение гениальность украденного шедевра Леонардо.

— Скажите мне, Георг, — спросил я, — кто это сделал?

Я имел все причины предполагать, что его уже поставили об этом в известность. Но, вот так сюрприз, впервые за много лет Георг, похоже, затруднялся с ответом. Он пожал плечами.

— Мой дорогой Чарльз, я не знаю! Тайна сия окутана мраком. Все задают тот же вопрос.

— В таком случае это должен быть кто-то из своих.

— Нет-нет, исключено. В Лувре сейчас работают лучшие люди. — он постучал по трубке телефона, и та качнулась на рожках. — Сегодня утром я связался с самыми сомнительными во всей моей телефонной книжке людьми — Антвайлером в Мессине и Коленским в Бейруте, — и даже эти тихие драконы озадачены. Скажу вам, они оба

убеждены: либо хищение подстроено нынешним режимом, либо в деле замешан Кремль.

— Кремль! — недоверчиво воскликнул я.

После этих слов атмосфера накалилась, и следующие полчаса мы говорили шепотом.

Совещание, состоявшееся во второй половине дня во дворце Шайо, не принесло никаких дополнительных подсказок. Главный детектив-инспектор Карно, массивный мрачный мужчина в выцветшем синем костюме, занял место в окружении других агентов Второго отдела. Все они выглядели усталыми и подавленными; в такую-то горячую пору к ним приходило по полсотни «холодных звонков» каждый час, и каждый по уставу надлежало проверить. За ними, словно заранее враждебно настроенные присяжные, с серьезными лицами сидела комиссия детективов из лондонского «Ллойдс» и нью-йоркского «Морган Гаранти Траст». Напротив, двести дилеров и агентов, сидевших на позолоченных стульях перед залом, вели себя весьма оживленно, трещa на самых разных языках и мелкотравчато спекулируя.

После краткого резюме, произнесенного с замогильной покорностью в голосе, инспектор Карно представил сидевшего рядом с ним дородного

голландца, суперинтенданта Юргенса из бюро Интерпола в Гааге, а затем обратился к М. Огюсту Пекару, заместителю директора Лувра, за подробным описанием обстоятельств кражи. Это лишь подтвердило, что меры безопасности в Лувре являлись первоклассными; эту картину нельзя было просто так взять и украсть. Пекар и сам, судя по лицу, не верил до конца в случившееся.

— ...Герметичные панели в полу, окружающие картину, не были повреждены, равно как и два инфракрасных луча, проходящих через ее лицевую сторону, не зафиксировали прерываний. Господа, уверяю вас — полотно никак не изъять, не разобрав предварительно бронзовую раму. Одна только рама весит восемьсот фунтов и привинчена к стене намертво. Электрическая цепь сигнализации, проходящая через болты, не разомкнута, и...

Я смотрел на два снимка в натуральную величину лицевой и оборотной сторон картины, прикрепленные к ширмам за сценой. На последней была изображена задняя сторона дубовой панели с шестью алюминиевыми ребрами жесткости, контактными точками для электрической цепи и множеством пометок, сделанных мелом в течение многих лет в музейных лабораториях.

Снимки были сделаны, когда картину снимали для чистки, и после недолгих расспросов стало ясно, что это было сделано всего за два дня до кражи.

При этом известии атмосфера на конференции изменилась. Сотни участников прекратили разговоры. Цветные шелковые платочки возвратились в нагрудные карманы.

Я толкнул локтем Георга де Стааля:

— Все ясно! Картина наверняка исчезла из лаборатории — там-то меры безопасности не чета луврским! Значит, ее увели не из галереи!..

Шум вокруг нас возобновился. Две сотни носов стали принюхиваться к следу. Итак, все же картину украли — но где-то она до сих пор есть. Награда для удачливого сыщика — если не орден Почетного легиона и не пожалование в рыцари, то по крайней мере щедрый гонорар, не облагаемый налогом, и снисходительность закона. Заманчивая перспектива, что ни говори.

Однако на обратном пути Георг мрачно смотрел в окно такси.

— Ее все-таки украли из галереи, — задумчиво сказал он мне. — Я сам видел ее там всего за двенадцать часов до того, как она исчезла. — он крепко сжал мою руку. — Но мы ее отыщем,

Чарльз — во славу «Норзбис» и галереи *Normande*! Но, бог мой, человек, укравший ее, — поистине фантомный вор!

Так начались поиски пропавшего сокровища. На следующее утро я вернулся в Лондон, но мы с Георгом постоянно общались по телефону. Поначалу, как и все, кто шел по следу, мы просто прислушивались, оценивали окружение. В переполненных аукционных залах и галереях мы ждали неосторожного слова, какой-нибудь подсказки. Бизнес, конечно, был на подъеме; каждый музей или частный владелец третьесортного Рубенса или Рафаэля поднялся на ступеньку выше. Если повезет, возобновившаяся рыночная активность выявит доверенное лицо похитителя — скажем, промелькнет предложение о продаже копии «Распятия», написанной еще кем-то из школы Вероккьо; мы ухватимся за эту ниточку и вытащим из густого тумана того, кто затаился на другом конце. Но пока во внешнем мире охота за исчезнувшей картиной велась столь же шумно, как и прежде, в кулуарах царила тишь, гладь да осторожная благодать.

По правде говоря, какая-то даже *слишком* осторожная. По логике, хоть что-то должно было произойти; какая-то слабая подсказка всплыла

бы на «фильтрах тонкой очистки» галерей и аукционных залов. Но — ничего подобного. Когда волна активности, начатая беспрецедентной кражей, схлынула и бизнес возобновил свой обыкновенный темп, все дружно сошлись на том, что «Распятие» влилось в ряды шедевров пускай и признанных, но увы, для общественности утраченных.

Один только Георг де Стааль умудрился сохранить интерес к поискам. Время от времени он названивал в Лондон, запрашивая малопонятную информацию об анонимных покупателях работ Тициана или Рембрандта в конце XVIII века или историю какой-нибудь поврежденной копии, выполненной учеником Рубенса или Рафаэля. Казалось, его особенно интересовали произведения, прошедшие процесс реставрации после повреждений. Но на такие деликатные нюансы далеко не каждый частный коллекционер готов охотно пролить свет.

Так что, когда Георг навестил меня в Лондоне примерно через четыре месяца после кражи картины Леонардо, я спросил его не просто в шутку:

— Ну что, друг мой, вы уже выяснили, кто ее украл?

Расстегивая большой портфель, Георг мрачно

улыбнулся мне.

— Удивитесь, если отвечу утвердительно? На самом деле я не уверен, но у меня появилась идея… рабочая гипотеза, скажем так. Я подумал, вам будет интересно с ней ознакомиться.

— Конечно, Георг, — сказал я и добавил с упреком: — Так вот чем вы жили все это время!

Он приложил указательный палец к губам. Однако легкая шутливость не могла скрыть его напряжения. Разговор предстоял однозначно серьезный.

— Во-первых, Чарльз, прежде чем вы со смехом выставите меня из своего кабинета, нужно сразу оговориться: я считаю свою теорию совершенно фантастической и неправдоподобной. И все же она кажется единственно верной. Чтобы доказать ее, мне нужна ваша помощь.

— Конечно, я весь к вашим услугам. Но что это за теория? Не терпится услышать!

Он поколебался, очевидно, не зная, стоит ли выкладывать все карты на стол, а затем все же достал из портфеля кипу листов. Он стал раскладывать их передо мной — это были репродукции нескольких картин. Здесь находились и фотографии с увеличенными деталями полотен — на каждой красовался благообразный мужчина с

козлиной бородкой, одетый по моде Средневековья.

Георг отложил шесть самых крупных снимков:

— Эти полотна, смею полагать, вам знакомы?

Я кивнул. За последние пять лет я повидал оригиналы всех этих картин, кроме «Пьеты»[13] Рубенса, выставленной в ленинградском Эрмитаже. Кроме похищенного «Распятия» Леонардо, были представлены «Распятия» Веронезе, Гойи и Гольбейна, а также «Голгофа» Пуссена. Все полотна хранились в государственных музеях — в парижском Лувре, в ризнице Санто-Стефано в Венеции, в мадридском Прадо и Рейксмюсеуме Амстердама. Каждая из них, кроме Пуссена, считалась уникальным шедевром — гордостью любой национальной коллекции.

— Приятно их видеть, — заметил я. — Верю, что все — в хороших руках. Или они следующие в списке желаемого у нашего фантомного вора?

Георг покачал головой.

— Нет, я не думаю, что они его заинтересуют.

---

[13] Примечания: 13

В католической традиции итальянское слово «Пьета» имеет два значения. Начиная с XIII века в Италии словом «Пьета» обозначают сцену оплакивания Христа Девой Марией (при этом могут присутствовать другие близкие персонажи — жены-мироносицы, Иоанн и т. д.); но все-таки подавляющее большинство композиций под названием «Пьета» изображают диалог Матери и Сына. И основной вид композиции «Пьета» — изображение сидящей Марии, держащей Иисуса на коленях.

Хотя он постоянно следит за ними. — я снова отметил перемену в поведении Георга — веселость возвращалась к нему. — Заметили что-нибудь еще?

Я снова сравнил фотографии.

— Ну, это все — «Распятия», так? И все подлинные — может, где-то подреставрированные, но основу ничем не затмишь. Сюжет, как видно, расхожий. — я пожал плечами. — И что же?

— А то, что все они в разное время похищались! — Георг вприпрыжку прошелся по комнате. — Пуссен — из собрания Шато Луар в 1822 году, Гойя — увезен Наполеоном из монастыря Монте-Кассино в 1806-м, Веронезе — из Прадо в 1891-м. «Распятие» Леонардо, как мы знаем, четыре месяца назад пропало из Лувра, а полотно Гольбейна выкрали из частной коллекции Германа Геринга в сорок третьем году.

— Интересно, — прокомментировал я. — Но мало какие шедевры не являлись объектами живейшего интереса воров в свое время. Надеюсь, это не ключевой момент в вашей теории?

— В сочетании с еще одним фактором он приобретает второстепенное значение. Секунду. — он протянул мне репродукцию Леонардо. — Наблюдаете кое-что необычное?

Когда я покачал головой, Георг взял другую фотографию пропавшей картины.

— А вот здесь?

— Снимки сделаны с разных ракурсов, но в остальном кажутся мне идентичными. Хотя… — Я пододвинул настольную лампу поближе и склонился к изображениям. — Нет-нет, погодите-ка — какая-то разница есть.

Георг с довольным видом кивнул:

— И какая же, Чарльз?

* * *

Быстро, элемент за элементом, я сравнил фотографии — и вскорости обратил внимание на незначительное несоответствие. В левом углу картины, там, где процессия поднималась вверх по склону горы к трем крестам, лицо одного из шествующих было полностью перерисовано. В центре полотна Христос был изображен на кресте спустя несколько часов после распятия, но благодаря пространственно-временной перспективе — типичному приему живописи Ренессанса для преодоления статичности картины, — отдаленная процессия отставала во времени и таким образом как бы все еще сопровождала невидимого Христа в его последнем восхождении на

Голгофу, тягостном и полном мук.

Заинтересовавший меня перерисованный персонаж был в многофигурной композиции на нижнем склоне горы. Высокий, крепко сложенный мужчина в черных одеждах удостоился у Леонардо особой проработки. Глядя на фотографию в моей левой руке — на оригинальную, не отретушированную версию картины, — я понял, что художник задумал изобразить так ангела смерти, или, скорее, одного из тех эмиссаров бессознательного, ужасающих своим загадочным спокойствием, своей задумчивой амбивалентностью. Как-то так на его картинах изображались демоны страстей и страхов — подобные серолицым статуям, властно взирающим с полуночных карнизов некрополя в Помпеях на подлунный мир.

Все это, столь типичное для Леонардо и его удивительного видения, было сосредоточено в высокой потусторонней фигуре на картине. Голова ее была повернута практически в профиль, взор устремлен в направлении креста, в скорбных чертах застыло выражение сострадания. Высокий лоб словно парил над красивыми семитскими носом и губами. Тень улыбки, полной смирения и эмпатии, блуждала по лицу, косо

освещенному невидимым источником света, нисходящего откуда-то с помраченных грозой небес. Однако на снимке в правой руке образ претерпел весьма заметные метаморфозы — характер ангелоподобной фигуры предстал в новой версии. Внешнее сходство, конечно же, осталось, но лик напрочь утратил выражение трагического сострадания. Неизвестный реставратор придал персонажу новую позу — его голова теперь была отвернута от креста через правое плечо, глаза обращались к земному городу Иерусалиму, чьи призрачные башни возвышались в голубых сумерках, наводя на мысли о мильтоновских адских городах. В то время как другие следовали за Христом в скорби, сокрушенные невозможностью ему помочь, выражение лица фигуры в черном одеянии было высокомерным и скептическим. По тому, как художник изобразил напряженные, четко очерченные мышцы шеи, считывалось, что загадочный мужчина отвернулся почти с отвращением от открывшегося пред ним зрелища.

— Интересная перемена, — отметил я, указывая на последнюю фотографию. — Это с какой-нибудь редкой ученической копии?

Георг заговорщически подался вперед, ко мне:

— Это *оригинал* Леонардо. Да, представьте

себе, Чарльз! Вариант слева, вызвавший ваше продолжительное восхищение, — это исправление, сделаное через несколько лет после смерти да Винчи. — он улыбнулся моей растерянности. — Эта фигура — не такая уж и заметная часть композиции. Никто ее до сих пор серьезно не изучал. Вся остальная картина — подлинник, тут двух мнений быть не может. Изменения выявили пять месяцев назад, когда картину чистили от пыли в лаборатории. Инфракрасное исследование показало, что оригинальный профиль под нанесенными позже слоями краски полностью сохранился. — он протянул мне еще два снимка головы, где крупный план делал разницу еще более заметной. — Положение мазков показывает, что исправления делались правой рукой, а Леонардо ведь левша!

— Ладно… — Я был в недоумении. — Это странно, правда. Зачем корректировать такую мелкую деталь? Вся концепция персонажа изменилась.

— Это хороший вопрос, — согласился Георг. — Этот персонаж — Агасфер, Вечный жид. — Он обвел пальцем ноги мужчины на репродукции. — Его нередко рисуют в сандалиях с ремнями крест-накрест — как члена секты ессеев, откуда, возможно, вышел и сам Иисус.

Я снова взял в руки фотографии.

— Вечный жид, значит… Как любопытно. Тот, кто понукал Иисуса идти быстрее — и был осужден за это на вечные земные скитания до второго пришествия Сына Господня. Выходит, этот анонимный реставратор выступает его апологетом — исходный замысел Леонардо меняет на свое видение, где Агасфер вполне себе сочувствует Христу. Вот что я думаю, Георг, — идея как раз в вашем вкусе, — смотрите: второстепенными персонажами на картинах становились реальные придворные, состоятельные негоцианты… желанные спонсоры художников. Давайте в порядке бреда предположим, что Агасфер бродил по свету, позируя для самого себя и терзаясь своей виной, а потом крал картины и вносил в них изменения. Каково, а?..

Я ждал от Георга столь же шутливого ответа. Но он медленно кивнул, глядя на меня в молчаливом согласии — до мозга костей серьезный.

— Георг! — воскликнул я. — Ну вы что, серьезно? Уж не хотите ли вы сказать…

Он прервал меня — мягко, но настойчиво:

— Чарльз, дайте мне еще несколько минут на объяснения. Я ведь предупредил, что моя теория фантастична. — Прежде чем я успел возразить,

он протянул мне еще одну фотографию: — «Распятие» Веронезе. Видите знакомца? Подсказываю — в левом нижнем углу!

Я поднес фотографию к свету.

— Да, точно. Поздняя обработка отличается — она выполнена в более откровенном, я бы даже сказал, паганистическом стиле. Но сходство видно невооруженным глазом.

— Согласен. Но дело не только в сходстве. Обратите внимание на позу и характер.

Фигура Агасфера, вполне узнаваемая по черному одеянию и перекрещенным ремешкам сандалий, высилась среди толпы на переполненном переднем плане. Необычность заключалась не столько в том, что его поза напоминала ту, которая была на «отретушированном» полотне Леонардо, и не в том, что Агасфер теперь с выражением глубокого сострадания смотрел на умирающего Христа, — совершенно бессмысленная интерпретация, если подумать. Нет, больше всего здесь поражало *сходство двух нарисованных лиц* — впору было подумать, что их писали с одного и того же натурщика. Борода, пожалуй, стала чуть гуще, на венецианский манер, но черты лица, высокие виски, красиво очерченные носогубные складки и скулы, мудрая покорность

в глазах, взгляд долго странствовавшего пилигрима, ставшего свидетелем проявления как варварской красы, так и варварской силы, — все это повторяло сюжет переделки полотна Леонардо.

Я беспомощно развел руками:

— Нечего сказать, совпадение удивительное.

Георг кивнул.

— А вот вам еще одно — эта картина, как и работа да Винчи, была украдена вскоре после тщательной ретуши. Когда холст обнаружили во Флоренции два года спустя, то это небольшое изменение заметили — но отдать на реставрацию не рискнули. — он сделал паузу. — Понимаете, к чему я здесь клоню, дражайший Чарльз?

— Более-менее. По-вашему, если краску чуть поскоблить — обнаружится иная трактовка лика Агасфера. То есть проявится оригинал в исполнении Веронезе.

— Именно так. Если остались сомнения — просмотрите другие работы, мой друг.

Поднявшись, мы начали просматривать оставшиеся фотографии. На каждой из них — на картинах Пуссена, Гольбейна, Гойи и Рубенса — можно было увидеть одну и ту же фигуру, одно и то же трагическое лицо, смотрящее на крест с

сострадательным пониманием. Учитывая очень разные стили художников, степень сходства казалась поразительной. Поза также повторялась, а трактовка образа радикально расходилась с каноническим Агасфером. Тут уже и я проникся убежденностью Георга. Что-то в этом было.

— Во всех случаях, Чарльз, — говорил он, постукивая ладонью по столу, — картины пропадали после реставрации. Гольбейна из коллекции Геринга некто изменивший рейху сумел выкрасть после реставрации анонимным художником, содержавшимся в концлагере. Забавно, но тому, кто боялся, что мир увидит Агасфера нераскаявшимся, сама история подкинула неожиданного сообщника…

— Георг, а вы не торопитесь с выводами? Где доказательства, что и на остальных картинах, как в случае с работой Леонардо, под новым прячется ранний, подлинно авторский рисунок?

— Доказательств нет. Никакой музей не придет в восторг, узнав, что их экспонат не вполне подлинный. Знаю, это все еще кажется вам невероятным. Но тогда подберите иное объяснение.

Я подошел к окну, качая головой, — надеясь, что шум и суматоха на Бонд-стрит помогут мне пробиться к здравому смыслу сквозь опьяняю-

щие размышления Георга.

— Так вы действительно полагаете, что Агасфер при траурном параде по сей день разгуливает по тротуарам? Что уже несколько веков он похищает и исправляет картины, где его изображали отвергающим Христа? Это же нелепо!

— Не менее нелепо, чем сам факт кражи «Распятия» из Лувра. Все согласны с тем, что картину не мог украсть никто, кто подчинялся бы законам физической вселенной.

Мгновение мы смотрели друг на друга через стол.

— Хорошо. — я тянул время, не желая его обидеть. Его навязчивая идея встревожила меня. — Но разве не лучшее решение — просто сидеть сложа руки и ждать, когда шедевр Леонардо где-нибудь снова всплывет?

— Необязательно. Большинство украденных картин числились потерянными в течение десяти-двадцати лет. Возможно, попытка выйти за пределы пространства и времени утомила нашего вечного странника — или вид оригиналов так пугает его, что он далеко не в первый же день берется вносить исправления… Да, Чарльз, это все — в порядке бреда. Но все-таки нельзя отрицать, что я могу быть прав. Вот тут-то мне

и нужна ваша помощь. Очевидно, что человек, нужный нам, — покровитель, связанный с миром искусства мучительным чувством вины. Талант живописцев — это приговор ему, вынесенный на всеобщее обозрение. Мы должны следить за аукционными залами, галереями… Это лицо, эти черные глаза с застывшим в них затравленным выражением, точеный профиль… Рано или поздно мы увидим его рыщущим в поисках очередного «Распятия» или «Пьеты». Но, может быть, вы уже встречали его, Чарльз?

Черноокий странник вырисовался перед моим внутренним взором. «Иди, чего медлишь?» — насмехался он над Иисусом, когда тот шел с крестом к Голгофе, и Иисус ответил ему: «Я могу медлить. Но труднее будет медлить тебе, ожидая Моего прихода». Уже собираясь сказать, что не встречал его, я осекся — призрак узнавания все же промелькнул в моем сознании. Этот красивый левантийский профиль… Мужчина, обладавший им, явился, разумеется, в каком-то современном костюме — элегантном, в темную полоску; при нем была трость с набалдашником из золота, и в ходе дискуссии о цене он предпочитал стоять в стороне, доверяясь посреднику… Забавно, но именно «реставрированный» образ Агасфера

казался мне более достоверным, чем оригинал да Винчи; я был уверен, что *действительно* видел его. Тут меня до самых пят проняло потрясающее осознание:

— Черт возьми, Георг, ты хоть понимаешь, что если твоя невероятная идея верна, то этот человек общался с самим Леонардо? И с Микеланджело, с Тицианом, с Рембрандтом?

— И еще кое с кем великим, — задумчиво добавил мой друг.

В течение следующего месяца после возвращения Георга в Париж я проводил меньше времени в конторе и больше — в торговых залах, высматривая знакомый профиль, который будто бы уже видел раньше. Если бы не эта неопровержимая уверенность, я бы отверг гипотезу Георга как блажь. Мне пришло в голову тактично расспросить об этом человеке моих ассистентов, и, к моему неудовольствию, двое из них также смутно припомнили его. После этого я понял, что уже не могу выбросить завиральные фантазии Георга де Стааля из головы. Больше никаких новостей о пропавшем полотне Леонардо не поступало; полное отсутствие каких-либо улик по-прежнему озадачивало как полицию, так и мир искусства.

Поэтому я испытал огромное облегчение — но и

превеликое волнение тоже, — когда пять недель спустя получил следующую телеграмму:

ЧАРЛЬЗ
ТЧК ПРИЕЗЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО ТЧК Я ЕГО ЗАСЕК ТЧК ГЕОРГ ДЕ СТААЛЬ

На этот раз, когда такси везло меня из аэропорта Орли в собор Мадлен, отнюдь не былое праздное развлечение заставило меня понаблюдать за садами Тюильри, высматривая высокого мужчину в черной шляпе с широкими полями, крадущегося между деревьями со свернутым холстом под мышкой. Не сошел ли Георг де Стааль с ума, окончательно и бесповоротно, — или ему действительно явился Агасфер?

Когда Георг приветствовал меня в дверях своей конторы, его рукопожатие было таким же крепким, как всегда, а лицо — спокойным и расслабленным. В своем кабинете он откинулся на спинку стула и вопросительно посмотрел на меня поверх сплетенных в замок пальцев — до того, очевидно, уверенный в себе, что с новостями совершенно не торопился.

— Он здесь, Чарльз, в Париже. Остановился в отеле «Ритц», прибыл на аукцион мастеров девятнадцатого и двадцатого веков. Если повезет,

вы увидите его уже этим вечером. — и снова мое недоверие вернулось, но прежде чем я успел возразить, Георг заставил меня замолчать. — Он точно такой, каким нам виделся, друг мой. Высокий, крепкий, но вместе с тем очень грациозный, как ожившее изваяние эллина. В кругах богачей и знати всегда сойдет за своего. Что Леонардо, что Гольбейн точно уловили его облик — в особенности этот его странный, напряженный взгляд человека, исходившего тысячи дорог, ночевавшего в гротах и пустынях…

— Когда же вы его увидели?

— Вчера во второй половине дня. Мы уже пустили с молотка почти все картины девятнадцатого века, когда вдруг нашелся еще Ван Гог — не лучшая копия «Доброго самаритянина». Одна из его картин периода последней фазы сумасшествия — ну, знаешь, все эти загадочные спирали на фоне и абстрактные фигуры, похожие на силуэты мертвых животных. Лицо этого самаритянина заставило меня вспомнить об Агасфере. Именно в эту минуту я взглянул в забитый до отказа зал — и содрогнулся. Он сидел в нескольких футах от меня, в первом ряду, и глядел мне прямо в лицо. Я едва отвел от него взгляд. Когда торг начался, он в азарте сразу поднял цену до двух тысяч франков.

— И выкупил лот?

— Ну что вы, я был начеку. Мне нужно было убедиться, что это тот, кто нам нужен. Раньше он позировал только для образа Агасфера, но спустя время, когда сюжет выпал из фавора, его комплекс вины заострил внимание на других библейских персонажах… том же самаритянине, к примеру. Он довел цену до пятнадцати тысяч, хотя максимальная цена не превышала десяти, и мне пришлось снять картину с торгов. Я уверен, что если это Агасфер, то он вернется сегодня же, поэтому я сразу вызвал и вас, и полицию. Двое людей инспектора Карно прибудут к вечеру. Пришлось выдумать какую-то историю, чтобы они поверили. Естественно, когда я снимал Ван Гога с торгов, разразился невероятный скандал — все решили, что я не в себе. Наш смуглый друг вскочил с места и потребовал объяснений — пришлось сказать, что я усомнился в подлинности картины и желаю защитить репутацию галереи. Мол, если экспертиза признает ее «чистой» — выставлю уже на следующий день.

— Неплохо придумано, — похвалил я.

Георг скромно кивнул.

— Он не почувствовал подвоха и сразу же стал горячо защищать картину, тогда как любой за-

всегдатай аукционов, напротив, выискивает дефекты — какие-нибудь пятна, повреждения на оборотной стороне холста и прочее. Он обещал явиться на аукцион сегодня и на всякий случай даже оставил свой адрес. — Георг достал из кармана визитку и прочел: — «*Граф Эрик Данилевиц. Вилла д'Эсте, Кадакес*[14], *Коста-Браво*». А вот еще пометка, видите: *«отель „Ритц“, Париж»*.

— Кадакес, — протянул я. — Совсем рядом, в Порт-Льигате, обосновался Дали. Еще одно интересное совпадение.

— А может, и не совпадение. Угадайте, что каталонский мастер в настоящее время рисует для нового собора Святого Иосифа в Сан-Диего? Один из величайших заказов на сегодняшний день. Конечно же, «Распятие» — и наш Агасфер снова тут как тут! — Из среднего ящика рабочего стола Георг достал блокнот в кожаном переплете. — Послушайте, я заинтересовался вопросом, кто же выступал натурщиком для Агасфера. Обычно это были мелкие князья и толстосумы. Кто позировал Леонардо — уже не отследить. Он держал дом открытым, нищие и соседские козы бродили по

---

[14] Примечания: 14

Кадакес — муниципалитет в Испании, входит в провинцию Жирона в составе автономного сообщества Каталония. Это популярная часть побережья Коста-Брава на средиземноморских курортах Испании.

его мастерской, когда им вздумается, абсолютно любой мог войти и позировать. Но остальные вели куда более взыскательный отбор. Гольбейн рисовал Агасфера с сэра Генри Дэниэлса, крупного банкира и друга Генриха Восьмого. Веронезе — с члена Совета десяти, будущего дожа Энрико Даниэли. Рубенс — с барона Генриха де Нильсена, посла Дании в Амстердаме, Гойя — с некоего Энрико да Нелиа, финансиста и покровителя Прадо. А Пуссен — со знаменитого мецената герцога Анри де Ниля. — Георг звонко захлопнул блокнот.

— Данилевиц, Генри Дэниэлс, Даниэли, да Нелиа, де Ниль и де Нильсен, — повторил я скороговоркой.

— Он же во всех случаях — Агасфер. — мой друг увлеченно кивнул.

— Знаете, Георг, мне немного страшно, — признался я. — Но думаю, утраченный шедевр Леонардо почти у нас в руках.

Легко представить наше разочарование, когда добыча к назначенному сроку не явилась в капкан. Снятие Ван Гога со вчерашних торгов сбросило лот в самый низ сегодняшнего списка — после четырех десятков полотен XX века. Пока озвучивали цены на Кандинского и Леже, я, сидя на сцене позади Жоржа, поглядывал

на элегантное собрание в зале. В интернациональном винегрете из американских знатоков, британских газетчиков, французско-итальянской знати и светских дам присутствие даже той замечательной фигуры, какую мне описал Георг, не особо царапало бы глаз. Однако по мере того, как мы неуклонно продвигались по каталогу, а вспышки фотоаппаратов становились все более утомительными, я начал сомневаться, что он появится. Его место в первом ряду оставалось зарезервированным, и я с нетерпением ждал, когда этот беглец сквозь время и пространство материализуется. Стоит только объявить Ван Гога!.. Но увы — как место в первом ряду, так и картина остались не востребованы. Сняв лот с торгов из-за мнимых сомнений в подлинности, Георг ничего не добился; мы сидели в гордом одиночестве, а наша наживка дожидалась незнамо чего, сиротливо прислоненная к стене.

— Он, должно быть, почуял неладное, — прошептал Георг, когда на стойке регистрации нам подтвердили, что графа Данилевица нет ни в одном из других залов, где идут аукционы. Тогда мы позвонили в «Ритц», и нам сообщили, что он освободил свой номер и уехал из Парижа на юг.

— Без сомнения, он мастер обходить подобные

ловушки. И что теперь? — спросил я.

— Как — что? Отправляемся в Кадакес!

— Георг! Вы в своем уме, дружище?

— Шансы на успех малы, понимаю, но надо рискнуть! Инспектор Карно найдет самолет. Я, так и быть, придумаю какой-нибудь очень важный повод, чтобы он согласился нам помочь. Поспешим же, Чарльз! Уверен, мы найдем «Распятие» Леонардо на той вилле.

Итак, мы прибыли в Барселону в сопровождении Карно и суперинтенданта Юргенса из Интерпола, прошли таможню и через три часа выехали в сопровождении группы полицейских машин в Кадакес. Быстрая поездка вдоль фантастической береговой линии с ее чудовищными скалами, похожими на гигантских спящих рептилий, и мерцающим морем, напоминающим все безвременные пляжи Дали сразу, стала аутентичной прелюдией к финальной главе. Воздух вокруг нас переливался алмазами, теплое марево рябило на огромных шпилях скал. Необъятные каменные валы, будто перенесенные сюда с Луны, резко уступали место спокойным заливам с голубой водой.

Вилла д'Эсте зиждилась на мысе в тысяче футов над городом. Высокие стены и закрытые маври-

танскими ставнями окна блестели на солнце, как белый кварц. Огромные черные двери, похожие на своды собора, стояли закрытыми; сколько мы ни звонили, к нам никто не вышел. В связи с этим между Юргенсом и местной полицией завязался продолжительный спор — никому, очевидно, не хотелось обижать важного местного сановника — граф Данилевиц, как выяснилось, учредил плеяду стипендий для многообещающих местных художников, но соблазн порыскать по покоям потенциального похитителя легендарной картины да Винчи тоже оставался велик.

Испытывая крайнее нетерпение, мы с Георгом взяли напрокат машину и отправились в Порт-Льигат повидаться с Дали — пообещав инспектору вернуться как раз к посадке частного рейса, прибывающего из Парижа в Барселону примерно через два часа; возможно, с графом Данилевицем на борту.

— Впрочем, — тихо заметил Георг, когда мы отъехали, — он, несомненно, путешествует какими-то другими видами транспорта.

Я еще не решил, под каким предлогом мы вторгнемся в частную жизнь самого выдающегося художника Испании — хотя возможность одновременных персональных выставок в «Норз-

бис» и галереях Георга, возможно, смягчила бы его нрав. Когда мы подъезжали к знакомой многоярусной белой вилле у кромки воды, с нами поравнялся большой лимузин, увозивший недавнего гостя.

Наши машины одновременно достигли участка, где широкая дорога внезапно сужалась, и мы встали борт к борту в облаке поднятой с трассы пыли; моторы рычали, как не желающие уступать друг другу добычу саблезубые тигры. Тут вдруг Георг стиснул мой локоть и указал за окно:

— Чарльз! *Это он!*

Пока водитель лимузина ругал нас на чем свет стоит, я опустил стекло и заглянул в полутемный салон машины. На заднем сиденье, подняв голову на шум, сидел высокий, чем-то похожий на Распутина мужчина в черном костюме в тонкую полоску. Манжеты его сорочки и зажим для галстука белели в полумраке, руки в перчатках сжимали упертую в пол перед ним трость с набалдашником из слоновой кости. Даже в затененном виде живые черты его лица узнавались мгновенно — в точном соответствии с теми, что я видел воспроизведенными столькими мастерами на стольких полотнах. Темные глаза пылали огнем бездны, черные брови вздымались над

высоким лбом подобно крыльям орла; резкий изгиб бороды подчеркивал его сильную челюсть, выдающуюся вперед.

Вся его наружность, несмотря на современный костюм, излучала древнюю, не знающую усталости энергию и колдовскую силу, каковой явно было тесно в пределах машины. На секунду наши взгляды встретились — всего два-три фута разделяло меня с ним. Он глядел, однако, будто *сквозь* меня — его, казалось, больше интересовал пейзаж; возможно, все, что он видел, куда бы ни направился, — ту роковую гору, чьи очертания навек затмили ему все горизонты. Я прочел в его глазах абсолютное отчаяние, вину, безответное раскаяние и не ждущие утоления муки, безо всякой жалости к себе или хотя бы искупительного экстаза, порой проступающего на лицах отверженных.

— Стоять! — закричал Георг, перекрывая рев моторов. — Чарльз, перекройте им путь!

Когда наши экипажи разъехались, я закричал сквозь выхлоп, стлавшийся от машины:

— Агасфер! Агасфер!

Метнув безумный взгляд, он подался вперед, вцепившись смуглой рукой в край стекла, — и в этот момент походил на ангела-титана с ото-

рванным крылом, который силился взлететь. Машины, вырвавшись на развилку дороги, устремились в разные стороны, и нас отделил от лимузина пылевой вихрь. Было безветренно, и эта пыль вокруг нас не оседала еще добрых минут десять. К тому времени, как все стихло и Георгу удалось развернуть нас назад, огромный лимузин уже исчез из виду — будто его и не было.

Картина Леонардо в огромной позолоченной раме нашлась в столовой виллы д'Эсте, прислоненная к стене. Ко всеобщему удивлению, вилла оказалась совершенно пустой, хотя двое слуг, получивших выходной, сообщили, что, когда они покидали ее в то утро, она, как обычно, была богато обставлена. Однако, как заметил Георг де Стааль, у исчезнувшего арендатора, без сомнения, имелся свой транспорт.

Картина не пострадала, хотя первый беглый осмотр подтвердил, что над небольшим ее участком поработала умелая рука. Лицо мужчины в черном одеянии обратилось к кресту, и в его задумчивом взгляде читался намек на надежду — возможно, даже на искупление. Рисунок кистью высох, но Георг сообщил мне, что тонкий слой лака все еще липкий.

После нашего триумфального возвращения в

Париж мы с Георгом, сославшись на опасность, каковой уже подверглась картина, порекомендовали не предпринимать дальнейших попыток ее очистки или реставрации, и директор Лувра с сотрудниками запечатали ее обратно в стену с благодарными вздохами. Возможно, картина не полностью написана рукой Леонардо да Винчи, но мы чувствуем, что несколько дополнений заслужили свое место.

Больше о графе Данилевице ничего не было слышно, но Георг недавно рассказал мне, что профессор Хенрико Даниэлла, как сообщалось, был назначен на должность директора Музея панхристианского искусства в Сантьяго. Попытки связаться с ним не увенчались успехом, но Георг узнал, что музей чрезвычайно заинтересован в создании большой коллекции картин с изображением распятия Христова.

1962

The Lost Leonardo. Первая публикация в журнале Fantasy & Science Fiction, март 1964.

Последний берег
Перевод А. Бурцева

Ночью, засыпая на полу разрушенного бункера, Травен слышал шум волн, разбивающихся о берег лагуны, похожий на шум гигантских самолетов, разогревающих двигатели в конце взлетно-посадочных полос. Это воспоминание о великих ночных налетах на материковую часть Японии наполняло его первые месяцы жизни на острове образами охваченных пламенем, горящих бомбардировщиков.

Позже, после приступов бери-бери, кошмары прошли, и волны стали напоминать ему о глубоких атлантических валах на пляже Дакара, где он родился, и о том, как он вечерами сидел у окна, глядя, как родители едут домой по горным карнизам дороги из аэропорта.

Охваченный этими давно забытыми воспоминаниями, Травен неуверенно поднялся с постели, сооруженной из старых журналов, на которых спал, и направился к окаймлявшим лагуну дюнам.

Сквозь холодный ночной воздух он видел по-

кинутые «летающие крепости», лежащие среди пальм за периметром площадки для аварийной посадки в трехстах ярдах отсюда. Травен шел по темному песку, уже забыв, где находится берег, хотя атолл был немногим более полумили в ширину. Над ним вдоль гребней дюн тянулись в тусклом воздухе высокие пальмы, словно символы загадочного алфавита. Весь остров был покрыт этими странными письменами.

Отказавшись от попытки найти берег, Травен наткнулся на следы большой гусеничной машины, оставленные несколькими годами ранее. Жар, выделившийся в результате испытаний бомбы, расплавил песок, и двойная линия следов окаменелостей, обнаженная в вечернем воздухе, змеей вилась среди впадин, подобно следам древнего ящера.

Слишком слабый, чтобы идти дальше, Травен сел между рельсами.

Надеясь, что они приведут его к берегу, он начал копать клиновидные канавки в сугробе, но они исчезали. В бункер он вернулся незадолго до рассвета и проспал в душной тишине до следующего полудня.

Блоки

Как обычно в эти изнуряющие дни, когда даже дуновение прибрежного бриза не поднимало пыли, Травен сидел в тени одного из бетонных блоков, затерянных где-то в центре лабиринта. Прислонившись спиной к шероховатой бетонной поверхности, он флегматично глядел на окружающие проходы и ряд дверей напротив. Каждый день после полудня он покидал свою камеру в заброшенном бункере среди дюн и спускался сюда. Первые полчаса ограничивался проходом по периметру, время от времени пробуя одну из дверей ржавым ключом, найденным среди разбитых бутылок и банок на песчаном перешейке, отделяющем испытательный полигон от взлетно-посадочной полосы, а затем неизбежно, словно одурманенный, направлялся в гущу блоков, переходя на бег, метался по коридорам, будто пытаясь выгнать из укрытия какого-то невидимого противника. Вскоре он окончательно заблудится. Сколько бы ни пытался вернуться к периметру, он всегда снова оказывался в центре.

В конце концов Травен бросал это занятие и садился в пыль, наблюдая, как тени ползут из щелей у подножия блоков. По какой-то причине

он неизменно попадал в эту ловушку, когда солнце было в зените над Эниветоком[15], центром термоядерных взрывов.

И один вопрос неизменно интриговал его: «Что за люди могли населять этот маленький бетонный городишко?»

Искусственный ландшафт

— Этот остров — состояние души, — заметил позже Травену Осборн, один из ученых, работавших в старых загонах для подводных лодок.

Истина этого высказывания стала Травену очевидна через две-три недели после приезда. Несмотря на песок и несколько худосочных пальм, весь ландшафт острова был искусственным, своего рода артефактом, ассоциирующимся с обширной системой заброшенных бетонных автомагистралей. С момента введения моратория на атомные испытания остров был покинут Комиссией по атомной энергии, и необитаемость оружейных складов, башен и блокгаузов исключала любые попытки вернуть его в естественное состояние. Травен признал, что существовали и

---

[15] Примечания: 15
Необитаемый остров в северном Тихом океане. *(Прим. пер.).*

более сильные бессознательные мотивы: если первобытный человек чувствовал необходимость ассимилировать события внешнего мира с собственной психикой, человек XX века обратил этот процесс вспять. По декартовским меркам, остров по крайней мере *существовал,* в некотором смысле, как и немногие другие места.

Но, кроме нескольких научных работников, никто пока не испытывал желания посетить бывший испытательный полигон, а военно-морской патрульный катер, стоявший в лагуне, был снят с якоря за три года до прибытия Травена. Разрушенный вид и ассоциации острова с периодом холодной войны — тем, что Травен окрестил «Предпоследним периодом», — были глубоко удручающими. Освенцим души, мавзолеи которого содержали массовые захоронения нежити. С наступлением русско-американской *разрядки напряженности* эта кошмарная глава истории была с радостью позабыта.

Третий довоенный

Реальная, как и потенциальная разрушительная сила атомной бомбы играет на руку подсознанию. Даже самое поверхностное изучение снов и фантазий безумцев показывает,

что в человеческом подсознании всегда присутствуют идеи о гибели мира… Нагасаки был уничтожен магией науки, поэтому Нагасаки — то самое, к чему человек приблизился сильнее всего, максимальное приближение к реализации максимальных стремлений, которые в безопасном состоянии сна и покоя всегда порождают тревожные воспоминания…

Гловер, «Война, садизм и пацифизм»

Предшествующий третий довоенный период характеризовался в сознании Травена прежде всего моральными и психологическими извращениями, его восприятием всей истории и, в частности, ближайшего будущего — двух десятилетий 1945–1965 гг., подвешенных на трясущемся выступе вулкана времен Третьей мировой войны. Даже смерть жены и шестилетнего сына в автокатастрофе казалась лишь частью грандиозного синтеза исторического и психического нуля, безумных магистралей, на которых люди каждое утро встречали смерть, передовых позиций глобального Армагеддона.

Третий Берег

Он сошел на берег в полночь, после риско-

ванных поисков прохода в рифе. Маленькая моторная лодка, которую он нанял у австралийского ловца жемчуга на острове Шарлотт, села на мель, и ее корпус разорвали острые кораллы.

Измученный Травен брел в темноте среди дюн туда, где между пальмами вырисовывались смутные очертания бункеров и бетонных вышек.

На следующее утро он проснулся от яркого солнечного света, лежа на середине широкого забетонированного берега. Берег окружал пустое водохранилище или бассейн диаметром около двухсот футов, часть системы искусственных озер, построенных в центре атолла. Выходные решетки были забиты листьями и грязью, а под ними раскинулась лужа теплой воды глубиной в два фута, в которой отражался далекий ряд пальм.

Травен сел и осмотрел себя. Краткая инвентаризация, подтвердившая его физическую идентичность, сводилась к худому телу в поношенной хлопчатобумажной одежде. Однако в контексте окружающей местности даже такой набор лохмотьев, казалось, обладал уникальной жизненной силой. Пустынность острова, а также отсутствие какой-либо местной фауны подчеркивались огромными бассейнами, вмон-

тированными в его поверхность. Отделенные друг от друга узкими перемычками, бассейны тянулись по изгибу атолла. По обе стороны от них, иногда затененные редкими пальмами, ненадежно вцепившимися в потрескавшийся цемент, тянулись дороги, вышки телекамер и отдельные блокгаузы, вместе образуя на острове сплошной бетонный колпак, функциональную мегалитическую архитектуру, такую же серую и величественную — и, по-видимому, такую же древнюю в своей проекции из будущего, — как любая постройка Ассирии или Вавилона.

Серия испытаний бомб расплавила песок слоями, и эти псевдогеологические слои уплотнили короткие эпохи продолжительностью в микросекунды термоядерного времени. Остров переворачивал все геологические принципы.

«Ключ к прошлому лежит в настоящем». А здесь ключ к настоящему лежал в будущем. Остров являлся словно ископаемым из будущего, его бункеры и блокгаузы иллюстрировали принцип, согласно которому ископаемая летопись жизни состояла из брони и экзоскелета.

Травен опустился на колени в теплую лужу и умылся, забрызгав рубашку и штаны. Отражение показало колеблющееся изображение худых плеч

и бородатого лица.

Он прибыл на остров без каких-либо припасов, не считая маленькой плитки шоколада, и предполагал, что остров каким-то образом сам прокормит его. Возможно также, что Травен отождествил потребность в пище с движением вперед во времени и что с его возвращением в прошлое или, самое большее, во вневременную зону эта потребность исчезнет. Лишения предыдущих шести месяцев во время путешествия через Тихий океан уже превратили его, и без того худого, в нищего мигранта с вечно озабоченными глазами, который едва держался на ногах. И все же истощение, избавляющее Травена от излишков плоти, выявило внутреннюю жилистую твердость, экономность и прямоту движений.

Несколько часов он бродил по городу, осматривая бункер за бункером в поисках удобного места для ночлега. Травен пересек остатки небольшого посадочного поля рядом со свалкой, где дюжина B–29 лежали друг на друге, как мертвые археоптериксы.

Трупы

Однажды он забрел на маленькую улочку, застроенную металлическими лачугами, где

располагались кафетерий, комнаты отдыха и душевые кабинки. Разбитый музыкальный автомат валялся наполовину зарытым в песке за кафетерием, а пластинки в нем все еще стояли наготове.

Дальше, в маленьком озерке в пятидесяти ярдах от лачуг, лежали тела тех, кого Травен сначала принял за бывших обитателей города-призрака, но они оказались пластиковыми манекенами в натуральную величину. Их полурасплавленные лица, искаженные странными гримасами, смотрели на Травена из нагромождения ног и туловищ.

По обе стороны от него доносился шум волн, приглушаемый дюнами. Огромные валы накатывали со стороны моря и, разбиваясь о рифы, обрушивались на берега лагуны. Однако Травен избегал моря, колеблясь перед любым подъемом или дюной, которые могли бы привлечь его внимание. Повсюду с вышек телекамер открывался удобный вид сверху на запутанную топографию острова, но Травен избегал также и ржавых лестниц.

Вскоре он понял, что какими бы случайными ни казались блокгаузы и башни, их общая направленность доминировала над ландшаф-

том, придавая ему уникальную перспективу. Как он заметил, присев отдохнуть у оконной щели одного из бункеров, все наблюдательные пункты располагались рядами концентрических периметров, двигаясь сужающимися дугами к сокровенному убежищу. Последний круг, расположенный ниже эпицентра, оставался скрытым за линией дюн в четверти мили к западу.

Последний Бункер

Проспав несколько ночей под открытым небом, Травен вернулся на бетонный пляж, где проснулся в первое утро на острове, и обустроил там дом — если домом можно было назвать сырую полуразвалившуюся лачугу в бункере с камерой в пятидесяти ярдах от бассейнов. Темное помещение между толстыми наклонными стенами хоть и напоминало склеп, но придавало Травену чувство физической уверенности. Снаружи песок осыпался по бокам, наполовину завалив узкий дверной проем, словно указывая тем самым на целую эпоху, прошедшую с момента постройки бункера. Узкие прямоугольники пяти смотровых щелей, форма и положение которых определялись приборами, усеивали западную стену подобно руническим идеограммам. Вариации

на тему таких шифров украшали стены других бункеров, что являлось уникальной визитной карточкой острова. По утрам, если Травен не спал, всегда видел залитые солнцем пять рунических знаков.

Большую часть времени камера была наполнена только влажным сумрачным светом. В диспетчерской вышке у посадочного поля Травен нашел коллекцию выброшенных журналов и использовал их для сооружения постели. Однажды, лежа в бункере вскоре после первого приступа лихорадки бери-бери, он вытащил из-под спины журнал и увидел в нем фотографию шестилетней девочки во всю страницу. Светловолосый ребенок с невозмутимым личиком и задумчивыми глазами вызвал у него тысячи болезненных воспоминаний о сыне. Он прикрепил страницу к стене и несколько дней смотрел на нее перед сном.

Первые несколько недель Травен почти не предпринимал попыток покинуть бункер и отложил любые дальнейшие исследования острова. Символическое путешествие по внутренним кругам устанавливало собственное время прибытия и отбытия. Он не выработал для себя никакого распорядка дня. Вскоре ощущение времени вооб-

ще исчезло, и его жизнь стала экзистенциальной, клочками отделенных друг от друга моментов, как два квантовых события. Слишком слабый, чтобы добывать пищу, он питался старыми пайками, которые нашел в разбитых бомбардировщиках. Без каких-либо приспособлений ему требовался целый день, чтобы вскрыть банки. Физическая немощь Травена продолжала развиваться, но он с безразличием смотрел на свои ставшие тонкими ноги и руки.

К этому времени он уже забыл о существовании моря и смутно предполагал, что атолл является частью какого-то непрерывного континентального плато. В сотне ярдов к северу и югу от бункера дюны, увенчанные частоколом загадочных пальм, скрывали лагуну и море, лишь слабый приглушенный рокот волн по ночам сливался с воспоминаниями о войне и детстве. К востоку тянулась полоса аварийной посадки и лежал брошенный самолет. В послеполуденном свете казалось, что их движущиеся прямолинейные тени корчатся и поворачиваются. Перед бункером, где он обитал, находилась целая система бассейнов — неглубоких впадин, простиравшихся по всему атоллу.

А над Травеном пять отверстий взирали сверху,

словно символы-покровители футуристического мифа.

Бассейны и призраки

Бассейны были спроектированы таким образом, чтобы выявлять любые радиобиологические изменения в избранном диапазоне фауны, однако образцы давно уже превратились в гротескные пародии на самих себя и были уничтожены.

Иногда вечерами, когда могильный свет ложился на бетонные бункеры и дамбы, а бассейны казались декоративными озерами в городе заброшенных мавзолеев, покинутых даже мертвыми, Травен видел на противоположном берегу призраки жены и сынишки. Их одинокие фигуры, казалось, наблюдали за ним целые часы подряд. Хотя они не шевелились, Травен был уверен, что они зовут его. Очнувшись от бредового сна, он, спотыкаясь, брел по темному песку к краю бассейна и переходил его вброд, беззвучно крича двум фигурам, пока те, держась за руки, удалялись и исчезали за дальними дамбами.

Дрожа от холода, Травен возвращался в бункер и ложился на подстилку из старых журналов, ожидая их возвращения. Лица, подсвеченные бледными фонариками щек жены, плыли по

волнам его памяти.

Блоки (II)

Только когда Травен нашел блоки, он понял, что никогда уже не покинет остров.

На этом этапе, примерно через два месяца после прибытия, Травен исчерпал небольшой запас еды, и симптомы бери-бери обострились.

Онемение в руках и ногах, а также постепенная потеря сил продолжались. Только ценой огромных усилий и осознания того, что внутреннее святилище острова все еще остается неисследованным, ему удалось покинуть постель из журналов и выбраться из бункера.

В тот вечер, сидя у входа на песке, Травен заметил свет, пробивающийся сквозь далекие пальмы.

Перепутав свет с образами жены и сына и представив, что они ждут его у какого-нибудь теплого очага среди дюн, он отправился навстречу свету. Через сотню ярдов Травен потерял чувство направления, несколько часов барахтался на краю взлетно-посадочной полосы и преуспел лишь в том, что порезал ногу о разбитую бутылку из-под кока-колы, валявшуюся на песке.

Отложив поиски из-за наступившей ночи, на

следующее утро он снова всерьез пустился в путь. Когда он проходил мимо башен и блокгаузов, жара окутала остров сплошной пеленой. Затем Травен вступил в зону, лишенную времени. Только сужающийся периметр предупреждал о том, что он пересекает внутреннюю часть полигона.

Потом он взобрался на гребень, отмечавший самую дальнюю точку его предыдущих исследований острова. С равнины внизу башни телекамер вздымались в воздух, как обелиски. Травен направился к ним. На серых стенах виднелись слабые очертания человеческих фигур в стилизованных позах, тени сообщества-мишени, выжженные в цементе. Тут и там, где треснула бетонная площадка, в неподвижном воздухе упорно торчали ряды пальм. Бассейны-мишени были поменьше, заполненные разбитыми телами пластиковых манекенов. Большинство из них лежали в безобидных домашних позах, как их положили перед испытаниями.

За самой дальней линией дюн, где башни телекамер начали поворачиваться к нему лицом, виднелись верхушки чего-то, казавшегося стадом слонов с квадратными спинами. Они выстроились ровными рядами в ложбине, образовывавшей неглубокий загон, и солнечный свет

отражался от их спин.

Травен направился к ним, прихрамывая на порезанную ногу. По обе стороны рыхлый песок покрывал дюны, и несколько блокгаузов накренились набок. Равнина, усеянная бункерами, простиралась примерно на четверть мили, полузатопленные остовы, выброшенные бомбами на поверхность в ходе каких-то более ранних испытаний, выглядели покинутыми утробами, породившими это стадо мегалитов.

Блоки (III)

Чтобы хоть что-то понять об огромном количестве и подавляющем размере блоков, а также их воздействии на Травена, нужно попытаться вообразить, как он сидит в тени одного из таких бетонных монстров или ходит по центру огромного лабиринта, покрывавшего весь центр острова.

Их было две тысячи, они представляли собой идеальные кубы высотой 15 футов, равномерно расставленные с интервалом в десять ярдов. Располагались они в виде серии участков, каждый из которых состоял из двухсот блоков, наклоненных друг к другу и в направлении взрыва. Они лишь незначительно пострадали от атмосфер-

ных воздействий за годы, прошедшие с момента постройки, а их изможденные профили походили на режущие грани гигантской плиты пресса, предназначенного для штамповки прямолинейных объемов воздуха размером с дом. Три стороны были гладкими и неповрежденными, однако в четвертой, обращенной в сторону от взрыва, имелись узкие смотровые дверцы.

Именно эта особенность блоков показалась Травену особенно тревожной.

Несмотря на значительное количество таких дверей, по какой-то странной причине из любой точки лабиринта были видны только те, что находились в одном проходе. По мере того как Травен шел от периметра к центру массива, ряд за рядом появлялись и исчезали маленькие металлические двери.

Примерно двадцать блоков, расположенных непосредственно под эпицентром, были сплошными, но стены остальных имели разную толщину.

Снаружи они казались однородными по плотности.

Войдя в первый из длинных проходов, Травен почувствовал, что усталость, преследовавшая его столько месяцев, начала отступать. Благодаря

геометрической правильности и отделке блоки, казалось, занимали пространство больше собственных объемов, создавая вокруг атмосферу абсолютного спокойствия и порядка. Травен шел в центр лабиринта, стремясь отгородиться от остального острова. После нескольких случайных поворотов влево и вправо он оказался один. Исчезло море, лагуны и весь остров.

Здесь он сел, прислонившись спиной к одному из блоков, забыв о поисках жены и сына. Впервые с момента прибытия на остров чувство разобщенности, вызванное здешним заброшенным пейзажем, начало отступать.

Одного дальнейшего развития событий Травен не ожидал. С наступлением сумерек возникла необходимость покинуть кварталы, чтобы найти еду, — и он понял, что заблудился. Как бы он ни возвращался по своим следам, отклоняясь влево или вправо по намеченному курсу, ориентируясь по солнцу и решительно продвигаясь на север или юг, Травен неизменно снова оказывался в исходной точке. И только с наступлением темноты ему удалось выбраться оттуда.

Покинув бывший дом рядом со свалкой самолетов, Травен собрал все консервы, которые сумел найти в башнях, а также в шкафчиках кабин

пилотов бомбардировщиков. Он вез их по атоллу на грубых санях. В пятидесяти ярдах от периметра кварталов Травен занял наклонившийся бункер и прикрепил выцветшую фотографию светловолосого ребенка к стене рядом с дверью. И без того потрескавшаяся страница грозила рассыпаться на кусочки, как и он сам. С тех пор как Травен обнаружил блоки, он превратился в существо с рефлексами, превышающими уровни его нервной системы. Травен ощущал, что если над вегетативной системой доминировало прошлое, то спинномозговая тянулась к будущему. Каждый вечер, просыпаясь, он ел без малейшего аппетита, затем бродил между блоками.

Иногда он брал с собой флягу с водой и оставался там два-три дня подряд.

Стоянка подводных лодок

Такое зыбкое существование продолжалось в течение нескольких следующих недель. Однажды вечером, направляясь к блокам, Травен вновь увидел свою жену и сына, стоявших среди дюн под одинокой телевизионной вышкой с ничего не выражавшими лицами. Он понял, что они последовали за ним через весь остров из прежнего пристанища среди высохших бассейнов. При-

мерно в это же время он снова заметил манящий свет вдали и решил продолжать исследование острова.

В полумиле дальше по атоллу он обнаружил стоянку с сараями для четырех подводных лодок, над заливом, ныне пересохшим, который извивался среди дюн со стороны моря. В сараях все еще оставалось несколько футов воды, заполненной странными светящимися рыбами и растениями. На вершине металлического каркаса через определенные промежутки времени мигала сигнальная лампочка. На пирсе снаружи были остатки обширного лагеря, покинутого совсем недавно. Травен с жадностью нагрузил сани провизией, обнаруженной им в одном из металлических сараев.

После такого изменения рациона приступы бери-бери отступили, и в течение следующих дней он часто возвращался в лагерь. Похоже, это была площадка биологической экспедиции. В полевом офисе Травен наткнулся на серию больших диаграмм мутировавших хромосом. Он свернул их и отнес к себе в бункер. Абстрактные узоры не имели смысла, но во время выздоровления Травен развлекался, придумывая для них подходящие названия. Позже, проходя мимо свалки

самолетов во время одной из вылазок, он нашел полузакопанный музыкальный автомат со списком пластинок на панели выбора и понял, что это вполне подходящие подписи для изображений мутировавших хромосом. Украшенные таким образом диаграммы вызывали у него множество ассоциаций.

Травен: Интермедия

Элементы в квантовом мире.
Последний берег.
Терминальный бункер.
Блоки.

Закодированный ландшафт.

Точки входа в будущее = Уровни ландшафта позвоночника = Зоны существенного времени.

5 августа.

Найден мужчина по имени Травен. Странный, одинокий, прячущийся в бункере в безлюдной глубине острова. Он страдает от сильного облучения и истощения, но не осведомлен об этом, и, если на то пошло, о любых других событиях в окружающем мире…

Он утверждает, будто прибыл на остров провести свои научные эксперименты — какие,

не установлено, — однако я подозреваю, что он понимает свои истинные мотивы, а также уникальную роль острова… В некотором роде ландшафт острова, кажется, связан с определенными подсознательными представлениями того времени, и в частности с теми, которые могут оказаться подавленными предчувствием собственной смерти. Привлекательность и опасности такой структуры, как показало прошлое, не нуждаются в подчеркивании.

6 августа.

У него глаза одержимого. Я бы предположил, что он не первый и не последний, посетивший остров.

Из книги доктора К. Осборна «Дневник Эниветока».

Травен, затерянный в блоках

Из-за истощения запасов Травен почти непрерывно оставался в пределах периметра блоков, сохраняя имеющиеся силы, чтобы медленно бродить по пустым проходам. Воспаление правой ноги мешало ему искать запасы, оставленные биологами, и по мере того как силы убывали, становилось все меньше стимулов вообще выбираться из блоков. Система мегалитов теперь

полностью заменила ему те функции разума, которые давали ощущение устойчивого рационального порядка времени и пространства. Без них осознание реальности сузилось до нескольких квадратных дюймов песка под ногами.

Во время одной из последних вылазок в лабиринт он провел всю ночь и большую часть следующего утра в тщетных попытках выбраться. Травен тащился от одного прямоугольника тени к другому, нога стала тяжелой, как дубина, и очевидно, воспаление дошло до колена. Травен понял, что должен поскорее найти замену блокам, иначе закончит свою жизнь внутри их лабиринта, запертый в рукотворном мавзолее так же надежно, как и свита фараона.

Он беспомощно сидел где-то в центре системы, а безликие ряды гробниц удалялись в бесконечность, когда небо постепенно оживил гул легкого самолета. Он пролетел над головой, затем через пять минут вернулся. Воспользовавшись случаем, Травен с трудом поднялся на ноги и направился к выходу из лабиринта блоков, подняв голову, чтобы не упускать из виду едва заметную нить выхлопного следа в небе.

Уже лежа в бункере, он смутно слышал, как самолет вернулся, обыскивая остров.

Запоздалое спасение

— Кто вы? Вы понимаете, что умираете?

— Травен… Меня зовут Травен… Со мной произошел какой-то несчастный случай. Я рад, что вы прилетели.

— Могу себе представить как! Но почему вы не воспользовались нашим радиотелефоном? В любом случае, мы свяжемся с военно-морским флотом, и вас заберут с острова.

— Нет… — Травен приподнялся на локте и пошарил в заднем кармане. — У меня где-то здесь пропуск. Я провожу исследования…

— Какие исследования?

Вопрос предполагал полное понимание мотивов Травена. Он лежал в тени с подветренной стороны бункера и делал маленькие глотки из фляги, пока доктор Осборн перевязывал ему ногу.

— Вы также крали наши запасы.

Травен покачал головой. В пятидесяти ярдах от него на бетонной площадке, похожая на блестящую стрекозу, стояла полосатая синяя «Сессна»[16].

---

[16] Примечания: 16
Тип легкого самолета. *(Прим. пер.).*

— Я не знал, что вы вернетесь.

— Вы, должно быть, бредите…

Молодая женщина, сидевшая за штурвалом, вылезла из кабины и подошла к ним. Она взглянула на серые бункеры, башни и, казалось, не заинтересовалась дряхлой, истощенной фигурой Травена. Осборн заговорил с ней, и она, бросив взгляд сверху вниз на Травена, вернулась в самолет. Когда женщина повернулась, Травен невольно поднялся на ноги, узнав ребенка на фотографии, которую прикрепил к стене бункера. Затем он вспомнил, что журналу не может быть больше четырех-пяти лет.

Загудел двигатель самолета. На глазах у Травена самолет проехал на одну из полос и взлетел навстречу ветру.

Позже в тот же день молодая женщина подъехала к блокам на джипе и выгрузила небольшую раскладушку и брезентовый тент. Несколько часов Травен проспал. Он проснулся отдохнувшим, когда Осборн вернулся после осмотра окружающих дюн.

— Что вы здесь делаете? — спросила молодая женщина, закрепляя страховочные тросы на крыше бункера.

Травен наблюдал, как она ходит вокруг.

— Я… Ищу свою жену и сына.

— Они на этом острове? — Удивившись, но явно приняв ответ за чистую монету, женщина огляделась. — Они здесь?

— В некотором смысле.

Осмотрев бункер, Осборн присоединился к ним.

— Ребенок на фотографии — ваша дочь?

Травен заколебался.

— Н-нет… Это она усыновила *меня*.

Не в силах уловить никакого смысла в ответах, но приняв заверения Травена в том, что он покинет остров, Осборн и молодая женщина поехали обратно в свой лагерь. Осборн ежедневно возвращался сменить повязку, сопровождаемый женщиной, которая, казалось, теперь поняла роль, отведенную ей Травеном. Узнав о том, что Травен был военным летчиком, Осборн заподозрил, что он может оказаться современным мучеником, оставшимся без средств к существованию из-за моратория на термоядерные испытания.

— Комплекс вины — это вам не неразборчивый набор требований морали. Мне кажется, вы перегибаете палку.

Но когда он упомянул имя Изерли[17], Травен покачал головой.

Ничуть не смутившись, Осборн продолжал настаивать:

— Вы уверены, что не используете по аналогии образ Эниветока — ожидающего вашего пятидесятнического второго пришествия?

— Поверьте мне, доктор, нет, — твердо ответил Травен. — Для меня водородная бомба была символом *абсолютной свободы*. Я чувствую, что она дает мне право — даже обязанность — делать все, что захочу.

— Странная какая-то логика, — хмыкнул Осборн. — Разве мы не несем ответственности хотя бы за свое физическое «я», если уж ни за что другое?

— Думаю, не теперь, — ответил Травен. — В конце концов, по сути, все мы восстали из мертвых.

Однако он часто думал об Изерли: прототипе Человека Третьего Довоенного — а конкретнее, до Предпоследней Трети 6 августа 1945 года, периода, несущего на себе полный груз вины космических масштабов.

---

[17] Примечания: 17

Клод Изерли — американский летчик, участвовавший в бомбардировке Хиросимы. *(Прим. пер.).*

* * *

Вскоре после того, как Травен окреп настолько, что смог ходить, его пришлось спасать из блоков во второй раз. Теперь Осборн стал менее миролюбивым.

— Наша работа почти завершена, — предостерегающе сообщил он. — Вы здесь умрете, Травен. Что вы *ищете* среди блоков?

Могилу неизвестного гражданского лица, Homo hydrogenensis[18], *Человека с Эниветока,* пробормотал про себя Травен, а вслух сказал:

— Послушайте, доктор, ваша лаборатория находится *не на том* конце острова.

— Я в курсе этого, Травен, — язвительно ответил Осборн. — В вашей голове плавают более редкие рыбы, чем в любой стоянке для подводных лодок.

За день до отъезда молодая женщина отвезла Травена к бассейнам, куда он впервые приехал. В качестве последнего подарка, неожиданного ироничного жеста со стороны биолога, она привезла для Осборна список условных обозначений для хромосомных таблиц. Они остановились у за-

---

[18] Примечания: 18
Человек атомного века. *(Прим. пер.).*

брошенного музыкального автомата, и женщина наклеила список на панель выбора пластинок.

Они бродили среди лежащих на спине обломков бомбардировщиков. Травен потерял ее из виду и десять минут рыскал по дюнам, пока не нашел в небольшом амфитеатре, образованном наклонными зеркалами устройства на солнечной энергии, построенного одной из предыдущих экспедиций, посетивших остров. Женщина улыбнулась Травену, когда он переступил порог. В разбитых стеклах отражалась дюжина ее фрагментированных изображений — на некоторых она была без головы, на других множество ее рук обвивали ее тело, как змеиные конечности индуистской богини. Сбитый с толку, Травен повернулся и пошел обратно к джипу.

Когда они отъехали, он пришел в себя и рассказал, как мельком видел жену и сына.

— Их лица всегда спокойны, — сказал он. — Особенно у сына, хотя на самом деле он часто смеялся. Единственный раз его лицо было серьезным, когда он родился — тогда ему казалось, что впереди у него миллионы лет.

Молодая женщина кивнула.

— Надеюсь, вы их найдете. — Подумав, она добавила: — Доктор Осборн собирается сообщить

военно-морскому флоту, что вы находитесь здесь. Так что спрячьтесь где-нибудь.

Травен поблагодарил ее.

На следующий день, когда она улетала в последний раз, он помахал ей рукой из центра лабиринта блоков.

Группа моряков

Когда за ним пришла поисковая группа, Травен спрятался в единственно логичном месте.

К счастью, обыск был поверхностным и прекратился через несколько часов. Моряки захватили с собой пиво, и вскоре поиски превратились в обычную пьянку.

Позже Травен обнаружил на стенах телебашен меловые кружки с непристойными диалогами, как бы выходящими изо ртов темных силуэтов, придавая их позам приапическое веселье танцоров на наскальных рисунках.

Кульминацией вечеринки стал поджог запасов бензина в подземном резервуаре рядом со взлетно-посадочной полосой. Прислушиваясь сначала к мегафонам, выкрикивающим его имя, к эху, затихающему среди дюн, подобному жалобным крикам умирающих птиц, затем к грохоту взрыва и смеху, когда десантный корабль уплывал, у

Травена возникло предчувствие, что это были последние звуки, которые он услышит в своей жизни.

Он спрятался в одном из бассейнов-мишеней, лежавшем среди разбитых тел пластиковых манекенов. В жарком солнечном свете их изуродованные лица невидяще глядели на него из переплетения конечностей, а расплывчатые улыбки походили на улыбки беззвучно смеющихся мертвецов.

Их лица не выходили у Травена из головы, когда он перелезал через тела и возвращался в свой бункер. Направляясь к кварталам, он увидел фигуры жены и сына, стоявших у него на пути. Они были менее чем в десяти ярдах от него, их белые лица смотрели на него с выражением почти ошеломляющего ожидания.

Никогда еще Травен не видел их так близко к кварталам. Бледные черты лица жены, казалось, светились изнутри, ее губы приоткрылись, словно в приветствии, одна рука поднялась, словно намереваясь пожать его руку. Лицо сына со странно застывшим выражением смотрело на него с той же загадочной улыбкой ребенка на фотографии.

— Джудит! Дэвид!

Пораженный, Травен побежал к ним и тут во внезапном шевелении света и тени увидел, как их одежда превратилась в саваны, увидел раны, обезображивавшие их шеи и грудь. Потрясенный, он вскрикнул, а когда они исчезли, убежал в безопасные блоки.

Катехизис[19] прощания

На этот раз Травен обнаружил, что, как и предсказывал Осборн, не может выбраться из блоков.

Где-то в центре лабиринта он сел, прислонившись спиной к бетонной стене, и поднял глаза к солнцу. Линии окружающих кубов очерчивали горизонт его мира. Временами казалось, что они приближаются, нависая подобно утесам, промежутки между ними сужались так, что их разделяло чуть больше расстояния вытянутой руки, и в них пролегал лабиринт коридоров. Затем они удалялись, отделяясь друг от друга, как точки расширяющейся Вселенной, пока ближайшая линия не образовала прерывистый частокол вдоль горизонта.

Время сделалось квантовым, прерывистым.

---

[19] Примечания: 19

Катехизис — изложение основных догматов христианского вероучения в форме вопросов и ответов. *(Прим. пер.).*

В течение нескольких часов наступал полдень, блоки отбрасывали тени, тепло отражалось от бетонного пола.

Затем внезапно Травен обнаруживал, что сейчас ранний полдень или вечер, а тени повсюду напоминали указующие персты.

— Прощай, Эниветок, — пробормотал он.

Где-то мелькнул огонек, словно отразившийся от блоков, похожий на оторвавшуюся косточку абака[20].

Прощай, Лос-Аламос. И снова блок словно исчез. Проходы вокруг него оставались нетронутыми, но где-то в сознании Травена появился кусочек пустого пространства.

Прощай, Хиросима.

Прощай, Аламагордо.

«Прощайте, Москва, Лондон, Париж, Нью-Йорк…»

Мысли замерцали рябью потерянных чисел. Травен замер, осознав тщетность прощания со своим мегатлоном[21]. Такое прощание потребовало бы от него поставить свою подпись на

---

[20] Примечания: 20

Старинный вид счетов. *(Прим. пер.).*

[21] Примечания: 21

Мегатлон — соревнования, которые объединяют в себе упражнения на скорость, выносливость и меткость. *(Прим. пер.).*

каждой частице во Вселенной.

Итоговый полдень: Эниветок

Блоки теперь заняли свои места на бесконечно вращающемся колесе обозрения.

Они поднимали Травена в небо, откуда он видел весь остров и море, затем снова опускали его сквозь непрозрачный диск бетонной равнины. Отсюда он обозревал нижнюю поверхность бетонного колпака, перевернутый ландшафт из прямолинейных впадин, куполообразные насыпи системы бассейнов и тысячи пустых кубических ям, оставшихся от блоков.

Прощай, Травен

Ближе к концу он, к своему разочарованию, обнаружил, что такой окончательный отказ от всего ничего не дал.

В один из периодов просветления Травен посмотрел на свои изможденные руки и ноги, украшенные кружевами язв. Справа тянулся шлейф потревоженной пыли, неровные следы от его ног.

Слева пролегал длинный проход между блоками, соединявшийся с наклонным рядом сотней

ярдов далее. И среди них, там, где узкий промежуток выходил на открытое пространство за ним, парила в воздухе над землей тень в форме полумесяца.

Следующие полчаса эта тень медленно двигалась, поворачиваясь по мере того, как шло по небу солнце, очерчивая дюны.

Расщелина

Мысленно ухватившись за этот знак, висевший перед ним, как символ на щите, Травен зашевелился в пыли, с трудом заставил себя подняться на ноги и прикрыть глаза, чтобы не видеть бетонных блоков. Он продвигался вперед по нескольку шагов подряд, затем останавливался отдохнуть.

Десять минут спустя он таким образом вышел за западный периметр блоков, словно шатающийся нищий, оставивший позади безмолвный город на краю пустыни. В пятидесяти ярдах перед ним лежала дюна. За ней, отбрасывая тень, точно ширма, виднелась известняковая гряда, уходящая вдаль среди холмов за этой точкой атолла. Остатки старого бульдозера, мотки колючей проволоки и пятидесятигаллоновые бочки лежали, наполовину зарытые в песок. Травен подошел к дюне, не желая покидать безымянную песчаную

глыбу, обошел ее по краям и сел в устье неглубокой расщелины под выступом хребта.

Отряхнув пыль с одежды, он терпеливо оглядел огромный круг блоков.

А через десять минут заметил, что кто-то за ним наблюдает.

Брошенный японец

Это был труп, чьи глаза смотрели на Травена снизу вверх. Труп покоился слева на дне расщелины. Он принадлежал мужчине средних лет, крепкого телосложения, и лежал на спине, положив голову на каменную подушку, а руки вытянув по бокам, словно глядел сквозь небесное окно. Ткань одежды на нем сгнила, превратившись в выцветший серый саван, но из-за отсутствия на острове каких-либо мелких хищных животных кожа и мускулатура сохранились. Кое-где, под углом к колену или запястью, сквозь кожистый покров просвечивали концы костей, но лицо все еще уцелело и выдавало в нем японца. Глядя сверху вниз на волевой нос, высокий лоб и широкий рот, Травен предположил, что японец был когда-то врачом или юристом.

Думая о том, как труп оказался здесь, Травен спустился на несколько шагов вниз по склону.

На коже не было радиационных ожогов, и это указывало, что японец пробыл здесь лет пять или даже меньше. Не похоже, что он носил форму, а значит, не был каким-то погибшим членом военной или научной группы.

Слева от трупа возле его руки лежал потертый кожаный футляр — остатки бумажника с картой. Справа Травен увидел оболочку вещевого мешка, полуоткрытого, из которого торчала фляга с водой и виднелась небольшая консервная банка из-под каши.

Травен заскользил вниз по склону, пока ноги не коснулись сгнивших подошв ботинок трупа, но голод заставил его на мгновение забыть о том, что японец специально выбрал эту расщелину, чтобы умереть. Травен протянул руку и схватил флягу. Целая чашка воды плескалась в ней по ржавому дну. Травен залпом выпил воду, растворенные соли металлов горькой пленкой покрыли его губы и язык. Жестянка из-под каши была пуста, не считая липкого слоя сгущенного сиропа на дне. Травен достал его крышкой и принялся жевать смолистые хлопья, с почти опьяняющей сладостью давая им растворяться во рту. Через несколько мгновений он почувствовал головокружение и снова сел рядом с трупом. Незрячие

глаза японца смотрели на него с нескрываемым состраданием.

Муха

Маленькая муха, которая, как предполагает ТРАВЕН, последовала за ним в расщелину, теперь нудно жужжит над лицом трупа. ТРАВЕН виновато наклоняется, чтобы убить ее, но тут же думает, что, возможно, эта крошка была единственным верным компаньоном трупа, в свою очередь питаясь его богатым содержимым и жидкостью из пор.

Осторожно, чтобы не навредить мухе, ТРАВЕН позволяет ей сесть на запястье.

ДОКТОР ЯСУДА. Спасибо, Травен. В моем положении, сами понимаете…

ТРАВЕН. Конечно, доктор. Мне жаль, что я пытался убить ее… Знаете, от укоренившихся привычек трудно избавиться. Дети вашей сестры были в Осаке в 44-м на войне, и мне неприятно оправдывать их. Большинство известных мотивов настолько отвратительны, что человек ищет неизвестное в надежде, что…

ЯСУДА. Пожалуйста, Травен, не смущайтесь. Мухе повезло, что она так долго сохраняла свою

индивидуальность. Сын, которого вы оплакиваете, не говоря уже о двух моих собственных племянницах и племяннике… Разве они не умирали ежедневно? Каждый родитель в мире скорбит о потерянных сыновьях и дочерях, ушедших в раннем детстве.

ТРАВЕН. Вы очень терпимы, доктор. Я бы не посмел…

ЯСУДА. Вовсе нет, Травен. Я не приношу вам извинений. Каждый из нас — немногим больше, чем жалкие остатки бесконечных нереализованных возможностей жизни. Но ваш сын и мой племянник навсегда запечатлелись в наших умах, их личности так же неизменны, как звезды в небе.

ТРАВЕН *(не совсем убежденно)*. Может быть, и так, доктор, но в случае с островом это приводит к опасным выводам. Например, блоки…

ЯСУДА. Это именно то, о чем я говорю, Травен. Здесь, среди блоков, вы наконец нашли свой образ, свободный от опасностей пространства и времени. Этот остров — онтологический Райский Сад, так зачем же стремиться изгнать себя из него в мир квантового потока?

ТРАВЕН. Простите…

Муха перелетела обратно на лицо трупа и усе-

лась в высохшую глазницу, придавая доброму доктору выражение насмешки на лице. Протянув руку, ТРАВЕН кладет муху себе на ладонь и внимательно рассматривает ее.

ТРАВЕН. Ну да, эти блоки вполне могут быть онтологическими объектами, но является ли муха онтологической? Сомнительно. Правда, на острове это *единственная* муха, а потому она лучшая, почти идеальная…

ЯСУДА. Вы все еще не можете принять множественность Вселенной, так спросите себя почему, Травен? Почему это должно преследовать вас? Мне кажется, вы охотитесь на белого кита, своего рода абсолютный нуль… А берег — опасная зона. Избегайте его. Проявите должное смирение и придерживайтесь такой философии.

ТРАВЕН. Могу я тогда спросить, зачем вы пришли сюда, доктор?

ЯСУДА. Чтобы кормить муху. Какое еще проявление любви может быть сильнее?

ТРАВЕН *(все еще недоуменно)*. Но на самом-то деле это не решает мою проблему. Видите ли, блоки…

ЯСУДА. Да ладно, если вам так хочется…

ТРАВЕН. Но, доктор…

ЯСУДА *(безапелляционно)*. Убейте тогда эту

муху!

ТРАВЕН. Это еще не конец и даже не начало.

ТРАВЕН безнадежным движением убивает муху и, измученный, засыпает рядом с трупом.

Последний берег

В поисках веревки на свалке за дюнами Травен нашел моток ржавой проволоки. Размотав его, он закрепил конец на груди трупа и вытащил мертвого японца из расщелины. Из крышки деревянного ящика получились грубые сани. Травен привязал к ним труп в сидячем положении и отправился вдоль периметра блоков. Остров оставался безмолвным. Ряды пальм свисали в солнечном свете, и только движение Травена меняло очертания их перекрещивающихся стволов. Квадратные башенки с телекамерами торчали из дюн, точно забытые обелиски.

Час спустя, когда Травен добрался до навеса у своего бункера, он развязал проволоку, обвязанную вокруг талии, взял стул, оставленный для него доктором Осборном, и отнес на середину между бункером и блоками. Затем привязал тело японца к стулу, расположив руки так, чтобы они покоились на деревянных подлокотниках, при-

давая мертвому телу позу смиренного покоя.

Сделав это и испытав удовлетворение, Травен вернулся в бункер и присел на корточки под навесом.

Следующие дни медленно перешли в недели, а величественная фигура японца сидела в кресле в пятидесяти метрах от бункера, охраняя Травена от блоков. Теперь у него было достаточно сил, чтобы время от времени вставать и добывать себе пропитание.

Под палящим солнцем кожа японца все более и более обесцвечивалась, и, просыпаясь по ночам, Травен обнаруживал, что мертвая фигура по-прежнему сидит, уперев руки в бока, в тени, пересекавшей бетонную площадку. В такие моменты он часто видел, как жена и сын наблюдают за ним с дюн. Шло время, они подходили все ближе, и иногда Травен обнаруживал их всего в нескольких метрах позади себя.

Он терпеливо ждал, когда они заговорят с ним, и думал об огромных блоках, вход в лабиринт которых охраняла сидящая фигура мертвого архангела, а волны разбивались о далекий берег, и горящие самолеты все падали и падали наземь в его снах.

1963

The Terminal Beach. Первая публикация в журнале New Worlds, март 1964.

Просветленный
Перевод Г. Соловьевой

Днем в окаменевших лесах летали фантастические птицы, а на берегах кристальных рек геральдическими саламандрами сверкали самоцветные аллигаторы. Ночами среди деревьев носился просветленный человек — руки его сливались в золотые колеса, голова сияла короной ауры.

За последний год, после облетевшего мир известия об эффекте Хаббла, синдроме Ростова-Лысенко и увеличительной синхроноклазмике Лепажа, о трех фокусных зонах во Флориде, Белоруссии и на Мадагаскаре было написано столько противоречивого, что я считаю необходимым предварить собственное объяснение феномена заверением, что оно основано исключительно на личном опыте. Все, чему я стал свидетелем, произошло со мной во время недавнего и едва не окончившегося трагически посещения флоридского парка Эверглейдс, устроенного правительством Соединенных Штатов для научных атташе вашингтонских посольств. Единственное, за что

я не могу ручаться со всей достоверностью, — это подробности жизни Чарльза Фостера Марканда. Их мне поведал капитан Шелли — покойный шеф мэйнардской полиции, который, хотя и известен как пристрастный и ненадежный свидетель, в этом случае, как мне кажется, был точен.

Трудно предсказать, как скоро все мы станем специалистами по эффекту Хаббла. Сейчас, когда я пишу это в безопасном и мирном саду британского посольства в Пуэрто-Рико, сегодняшний номер «Нью-Йорк Таймс» сообщает, что закрыт весь полуостров Флорида, за исключением дороги на Тампу, и что уже три миллиона жителей штата эвакуированы в другие районы страны. Не считая оценок ущерба от потери недвижимости и курортных отелей, — О, Майами! — невольно бормочу я, — город тысячи соборов солнечной радуги! — известие об этом неслыханном переселении прошло почти незамеченным. Таков врожденный оптимизм рода человеческого — убежденность, что мы переживем любой потоп, любую катастрофу, — заставляющий отделываться от грозных флоридских событий пожатием плеч в уверенности, что мы сумеем отвратить беду, когда она нагрянет.

Между тем уже ясно, что беда давно пришла. На

последних страницах той же «Таймс» прячется короткое сообщение о наблюдении астрономами Маунт-Паломарского института Хаббла новой «двойной галактики». Новость уложилась в десяток строк без комментариев, хотя из нее неизбежно следует, что где-то на земной поверхности образовались новые фокусные зоны — может быть, среди затерянных в джунглях храмов Камбоджи или в призрачных янтарных лесах чилийских нагорий. А ведь прошел всего год, с тех пор как астрономы Маунт-Паломар обнаружили первую двойную галактику в созвездии Андромеды — огромную овальную диадему, быть может, самую прекрасную во Вселенной островную галактику М31.

Теперь подобные наблюдения стали обыденностью, и в темном небе семь ночей на неделе можно видеть полдюжины двойных галактик, однако четыре месяца назад, когда группа атташе по науке сошла с трапа в аэропорту Майами, общественность еще понятия не имела об «эффекте Хаббла», как окрестили это явление в Западном полушарии и во всем англоязычном мире. Не считая нескольких работников лесного ведомства и биологов из министерства сельского хозяйства США, феномен наблюдала лишь горстка квалифи-

цированных специалистов, а газеты полнились невероятными историями о «кристальных» лесах, где все «обращается в цветное стекло».

Одно из неприятных последствий эффекта Хаббла состоит в том, что сфотографировать что-либо, преображенное им, практически невозможно. Любой читатель научной периодики знает, как трудно передать стекло на фото. Даже фотографии наилучшего качества в художественных репродукциях — не говоря о тусклых газетных снимках — не в силах выразить блистающую многогранность эффекта Хаббла. Мириады внутренних призм предстают смутными пятнами подтаявшего снега.

Быть может, в отместку за это газетчики и принялись намекать, что власти намеренно засекретили происходящее в пострадавшем районе Эверглейдс — тогда еще не более трех-четырех акров леса северо-восточнее Мэйнарда — и шумно требовали права увидеть скрываемые от публики невидимые ужасы. Сложилось так, что фокусная зона, открытая на Мадагаскаре профессором Августом Лепажем, пришлась на долину Матара в недоступной глубине острова, за сто пятьдесят миль от ближайших дорог, а Советы окружили район Припятских болот в Белоруссии

кордоном безопасности, надежным, как охрана Лос-Аламоса, и наводнили его легионами ученых, которые под главенством метабиолога Лысенко, сбившегося, надо сказать, с истинного пути, анализировали каждую грань необъяснимого феномена.

Сколотить политический капитал на газетной шумихе никто не успел: министерство сельского хозяйства объявило, что охотно предоставит возможность проинспектировать зону и приглашает всех научных атташе участвовать в экспедиционно-туристической программе.

Едва мы двинулись на запад от аэропорта, стало ясно, что в некотором смысле газеты не врали и что под словами «эффект Хаббла» скрывается куда больше, чем нам внушали официальные сообщения. Шоссе к Мэйнарду было закрыто для обычного движения, а наш автобус на двадцати милях дважды останавливал военный патруль. Вдобавок, словно нарочно напоминая нам о небесной природе явления, по радио прозвучало сообщение о новых манифестациях.

— Вести из «Ассошиэйтед Пресс», Нью-Дели, — пройдя к нам в конец автобуса, рассказал западногерманский атташе Георг Шнайдер. — На сей раз — миллионы достойных доверия свиде-

телей. По-видимому, прошлой ночью в Западном полушарии его можно было наблюдать невооруженным глазом. Никто из вас не видел?

Наш французский собрат Пол Матье смешно скривился.

— Ночью я, дорогой мой Георг, любовался луной, а не спутником «Эхо». Звучит зловеще, но если Венера теперь светит в две фары — тем лучше.

Мы невольно повернулись к окну, отыскивая над придорожными соснами искорку спутника. Согласно сообщениям АП свечение усилилось по меньшей мере десятикратно, преобразив крошечную точку, много лет мирно кружившую по ночному небу, в сияющее светило, уступающее яркостью только Луне. Его наблюдали над всей Азией, от лагерей беженцев на берегах Иордана до многолюдных кварталов Шанхая, — наблюдали прямо сейчас, пока мы одолевали пятьдесят оставшихся до Мэйнарда миль.

— Может, баллон прорвало? — предположил я, неуклюже пытаясь поднять всем настроение. — Частицы алюминиевой краски обладают высокой отражающей способностью и образуют плотное зеркальное облако. Возможно, эффект Хаббла тут ни при чем.

— Простите, Джеймс. Хотелось бы. — наш куратор Сидни Рестон из Госдепартамента, прервав разговор с командовавшим в автобусе армейским майором, пересел к нам. — Но, похоже, связь очень даже есть. Все остальные спутники также увеличили альбедо, так что это все больше похоже на «Хаббл-баббл, беда близко».

Эта нелепая скороговорка еще звучала у меня в ушах, когда мы приблизились к восточной окраине Большого Кипарисового болота. В пяти милях от Мэйнарда автобус, свернув с шоссе, проехал по неровному проселку между финиковыми пальмами к реке Опотока. Дорога была разъезжена гусеницами, а под большими дубами, занавешенный серыми фестонами испанского мха, скрывался основательный военный лагерь. С грузовиков сгружали секции разборного металлического ограждения. Взвод солдат раскрашивал светящимися красками черные доски запретительных знаков.

— Здесь что, маневры, майор? — возмутился швед из нашей группы, когда автобус наполнился пылью. — Нас интересует лес под Мэйнардом! Зачем мы съехали с шоссе?

— Шоссе перекрыто, — невозмутимо ответил майор. — Уверяю вас, джентльмены, экскурсию в

зону вам обеспечат. Но безопасный подход к ней только со стороны реки.

– *Безопасный* подход? — Я обернулся к Рестону. — Слушайте, Сидни, о чем речь?

— Армия есть армия, Джеймс, — успокоил он. — Сами знаете, как они ведут себя в чрезвычайных ситуациях. Стоит дереву шевельнуть веткой, объявят ему войну. — покачав головой, он обвел взглядом лагерь. — Признаться, не понимаю, с какой стати они объявили военное положение.

На берегу реки, где у понтонного причала стояла дюжина автомобилей-амфибий, мы вышли из автобуса и проследовали за майором в большой сборный барак для совещаний. Там уже собрались пять или шесть десятков видных сотрудников правительственных лабораторий, медиков и научных корреспондентов — их еще до нас доставили из Майами. Нарастающее беспокойство прикрывалось легкой болтовней, все посмеивались над усердствующими не на шутку военными. Нам дали время выпить кофе, после чего официально поприветствовали и ознакомили с инструкцией. В особенности настаивали, чтобы мы не заходили за ограничительные знаки, не пытались заполучить «зараженную материю», а главное — ни в коем случае не задерживались

на одном месте, а постоянно и быстро двигались.

Нечего и говорить, что все мы оценили комизм положения и в приподнятом настроении погрузились на три десантных судна. Зеленые берега скользили мимо нас. Пассажира, слишком тихого на общем фоне, я выделил сразу. Худощавый мужчина лет сорока в белом тропическом костюме, подчеркивавшем черноту короткой бородки. Он начесывал черные волосы низко на лоб, а желтушность быстрых глаз придавала ему сходство с недовольным чем-то Д. Г. Лоуренсом. Я попробовал завязать разговор, но мужчина только коротко улыбнулся и уставился на берег. Я решил, что он из приглашенных химиков или биологов.

Пройдя две мили вниз по течению, мы встретили караван катеров на буксире за десантным судном. Все они были загружены до отказа. Палубы и крыши рубок скрывались под домашним скарбом, детскими колясками, матрасами, стиральными машинами и тюками с постельным бельем, так что свободной оставалась лишь узкая полоска у бортов. На багаже, держа на коленях чемоданы, сидели серьезные дети. И они, и их родители равнодушно смотрели на нас.

Любопытно отметить, что на лицах американ-

цев редко приходится видеть это тупое смирение, слишком хорошо знакомое путешественникам в другие части света, — чувство тихого бессилия перед природной или политической катастрофой, которое застыло в глазах беженцев от Каполетто до Кореи. Семьи, проплывшие мимо нас, были отмечены этой печатью, и это сразу сбило с нас легкомысленный настрой. Глядя вслед медленно продвигающимся по неспокойной воде суденышкам, мы молчали, чувствуя, что они в каком-то смысле уносят с собой и нас.

— Что происходит? — спросил я у бородатого. — Похоже на эвакуацию городка!

Он сухо рассмеялся, обнаружив в моем вопросе непреднамеренную иронию.

— Согласен — это довольно бессмысленно. Впрочем, думаю, со временем они вернутся.

Равнодушно и отрывисто бросив это загадочное замечание, он отвел взгляд, снова погрузившись в более интересный внутренний диалог. Я обиженно вернулся к коллегам.

— Но почему взгляд русских так отличается от нашего? — рассуждал Георг Шнайдер. — Действительно ли эффект Хаббла тождествен синдрому Лысенко или это другое явление?

Один из биологов министерства — седой

человек, перебросивший пиджак через плечо, — покачал головой.

— Нет, они почти наверняка тождественны. Лысенко, как всегда, заставляет Советы впустую тратить время. Он обещает увеличить урожайность за счет нарастания взвешивающего коэффициента тканей. Однако эффект Хаббла, насколько можно судить, ближе к раку — и так же неизлечим: умножение субатомного состава всей материи. Это выглядит так, будто преломление в призме порождает ряд смещенных, но идентичных изображений, только роль света здесь играет время.

Как выяснилось позже, слова его оказались пророческими.

Когда мы прошли излучину расширявшейся к Мэйнарду реки, вода вокруг двух шедших впереди судов подернулась розоватым отливом, словно отразив далекий закат или пламя огромного беззвучного пожара. Между тем небо оставалось безупречно голубым, без следа облаков. Дальше, за мостками причалов, начинался разлив шириной в четверть мили.

Все мы, дружно ахнув, вытянули шеи, уставившись на полосу джунглей напротив белого городка. Я сразу увидел, как точны были описа-

ния: «Хрустальный лес, превращенный в цветное стекло». Нависающие над водой деревья истекали, искрились мириадами призм; стволы и листья финиковых пальм испускали желтые и алые лучи, вонзавшиеся в воду, и казалось, что пейзаж раскрасили неумеренно яркими химическими красками. По всей длине противоположного берега играла светотень, смешивая цвета спектра в зарослях, за которые взгляд проникал не более чем на несколько футов.

Небо было ясным и неподвижным, солнце ровно освещало волшебный берег, но по воде временами пробегал ветерок, и тогда деревья взрывались каскадами красок, копьями вонзавшихся в воздух вокруг нас. Потом круговерть цветов замедлялась, и снова можно было различить отдельные стволы в бриллиантовой броне света и листву, переливающуюся самоцветами.

Каждый из нас обомлел при виде этого зрелища. Яркие кристаллы света играли рябью на наших лицах и одежде, и даже мой бородатый собеседник поддался изумлению. Вцепившись в переднее сиденье, он перевесился через перила борта. Белая ткань его костюма преобразилась в сверкающий палимпсест.

Наше судно описало широкую дугу по заво-

ди между набитых горожанами катеров, и на пятьдесят ярдов приблизилось к призматическим джунглям, превратившим нашу одежду в пестрые трико арлекинов. Перебегавшие по палубе смешки выражали не столько веселье, сколько облегчение. Затем несколько рук указали на линию берега, где становилось заметно, что затронуты не только растения. На два-три ярда от береговой черты протянулись выросты кристаллической воды — волна от нашего судна вымывала из многоугольных граней голубое сияние. Эти занозы возникали в воде, как кристаллы в растворе, присоединяя к себе все новые частицы материи, а у самого берега они срастались в плотную массу ромбических дротиков, похожих на удлиняющиеся шипы рифа.

Пораженный масштабом феномена — под влиянием теорий Лысенко, я ожидал увидеть лес, пораженный болезнью вроде табачной мозаики, — я уставился на полог деревьев. Они, несомненно, были живы, листья и ветви наполнены соком, и в то же время каждое было обернуто слоем кристаллических тканей, как огромный плод — ледяной глазурью. Солнечный свет преломлялся в этой кристальной броне радужными цветами.

Судно загудело от теорий и предположений, среди которых молчали только я и бородач. Меня почему-то не слишком тянуло отыскивать так называемое научное объяснение. Красота увиденного расшевелила воспоминания, и тысячи образов детства, почти забытых за сорок лет, наполнили сознание, воскрешая рай первых лет жизни, когда все источает этот радужный свет, так точно описанный в воспоминаниях Вордсворта. Десять лет после гибели жены и трехлетней дочери в автомобильной катастрофе я сознательно подавлял подобные чувства, а этот многоцветный волшебный берег сиял перед нами как короткая весна моей семейной жизни.

Но присутствие множества солдат и военной техники, как и пустые лица покидающих свои дома жителей, доказывали, что этот клочок преображенного леса среди унылых груд торфа, перегноя и мергелей Эверглейдса скоро будет стерт с лица земли. Хрустальные деревья расчленят и разнесут по сотням стерильных лабораторий.

С первого десантного судна начали высаживать пассажиров. Кто-то тронул меня за плечо — человек в белом костюме, видимо, уловил мое настроение и с улыбкой, словно утешая, указал

на свой рукав. К моему изумлению, на ткани, несмотря на тени встающих на ноги соседей, задержалась слабая многоцветная рябь — словно лесной свет просочился в нее и заново запустил процесс.

— Что же?.. Постойте! — воскликнул я. — Ваш костюм!

Но он уже встал и поспешил на берег — слабое мерцание затерялось в толпе на пристани.

Нашу группу разделили на несколько группок поменьше, и каждой дали двух сержантов в сопровождение. Мы цепочкой потянулись мимо нагруженных багажом легковушек и грузовиков. Семьи, дожидавшиеся своей очереди и знака от распоряжавшегося порядком офицера, без интереса поглядывали на нас. Улицы почти опустели: последние горожане выехали из домов с опущенными ставнями, а перед закрытыми банками и магазинами разгуливали солдаты. У обочин скопились брошенные машины — доказательство, что из городка не было пути, кроме как по реке.

Мы двигались по главной улице, с которой виднелась мерцающая стена джунглей в двухстах ярдах. Слева вывернула полицейская машина и затормозила перед нами. Из нее вышли двое: высокий светловолосый капитан полиции и

пресвитерианский священник с чемоданчиком и связкой книг в руках. Последнему было лет тридцать пять — лоб мыслителя и усталый взгляд. Он, кажется, не знал, куда деваться, и остался на месте, между тем как капитан поспешно обогнул машину.

— Ваша погрузочная карта, доктор Томас. — капитан подал священнику цветной билет и выудил из кармана связку ключей на деревянном брелоке. — Вот, вы их забыли в замке.

Священник не торопился принять ключи.

— Я их нарочно оставил, капитан. Может, кто-то станет искать убежища в церкви.

— Не думаю, доктор. В любом случае, она их не спасет. — капитан взмахнул рукой. — Увидимся в Майами.

Махнув в ответ, священник посмотрел на ключи и нехотя спрятал их в чемодан. Проходя к пристани, он встревоженно вглядывался в наши лица влажными глазами, словно проверял, не скрываются ли в группе его прихожане.

Капитан полиции, такой же измученный на вид, заспорил о чем-то с нашим сержантом. Слова терялись в общем шуме, но рукой он указывал куда-то за крыши домов — так предупреждают о близящейся буре. Сложения он был крепкого, но

в длинном мясистом лице и бледнолубых глазах, обращенных в себя, мне почудилась слабость — похоже, он только и думал, как бы, очистив город от жителей, сбежать отсюда при первой же возможности.

Я обернулся к околачивающемуся у пожарного гидранта капралу, указал ему на мерцающие растения, которые словно следили за нами с городской окраины.

— Почему все уезжают, капрал? Это ведь не заразно? Или при тесном контакте они опасны?

Он бросил короткий взгляд через плечо на блестящую в полуденном солнце листву.

— Не заразно. Если не слишком задерживаться… Думаю, когда отрезало обе дороги из города, люди решили, что пора собирать манатки.

— Обе дороги? — эхом отозвался Георг Шнайдер. — Какая же площадь поражена, капрал? Нам рассказывали о трех или четырех акрах.

Военный мрачно покачал головой.

— Скорее три-четыре сотни. А то и тысячи.

Он кивнул на круживший над лесом вертолет, который то и дело снижался над пальмами в миле от нас, видимо, опрыскивая их химикатами.

— Вон куда дотянулось, до озера Окичоби.

— Но вы ведь контролируете ситуацию? —

спросил Георг. — Сдерживаете распространение?

— Я бы не сказал, — уклончиво отозвался капрал и указал на светловолосого полицейского, препиравшегося с нашим сопровождающим. — Капитан Шелли пару дней назад пробовал применить огнемет. Ни черта не помогло.

Капитан ничего не добился, хлопнул дверцей своей машины и погнал прочь, мы же двинулись дальше и на следующем перекрестке повернули к лесу, стоявшему в четверти мили по обе стороны дороги. Растительность здесь была реже, на песчаной почве опушки кустами росла осока и стоял трейлер передвижной лаборатории с надписью «Сельхозмин США». Рядом с ним работал взвод солдат: с пальметто и финиковых пальм срезали образцы и бережно, как осколки витражей, раскладывали на походных столах. Лес изгибался дугой, окружая северную окраину города, и теперь мы видели, что капрал не ошибся в оценке пораженной площади. Параллельно нашей дороге кварталом севернее проходило шоссе Мэйнард — Майами, перерезанное блистающим лесом и на входе, и на выходе из городка.

Разбившись парами и по трое, мы выбрались за обочину и разбрелись по остекленевшей траве. Песчаная почва спеклась твердой коркой, из

которой вырастали мелкие шипы сплавившегося песка.

Рассматривая собранные на столах образцы, я коснулся гладкого стеклообразного материала, покрывшего листья и ветви, повторяя контуры оригинала подобно сдвоенному изображению в неровном зеркале. Все здесь словно окунули в чан с расплавленным стеклом, и оно застыло кожицей, пронизанной тонкими жилками.

В нескольких шагах от трейлера двое лаборантов раскручивали в центрифуге ветки, покрытые коркой. Искрясь и сверкая, осколки света выскальзывали из чаши, исчезая в анализаторе, и люди от самого ограждения, бинтом обвивающего призматический лес, оборачивались и смотрели.

Когда центрифугу остановили, мы заглянули в чашу, где к металлическому дну пристали влажные листья, лишенные стеклянных чехлов. Только приемник жидкости под центрифугой остался пустым и сухим.

В двадцати ярдах от опушки готовился к взлету еще один вертолет: его обвисшие лопасти раскручивались затупленными серпами, а струя от винта стряхивала с потревоженных ветвей светящийся ливень. Резко дернувшись, машина

с трудом пошла вверх, качнулась в воздухе и поднялась над пологом леса, по-видимому, не находя надежной опоры для лопастей. Снизу раздались невнятные крики: «Пожар!» — и мы тоже ясно видели яркие сполохи, лучившиеся на винте огнями святого Эльма. Страдальчески взревев, подобно раненому зверю, машина скользнула вниз, к вершинам деревьев. В кабине можно было отчетливо различить двух пилотов за рычагами управления. Завыли сирены, у площадки остановилась штабная машина, и люди дружно бросились к канувшему в чащу вертолету.

Пробегая по дороге, мы ощутили толчок от его удара о землю, лесной свет вдруг моргнул. Дорога вела к месту падения, между пустыми проездами виднелись дома.

— Должно быть, лопасти кристаллизировались, пока он стоял у леса, — выкрикнул Георг Шнайдер, перебираясь через ограждение периметра. — Видно было, как плавятся кристаллы — точно ветки в той центрифуге, только медленнее. Будем надеяться, пилоты выжили.

Несколько солдат обогнали нас и махнули, приказывая вернуться, но мы не послушались, поспешили дальше в лес. Через пятьдесят ярдов нас окружил зачарованный мир — испанский

мох занавесил дубы блистающими самоцветными гирляндами. Воздух заметно остыл, словно кругом был лед, но в пологе цветного стекла над головами непрестанно играл свет, превращая листву в трехмерный калейдоскоп.

Процесс кристаллизации здесь зашел далеко. Белые палисадники вдоль дороги срослись в сплошную стену, а по обе стороны от них лежала изморозь глубиной не меньше фута. Редкие дома блестели как свадебные торты, их простые белые крыши и дымовые трубы преобразились в причудливые минареты и барочные купола. Детская игрушка на зеленом стекле газона — быть может, красный велосипед с тремя желтыми колесами — превратилась в изделие Фаберже, а колесики искрились яшмой. Мне вспомнились игрушки дочери, которые я увидел на лужайке, возвратившись из больницы. Они сияли напоследок тем же преломленным светом.

Солдаты по-прежнему опережали меня, но Георг и Поль Матье отстали. Они ковыряли подошвы ботинок, прислонившись к заиндевевшим заборчикам. Я успел понять, почему перекрыли шоссе от Мэйнарда к Майами. Дорогу перегородил ровный колючий ковер — стеклянные и кварцевые иглы до шести дюймов длиной

отражали цветные переливы листвы. Иглы порвали подошвы и мне, вынудив перебраться на обочину, к месту, где более солидная изгородь обозначила территорию стоящего вдалеке особняка.

За спиной взвизгнула сирена: виденная нами недавно полицейская машина проскочила по дороге, давя кристаллы тяжелыми колесами. Через двадцать ярдов у нее заглох мотор, и капитан полиции выскочил наружу. Сердито прикрикнув, он махнул мне: назад! Сплетающиеся над головой кроны уже слились в желтый световой тоннель.

— Назад! Идет новая волна!

Капитан бросился за убежавшими на сто ярдов вперед солдатами. Под его сапогами хрустел хрустальный ковер.

Я, не понимая, почему меня гонят из зоны, чуть задержался у машины. Лес заметно переменился, словно с неба опустились преждевременные сумерки. Стеклянные чехлы, окутавшие растения, потускнели, потеряли прозрачность, а кристальный пол под ногами напитался серостью, превратив иглы в базальтовые шипы. Светящийся балдахин погас. Сквозь деревья, затеняя блестки на газонах, надвинулась тусклая янтарная мгла.

С ней пришел резкий холод. Я обогнул машину и двинулся по дороге. Поль Матье с солдатом, закрывая лица ладонями, уже скрывались за поворотом, но мне ледяной воздух преградил дорогу, как стена холодильника. Я поднял ворот легкого костюма и отступил к машине, подумывая, не укрыться ли в ней. Холод углублялся, окатывая лицо ацетоновой моросью, и руки, казалось, стали хрупкими, лишились плоти. Откуда-то донесся крик капитана, кто-то со всех ног бежал между деревьями из серого льда.

По правую сторону дороги темнота полностью объяла лес, скрыв очертания деревьев, а потом вдруг перекинулась на дорогу. Защипало глаза — я сморгнул кристаллики льда, наросшие на глазных яблоках. Повсюду, ускоряя процесс кристаллизации, ложилась тяжелая изморозь. Шипы на дороге дотянулись уже до фута в высоту — словно иглы большого дикобраза, а сетка между деревьями стала гуще и более матовой, настоящие стволы затерялись в ней пестрыми нитями. Сплетение листвы образовало сплошной мозаичный покров, кристальные фрагменты утолщались и накладывались друг на друга. Мне впервые представилось, словно воочию, как весь лес смерзается в огромный цветной глетчер, в

котором застреваю и я.

Окна и черный корпус машины уже покрылись похожей на лед пленкой. Я хотел открыть дверцу и включить печку, но стоило коснуться дверной ручки, как пальцы обожгло холодом.

— Вы, там! Сюда, быстро!

Голос гулко разнесся по дорожке за моей спиной. В густеющей морозной тьме я разглядел машущего из-под колоннады особняка капитана. Лужайка, разделявшая нас, принадлежала как будто не столь темной зоне. На ней еще переливались по траве яркие искры, и белые карнизы четко пропечатались на темном фоне — весь участок выглядел островом в окне урагана.

Я бросился по дорожке к дому и с облегчением ощутил, что воздух здесь градусов на десять теплее. Солнце лоскутьями пробивалось сквозь листву. Добравшись до крыльца, я стал искать капитана полиции, но тот успел убежать. Не зная, гнаться ли за ним, я разглядывал медленно наступающую по лужайке стену тьмы, в которой тонула блистающая листва. Машина капитана уже скрылась под толстым слоем ледяной корки, ветровое стекло расцвело тысячью геральдических лилий.

Заметив, что безопасная зона сдвигается к лесу,

я поспешно обошел дом и оказался в бывшем огороде, где на три фута над землей изысканной декоративной скульптурой поднималась остекленевшая зелень. Дальше снова начинался лес, но я в него не пошел, потому что светлое пятно замедлило движение и развернулось вспять, а я старался держаться в его центре. Вокруг меня образовалось подобие пещеры: с самоцветными колонами, вырастающими из призрачной мглы наподобие морских водорослей, с застывшими во времени фонтанами хрустальной осоки.

Еще час я беспомощно носился по лесу, утратив чувство направления — лишь бы держаться между стенами безопасной зоны, благодетельным торнадо шествовавшей среди деревьев. Наконец странный смерч схлынул, и сквозь стеклянный полог просочился бледный свет, одевший все вокруг радужными ореолами. Лес снова заиграл радугой, из драгоценных гротов лилось густое алое сияние. Я пошел по узкой дорожке, которая привела к большому белому зданию, возведенному, как классический бельведер, на возвышении среди леса. Преображенное хрустальным инеем, строение выглядело подлинным осколком Версаля или Фонтенбло — под широкой крышей теснились резные пилястры и лепные фризы.

Поднявшись на это здание, я должен был увидеть далекие башни-водокачки Мэйнарда или хотя бы извилистое русло реки.

Дорога сузилась, огибая подъем к павильону, и все же плотная кварцевая изморозь на ней была предпочтительнее ощетинившегося хрустальными клыками газона. Вдруг я наткнулся на самоцветную лодочку, прочно засевшую в дорожном покрытии, — бирюзовый причальный канат связывал ее с обочиной. Только теперь стало ясно, что иду я по поверхности небольшого рукава реки. Под толстой коркой еще тек слабый ручеек воды, и наверное, только это последнее движение не позволяло ручью прорасти теми же экзотическими шипами, которыми ощетинился лес.

Я задержался у лодки, чтобы ощупать громадные топазы и аметисты, которыми обросли борта, и тут уродливое четвероногое создание, полускрытое под поверхностью, проломило корку. Обрывки кристаллической решетки, облепив его морду и плечи, дрожали прозрачной кирасой. Челюсти беззвучно хватали воздух, кривые ноги переступали в неуклюжих попытках унести существо хоть на несколько футов от неглубокого, понемногу наполнявшегося водой отпечатка те-

ла. Инкрустированный драгоценными камнями аллигатор походил на зверя из сказочного бестиария. Когда он снова бросился на меня, я лягнул его по носу, разбросав забившие пасть кристаллы.

Оставив животное снова утопать в каменном льду, я выбрался на берег и захромал по траве к зданию, к сказочным башенкам, возвышавшимся над деревьями. Дыхание у меня срывалось, силы были на исходе, но странное предчувствие таило надежду и невнятную тоску Адама, приближающегося к забытым вратам запретного рая.

Из верхнего окна за мной наблюдал бородач в белом костюме, с кобурой под мышкой.

Теперь, после того как ученые всего мира имели множество возможностей наблюдать эффект Хаббла, установилось общепринятое мнение относительно его причин и немногочисленных способов временно противостоять его действию. Я в своем беге сквозь фантасмагорический лес по необходимости открыл главное средство — постоянно и быстро двигаться, — но и до сих пор полагаю, что сказалась некая ускоренная генетическая мутация, пусть даже действию эффекта подверглись и неодушевленные объекты, такие как машины и металлические изгороди. Впрочем, сейчас даже лысенковцы поневоле

признают объяснение, предложенное сотрудниками института Хаббла: что неупорядоченные перемены в нашем мире есть отражение процессов в дальнем космосе — процессов огромного масштаба, наблюдавшихся впервые в спирали Андромеды.

Нам известно, что причиной трансформации было время — «мидасово прикосновение времени», как писал Чарльз Марканд. Недавнее открытие антиматерии предполагает концепцию антивремени в качестве четвертого аспекта этого отрицательно заряженного континуума. Столкновение частиц с античастицами не только уничтожает их физическую сущность, но и ведет к взаимоуничтожению временных векторов, которые вычитаются из общего запаса мирового времени. Случайные разряды этого типа, запущенные возникновением в космосе антигалактики, привели к уменьшению запаса времени, доступного материи нашей Солнечной системы.

Точно так же, как перенасыщенный раствор разряжается в массу кристаллов, перенасыщение материи в континууме сократившегося времени влечет ее возникновение в параллельных пространственных матрицах. По мере того

как «утекает» все больше времени, происходит процесс перенасыщения — исходные атомы и молекулы, стремясь упрочить опору своего существования, порождают пространственные копии самих себя, вещество, не имеющее массы. Процесс этот теоретически бесконечен; каждый атом может породить бесконечное число своих копий и наполнить собой вселенную, одновременно лишив ее времени и породив макрокосмический нуль, не снившийся Платону и Демокриту в самых диких мечтах.

Лежа на вышитой стеклом честерфилдовской кушетке одной из верхних спален, я слушал резкий, прерывающийся голос бородача, пытавшегося кое-как все это мне объяснить. Он по-прежнему стоял у открытого окна, поглядывая на лужайку и кристаллический поток с вмерзающими в него лодкой и аллигатором. Когда разбитые стекла затягивались, он заново пробивал их прикладом дробовика. Узкая кайма бородки придавала его наружности нечто лихорадочное, загнанное, и это впечатление подчеркивалось белой изморозью, образовавшейся на плечах и лацканах костюма. Он почему-то обращался ко мне как к старому другу.

— Очевидно, Б… это произошло много лет назад.

Вспомните кристаллическую природу вирусов — их нельзя назвать ни живыми, ни неживыми, они иммунны к действию времени. — он обмел рукой подоконник, и с его ладони стекла на пол горсть стеклянной гальки. — Скоро мы с вами, как и весь мир, уподобимся им. Ни живые, ни мертвые!

Он прервался, чтобы поднять дробовик, — темные глаза его шарили между деревьями.

— Надо двигаться, — объявил бородач, отходя от окна. — Когда вы в последний раз видели капитана Шелли?

— Полицейского? — Я с трудом сел, ноги скользили по полу. Видимо, несколько оконных стекол разлетелись вдребезги, и осколки, расплавившись, залили ковер. Его персидский орнамент колыхался под стеклом, как пол благовонного бассейна из «Тысячи и одной ночи». — Когда мы бросились искать вертолет. Почему вы его боитесь?

— Он мстителен, — коротко ответил бородач, — и хитер, как свинья.

Мы спустились по хрустальной лестнице. Все в этом доме было покрыто тем же стеклянным чехлом, пронизанным изысканными кривыми и спиралями. Резная мебель Луи XV в просторном

вестибюле преобразилась в полупрозрачные леденцы, и их бесчисленные отражения гигантскими химерами мерцали на стенах резного стекла. Мы уже скрывались среди деревьев, когда мой спутник взволнованно вскрикнул, обращаясь не столько ко мне, сколько к лесу:

— Наше время на исходе, Б… время на исходе!

Капитан полиции разыскивал его. Я так и не разобрал, кто за кем гонялся и в чем была причина вражды. Я назвался бородачу, но он не потрудился представиться. Догадываюсь, что, сидя рядом со мной на палубе, он ощутил искорку родства между нами, а был он из тех, кто вкладывает в каждую случайную встречу все дружеские или враждебные чувства. О себе он ничего не рассказал. Пристроив дробовик на локте, он быстро продвигался по окаменевшему ручью. Каждое его движение было точным и обдуманным, я же кое-как хромал следом. Временами нам попадались вплавившиеся в корку моторные катера или окаменевшие аллигаторы — эти, приподнявшись, немо скалились на нас, и тогда их хрустальная кожа переливалась тысячами призм цветного стекла.

Повсюду сияла та же фантастическая световая аура, преображавшая и выделявшая каждый

предмет. Лес стал бесконечным лабиринтом стеклянных пещер, запечатанных от остального мира — если в мире еще остались не затронутые ею места, — освещенных подземными светочами, горящими сквозь камень.

— Нельзя ли вернуться в Мэйнард? — крикнул я в спину спутнику, и мой голос гулко отдался под сводами. — Мы уходим все глубже в лес.

— Город отрезан, дорогой мой Б… но не волнуйтесь, в свое время я вас туда выведу. — он ловко перепрыгнул трещину в поверхности ручья. Под массой растворяющихся кристаллов по каналу сочилась струйка жидкости.

Несколько часов я следовал по лесу за этим странным человеком в белой одежде и с безумно сосредоточенным взглядом — порой мы ходили кругами, словно мой спутник знакомился с топографией мира самоцветных сумерек. Когда я присаживался отдохнуть на окаменевший ствол или смахивал кристаллы, нараставшие на подошвах ботинок, — несмотря на непрерывное движение, воздух оставался ледяным, а тени все ширились, обступая нас, — он нетерпеливо поглядывал на меня, словно обдумывая, не бросить ли в лесу.

Наконец мы выбрались на край небольшой

поляны, с трех сторон опоясанной растрескавшимся пляшущим покровом речной излучины, над которой остроконечной крышей толкал открывшееся среди крон небо летний домик. От единственного шпиля прозрачной вуалью тянулись к лесу тонкие полупрозрачные нити, накрывшие стеклянный сад и хрустальный дом бледным мраморным полотнищем-саваном. Впечатление как нарочно усиливал узор на окнах, похожий на резные надписи могильных плит.

Предостерегающе махнув рукой, мой спутник приблизился к краю сада, подняв на изготовку дробовик. Он перебегал от дерева к дереву, настороженно замирал, высматривая движение, и по-кошачьи легко ступал по застывшей реке. Высоко над ним распростер крылья стеклянный балдахин — золотой ореол медленно изгибался в предвечернем свете, от миниатюрного солнца волнами расходились круги по ауре.

— Марканд!

Выстрел прогремел над поляной и эхом отдался от стеклянных деревьев. Светловолосый капитан бежал от дома с револьвером в руке. От его второго выстрела гирлянды испанского мха вокруг меня осыпались стенами зеркального павильона. Бородач, спрыгнув с веранды, зайцем метнулся

через реку, низко пригибаясь к каждой неровности на поверхности.

Все случилось так быстро, что я опешил, застыв на опушке. В ушах еще гремели выстрелы. Я искал глазами скрывшегося в лесу спутника, но тут остановившийся на веранде капитан пистолетом поманил меня к себе.

— Подойдите!

Когда я нерешительно приблизился, он сошел со ступеней и с подозрением уставился на меня.

— Что вы здесь делаете? Разве вы не с экскурсией?

Я объяснил, как попал в ловушку после крушения вертолета.

— Вы не могли бы вывести меня к армейскому посту? Я целый день блуждаю по лесу.

Он угрюмо насупился.

— Армия далеко. Лес все время меняется. — капитан махнул рукой в сторону реки. — А что Марканд? Где вы с ним встретились?

— Бородатый? Он укрывался в доме у реки. Зачем вы в него стреляли? Разве он преступник?

Шелли, помедлив, кивнул. В этом движении мелькнула уклончивость.

— Он хуже. Сумасшедший. Совершенно рехнулся. — Капитан шагнул на крыльцо, очевидно

решив, что выбираться из леса я должен сам. — Осторожнее там, неизвестно, что еще выкинет лес. Не переставайте двигаться, но смотрите, не потеряйтесь!

— Минуту! — крикнул я ему вслед. — Нельзя ли мне здесь отдохнуть? И нет ли у вас карты?

— Карты? Что теперь толку с карты? — Когда я бессильно уронил руки, он задумался. — Хорошо, зайдите на пять минут.

Видно было, как он силой выскребает из себя подобие гуманности.

Летний домик состоял из одной круглой комнаты и маленькой кухни за ней. Окна были закрыты тяжелыми ставнями, запечатанными теперь кристаллическим панцирем, так что свет проникал внутрь лишь через дверь.

Шелли вложил револьвер в кобуру и бережно повернул дверную ручку. Сквозь заиндевелые стеклянные панели смутно виднелась кровать, украденная, по-видимому, в соседнем особняке. На столбиках ее балдахина играли и дудели в трубы золоченые купидоны, а углы поддерживали четыре обнаженные кариатиды из черного дерева.

— Миссис Шелли, — понизив голос, предупредил капитан, — не совсем здорова.

Минуту мы не могли оторвать глаз от женщины, лежащей на пышной атласной перине, натягивая иссохшей рукой шелковое стеганое покрывало. Сперва она показалась мне старой, может быть, матерью капитана, но скоро я понял, что больная едва вышла из детства — навряд ли ей исполнилось двадцать. Длинные платиновые волосы белой шалью лежали у нее на плечах, узкое лицо с высокими скулами было обращено к свету. Когда-то, вероятно, она обладала хрупкой красотой фарфоровой статуэтки, но иссохшая кожа и гаснущий свет полузакрытых глаз преждевременно состарили ее, напомнив мне жену в последние минуты перед смертью.

— Шелли, — слабо прошуршал ее голос в янтарной полутьме, — Шелли, мне опять холодно. Ты не мог бы развести огонь?

— Дерево не горит, Эмеральда. Все превратилось в стекло. — Капитан стоял в ногах кровати, держа фуражку в руке, и заботливо всматривался в нее, словно охранял. — Вот что я тебе принес. Это поможет.

Он наклонился, что-то пряча от меня, и рассыпал по покрывалу горсть-другую красных и голубых камней. Большие и малые рубины и сапфиры источали в скудном свете горячечный

жар.

— Шелли, спасибо тебе…

Свободная рука девушки потянулась к камням. Детское личико стало почти хищным от жадности. Захватив горсть, она поднесла самоцветы к горлу и прижала к коже, оставив на ней пятна — словно отпечатки пальцев. Прикосновение камней как будто оживило ее, и девушка слабо пошевелилась, сбросив несколько драгоценностей на пол.

— В кого ты стрелял, Шелли? — спросила она чуть погодя. — От шума у меня голова разболелась.

— Всего лишь в аллигатора, Эмеральда. Здесь водятся такие хитрые аллигаторы, их приходится остерегаться. Ты теперь отдохни.

— Только, Шелли, мне нужно еще, ты сегодня мало принес…

Пальцы ее когтями зашарили по покрывалу. Потом девушка отвернулась и, кажется, заснула, а камни скарабеями остались лежать на белой груди. Капитан Шелли подтолкнул меня и увел в кухню. Комнатушка была почти пуста, только на холодной плите стоял отключенный холодильник. Шелли, открыв дверцу, принялся выкладывать на его полки оставшиеся камни

— они вишнями раскатились среди полудюжины консервных банок. Эмалевые стенки холодильника, как и всю кухню, покрывала легкая изморозь, но внутрь она не пробралась.

— Кто она? — спросил я, когда Шелли стал вскрывать банку. — Не лучше ли вам вывести ее отсюда?

Шелли ответил загадочным взглядом. Можно было подумать, будто он что-то скрывает, он даже на миг отвел голубые глаза.

— Она — моя жена. — он зачем-то подчеркнул это слово. — Эмеральда. Ей здесь безопаснее, пока я не подпускаю Марканда.

— Почему он хочет ей зла? Мне он показался вполне нормальным.

— Он маньяк! — с неожиданной силой произнес Шелли. — Он полгода провел в смирительной рубашке. Он хочет утащить Эмеральду в свой безумный дом на болотах.

И, словно припомнив, он добавил:

— Она была замужем за Маркандом.

Пока мы вилками ели холодную тушенку прямо из банки, он рассказывал о странном меланхоличном архитекторе — Чарльзе Фостере Марканде. Тот спроектировал несколько крупнейших в Майами отелей, но два года назад работа ему

вдруг опротивела. Марканд, подкупив ее родителей, женился на Эмеральде, с которой всего час-другой как познакомился в парке развлечений, и увлек ее в уродливое строение, которое он возвел на болоте среди акул и аллигаторов. По словам Шелли, он после брачной церемонии ни разу не заговорил с женой и не позволял ей ни покинуть дом, ни встречаться с людьми, кроме слепого слуги-негра. Похоже, что он видел в жене некую прерафаэлитскую грезу, а дом представлялся ему клеткой, в которой он запер заблудший дух своей фантазии. Когда девушка при помощи Шелли наконец сбежала, Марканд взбесился и добровольно сдался в сумасшедший дом. Теперь он возвратился и думал только о том, как бы вернуть Эмеральду в свой дом на болотах, а Шелли, может быть, даже искренне, был убежден, что виной неизлечимой болезни Эмеральды — присутствие мрачного маньяка.

В сумерках я оставил этих двоих, забаррикадировавшихся в белом склепе летнего дома, и двинулся в сторону реки, до которой, по словам Шелли, было полмили, в надежде выйти по ней к Мэйнарду. Оставалась надежда, что армия оцепила границы пораженной зоны, и солдаты, пройдя по моим следам, смогут выручить капитана и его

умирающую жену.

Негостеприимность Шелли меня не удивила. Капитан выгнал меня в лес как приманку, в уверенности, что Марканд сразу же захочет узнать известия о бывшей жене. Пробираясь по темным хрустальным гротам, я ловил звук его шагов, но стеклянные чехлы деревьев пели и потрескивали на тысячу голосов — лес стал остывать с наступлением темноты. В просветы листвы я видел огромную расколотую чашу луны. Стеклянные стены вокруг отражали звезды огоньками мириадов светлячков.

К этому времени я заметил, что и моя одежда мерцает в темноте — тонкий иней на ткани ловил звездный свет. Циферблат моих часов пророс шипами, стрелки вмерзли в медальон из лунного камня.

К полуночи я вышел к реке — к потоку замерзшего газа, какой парит в туманностях Млечного Пути. Мне пришлось сойти с него, когда на поверхности открылись гигантские расщелины, и к Мэйнарду я вышел с окраины мимо передвижной лаборатории министерства сельского хозяйства. Трейлер, как и столы, и брошенное оборудование, покрылся густым инеем, а ветки в центрифуге снова расцвели блистающими

самоцветами. Я подобрал забытый шлем, превратившийся в стеклянного дикобраза, и пробил им окно трейлера.

Белые крыши городских домов мерцали погребальными храмами некрополя, карнизы украсились бесчисленными шпилями и гаргульями, а между ними через улицы перекинулись кружевные арки. Морозный ветер гулял по дорожкам, на которых уже до пояса выросла чаща шипов, и брошенные автомобили утопали в ней, как покрытые броней ящеры в иле древнего океана.

Преображение шло все быстрее. Ноги мои облачились в огромные кристальные шлепанцы. Длинные шипы на подошвах позволяли ступать по мостовой, но и они вот-вот угрожали срастись с ее шипами и приковать меня к земле.

Последний вход в город был запечатан лесом и зарослями на дороге. Я захромал обратно на запад в надежде вернуться к капитану Шелли и наткнулся на чистый участок мостовой под разбитым окном ювелирного магазина. Грабитель разбросал по улице кольца с изумрудами и рубинами, броши и подвески с топазами и множество отдельных камней и технических алмазов — их россыпь холодно блестела под звездами.

Остановившись среди каменьев, я заметил, что кристаллы, наросшие на подошвах, плавятся и растворяются, как сосульки на внезапной жаре. Корка отваливалась кусками и без следа таяла в воздухе.

Теперь я понял, зачем капитан Шелли носил жене драгоценности и почему та хватала их с такой жадностью. Какие-то оптические или электромагнитные особенности камней, фокусировавших в себе свет, вызывали одновременно сжатие времени, и разряды света на их поверхности обращали вспять процесс кристаллизации. Быть может, этот дар времени и объясняет вечную притягательность драгоценных камней, а также барочной архитектуры и живописи? Затейливые медальоны и картуши, занимающие больше пространства, чем им бы причиталось, захватывают заодно и лишнее время, внушая ту уверенность в бессмертии, что ощущается в соборе Святого Петра или во дворце Нимфенбург. С другой стороны, архитектура двадцатого века с ее простыми прямоугольными фасадами, порождение чисто евклидова пространства-времени, — это архитектура Нового Света, уверенно смотрящего в будущее и безразличного к мукам смертности, терзавшим старую Европу.

Я поспешно опустился на колени и набил карманы камнями, насыпал их за пазуху и в манжеты. Я прислонился спиной к витрине, сидя на полукруге гладкой мостовой — в миниатюрном патио, окруженном призрачным садом кристаллов. Гладкие грани самоцветов, прижимаясь к холодной коже, как будто согревали меня, и через несколько минут я погрузился в тяжелый усталый сон.

Проснулся я в ослепительном солнечном свете, среди радужных храмов, брызгавших в позолоченный воздух сиянием преломленных лучей. Заслонив глаза, я откинулся на спину, вглядываясь в золотую черепицу крыш, как бы выложенную тысячами цветных камней, — я видел такое в храмовом квартале Бангкока.

Меня грубо встряхнули за плечо. Попытавшись сесть, я обнаружил, что чистый полукруг мостовой пропал, и тело мое распростерто на ложе из шипов. Быстрее всего они нарастали у входа в магазин — правая рука моя скрылась под массой игл-кристаллов, сраставшихся поверх кожи и доходивших уже почти до плеча. Перчатка из морозных призм не давала поднять руки, пальцы очерчивал радужный ореол.

Паника помогла мне приподняться на колени,

и тогда я увидел бородача в белом костюме, присевшего у меня за спиной с дробовиком в руках.

— Марканд! — Я с криком приподнял самоцветную руку. — Бога ради!

Мой вскрик отвлек его от наблюдения за светящейся улицей. Сияние преобразило узкое лицо Марканда с маленькими живыми глазами, засыпало пестрой рябью его кожу и проявило яркие сине-лиловые тона бороды. Костюм его излучал тысячи спектральных полос.

Едва он повернулся ко мне, грохнул выстрел, и стеклянный покров двери распался инеем кристаллов. Марканд съежился за моей спиной, потом затащил меня внутрь через витрину. Когда ударил следующий выстрел, мы уже спотыкались о разграбленные прилавки: дверь сейфа осталась нараспашку, металлические денежные ящики валялись под ногами. Марканд захлопнул дверцу и принялся сгребать немногие завалявшиеся на полу камни.

Запихав их в мои пустые карманы, он через окно вытолкнул меня в переулок за магазином, а оттуда — на соседнюю улочку, преображенную воздушной сеткой кристаллов в тоннель багровых и алых тонов. Мы остановились у первого поворота. Марканд махнул на лес, искрившийся

пятьюдесятью ярдами дальше.

— Беги, беги! В лес, больше некуда!

Он прикладом подтолкнул меня вперед. На затворе его ружья уже скопилась серебристая изморозь, превратив его в средневековый кремневый замок. Я беспомощно шевельнул плечом. Самоцветные шипы искрились на солнце роем цветных светлячков.

— Рука, Марканд! Уже до плеча дошло!

— Беги — другого спасения нет! — Его сияющее лицо гневно замигало. — Камни попусту не трать, они не вечны.

Усилием воли переставляя ноги, я бросился к лесу и вступил в первую световую пещеру. Рукой я вращал, как неуклюжим пропеллером, и чувствовал, что кристаллы постепенно отступают. Мне повезло очень скоро выйти на приток реки, и я сломя голову помчался по окаменевшему руслу.

Не помню уже, сколько часов или дней я метался по лесу — чувство времени мне отказало. Стоило остановиться хоть на минуту, хрустальный воротник сковывал шею и плечи, и потому я час за часом метался между деревьями, и только совсем обессилев, валился на стеклянный берег. Тогда я прижимал к лицу драгоценные камни,

срывавшие с него стеклянный чехол. Но сила их иссякала, грани тускнели, и камни превращались в грубые куски кремнезема.

В темноте я, вращая руками, пробежал мимо дома, где капитан Шелли стерег умирающую жену, и услышал, как он выстрелил в меня с веранды.

Наконец под вечер, когда над лесом сгущались рубиновые сумерки, я вышел на поляну, с которой лились на деревья звуки органа. Посреди ее маленькая церковь — золотой шпиль горел среди деревьев.

Вскинув самоцветную руку, я оттянул дубовую дверь и вошел. Надо мной, отраженное витражами, лилось на алтарь ослепительное сияние. Ловя волны музыки, я прислонился к ограде алтаря и протянул руку к золотому кресту, усыпанному рубинами и изумрудами. Нарост тотчас соскользнул с ладони коркой подтаявшего льда. Из моей руки, освобожденной от кристаллов, хлынул свет — словно открыли закупоренный фонтан.

Священник взглянул на меня из-за органа, не прекращая твердой рукой извлекать из труб могучую мелодию, которая, переливаясь бесчисленными обертонами, взмывала за окна, к расколотому солнцу.

Жизнь, как купол из разноцветного стекла,

пятнает чистое сияние вечности.

Я провел с ним неделю — за это время растворились последние кристальные занозы в тканях моей руки. Целыми днями я стоял рядом с ним на коленях, простирая руку к звучащим над нами Палестрине и Баху. Когда смеркалось, когда солнце тысячами осколков осыпалось в ночь на западе, он прерывал игру и вставал на крыльце, всматриваясь в призрачные деревья.

Я запомнил его как доктора Томаса — этого священника капитан Шелли подвозил к причалу. Его узкое лицо мыслителя и спокойный взгляд, безмятежностью спорящий с нервными движениями рук, как спокойствие больного спорит со сжигающей его лихорадкой, маячили передо мной во время скудного ужина, который мы съедали на табуретке рядом с алтарем, укрывшись от холодного, бальзамирующего ветра за каменьями креста. Поначалу я думал, что он видит в моем спасении пример божественного вмешательства, и выражал подобающую благодарность. Он только загадочно улыбался.

Я не пытаюсь угадать, зачем он вернулся. Но теперь его церковь попала в окружение хрустальных занавесей и стояла словно в сердце ледникового грота.

Как-то поутру он подобрал тыкавшуюся в церковное крыльцо слепую змею с самоцветами вместо глаз и на руках отнес ее на алтарь. И проводил сухой улыбкой, когда она, вернув себе зрение, бесшумно скользнула под скамьи для молящихся.

В другой раз я, проснувшись на рассвете, застал его за одинокой евхаристией. Он немного смутился и за завтраком доверительно поведал мне: «Вы, может быть, удивляетесь моим поступкам, но сейчас как будто самое время испытать действенность святынь».

Он кивнул на преломленный свет, вливавшийся в цветные стекла окон, преображая витражные сцены из Писания в абстрактные картины ошеломительной красоты.

— Вам это может показаться ересью, но плоть Христова здесь с нами повсюду — в каждой призме, в каждой радуге, в десяти тысячах граней солнца. — Он поднял тонкую, одетую светом руку. — И видите ли, я боюсь, что церковь, как и этот символ, — здесь он указал на крест, — могла пережить себя.

Я не находил ответа.

— Простите… может быть, если вы уйдете отсюда…

— Нет! — настаивал он, раздосадованный моей непонятливостью. — Как вы не понимаете? Раньше я был настоящим отступником — знал, что Бог есть, но не умел в него верить. А теперь, — он с горечью рассмеялся, — события оказались сильнее меня.

Он жестом поманил меня через неф на открытое крыльцо и указал на сложившийся из хрустальных лучей купол, сиявший над лесом алмазами и кристаллами, как крепостная башня. В нем кое-где застыли почти неподвижные птицы с распростертыми крыльями — золотые иволги и красные макао в лужицах яркого света. Полосы цветов рябью растекались по лесу — блики тающего оперения, сливаясь, окружали нас бесчисленными кругами волн. Перекрывающиеся арки висели в воздухе как обетные ниши в городе соборов. Повсюду вокруг я без счета видел мелких птах, бабочек, насекомых, вливающих свои миниатюрные тела в корону леса. Он взял меня за плечо.

— Здесь, в лесу, все преображается и просветляется в последнем браке времени с пространством.

Под конец, когда мы стояли бок о бок перед алтарем, лицом к обратившемуся в стеклянную

колоннаду проходу, убежденность его, как видно, поколебалась. Едва ли не в панике смотрел он, как клавиши органа покрываются пятнами инея, словно монетками из порванного кошелька. Я не сомневался, что он ищет пути для бегства.

Наконец, собравшись с духом, он сорвал с алтаря крест и, втиснув его мне в руку, с внезапной яростью, порожденной абсолютной уверенностью, грубо выпихнул на крыльцо, развернул к одному из смыкавшихся сводов.

— Туда. Убирайтесь! Ищите реку!

Я медлил, потому что тяжелый скипетр оттягивал мне руку, но он свирепо заорал:

— Скажите, что я приказал его забрать!

В последний раз я видел его стоящим, раскинув руки между смыкающимися стенами, в позе сияющих птиц; глаза его полнились чудом и облегчением, а первые круги света уже расходились от воздетых ладоней.

Я пробирался к реке, сгибаясь под тяжестью золотого креста, как Симон Киринеянин с рисунка в средневековом манускрипте.

Крест еще укрывал меня, когда я добрался до летнего домика капитана Шелли. Дверь стояла настежь, и сквозь нее я увидел кровать в центре огромного кристалла — в его заиндевевших

глубинах, как на дне волшебного пруда, лежали рядом Эмеральда и ее муж. Глаза капитана были закрыты, а нежные лепестки кроваво-красной розы распускались из дыры в груди подобно изысканному морскому анемону. Рядом безмятежно спала Эмеральда — невидимое движение сердца одевало тело слабым янтарным свечением, бледным призраком жизни.

Что-то блеснуло в сумерках у меня за спиной. Обернувшись, я увидел бриллиантовую химеру — человека со сверкающими руками и грудью, устремившегося между деревьев, и вихрь частиц за его плечами. Я съежился, прикрываясь крестом, но бегущий скрылся столь же внезапно, как появился — нырнул в какой-то кристальный склеп. Светящийся след уже угасал, когда морозный воздух донес до меня эхо его голоса — слова жалобы, изукрашенной и расцвеченной, как все в этом преображенном мире.

— Эмеральда!.. Эмеральда!..

* * *

Здесь, на тихом острове Пуэрто-Рико, в саду британского посольства, столько месяцев спустя, странные события в том фантасмагорическом лесу отдалились на дюжину миров. Но в дей-

ствительности от меня до Флориды всего тысяча миль по прямой, как летит птица — следовало бы сказать, грифон, — а на расстоянии втрое большем образовались уже три фокусные зоны. Мне иногда попадаются сообщения, что, если скорость их распространения сохранится, к концу следующего десятилетия они займут треть земной поверхности, и десятки мировых столиц окаменеют под слоями призматических кристаллов, как уже окаменел Майами — репортеры называют покинутый курорт городом тысячи церковных шпилей, подобных собору Святого Иоанна Крестителя.

Сказать по правде, эти пророчества мало меня волнуют. Для меня очевидно, что эффект Хаббла порожден не только физическими причинами. Вывалившись из леса прямо на армейский пост в десяти милях от Мэйнарда, все еще сжимая в руках золотой крест, хотя со встречи с бессильным фантомом былого Чарльза Марканда прошло два дня, я твердо решил никогда не возвращаться в Эверглейдс. До смешного извращенная логика привела к тому, что я попал не в герои, а под трибунал по обвинению в мародерстве. Золотой крест лишился драгоценных украшений, и напрасно я доказывал, что исчезнувшие камни

стали платой за мою жизнь. Наконец, меня под предлогом дипломатической неприкосновенности передали вашингтонскому посольству, но тщетно я добивался, чтобы патруль, вооружившись драгоценными крестами, вошел в лес и попытался спасти священника и Марканда. Меня, не слушая протестов, отправили приходить в себя в Сан-Хуан.

Начальство поставило целью отгородить меня от всего, что могло бы напомнить пережитое, — возможно, во мне почуяли мелкие, но существенные перемены. Но каждую ночь, освещая полуночное небо серебряным канделябром, надо мной проходит спутник «Эхо» — разбитый трещинами. И я уверен, что солнце тоже затронуто — на закате, когда его диск пригашен красной пылью, на нем отчетливо просматривается сеть — гигантская решетка, которая рано или поздно опрокинется на планеты и звезды и остановит их движение.

Теперь я знаю, что вернусь в Эверглейдс. Пример отважного отступника, снабдившего меня крестом, показывает, как велика награда, ожидающая в том застывшем лесу. Там, в Эверглейдсе, у нас на глазах происходит преображение живого и неживого, и за отказ от телесной и временной

идентичности нам даруют бессмертие. Мы, какими бы неверующими ни были в этом мире, волей-неволей станем апостолами преломленного солнца.

И потому, окончательно поправившись и вернувшись в Вашингтон, я не упущу возможности снова посетить Флориду с одной из многочисленных экспедиций. Устроить побег будет нетрудно, и тогда я вернусь в одинокую церковь волшебного мира, где в окаменевшем лесу летают фантастические птицы, на берегах кристальных рек геральдическими саламандрами сверкают самоцветные аллигаторы и ночами среди деревьев носится просветленный человек, чьи руки сливаются в золотые колеса, а голова сияет короной ауры.

1963

The Illuminated Man. Первая публикация в журнале Fantasy & Science Fiction, май 1964.

Дельта на закате
Перевод М. Пчелинцева

Каждый вечер, когда над протоками и болотами дельты опускалась густая, крупитчатая мгла, змеи опять выходили на берег. Сидячие носилки стояли под навесом палатки; отсюда Чарльз Гиффорд в полудреме следил глазами, как гибкие тени, извиваясь, сползают по склонам. Последний отблеск заката лучом потухающего прожектора пробегал по сырым отлогим берегам, и в этом свете, матовом и голубоватом, сплетенные тела ярко блестели, почти фосфоресцировали.

Ближайшие протоки прорезали равнину в добрых трех сотнях ярдов от лагеря, однако по какой-то причине змеи непременно появлялись именно в тот час, когда Гиффорда отпускала вечерняя лихорадка. Она отступала, унося с собой ставшие уже привычными ежедневно возникавшие в горячечном бреду образы рептилий, и тогда он сидел в своих носилках, а змеи, материализация бредовых видений, ползли по берегам. Гиффорд непроизвольно оглядывал песок вокруг палатки, ожидая и здесь увидеть их бледные

влажные тени.

— Самое странное, что эти твари всегда приходят в одно и то же время, — сказал он индейцу-слуге, появившемуся из-за палатки-столовой, чтобы прикрыть его одеялом. — Вот только-только тут еще ничего не было, а через какую-нибудь секунду они уже тысячами кишат по всему болоту.

— Вам не холодно, сэр? — спросил индеец.

— Ты посмотри на них, посмотри сейчас, пока совсем не стемнело! Это же чистая фантастика. Видимо, есть некий четко определенный порог… — Высоко подвешенная нога мешала Гиффорду смотреть, и он попытался поднять голову. По бескровному, обросшему бородой лицу пробежала болезненная гримаса. — Ладно, ладно!

— Что вы сказали, доктор? — Слуга, тридцатилетний индеец по имени Мечиппе, продолжал устраивать ногу Гиффорда поудобнее, не сводя с него прозрачных, оправленных в обветренное, испещренное прожилками черное дерево глаз.

— Я сказал, отодвинься к чертовой матери, не загораживай!

Бессильно опершись на один локоть, Гиффорд наблюдал, как последний свет вечера исчезает с изгибов дельты, а вместе с ним и последние образы змей. День ото дня летний жар прибывал,

вечер от вечера их приходило все больше и больше — скользкие твари словно чувствовали, что лихорадка бьет его все сильнее и сильнее.

— Сэр, я принесу вам еще одеяло?

— Не надо, Христа ради.

Вечерний холод, зябкая дрожь, то и дело пробегавшая по донельзя исхудавшим плечам, — все это оставалось за пределами восприятия; теперь, после ухода змей, внимание Гиффорда полностью сосредоточилось на этом неподвижном, похожем на труп предмете, смутно проступавшем сквозь одеяло. Он изучал его как нечто постороннее: свое собственное тело вызывало у него куда меньше участия, чем безвестные индейцы, умиравшие в Таксоле, в импровизированном полевом госпитале. В индейцах ощущалась хотя бы пассивная отстраненность, неразрывное единство плоти и духа, ничуть не пострадавшее, а даже укрепившееся неудачей, постигшей одного из союзников. Именно такого фатализма очень хотел бы достичь Гиффорд. Даже самый занюханный туземец ощущал себя в единстве с необратимым потоком вселенских событий, соединял своей личностью больше годовых циклов, чем самые упорные долгожители из европейцев или американцев, которые в одержимости постоянным ощущением

уходящего времени ненасытно заталкивают в свои жизни один «важный опыт» за другим. Сам же Гиффорд — он успел уже это понять — просто откинул в сторону собственное тело, разведясь с ним, как с партнером по чисто функциональному, деловому браку, чья польза себя исчерпала. Столь очевидное отсутствие лояльности вводило его в тоску.

Гиффорд постучал рукой по своим костлявым чреслам.

— Не это, Мечиппе, не это делает нас смертными, а трижды проклятые наши эго. — он одарил слугу ироничной улыбкой. — Луизе это бы понравилось, как думаешь?

Слуга смотрел, как за столовой поджигают мусор. Он резко перевел взгляд на полулежащую в носилках фигуру. Диковатые глаза индейца, похожие на наконечники стрел, опасно поблескивали в маслянистом свете горящих веток.

— Сэр? Вы бы хотели?..

— Бог с ним, — отмахнулся Гиффорд. — Принеси только два виски с содовой. И стулья. А где миссис Гиффорд?

Мечиппе не ответил, и Гиффорд поднял на него глаза. Их взгляды на мгновение пересеклись, вспыхнули абсолютным пониманием. Пятна-

дцать лет тому назад, когда Гиффорд появился в дельте с первой своей археологической экспедицией, Мечиппе ничем не выделялся в кучке детей, приходивших к лагерю. Теперь это был индеец средних — для индейца — лет, линии, процарапанные на его щеках, совсем затерялись в густом переплетении морщин и шрамов; он стал большим знатоком палаточного фольклора.

— Мисс Гиффорд — она отдыхает, — загадочно сообщил Мечиппе. Пытаясь сменить тему и направленность разговора, он добавил: — Я скажу мистеру Лоури, а потом принесу виски и горячее полотенце, доктор.

— Хорошо.

С ироничной улыбкой на губах, лежа на спине, Гиффорд слушал, как шаги индейца мягко удаляются по песку.

С разных сторон доносились приглушенные звуки лагеря — прохладный плеск воды в душевой кабинке, обрывки разговоров на местном наречии, визг пустынной собаки, ждущей, когда наступит подходящий момент подобраться к помойке. Гиффорд постепенно погрузился в худое усталое тело, вытянутое под одеялом, подобно куче собранных в мешок костей, погрузился, заново оживляя затухающие осязание и давление

в своих членах.

При свете луны белые побережья дельты сверкали, как отложения фосфоресцирующего мела, змеи гноились по склонам, словно возносили молитву полуночному солнцу.

Получасом позднее все они вместе сидели в полутьме. Массаж Мечиппе заметно оживил Гиффорда, он держал теперь спину прямо и жестикулировал своими стаканами. Виски на короткое время прояснил его сознание; обычно ему не хотелось говорить о змеях при жене, тем более при Лоури, но заметное увеличение их количества было достаточно важным для обсуждения фактом. Присутствовало тут и злокозненное удовольствие, хоть и меньшее теперь, чем прежде: видеть, как Луизу передергивает от одного упоминания змей.

— Но что особенно необычно, — объяснял он, — они появляются на берегах всегда в одно и то же время. Судя по всему, существует точный уровень освещенности, точное количество фотонов, на которое они откликаются, — вероятно, врожденный внутренний спусковой механизм.

Доктор Ричард Лоури, ассистент Гиффорда, исполнявший после несчастного случая обязанности руководителя экспедиции, смотрел

на него, сидя на краешке складного стула. Он крутил стакан по соседству со своим длинным носом и ощущал крайнюю неловкость. Усажен он был с наветренной стороны от бинтов, свободно запеленывавших Гиффордову ступню, — одна из мелких, ребячливых пакостей, оживлявших интерес Гиффорда к окружающим, — и потому, задавая вопрос, осторожно повернул лицо в сторону.

— Но чем вызвано такое неожиданное увеличение их числа? Месяц тому назад они и поодиночке-то едва появлялись.

— Дик, ради бога! — Луиза Гиффорд с видом смертельно усталой великомученицы повернулась к Лоури. — Неужели это необходимо?

— На это есть очевидный ответ, — объяснил Гиффорд. — Летом дельта пересыхает и приобретает вид, который имели здешние полувысохшие лагуны пятьдесят миллионов лет назад. К тому времени гигантские рептилии уже вымерли, и доминирующим видом остались мелкие. Можно предположить, что эти змеи фактически несут в себе запись ландшафта, картину палеоцена, столь же отчетливую, как наши воспоминания о Нью-Йорке и Лондоне. — он повернулся к жене; свет дальнего костра, на котором сжигали мусор,

подчеркивал вваленность пергаментных щек. — А в чем дело, Луиза? Не хочешь ли ты сказать, что не способна вспомнить Нью-Йорк или Лондон?

— Я уже и не знаю, способна или не способна. — она откинула со лба светлую выгоревшую прядь. — Лучше бы ты не думал все время про этих змей.

— Знаешь, последние дни я начинаю их понимать. Раньше меня приводило в недоумение, почему это они всегда появляются в одно и то же время. К тому же и делать мне больше нечего. Не хочу сидеть здесь и глазеть на проклятые эти ваши тольтекские развалины.

Взмахом руки он указал на невысокий песчаный хребет, четким силуэтом вырисовывавшийся на фоне белых, залитых лунным светом облаков и отмечавший собой край аллювиальной гряды в полумиле от лагеря. До случая с Гиффордом стулья всегда ставили лицом к разрушенному террасному городу, поднимавшемуся из чертополоха, которым порос этот хребет. Но теперь Гиффорда утомляло ежедневное зрелище обвалившихся колоннад и галерей, где работали его жена и Лоури. Он велел Мечиппе снять палатку и развернуть ее на девяносто градусов, что давало возможность смотреть, как последние лучи зака-

та гаснут над западной дельтой. Пламя горящего мусора, на которое они смотрели сейчас, создавало хоть какое-то движение. Однажды вечером, глядя на бесчисленные протоки, ручейки, болотистые берега, извилистые очертания которых становились все более и более извилистыми по мере того, как в результате летней засухи падал уровень воды, он увидел змей.

— Это, конечно же, просто нехватка растворенного кислорода, — произнес Лоури. Он заметил, что Гиффорд смотрит на него неодобрительно, почти с отвращением, и неожиданно переключился с физиологии на психологию: — По мнению Юнга, змея в первую очередь является символом бессознательного, и ее появление всегда свидетельствует о душевном кризисе.

— Тут я, пожалуй, соглашусь. — Чарльз Гиффорд делано рассмеялся, покачал подвешенной ногой и добавил: — Я просто должен так поступить. Ведь правда, Луиза? — Но прежде чем жена, с отрешенным выражением лица глядевшая на костер, успела ответить, он продолжил: — Хотя, если по правде, я не согласен с Юнгом. Для меня змея — символ трансформации. Каждый вечер ближе к закату здесь воссоздаются огромные лагуны палеоцена, воссоздаются не только для

змей, но и для вас, и для меня тоже, стоит нам лишь вглядеться. Недаром змея символизирует мудрость!

На лице Ричарда Лоури читалось крайнее сомнение; он слегка пожал плечами.

— Вы не убедили меня, сэр, — сказал он, не отрывая глаз от своего стакана. — Это только первобытный человек вынужден был ассимилировать в своей психике события внешнего мира.

— Вот именно, — возразил Гиффорд. — А как иначе может природа обрести смысл, не иллюстрируя некое внутреннее переживание? Единственно реальными являются внутренние ландшафты или их внешние проекции, как, например, эта дельта. — он передал пустой стакан жене. — Ты согласна с этим, Луиза? Хотя, возможно, ты придерживаешься фрейдистской точки зрения на змей?

Эта прозрачная шуточка, произнесенная с ледяным, характерным для Гиффорда юмором, оборвала беседу. Лоури беспокойно поглядывал на часы, страстно желая оказаться подальше от прикованного к носилкам полутрупа с его жалкими грубостями. Холодно ухмыляясь, Гиффорд ждал, пока Лоури встретится с ним глазами; по странному парадоксу его нелюбовь к ассистенту

подогревалась, скорее, нежеланием того принимать какие-либо встречные меры, чем не совсем еще определенными, но все более формировавшимися отношениями между Лоури и Луизой. Тщательно сохраняемый Лоури нейтралитет и его хорошие манеры казались Гиффорду попыткой сохранить тот мир, от которого сам он отвернулся, мир, в котором на берег не выползали змеи, где события развивались в единственной временной плоскости, наподобие размытой проекции трехмерного объекта, сделаного испорченной камерой-обскурой.

Конечно же, вежливость Лоури была также попыткой защитить себя и Луизу от острого, как осиное жало, языка Гиффорда. Подобно Гамлету, пользовавшемуся своим сумасшествием, чтобы всех оскорблять и допрашивать, Гиффорд зачастую использовал периоды частичного облегчения для того, чтобы делать свои наиболее колкие замечания. Когда Гиффорд вырывался из трясины бреда и обнаруживал нависающими над собой неясные фигуры жены и ассистента, все еще окруженные теми же вращающимися мандалами, которые были с ним в бреду, он совсем отпускал поводья своего мучительного — в том числе и для него самого — юмора. А то,

что этим он только подталкивал жену и Лоури к неизбежной развязке, распаляло его еще больше.

Долгое прощание с Луизой, растянувшееся уже на столько лет, казалось теперь вполне осуществимым, как малая часть другого, большего прощания. Все пятнадцать лет их брака не представляли собой ничего, кроме сплошного неудачного прощания, попыток пробиться к цели, достижению которой мешали их собственные сильные характеры.

Глядя сейчас на обожженный солнцем, но все равно привлекательный профиль Луизы, на ее откинутые назад выгоревшие светлые волосы, Гиффорд понимал: то, что она ему не нравится, — чувство совершенно имперсональное, часть огромного искреннего отвращения, которое он испытывал по отношению почти ко всему роду человеческому. И даже эта глубоко укоренившаяся мизантропия — лишь отражение его вечного, неумирающего презрения к самому себе. Было несколько людей, которые ему когда-то нравились, но равным образом случались отдельные моменты, когда он и сам себе нравился. Вся его жизнь археолога с того времени, как еще подростком он собирал окаменевших аммонитов на соседнем известняковом обнажении, была одной

долгой попыткой вернуться в прошлое и обнаружить там источники своего к себе презрения.

* * *

— Как ты думаешь, они пришлют самолет? — спросила Луиза утром после завтрака. — Я слышала шум…

— Сильно сомневаюсь, — покачал головой Лоури. Он смотрел вверх, в пустынное небо. — Мы не заказывали самолет. Посадочная площадка в Таксоле не используется. Летом гавань пересыхает, и все перебираются подальше от берега.

— Но уж доктор-то должен был остаться? Ведь не все ушли?

— Ну да, доктор там есть. Тот самый, который постоянно работает при порте.

— Пьяный придурок, — вставил Гиффорд. — Да я не позволю, чтобы он хотя бы дотронулся до меня своими трипперными лапами. Забудь про доктора, Луиза. Даже если бы кто и готов был нанести нам визит, каким же образом он сумеет это сделать?

— Но, Чарльз…

Гиффорд раздраженно махнул рукой в сторону поблескивавших полос грязи.

— Вся эта дельта высыхает сейчас, как грязевая

ванна; никто не станет рисковать подхватить хорошенькую малярию ради того, чтобы привязать шину к моей лодыжке. Да и вообще, скорее всего, тот бездельник, которого послал Мечиппе, ошивается где-нибудь здесь неподалеку.

— Но ведь Мечиппе говорил, что это очень надежный парень. — Луиза беспомощно поглядела на мужа, привалившегося к спинке носилок. — Дик, как жаль, что ты не смог пойти с ним. Тут же всего пятьдесят миль! Вы бы уже вернулись.

Лоури смущенно кивнул:

— Я как-то не подумал… Я уверен, что все будет в порядке. Как ваша нога, сэр?

— Просто великолепно. — все это время глаза Гиффорда были устремлены вдаль, через дельту. Теперь он заметил, как глядит на него Лоури — искоса, брезгливо наморщив длинное лицо. — В чем дело, Ричард? Тебе мешает запах? — Внезапно разозлившись, он резко добавил: — Слушай, друг, сделай одолжение, пойди погуляй.

— Что? — неуверенно уставился на него Лоури. — Ну конечно же, доктор, конечно.

Гиффорд наблюдал, как ухоженная фигура ассистента чопорно удаляется, пробираясь между палатками.

— Он всегда просто потрясающе корректен,

правда? А вот воспринимать оскорбления толком еще не научился. Ничего страшного, я позабочусь, чтобы у него было побольше случаев потренироваться.

Луиза медленно покачала головой:

— Зачем ты так, Чарльз? Ты же сам понимаешь, в каком мы были бы положении без него. Не думаю, что ты был к нему справедлив.

— Несправедлив? — с гримасой повторил Гиффорд. — О чем это ты? Побойся Бога, Луиза!

— Ну, значит, все в полном порядке, — терпеливо ответила жена. — Просто мне не кажется, что Ричарда можно в чем-то винить.

— А я его и не виню. Это что, твой драгоценный Дик так считает? А теперь, когда от этой штуки пошел запах, он пытается свалить вину назад на меня.

— Он совсем не…

Гиффорд раздраженно стукнул рукой по подлокотнику:

— Не нет, а да! — Он смотрел на жену потемневшими от злости глазами. Тонкие, окаймленные узкой бородкой губы презрительно перекосились. — Да ты не беспокойся, радость моя, к концу этой истории ты и сама будешь считать точно так же!

— Чарльз, ради бога…

— А какая, собственно, разница?!

Гиффорд бессильно обвис на носилках, но тут же пришел в себя; мгновенное головокружение сменилось странным, почти эйфорическим спокойствием, и он продолжил:

— Доктор Ричард Лоури. Как же он любит эту свою докторскую степень! Я бы просто не мог так, в его-то возрасте. Третьесортная степень за работу, выполненную для него мной, — и он еще величает себя «доктор»!

— Как и ты сам.

— Не притворяйся дурой. На моей памяти мне предлагались по крайней мере две кафедры.

— Ну, а принять их было, конечно, ниже твоего достоинства, — с легкой иронией в голосе прокомментировала Луиза.

— Именно так, — яростно подтвердил Гиффорд. — Да ты представляешь себе, на что похож сейчас Кембридж?! Он просто кишит такими вот Ричардами Лоури! А самое главное, у меня был значительно лучший вариант: я женился на богатой. Она была очаровательна, прелестна, с неким не совсем определенным уважением относилась к мрачноватому блеску моего таланта. И да, она была богата.

— До чего же тебе повезло.

— Люди, женящиеся на деньгах, зарабатывают их. Своито я уж точно заработал.

— Большое спасибо, Чарльз.

Гиффорд негромко хихикнул:

— Одного у тебя, Луиза, не отнимешь — вот ты-то умеешь принимать оскорбления. Тут все дело в воспитании. Меня просто удивляет, что с Лоури ты не проявила побольше разборчивости.

— Разборчивости? — неловко рассмеялась Луиза. — Мне и в голову не приходило, что я его выбирала. Ричард кажется мне очень исполнительным и обязательным, и ты, кстати, считал так же, когда брал его себе в ассистенты.

Гиффорд начал было составлять ответ, но тут его грудь и плечи пробил внезапный озноб. Он бессильно потянул на себя одеяло; его охватывало всепоглощающее ощущение огромной усталости и апатии. Совсем забыв о только что шедшей пикировке, он снизу вверх стекленеющими глазами посмотрел на жену. Дневной свет исчез совсем, и над всей дельтой лежала глубокая тьма, лишь иногда на мгновение озаряемая кипящими очертаниями мириад змей. Превозмогая тяжесть, он попытался подняться, чтобы запечатлеть в себе их образ, но затем снова провалился в яму

тошноты и головокружения.

— Луиза!..

И в то же мгновение руки жены лежали на его руках, ее плечо поддерживало его голову. К горлу Гиффорда подступил пустой приступ рвоты, он боролся с судорожно сжимавшейся мускулатурой, словно змея, пытающаяся выползти из своей шкуры, смутно осознавая, что жена криком зовет кого-то, что заживо гниющая нога свалилась на землю, увлекая за собой одеяло.

— Луиза, — прошептал он, — я хочу, чтобы как-нибудь ночью ты отвела меня туда, к змеям.

Днем он несколько раз, когда боль в ноге становилась особенно острой, просыпался и неизменно видел рядом с собой Луизу. И все это время он блуждал в бесконечных снах, погружаясь все глубже и глубже, с одной плоскости воображения на другую, огромные мандалы не давали ему заблудиться, их светящиеся диски были его тропой в этом царстве.

Следующие дни Гиффорд разговаривал с женой совсем редко. Состояние его ухудшилось, и он чувствовал, что не может делать почти ничего, кроме как смотреть вдаль, через болота, почти не замечая движений и разговоров рядом с собой. Жена и Мечиппе были шатким мостиком, соеди-

няющим Гиффорда с реальностью, но настоящим центром его внимания были пляжи, куда по вечерам выходили змеи. Там исчезало время, там он ощущал одновременность всех времен, одновременность всех событий своей прошлой жизни.

Теперь змеи появлялись раньше. Однажды он даже различил на склонах их белесые неподвижные формы в обжигающем полуденном воздухе. Благодаря известково-белым шкурам, поднятым головам и отдыхающим позам, очень похожим на его собственную, змеи казались неизмеримо древними, подобно белым сфинксам в погребальных коридорах карнакских пирамид.

Хотя Гиффорд очень обессилел, воспаление на ноге поднялось всего на несколько дюймов выше лодыжки, и Луиза понимала, что ухудшение его состояния — симптом глубинного психического недуга, болезни, причина которой — одуряющий открытый ландшафт и вызываемый им призрак палеоценового лагунного мира. Однажды, во время одного из просветлений мужа, она предложила ему переместить лагерь на полмили через равнину, поближе к хребту, к террасному городу тольтеков, где они с Лоури вели археологические раскопки.

Однако Гиффорд отказался, не желая поки-

дать змей. К тому же он невзлюбил террасный город. Нет, совсем не потому, что именно здесь он получил, по своей собственной вине, рану, угрожавшую теперь его жизни. То, что это просто несчастный случай, лишенный какой-либо особой символичности, он принимал без малейших оговорок. Но загадочное присутствие здесь террасного города, с его рассыпающимися галереями, с внутренними дворами, поросшими гигантским чертополохом и жестким, как проволока, мхом, казалось ему огромным, созданным человеком артефактом, который находится в состоянии войны со сверхреальной природностью дельты. Однако и террасный город, подобно дельте, двигался во времени вспять, ажурные барочные изображения змееподобных божеств, покрывавшие фризы, растворялись и сменялись переплетением вьющихся растений; псевдоорганические формы, созданные человеком, уступали место оригиналу. Древняя тольтекская развалина, расставленная за его спиной исполинской декорацией, покоилась в пыли, словно разлагающийся мастодонт, рассыпающаяся гора, чьи мрачные мысли о мире окутывали Гиффорда своим фосфоресцирующим присутствием.

— Ты чувствуешь себя достаточно прилично,

чтобы двинуться отсюда? — спросила Гиффорда Луиза, когда прошла еще неделя, а от посланца Мечиппе все еще не было ни слуху ни духу. Она критически посмотрела на мужа сверху вниз. Гиффорд лежал в тени навеса, тонкого тела почти не было видно за складками одеяла и уродливым навесом, устроенным над ногой; о том, кто это, напоминало только упрямое лицо, поросшее жесткой щетиной. — Может, если мы встретим спасательный отряд на полпути…

Гиффорд покачал головой и перевел глаза вдаль, через выгоревшую равнину, к почти пересохшим протокам дельты:

— Да какой там спасательный отряд? Отсюда до Таксола нет ни одной посудины с достаточно мелкой осадкой!

— Может быть, они пошлют вертолет. Они могут увидеть нас с воздуха.

— Вертолет? Да ты, милая, похоже, малость тронулась. Мы останемся здесь еще на неделю или две.

— Но твоя нога, — настаивала Луиза. — Без врача…

— А как я могу двигаться? Если меня начнут дергать туда-сюда на носилках, я и пяти минут не протяну. — он устало взглянул снизу на бледное,

обгоревшее на солнце лицо жены, ожидая, когда же та уйдет.

Луиза неуверенно наклонилась. В пятидесяти ярдах от них Ричард Лоури сидел рядом со своей палаткой и смотрел в их сторону. Прежде чем Луиза успела себя остановить, ее рука непроизвольно поднялась, чтобы поправить волосы.

— Что, Лоури здесь? — спросил Гиффорд.

— Ричард? Да. — она чуть помедлила. — Мы вернемся к ленчу. Тогда я и сменю тебе бинты.

Когда Луиза вышла из поля его зрения, Гиффорд слегка приподнял подбородок, чтобы внимательно оглядеть берега, затуманенные утренней дымкой. Прокаленные глиняные склоны поблескивали, как горячий асфальт; лишь тоненькая струйка черной жидкости сочилась вдоль русла. Здесь и там посреди пересохших проток вставали маленькие островки — точные полусферы ярдов пятидесяти в диаметре; они придавали всему ландшафту странную геометрическую формальность. Все было абсолютно недвижно, но Гиффорд терпеливо сидел в своих носилках, ожидая, когда змеи выйдут на берег.

Он обратил внимание, что ленч подает Мечиппе, и понял: Лоури и Луиза все еще не вернулись с раскопок.

— Убери это. — он оттолкнул миску консервированного супа. — Принеси виски с содовой. Двойной. — он пристально взглянул на индейца. — А где миссис Гиффорд?

Мечиппе поставил миску обратно на принесенный поднос.

— Мисс Гиффорд скоро прийти, сэр. Солнце очень горячее, она ждать до вечера.

Гиффорд бессильно обвис в носилках, представляя себе Луизу в компании Ричарда Лоури, этот образ неприятно шевельнул в нем последние крупинки исчезнувшего чувства. Затем он махнул рукой, пытаясь разогнать застлавшую глаза пелену.

— А это что?..

— Сэр?

— Черт, я вроде увидел… — Он медленно покачал головой, а тем временем белесое очертание, то ли померещившееся, то ли нет, исчезло на опалесцирующем склоне. — Да нет, еще слишком рано. Так где мой виски?

— Сейчас, сэр.

Гиффорд с трудом сел и беспокойно оглянулся на кучку палаток. У него за спиной наискосок, в продолжение его взгляда, громоздились длинные стены тольтекского города. Где-то там в коридо-

рах, в спиральных галереях были Луиза и Ричард Лоури. Если смотреть с одной из этих высоких террас через аллювиальную гряду, стоящий в отдалении лагерь должен казаться чем-то вроде пары выгоревших на солнце кукурузных початков, охраняемых мертвецом, которого засунули в кресло.

— Милый, ты себе не представляешь, как мне жаль. Мы пытались вернуться, но я неудачно подвернула ногу, — тут Луиза Гиффорд слегка рассмеялась, — почти как это было у тебя, я только сейчас подумала. Вполне может статься, что через день-другой я тоже к тебе присоединюсь. Как хорошо, что Мечиппе присмотрел за тобой и сменил повязку. Как ты себя чувствуешь? Выглядишь значительно лучше!

Гиффорд кивнул в полудреме. Лихорадка спала, но теперь он чувствовал себя выдохшимся и опустошенным. Только виски, который он медленно пил на протяжении всего дня, помогал ему еще осознавать болтливое присутствие жены.

— Это был день в зоопарке, — сказал он и добавил с усталым юмором: — В отделении рептилий.

— Эти твои змеи… Чарльз, ты просто что-то потрясающее!

Луиза обошла кресло-носилки, встала с подветренной стороны, затем переместилась на наветренную. Она помахала Ричарду Лоури, который заносил в свою палатку коробки с образцами:

— Дик, я предлагаю принять душ, а потом мы присоединимся к Чарльзу и выпьем.

— Отличная мысль, — крикнул в ответ Лоури. — А как он себя чувствует?

— Значительно лучше. Ты не против, Чарльз? — повернулась она к Гиффорду. — Тебе будет полезно немного поболтать.

Гиффорд неопределенно покачал головой. Когда жена ушла в свою палатку, он с усилием сфокусировал глаза на пляжах. Там при свете вечера кишели и извивались змеи, длинные тела переливались одно в другое, они обнимали, закрывали весь темнеющий горизонт. Теперь змеи приходили десятками тысяч, они уже выползали за пределы пляжа, на открытую равнину, в сторону лагеря. Днем, в самый разгар своей лихорадки, Гиффорд попытался их позвать, однако голос его был слишком слаб.

Позднее, за коктейлями, Ричард Лоури спросил:

— Как вы себя чувствуете, сэр? — И добавил, не

получив ответа: — Я рад, что вашей ноге лучше.

— Знаешь, Дик, я думаю, что все это — нечто психологическое, — заметила Луиза. — Когда мы с тобой уходим, Чарльзу становится лучше. — она поймала взгляд Ричарда Лоури и держала его.

Лоури крутил свой стакан, на вежливой физиономии играла чуть самоуверенная улыбка.

— А что там насчет гонца? Есть новости?

— Чарльз, ты что-нибудь слышал? Возможно, кто и прилетит сюда в ближайшие дни.

Все время этого обмена любезностями и других подобных разговоров в последующие дни Чарльз Гиффорд отстраненно молчал, глубже и глубже погружаясь во внутренний ландшафт, входивший в него с берегов дельты. Вечерами, по возвращении из террасного города, жена и Ричард Лоури сидели с ним, но он едва осознавал их присутствие. К этому времени ему казалось, что они двигаются в каком-то периферийном мире, актеры захолустной мелодрамы. Иногда он думал о них, однако усилие казалось лишенным смысла. Связь жены с Лоури не трогала Гиффорда, скорее он испытывал к ассистенту благодарность за то, что тот освободил его от Луизы.

Двумя или тремя днями позднее, когда Лоури пришел посидеть с ним вечером, Гиффорд

несколько собрался и сухо произнес:

— Я слышал, вы нашли в террасном городе сокровище.

Но прежде чем Лоури смог ответить, он вновь погрузился в свое бдение.

Как-то вскоре после этого разговора, когда неожиданный приступ боли в ноге разбудил его самым ранним утром, Гиффорд посмотрел в сторону дальних палаток и увидел две фигуры, бредущие сквозь крупитчатую синюю мглу. На какое-то мгновение обнявшиеся тела Луизы и Лоури стали подобны змеям, сплетающимся на пляже.

— Мечиппе!

— Доктор?

— Мечиппе!

— Я здесь, сэр.

— Сегодня, Мечиппе, — сказал ему Гиффорд, — ты спишь у меня. Понимаешь? Мне нужно, чтобы ты был рядом. Если хочешь, ложись на мою кровать. Ты услышишь, если я тебя позову?

— Конечно, сэр. Я слышать вас.

Эбеновое лицо слуги смотрело на Гиффорда почтительно и осторожно. Теперь он относился к хозяину с крайним вниманием; это означало, что тот, хоть и новичком, вошел наконец в мир абсо-

лютных ценностей, состоявший из дельты, змей, постоянно давящего присутствия тольтекских развалин и собственной его умирающей ноги.

За полночь Гиффорд тихо лежал в своих носилках и смотрел, как над поблескивающими пляжами поднимается полная луна. Подобно волосам Медузы, тысячи змей вышли на берега и густо расползлись по краю равнины; луна освещала их белые спины.

— Мечиппе.

Слуга тихо сидел на корточках в тени палатки.

— Доктор Гиффорд?

Гиффорд заговорил тихим, но отчетливым голосом:

— Костыли. Вон там.

Получив от слуги две палки, он сбросил одеяла в сторону, осторожно извлек ногу из подвески, сел и опустил ее на землю. А затем оперся на костыли, наклонился вперед и примерил равновесие. Спеленатая нога торчала вперед, как белая дубинка.

— Еще. В походном столе, правый ящик, мой револьвер. Принеси его мне.

На этот раз слуга помедлил.

— Револьвер, сэр?

— «Смит-Вессон». Он должен быть заряжен, а

если что, там лежит коробка патронов.

И снова слуга заколебался, его глаза не могли оторваться от двух палаток, установленных в ряд чуть поодаль от Гиффордовой. Входы их были прикрыты пологами. Над лагерем повисла тишина, легкие дуновения ветра приглушались еще не остывшим песком и темным липким воздухом.

— Револьвер, — повторил Мечиппе, — да, сэр.

Гиффорд осторожно встал и тут же покачнулся. От непривычных усилий кружилась голова, левая нога, словно огромный якорь, тянула к земле. Взяв револьвер, он указал им в направлении дельты:

— Мы идем смотреть змей, Мечиппе. Ты мне поможешь. Хорошо?

Глаза Мечиппе блеснули в лунном свете.

— Змей, сэр?

— Да. Ты пойдешь со мной до полпути. Потом можешь вернуться. Не беспокойся. Со мной все будет в порядке.

Мечиппе медленно кивнул, глаза его смотрели вдаль, через дельту.

— Я помогу вам, доктор.

Медленно, с трудом пробираясь по песку, Гиффорд для равновесия держался за руку слуги. Сделав несколько шагов, он решил, что подни-

мать тяжелую левую ногу слишком трудно, и дальше тащил этот мертвый груз волоком.

— Господи, как же это далеко!

Они прошли двадцать ярдов. В результате какого-то оптического фокуса ближайшие из змей были теперь, казалось, в полумиле от них, едва различимые среди небольших холмиков.

— Ну, давай дальше.

Еще десять ярдов. Открытый вход палатки Лоури был слева, белый конус москитной сетки маячил во тьме, подобно надгробью. Выдохшись почти окончательно, Гиффорд ковылял, покачиваясь, пытаясь сфокусировать глаза в густом воздухе.

Неожиданная вспышка и грохот, это сам выстрелил и вылетел из разжавшихся пальцев револьвер. Он почувствовал, как напряглись пальцы Мечиппе, державшие его за локоть, увидел, как кто-то выскочил из палатки Лоури, услышал удивленный, испуганный женский крик. Появилась вторая, на этот раз мужская, фигура — появилась, на мгновение оглянулась, спугнутым зверем скользнула между палатками и бросилась, пригнув голову, в сторону террасного города.

Раздраженный всей этой суетой, Гиффорд на-

чал вслепую искать свой револьвер, с трудом справляясь с костылями. Но затем тьма сомкнулась, песок поднялся и ударил его в лицо.

Наутро, когда палатки были сняты и сложены, Гиффорд чувствовал себя слишком усталым, чтобы наблюдать за дельтой. Раньше полудня змеи не появлялись никогда, а разочарование неудачей попытки добраться до них ночью лишило его последних сил.

Когда от лагеря осталась одна его палатка, а от душевой кабинки — только голый каркас, торчащий из земли подобно абстрактной скульптуре или какому-то футуристическому межевому знаку, подошла Луиза.

— Пора снимать твою палатку. — голос звучал естественно, но несколько настороженно. — Парни мастерят носилки. Тебе будет удобно.

— Я не собираюсь никуда уходить, — отмахнулся Гиффорд. — Оставьте мне Мечиппе, а остальных заберите.

— Чарльз, можешь ты для разнообразия хоть сейчас вести себя разумно? — Лицо Луизы оставалось совершенно спокойным. — Нельзя же оставаться здесь до бесконечности, а тебе необходим врачебный уход. Теперь уже ясно, что парень, которого послал Мечиппе, не добрался

до Таксола. Да и запасы уже на исходе, надолго не хватит.

— Надолго? — Глаза Гиффорда, почти совсем прикрытые, подобно испорченному биноклю обшаривали далекий горизонт. — Оставь мне на месяц.

— Чарльз…

— Бога ради, Луиза…

Гиффорд устало уронил голову на подушку. Он заметил, что Ричард Лоури наблюдает за упаковкой экспедиционного имущества, индейцы двигались вокруг него подобно старательным подросткам.

— И для чего вся эта спешка? Почему бы вам не остаться еще на неделю?

— Мы не можем, Чарльз. — она посмотрела мужу прямо в глаза. — Ричард чувствует, что ему надо уйти. Ты же понимаешь. Ради тебя.

— Ради меня? — Гиффорд потряс головой. — Да мне на фиг не нужен этот Лоури. Ночью я шел посмотреть на змей.

— Ну что ж… — Луиза поправила свою рубашку. — Чарльз, эта экспедиция была полным фиаско, очень многое меня просто пугает. Я скажу, чтобы они сняли твою палатку, когда ты будешь готов.

— Луиза. — последним усилием Гиффорд сел. Тихо, чтобы не смущать жену тем, что его слышит Ричард Лоури, он сказал: — Я же действительно шел, чтобы посмотреть на змей. Ты это понимаешь?

— Но, Чарльз! — С неожиданной вспышкой раздражения Луиза почти крикнула: — Неужели ты сам не понимаешь, что здесь нет никаких змей! Ты спроси Мечиппе, спроси Ричарда Лоури, да любого из рабочих! Вся река абсолютно высохла!

Гиффорд повернулся и поглядел на белые пляжи дельты.

— Вы с Лоури уходите. Прости, Луиза, я не выдержу пути.

— Но ты должен! — Она взмахом руки указала на дальние холмы, террасный город и дельту. — Во всем этом месте есть что-то не то, Чарльз, что-то, убедившее тебя в том, что…

К ним медленно приближался Ричард Лоури, сопровождаемый группой рабочих; он подавал Луизе какие-то знаки. Секунду Луиза пребывала в нерешительности, затем раздраженно отмахнулась и села рядом с Гиффордом.

— Чарльз, послушай меня. Я останусь с тобой еще на неделю, как ты того просишь, чтобы ты мог разобраться со своими галлюцинация-

ми, — если ты дашь обещание, что потом уйдешь отсюда. Ричард может отправиться раньше, один, он встретит нас в Таксоле с врачом. — она заговорила тише: — Чарльз, мне очень жаль по поводу всей этой истории с Ричардом. Теперь я понимаю…

Луиза наклонилась, чтобы заглянуть мужу в лицо. Он полулежал в своих носилках перед одинокой палаткой; стоящие кольцом рабочие терпеливо смотрели и ждали. Вдали, милях в десяти над одной из плоских горных вершин, плыло одинокое облачко, словно струйка дыма над спящим, но не совсем еще угасшим вулканом.

— Чарльз. — она ждала, что муж заговорит, надеялась, что он станет ее укорять, а может, и простит. Но Чарльз Гиффорд думал только о змеях на берегу.

1962

The Delta at Sunset. Первая публикация в авторском сборнике The Terminal Beach, июнь 1964.

Утонувший великан
Перевод Г. Шокина

Утром после шторма тело утонувшего великана выбросило на берег, на пляж в пяти милях к северо-западу от города. Первым новость сообщил фермер, выехавший за черту города порыбачить. Потом уже новость подтвердили репортеры и полиция. Мудрые горожане поначалу сочли новость уткой, и я сам был в числе скептиков. Но когда все новые и новые очевидцы, срывая голос от восторга, приносили весть о теле циклопических размеров, лежащем на берегу, оплот критического сопротивления рухнул. В самый разгар дня научный отдел центральной библиотеки, забитый до отказа, опустел — полным составом сотрудники потянулись косяками к побережью лицезреть чудо. В тот день это было обычным делом — постепенно, оставляя за собой пустые конторы и магазины, на месте находки собрался весь город; яблоку упасть негде. Что уж говорить о такой тонкой и требующей концентрации сил процедуре, как парковка личного транспорта!

Он лежал на мелководье — в двух сотнях яр-

дов от плещущихся волн, не более. Размеры его поначалу не казались такими уж страшными и будоражащими — был отлив, почти все тело на виду, этакая дохлая китовая акула. Он возлежал на спине, протянув руки вдоль тела, будто загорал; в зеркале слипшегося мокрого песка отражалась успевшая несколько утратить здоровый цвет кожа. И все же это было шокирующее зрелище — огромный мертвец, притом человек! Толпа, понятное дело, ничего не смогла нам объяснить, и мы сами спустились с дюн на мокрую гальку. В первые полчаса никто, похоже, и думать не смел о том, чтобы подойти к телу, но вот пара отважных — крепкие бывалые рыбаки — выступила вперед. По столпотворению горожан прошел изумленный вздох — так ничтожно малы были эти две фигурки на фоне утопленника! Пятки его, пусть даже увязшие в песке, вдвое превышали каждую из них, а ведь рыбаки ростом обделены не были. Высотой и, надо полагать, весом наш таинственный утопленник мог смело тягаться с массивнейшими представителями семейства китовых.

Три небольших одномачтовых траулера окружили находку с моря. На палубах толпились моряки, кое-кто оглядывал утопленника в бинокль.

Их настороженность остужала пыл энтузиастов с суши, уже готовых двинуться к колоссу по мелководью. В массе своей народ перешел с дюн на гальку, выбирая места обзора получше. По краям тела песок подмыло, и теперь казалось, что мертвец свалился с неба — впрочем, может, так оно и было?

Встав между величественных монолитов его ступней, рыбаки-смельчаки размахивали руками, зазывая нас, словно мы были туристами в родном городе, а они — гидами, стремящимися за скромную плату ознакомить нас со здешней достопримечательностью. Меня на миг обуял ужас: вдруг этот Атлант просто спит, вдруг он вот-вот пробудится, заворочается и одним движением ноги сметет этих безумцев, размажет по мокрому песку? Но нет, он был мертв — это выдавал его пустой взгляд. Атлант умер и не ведал, что там, внизу, в его ногах, копошатся два миниатюрных собрата по облику и крови.

Рыбаки стали обходить труп: неторопливо зашагали вдоль мраморно-белых ног, любопытствуя, изучили обращенную внутренней стороной к небу ладонь, заглянули в расселину между предплечьем и грудью, потом обратились к голове колосса, прикрыв глаза от застывшего в

зените солнца. Лик самого большого утопленника в мире обладал по-гречески правильными чертами и некой трагической красотой, открывшейся в смерти, — мы будто взирали на многократно увеличенный бюст Аполлона.

Толпа вдруг зароптала, и сотни вскинутых рук указали на море. Я содрогнулся. Оказалось, один из рыбаков вскарабкался утопленнику на грудь. Уверенно топча ее подошвами своих прорезиненных рыбацких сапог, он посылал толпе зазывающие пассы. И вот то, что было определенно неминуемо, свершилось: люди двинулись вперед с единым устремлением, не сомневаясь более и не колеблясь. Вскрики удивления, облегчения и торжества заглушила дробь осыпающейся из-под наших ног гальки.

Едва мы достигли тела, распластавшегося в луже воды размером с футбольное поле, воодушевление масс сникло под сенью гигантской фигуры. Самый большой утопленник в мире растянулся на песке под небольшим углом — ноги его легли ближе к берегу, и подобный ракурс скрывал реальную протяженность. Невзирая на пример рыбаков, уже выплясывавших на его животе, толпа образовала широкий круг, и лишь немногие решались подойти к рукам и ногам

мертвого великана.

В компании знакомой я обошел вокруг обращенного к морю гигантского бока. Грудь и бедра титана нависли надо мной, зримо напоминая корму севшего на мель парусника. Посеревшая до жемчужного оттенка кожа, набухшая от долгого пребывания в соленой воде, сглаживала очертания монструозных мускулов и сухожилий. Мы прошли под левым коленом утопленника, чуть согнутым, — слипшиеся мотки водорослей облепили его с обеих сторон. Поперек брюшины свободно свисал, сохраняя тонкую правильность узора, платок из грубой тряпицы, обесцвеченной морем до скудной желтизны. Сильный запах морской воды шел от нехитрого предмета одежды, потихоньку высушиваемого солнцем, мешаясь со сладковатым мускусом кожи колосса.

Встав у плеча утопленника, мы вгляделись в его скованный смертью профиль. Губы чуть приоткрыты, не сомкнуты до конца, распахнутый глаз подернут непрозрачной пленкой, будто залитый свежим молоком. Четко очерченные дуги ноздрей и бровей наделяли его лицо картинной красотой, на контрасте с грубой мужской силой, сокрытой в груди и шее. Ухо нависало над нами замысловато вылепленным жерлом древней ва-

зы. Когда я протянул руку, чтобы дотронуться до его мочки, некто восстал над краем лба и окликнул меня сверху. Я в испуге попятился и увидел, что компания подростков взобралась на лицо нашего короля утопленников и теперь дурачилась вовсю, сталкивая друзей-подруг в глазницы.

Народ уже без зазрения разгуливал по гигантскому телу, восходя по рукам-лестницам. С ладоней люди поднимались к локтям, переползали через вспученные холмы грудных мышц и попадали на плоскую равнину диафрагмы. Кто-то, напротив, хватаясь за складки на шее, залезал на лицо, кто-то скатывался по животу навстречу тем, кто оседлал лодыжки или расхаживал по колонноподобным выступам бедер.

Меня же заинтересовала вытянутая правая рука. Я встал у ладони — в ней, словно волшебный сувенир из неведомого мира, где все люди были столь же велики и красивы, сколь был велик и красив наш великан, лежало небольшое озерцо, порядочно разбрызганное множеством ног. Длань была испещрена линиями, и я попытался прочесть их, разгадать судьбу… но кожа разбухла, линии утратили четкость и уже ничего не могли сказать ни о личности гиганта-утопленника, ни о происшедшей с ним трагедии. Огромные

мышцы рук и мощные запястья говорили о том, что колосс вряд ли обладал тонкой душевной организацией при жизни, но изящной формы пальцы и красивые, полированные, наверное, гигантским куском пемзы ногти указывали на некую утонченность, что подтверждалось и греческими чертами лица, ныне облепленного мухамирожанами. Юный смельчак уселся на кончик носа самого большого утопленника в мире, размахивал руками и кричал что-то своим приятелям, а огромный лик все так же хранил свой тяжелый покой.

Возвратившись на берег, я и моя библиотечная свита расселись на гальке, наблюдая за непрерывным людским потоком, напористо бьющим из города. Шесть-семь рыбацких катеров курсировали неподалеку от берега, а их команды шли вброд по мелкой воде, чтобы взглянуть поближе на этот невиданный дар пучины. Запоздало прибыла группировка полицейских и предприняла нерешительную попытку закрыть берег, но, подойдя к лежащей фигуре, все они, совершенно обескураженные, поспешно удалились, забыв, по-видимому, зачем пожаловали.

Очередной час пролетел как секунда. На берегу скопилась уже тысячная, не меньше, толпа, и

где-то человек двести стояли или сидели на теле колосса, сновали у его рук и ног, разминали подошвами грудь и живот. Главу заняла целая банда мальчишек, они толкались и скатывались по щекам и подбородку, как на водных горках. Трое оседлали нос, а еще один и вовсе не постеснялся забраться в скользкую пещеру ноздри. Засев там, озорник стал лаять по-собачьи, видимо, воображая себя псом в конуре.

Ближе к вечеру полиция все-таки вернулась. Наскоро был расчищен коридор для ученых из университета — главным образом, антропологов и биологов-маринистов. Почти все отхлынули от трупа — за небольшим исключением наиболее дерзких, которые не снялись со своих мест на кончиках пальцев и массивах бровей. Ученые мужи пару-тройку раз обошли колосса, о чем-то поспорили, пощипали свои клочковатые бороды, но к какому-либо единому выводу, судя по начавшейся перебранке, так и не пришли. Подле вытянутой руки утопленника полисмен предложил одному антропологу подняться на ладонь, но тот в ответ лишь побледнел и перекрестился, всем видом своим демонстрируя, что к столь близкому контакту с чудом природы не готов. Вскоре ученые устремились к берегу, и народ

возрадовался: дивная находка вновь перешла в их безраздельное владение.

Три дня спустя я снова явился на побережье. Коллеги, вернувшись к библиотечным заботам, поручили мне наблюдать за телом гиганта и рассказывать обо всем им. Возможно, они почувствовали, что меня и самого влечет туда, к побережью. Ничего предосудительного в этом не было, ведь колосс был для меня скорее живым существом, нежели уже умершим… Возможно, куда более живым, чем все те бесчисленные зеваки, приходившие на него посмотреть. Но что же в нем так очаровывало меня? В какой-то степени — небывалые размеры, громадный объем пространства, который занимали его руки и ноги, будто призванные подчеркнуть миниатюрность моих собственных конечностей. Но помимо того — непреложный, безусловный факт его существования; что бы ни подлежало в нашей жизни сомнению, огромный утопленник в эту общность не входил. Мертвый, живой ли — он все равно *существовал,* этот гость из мира возвышенных абсолютов, в сравнении с которыми мы все выглядели незначительно и мелко.

Когда я приехал на побережье, толпа была значительно меньше. Около двух или трех сотен

людей расположились на гальке, как на пикнике, наблюдая за группами визитеров, блуждавших по песку. Череда приливов и отливов подтолкнула исполина ближе к берегу, так развернув голову и плечи, что он казался теперь вдвое ближе. Величину его подчеркивали незначительные размеры лодок, вытащенных на берег вблизи тела. Косая горизонталь отмели выгнула позвоночник колосса аркой, увеличив грудь. Запрокинутая голова придала ему более выразительную, даже героическую позу. Совместное действие морской воды и разложения тканей сгладило черты лица, отчего оно утратило молодой, почти юный вид. Хотя громадные размеры головы вряд ли делали возможной попытку оценить возраст и характер утопленника, в прошлый приезд мне показалось, что он был молодым человеком сдержанного и скромного нрава. Сейчас же самый большой утопленник в мире выглядел мужчиной среднего возраста, не менее. Вислые щеки, рыхлый нос и опухшие веки придавали ему зрелую расплывчатость.

То, как образ колосса преображался и раскрывался в процессе посмертия, не могло меня не поражать. Изменяясь, он отдавался на милость беспощадной системе вещей, где убийца по име-

ни Время подчинял все и вся, диктовал свою волю, просыпая миллионы песчинок наших тусклых жизней. Я устроился на гальке прямо напротив головы утопленника, откуда мог видеть все новых очевидцев и детей, облепивших конечности гигантского мертвеца.

Среди утренних посетителей отметились несколько мужчин в кожаных куртках и парусиновых панамах, которые поглядывали на колосса придирчиво и расчетливо и даже мерили шагами его длину. Прутиками они делали на песке приблизительные расчеты. Я решил, что прислал их департамент общественных работ или какой-то другой муниципальный отдел, пожелавший узнать, как избавиться от морского чудовища.

На берег явились также еще несколько личностей, одетых, пожалуй, поофициальнее — выпитые бизнесмены. Они медленно прогуливались вокруг тела, держа руки в карманах пиджаков; друг с другом они не общались. Размеры гиганта явно были велики даже для их деловой хватки. После того как они ушли, дети продолжили взбегать на руки и ноги утопленника, а молодежь устроилась с радиоприемником на опрокинутом навзничь лице. Мокрый песок, натасканный ногами, пятнал белую кожу.

На следующий день я намеренно отложил визит на послеобеденное время, и, когда прибыл, сидящих на гальке зевак было немногим более полусотни. Море подтащило колосса еще ближе — сейчас он находился от берега на расстоянии где-то в семьдесят ярдов. Его ступни сокрушили частокол гниющего волнореза. Лицо, посиневшее и распухшее, ушло вбок — как если бы титан утомился смотреть на свидетелей собственной смерти, отвернулся от их назойливости. Кожа, утратив оттенок жемчуга, была вся в песчано-водяных потеках. Меж пальцев запутались охапки водорослей, выплюнутых ночным приливом, под голенями уже и вовсе образовались маленькие мусорные кучи… но, несмотря на все это, колосс умудрялся хранить свое гомеровское величие. Необъятная ширь плеч и мощь колонн-рук и опор-ног словно переносили эту фигуру в другое измерение, и самый большой утопленник в мире казался одним из павших аргонавтов или героев «Одиссеи»; он был *более* реален, чем его образ в моей памяти.

Сойдя на песок, я двинулся, минуя лужи, к колоссу. Пара мальчишек в ушной раковине и одинокий папаша, стоявший на подушке одного из пальцев, взялись стрелять в меня взглядами,

стоило только приблизиться. Но, как я и надеялся, оттягивая визит, никто больше не обратил на меня внимания. Люди на берегу наглухо запахивали плащи и ежились.

Опрокинутая ладонь колосса была усыпана обломками ракушек и песком, в котором виднелись отпечатки ног. Округлая масса бедра возвышалась надо мной, закрывая море. Пряный запах, доносившийся до меня и ранее, был здесь сильнее. Сквозь полупрозрачную кожу я видел змеевидные петли задубевших кровеносных сосудов. Чувствуя себя почему-то бесцеремонным еретиком, попирающим таинство самой Смерти, я поставил ногу на тело.

Воспользовавшись выступающим большим пальцем как ступенькой лестницы, я взобрался на ладонь и начал восхождение. Кожа оказалась тверже, чем я ожидал, даже не продавливалась под моим не самым малым весом. Я быстро прошел по предплечью через вздувшиеся шары грудных мышц. Лицо утопленника нависло надо мной справа. Щеки и нос вместе напоминали причудливый потухший вулкан с двумя жерлами. Осторожно обогнув плечо, я ступил на широкий променад груди, поперек которой, подобно огромным балкам, выступали гребни

реберной клетки. По белому атласу кожи шли бесчисленные синяки — следы ног, делавшие ее темной; были отчетливо различимы рисунки каблуков. Кто-то построил небольшой замок из песка прямо над сердцем мертвого гиганта, и я взобрался на это уже частично разрушенное сооружение, чтобы лучше разглядеть лицо.

Мальчишки — похоже, два брата, старший и младший, — больше не ковырялись в ухе, перебравшись на огромную правую глазницу, откуда мимо их крошечных фигурок, напрочь затянутый белой пеленой, незряче таращился глаз колосса. Лицо, наблюдаемое снизу и под углом, лишилось привлекательности и спокойствия, вытянувшийся искривленный рот и вздернутый подбородок напоминали разрушенный нос корабля, севшего на мель. Впервые я осознал, сколь, надо думать, велики были последние физические страдания колосса, ощутил абсолютное одиночество погибшего, брошенного, как покинутый корабль на пустом берегу, оставленного на милость волн, обточивших его лик до карикатурной маски усталости и беспомощности.

Как только я шагнул вперед, нога моя провалилась в мягкие ткани. Струя трупного газа ударила из пробоины между ребер. Пахнущее тленом и

разложением облако зависло над моей головой, и я отвернулся к морю, чтобы отдышаться. Тут, изумившись порядочно, я заметил, что кисть левой руки гиганта была ампутирована. Отчего-то испугавшись, я взирал на темный обрубок, а одинокий юнец, качавшийся на своем насесте, внимательно разглядывал меня, и было в его взгляде что-то пытливо-кровожадное.

Так дан был старт великому разорению. Следующие два дня я провел в библиотеке — наведываться к берегу почему-то не хотелось. Видимо, моя страсть перегорела из-за того, что я осознавал: дальше на моих глазах чудо будет лишь распадаться, не прибавляя и не открывая новых качеств. Когда я в следующий раз пересек дюны и ступил на береговую гальку, колосс был немногим далее двадцати ярдов. Коснувшись грубых каменьев, черты его утратили ту волшебную ауру, что некогда витала над далеким, ласкаемым волнами торсом. Синяки и грязь по всему телу приблизили самого большого утопленника в мире к категории привычных вещей, и огромные размеры лишь подчеркнули его уязвимость.

Правая рука и нога утопленника были отделены, оттащены по склону и увезены. Расспросив небольшую группу прибрежных зевак, я сде-

лал вывод, что сделали это владельцы фабрики удобрений и кормов для скота. Оставшуюся ногу вздернули за большой палец на стальном тросе — приготовив, надо думать, к дальнейшим ампутационным работам. Рабочие — бригада голов в двадцать — разворошили гальку, и в местах, где волокли отрезанные части, залег глубокий след. Кровь из обрубков запеклась пластами на песке, перемазала белые декоративные раковины. Подойдя поближе, я обнаружил, что бледную кожу самого большого утопленника в мире покрыли разнообразные граффити, от смешных надписей до свастик, нарисованные и вырезанные, словно та самая первая ампутация дала негласное одобрение на вандализм, более напоминавший выход чьей-то потаенной агрессии. Одну из мочек насквозь пробили гарпуном, на груди кто-то развел костерок, оставивший после себя участок запекшейся до черноты кожи; мелкую древесную золу все еще гонял по нему ветер. Скверный запах распада окутал труп, но от него хоть была одна польза — молодежь с радиоприемниками перестала тут заседать. Раздувшиеся щеки колосса превратили его глаза в щелочки, растянули губы в раблезианском зевке. Нос утратил античные прямоту и правильность: сотни подошв расплю-

щили его, и он провалился внутрь гниющей головы. Когда я прибыл на следующий день, ее уже увезли, и камень свалился с моей и без того тяжелой души.

Прошло несколько недель, прежде чем мне вновь удалось навестить побережье. К этому времени сходство самого большого утопленника в мире с человеком исчезло. Если тщательно приглядеться, лежащие на берегу грудная клетка и живот были, вне сомнений, *подобны* человеческим, но, так как все конечности были обрублены, вначале по колени и локти и затем по плечи и бедра, туша напоминала теперь любое обезглавленное морское животное, будь то кит или нарвал. С утратой схожести фигуры колосса с человеком, с уходом всех тех индивидуальных черт личности, что были присущи утопленнику, интерес зевак угас. Люди схлынули с берега, остались только старик-дворник и ночной сторож, судачащие о чем-то на пороге поставленной подрядчиком будки.

Неряшливые деревянные леса были сооружены вокруг туши. Дюжина тонких лестниц скрипела на ветру. Песок вокруг лесов был замусорен, в беспорядке валялись мотки веревок, длинные тесаки с металлическими ручками и крюки.

На черной гальке поблескивали шматы кожи и окровавленные обломки костей.

Я кивнул сторожу — тот строго взглянул на меня поверх угольной жаровни. Воздух вокруг был пропитан острым запахом ворвани, кипящей в чане за лачугой. Небольшой подъемный кран был накрыт тканью, что некогда прикрывала чресла Атланта. Обе берцовые кости были увезены, на их месте зияли глубокими жерлами темные лунки. Предплечья и ключицы постигла та же участь. То, что осталось от груди и живота, было размечено дегтярной кистью на параллельные полосы. Первые пять или шесть секций уже были срезаны с диафрагмы — открывалось просторное нутро грудной клетки.

Когда я уходил, стая чаек скатилась с неба и устроилась на берегу. Их ждал пир.

Несколько месяцев спустя, когда случай, в общем-то, позабылся, различные части тела расчлененного гиганта начали вновь всплывать по всему городу. Главным образом кости — фабрикантам удобрений оказалось не под силу их измельчить. Размеры сразу выдавали их происхождение; удивительно, но, даже будучи вырванными из тела, эти фрагменты так и дышали былым величием утопленника, чего

нельзя было сказать о тех почерневших культях, что оставили после себя мародеры. В китобойной пивнушке мне на глаза попались давешние берцовые кости — бог мой, какими же они были огромными! Нависая над седыми главами моряков, они казались артефактами примитивной, но мощной культуры. Абсурдный образ явился мне: вот двери слетают с петель, и огромная ручища великана срывает кости со стены, ломая крепеж из стальных саморезов… Так, обойдя город, колосс соберет все свои части, объединит их — и возвратится в море, в родную стихию.

Несколько дней спустя я увидел левую плечевую кость, лежащую у ворот одной из верфей. На этой же неделе на карнавальном плоту, во время Дня города, была выставлена мумифицированная правая рука. Нижняя челюсть — забавно, но факт — нашла себе место в краеведческом музее. Череп исчез. Думаю, его осколки можно отыскать либо на городской свалке, либо на задворках чьего-нибудь сада… Вот, к примеру, совсем недавно, сплавляясь на катере по реке, я подметил два ребра великана. Хозяин прибрежного палисадника сделал из них декоративную резную арку. Возможно, он принял их за китовьи. И еще огромным прямоугольным куском потемневшей кожи

колосса выстлали витрину в магазинчике, торгующем сувенирами и карнавальными масками у входа в парк. Не удивлюсь, если узнаю, что в каком-нибудь пансионе или клубе на стене над камином висят засушенные уши гиганта… или, скажем, нос.

Что же касается его полового органа, тот достался музею диковин, разъезжающему с гастролями по всему миру. Монструозный отрезок плоти, по слухам, занял целый отдельный павильон. Ирония в том, что его по ошибке принимают за часть тела кита. Да и большинство людей, даже тот фермер, которому посчастливилось первым узреть огромное тело, исторгнутое беснующимися волнами на берег, ныне вспоминают колосса просто как «крупную морскую зверюгу».

Оставшиеся кости скелета, на коих не сохранилось и прожилки, поныне покоятся на берегу. Клеть выбеленных ребер подобна опорам разбившегося Ковчега. Будку подрядчика, кран и строительные леса давно убрали, песок похоронил огромный таз и позвоночник. Зимой костяные арки раскачиваются от ударов бушующих волн, а летом, в дни штиля, на них рассаживаются решившие отдохнуть от бесконечности моря чайки.

1963

The Drowned Giant (альтернативное название The Souvenir). Первая публикация в авторском сборнике The Terminal Beach, июнь 1964.

Джоконда в сумрачном полудне
Перевод Г. Шокина

— Черт бы побрал этих чаек! — пронзительно вскрикнул Ричард Мэйтланд. — Умоляю, Джудит, заставь этих птиц улететь!

Она подбежала к инвалидной коляске и суетливо поправила наглазник на его лице. Бросила взгляд на речной пляж, простершийся за лужайкой.

— Просто не думай о них, — произнесла она. — Они там сидят, вот и все.

— В том-то и дело, что не все! — Взвесив трость в руке, Ричард взмахнул ей — воздух рассерженно свистнул. — Эти твари следят за мной, нутром чую!

На весь реабилитационный срок они заселились в дом матери Ричарда, обитель ярких воспоминаний. По нелепой случайности Ричард схлопотал травму глаз, и, если бы не вдруг начавшийся воспалительный процесс, отделался бы временной слепотой. Но судьба не дала ему шанса: осложнения, операция, месяц вынужденного мрака.

Как у многих слепцов — неважно, уродившихся такими или потерявших способность видеть в возрасте, — чувства Ричарда Мэйтланда болезненно обострились.

От дома до берега было пять миль, но гонимые приливом, гнездившиеся в дельте ненасытные чайки перебрались на новое стойбище, в пятидесяти ярдах от лужайки, где он любил отдыхать в своей коляске. Джудит едва слышала шум птиц, но для Ричарда их клекот был подобен дьявольской литании, раз за разом выкрикиваемой прямо в уши из томно-теплого эфира и порождающей болезненные видения скользких базальтовых берегов, омытых хладной кровью тысяч растерзанных рыбин.

В слепом гневе он застыл, позволяя адским птичьим голосам заполнить череп, подобно древней вазе, но тут пришел краткий миг тишины — а потом вся стая, полоща по воздуху похрустывающими, как листы бумаги, крыльями, взвилась в небо. Вцепившись в трость, так что побелели пальцы, Ричард весь подобрался в коляске — ему почудилось, что сейчас птицы разом атакуют его и их мерзкие острые клювы сорвут повязку и вонзятся в его слезящиеся незрячие глаза.

Будто стремясь оградить себя от их гнева, Ри-

чард продекламировал молитвенно:

Страданиям Агамемнона,
Наполнившим кровавый сад,
Птиц райских трель служила фоном,
Птиц райских трель – звучанья ад…

За две недели, прошедшие после выписки из стационара, Джудит прочла ему вслух почти все стихотворения раннего Элиота. Грай незримых чаек как нельзя лучше вписывался в его пасмурные поэтические ландшафты.

И вот птицы снова усеяли пляж, и Джудит нерешительно прошла по лужайке навстречу Ричарду. Ее размытая тень первой достигла его, охватив черной кромкой закрытые несчастные глаза.

— Их шум, он ужасен, — пробормотал он и натужно рассмеялся. — Что они там делают? Обгладывают коровью тушу?

— Вовсе нет. Ничего такого… если верить моим глазам. — последнее слово у нее вышло скомканным. Невзирая на временную природу слепоты Мэйтланда — чуть ослабив бинты, он вполне мог различить очертания сада и склонившихся над водой плакучих ив, — Джудит все еще придерживалась в общении с ним определенной

уклончивости. Его же только раздражали все эти условности, выдуманные зрячими для незрячих. Истинными калеками, подумал Ричард, совершенно точно являются стопроцентно здоровые люди.

— Дик, мне нужно съездить в город за продуктами. Ты посидишь полчаса без меня?

— Спрашиваешь! Только посигналь из машины, когда вернешься.

Необходимость содержать в порядке большой загородный дом, да еще и в одиночку — давно овдовевшая мать Ричарда отбыла в круиз по Средиземноморью, — не позволяла Джудит проводить с мужем все время. Ричард, к счастью, прекрасно знал дом и ориентировался в нем без чьей-либо помощи. Веревочных перил и подушечек на острых углах стола хватало для снижения риска травм. Более того, слоняться по дому для Ричарда было одно удовольствие. В этих узких коридорах и на темных лестничных маршах он чувствовал себя увереннее Джудит — та часто не могла найти его по вечерам и всякий раз пугалась, когда он бесшумно выплывал из дверного проема прямо у нее перед носом. Полюбив блуждания по ветхим мансардам и пристройкам, Ричард обрел веселость, странным образом напоминавшую

Джудит о его матери — статной красавице, с чьих губ никогда не сходила отстраненная, как будто что-то скрывающая полуулыбка.

На первых порах, когда повязки приводили Ричарда в бессильную ярость, Джудит с утра до полудня читала ему вслух газеты, иногда — стихи и даже тяжело пошедшего «Моби Дика». Прошло время, и он смирился с положением слепца, усвоив то, что прекрасно знает любой лишенный зрения человек: визуальная информация — это еще не все. Он готовился к беспроглядной стигийской темени, но мозг милостиво одаривал его причудами света и цвета, возникающими прямо из черноты подсознания. Порой, когда он лежал, греясь в лучах утреннего солнца, ему виделись изысканные оранжевые узоры, источавшие некое внутреннее тепло; позже они превращались в яркие световые точечные проколы в завуалированном пейзаже, высвечивая неясные фигуры, похожие на животных, блуждающих в полумраке закатной африканской саванны. А иногда на этом внутреннем экране проецировались старые воспоминания — зрительные реликвии детских лет, давно уже, как ему до поры казалось, затерянные в лабиринтах памяти.

Именно эти образы вкупе с вызванными ими

странными ассоциациями более всего занимали Ричарда. Не требовалось усилия воображения, чтобы вызвать их, — мозг отвел ему роль пассивного наблюдателя за этими вспыхивающими и рассеивающимися картинами. Сильнее других его интриговал неизменно кратковременный образ крутых гор, коридоров с зеркалами на стенах и высокого островерхого дома, окруженного стеной. Образ этот являлся вновь и вновь, хоть и не имел никакого отношения к дремлющей памяти. Ричард принимал попытки исследовать наваждение, отмечая одну конкретную деталь — горы или дом — и выжидая прихода каких-либо ассоциаций. Но грай чаек и шелест перемещений Джудит, хлопотавшей по хозяйству, всячески его сбивали.

Вот и сейчас — ее голос:

— Пока, дорогой! Скоро буду!

Вместо ответа он махнул тросточкой. Прислушался к шуму отъезжающего авто, нарушившему звуковую картину дома. Среди зарослей плюща под окнами кухни зудели осы, кружащие над подтекающим шлангом полива. Деревья покачивали ветвями в мареве, и их шелест скрадывал шорох шин.

Нежданно-негаданно смолкли чайки. Обычно

это настораживало Ричарда, но сейчас он просто откинулся на спинку кресла и развернулся так, чтобы луч солнца касался его лица.

Свободный от досужих мыслей, он следил за тихо расцветающими внутри разума пятнами света. Изредка движение ветвей ивы на ветру или жужжание пчелы, бьющейся о стенки стоящего на столе кувшина с водой, возвращали его в исходную темноту. Когда-то, еще будучи человеком видящим, Ричард читал, что у больных шизофренией восприятие и внимание порой дико обострены; они могут ощущать, что их сознание переполняют знаки и звуки окружающего мира. В связи с этим для них практически невозможно браться за что-либо серьезное. Кажется, все захватывает внимание: исчезают барьеры между внутренним и внешним миром, и все излишества последнего засоряют сознание.

Ричард медленно вздохнул и расслабился в кресле. Из черноты внутри головы вырисовалась ставшая уже привычной картина: суровый скалистый берег проступал сквозь туман, ползком спускающийся с темных горных вершин. Низкий небосвод отражался в зеркале воды цвета жидкого олова; этот же тусклый коричневатый оттенок распространялся и на весь остальной

пейзаж. Едва завеса тумана истончилась, Ричард переместился ближе к берегу — туда, где волны разбивались о скалы, оставляя пенные шапки на скользких камнях и в сонме маленьких расщелин.

Пейзаж напомнил Ричарду холодный Шпицберген и знаменитый мыс Горн, мыс погибших кораблей, но к его собственному жизненному опыту он не взывал ни в коей мере. А скалы все близились, восходя вверх, издевательски реальные — и издевательски же незнакомые.

Все еще отделенный от них полосой мутных вод, Ричард следовал вдоль линии берега, пока между скал не открылся вход в затопленное устье. Сепия света уступила прозрачности, и оказалось, что и дельта, и голубые утесы кругом, испещренные гротами и жерлами пещер, излучают мягкий призматический свет, совершенно неземной, будто исходящий от фонарей идущих дозором слуг горного короля.

Стараясь задержать сцену в сознании, как фотокарточку, Ричард принялся исследовать берега дельты. Чем ближе он подступал к пустынным пещерам, тем сильнее сводчатые проходы с полузеркальной поверхностью отражали свет. В тот же миг Ричарду казалось, что каким-то непо-

стижимым образом он, углубляясь в пещеры, ступает под своды островерхого дома, виденного им раньше, в прежних грезах. Где-то внутри дома, прячась за зеркалами, высокая фигура в зеленых одеждах следила за каждым его шагом и, как только они сближались, отступала сквозь пещеры… сквозь крестовидные своды…

Веселой трелью отозвался клаксон машины, заскрипел гравий под колесами.

— Дорогой, я дома! — услышал он голос Джудит. — У тебя все хорошо?

Беззвучно чертыхнувшись, Ричард стал искать свою тросточку. Образ сурового берега с призрачными гротами растаял. Подобно слепому червю, Ричард повернул голову в сторону новых звуков и старых очертаний сада.

— У тебя все хорошо? — переспросила Джудит, пересекая лужайку. — Ты так ссутулился. Неужели опять чайки-докучайки?

— Нет, птицы тут ни при чем. — хотя, отвечая ей, Ричард вдруг понял, что чайки, пусть и не были частью образа, определенно поспособствовали его становлению. Морские охотники с перьями цвета пены, они как никто иной были бы уместны в тех суровых высях.

— Я спал, — выдавил он.

Джудит присела рядом с ним на корточки и взяла за руки:

— Прости, что не уделяю этому внимания. Я попробую сделать пугало. Они…

— Нет! — Ричард резко высвободился. — Они мне не мешают! — Понизив голос, он спросил: — Ты кого-нибудь повстречала в городе?

— Только доктора Филипса. Он сказал, что снимет твою повязку дней через десять.

— Хорошо. Спешка ни к чему. Хочу, чтобы все зажило на совесть.

Когда Джудит вернулась в дом, Ричард попытался вернуться к грезе.

Но образ не шел.

Следующим утром Джудит за завтраком разбирала почту, объявляя вслух:

— Открытка от твоей матери. Она сейчас неподалеку от Мальты, на острове Гозо. Такое красивое место! Если у нас будет свободное время, непременно слетаем туда отдохнуть! Море цвета темного вина, высокое небо, голубые утесы — разве не прелестно?

— Можно? — Ричард протянул руку, ощупал открытку. — Разве бывают голубые утесы?

— Ну, вообще, нет, но на этой фотографии они именно такие. Наверное, просто проблемы с цве-

топередачей.

— Ничего не «просто», Джудит. — сказав это, Ричард направился в сад, держась за натянутую специально для него веревку. Открытку он взял с собой.

В своем кресле он вдруг принялся размышлять о превратностях, заставляющих искусство порой вторить реальной жизни, и наоборот. Взять хотя бы эти преследующие его рассудок призрачные пещеры — нечто подобное ведь можно увидеть на полотне кисти Леонардо «Мадонна в гроте». Картина мрачная и довольно-таки таинственная: Мадонна, восседающая на голых каменьях у воды, словно верховная фея морской пучины, провозглашающая новый гибельный Потоп. Как и на многих других картинах Леонардо, вся ее уникальная тоска и весь ужас отражались в пейзаже заднего плана. Сквозь арку скал были видны те самые кристальнолубые утесы, к которым и обращалось мечтательное око разума Ричарда.

— Прочитать ее вслух? — спросила Джудит, подойдя поближе.

— Что?

— Открытку твоей матери. Она у тебя в руке.

— А, прости. Конечно же.

Но, слушая короткое письмо от матери, он ждал

лишь одного — когда Джудит вернется в дом. Когда она ушла, Ричард несколько минут сидел в кресле неподвижно. Сквозь ряды деревьев до него доносились далекий шум реки и слабые крики чаек, спешивших вниз по течению к дельте.

На этот раз, будто признавая потребность Ричарда, видение прибыло к нему быстро. Он миновал темные утесы и волны, изгибающиеся во входы в пещеру, и затем вошел в мир сумеречных гротов около реки. Снаружи, через каменные галереи, он видел поверхность воды, блестящей как листовая призма, и мягкий синий свет, отраженный в стеклянных зеркалах, формировавших стены пещеры. В то же время он ощутил, что входит в высокий островерхий дом, окружающая стена которого была обрывом утеса, видимого с моря. Скальные своды дома наливались оливково-черными цветами морской бездны. Кружевные портьеры на дверях и окнах напоминали древние рыболовецкие сети.

Лестница шла через грот, знакомые повороты уводили во внутренние пределы пещеры. Бросив взгляд вверх, Ричард заметил фигуру в зеленых одеждах, наблюдающую за ним из сводчатого прохода. Ее лицо было скрыто от него, скрыто светом, отраженным от влажных зеркал на стенах.

Ричард сделал шаг вперед, устремившись к ней, и на мгновение лицо фигуры проявилось.

— Джудит! — Качнувшись вперед в кресле, он беспомощно попытался нащупать правой рукой стоящий на столе кувшин с водой, а левой тер лоб, пытаясь изгнать кошмарный образ.

— Ричард? Что такое?

Он услышал быстрые шаги жены, а потом почувствовал, как ее руки в успокаивающем жесте сжали его собственные.

— Дорогой, что стряслось? Ты вспотел!

Днем того же дня, снова оставшись в одиночестве, Ричард опять приблизился к темному лабиринту — с большей осторожностью. При отливе чайки возвращались на влажную отмель, находившуюся ниже сада, и их первобытные крики увлекли его разум за собой — так погребальные птицы сопровождали тело Тристана. Оберегая себя и свои страхи, он неспешно двигался чрез светящиеся покои подземного дома, отводя взгляд от чаровницы в зеленых одеждах, следившей за ним с лестницы.

— …Так что тебе приснилось? — спросила Джудит, подойдя. По звякающему звуку и запахам он понял, что в руках она несла поднос с едой и чаем.

— Дом на дне моря… с зеркалами на стенах. Еще глубокий грот, — ответил он, тщательно выбирая слова. — Я видел… но как-то странно, словно проник в сны давно ослепших людей.

За те день и вечер Ричард возвращался в грот еще не раз. Крадучись сквозь внешние покои, он всякий раз чувствовал присутствие женщины в зеленом, караулившей его у входа в сердце священной тайны.

* * *

На следующее утро прибыл доктор Филипс — сменить повязку на глазах.

— Прогресс налицо, — резюмировал он, держа в одной руке фонарик, а другой залепляя веки Ричарда. — Еще неделю подержим — и снимем. Зато теперь вы знаете, как живут слепые люди!

— Им можно позавидовать, — пробурчал Ричард.

— Хм, правда?

— Они видят внутренним зрением. В определенном смысле — более объективным.

— И такая гипотеза существует. — Доктор Филипс закончил с повязкой и опустил шторы. — И что же вы видели своим внутренним зрением?

Ричард ничего не ответил. Доктор Филипс

продолжал осмотр в затемненном кабинете, но тонкий луч его фонарика и солнце, пробивающееся сквозь шторы, наполнили мозг Ричарда искрами. Он подождал, пока свет исчезнет, но почти сразу же понял, что тот выжег дотла его внутренний мир: грот, дом с зеркалами и ведьму в зеленом.

— Это все гипнагогические галлюцинации, картинки на грани яви и сна. — Доктор Филипс застегнул свой чемоданчик. — Вы живете в интересной местности — здесь много вводящих в транс звуков. Вы не занимаете ничем свои зрительные нервы, но это не значит, что они не работают сами по себе. В таком промежуточном состоянии я бы не удивлялся маленьким странностям.

После того как он ушел, Ричард обратился к незримым стенам — его губы зашевелились под слоями марли:

— Доктор… дайте мне назад мои глаза.

* * *

Ему потребовалось два дня, чтобы прийти в себя после этой краткой светотерапии. Старательно, камень за камнем, он воссоздал обласканный туманами тайный берег в своем сознании и ис-

следовал его повторно в поисках потерянного устья.

Наконец сияющие гроты явились снова.

— Будет лучше, если сегодня я лягу один, — сказал он Джудит. — Я пойду в спальню матери.

— Конечно, Ричард. В чем дело?

— Я себе места не нахожу. Очень мало двигаюсь. Но осталось всего три дня. Не хочу тебя беспокоить.

Он сам добрался до материнской спальни, куда попадал всего несколько раз за долгие годы своего брака. Высокая кровать, мягкий шепот шелков и эхо забытых ароматов вернули его в раннее детство. Он пролежал без сна всю ночь, прислушиваясь к шуму реки, отраженному от хрустальных вазочек над камином.

На рассвете, когда чайки прилетели из дельты, Ричард снова посетил голубые гроты и высокий дом на скалах. Манящие глаза и бледный маяк — улыбка женщины в зеленом — влекли его, звали за собой.

Однако после завтрака возвратился доктор Филипс.

— Все в порядке, — деловито сообщил он Ричарду, ведя его в дом по лужайке. — Пора снимать повязку.

— Окончательно, доктор? Вы уверены?

— Абсолютно. Мы ведь не хотим ждать вечно, не так ли? — Доктор развернул Ричарда в сторону кабинета. — Садитесь сюда, мистер Мэйтланд. Миссис Мэйтланд? Задерните шторы, будьте любезны.

Ричард застыл, опершись о край письменного стола.

— Доктор, еще недавно вы говорили, что осталось три дня.

— Да, я ошибся. Не хотел вас понапрасну волновать. В чем дело? Вы колеблетесь, словно старая дева. Хотите еще немного побыть слепым?

— Слепым? — ошеломленным эхом отозвался Ричард. — Нет, что вы.

Он послушно опустился в кресло, но, когда доктор Филипс начал снимать повязку, его вдруг охватило страшное чувство утраты.

— Доктор, а нельзя ли отложить…

— Совершенно незачем что-то откладывать. Все в порядке. Не беспокойтесь, я не собираюсь открывать шторы. Пройдет еще целый день, прежде чем вы сможете выйти на солнце. А пока я дам вам лечебные очки. Вообще, эта повязка пропускала гораздо больше света, чем вы себе представляете…

В одиннадцать часов следующего утра, надев солнечные очки, Ричард Мэйтланд вышел на лужайку. Джудит, стоя на террасе, наблюдала, как он обходит свое инвалидное кресло. Когда муж достиг деревьев, она позвала его:

— Все в порядке, дорогой? Ты меня видишь?

Не отвечая, Ричард обернулся. Сняв солнечные очки, он бросил их в траву и сквозь частокол деревьев устремил взгляд на дельту — на голубую поверхность воды, простершуюся от берега до берега. Сотни чаек армией выстроились на пляже, повернув головы в профиль так, что Ричарду были видны серпы их изогнутых клювов. Он оглянулся посмотреть на дом с остроконечной крышей, признав в нем тот самый, где бывал в своем видении. Теперь все в доме, равно как и в переливчатых водах текущей мимо реки, виделось ему мертвым.

Вдруг чайки взмыли в воздух — их крики заглушили голос Джудит, продолжавшей звать мужа с террасы. Плотной спиралью поднимаясь с земли, собравшись в огромную серповидную фигуру, стая развернулась над головой Ричарда и пронеслась над домом.

Решительно раздвинув ветви ив, Ричард вышел на берег реки.

* * *

Мгновение спустя до слуха Джудит донесся его громкий вопль, заглушивший крики чаек. Вопль этот был исполнен боли и триумфа, и она побежала в рощицу, не понимая, поранился ли ее муж или же был поражен неким внезапным открытием.

А потом он предстал перед ней — стоящий на берегу, с обращенным к солнцу лицом, подобный страстному нераскаявшемуся Эдипу.

Алая кровь струилась по его пальцам, слезами капала из опустевших глазниц.

1963

The Gioconda of the Twilight Noon. Первая публикация в авторском сборнике The Terminal Beach, июнь 1964.

Танцы на вулкане
Перевод Г. Соловьевой

Они жили на горе Тиаксихуати, в полумиле от вершины. Лавовый поток, на котором был выстроен дом, походил на слоновью шкуру. Днем и вечером мужчина, Чарльз Вандервелл, сидел у окна гостиной, любуясь огненными шоу над кратером. Грохот лавинами скатывался по склонам. Временами шипел, остывая в водяной цистерне на крыше, вулканический пепел. Женщина большей частью спала в спальне с окном на долину или, когда ей хотелось быть поближе к Вандервеллу, на кушетке в гостиной.

Ближе к вечеру она ненадолго просыпалась — в это время на дороге в четверти мили от дома исполнял свой танец жонглер с чертовыми палочками. Этот бродяжка пришел в горы выступать перед жителями деревни, но его танцы не потушили вулкана и не помешали жителям покинуть вершину. Люди проходили мимо него, толкая перед собой тачки, и не поднимали глаз, чтобы поглядеть, как он танцует, постукивая палочками. Обескураженный попрошайка соби-

рался уходить, когда Вандервелл прислал к нему слугу с американским долларом. С тех пор танцор являлся ежедневно.

— Он еще здесь? — спросила женщина, входя в гостиную и запахивая на талии халат. — Чем он занимается?

— Ведет бой с духом вулкана, — объяснил Вандервелл. — Он вкладывает в это дело много мысли и энергии, но надежды нет.

— Я думала, ты на его стороне, — удивилась женщина. — Разве ты не платишь ему авансом?

— Это чистая формальность. Хочу показать, что я его понимаю. Строго говоря, я на стороне вулкана.

— Ты уверен, что здесь безопасно?

— Конечно, — отмахнулся Вандервелл. — Вернись в постель, отдыхай. Здешний разреженный воздух портит цвет лица.

— Я хорошо себя чувствую. Слышала, как качается земля.

— Она не первую неделю качается. — он досмотрел представление жонглера, закончившееся чехардой с невидимым партнером. — При его диете не так уж плохо.

— Ты бы отвез его в Мехико, пристроил в какое-нибудь кабаре. Там он бы зарабатывал больше

доллара.

— Он не захочет. Он серьезный артист, горный Нижинский. Разве ты не видишь?

Женщина налила себе полрюмки из графина.

— И долго ты собираешься его здесь держать?

— Сколько он сам захочет. — мужчина повернулся лицом к женщине. — Запомни: когда он уйдет, пора будет и нам уходить.

Жонглер, превратившийся в груду лохмотьев, едва замедлил движение и скрылся в своем логове — лавовом туннеле рядом с дорогой.

— Любопытно, встречался ли он со Спрингманом, — задумался Вандервелл. — В общем, это возможно. Спрингман должен был подниматься по южному склону. Единственная дорога к деревне.

— Спроси его. Дай лишний доллар.

— Нет смысла. Он скажет, что видел, лишь бы мне угодить.

— Откуда такая уверенность, что Спрингман здесь?

— Был здесь, — поправил Вандервелл. — Теперь нет. Я виделся с ним в Акапулько, он рассматривал карту. Собирался сюда.

Женщина ушла в спальню с рюмкой.

— Ужинаем в девять, — крикнул ей вслед

Вандервелл. — Я позову, если он опять начнет танцевать.

Оставшись один, Вандервелл стал смотреть огненное шоу. Зарево проникало в окна деревенских домов, отчего они мерцали угольями. Ночью все лачуги пустели, однако на день кое-кто возвращался.

Утром приехали двое из гаража в Экуатане — за арендованной Вандервеллом машиной. Он предлагал оплатить месяц вперед, но они отказались, указав на хлопья пепла, падавшие с неба. Хлопья были не так горячи, чтобы попортить краску. Вандервелл дал каждому по полсотни долларов и обещал накрыть машину брезентом. Они уехали удовлетворенные.

После завтрака Вандервелл прошелся по лавовым складкам к дороге. Жонглер стоял у своей норы над обочиной, балансируя двумя копьями. Конус вулкана был наполовину скрыт пылью, трепетавшей у него за спиной. Услышав крик Вандервелла, он взглянул на него через дорогу. Вандервелл достал из бумажника доллар и положил банкноту под камень. Жонглер принялся напевать, раскачиваясь на носках.

Уходя по дороге, Вандервелл встретил двоих из деревни.

— Проводник, — попросил он. — Десять долларов. Один час.

Он указал на кромку кратера, но деревенские, не повернув головы, прошли мимо.

Стены дома были прежде белыми, но теперь покрылись серой пылью. Когда двумя часами позже на серой лошади приехал управляющий из поместья под горой, Вандервелл спросил его:

— Ваша лошадь белая или черная?

— Хороший вопрос, сеньор.

— Хочу нанять проводника, чтобы спуститься в вулкан.

— Там ничего нет, сеньор.

— Хочу осмотреть кратер. Мне нужен человек, который знает тропы.

— Там полно дыма, сеньор Вандервелл. Горячая сера. Обожжет глаза. Вам не понравится.

— Вы не видели человека по имени Спрингман? Месяца три назад?

— Вы уже спрашивали. Я помню двух американских ученых на грузовике. И беловолосого голландца.

— Может, это был он.

— Или черноволосого? Как скажете.

На дороге застучали палки. Размявшись, жонглер начал танец всерьез.

— Лучше бы вы отсюда уехали, сеньор Вандервелл, — сказал управляющий. — Как бы гора не раскололась.

Вандервелл указал на танцора:

— Он ее пока удержит.

Управляющий развернул коня.

— Мой поклон миссис Вандервелл.

— Мисс Нинстон.

Вандервелл прошел в гостиную и встал у окна. За день активность вулкана усилилась. На полмили в небо поднимался столб дыма, пронизанного отблесками пламени.

Рокот разбудил женщину. Она поговорила с возившимся в кухне слугой.

— Он хочет уйти, — сказала она позже Вандервеллу.

— Предложи доплатить, — не оборачиваясь, отозвался тот.

— Он говорит: все уже ушли. Оставаться опасно. Деревенские сегодня вечером уйдут насовсем.

Вандервелл смотрел, как жонглер движением тамбурмажора вращает чертовы палочки.

— Пусть уходит, если охота. Думаю, управляющий поместьем видел Спрингмана.

— Это хорошо. Значит, он здесь побывал.

— Управляющий передавал тебе поклон.

— Я очарована.

Пять минут спустя слуга покинул дом, а она вернулась в спальню. Под вечер вышла, чтобы сложить журналы кинообозрений в ящик для книг.

Вандервелл смотрел на бьющий из кратера дым. Жонглер с чертовыми палочками то и дело выбирался из норы и плясал на лавовом бугре у дороги. Люди в последний раз спускались из деревни. Проходя по дороге, они оглядывались на танцора.

В восемь утра к деревне проехал полицейский фургон, развернулся и покатил обратно. Крыша и кабина были покрыты пеплом. Танцора полицейские не увидели, зато заметили стоящего у окна Вандервелла и остановились перед домом.

— Уходите! — прокричал один. — Уходите сейчас же! У вас же есть машина! В чем дело?

Вандервелл открыл окно.

— С машиной все в порядке. Мы задержимся на несколько дней. Грациас, сержант.

— Нет! Уезжайте! — Полицейский выбрался из кабины. — Гора — пфут! Пыль, пожар… — Он снял фуражку и помахал ею. — Уходите сейчас.

Выслушав эту отповедь, Вандервелл закрыл окно и нащупал в кармане висевшей на стуле

куртки бумажник.

Получив деньги, полицейские отдали честь и уехали. Женщина вышла из спальни.

— Удачно, что у тебя богатый отец, — заметила она. — Что бы ты делал, будь он бедняком?

— Спрингман был бедняком, — ответил Вандервелл и вынул из кармана платок. Пыль уже просочилась в дом. — Деньги — это лишь временное решение проблем.

— Долго ты намерен здесь оставаться? Твой отец просил за тобой приглядывать.

— Расслабься, ничего со мной не случится.

— Шутишь? На вулкане-то?!

Вандервелл указал на танцора с палочками:

— Его это не волнует. Вулкан пятьдесят лет как активен.

— Тогда зачем мы сюда приехали?

— Я ищу Спрингмана. Думаю, он был здесь три месяца назад.

— Где же он? В деревне наверху?

— Сомневаюсь. Скорее, в пяти тысячах миль под ногами — засосало обратным давлением. Лет через сто вынырнет из Везувия.

— Надеюсь, что нет.

— Но ты тоже об этом думала? Чудесная мысль.

— Нет. Ты мне то же готовишь?

Пепел шипел в цистерне на крыше и выплевывал брызги — кипящий дождь.

— Подумай, Глория: матроны из Помпеи, ацтекские девственницы, клочки старика Прометея падают дождем на правых и неправых!

— И твой друг Спрингман?

— Кстати о нем… — Вандервелл поднял палец к потолку. — Прислушаемся. Что такое?

— Вот зачем ты здесь. Воображаешь, что Спрингман обратился в пепел?

— Не говори глупостей. — Вандервелл отвернулся к окну.

— Что тебя вообще беспокоит?

— Ничего, — ответил он. — Впервые за много-много лет меня вообще ничто не беспокоит.

Вандервелл протер стекло рукавом.

— Где этот чертик? Только не говори, что ушел. — он всмотрелся сквозь пыльную муть. — Вон он.

На гребне над дорогой стояла подсвеченная заревом кратера фигурка. Над ней висело облачко пепла.

— Чего он ждет? — спросила женщина. — Еще доллар?

— Много большего, — ответил Вандервелл. —

Он ждет меня.

— Не обожги пальцы, — сказала она, закрывая дверь.

Спустившись вечером в гостиную, Глория не нашла Вандервелла. Подошла к окну и посмотрела на кратер. Деревни не было видно из-за сыплющегося пепла, а лавовые потоки мерцали сотнями угольков. Сквозь пыль видны были освещающие кромку сполохи взрывов в кратере.

Куртка Вандервелла осталась на стуле. Три часа женщина ждала его возвращения. Вулкан грохотал без перерыва. Потоки лавы тянулись и вздрагивали цепями, сотрясая стены дома.

К пяти Вандервелл не вернулся. У вершины открылся второй кратер — в него провалилась часть деревни. Удостоверившись, что танцор с чертовыми палочками пропал, женщина забрала из кармана куртки Вандервелла деньги и поехала прочь от горы.

1963

The Volcano Dances. Первая публикация в авторском сборнике The Terminal Beach, июнь 1964.

Пляжные убийцы
Перевод Г. Соловьевой

Предисловие

Читателю, который надеется разрешить загадку пляжных убийц — в числе которых княгиня дома Романовых, агент ЦРУ, двое его русских коллег и американская танцовщица лимбо, — может быть, стоит трактовать ее как карточную игру, которой развлекался беглый шеф шифровального отдела Госдепартамента Квимби в своем убежище на Коста-Бланка. Основные фигуры представлены в алфавитном порядке[22]. Ключом может оказаться какая-нибудь знакомая фраза, например ДЕВУШКА МЕСЯЦА или бессмысленное *фывапролдж*... Ясно, что количество разгадок бесконечно, а окончательный ответ, как и мотивы и характер самого Квимби, навеки скрывает.

---

[22] Примечания: 22

Кириллический алфавит не повторяет латинский, поэтому в названиях параграфов нет последовательности. *(Прим. пер.).*

Аутоэротика

Отражение ее нагого тела, как всегда после ванны, наполняло княгиню глубоким чувством покоя. В тройном зеркале над туалетным столиком множились ее бесконечные отражения, а запах гелиотропа от Герлен успокаивал легкую мигрень. Она опустила руки, когда открылась дверь спальни. Сквозь легкое облачко талька она различила знакомое лицо русского агента — расчетливого красавца, чью фотографию видела накануне в чемодане Статлера.

Бюстгальтер

Статлер брел по полосе прибоя. Левая чашка бюстгальтера в его руке была измазана кровью. Нагнувшись, он сполоснул ее в теплой воде. Вспышки фар «мерседеса», припаркованного у корнишской дороги, освещали бухту. Куда, черт возьми, запропастилась Лидия? Женщина с окровавленной грудью до смерти перепугает русский десант.

Кордоба

Замкнутое лицо тореадора, не то мальчишки, не то Битла, смотрело снизу на Квимби, разложившего карты на балконе. Что ни говори об этом пареньке, он хоть не дергался. А вот Раиса металась по спальне как тигрица в течке. Квимби из-за секретера слышал, как трутся о ткань халата «Пейсли» ее широкие славянские бедра. Чего не понимают эти одержимые в Москве и Вашингтоне, так это что у него на сей раз вовсе нет мотивов. Дринамил… проклятые таблеточки, думала Раиса, неудивительно, что Запад умирает! Не раз ей на вилле сэра Джайлса почти удавалось соблазнить Квимби, но тот принимал таблетку транквилизатора, после чего спускался к морю поболтать с битниками. В Бенидорме имел даже наглость привести одну шведку в квартиру. Волосы до колен, груди с наперсток, безразмерная лошадиная задница. Фу!

Дородность

Княгиня сунула в рот последний кусочек эклера. Проглотив пирожное, выпятила в адрес Статлера измазанные кремом губы. Он опустил

скатанный в рулон «Тайм Атлантик» с фотографией Квимби перед комитетом министерства внутренних дел. По чайной террасе в мягком ритме фокстрота двигались танцоры. В том, как Марион поедала эклеры, было нечто чувственное, почти сексуальное. Догадывается ли эта величественная сербохорватская коровища, что ее ждет?

Фата-моргана

Лидия ощутила руку, скользящую вдоль пластмассовой молнии ее платья. Она лежала на махровой простыне, любуясь морем и белым пляжем. На вилле было пусто, не считая арендатора — маразматичного милорда. Коварский медлил, и молчание усиливало сомнения, возникшие у нее после приезда в Сан-Хуан. В колонии нудистов на острове дю Левант было потрясающе. Она подняла руку и приспустила молнию. Повернулась, показывая ему выпавшую грудь. Коварский, опершись на локоть, разглядывал в цейсовский бинокль многоквартирный дом тремястами ярдами дальше по берегу.

Жандармерия

Квимби наблюдал за полисменами в оливковых мундирах, которые вразвалочку прохаживались по берегу, разглядывая девушек из-под наполеоновских треуголок. Чью сторону они примут, когда дойдет до дела, — Стата, русских или свою собственную? Квимби перетасовал карты с кордобской рубашкой. Платиновая блондинка, девица по вызову, из соседней квартиры отправилась на розовом «фиате» в Аликанте. Квимби пригубил виски. Пять минут назад он обнаружил потайную антенну русского передатчика.

Гетеродин

Коварский беспокоился. Тело Раисы на махровой ткани напомнило ему, что Статлера рано сбрасывать со счетов. Пронзительный свист портативной рации подтверждал, что Раиса лежит здесь с ночи. Он опустился на колени, напоследок задержал взгляд на серебряных зажимах ее чулочных подвязок от Госсарта. Просунул палец в ее рот и обвел десны, нащупывая капсулу. Вишенка выскочила ему в ладонь. Он с отвращением сбросил ее в рюмку водки с мартини возле рации.

Разжал правую ладонь русской и извлек капсулу, зажатую между большим и указательным пальцами. Нахмурился, прочитав записку. На кой черт княгиня связалась с Квимби? Или безумцы из ЦРУ задумали реставрировать династию Романовых?

Игуана

Нефритовая рептилия плюхнулась на плитки пола под ногами сэра Джайлса. Старик с трудом восстановил равновесие. Притворившись, будто поправляет галстук старого итонца, он ощупал болезненный синяк под ключицей. Всмотрелся в жесткое, с квадратным подбородком, лицо американки. Не ударит ли снова? Она, широко расставив босые ноги на махровой ткани, обожгла его презрительным взглядом. Ну что ж, подумал он, бывало и хуже. Когда в Дюнкерке «Штуки» проводили бомбардировку, пляж ходил ходуном, как пол танцплощадки.

Жасмин

Статлер разглядывал белые монетки цветов в вестибюле. Перламутровые бескровные лепестки напомнили ему кожу Манон, а следом вспомнилось крупное бледное лицо Квимби, его слишком

уж умный взгляд над запавшими, как у ехидного Будды, щеками. Равный ли вышел обмен: княгиню на закомплексованного, капризного шифровальщика? Статлер вышел сквозь вращающуюся дверь отеля на яркое солнце Аликанте и с болью вспомнил, что никогда больше не увидит Манон.

Клинекс

Раиса свесилась с кровати. Безымянным пальцем правой руки подняла себе веко. На миг ее изящное лицо превратилось в непристойную маску попугая. Она оттянула нижнее веко, и микролинза выпала на салфетку. Крошечное «Р» на кромке блеснуло в луче настольной лампы. Протерев, она поместила линзу в поляриметр. Разглядывая шкалы передатчика за открывшейся дверцей сейфа, она слушала, как Квимби в ванной распевает: «Ариведерчи, Рома». Дринамил с виски… этот боров еще час будет пьян как свинья.

Лимбо

Между стойкой и полом всего двенадцать дюймов, вспомнил Коварский, нащупывая жесткий

изгиб подвздошного гребня Лидии под голубыми брючками в обтяжку. Ночной клуб в Бенидорме в кои-то веки притих — все уставились на безмозглую американку с невероятными ляжками, втиснувшуюся под стойку и дергавшую задницей в такт мелодии музыкального автомата. Коварский наморщил нос, невольно вспомнив Стата. У цэрэушника ледяная физиономия.

Мерседес

Тормозного сервопривода как не бывало. Сжимая ручной тормоз, Лидия через Коварского потянулась к ручке боковой двери. Русский привалился к окну, его красивое лицо уже проседало, как подтаявшая лавина. Когда дверь открылась, он спиной вперед вывалился на гравий дорожки. Лидия отпустила ручной тормоз, и машина покатилась дальше. Избавившись от Коварского, она подняла стекло с изящной звездочкой пулевой пробоины. В последний раз мигнув фарами, она нажала стартер.

Неаполитанец

Раиса с ребяческой жадностью прикончила не доеденное Квимби мороженое. Через три часа

они на шесть саженей погрузятся в Средиземное море, а всплывут уже в Балтийском. Она будет скучать по солнцу и маленьким смуглым испанцам с меланхоличными взглядами, провожавшим ее по пыльной улице до винного погребка. В конечном счете, дело того стоило. Бог с ним, с Монтаном, — как не раз говаривал Коварский, пародируя Евтушенко, «скоро небо наполнится солнцами».

Океанида

Манон вдруг поняла, что Коварский еще не решил, изнасиловать ее или убить. Она отступила в ванную, прикрывая левой ладонью напудренные груди. Пар из-за двери ударил Коварскому в лицо. Он пялился на нее, как безумный студент из романа Достоевского. Перешагнул пробковый коврик и на удивление нежным движением взял ее за локоть. Потом алебастровая мыльница ударила ее в висок. Через секунду она лежала в горячей пене ванны, а руки Коварского шатунами ходили над ее головой.

Посейдон

Квимби обращался с бутылкой «Блэк Лэйбл»

уважительно, как подобает давнему знакомому. Протоатлантический океан покрыл Северную Америку и всю Европу, кроме Шотландии, не затронув систему перколяции давностью в триста миллионов лет. Наполняя рюмку, он не сводил глаз с виллы сэра Джайлса на утесе над бухтой. Чернявый русский вместе с американской битницей выехали накануне. Стат, конечно, был сейчас в Аликанте, в «Карлтоне». Квимби разложил карты для последней игры. Играть с этой руки было трудно, но сдача, к счастью, по-прежнему была его.

Упокоение

Статлер умирал в темном прибое. С тех пор как русский боцман выкинул его на мелководье, он думал о княгине и ее огромных темных сосках. Родила ли она тогда, сохранила ли угасающую память Австро-Венгерской империи? Свет горящего «мерседеса» пробивал волны, освещая болтающиеся в волнах тела двоих русских. Статлер лежал в холодной воде, и его кровь убегала в море.

Ремингтон

Лидия стояла на коленях перед «Дорожным

Ремингтоном» Коварского. Во дворе под окном спальни сэр Джайлс усаживался в свой побитый «ситроен», чтобы ехать в Аликанте. Старый козел, неужели все англичане только об этом и думают? Она сняла чехол с пишущей машинки, прищурившись, всмотрелась в свежую ленту, которую вставила, пока Коварский был в Сан-Хуане. Отпечатки букв блестели на солнце. Она оттиснула их в блокноте, вырвала листок и засунула его в левую чашку бюстгальтера.

Смит-Вессон

Коварский вслепую тащился по темным дюнам. Под ним кружевной шалью на песке лежал прибой. Операция разваливалась. Раисе следовало уже быть здесь вместе с Квимби. Он взобрался по склону к «мерседесу» и нащупывал в бардачке револьвер, когда за спиной заскрипела галька. Вспышка выстрела осветила салон машины. Коварский боком повалился на сиденья. Вторая пуля прошила ему грудь и засела в дальней дверце.

Транквилизатор

Статлер открыл капсулу и достал сложенную

салфетку. Рисовая бумага горела в не тронутой Раисой водке с мартини, как японский цветок, разворачивающийся в воде. Выудив ее зубочисткой, он положил на поднос. Вот как они держали связь… Оглядев тело на махровой ткани, он улыбнулся про себя. Хорошо бы заставить Коварского, буквально, подавиться своими словами. Он ногой перевернул русскую, и у нее изо рта выскочила вишенка. Он засунул ягоду обратно и подошел к «Ремингтону».

УВЧ-лампа

Княгиня со вздохом уронила защитные очки в сумочку на туалетном столике. Она так старалась, до встречи со Статом месяцами загорала на Кот-де-Азур, но кожа осталась белой, как жасмин в вестибюле. В ее венах текла кровь гемофиликов Романовых, но время мести за Екатеринбург миновало. Понимает ли это Стат?

Вивальди

Лидия мокрым пальцем настроилась на радио Алжира. Французы оставили после себя отличные записи. Она стояла на махровой ткани, любуясь своими по-мужски крепкими бедрами — выти-

ралась после купания. Острые ноготки ласкали холодную кожу грудей. Тут она заметила в листве миниатюрной пальмы у входа в спальню обезьянью мордочку — за ней подглядывал сэр Джайлс.

Скорость волны

6000 метров в секунду — хватит, чтобы выбросить Стата сквозь заднее окно «мерседеса». Коварский поднял капот и поместил бомбу в щель за аккумулятором. Через плечо оглянулся на море. В двух милях от берега, там, где начиналось глубоководье, ждала подводная лодка, десант на понтонах притаился за рубкой. Он затянул клеммы, слизнул кровь с открывшейся раны на руке. Под неправдоподобно перламутровой кожей княгиня прятала неплохие мускулы.

XF–169

Данные по работе «Локхида» тоже пригодятся, отметила Раиса, втискивая длинные ноги в узкие брючки. Кредит в ГУМе и дача в Крыму отчетливо рисовались на горизонте. Дверь за ее спиной открылась. Квимби с сифоном в руке уставился на полунагую женщину. Раиса невольно прикрыла грудь. И удивилась, заметив вдруг, что у него

умное лицо.

Ярдли

Сэр Джайлс позаимствовал лосьон после бритья, оставленный Статлером. И опустил взгляд на княгиню. Даже при ее объемах не верилось, что в ней столько крови. Он смущенно скривился, встретив пустой взгляд ее глаз из-за занавески душа. Через пустой номер слышался отдаленный звук уличного движения. Он включил душ. Когда капли упали на красную кожу, от величия ее белого тела у него помутился разум.

Цайтгайст

Большие винты полицейского «сикорски» резали воздух над жилым кварталом. Квимби, нагнувшись, поднял с кафельного пола две упавшие карты. Под ним, на дороге вдоль берега, испанские копы собирались вокруг останков «мерседеса». Квимби откинулся назад, слушая удаляющийся шум вертолета. В общем и целом все сложилось. С рубашки карт на него все так же смотрели фасады Кордобы. Над Сьеррой вставала полная луна. Бедра продавщицы за прилавком в супермаркете Аликанте вздрагивали под Трини

Лопеса. Вино в погребке всего по десять песо за литр, а игрой владеет тот, у кого в руках колода.

1965

The Beach Murders (альтернативное название Confetti Royale). Первая публикация в журнале Rogue, январь – февраль 1966.

День извечный
Перевод Г. Шокина

В Колумбине-Семь-Вечера всегда стояли сумерки. Здесь, в гостинице у пустующего арт-поселка, и нашли себе пристанище Хэллидей и его статная соседка Габриэлла Сабо. Их досуг легко описывался парой простых предложений: она надевала свое лучшее красное платье и прогуливалась по окрестностям, взметая подолом песок, а он сидел и смотрел на извечно вечернюю пустыню. Пусть время во всем мире и остановилось, бесконечные сумерки не могли отнять у него, у этого самого мира, многообразие цветов. Блестел кварц в песках, блестела вода в луже под водокачкой, блестели окна оставленных новостроек, возведенных рядом с римскими руинами Большой Лепты[23], блестели изгибы ирригационной системы, напоминающие покоящийся среди барханов скелет дракона.

---

[23] Примечания: 23

Большая Лепта *(лат. Leptis Magna)* — древний город в области Сиртика на территории современной Ливии. Достиг расцвета во времена Римской империи. Его руины находятся на побережье Средиземного моря в 130 км к востоку от Триполи, в месте Аль-Хумс. Благодаря своей планировке город получил название «Рим в Африке».

Мир, пойманный в ловушку остановившегося времени, стал похож на полотна творцов-сюрреалистов, украшавшие стены в номере Хэллидея. В Колумбину-Семь-Вечера он за тем и приехал — полюбоваться на безумные красоты. В общем-то, сама идея оживить вставшие часы здешней психоэмоциональной стерильностью была изначально безумной. Часы были больше не нужны миру, и тот факт, что они встали, ровным счетом ничего не менял. Но Хэллидей верил. Хэллидей ждал.

Нынешние приставки к названиям городов — Лондон-Шесть-Утра, Сайгон-Полночь — говорили о времени и поре дня, когда их застигло аномальное катастрофическое замедление вращения земного шара. Последние пять лет Хэллидей прожил в Норвегии, в Тронхейме. Там было много снега, скал, сосен, чьи кроны тянулись к незаходящему солнцу на белом листе неба. В том мрачном нордическом мире, развившем бессонницу Хэллидея до отметки «максимум», в плохих отношениях с Морфеем и его царством пребывали практически все жители. Не помогали даже самые плотные шторы. Бессменность дня вызывала чувство какой-то неудовлетворенности — словно бы и все потуги напрасны, и время

уходит зря. Но больше всего докучали Хэллидею прерывистые повторяющиеся сны. Раз за разом он вскакивал с отчетливой картиной перед глазами: античные фасады и площади в свете луны, виды города где-то на Средиземноморье, женщина, вышагивающая среди колоннад, волею чуда природы не отбрасывающих более тени.

Только на юге можно было найти нечто подобное. А здесь ловить нечего — там, дальше, одни русские снега, брошенные города, драгоценными камнями угнездившиеся в ледниках и снежных завалах. Удивительно, но в местах, которые ранее были полны туристов, кто-то умудрялся жить, несмотря на холод. А мог бы и в Африку уехать — там-то тепла осталось предостаточно. Или в Сахару… хотя, нет, лучше не надо, по слухам, там от жары все в стекло превратилось.

Хэллидей не прогадал: именно тут, в полупустой Колумбине-Семь-Вечера, городке на берегу иссохшей реки в пяти милях от Большой Лепты, он впервые встретил Габриэллу Сабо, женщину из снов. Здесь же он познакомился с Леонорой Салли, милейшей художницей-фантазеркой, и доктором Ричардом Мэллори, взявшимся помочь Хэллидею с реконструкцией образов из снов.

Что здесь забыла Леонора, Хэллидей мог по-

нять, но вот доктора Мэллори сюда явно привели какие-то еще более туманные мотивы, чем его собственные. Мэллори был высоким, как каланча, и вечно витающим в облаках. Глаза он прятал за солнцезащитными очками, как бы говоря: я ни с кем тут дела иметь не хочу, я сам по себе. Почти все время он заседал в концертном зале Дома культуры, прокручивая пластинки Бартока и Уэберна. Эта музыка встретила Хэллидея на въезде в город. Подобрав оставленный на набережной в Триполи автомобиль, новый, на хорошем ходу, он отправился на юг прямо по семичасовой линии, мимо натыканных по всему пересохшему руслу нефтеперегонных установок. Пустошь простиралась к западу, расплываясь в золотистой дымке, волнами расходившейся от солнца, прочно прибитого к изнанке неба. Установки походили на мертвых титанов и чем-то пугали Хэллидея, будто грозились наброситься на него.

Проехав залежи голого известняка на востоке, он заметил, что небо ощутимо померкло. Прибрежная дорога, мощенная листами металла, провела его по сердцевине русла. Огромные, выбеленные солнцем камни проступали из песка, напоминая идолов неизвестного племени.

И вот он доехал до Колумбины-Семь-Вечера.

Четыре гостиницы для туристов и Дом культуры не уступили пустыне, в отличие от летних коттеджей, заметенных песком до самых крыш. У заведения под вывеской «Оазис» дорога совсем потерялась. Хэллидей припарковал машину и по ступенькам взошел в фойе. Песок здесь был повсюду — в узорах на кафельном полу, в ворсистой обивке лифтовой кабины, на листьях чахлых декоративных пальм в кадках.

Поднявшись на второй этаж, Хэллидей миновал стойку и подошел к окну. Оцарапав стекло, песок исказил пейзаж заметенного города, переправив его в иное измерение в какой-то жалкой попытке компенсировать мировую утрату суточных ориентиров.

Решив, что гостиница ему по душе, Хэллидей отправился на поиски воды и городских припасов провизии. На застывших улицах плотным слоем покоился песок, кое-где из наносов выступали мутные окна брошенных машин. Пройдя парковку, Хэллидей свернул в проезд к Дому культуры — неказистому зданию, ослепительно-белому на фоне мглисто-багрового неба.

В тамошних галереях он нашел выцветшие репродукции картин десятка разных школ, главным образом привязанные к понятиям дня и

ночи, которые стали достоянием минувшего. Но попался и набор сюрреалистов — Поля Дельво, Джорджо де Кирико и Эрнста. Мастера явно вдохновлялись снами — тем, чем Хэллидей был несправедливо обделен; ностальгическое чувство утраты шевельнулось под сердцем. «Эхо» Дельво и вовсе напомнило ему о грезе, возвращавшейся вновь и вновь: обнаженная женщина античных форм, прогуливающаяся по средиземноморскому запустению. Какую силу таило в себе это полотно — отражение его собственной несбыточной ночи! Достав из-под одного мольберта старую папку, Хэллидей стал снимать репродукции со стен.

У выхода он помедлил: слух уловил далекую музыку. Кажется, не со стороны гостиниц — те однозначно были пусты. За Домом культуры сгрудились вокруг пары пересохших плавательных бассейнов коттеджи арт-поселка — но ведь и они пустовали! Оставался только сам дом. Добравшись до актового зала, Хэллидей осторожно глянул внутрь. Вроде бы одни лишь шеренги сидений, и тут — в самой середине первого ряда, спиной к нему — мужчина в белом костюме, в солнцезащитных очках. Непонятно было, откуда исходит музыка, но вот пластинка кончилась — и мужчина встал, поднялся на сцену и выключил

спрятанный за ширмой проигрыватель. После он обернулся к Хэллидею и уставился на него через темные линзы с любопытством.

— Я Мэллори. Доктор Мэллори. — он протянул руку с тонкими узловатыми пальцами. — Вы остановились здесь? — Такой вопрос подразумевал полное понимание мотивов того, кого видишь первый раз за всю жизнь.

— Я Хэллидей. Остановился в «Оазисе», прибыл этим вечером.

Уловив, что последнее уточнение ни к чему — вечер-то тут был всегда, — Хэллидей смущенно хмыкнул, но доктор Мэллори, кажется, воспринял все как удачную шутку:

— Этим вечером? Ну само собой. — когда Хэллидей поднял руку, демонстрируя «Олд Ролекс» с двенадцатичасовым циферблатом, Мэллори понимающе кивнул и поправил очки, будто приглядываясь:

— Все еще пользуетесь ими? Сколько времени, не подскажете?

Хэллидей глянул на циферблат. Часы — лишь одни из четырех привезенных с собой — были проверены по эталону Гринвичской обсерватории, отмеряя исчезнувшее с замедлением вращения Земли время.

— Где-то полвосьмого. Похоже на правду. Тут ведь у нас Колумбина-Семь-Вечера?

— Ну да. Занятно совпало, правда? Но линия сумерек приближается — раньше, сдается мне, здесь было немного позднее. Впрочем, как точка отсчета приставка вполне сойдет. — Мэллори спустился в зал, перестав нависать над Хэллидеем белой мачтой. — Полвосьмого по старому времени, аналогично по новому. Советую вам остаться здесь навсегда. Чтобы время так вот совпадало… это сейчас редкость. — он уставился на этюдник: — А почему, собственно, вы выбрали «Оазис»?

— Там никого нет.

— Ваша правда. Но тут везде никого нет. Хотя я понимаю. Когда только сюда приехал, я и сам остановился там. Духота меня выгнала.

— Я заселюсь в номер на теневой стороне.

Мэллори кивнул, как бы признавая смекалку собеседника. Пройдя к проигрывателю, он отсоединил провода стоявшего на полу автомобильного аккумулятора и упаковал его в сумку из брезента. Одну из ручек он предложил Хэллидею:

— Помогите донести, а? У меня в обители есть маленький генератор. Приходится с подзарядкой

копошиться, но хорошие аккумуляторы сейчас днем с огнем не сыщешь.

— Можете взять тот, что у меня в машине, — предложил Хэллидей, когда они вышли на улицу.

— Правда? О, вы столь великодушны! Уверены, что он вам больше не пригодится? Я ведь пошутил про то, чтобы остаться тут навсегда. Есть города получше Колумбины-Семь-Вечера.

— Может, и есть… Но тут, насколько я успел разведать, хороший запас провианта. Ну и еще — верное время. Или, правильнее выражаясь, *оба* времени.

— Здесь и с жильем проблем нет. То, что вы видите, — еще не все. И все-таки почему вы приехали именно сюда?

— Сложно сказать. Я жил в Тронхейме. Но там меня бессонница замучила. Может, здешние семь вечера меня от нее вылечат. Мне не хватает моих сновидений. — ему хотелось пуститься в подробные объяснения, но доктор прервал его жестом руки:

— Думаете, мы здесь не за тем же? Тут гуляет африканский ветер, он несет с собой сны и причуды. А вам поскорее надо свести знакомство с Леонорой. Вы найдете общий язык.

Они прошли мимо пустых коттеджей по правую сторону от первого бассейна. В песке, скопившемся на дне, кто-то вывел огромный зодиакальный рисунок, украшенный ракушками и кусочками треснувшей плитки. Остановились у второго — песчаная дюна погребла под собой целый коттедж и частично осыпалась в бассейн, но кто-то вымел и расчистил маленький участок. Под установленным там навесом стоял мольберт, перед ним на раскладном стульчике сидела светловолосая женщина. Ее джинсы и блузка были заляпаны краской, что забавно контрастировало с выражением крайней сосредоточенности на ее умном широком лице. Она подняла глаза, когда доктор Мэллори и Хэллидей опустили батарею на землю.

— Привел тебе ученика, Леонора. — Доктор поманил Хэллидея пальцем. — Он живет в «Оазисе», в номере на теневой стороне.

Молодая художница кивнула на шезлонг рядом с мольбертом. Хэллидей сел, положив на колени этюдник.

— Это для украшения комнаты, — пояснил он. — Сам я не рисую.

— Ну и ладно. Я посмотрю? — Не дождавшись разрешения, она раскрыла папку и стала листать

репродукции. Просмотрев одну, коротко кивала и шла дальше. Хэллидей глянул на полузавершенную картину на мольберте — через весь холст странные фигуры епископов в фантастических митрах шли протяженной колонной по неизбывной степи. Он повернулся к Мэллори, тот покровительственно улыбнулся:

— Ну как, Хэллидей, интересно?

— Еще как. Но что же с вашими снами, доктор? Где вы их держите?

Мэллори не ответил, таращась на него своими черными глазами. Со смехом, рассеяв небольшое напряжение между двумя мужчинами, Леонора села на стул рядом с Хэллидеем.

— Ричард нам этого не скажет, мистер Хэллидей. Когда его сны явят себя миру, нам не потребуются более наши собственные.

Эти слова Хэллидей повторил про себя не раз в несколько последующих месяцев. Во многих отношениях присутствие Хэллидея в городе казалось ключом ко всем их ролям. Врач, одетый в белое, тихо двигаясь по засыпанным песком улицам, казался призраком забытого полудня, возрожденным в сумерках, чтобы дрейфовать, подобно музыке Бартока, среди пустых гостиниц. Даже при первой встрече, когда Хэллидей сидел

рядом с Леонорой, болтая что-то и ощущая, как ее бедро и плечо чуть давят на него, он почувствовал, что Мэллори, независимо от причин его пребывания в Колумбине, слишком хорошо приспособлен к неоднозначному миру линии сумерек. Для доктора Колумбина-Семь-Вечера и пустыня уже стали частью внутренних пейзажей, а Хэллидею и Леоноре Салли все еще только предстояло обрести их через свои картины.

Тем не менее в течение первых недель пребывания в городе у пересохшей реки Хэллидей больше думал о Леоноре и о том, чтобы обустроиться в гостинице. Сверяясь со своим «Ролексом», он все еще пытался ложиться спать в «полночь», просыпаясь — или, точнее, признавая факт своей бессонницы — семь часов спустя. Затем, в начале своего «утра», он совершал экскурсию по картинам, висящим на стенах номера на седьмом этаже, а после выходил в город, обыскивая гостиничные кухни и кладовые в поисках воды и консервов. Весь день — интервал, ставший в мире без времени абсолютно произвольным, — он старался держаться спиной к востоку, избегая темной ночи, наползавшей из пустыни через пересохшую реку. На западе песок, сверкающий под раскаленным солнцем, мерцал подобно про-

клятой жемчужине.

В эти моменты доктор Мэллори и Леонора казались самыми уставшими людьми в мире, как если бы их тела все еще придерживались ритмов канувшего в забвение 24-часового дня. Оба они спали с произвольным промежутком. Хэллидей часто заставал художницу дремлющей в шезлонге у бассейна в тени мольберта, с лицом, укрытым завесой белых волос. Странные картины-фантазии, изображавшие епископов и кардиналов, идущих крестным ходом по причудливым ландшафтам, были ее единственным интересом. Совсем иначе вел себя Мэллори: запираясь в коттедже на несколько часов, он, выходя, являл себя миру вампирическим образом посвежевшим. По прошествии первых недель Хэллидей в некоторой мере сошелся с доктором: они слушали записи Уэберна в актовом зале Дома культуры или разыгрывали шахматную партию рядом с Леонорой, у края пустого бассейна. Хэллидей пытался узнать, каким образом Леонора и Мэллори попали в Колумбину, но внятного ответа так и не получил. Можно было догадываться, что они раздельно прибыли в Африку несколько лет тому назад, а затем двигались на запад, от города к городу, следом за ползущим по конти-

ненту терминатором[24].

Иногда Мэллори уходил в пустыню по каким-то неназванным делам, и тогда Хэллидей заставал Леонору в одиночестве. Вместе они гуляли по руслу высохшей реки или танцевали под записи масайских песнопений в антропологической библиотеке. Растущая зависимость Хэллидея от Леоноры была ослаблена осознанием того, что он приехал в Африку искать не эту светловолосую молодую женщину с дружелюбными глазами, а ночную ламию из своих снов. Будто осознавая это, Леонора оставалась отстраненной, с улыбкой отгораживаясь от него мольбертом, где застывал, кротко ожидая завершения, очередной фантасмагорический образ.

В таком вот приятном соседстве они прожили три месяца. За это время линия сумерек продвинулась еще на полмили в сторону Колумбины-Семь-Вечера, и наконец Мэллори и Леонора решили переехать в небольшой нефтеперерабатывающий городок в десяти милях к западу. Хэллидей наполовину ожидал, что Леонора останется с ним в Колумбине, но она уехала с док-

[24] Примечания: 24

Термина'тор (от *лат. terminare* — прекращать) — линия светораздела, отделяющая освещенную (светлую) часть космического тела (здесь — планеты Земля) от неосвещенной темной части.

тором в одной машине. Сидя на заднем сиденье, она ждала, когда Мэллори сыграет последний квартет Бартока в актовом зале, прежде чем отключить аккумулятор и перенести его обратно в машину.

Любопытно, что именно Мэллори пытался уговорить Хэллидея уехать с ними. В отличие от Леоноры, он чувствовал в своих отношениях с ним что-то не до конца определившееся и поэтому не хотел терять контакт со своим новым знакомым.

— Хэллидей, тебе будет трудно оставаться здесь. — Мэллори указал на завесу тьмы, нависшую, подобно огромному валу воды, над городом. Цвета стен и улиц уже разбавились глубоким цикламеновым оттенком сумерек. — Ночь близится. Понимаешь, что это значит?

— Конечно, доктор. Я ждал этого момента.

— Но все же… — Мэллори подбирал нужные слова. Его высокая фигура застыла, глаза, спрятанные за темными, как никогда, очками, остановились на ступенях гостиничного входа, где сидел Хэллидей. — Ты ведь не сова, не какой-нибудь там пустынный кот. Тебе придется смириться с этим днем.

Но Хэллидей остался неприступен, и Мэллори,

сдавшись, вернулся в машину. Он махнул Хэллидею на прощание, но жест остался без ответа, и тогда машина доктора тронулась, рассекая дюны в облаке розовой пыли.

В полумиле к северо-востоку от Колумбины-Семь-Вечера, за пересохшей рекой, стоял пустой колониальный особняк, когда-то принадлежавший управляющему заводом по переработке нефти, построенным в устье реки. Сидя на балконе седьмого этажа «Оазиса» и пытаясь обнаружить незаметный прогресс наступления линии терминатора, Хэллидей попутно прислушивался к тиканью антикварных часов, бездумно отсчитывавших минуты и часы несуществующих фаз дня. Порой белый фасад особняка озарялся отраженным светом песчаных бурь. Песок толстым слоем покрывал его террасы, опоры лоджии возле бассейна рухнули на дно. Хоть и пребывая лишь в четырех сотнях ярдов к востоку от отеля, пустая оболочка дома казалась уже захваченной приближающейся ночью.

Незадолго до одной из своих попыток уснуть Хэллидей увидел фары автомобиля, припарковавшегося у особняка, и чью-то одинокую фигуру, неспешно расхаживающую вверх и вниз по террасе. Отказавшись от какого-либо притворства,

Хэллидей забрался на крышу гостиницы, на десять этажей выше, и лег на опасно прогнувшийся карниз. Шофер выгружал чемоданы из машины. Фигура на террасе, высокая женщина в черном одеянии, двигалась случайными, неопределенными рывками, будто едва осознавая, что делает. Через несколько минут шофер взял женщину за руку, словно пробуждая ее от какого-то сна.

Хэллидей наблюдал с крыши, ожидая, когда они снова появятся. Зачарованное поведение красивой женщины — одни только темные волосы и бледный нимб лица, дрейфующий, как китайский фонарь в наступающих сумерках, убедили его, что она была темной ламией из его снов, — живо напомнило Хэллидею собственные первые прогулки по дюнам к реке, изучение Земли Неназванной, изведанной в одних лишь грезах.

Спустившись к себе в номер, он лег на диванчике в гостиной, окруженный пейзажами Дельво и Эрнста, и внезапно впал в глубокий сон. Ему явились первые истинные видения об античных руинах Некрополя под полуночным небом, заполненным бредущими друг мимо друга фигурами из лунного света.

Сон повторялся всякий раз, когда удавалось

заснуть. Пробуждаясь, он выглядывал из окна и созерцал темнеющий пустынный ландшафт. Границы между реальностью и миром грез размывались для него с каждым днем. Уже два часовых механизма на каминной полке встали. Когда придет конец им всем, он освободится от прежних представлений о времени.

В конце недели Хэллидей обнаружил, что женщина спала с теми же интервалами, что и он, выходя посмотреть на пустыню в то же время, когда он сам занимал балкон. Хотя его одинокая фигура явно выделялась на фоне неба над гостиницей, женщина, казалось, не замечала его. Однажды Хэллидей увидел, как шофер въехал в город на белом «мерседесе». Одетый в черное, он прошел мимо бледной громады Дома культуры, словно лишенная формы тень.

Хэллидей спустился на улицу и пошел навстречу закату. Пересекая реку, иссохший Рубикон, отделяющий его пассивное бытие в Колумбине-Семь-Вечера от реальности предстоящей ночи, он поднялся на противоположный берег мимо остовов старых машин и канистр из-под бензина. Когда он приблизился к дому, женщина гуляла среди занесенных песком статуй; кварцевые кристаллики лежали на их каменных лицах налетом

седой старины.

У невысокой стены, окружавшей особняк, Хэллидей помедлил, ожидая, когда женщина посмотрит в его сторону. Бледность лица, лоб, высоко поднимающийся над темными очками, — все это чем-то напомнило ему доктора Мэллори. Та же самая ширма, скрывающая напряженную внутреннюю жизнь. Она смотрела в сторону города, выискивая признаки «мерседеса»; меркнущий свет бродил по угловатым плоскостям ее висков.

Когда Хэллидей подошел к ней, женщина сидела на террасе в одном из кресел; руки она держала в карманах шелкового платья, так что ему было открыто лишь бледное лицо с его помутненной красотой, скрытой шорами очков от всякого постороннего взгляда.

Не зная, как представиться, Хэллидей застыл у столика со стеклянной крышкой.

— Я живу в «Оазисе», в Колумбине-Семь-Вечера, — начал он. — Увидел вас с балкона. — он указал на здание гостиницы, узким темно-вишневым прямоугольником выделявшееся на подложке заката.

— Сосед? — женщина кивнула. — Спасибо, что зашли. Меня зовут Габриэлла Сабо. А много вас там?

— Нет, все уехали. Их было двое, доктор и художница. Ей нравились здешние пейзажи.

— Понятно. Как вы сказали, доктор? — Женщина вынула руки из карманов платья. Теперь они лежали на коленях, как пара хрупких голубей. — Что он здесь делал?

— Ничего. — Хэллидей гадал, стоит ли садиться, но женщина не предлагала ему второе стоявшее на террасе кресло. Казалось, она ждала, что он исчезнет так же внезапно, как и появился. — Иногда он помогал мне толковать мои сны.

— Сны? — Она повернула к нему голову, и свет залег во впадинах ее глазниц. — То есть в Колумбине-Семь-Вечера можно заснуть, мистер…

— Хэллидей. Теперь — да. Наступает ночь.

— Да, я чувствую. Будто черное солнце восходит. Что же вам снится, мистер Хэллидей?

Он приготовился без оглядки выпалить правду, но вовремя осадил себя:

— Да много чего. Старый разрушенный город, полный античных памятников, снился мне вчера вечером. — он улыбнулся. — У меня еще остались часы. Из тех, что не встали.

Шлейф золоченой пыли поднялся от участка дороги вдоль реки. «Мерседес» белого цвета подъехал к ним.

— Вы были в Большой Лепте, мистер Хэллидей?

— Римский город? Он у побережья, в пяти милях отсюда. Хотите — сходим вместе.

— Хорошая идея. Врач, упомянутый вами, мистер Хэллидей, куда он пошел? Мой шофер… нуждается в лечении.

Хэллидей поколебался. Что-то в голосе женщины подсказывало, что она может легко потерять к нему интерес. Не желая снова конкурировать с Мэллори, он ответил:

— Думаю, он двинулся на север, к побережью. Прочь из Африки. Дело срочное?

Прежде чем она смогла ответить, Хэллидей увидел темную фигуру шофера в глухой черной униформе, стоящую в нескольких ярдах позади. Только мгновение назад автомобиль был в ста ярдах вниз по дороге. Ему потребовалось усилие, чтобы убедить себя, что этот квантовый скачок ему лишь привиделся. Шофер, остроглазый, тонкогубый, с мелкими чертами лица, молчаливо разглядывал него.

— Гастон, это мистер Хэллидей. Он остановился в одном из отелей в Колумбине-Семь-Вечера. Возможно, ты мог бы подвезти его до переправы через реку.

Хэллидей согласился, но шофер не ответил на предложение. Холодок, служивший наступающим на реку сумеркам морозным дыханием, вдруг пробрал Хэллидея до самых костей. Он поклонился Габриэлле Сабо и прошел мимо шофера. Когда Хэллидей остановился, чтобы напомнить ей о поездке в Большую Лепту, то услышал, как она сказала:

— Гастон, здесь был врач.

Зачем она это сказала, он так и не понял. Его наблюдения за ней с крыши гостиницы продолжились. Ничего не менялось: Габриэлла сидела на террасе, укрытой полутенью, ее шофер разъезжал по Колумбине и прибрежным нефтяным заводам. Однажды они столкнулись у самого Дома культуры, но разговора не получилось — Гастон, отделавшись от Хэллидея кивком, взвалил на плечи две канистры воды и ушел восвояси.

Решив не торопиться с повторным визитом, Хэллидей уяснил одно: кем бы госпожа Сабо ни являлась, что бы ее сюда ни привело, благодаря ей к нему возвратились сны; а ведь этого не сделали ни долгий путь на юг, ни пребывание в Колумбине-Семь-Вечера. Близость Габриэллы поворачивала в замке его мозга некий ржавый ключ — и уже этого хватало с лихвой. Заводя часы,

Хэллидей подмечал, что спит по восемь-девять часов заданных самому себе «ночей». Но прошла неделя, и сон стал ускользать снова. Решившись еще раз навестить Габриэллу, он отправился на другой берег реки навстречу тьме, льнувшей к пескам пустыни. Когда он поравнялся с особняком, мимо проехал белый «мерседес». Гастон вел машину к побережью, госпожа Сабо, спрятав глаза за солнцезащитными очками, сидела сзади; ветер, залетавший в открытое окно, трепал ее черные-черные волосы. Хэллидей выскочил было на дорогу, ожидая, что Гастон притормозит, но «мерседес» обогнул его и помчался дальше, швырнув ему прямо в глаза горсть песка. Вернувшись в «Оазис», Хэллидей забрался на крышу, но и оттуда ничего не увидел. Машина, умчавшись на северо-восток, растворилась в темноте, став одним целым с ночью.

В своем номере он еще раз внимательно изучил картины на стенах. Последние «живые» часы готовились встать. Обстоятельно, с болезненной аккуратностью заведя всю коллекцию, Хэллидей возрадовался краткому мигу свободы от магии Габриэллы Сабо и от тех странных снов, которые внушались ее присутствием даже через пески пустыни. Убедившись, что все исправные часы

преданно тикают, он спустился на подземную парковку гостиницы. Десять минут инспектировал машину за машиной, забираясь то в «кадиллак», то в «ситроен». Ни один автомобиль не подавал признаков жизни, однако совершенно неожиданно завелся байк марки «Хонда». Залив полный бак, Хэллидей затарахтел по Колумбине — рев мотора хоть немного оживил улицы, но уже при двухмильном углублении в пустыню начало казаться, что город оставили тысячу лет назад и присутствие человека в нем стерлось без следа, как стирались все тени, съедаемые сумерками.

Он гнал на запад, к разгорающемуся рассвету. Небо прояснялось, освобожденные от полумрака барханы и водонапорные башни обретали четкие контуры. Вот и какой-то рабочий городок показался: ряды белых крыш, такие же белые стены, обязательные высохшие бассейны — казалось, вся Африка сейчас была в них. А вот и стоящий у распахнутой калитки транспорт доктора Мэллори. Леонора сидела перед давешним мольбертом, в компании высокого мужчины в белом костюме. Поначалу Хэллидей не понял даже, кто перед ним, хоть мужчина и встал и приветливо помахал рукой. Форма головы и высокий

лоб показались знакомыми, но вот глаза… глаза как-то не вязались с остальным лицом; только пару секунд спустя он узнал доктора Мэллори, неожиданно сообразив, что впервые видит того без солнцезащитных очков.

— Хэллидей! Как же я вам рад! — Обогнув бассейн, Мэллори зашагал к Хэллидею, поправляя на ходу шелковый шарф, намотанный поверх воротника рубашки на горло. — Вот вроде бы и понимали, что вы рано или поздно приедете, а все равно уже волноваться начали. Правду говорю, а, Леонора?

— Святую правду. — Художница взяла Хэллидея за руку и повернула лицом к солнцу. — Что же это с вами такое случилось — вы весь бледный, как привидение!

— Что ты хочешь, Леонора, он впервые за долгое время поспал! — Сказав это, доктор расплылся в улыбке. — Колумбина-Семь-Вечера уже за линией заката. А у вас, Хэллидей, видок типичного одержимого сновидца.

— Я рад, что оставил сумрак, доктор, — кивнул он. — Эти сны не стоили моих поисков. — что-то во взгляде Мэллори тревожило Хэллидея. Белая кожа будто отчуждала темень его глаз, и то, что доктор снял очки, явно указывало на некую пере-

мену… вот только какую?

Стараясь не попадаться Мэллори под прямой обзор, Хэллидей указал на мольберт:

— Леонора, тут чистый лист… вы больше не пишете?

— А зачем? — Она опустила голову. — Не только к вам вернулись сновидения. Мои вот тоже не заставили себя ждать. Прилетели прямо из пустыни, как райские птицы.

Хэллидей поежился от сравнения… а может быть, от взгляда Мэллори, призрачного и настойчивого, обрамленного пугающей белизной кожи.

— Хэллидей, мы рады снова вас видеть — я уже говорил? Может, останетесь?

Он покачал головой и кивнул на машину:

— Я за этим вот вернулся. Можно взять?

— Что за вопрос, берите. А куда, если не секрет… — Мэллори предостерегающим жестом очертил границы западной стороны, где поверх великой завесы восхода распалялся яростный солнечный диск. — Запад весь в огне, туда лучше не соваться.

Хэллидей прошествовал к машине:

— Мне к побережью. — помедлив, он добавил: — Габриэлла Сабо уже здесь.

На этот раз, уходя в ночь, Хэллидей думал о бе-

лом доме на другом берегу реки, погружавшемся в последние отблески пустынного света. Он пошел по дороге, что тянулась на восток от нефтеперерабатывающего завода, и нашел заброшенный понтонный мост. Последние отблески заката стекали с крыш Колумбины-Семь-Вечера. Улицы городка были пустынны; собственные шаги почти тонули в ветре. Он поднялся в свой номер в отеле. Дом Габриэллы Сабо стоял обособленно на противоположном берегу. Держа в руках одни из часов, их стрелки медленно вращались под стеклянным колпаком, Хэллидей увидел, как шофер загнал «мерседес» во двор. Мгновение спустя появилась Габриэлла Сабо — черный призрак в сумерках, — и машина тронулась на северо-восток. Хэллидей обошел картины в номере, вглядываясь в их пейзажи в тусклом свете. Он собрал все свои часы и вынес их на балкон, затем одни за другими швырнул вниз, на террасу. Их разбитые циферблаты — белые, как глаза Мэллори, — глядели на него неподвижными стрелками.

Он слышал, как в полумиле от Большой Лепты море набегает на помраченные берега, как зефиры полощут по гребням дюн в лунном свете. Разрушенные колонны римского города подни-

мались рядом с единственным туристическим отелем, заслонявшим собой последние лучи солнца. Хэллидей остановил машину и прошел мимо истрепанных погодой пустых палаток на окраине города. Над ним возвышались высокие аркады форума, перестроенные статуи олимпийских божеств, стоявших некогда на постаментах.

Хэллидей забрался на одну из арок, затем осмотрел темные аллеи на предмет каких-либо признаков «мерседеса». Идти в центр города не хотелось; он повернулся к своей машине, вошел в отель и поднялся на крышу.

У моря, где из дюн проступали черты античного театра, он разглядел белый прямоугольник, «мерседес», припаркованный на утесе. Ниже, на плоской полукруглой сцене, темная фигура Габриэллы Сабо двигалась среди статуй и отбрасываемых ими теней.

Наблюдая за ней и думая об «Эхе» Дельво, Хэллидей задался вопросом, не спит ли он сейчас на теплой бетонной крыше все того же «Оазиса», не привиделось ли ему это последнее путешествие. Между миром его снов и древним городом внизу не было границ, и лунные фантомы его разума свободно перемещались между внутренними и внешними ландшафтами, подобно тому, как,

в свою очередь, темноглазая женщина из дома у пересохшей реки пересекла границы его разума, неся окончательное избавление от оков времени.

Выйдя из отеля, Хэллидей проследовал по улице через пустой город и достиг обода амфитеатра. Габриэлла Сабо шла по старинным улицам, мимолетный свет между колоннами падал на ее белое лицо. Хэллидей спустился по каменным ступенькам на сцену, зная, что Гастон, черный человек, наблюдает за ним со скалы рядом с автомобилем. Они с ней шли друг другу навстречу.

В десяти футах от него она остановилась и подняла руки, будто трогая окружающую их темноту. Хэллидей шагнул вперед, сомневаясь, что она вообще способна его видеть сквозь шоры солнцезащитных очков, все еще сидевших у нее на носу. При звуке его шагов она нерешительно попятилась назад, к шоферу, но Хэллидей опередил ее и решительно взял за руку.

— Госпожа Сабо? Я видел, как вы прибыли сюда.

Ее ошеломляюще сильные пальцы впились ему в запястье. Белизна ее лица уподобилась безразличию маски с прорезями для глаз.

— Мистер Хэллидей. — она ощупала его руки

и отпустила, словно встреча с ним принесла ей некое облегчение. — Я так и думала, что вы придете. Давно вы здесь?

— Недели или месяцы, не помню. Я видел этот город во сне еще до того, как прибыл в Африку. Мисс Сабо, я много раз смотрел, как вы прогуливаетесь здесь среди руин.

Кивнув, она взяла его за руку. Бок о бок они шли между колонн. За окутанными тенью столпами балюстрады виднелось море, белые барашки резвились у берега.

— Габриэлла, почему вы здесь? Зачем вы приехали в Африку?

Они начали спускаться по лестнице к террасе, и женщина подобрала шелковое платье. Теперь она шла, прижавшись к нему плечом, почти навалившись, крепко вцепившись в него и двигаясь столь напряженно, что он задался вопросом, не пьяна ли она.

— Зачем, спрашиваете? Возможно, чтобы видеть те же самые сны. Вполне возможно.

Хэллидей уже собирался ответить, когда услышал шаги Гастона, спускавшегося вслед за ними по лестнице. Оглянувшись и на мгновение забыв о плотно прильнувшем, слегка покачивающемся теле Габриэллы, он вдруг почувствовал резкий

отвратительный запах, приносимый ветром откуда-то снизу, похоже, — из древней, еще римской клоаки. Верхотура выложенной кирпичом канализации обрушилась, волны прибоя достигли чаши отстойника, частично затопив ее.

Хэллидей вдруг замер. Хватка Габриэллы на нем не ослабевала.

— Внизу!.. Вы видите?

Вырвав руку, он указал на отстойник. Там, на пару дюймов покрытый водой, был свален грудой десяток трупов; лишь вялые покачивания рук и ног в бегущей воде позволяли распознать в обглоданных соленым морем фигурах человеческие.

— Господи, Габриэлла, кто они? — Он с трудом верил своим глазам.

Реакция его спутницы была подозрительно спокойной.

— Беженцы. В городе были беспорядки. Они здесь уже много месяцев.

Хэллидей встал на колени, задаваясь вопросом, через какое время трупы — он не мог понять, арабы это или европейцы, — будут смыты в море. В его снах про Большую Лепту не было ни следа этих жутких жертв клоаки. А затем он закричал:

— Месяцев?! Кто угодно, только не он!

Его палец указывал на тело человека в белом

костюме, лежавшее чуть поодаль, у края чаши. Пенящиеся воды обволакивали длинные ноги, но грудь и руки оставались на виду. Поперек лица лежал шелковый шарф — тот самый, который был на Мэллори в последний раз.

— Мэллори!

Хэллидей поднялся в тот же самый момент, как черный силуэт шофера замер на уступе, двадцатью футами выше. Он подбежал к Габриэлле Сабо, стоявшей рядом с лестницей и, по всей видимости, глядевшей на Средиземное море.

— Это доктор Мэллори! Он жил со мной в Колумбине-Семь-Вечера! Каким образом он… Габриэлла, вы ведь *знали,* что он здесь!

Хэллидей схватил ее за руки, яростно притянул к себе так, что ее очки упали на землю. Она сразу же рванулась за ними и стала беспомощно шарить по земле, и тогда он схватил ее за плечи.

— Габриэлла! Вы…

— Мистер Хэллидей. — не поднимая головы, она взяла его пальцы и прижала к своим глазницам. Веки легко продавливались внутрь. — Это сделал Мэллори. Мы знали, что вы в итоге приведете нас к нему. Когда-то он был моим лечащим врачом. Я ждала… ждала много лет…

Хэллидей оттолкнул ее, отступил на шаг и

услышал, как хрустнули под ногой очки. Он еще раз взглянул на омытое волнами тело в белом костюме, бессильный даже предположить, какой кошмар таится под шарфом, белизну которого отняли два круглых красных пятна, а затем побежал — вдоль террасы, мимо амфитеатра, по окутанным мраком улицам.

Когда он достиг своей машины, Гастон был всего в двадцати ярдах позади. Хэллидей завел мотор и ушел в резкий разворот. В боковое зеркало он увидел, как шофер остановился и вытащил из-за пояса пистолет.

Пуля разбила лобовое стекло. Протаранив одну из пустых палаток, Хэллидей выровнял ход машины, низко пригнул голову и помчался дальше. Армия ночных ветров ворвалась в салон и стала бить его по щекам, но он лишь стиснул зубы крепче.

В двух милях от Большой Лепты, не заметив на хвосте «мерседеса», он остановился и выбил лобовое стекло. По мере его продвижения на запад воздух становился теплее, и юный рассвет разворачивал свой веер прямо перед ним, обещая и новый свет, и новое время.

1965

The Day of Forever. Первая публикация в авторском сборнике The Impossible Man, апрель 1966.

Человек невозможный
Перевод Г. Шокина

В час отлива, отложив наконец яйца в рыхлом песке под дюнами, черепахи отправились в обратный путь к морю. Конраду Фостеру, наблюдавшему за происходящим рядом со своим дядей с балюстрады, тянущейся вдоль прибрежной дороги, казалось, что до спокойной воды им оставалось проползти не больше полусотни ярдов. Черепахи упорно продвигались вперед, темные гробики их панцирей то и дело скрывались за деревянными ящиками из-под фруктов и нагромождениями водорослей, исторгнутыми морем. Конрад указал на стаю чаек, занявшую затопленную песчаную отмель в устье эстуария. Птицы таращились на волны так, как будто их вовсе не интересовала пустынная береговая линия, где у поручней ждали старик и мальчик, — но при одном этом легком движении Конрада дюжина белых голов дружно повернулась к ним.

— Они увидели, дядя Теодор… — Конрад тронул рукой ограждение.

Его дядя показал палкой на машину, скользив-

шую по трассе в четверти мили впереди:

— Скорее они увидели этот автомобиль. — он вынул трубку изо рта, и тут же с песчаной отмели донесся грай. Первые чайки взмывали в небо, и вот уже вся стая сформировала в небе серп и начала разворачиваться к берегу. — Смотри-ка, летят сюда.

Черепахи выбрались из мусорных укрытий у линии прилива. Они двинулись по влажному песку, по пологому спуску к морю, и крики чаек разорвали воздух у них над головами. Конрад с видом невольника побрел в сторону гряды коттеджей и заброшенной чайной плантации на окраине города. Дядя держал его за руку. Черепах поднимали с мелководья, бросали на песок и расчленяли десятки хищных клювов. Через минуту после начала атаки птицы уже взлетали с пляжа. Конрад с дядей были не единственными свидетелями их кровавой трапезы — небольшая группа мужчин оставила свой наблюдательный пост среди дюн и двинулась по пляжу, спугивая последних хищниц. Это были старики лет за шестьдесят, а иные так и за семьдесят, в майках и брюках из льна, закатанных до колен. Каждый держал в руках брезентовый мешок и багор — деревянную палку со стальным крючком на конце.

Они поднимали панцири, очищая их на ходу привычными быстрыми движениями, и кидали в мешки. Влажный песок был весь забрызган кровью, и вскоре босые ноги и голые руки мужчин тоже украсили алые узоры.

— Пожалуй, пора возвращаться. — дядя Теодор посмотрел на небо, проследив взглядом за чайками. — Твоя тетя уже, должно быть, приготовила к нашему приходу что-нибудь вкусное.

Конрад смотрел на стариков. Когда обе группы сошлись, один из мужчин, заметив дядю, жестом гладиатора воздел в воздух окровавленный багор.

— Кто все эти люди? — спросил Конрад, после того как дядя отсалютовал в ответ.

— Сборщики панцирей, сезонные охотники. Панцири тут можно выгодно сбыть.

Они двинулись в город. Дядя шел медленно, опираясь на палку, и Конрад без труда и задержек оглядывался на оставленный позади пляж, засматривался даже. Почему-то старики, заляпанные кровью убитых черепах, были ему противнее, чем жестокие хищные чайки. Потом он подумал, что, возможно, сам привлек внимание птиц к черепахам.

Рев грузовиков на дороге перекрыл птичий

грай. Сборщики панцирей убрались, и прилив лениво слизывал окровавленный песок. Старик и юноша подошли к первому перекрестку на застроенной коттеджами прилежащей улочке. Стоя на островке безопасности и дожидаясь, когда проедет грузовик, Конрад спросил:

— Дядя, а ты заметил, что чайки *вообще* не касались лапами песка?

Грузовик, грохоча, пронесся мимо — его громада затмила все небо. Конрад тронул дядю за руку и шагнул вперед. Старик послушно поплелся за ним, тыкая палкой в зернистый асфальт, как вдруг отшатнулся назад — трубка выпала у него изо рта, и он закричал, увидев спортивную машину, летящую на них прямо из-за грузовика. Конрад еще успел заметить стиснутые на руле костяшки пальцев водителя и застывшее в ужасе лицо за лобовым стеклом — а автомобиль уже на тормозах скользил юзом по шоссе. Конрад последним усилием оттолкнул дядю — и машина в пыльном облаке влетела на островок безопасности, на полном ходу врезавшись в него.

Больница была почти пуста. В первые дни Конрад был только рад неподвижно лежать в пустынной палате, наблюдая за игрой бликов на потолке, идущих от батареи цветочных ваз

на подоконнике, и прислушиваясь к редким звукам, доносившимся из далекой ординаторской за вращающимися дверями. Время от времени медсестра приходила и проверяла его. Однажды, когда она наклонилась, чтобы поправить обхватывающую его ногу шину, он заметил, что она отнюдь не молода, а даже старше его тети, несмотря на стройную фигуру и фиолетовые пряди в волосах. Похоже, все медсестры и санитары, ухаживавшие за ним здесь, были пожилыми людьми. Они относились к Конраду скорее как к ребенку, чем как к семнадцатилетнему юноше, и вели с ним дружелюбные, но почти всегда обделенные смыслом беседы.

Уже позже, когда боль от ампутированной ноги стала мучить его особенно сильно, сестра Сэди наконец-то смогла посмотреть ему в глаза. Она сказала, что его тетя ежедневно приходит проведать его и непременно появится завтра.

— …Теодор, дядя Теодор?.. — Конрад рванулся сесть в кровати, но невидимая нога, грузная и мертвая, как туша мамонта во льду, не пустила его. — Мистер Фостер… мой дядя. Машина…

— Промчалась в нескольких ярдах, милый. Даже дюймах. — Сестра Сэди коснулась его лба рукой, легкой и сухой, как птичье крыло. — У

него небольшие шрамы на запястье, там, где руку задело осколками ветрового стекла. Но, бог мой, сколько стекла мы вынули из тебя — выглядел ты так, будто пролетел сквозь крышу оранжереи!

Конрад отодвинулся подальше от ее прохладных пальцев, окинул взглядом пустые койки.

— Где он? Здесь…

— Дома. За ним ухаживает твоя тетя. Скоро он снова встанет на ноги.

Конрад откинулся на подушку, дожидаясь, когда сестра Сэди оставит его наедине с болью в ампутированной ноге. Над ним, как снежная вершина, высилась металлическая конструкция шины. Как ни странно, известие о том, что дядя отделался легким испугом, не успокоило его. С пятилетнего возраста, когда гибель родителей в авиакатастрофе сделала Конрада сиротой, узы, соединившие его с дядей и тетей, стали даже крепче, чем могли быть с папой и мамой; их любовь и мягкость были более умудренными и преданными. И все же сейчас он замечал, что думает больше не о дяде и даже не о том, что случилось с ним самим, а о роковом автомобиле. Плавная, обтекаемая воздухом смертоносная штуковина налетела на них, как чайка, пикирующая на тех черепах, — такая же агрессивная и

бездумная. Лежа в кровати под нависающей над ним шиной, Конрад вспомнил, с каким трудом ковыляли по сырому песку черепахи, придавленные грузом своих панцирей, — пока старики в дюнах дожидались их смерти.

За окнами клиники беспечно журчали фонтаны, и где-то там, снаружи, пожилые санитары и сестры гуляли призрачными парами по темным аллеям.

На следующий день утром, еще до визита тети, осмотреть Конрада пришли два хирурга. Старший из них, доктор Натан, был статным седовласым мужчиной с такими же изящными, как у сестры Сэди, руками. Конрад вспомнил, что видел его и раньше, в самые первые часы, проведенные в клинике. На губах доктора Натана, никогда не сходя, играла слабая полуулыбка, словно призрак какой-то забытой шутки.

Другой хирург, доктор Найт, был сильно моложе своего коллеги и на фоне Натана смотрелся таким же юнцом, как и Конрад. С его волевого лица с крупным подбородком взирали стальные глаза, полные суровости… но — *напускной,* как очень скоро подметил мальчик. Найт потянулся растопыренными пальцами к запястью пациента с таким видом, будто хотел резко выдернуть его

из постели и поставить на ноги.

— Значит, вот он какой, молодой Фостер. — он заглянул Конраду прямо в глаза. — Думаю, Конрад, нет смысла задавать тебе вопрос, как твое самочувствие.

— Нет, — рассеянно согласился тот.

— А чего ж сразу «нет»? — Доктор Найт улыбнулся Натану, топтавшемуся у кровати, будто престарелый фламинго в пересохшем водоеме. — Я-то полагал, что доктор Натан славно за тобой тут присматривает.

Когда Конрад что-то пробормотал, не рискуя возражать, доктор Найт продолжил:

— Правда ведь? Тем не менее меня больше интересует твое будущее, Конрад. На данном этапе лечения я, считай, подхватываю тебя у доктора Натана, так что с настоящего момента ты можешь винить меня во всем, что идет не так. — он пододвинул металлический стул и уселся на него, картинно расправив полы своего белого халата. — Не то чтобы что-то изменилось. Ну?

Конрад прислушался, как доктор Натан постукивает ногой по полированному полу, и спросил:

— А где остальные пациенты? *Где все?*

— Ага, так ты заметил? — Найт взглянул на

своего коллегу. — Ну да, еще бы не заметить. — он глянул в окно на пустынный больничный двор. — Да, здесь почти никого нет, кроме тебя. Но это ведь, скорее, наша заслуга, чем просчет, не находишь?

Доктор Натан опять подошел к постели. Улыбка, блуждавшая по его губам, казалось, была взята взаймы у кого-то еще.

— Да-а-а, — протянул доктор Найт, — конечно, никому не пришло в голову поведать тебе, Конрад, что это вовсе не больница в том смысле, какой обычно вкладывают в это слово.

— Что?.. — Конрад рванулся, чтобы сесть, ухватившись за шину. — Что вы имеете в виду?

Найт вскинул руки:

— Не пойми превратно. Конечно, это славно оборудованный современный хирургический корпус — и в то же время нечто совсем другое… не просто клиника. Вот эту разницу я и должен тебе объяснить.

Конрад следил за доктором Натаном. Пожилой хирург глядел на что-то за окном — видимо, на фонтаны, — однако лицо его было бледным, улыбка сползла с губ.

— В смысле? — нерешительно спросил Конрад. — Это как-то связано со мной?

Доктор Найт ответил неопределенным жестом.

— Можно сказать и так. Лучше потолкуем завтра. Сегодня мы и без того замучили тебя.

Он поднялся, не сводя с юноши изучающего взгляда, и коснулся пальцами шины.

— Нам придется озадачиться твоей ногой, Конрад. Надеюсь, когда задачка решится, итоги станут для тебя приятным сюрпризом. Нужно лишь, чтобы ты сам захотел помочь нам — и мы рассчитываем на это. Верно я говорю, доктор Натан?

Улыбка доктора Натана, как вновь явившийся призрак, заиграла на тонких губах.

— Я думаю, что Конрад будет только рад поддержать нас.

Когда они уже подошли к выходу, Конрад снова окликнул их.

— Что-нибудь не так, Конрад? — обернулся доктор Найт.

— Шофер, человек в автомобиле. Что произошло с ним? Он тоже в клинике?

— Понимаешь ли, он… — Доктор Найт замолк, но потом все-таки решился. — Если честно, Конрад… ты никогда не сможешь увидеть его. Конечно, он один виноват в этом, но…

— Чушь! — не согласился мальчик. — Нет смыс-

ла винить его. Мы неожиданно выскочили из-за грузовика. Водитель здесь?

— Его автомобиль врезался в металлическую опору ограждения островка безопасности и перелетел через барьер вокруг шоссе. Он погиб уже на пляже. Он был чуть старше тебя, Конрад. По-видимому, бедолага пытался в последний момент устроить все так, чтобы никто не пострадал…

Конрад ошеломленно кивнул, вспоминая бледное лицо за лобовым стеклом.

Доктор Найт двинулся к выходу и у порога вполголоса добавил:

— Но знаешь, дружище, даже умерев, он все еще может помочь тебе.

В тот же день около трех часов появился дядя. Сидя в инвалидном кресле — его везли тетя и сестра Сэди, — он задорно отсалютовал Конраду здоровой рукой. Правда, сегодня дядя Теодор не смог улучшить настроение Конрада. Юноша жадно ждал этой встречи, однако дядя выглядел постаревшим еще лет на десять, и компания из трех стариков — один из которых инвалид, — подходивших к нему с вымученными улыбками на лицах, только усилила у Конрада ощущение его собственного одиночества в этой клинике.

Слушая дядю, Конрад осознал, что одиночество

явилось простым логическим следствием жизни его сверстников там, за пределами больницы. У маленького Конрада почти не было друзей-однокашников лишь потому, что дети в этом мире постепенно становились редкостью — такой же, какой были за много лет до этого столетние старцы. Он родился в мире, богатом на людей среднего возраста, причем понятие «средний возраст» само по себе менялось изо дня в день. Нижние границы отодвигались, подобно движению краев расширяющейся вселенной, уходящих все дальше и дальше от изначальной точки. Его шестидесятилетние тетя и дядя — тоже «люди среднего возраста»; за ними следовал непомерный легион стариков-пенсионеров, запрудивших все магазины и улицы приморского городка. Их неспешно движущиеся, как будто все еще чего-то ждущие фигуры сопровождала своеобразная тусклая аура, затмевающая яркий свет.

По контрасту с ними экстравагантные манеры доктора Найта, какими бы спорными ни были в своей сути, вызывали у Конрада приятный интерес. К концу встречи, когда тетя вместе с сестрой Сэди отошли к окну полюбоваться фонтанами, Конрад сообщил Теодору:

— Доктор Найт намерен озадачиться моей

ногой.

— Я думаю, что это хорошо, Конрад. — дядюшка Теодор бодро улыбнулся, однако его глаза пристально следили за неподвижным юношей. — Эти хирурги — умные ребята. И представить себе порой трудно, на что они способны.

— А как твоя рука? — Конрад показал на бинты, стягивавшие левый локоть дяди. Чуть заметная ирония в его голосе заставила вспомнить о тривиальных двусмысленностях доктора Найта. Он почувствовал, что взрослые люди вокруг что-то от него утаивают.

— Рука? — Дядя пожал плечами. — Да как раньше — мало что изменилось. Потеря одного пальца не помешает мне и дальше набивать трубку. — и раньше, чем Конрад успел ответить, он добавил: — Но твоя нога — другое дело. Тут ты должен принять решение самостоятельно.

Перед самым уходом он шепнул племяннику:

— Отдохни хорошенько. Возможно, тебе придется побегать до того, как станешь ходить.

Через два дня, ровно в девять часов, в палату к Конраду вошел доктор Найт. Энергичный, как обычно, он сразу же взял быка за рога.

— Ну, Конрад, — начал он, меняя шину, — минул месяц со дня твоей последней прогулки

к пляжу, настало время выметаться отсюда и рассчитывать на собственные ноги. Ты что-то хочешь сказать?

— Ноги? — повторил его слова Конрад. Он растерянно усмехнулся. — Это такая шутка?

— Нет, не шутка, и даже не иносказание. — Доктор Найт придвинул стул. — Поделись-ка, Конрад, что ты знаешь о восстановительной хирургии? Может быть, вам об этом рассказывали в школе?

— На уроках биологии. Это трансплантация почек и другие подобные трюки. Это делают пожилым людям. Так вы хотите пересадить мне ногу?

— Цыц! Придержи коней. Давай сначала разъясним детали. Итак, тебе, выходит, известно, что восстановительной хирургии скоро полвека — ровно столько прошло с первых трансплантаций почек, хотя и задолго до этого вполне обычным делом выступала пересадка роговицы глаза. Если допустить, что кровь — тоже *ткань*, то принцип еще древнее. После аварии тебе сделали массированное переливание крови, и потом, когда доктор Натан ампутировал раздробленное колено и голень, процедуру повторили. Ничего страшного в этом нет, правда ведь?

Конрад чуть выждал, прежде чем высказаться.

На сей раз доктор Найт говорил *виновато*, словно прощупывая почву, задавая лишь те вопросы, которые подразумевают ответное согласие.

— Конечно, — произнес он наконец, — ничего страшного.

— Ну вот! А подумай-ка: когда-то многие отказывались от переливания крови, пускай даже и знали, что это влечет за собой смерть. Бредовые догмы — религиозные и всякие прочие — им внушали, что чужая кровь, дескать, осквернит их собственное тело. — Доктор Найт откинулся на стуле, разозлившись, казалось, на сам воздух. — Можно понять этот бред, но нельзя забывать: организм в принципе существует за счет самых разнообразных слагаемых. Мы же не перестаем *есть* для того, чтобы сохранить незыблемым собственное я? — Доктор Найт хохотнул, упиваясь своей несокрушимой логикой. — Та еще самовлюбленность была бы… не правда ли?

— Наверное, в целом — правда, — признал Конрад.

— Прекрасно. Естественно, что и раньше многие люди боролись за свою точку зрения. Замена больной почки на здоровую ни в малейшей степени не нарушает целостности твоего организма. Тем более, если это спасает тебе жизнь. Главное

— твоя собственная, получившая возможность жить дальше личность. По самой своей структуре различные части тела служат более широкому физиологическому целому, а наше сознание вполне гибко для того, чтобы дать человеку ощущение их целостности и единства.

Возражать против таких аргументов было практически невозможно. Начались эксперименты, и полсотни лет назад появились первые храбрецы: мужчины и женщины, много медиков в их числе, добровольно жертвовали свои здоровые органы тем, кто не мог жить без них. К сожалению, все эти попытки приводили к неудаче уже через несколько недель. Это было следствием так называемой несовместимости. Организм больного человека, даже умирая, противился пересаженному органу как чужеродному.

— А я-то считал, что проблема отторжения тканей преодолена. — Конрад качнул головой.

— Сейчас — да. Она-то заключалась, скорее, в биохимии, чем в умелости хирургов. В один прекрасный день ее разрешили современные антибиотики. Так десятки тысяч жизней были спасены: пациентов с болезнями почек, печени, желудочно-кишечного тракта, с пораженными частями сердца и нервной системы — только

подумай! — выручала трансплантация. Но где же подобрать органы для пересадки? Можно пожертвовать вторую почку, но нельзя отдать печень или митральный клапан сердца. К счастью, многие сознательные граждане стали завещать свои органы после смерти. Сейчас, в наше время, при приеме пациента в общественную больницу ставится одно-единственное условие — в случае его смерти любая часть тела может быть передана на нужды восстановительной хирургии. Поначалу единственными пригодными для консервации были органы грудной клетки и брюшной полости, однако теперь у нас имеются запасы практически любой ткани человеческого организма, так что в распоряжение хирургов предоставляется все, что требуется, — будь то легкое целиком или пара квадратных сантиметров какого-нибудь специфического эпителия.

Когда доктор Найт сел на место, Конрад обвел рукой пространство вокруг:

— Эта клиника… здесь и проворачивают эти дела?

— Да, Конрад. Это один из многих современных институтов восстановительной хирургии. Скоро ты поймешь: лишь у немногих пациентов, поступающих сюда, бывает такая ситуация, как у тебя.

В основном восстановительная хирургия служит целям гериатрии: применяется для продления жизни пожилых людей.

Доктор Найт ободряюще кивнул, когда Конрад присел на кровати.

— Теперь-то ты догадываешься, почему тебя окружает так много стариков? Ответ прост: посредством восстановительной хирургии мы даем людям, прежде умиравшим после шести-семи десятков лет, новый шанс жить нормальной жизнью. Средний возраст вырос с пятидесяти пяти лет, как было полвека назад, почти до девяноста пяти.

— Доктор… тот водитель — я не знаю, как его звали, — вы говорили, что он даже мертвый может помочь мне…

— Я слов на ветер не бросал, дружок. Одна из главных проблем восстановительной хирургии — трансплантационный материал. В случаях с пожилыми людьми несложно, здесь у нас даже избыток требуемых органов. За нечастым исключением, болезни подавляющего большинства престарелых людей приводят к отказу не более чем одного органа, а любой летальный исход дает нам такой запас материала, что может продлить жизнь двадцати другим больным. Но если вести

речь о молодежи, в первую очередь о твоих ровесниках, потребность превышает наличие чуть ли не стократно. Ответь-ка мне, Конрад, и попробуй ненадолго забыть о том водителе: что в принципе ты думаешь о трансплантации?

Конрад поглядел на простыни, прикрывавшие его. Даже если забыть о шине, асимметрия ног слишком бросалась в глаза.

— Сложно сказать. Я считаю, что…

— Твой ход, Конрад. Выбирай: или таскать протез — металлическую подпорку, мешающую бегать, плавать и в принципе передвигаться как полноценному молодому человеку, или принять пересадку живой ноги из плоти и крови.

Конрад медлил. Все, что говорил доктор Найт, не расходилось с тем, что он и раньше знал о восстановительной хирургии — тема не была запретной, хотя ее редко поднимали в обществе детей. И все же он понимал: все это лишь прелюдия перед чем-то по-настоящему радикальным.

— Когда вы хотите начать это — завтра?

— Боже, нет, конечно! — Доктор Найт не мог сдержать смеха, потом он заговорил дальше, пытаясь сгладить неловкость: — Не в ближайшие пару месяцев. Это чересчур сложный процесс: нам потребуется отыскать и пометить оконча-

ния каждого нерва и сухожилия, подготовить сложнейшую пересадку кости. Минимум месяц тебе придется ходить с протезом — и поверь мне, скоро ты и сам будешь с нетерпением ждать появления нормальной ноги. Скажи, Конрад, тебе нравится перспектива? Нам нужно согласие вас обоих — твое и мистера Фостера.

— Мне нужно поговорить с дядей. До того я не могу принять окончательного решения.

— Разумно. — Доктор Найт протянул ему руку. Когда Конрад потянулся, чтобы пожать ее, то понял, что тот умышленно демонстрирует ему едва заметный шрам, окружавший основание большого пальца и прятавшийся где-то в центре ладони. Палец казался естественной частью руки и все же выглядел каким-то обособленным.

— Ты же понял, да? — обрадовался Найт. — Вот тебе краткий взгляд на восстановительную хирургию. Дело было в студенческие годы. Я потерял всего один сустав после заражения в анатомичке, но пришлось заменить весь палец. Он прекрасно служит мне; как раз после этого случая я остановил свой выбор на хирургии. Конечно, разница имеется. Например, сочленение — новый палец даже более гибкий, чем мой прежний… и ноготь иной формы. Но эти мелочи не мешают ему при-

надлежать мне. Я даже каким-то альтруистом себе кажусь — за мой счет живет часть кого-то еще, другого человеческого существа.

— Доктор Найт… тот водитель… вы хотите, чтобы его нога заменила мою?

— Верно, Конрад. Мне все равно пришлось бы открыться тебе, потому что пациент должен знать, кто его донор, — люди без восторга соглашаются на пересадку органов от преступников или душевнобольных, и это нормально. Как я уже говорил, для юноши твоих лет довольно трудно найти подходящего донора…

— Но, доктор… — Ход мыслей собеседника снова поразил Конрада. — Разве нет другого? Дело не в том, что я настроен против него, но… Причина не только в этом, правда?

После короткой паузы доктор Найт кивнул. Он отвернулся от кровати, и какое-то время Конрад уже думал, не хочет ли тот вообще снять свое предложение. Затем Найт повернулся к нему и показал на окно в парк.

— Конрад, пока ты лежишь здесь, не удивляло ли тебя, что больница пустует?

Конрад обвел рукой палату:

— Возможно, потому, что она чересчур велика. На сколько пациентов рассчитана клиника?

— Более двухсот. Это большая лечебница, однако пятнадцать лет назад, еще до того как я начал работать здесь, она с трудом справлялась с потоком пациентов. Как правило, это были больные старики: мужчины и женщины за шестьдесят, ищущие замены одного, максимум двух органов. Выстраивалась длинная очередь, многие пациенты пробовали даже предлагать врачам немалые суммы — взятки, если называть вещи прямо. Так они рвались попасть в нашу клинику!

— И как дела обстоят сейчас?

— Справедливый вопрос. Ответ на него в какой-то степени проливает свет на то, почему теперь ты лежишь здесь — и почему мы так внимательны к твоему случаю. Видишь ли, Конрад, около десяти лет назад во всех больницах страны было отмечено: очереди стали уменьшаться. Сперва все почувствовали облегчение, но поток пациентов продолжал спадать и в следующие годы и достиг теперь уровня одной сотой от поступлений прошлых лет. Причем большинство пациентов — это или врачи, или люди из обслуживающего персонала медицинских учреждений.

— Но, доктор… если они не идут к врачам… — в этот миг Конрад поймал себя на мысли о собственных дяде и тете, — если они не желают лечь

сюда — значит, предпочитают…

— К сожалению, ты прав, Конрад. Они выбирают смерть.

Через неделю, когда дядя вновь пришел проведать его, Конрад рассказал о предложении доктора Найта. Они оба уселись на террасе рядом с палатой, рассматривая фонтаны на пустынной территории больницы. Дядя Теодор пока не снимал с руки бинтов, но его раны уже почти зажили. Он молча слушал юношу.

— Старики почти не поступают. Они остаются дома, когда заболевают… и ждут смерти. Доктор Найт говорит, нет препятствий для восстановительной хирургии, чтобы не продлить им жизнь на более-менее значительный срок.

— Так ли уж это «жизнь»? И почему они думают, что именно ты можешь помочь им?

— Они хотят сделать из меня рекламу, если тебе так яснее. После такой катастрофы полное излечение станет бенефисом восстановительной хирургии.

— В этом мало логики, — задумчиво произнес дядя. — Однако… а ты-то сам как думаешь?

— Доктор Найт откровенен со мной. Он дал мне надежду. Он не постеснялся рассказать мне подробно о возможном отторжении органов

— показал снимки, статьи. Приятного там мало, но и о таком нужно знать перед согласием. Ну и потом, врачебная помощь — святое дело. Если ты находишь умирающего человека на тротуаре, ты же помогаешь ему… почему же и не в других случаях? Потому что рак или туберкулез не столь драматичны?

— Это все ясно, Конрад, — тактично прервал его дядя, — но почему, по его мнению, люди отвергают восстановительную хирургию?

— Он не понимает — так мне и заявил. Есть гипотеза: по мере того как увеличивается средний уровень продолжительности жизни, пожилые люди начали преобладать в обществе и формировать его взгляды. Им хотелось бы видеть вокруг себя молодых, а их окружают такие же динозавры. И единственный способ уйти от этого — умереть.

— Это просто гипотеза. А вот почему он добивается, чтобы ты получил обязательно ногу человека, сбившего тебя? Весьма странный выбор, не находишь? Слегка… *ритуальный.*

— Его такое не волнует. По его мнению, когда нога будет пересажена, она будет уже частью меня, а не кого-то еще. — Конрад посмотрел на дядину повязку. — А твоя рука, дядя Теодор? Ты

же лишился двух пальцев — доктор Найт сказал мне. Не думаешь восстановить их?

Тот улыбнулся:

— Пытаешься обратить меня в свою веру, парнишка?

Два месяца спустя Конрад снова поступил в больницу, чтобы пройти восстановительную операцию. Накануне он вместе с дядей отправился навестить его друзей, живших в хостеле для престарелых на северо-западе города. Череда симпатичных одноэтажных зданий, образующая хостел, была здесь построена муниципальными властями и сдавалась за низкую арендную плату. За три недели, что Конрад пробыл в амбулатории, он, казалось, посетил их все. Протез, поставленный ему, назвать хоть сколько-нибудь удобным язык не поворачивался, но по просьбе доктора Найта дядя Теодор водил парня по всем знакомым.

Хотя цель этих визитов состояла в том, чтобы познакомить с Конрадом как можно больше пожилых пациентов, прежде чем он вернется в больницу — основные усилия по лечению будут предприняты позже, когда новая конечность будет на месте, — Конрад уже начал сомневаться в успехе плана доктора Найта. Его присутствие не

провоцировало никакой враждебности — лишь сочувствие и доброжелательность обитателей общежитий и бунгало. Куда бы он ни направлялся, пожилые люди подходили к своим воротам и говорили с ним, желая ему всяческих успехов. Временами, когда он отвечал на улыбки и приветствия седовласых мужчин и женщин, наблюдавших за происходящим со всех сторон со своих балконов и из садов, Конраду казалось, что он единственный молодой человек во всем городе.

— Дядя, объясни-ка мне вот какой парадокс, — попросил Конрад как-то, когда они брели рядышком после одного из таких походов; дядя — на своих двоих, мальчик — на паре крепких костылей. — Почему они все желают мне обрести хорошую ногу — но сами не торопятся пришить себе что-нибудь новое?

— Ты, в отличие от них, молод, Конрад. И ты хочешь вернуть себе то, что было твоим по праву: возможность ходить, бегать, танцевать. Твой жизненный срок еще не исчерпал себя.

— Жизненный срок? — устало повторил Конрад, теребя крепление протеза под тканью. — Есть на земле еще такие страны, где люди больше сорока лет не живут. Разве это критерий?

— Зависит от обстоятельств. Порой вполне себе критерий.

Несмотря на то, что дядя без возражений водил Конрада по городку, он не слишком охотно поддерживал беседы на эту тему. Они вошли в новый жилой квартал. Один из многих городских гробовщиков открыл здесь свою контору, и в тени, за полутемными окнами, Конрад разглядел молитвенник на подставке красного дерева и строгие фотографии катафалков и надгробных плит. Как бы ни маскировалась близость этого офиса к жилью пенсионеров, все равно Конрад был шокирован — он будто увидел шеренги сошедших с конвейера гробов, выставленных на всенародный обзор вдоль мостовой.

Дядя лишь пожал плечами, когда Конрад возмутился этим.

— Старые люди реалистично смотрят на такие вещи, Конрад. Они не боятся смерти и не благоговеют перед нею, как молодые. Скажу больше, тема смерти их живо интересует.

Подойдя к очередному домишке, дядя тронул Конрада за руку.

— Не собираюсь наставлять тебя, но сейчас ты встретишься с человеком, не приемлющим методы доктора Найта всеми фибрами души. Может

статься, всего за пару минут он объяснит тебе больше, чем я или доктор Найт за несколько лет. Его зовут Маттеус. Доктор Маттеус.

— Доктор? — повторил Конрад. — Ты хочешь сказать, он тоже доктор медицины?

— Именно так. Он из числа тех маргинальных медиков со своим уникальным взглядом на вещи. Впрочем, сам поймешь.

Они подошли к скромному двухкомнатному коттеджу с маленьким заброшенным садом, где росли высокие кипарисы. Дверь распахнулась сразу же, как прозвучал звонок. Пожилая монахиня в униформе Красного Креста после краткого обмена приветствиями пригласила их в дом. Внутри стояла кислая вонь — с ней не справлялись даже освежители воздуха, а их здесь, видимо, не жалели.

— Мистер Фостер, не согласитесь ли вы подождать пару минут? Доброе утро, Конрад.

Они сели в неопрятной гостиной. Конрад принялся рассматривать фотографии в рамках, помещенные над письменным столом-бюро с задвижной крышкой. На одной была запечатлена седовласая женщина с птичьим лицом; он решил, что это покойная миссис Маттеус. С другого снимка улыбалась группа юношей, судя по всему,

только что принятых в колледж.

Посетителей вскоре провели в темную спальню. Монахиня юркнула вперед и набросила простыню на тумбу у кровати; одернула покрывало на кровати — и удалилась в холл.

Опираясь на палки, Конрад стоял позади своего дяди, пока тот разглядывал лежащего человека. Кислый запах был более резким и, казалось, исходил непосредственно от ложа. Когда дядя поманил его к себе, Конрад сначала даже не смог разглядеть сморщенное лицо мужчины на кровати. Серые щеки и волосы уже слились с застиранными простынями, укрытые тенью от занавешенных окон.

— Джеймс, это сын Элизабет — Конрад. — дядя пододвинул деревянный стул и пригласил Конрада сесть. — Доктор Маттеус, — представил он.

Конрад пробормотал что-то, ощутив, что голубые глаза лежащего изучают его. Что особенно поразило его, так это относительная молодость умирающего. Хотя доктору Маттеусу было примерно шестьдесят пять, он выглядел лет на двадцать моложе многих жителей этого района.

— Он уже почти взрослый, не находишь, Джеймс? — сказал дядя Теодор.

Вряд ли вообще заинтересованный встречей с

ними, доктор Маттеус кивнул. Его глаза застыли на темном стволе кипариса в саду.

— Да, — произнес он наконец.

Конрад нетерпеливо ждал конца визита. Прогулка измучила его, бедро, казалось, снова кровоточило. Он думал, смогут ли они заказать такси прямо отсюда.

Доктор Маттеус повернул голову. Наверное, он все-таки решил рассмотреть и Конрада, и его дядю.

— Кого ты выбрал для мальчика? — спросил он резко. — Надеюсь, доктор Натан все еще работает?

— Одного из молодых, Джеймс. Ты, наверное, его не знаешь, но это хороший хирург. Его зовут Найт.

— Найт? — Больной повторил это без эмоций, но и без одобрения. — И когда он ложится?

— Завтра. Правда, Конрад?

Конрад хотел что-то сказать, но в это время увидел, что человек в кровати чуть заметно улыбается. Как-то сразу устав и приняв странный юмор умирающего доктора на свой счет, Конрад поднялся и, опершись на гремящие палки, спросил:

— Дядя, можно я подожду на улице?..

— Сынок… — Доктор Маттеус вытащил из-под простыни правую руку. — Я поддразнивал твоего дядю, а совсем не тебя. У него всегда было хорошее чувство юмора — или же его вообще не было. Как ты полагаешь, Теодор?

— Что же здесь смешного, Джеймс. Хочешь сказать, я зря привез мальчика к тебе?

Маттеус откинул голову на подушку.

— Почему же? Я присутствовал при его рождении — значит, и он имеет право побыть при моем уходе… — Он вновь посмотрел на Конрада. — Желаю тебе удачи. Конечно, ты удивляешься, почему я не хочу, подобно тебе, обратиться к специалистам?

— Ну, я… — заговорил Конрад, но дядя тронул его за плечо.

— Джеймс, мы должны идти. Можем считать, что мы вполне поняли друг друга.

— Очевидно, пока что не можем. — Доктор Маттеус снова поднял руку, нахмурившись из-за небольшого шума. — Я задержу его всего на минутку, Тео, но если я не скажу ему, то этого не сделает никто, и уж точно не доктор Найт. Конрад, тебе уже исполнилось семнадцать?

Конрад кивнул, и доктор продолжал:

— В такие годы, насколько я помню, думаешь,

что жизнь будет длиться вечно. Наверное, человек в это время пребывает настолько близко к бессмертию, насколько это вообще реально. Однако, становясь старше, все больше и больше убеждаешься в том, что все стоящее имеет конечные границы, в основном временны'е — от самых обычных вещей до самых важных, до брака, детей и так далее, даже и до самой жизни. Жесткие границы, очерченные вокруг вещей, придают им индивидуальность. Нет ничего ярче этого бриллианта.

— Джеймс, это уже чересчур…

— Уймись, Теодор. — Доктор Маттеус уже почти поднялся в постели. — Попробуй, Конрад, объяснить доктору Найту, что только из глубокого уважения к жизни мы не хотим искусственно продлевать ее. Тысячи четких линий разделяют нас с тобой, мальчик, — это разница в возрасте, характере и жизненном опыте, различие в самом *времени*. Ты должен сам заработать все, что делает тебя личностью. Не выйдет взять это у постороннего, а уж у мертвеца — и подавно.

Конрад обернулся, когда распахнулась дверь. Сестра-настоятельница ждала их в холле. Она кивнула дяде. Ожидая, пока дядя распрощается с умирающим, Конрад поправил протез. Когда мо-

нахиня подошла к постели, он увидел на шлейфе ее накрахмаленного платья кровь.

Они снова шли мимо конторы гробовщика; Конрад устало опирался на свои палки. Старики в своих садиках приветливо махали им, и дядя Теодор сказал:

— Увы, но он, кажется, подшучивал над тобой, Конрад. Не ожидал от него…

— Он присутствовал при моем рождении?

— Он был врачом твоей матери. Теперь он одной ногой в могиле. Не понимаю, что его так веселит.

Через полгода, день в день, Конрад Фостер шел по шоссе к пляжу у моря. В слепящем свете солнца он видел высокие дюны над песком, а за ними — чаек, застывших на подсыхающей банке в начале эстуария. Движение по приморскому автобану было еще более оживленным, чем тогда, и песчинки, взвихренные в воздух колесами бешено летящих легковых и грузовых автомобилей, поднимали над землей пыльные облака.

Конрад легко шагал по дороге, максимально нагружая свою новую ногу. За последние четыре месяца швы окрепли, почти не болели, и нога казалась еще прочнее и гибче, чем была раньше его собственная. Порой, когда он забывал о ней

во время прогулки, нога, казалось, стремилась вперед помимо его желания.

И все же, несмотря на ее неоспоримую пользу… несмотря на исполнение всех обещаний доктора Найта… Конрад *не принял* свою новую ногу до конца. Борозда шрама не толще волоса, окольцевавшая бедро над коленом, превратилась в границу, отторгавшую ногу от прочего тела гораздо непримиримее, чем любая иная физическая преграда. Как и пророчил доктор Маттеус, одно лишь наличие этой чуждой плоти словно принижало его, провоцировало его собственное «я» на раздвоение. Шли недели, месяцы — и ощущение крепло тем больше, чем быстрее нога здоровела. Лежа ночами и осознавая ненавистное единство с конечностью, Конрад с иронией думал о том, как же это все похоже на близость с женщиной, не привлекающей ни в каком из возможных аспектов. В первый месяц поправки Конрад обещал помочь Найту и руководству клиники агитировать пожилых людей согласиться на восстановительные операции, не дать им смириться со смертностью тела. Но после того как умер Маттеус, он отказался участвовать в этой затее. В отличие от доктора Найта, он решил, что рабочих методов убеждения нет. Лишь люди

на смертном одре, подобно доктору Маттеусу, имели право решать для себя такой вопрос. Для остальных он еще не встал остро — так что пусть себе улыбаются и машут идущей мимо жизни дальше из своих уютных маленьких садов.

Сверх того Конрад осознавал — его собственная, все усиливающаяся дереализация из-за разлада с новой ногой вскоре станет заметна внимательному взгляду стариков. Большой новый шрам теперь обезобразил кожу над голенью, и появился он не случайно — ранив ногу дядиной газонокосилкой, Конрад умышленно дал порезу загноиться, будто желая ноге всего наихудшего. Но она — вот ведь диво! — будто стала *только здоровее* от подобного обращения.

В ста ярдах от Конрада пролег перекресток с дорогой от пляжа. От легкого ветерка мелкий песок мутными клубами вздымался с дорожного полотна. Еще в четверти мили впереди летела череда трафика — водители отставших легковушек рвались опередить пару многотоннажных фур. Вдали, в эстуарии, раздались крики чаек. Пересиливая усталость, Конрад побежал. Яркое воспоминание о днях минувших влекло его назад, на арену несчастного случая.

Когда Конрад добежал до перекрестка, первая

фура оказалась рядом с ним. Конрад встал на бордюрный камень, спеша ступить на островок безопасности с яркими границами.

За гулом с трассы он уловил резкие вопли чаек, белыми серпами рассекавших небо. Стая зависла над пляжем — и тут же старики с баграми выдвинулись к своему форпосту в дюнах.

Фура пронеслась мимо Конрада — поднятая порывом ветра дорожная пыль хлестнула его по лицу. Высокий пикап промчался следом, опередив грузовик, и еще уйма машин теснилась сзади… Голодные чайки начали пикировать на пляж одна за другой — и тогда Конрад, сцепив зубы и зажмурив глаза, рванул сквозь марево на середину трассы. Он отчаянно спешил прямо в сердце потока машин — и те, будто принимая и одобряя этот порыв, на всех парах понеслись ему навстречу.

1965

The Impossible Man. Первая публикация в одноименном авторском сборнике, апрель 1966.

Плач надежды и фурии вопль
Из цикла «Алые Пески»
Перевод О. Макеевой

И снова прошлой ночью, когда сумеречный эфир летел над пустыней прочь от Алых Песков, я заметил слабую дрожь снастей среди рифов, и топ-мачту, движущуюся, как серебряный фонарь, сквозь скальные шпили. Наблюдая с веранды моего пляжного домика, я следил за ее продвижением по открытому песчаному морю, смотрел на призрачные паруса корабля-наваждения. Каждый вечер я видел одну и ту же яхту, эту полуночную шхуну, которая соскальзывала со своих тайных причалов и катилась по раскрашенному морю. Прошлой ночью вторая яхта пустилась в погоню из своего укрытия среди рифов, у руля которой стояла светловолосая рулевая с глазами печальной Медеи. Пока две яхты мчались по песчаному морю, я вспомнил, как впервые встретил Надежду Конард — и узнал о ее странном романе с голландцем Чарльзом Радемахером…

Каждое лето во время сезона в Алых Песках, когда город полон туристов и авангардных ки-

нокомпаний, я закрывал свой офис и снимал один из пляжных домиков на берегу песчаного моря в пяти милях отсюда, в Хирохито. Здесь долгие вечера сулят умопомрачительные закаты в пустыне, а паруса песчаных яхт отбрасывают иероглифические тени на моря из песка. Днем я брал яхту — шлюп с бермудскими снастями — и плыл к дюнам открытой пустыни. Сильные термальные потоки несли меня по следу из позолоченного песка.

Следопытствуя, я порой обнаруживал, что меня несет на многие мили через пустыню, за пределы видимости прибрежных рифов, которые, подобно размытым божествам, господствовали над иерархией песка и ветра. Я ехал за убегающей стайкой левитирующих песчаных скатов, стреляющих дротиками в раскаленный воздух и теряющихся в абстрактном пейзаже, состоящем из волнистых дюн и треугольников парусов. Из этих материалов, из простейшей геометрии времени и пространства, возникли причудливые фигуры Надежды Конард и ее свиты, похожие на миражи, порожденные этим морем грез.

Однажды рано утром я отправился на охоту за косяком белых песчаных скатов, которых накануне видел далеко в пустыне. В течение

нескольких часов я двигался по твердому песку, избегая парусов других яхтсменов, и моим единственным пунктом назначения выступал горизонт. К полудню я уже не видел никаких ориентиров, но нашел скатов — и помчался за ними через поднимающиеся дюны. Двадцать скатов летели впереди, словно ведя меня к какой-то невидимой цели.

Дюны сменились серией обнесенных стеной равнин, рассеченных кварцевыми жилами. Огибая широкий овраг, украшенный орнаментом рот которого зиял, как ворота полузатопленного собора, я почувствовал, что яхту повело в сторону — прокололо шину с правого борта. Воздух вокруг, казалось, озолотился, когда я опустил парус.

Пнув опавшую покрышку, я оглядел пейзаж — затопленные песчаные рифы, океан дюн и остов брошенной яхты в полумиле от меня, рядом с зазубренным устьем кварцевой жилы, которая сверкала челюстями крокодила, украшенного драгоценными камнями. Я находился в двадцати милях от берега, и единственным моим запасом влаги была вакуумная фляжка мартини со льдом в палубном шкафчике.

Скаты, ведомые неким таинственным инстинктом, тоже остановились, замерев около гребня

ближайшей дюны. Вооружившись на всякий случай гарпуном — вдруг прихоть погонит стаю прямо на меня, — я отправился искать на яхте насос, чтобы подкачать колесо.

Только поднявшись на палубу, я обнаружил, что песок, консистенцией напоминающий толченое стекло, почти соскреб резину с моих подошв и кое-где достал до пяток. Чтобы себя не изнурять, я решил отдохнуть в тени грота и вернуться в Хирохито, когда стемнеет. Сидя спиной к мачте, я купал свои израненные пятки в холодном мартини, когда в воздухе над моей головой появился большой белый скат. Отделившись от остальных, тихо ждавших на дальнем гребне, он вернулся познакомиться со мной поближе. Крылья в восемь футов шириной, тело размером с человеческое — гигант монотонно летал вокруг меня, пока я потягивал остатки нагревшегося в зное мартини. Несмотря на любопытство, существо не выказывало никаких признаков желания напасть.

Десять минут спустя, когда скат все еще кружил над головой, я достал из ящика гарпун и выстрелил ему в левый глаз. Пронзенный стальным болтом, скат с грохотом врезался в парус, сорвал его с мачты и, пробив снасти, упал на палубу. Его крыло ударило меня по голове — будто в

отместку.

В пустом песчаном море я провел часы, опаляемый здешним воздухом, и моим единственным компаньоном был гигантский мертвый скат. Время, похоже, застыло в вечном полуденном часу, небо было полно фальшивых солнц. Огромная тень пала на мою яхту где-то после полудня — я приподнялся и увидел огромную песчаную шхуну с одним только бушпритом длиной со все мое судно. Белые шины двигали титана по песку. Спрятав лица за солнцезащитными очками, команда наблюдала за мной с мостика.

Держась рукой за поручень, торчащий между двух гигантских глаз-иллюминаторов, стояла на палубе высокая узкобедрая женщина — с волосами столь светлыми, что их цвет живо напомнил мне о Жизни-в-Смерти из «Сказания о старом мореходе» Кольриджа, какой рисовал эту злодейку Мервин Пик. Ее взгляд распускался в мою сторону узелком темных магнолий. На ветру ее опаловые волосы образовывали в воздухе вихрь.

Не будучи уверенным, что это странное судно и его экипаж-призрак вообще существуют, я отсалютовал женщине пустой фляжкой из-под мартини.

Она посмотрела на меня сверху вниз глазами,

полными разочарования. Спустившись ко мне на палубу, подбежали два члена экипажа. Когда они стащили с моих ног тело песчаного ската, я уставился на их лица. Гладко выбритые и загорелые, они напоминали маски.

Так спасла меня Надежда Конард. Отдыхая в каюте внизу, пока один из членов экипажа перевязывал раны на моих ногах, я мог видеть сквозь стеклянную крышу ее светловолосую фигуру. Она пытливо созерцала пустыню, словно ища какую-то гораздо более важную добычу, чем я.

Через полчаса женщина вошла в каюту. Она села на койку у моих ног, с любопытством коснулась гипсовых пластин.

— Роберт Мелвилл, вы поэт? Вы говорили о Старом Мореходе, когда мы вас нашли.

Я неопределенно махнул рукой:

— Не берите в голову. — едва ли я мог сказать этой отчужденной, но красивой молодой женщине, что, впервые увидев ее, сравнил с кошмарной кольриджевской ведьмой. — Я убил песчаного ската, кружившего над моей яхтой.

Она играла с нефритовыми подвесками, лежавшими в изумрудных лужицах в складках ее белого платья. Ее зрачки, как встревоженные птицы, метались в задумчивых омутах глаз. Ви-

димо, восприняв мое упоминание о Мореходе с полной серьезностью, она сказала:

— Можешь отдохнуть в Ящерицыном Ключе, пока не станет лучше. Мой брат починит твою яхту. О скатах не беспокойся — они тебя приняли за другого.

Пока Надежда Конард сидела, глядя в иллюминатор, огромная шхуна бесшумно скользила по усыпанному драгоценными камнями песку, белые скаты двигались в нескольких футах над землей вслед за нами. Позже я понял, что они привели не ту добычу к своей госпоже.

Через два часа мы добрались до Ящерицына Ключа, где мне предстояло провести три следующих недели. Поднимаясь из термальных валов, остров, казалось, плыл по воздуху, вилла с террасой и пристанью едва виднелась в дымке. Окруженные с трех сторон высокими минаретами песчаных рифов, и вилла, и остров возникли из какой-то минеральной фантазии о пустынных скальных шпилях, поднимавшихся вдоль тропинки к вилле, точно кипарисы, а вокруг них росли фрагментарно дикие музыкальные скульптуры.

— Когда отец мой впервые нашел этот остров, он весь кишел змеями и варанами — отсюда

и название, — объяснила Надежда, когда мне помогли взойти по тропке. — Теперь мы каждое лето приезжаем сюда, чтобы ходить под дюнным парусом и рисовать.

На террасе нас встретили два других обитателя сего частного рая — Фойл, сводный брат Надежды, молодой человек с седыми волосами, зачесанными вперед, на лоб, тяжелым ртом и рябыми щеками, который смотрел на меня с балкона, как какой-нибудь угрюмый пляжный спасатель, и секретарша Надежды Барбара Квимби, некрасивый сфинкс в черном бикини со скучающими глазами, похожими на два пустых зеркала.

Они вместе смотрели, как меня поднимают по ступенькам вслед за Надеждой. Ожидание на их лицах сменилось вежливым безразличием, как только меня представили. Не успела Надежда закончить описание моего спасения, как они направились к шезлонгам в конце террасы. В течение следующих нескольких дней, когда я лежал на соседнем диване, у меня было больше времени, чтобы изучить эту странную парочку. Невзирая на их зависимость от Надежды, которая унаследовала островную виллу от отца, их отношение к ней наводило на мысли о дуэте дворцовых заговорщиков, со своими тайными

знаками и понятными им одним шутками. Надежда, однако, в их отношении была достаточно слепа. Как и атмосфере самой виллы, ее личности не хватало определенности, и по-настоящему ее внимание было всецело отдано чему-то другому, неназванному.

Кого Фойл и Барбара Квимби надеялись свергнуть? Какого мореплавателя в песчаном море искала Надежда Конард на своей шхуне в сопровождении стаи белых скатов? Поначалу я почти не видел ее, хотя время от времени она стояла на крыше своей мастерской и кормила скатов, слетавшихся к ней из своих гнезд в скальных шпилях. Каждое утро она отплывала на шхуне, ее опаловый лик меланхоличным взглядом встречал песчаное море. Послеобеденные часы она проводила одна в своей мастерской, работая над картинами. Ни разу не предложила она мне взглянуть на свои работы, но по вечерам, когда мы ужинали вчетвером, глядела на меня тайком взглядом опытного живописца, присмотревшего недурственный образ.

— Хочешь, я напишу твой портрет, Роберт? — спросила она как-то утром. — Тебя я вижу Старым Мореходом с жертвенным левитирующим ска-

том на шее[25].

— Не стоит делать из меня миф, — с улыбкой ответствовал я. — Я искренне сожалею, что убил одного из твоих скатов. Сам не понимаю, зачем это сделал.

— Совсем как Мореход. — она обошла меня по кругу, положив одну руку себе на бедро, другой — касаясь моих губ и подбородка, словно ощупывая формы античной статуи. — Я буду рисовать тебя, пока ты будешь читать нам вслух «Песни Мальдорора».

Накануне вечером я развлекал публику барочно-сюрреалистическим текстом Лотреамона, любуясь тайком Надеждой и не обращая внимания на откровенно скучающего Фойла, развалившегося на тяжелых локтях. Надежда внимательно слушала — с таким лицом, будто не была уверена, кто я такой на самом деле.

Глядя на пустую поверхность свежего холста, который она велела принести из своей мастерской, я гадал, какой мой образ проявится на его

---

[25] Примечания: 25

Согласно поэме Кольриджа, после отплытия из порта корабль главного героя попал в шторм, увлекший его далеко на юг, в Антарктику. Появляется считающийся добрым предзнаменованием альбатрос и выводит корабль из льдов. Однако моряк убивает птицу из арбалета — сам не зная зачем. Вскоре судно попадает в мертвый штиль, и товарищи обвиняют моряка в том, что он навлек на команду проклятье. В знак вины ему на шею вешают труп убитого им альбатроса.

белизне. Как и многие картины, написанные в то время в Алых Песках, холст не нуждался в упражнениях руки художника. Как только пигментная палитра была подобрана, светочувствительная краска сама создавала изображение любого натюрморта или пейзажа, к которому был обращен холст. Хотя это был длительный процесс, требующий не менее четырех-пяти дней, он имел одно значимое преимущество — не требовал постоянного присутствия субъекта. Нужные контуры светочувствительные пигменты ухватывали сразу, в первые несколько часов, — и потом долго над ними «раздумывали», присовокупляя все следующие образы, рождаемые субъектом, снова и снова попадающим в «поле зрения» картины.

Именно в этой прерывности и крылось все очарование и магия подобных картин. Вместо простой фотографической копии движения натурщика создавали серию множественных проекций с приятной импрессионистической размытостью. Однако эти непредсказуемые изменения в лице и фигуре объекта часто приводили в замешательство их восприятие характера. Бег контуров или разделение тональностей могли выявить особые линии в текстуре кожи и чертах лица или вызвать странные завихрения в глазах

натурщика, подобные эпилептическим спиралям в последних безумных пейзажах Ван Гога. Эти неприятные последствия слишком легко усиливались любыми нервными или нетерпеливыми движениями натурщика.

Мысль о вероятности того, что мой собственный портрет откроет больше моих чувств к Надежде, чем я имел бы смелость признать, пришла мне в голову уже тогда, когда холст был установлен в библиотеке. Я откинулся на спинку дивана, ожидая, когда картина будет явлена, и тут появился сводный брат Надежды, неся с собой второй холст.

— Дражайшая моя сестрица, ты всегда отказывалась позировать для меня! — Когда с ее стороны уже готов был прозвучать словесный протест, Фойл громко и вульгарно фыркнул: — Да вы хоть понимаете, Мелвилл, — она ни разу в жизни сама не позировала для портрета! Почему, Надежда? Только не говори мне, что у тебя страх перед чистыми полотнами. Давай наконец увидим тебя в твоем истинном обличье!

— В *истинном?* — Надежда настороженно посмотрела на него. — Что за игры, Фойл? Этот холст — не какое-то там волшебное зеркало.

— Конечно же, нет, Надежда. — Фойл улыбнул-

ся ей. — Он как фотография, а фотографии не лгут. Я же прав, Барбара?

Спрятав глаза за темными очками, мисс Квимби кивнула:

— Еще как прав. Мисс Конард будет интересно посмотреть, что из этого выйдет. Уверена, вы получитесь очень красивой.

— Красивой? — Надежда уставилась на холст, лежащий у ног Фойла. Впервые она, казалось, сделала сознательное усилие, чтобы взять под контроль себя и виллу в Ящерицыном Ключе. Затем, приняв вызов брата, не желая, чтобы ее взяла на слабо его презрительная усмешка, она сказала:

— Хорошо, я попозирую для тебя. И что только ты во мне углядел, братец?

Мы и не подозревали, какая кошмарная рыба выплывет на поверхность этих зеркал.

В течение следующих нескольких дней наши портреты появлялись на картинах, как бледные призраки. Каждый день после обеда я видел Надежду в библиотеке, когда она садилась за свой портрет и слушала, как я читаю «Мальдорора», но ее уже интересовало одно лишь созерцание пустынного песчаного моря. Однажды, когда она была далеко, бороздя дюны в компании верных

скатов, я забрел в ее мастерскую. Там я нашел дюжину картин, обращенных к окнам, выходящим на пустыню внизу. Часовые, наблюдавшие за призрачным мореходом Надежды, в однообразных деталях раскрывали контуры и текстуру ландшафта, сотканного из пустоты.

По сравнению с этим два портрета, проявлявшиеся в библиотеке, были, конечно, не в пример интереснее. Как всегда, они повторяли в обратном порядке, как некие причудливые художественные эмбрионы, филогению современного искусства, регрессию через основные школы двадцатого века. После первой жидкой ряби и кинетической фазы они стабилизировались в жестких рамках реалистичной школы, а потом, когда тысячи артерий цвета орошали холст, уходили куда-то в хаотичную манеру Джексона Поллока. Затем сливались в грубые формы манеры позднего Пикассо, наделяя образ Надежды массивными плечами и угловатым лицом, а после через фантастическую анатомию кубизма и футуризма обращались во что-то совсем уж неожиданное. В конце концов, импрессионистский период, продлившийся несколько часов, оживил розоватое море света, в котором мы с Надеждой на соседствующих холстах казались

безмятежной семейной парой в пригородных беседках Моне и Ренуара.

Наблюдая за этой обратной эволюцией, я надеялся увидеть что-нибудь в стиле Гейнсборо или Рейнольдса — портрет Надежды в полный рост в алом расшитом цветами платье под лазурным небом, бледнокожую красавицу в саду загородного дома. Вместо этого мы с ней были погружены в преисподнюю Бальтуса и Гюстава Моро.

Когда появились причудливые очертания моей собственной фигуры, я был слишком удивлен, чтобы найти столь же странные элементы в портрете Надежды. На первый взгляд картина явила верное, хотя и стилизованное изображение меня, сидящего на диване, но с каким-то тонким акцентом оформления сцена полностью преобразилась. Пурпурный занавес за диваном напоминал огромный бархатный парус, упавший на корабельную палубу, белоснежные кружевные подушки, на которых я сидел, казались оперением огромной морской птицы. Лицо мое, полное незнамо откуда взявшегося горького пафоса, довершило противоречивую интерпретацию.

— И снова — Старый Мореход! — провозгласила Надежда, взволнованно перебирая страницы «Мальдорора» и нетерпеливо обходя холст. —

Похоже, сама судьба определила твой типаж, Роберт. И хорошо же я угадала с твоей ролью…

— С ролью Летучего Голландца?

Она резко повернулась, ее губы нервно скривились.

— Почему ты так сказал?

— Кого ты ищешь, Надежда? Вполне возможно, я его видел.

Она отошла от меня к окну. В дальнем конце террасы Фойл играл в какую-то грубую игру с песчаными скатами, сбивая их с лету своими тяжелыми руками, а затем швыряя через каменные шпили. Длинные жала протягивались к его рябому лицу — и всякий раз не доставали.

— Надежда… — Я подступил к ней. — Наверное, мне пора уходить. Не следует и дальше злоупотреблять твоим гостеприимством — яхта давно отремонтирована. — я указал на дюноход, пришвартованный у причала, с новехонькими шинами на колесах. — Кроме того…

— Нет! Роберт, пожалуйста, почитай мне еще «Мальдорора». — Надежда пристально глядела на меня своими огромными глазами, проводя микроскопию моего лица, как будто ожидая, что какой-то отсутствующий элемент в моем характере материализуется.

Целый час я читал ей — скорее, чтобы успокоить. По какой-то причине она продолжала искать картину, на которой было изображено мое завуалированное изображение Моряка, как будто за этим образом стоял какой-то другой бороздитель песчаных морей.

Когда на своей шхуне она вновь отправилась охотиться за дюнами, я решил хорошенько изучить ее собственный портрет. Именно тогда я понял, что в этом доме иллюзий появился еще один незваный гость.

На портрете Надежда была изображена в обычной позе — сидящей, как любая богатая наследница, на парчовом стуле. В фокусе находились ее опаловые волосы, сбегавшие каскадом на сильные плечи, и ее сурово сжатые губы с еле наметившимися морщинками в уголках. Чего мы с Надеждой не заметили, так это присутствия на картине второй фигуры. У горизонта на террасе позади нее стоял мужчина в белом пиджаке — со странно поникшей головой и безвольно свешенными по бокам руками. Водянистые очертания его фигуры, застывшей в неестественной позе, придавали ему вид человека, поднявшегося со дна моря вопреки смерти, увитого водорослями и кусками кораллов.

Пораженный этим призраком, материализовавшимся на заднем плане картины, я решил подождать до следующего утра, чтобы проверить, не было ли это какой-то аберрацией света и пигмента. Но фигура стала еще явственнее, словно в насмешку. Интересно, что скажет сама Надежда об этом странном незваном госте? Кто-то — явно не ее сводный брат! — каждый день проводил не меньше часа перед полотном, чтобы запечатлеть на его поверхности свой образ.

Когда после очередных моих чтений вслух Надежда встала, чтобы уйти, ее внимание привлекло задумчивое лицо мужчины с неподвижными глазами.

— Роберт, у тебя какая-то дикая магия! Посмотри, ты и здесь проявился!

Но я-то понимал, что тот мужчина — не я. Белый пиджак, костлявый лоб и безвольный рот указывали на совершенно другого человека.

После того как Надежда ушла гулять по пляжу, я поднялся в ее мастерскую и осмотрел полотна, которые следили за ней на внешних пейзажах. Догадка подтвердилась: на двух из них, обращенных к рифам на юге, угадывалась мачта выжидающе застывшего корабля, что наполовину скрылась среди песчаных отмелей.

С каждым утром этот абрис вырисовывался все отчетливее, и расстояние до него будто бы сокращалось. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я запер окна на террасу и задрапировал холст тканью. В полночь я услышал какой-то шум на террасе и обнаружил, что ставни на окне в библиотеке распахнуты, а ткань с портрета Надежды сдвинута. Сильное, но исполненное какой-то подспудной горечи и печали лицо мужчины смотрело на меня с картины, полное поистине потусторонней энергии. Я выбежал на террасу — и увидел, как сквозь эфир взметенных песчинок по пляжу твердыми шагами двигалась закутанная фигура мужчины. Левитирующие скаты кружили в тусклом воздухе над его головой.

Через пять минут из темноты явился Фойл во всем своем белокуром великолепии. Его полные губы искривила мрачная усмешка, когда он прошел мимо. К черным шелковым туфлям не прилипло ни песчинки — значит, это был не он?

Незадолго до рассвета я стоял в библиотеке, глядя в настороженные глаза призрачного посетителя, который приходил каждую ночь ради бдения у картины Надежды. Достав носовой платок, я вытер его образ с холста и два часа простоял лицом к картине. Быстро размытая краска

приобрела мои собственные черты, пигменты переместились на свои места в конвекции тональностей. Передо мной возникла причудливая химера — человек в яхтсменском белом пиджаке, плечистый, крепко сбитый и явно привыкший больше действовать, чем рефлексировать, с моим по-ребячески пухлым лицом со щеточкой усов, отмеченным печатью пожизненной робости и рефлексии. Краски замерли; первые лучи ложного рассвета коснулись обметаемой песком террасы.

— Чарльз!

Надежда Конард показалась в окне — ее белое платье трепетало на обнаженном теле подобно любовнику-призраку. Через считаные минуты она уже стояла рядом со мной, разглядывая лицо на портрете.

— Так это ты, Роберт! Чарльз Радемахер вернулся — и теперь это ты… У этих песочных морей своеобразное чувство юмора. Они богаты на чудеса…

Надежда взяла меня за руку и повела в свою спальню. Из шкафа во всю стену, что был там, она достала уже знакомый мне белый наряд яхтсмена — весь затертый, запятнанный песком. Засохшая кровь отмечала пулевое отверстие в районе поясницы. Надев его, я будто стал живой мишенью.

Образ Чарльза Радемахера стоял в глазах Надежды, когда она полулежала на кровати в состоянии между сном и явью — и смотрела, как я одно за другим закрываю окна ее спальни.

В последующие дни, когда мы вместе плавали по песчаному морю, она рассказала мне кое-что о своем романе с Чарльзом Радемахером, отшельником-интеллектуалом из Голландии, бороздившим пустыню на своей яхте, составляя каталог редкой фауны дюн. Однажды он остановился в Ящерицыном Ключе погостить — и визит затянулся. Нежданная страсть между ним и загадочной художницей переросла в трагедию — что именно произошло, Надежда так мне и не объяснила. Примеряя окровавленный пиджак с дыркой от пули, я догадывался, что она его застрелила — возможно, в процессе работы над очередным портретом. Очевидно, немало тому поспособствовало полотно — возможно, оно открыло Радемахеру глаза на те неочевидные изъяны в характере Надежды, которые не успели еще проявиться в их отношениях. После жуткой развязки, когда Радемахер был либо убит, либо спасся бегством, Надежда принялась каждое лето искать его в песчаных морях на своей белой шхуне.

И теперь Радемахер вернулся — то ли из пустыни, то ли из мертвых, — выброшенный из нутра песков в моем собственном лице. Неужели Надежда действительно верила, что я — ее реинкарнированный любовник? Иногда по ночам, когда она лежала рядом со мной в каюте и отраженный свет кварцевых жилок скользил по ее груди, выписывая узоры-ожерелья, она говорила со мной так, будто полностью осознавала то, что я — совершенно другой человек; и эти периоды ясности резко сменялись затмениями, в ходе которых она взывала ко мне только и исключительно как к Чарльзу, видом своим все более уподобляясь умалишенной. В такие вот моменты я прекрасно понимал, почему Фойл и Барбара Квимби предпочли провести демаркационную линию между растрескавшимся миром Надежды и своим собственным.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что просто дал Надежде передышку от ее одержимости Радемахером, шанс воплотить свою иллюзию в этой странной эмоциональной пантомиме. Тем временем сам Радемахер поджидал нас неподалеку, в укромных уголках пустыни.

Однажды вечером я взял Надежду в плавание по темному песчаному морю. Я включил

такелажные огни и декоративные гирлянды, опоясывающие палубный навес. Ведя освещенный корабль по погруженным во мрак пескам, я стоял с Надеждой у кормового поручня, обняв ее за талию. Она полудремала, склонив голову мне на плечо; ее опаловые волосы напоминали оперение позабытой первобытной птицы.

Час спустя, когда мы достигли Ящерицына Ключа, я увидел, как чья-то белая шхуна подняла якорь, брошенный где-то среди кварцевых рифов, и скользнула в гущу песков.

Вскоре лишь сводный брат Надежды стал напоминать мне о том, что моя неожиданная власть над островом и его хозяйкой на деле весьма условна. Фойл держался от меня подальше, играя в свои личные игры среди каменных шпилей под террасой. Время от времени, замечая нас с Надеждой гуляющими рука об руку, он одаривал нас насмешливым, но при том настороженным взглядом.

Однажды утром, вскоре после того как я предложил Надежде отослать сводного брата и мисс Квимби в Ред-Бич, Фойл неторопливо вошел в библиотеку, лучась напускной веселостью. Подперев рукой подбородок, он кивнул на портреты — меня и сестры.

— Сначала — Старый Мореход, теперь — Летучий Голландец. Для сухопутной крысы ты играешь слишком много морских ролей, Мелвилл. Чего ждать дальше? Капитана Ахава или, может быть, библейского Иону?

Барбара Квимби подошла к нему сзади, и они оба ухмыльнулись мне.

— Как насчет Просперо? — спокойно парировал я. — Ты тогда будь Калибаном, Фойл.

Кивнув самому себе, Фойл подошел к картинам, размазал пальцем краску, набросав непристойную карикатурку. Барбара Квимби рассмеялась. Обнявшись, эти двое удалились, и их сардонические голоса потонули в криках левитирующих скатов, кружащих над каменными шпилями в кроваво-красном воздухе.

* * *

Вскоре после этого с нашими портретами стали происходить первые любопытные изменения. В тот вечер, когда мы сидели вместе в библиотеке, я заметил небольшое, но отчетливое изменение в лице Надежды на холсте — рябоватый кожный изъян. Текстура ее волос тоже изменилась, обретя желтоватый оттенок.

На следующий день эта трансформация стала

еще более заметной. Глаза на картине прищурились, как будто холст начал распознавать некий дисбаланс в собственном взгляде на Надежду. Обратившись к своему портрету, я обнаружил и на нем следы удивительных перемен — набухшие фистулы плоти скопились вокруг губ и ноздрей, глаза сделались маленькими, почти утонув в складках жира. Даже одежда моя преобразилась — черно-белая клетчатая шелковая рубашка стала напоминать костюм какого-то гротескного арлекина.

На следующее утро эта уродливая метаморфоза стала настолько поразительной, что даже Надежда заметила бы ее. Когда забрезжил рассвет, фигуры, смотревшие на меня сверху вниз с полотен, предстали омерзительными порождениями Сатурна. Волосы Надежды, ярко-желтые теперь, завитками обрамляли лик, наводящий на мысли о припорошенном пудрой черепе. Что до меня, то мое свиное рыло напоминало кошмарную маску демона из ввергающих в отчаяние пейзажей Иеронима Босха.

Я задрапировал полотна и внимательно изучил свое отражение в зеркале. Не хочет ли это своевольное произведение искусства сказать, что те чудовища — истинный наш с Надеждой облик?

В конце концов я успокоился тем, что пигменты были, вернее всего, неисправны — как я понял, хранились они у Надежды давно.

После завтрака мы переоделись в яхтенную одежду и спустились к променаду. Я ничего не сказал Надежде. Весь день мы дрейфовали в пределах видимости с острова, не возвращаясь до вечера.

* * *

Вскоре после полуночи, когда я лежал с Надеждой в ее спальне под студией, меня вырвали из сна левитирующие скаты, встревоженно кружащие в ночи. Стараясь не разбудить ее, я прокрался в мастерскую и осмотрел холсты у окон. На одном из них я нашел свежее изображение белого корабля, спустившего паруса и укрывшегося в бухте в полумиле от острова.

Итак, Радемахер вернулся собственной персоной — и его присутствие каким-то образом исказило наши портреты. Убежденный в то время этой безумной логикой, я вонзил пальцы в полотно, стирая изображение корабля. Измазав ладони сырой краской, я спустился в спальню. Надежда спала на двух подушках, сложив руки на груди.

Я взял автоматический пистолет, который она держала в прикроватной тумбочке. Белый треугольник паруса Радемахера поднялся в ночной воздух, когда он поднял якорь.

На полпути вниз по лестнице я заглянул в библиотеку. На полу были установлены дуговые лампы. Они купали полотна в своем мощном свете, ускоряя движение красок. Перед картинами, гримасничая и застывая в непристойных позах, стояли два существа из ночного кошмара. То, что повыше, было одето в черную рясу, как у священника, на голове у него была маска свиньи из папье-маше. Рядом с ним стояла женщина в желтом парике, с напудренным лицом и напомаженными губами.

Пинком распахнув дверь, я замахал руками на этих отродий. На картинах плоть текла, как перегретый воск, образы — Надежды и меня — принимали новый ужасный вид. Прячась за слепящим сиянием дуговых ламп, женщина в желтом парике выбежала на террасу. Перешагивая через тянущиеся от ламп провода, я на мгновение — слишком поздно! — ощутил за спиной движение воздуха, и в следующий момент что-то сильно ударило меня пониже уха. Упав на колени, я мог только беспомощно следить, как

«черные балахоны» улепетывают к окну.

— Радемахер! — Прижимая к шее испачканную краской руку, я споткнулся об оловянную статуэтку, которой меня и огрели, и выбежал на террасу. Левитирующие скаты неистово носились в темноте, напоминая фосфоресцирующие обрывки холстов. Впереди и внизу, петляя среди скальных шпилей, к берегу бежали две фигуры.

Почти измученный к тому времени, как добрался до пляжа, я неуклюже ступал по темному песку. Глаза щипало от попавшей в них с рук краски. В пятидесяти ярдах от берега в ночной воздух вспорхнули белые паруса огромной песчаной шхуны, бушприт которой смотрел в мою сторону. На песке у моих ног валялись остатки желтого парика, гипсовое свиное рыло и рваная ряса. Пытаясь поднять их, я упал на колени.

— Радемахер!..

Чья-то рука опустилась мне на плечо. Худощавый мужчина с прямой спиной и в панаме раздраженно уставился на меня. Хотя он был меньше, чем ожидалось, я тут же узнал его нетипичные, обтесанные подспудной меланхолией черты.

Он поднял меня на ноги сильной рукой, указал на маску и костюм, на мои измазанные краской

руки:

— Что у вас там происходит? Что еще за игрища?

— Рademахер… — Я уронил желтый парик на песок. — Я думал, это…

— А где Надежда? — Его аккуратные брови приподнялись при взгляде на виллу. — С чего бы этим дьявольским скатам так нервничать… Она там? Да что здесь учинили — черную мессу, что ли?

— Оно к тому близко, черт возьми. — я окинул взглядом пустынный берег, залитый светом, отражавшимся от огромных парусов шхуны. Тут же мне стало понятно, кого я видел позирующими перед полотном. — Фойл и его девица! Рademахер, они были там…

Но голландец уже шагал впереди меня по тропинке, остановившись лишь один раз, чтобы крикнуть что-то двум своим матросам, наблюдавшим за ним с носа яхты. Спеша за ним следом, я утирал париком краску с лица. Рademахер вильнул прочь с тропинки, чтобы срезать путь к террасе, — его плотная фигура быстро двигалась среди каменных шпилей, проскальзывая между звуковыми статуями, растущими из расплавленного песка.

Когда я добрался до террасы, он уже стоял в

темноте у окон библиотеки, вглядываясь в яркий свет. Жестом незрелого юнца, волнующегося за свою внешность, он стащил с головы панаму — его гладкие волосы, примятые ее полями, придавали ему удивительно молодой вид, да и в целом мало походил он на того сурового покорителя дюн, каким я его себе представлял. Голландец стоял, наблюдая за Надеждой, чья фигура в белом одеянии мелькала в распахнутых окнах, и я понял, что именно таким запомнили его холсты во время его тайных визитов на остров.

— Надежда… позвольте мне…

Отбросив панаму, Рademахер побежал вперед. И вдруг прогремел выстрел, от которого одно из стекол во французском окне осыпалось острыми клиньями вниз. Звук прокатился по округе, сметя пыль с каменных шпилей и всколыхнув левитирующих скатов. Отодвинув завесь из бархата, я ступил в комнату.

Рademахер двигался тихо, опираясь рукой о спинку парчового дивана, стараясь достичь Надежды прежде, чем та заметит его. Повернувшись к нам спиной, она стояла у картины с пистолетом в руке.

Слишком возбужденные интенсивным све-

том дуговых ламп, краски почти выкипели с поверхности холста. Мертвенно-бледные цвета искаженного лица Надежды стекали подобно гниющей плоти. Свиноподобный священник, заместивший мой собственный образ, угрюмо нависал над ее телом, точно прокуратор ада.

С ледяными глазами Надежда повернулась к нам с Рademахером. Она уставилась на желтый парик в моих руках и на размазанную по пальцам краску. Ее лицо было пустым. Всякое чувство соскользнуло с него лавиной.

Первый выстрел пробил ее портрет. Краска уже начала стекать через пулевое отверстие. Словно растворяющийся вампир, желтоволосая фурия с чертами лица Надежды потихоньку распадалась, теряя очертания. Искаженный интерференцией рот застыл в немом крике.

— Надежда… — Рademахер двинулся вперед. Прежде чем он успел схватить ее за руку, она повернулась — и выстрелила в него. Пуля разбила окно неподалеку от меня. Стекло блестело на полу, напоминая лунную пыль.

Следующий выстрел поразил Рademахера в левое запястье. Он припал на одно колено, сжимая окровавленную рану. Сбитая с толку отдачей, которая почти вырвала пистолет из ее руки,

Надежда сжала оружие обеими руками, целясь в застарелое кровавое пятно-мишень на моей куртке.

Прежде чем она успела осуществить задуманное, я пинком отправил одну из дуговых ламп ей под ноги. Комнату заполнил световой мельтешащий хаос, а я, схватив Радемахера за плечо, потянул его назад, на террасу.

Мы рванули к берегу. На полпути на тропинке Радемахер остановился, словно не решаясь вернуться. Надежда, встав на террасе, стреляла по скатам, парящим в темноте над нашими головами. Белая шхуна уже отчаливала, ее паруса трепетали на ночном ветру.

Наконец голландец поманил меня раненой рукой:

— Пойдемте на корабль. Раз так… пусть будет одна. Всегда.

Мы укрылись в рулевой рубке шхуны, прислушиваясь к стенаниям звуковых скульптур в растревоженном эфире, когда последние выстрелы эхом разнеслись по простору пустыни.

На рассвете Радемахер высадил меня в полумиле от пляжа в Хирохито. Он провел ночь у штурвала, прижимая к груди забинтованное запястье и управляя яхтой единственной здоровой

рукой. В холодном ночном воздухе я пытался объяснить, почему Надежда выстрелила в него — в свой последний шанс прорваться сквозь множащиеся вокруг нее иллюзии и достичь хоть какой-то реальности.

— Рademахер, я ведь тоже ее знал… Она стреляла совсем не в тебя, а в тот образ на портрете, в тот *вымышленный* образ. Видит бог, она была одержима тобой.

Но он, казалось, больше не интересовался случившимся, крепко сжав тонкие губы, не позволяя себе произнести ни слова. В каком-то смысле он меня разочаровал. Тот, кто в конце концов отнимет Надежду у Ящерицына Ключа, сначала должен будет смириться с накрадывающимися друг на друга иллюзиями, на коих зиждился тот причудливый остров. Отказываясь признавать реальность своих фантазий, Рademахер лишь подтолкнул Надежду к краю пропасти в безумие.

Оставив меня среди дюн в пределах видимости пляжного поселка, голландец как-то неловко отсалютовал мне и крутанул штурвал. Вскоре его прямая, как жердь, фигура затерялась между песчаных гребней.

Через три недели я зафрахтовал яхту у одного из местных рыбаков и вернулся на остров за

шлюпом. Шхуна Надежды стояла у причала. Сама она, спокойная в своей бледной и угловатой красоте, вышла на террасу, чтобы поприветствовать меня.

Картины исчезли, а вместе с ними всякое воспоминание о той сумасшедшей ночи. Глаза Надежды безмятежно взирали на меня. Только ее руки с тонкими пальцами двигались совсем иначе, чем обычно, живя своей беспокойной жизнью.

В конце террасы в шезлонге развалился ее сводный брат, надвинув на глаза панаму Рademахера. Рядом с ним лежала и Барбара Квимби. Я задумался, стоит ли объяснять Надежде про ту черствую и жуткую игру, в которую они с ней играли, но через несколько минут она ушла. Ухмылка Фойла — вот что послал мне мир Ящерицына Ключа на прощание. Но я не держал на него зла. В конце концов, он просто принял реальность сводной сестрицы как что-то само собой разумеющееся.

Однако Надежда Конард не совсем забыла Чарльза Рademахера. Порой в полночь я вижу, как она плывет по песчаному морю в погоне за кораблем с белыми парусами. Прошлой ночью, повинуясь какому-то странному порыву, я надел окровавленную куртку, которую когда-то носил

Рademахер, и двинулся к сердцу песчаного моря. Я ждал у рифа, зная точно, что ее шхуна пройдет мимо. И когда так и произошло, когда показалась ее фигура на фоне последних лучей солнца, я встал на носу, позволяя ей увидеть мой наряд — носимый, опять же, как мишень.

Но сердце странных песочных морей отныне было закрыто для меня. Надежда прошла в пятидесяти ярдах, не обращая на меня никакого внимания. Правда, где-то через полчаса мимо проплыла вторая яхта — лихой кетч с драконьими глазами на носу, с высоким толстогубым мужчиной в желтом парике у руля. Рядом с ним темноглазая молодая женщина, напоминающая чем-то незыблемого жестокосердного Сфинкса, улыбалась ветру. Проходя мимо, Фойл помахал мне рукой, и насмешливый жест приветствия донесся по мертвому песку туда, где я стоял в своем костюме мишени.

Притворяясь жрецами нечестивой мессы или фуриями, ифритами пустыни или злыми дюнными призраками, эти двое бороздили песчаные моря на своих собственных условиях. И по вечерам, когда они снова и снова проходят мимо меня, я все еще могу слышать их безумный смех.

1966

Cry Hope, Cry Fury! Первая публикация в журнале Fantasy and Science Fiction, октябрь 1967.

До завтра миллион лет
Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой

Вечером над Морем Грез подуют ветры времени, и с того места, где Гленвилл лежал в павильоне на краю рифа, над искрящимся песком станут видны серебристые обломки экскурсионного модуля. Во время первой недели после крушения, когда он с трудом поднимал голову, ему мерещились призраки «Санта-Марии» и «Золотого руна» — они плыли к нему по медному песку, и тускнеющий свет заката освещал причудливые окошки на их высокой корме.

Позднее, сидя в инвалидном кресле, он видел призрачные команды этих кораблей-призраков, их темные фигуры наблюдали за ним со шканцев. Однажды, когда Гленвилл снова смог ходить, он вышел на поверхность озера. Жена поддерживала его под локоть, пока он ковылял, опираясь на палку. Внезапно Гленвилл увидел, как в двухстах ярдах от обломков модуля материализовался гигантский корабль и, подгоняемый ветрами времени на всех парусах, двинул по песку прямо на них. В тусклом свете обозначились два становых

якоря, торчавших на носу судна подобно бивням, котлы для варки ворвани в средней части, китобойные снасти и гарпуны. Джудит схватила его за локоть и потащила назад к павильону, но Гленвилл оттолкнул ее руку.

Величаво покачиваясь, огромный корабль беззвучно преодолевал пространство песка. Его корпус высился над ними, как если бы они наблюдали, сидя в утлой лодчонке в двадцати ярдах от его правого борта. Под вздохи песка и шепот ветров времени корабль проплыл мимо. Гленвилл указал на троих мужчин, смотревших на них сверху вниз из-за штормовых поручней. У самого высокого был суровый взгляд и желтое, изрытое оспинами лицо, второй был весел, третий — румян и курил трубку.

— Ты видишь их? — крикнул жене Гленвилл. — Старбек, Стабб и Фласк, помощники капитана с «Пекода»!

Он указал на штурвал, за которым стоял старик. Его безумный взгляд был устремлен к рифу, на который он, похоже, и вел корабль.

— Ахав! — прокричал ему Гленвилл в попытке предостеречь. Но корабль летел прямо на риф. Впрочем, спустя мгновение он исчез за похожими на застывшую лаву скалами, лишь бизань-парус

на миг мелькнул в лучах умирающего солнца.

— «Пекод»! Боже мой, ты видела команду? Исмаил, Таштего, Ахав, помощники капитана. Три самых ярких персонажа Мелвилла! Ты видела их, Джудит?

Его жена кивнула, помогая ему дойти до павильона. В сумеречном свете ее хмурое лицо было почти неразличимо. Гленвилл прекрасно знал: она ни разу не видела никаких кораблей-призраков, тем не менее ощущала, как через песчаное озеро, подгоняемое ветрами времени, движется нечто огромное и удивительное. В данный момент ее куда больше интересовало то, чтобы он поправился после длительного перелета и абсурдной аварии, когда их экскурсионный модуль разбился при посадке.

— Но почему «Пекод»? — недоумевал Гленвилл, когда они уселись в кресла на веранде павильона. Носовым платком в цветочек он вытер пухлое потное лицо. — Я понимаю «Золотое руно» или «Санта-Мария» — суда, на которых были сделаны великие географические открытия. Нет, конечно, кругосветное путешествие Дрейка чем-то похоже на наше, через половину вселенной, но согласись, здесь было бы куда уместнее судно Робинзона Крузо.

— Это почему же? — Джудит посмотрела на песок, толстым слоем устилавший металлический пол веранды. Наполнив стакан водой из сифона, она покачала искрящуюся жидкость, наблюдая хмурым взглядом за игрой пузырьков. — Потому что мы здесь в безвыходном положении?

— Нет. — раздраженный ее ответом, Гленвилл повернулся к ней. Порой ее флегматичность жутко раздражала. Казалось, ей доставляло удовольствие, словно воздушный шарик, прокалывать его оптимизм, пусть даже наигранный. — Я имею в виду другое. Крузо, как и мы, создал для себя новый мир из остатков старого, которые привез с собой. Мы можем сделать то же самое, Джудит.

Он умолк, не зная, как придать вес собственным словам, и в конце концов произнес с особым нажимом:

— Мы здесь не в безвыходном положении.

Жена кивнула, правда, узкое ее лицо ничего не выражало. Почти не поднимая головы, она посмотрела на беззвездное ночное небо, видневшееся из-за края навеса. Высоко над их головами его пересекла яркая точка: подмигивающий маячок шел курсом к северному полюсу.

— Верно, не в безвыходном. По крайней мере, судя по небу, ждать помощи осталось недолго.

Еще несколько дней, и капитан Торнвальд догонит нас.

Гленвилл хмуро посмотрел на дно своего стакана. В отличие от жены, он отнюдь не пришел в восторг при виде мигающего сигнального маяка патрульного судна, передававшего всей вселенной их местонахождение.

— Да, он догонит нас, не спорю. В этом-то и вся удача. Вместо того чтобы вечно убегать от него, мы наконец от него избавимся. После Торнвальда уже никого не пришлют.

— Может, и нет. — Джудит побарабанила пальцами по металлическому столу. — Но как ты предлагаешь от него избавиться? Только, пожалуйста, не говори мне, что вы сойдетесь с ним в смертельном поединке. Ведь в данный момент ты едва передвигаешь ноги.

Пропустив мимо ушей сарказм, прозвучавший в ее голосе, Гленвилл заставил себя улыбнуться. Невзирая на все его умения, проницательность и даже своеобразное мужество, благодаря которым они оказались здесь, жена до сих пор воспринимала его как не до конца понятную шутку. В иные моменты он задавался вопросом, а не зря ли он вообще взял ее с собой. Без нее он был бы здесь совершенно один посреди пустынного,

заброшенного мира. Никто не напоминал бы ему про его оплывшее, далеко не молодое тело, про его ничтожные опасения и фантазии. Он мог бы сидеть один, любуясь долгими закатами, наслаждаясь странной поэзией Моря Грез.

С другой стороны, если он избавится от капитана Торнвальда, может быть, она наконец-то начнет воспринимать его серьезно.

— Не переживай, никакого смертельного поединка не будет. Пусть лучше его унесут ветры времени.

— То есть ты надеешься, что его раздавит какой-нибудь корабль-призрак? — спросила Джудит. Она явно не желала сдаваться. — Но что, если он их не увидит?

Гленвилл посмотрел на гроты, темнеющие в песчаном рифе, протянувшемся вдоль северного берега озера в двух милях от них. Несмотря на однообразие озерных систем, покрывавших всю планету, этот плоский пейзаж его завораживал.

— Неважно, увидит он их или нет. Кстати, сегодня вечером «Пекод»… Жаль, что ты не видела Ахава. Они все были точно такие, какими их описал Мелвилл в своем «Моби Дике».

Жена встала, как будто понимая, что сейчас он вновь затянет свою обычную песню. Смахнув

белый песок, лежавший подобно кружеву на голубой парче ее платья, она сказала:

— Надеюсь, ты прав. Думаю, в следующий раз ты увидишь Летучего Голландца.

Погруженный в собственные мысли, Гленвилл проводил взглядом ее высокую фигуру. Джудит шла по берегу, вдоль линии песчаного прилива, нанесенного ветром с поверхности озера. Летучий Голландец? Любопытная ремарка. Прибыв на эту далекую планету, они вследствие растяжения времени сами потеряли бы семь лет жизни, пожелай они вернуться назад, — и кстати, странным образом, это ровно столько же, сколько несчастный голландец бороздил просторы морей. Каждые семь лет он выходил на берег, однако мог оставаться там лишь при условии, что ему встретится любовь верной женщины.

Что, если он сам и есть Летучий Голландец? Пусть даже в самом отдаленном смысле? Или Торнвальд? Они с Джудит познакомились во время предварительных интервью, и сколь невероятным это ни звучало, между ними, возможно, что-то было — с трудом верилось, что Торнвальд увязался бы за ними в такую даль, пожертвовав карьерой и деньгами, из-за мелкого нарушения правил эмиграции. Бактериальное загрязнение,

возможно, и представляет угрозу другим планетам, но ведь они специально ограничились безводными мирами на пустынном краю вселенной.

Гленвилл посмотрел на обломки экскурсионного модуля. На какой-то миг ему померещились мачты, паруса и брам-стеньги, как будто это «Катти Сарк» приготовилась вырваться из объятий песка. Это странное явление, следствие временной болезни, вызванной огромными расстояниями межзвездного пространства, все чаще и чаще давало о себе знать во время их долгого перелета. Чем дальше они проникали в глубины космоса, тем сильнее ностальгия охватывала человеческий разум, тем сильнее становилось желание трансформировать любой сделанный человеческими руками объект, например космический корабль, в котором они путешествовали, в далеких предков. По какой-то причине болезнь эта обошла Джудит стороной, а вот Гленвилла одно за другим посещали удивительные видения. Фрагменты мифов и легенд его земного прошлого появлялись на свет из мертвых озер и высохших морей чужих планет.

У Джудит же не только отсутствовало воображение, ей было также неведомо раскаяние.

Совершенное Гленвиллом преступление — память о котором он почти сумел стереть — не давило на нее тяжким грузом, хотя они и были супружеской парой. Кроме того, недостатки, в которых она молча обвиняла его каждый день, скорее проистекали из его характера, но в ее глазах они были серьезнее финансовой нечистоплотности, мошенничества и даже убийства. Именно по этой причине он и решил раз и навсегда покончить с капитаном Торнвальдом.

Спустя три недели, когда Торнвальд наконец прибыл, Гленвилл уже успел полностью прийти в себя после аварии. С вершины песчаного рифа, нависшего над западным краем озера, он наблюдал, как посадочная капсула капитана полиции приземлилась в двухстах ярдах от павильона. Джудит стояла под навесом веранды, рукой отгоняя пыль, взбитую тормозными соплами.

Она ни разу не высказала сомнений в серьезности его намерений в отношении Торнвальда, хотя время от времени Гленвилл замечал, как она бросала взгляд вверх, на патрульное судно, как будто прикидывала в уме, сколько еще дней понадобится Торнвальду, чтобы догнать их. Ее терпение не могло не поражать. Однажды, за неделю до прибытия Торнвальда, Гленвилл едва

не вырвал у нее признание в том, верит ли она на самом деле, что он сумеет перехитрить полицейского капитана. Ирония же заключалась в том, что, возможно, она верила, но если так, то почему по-прежнему презирала его?

Кормовой люк открылся. Гленвилл встал на краю рифа во весь рост и замахал руками. Спустившись с рифа, он прыжком преодолел последние пять футов до глади озера и со всех ног бросился к посадочной капсуле.

— Торнвальд! Капитан! Как я рад вас видеть!

В открытый люк на Гленвилла посмотрело усталое лицо полицейского, взятое в рамку стального воротника скафандра. Торнвальд с трудом поднялся на ноги и, взяв протянутую руку, кое-как выкарабкался на землю. Предусмотрительно стараясь не поворачиваться к Гленвиллу спиной, он расстегнул космический костюм, затем быстро посмотрел на павильон и обломки экскурсионного модуля.

Гленвилл кругами прохаживался вокруг него. Осторожность Торнвальда, рука, которую он держал в непосредственной близости от кобуры, почему-то позабавили его.

— Капитан, вы превосходно произвели посадку! Какое непревзойденное мастерство, не говоря

уже о том, что вы добрались сюда. Думаю, вы заметили маячок, но даже так…

Торнвальд открыл было рот, но Гленвилл не дал ему произнести ни слова.

— Только не подумайте, что я оставил его нарочно! Черт побери, мы ведь вообще-то разбились. Нет, вы только представьте себе — проделать такой путь и едва не свернуть себе шею. К счастью, Джудит не пострадала — даже ни единой царапины. Она будет рада вас видеть, капитан!

Торнвальд медленно кивнул. Его взгляд был прикован к пухлой потной фигуре Гленвилла, который по-прежнему кругами ходил вокруг его капсулы. Высокий, слегка сутулый, с суровым, печальным лицом и присущей бывалому полицейскому подозрительностью, он не спешил делать следующий шаг. Наигранная веселость Гленвилла настораживала.

Гленвилл указал на павильон:

— Пойдемте! Пообедаем вместе. Вы ведь наверняка устали. — он махнул рукой в сторону песчаного озера и бескрайнего неба. — Как видите, больше здесь ничего нет, зато тихо и спокойно. Еще пара деньков и…

— Гленвилл! — оборвал его Торнвальд и с суровым лицом протянул руку, как будто хотел

потрогать его плечо. — Надеюсь, вы понимаете, почему я здесь?

— Разумеется, капитан, — улыбнулся тот. — Ради бога, прекратите делать серьезное лицо! Я не собираюсь никуда от вас убегать. Хотя бы потому, что некуда.

— Главное, чтобы вы сами это понимали. — Торнвальд осторожно зашагал по мелкому песку, как будто хотел проверить надежность планеты, а заодно и справедливость слов ее восторженного обитателя. — Можете перекусить, после чего мы отправимся в обратный путь.

— Как скажете, капитан. С другой стороны, куда нам спешить? Семь лет на путь туда и обратно, невелика разница, если мы проведем здесь пару лишних часов или даже дней? Вся эта мелюзга, которая осталась в вашем отделе, наверняка уже дослужилась до старших комиссаров. На вашем месте я бы не слишком спешил. К тому же эмиграционные законы могли за это время измениться.

Торнвальд холодно кивнул. Гленвилл уже собрался представить ему Джудит — та, не проронив ни слова, по-прежнему стояла на веранде, — как вдруг Торнвальд остановился и посмотрел на гладь озера, будто выискивал глазами притаившегося среди рифов снайпера.

— Все в порядке? — настороженно спросил его Гленвилл и уже более спокойным тоном добавил: — Я называю его Морем Грез. Не забывайте, капитан, как далеко мы от дома. Здесь на закате случаются странные видения. Главное, не обращайте на них внимания.

Он помахал Джудит. Та, поджав губы, наблюдала за их приближением.

— Капитан Торнвальд, дорогая. Наш спаситель, наконец-то!

— В некотором роде. — она посмотрела на Торнвальда. Тот застыл в нерешительности рядом с Гленвиллом, как будто опасался войти в павильон. — Надеюсь, вы считаете, что все это необходимо, капитан. Месть — плохой мотив для справедливости.

Гленвилл прочистил горло.

— Да-да, моя дорогая, но… Входите, капитан, присаживайтесь. Мы сейчас предложим вам выпить. Джудит, не могла бы ты…

Помешкав пару мгновений, жена кивнула и вошла в павильон.

Гленвилл покачал головой и развел руками.

— Это трудный момент, капитан. Но как вы знаете, Джудит всегда была довольно упряма.

Торнвальд кивнул, не спуская с Гленвилла глаз,

пока тот выдвигал из-за стола стул. Затем указал на обломки экскурсионного модуля.

— И как сильно он поврежден? Надо будет потом пойти взглянуть.

— Напрасная трата времени, капитан. Можно списывать на металлолом.

Торнвальд окинул обломки пристальным взглядом.

— Пусть даже так. Перед отлетом я хотел бы провести деконтаминацию.

— Но какой смысл? Ведь сюда никто никогда не прилетит! Планета мертва. Правда, в баках осталось приличное количество топлива. Начни вы обрабатывать обломки своими спреями, как все взлетит в воздух к чертовой матери. — Гленвилл нетерпеливо обвел глазами веранду. — Где же наконец напитки? Джудит такая… — Он встал со стула и направился к двери павильона. Торнвальд последовал его примеру. — Все в порядке, капитан.

Торнвальд привалился к дверному косяку и посмотрел сверху вниз на пухлое потное лицо Гленвилла.

— Давайте я вам помогу.

Гленвилл пожал плечами и поманил его вперед, однако затем остановился.

— Капитан, ради бога! Если бы я хотел сбежать, разве стал бы дожидаться вас здесь? Поверьте, у меня с собой нет никакого пистолета, спрятанного в бутылке из-под виски, или чего-то в этом духе.

— Просто мне не хочется скандала между вами и Джудит.

Торнвальд кивнул и остался ждать в дверном проеме. Когда Гленвилл вышел с подносом, он вернулся на свое место. Сев, он вновь окинул взглядом павильон и берег, на котором тот стоял, как будто выискивал глазами недостающий фрагмент мозаики.

— Гленвилл, я бы хотел предъявить вам обвинение — вы понимаете, что вас ждет по возвращении на Землю?

Его собеседник пожал плечами:

— Разумеется. С другой стороны, совершенное мною правонарушение — сущая мелочь, не так ли? — Он потянулся к внушительному космическому костюму Торнвальда, висевшему на перилах веранды. — Давайте я уберу это куда-нибудь в тень. Кстати, а где Джудит?

Торнвальд посмотрел на дверь павильона. Воспользовавшись моментом, Гленвилл потянулся за стальным карандашом в правом колене костю-

ма. Вытащив его из углубления, он уронил его на металлический пол.

— Что это? — спросил он. — Фонарик?

Большим пальцем он потрогал кончик, затем быстро переместил палец к кнопке.

— Не вздумайте нажимать! — Торнвальд вскочил на ноги. — Это радиоотражатель, вы тут все загрязните. — потянувшись через стол, он попытался вырвать баллончик у Гленвилла. Затем вскинул согнутую в локте руку, защищая лицо.

Из стальной трубки в руке Гленвилла, подобно фейерверку, вырвалась струя газообразного алюминия. Всего за пару секунд его искрящееся облако заволокло всю веранду, медленно оседая на стенах и потолке. Торнвальд ногой отбросил в сторону стол и закрыл руками лицо. Его волосы и лоб все были в серебристой краске.

Гленвилл попятился к ступеням. Частички краски оседали на его груди и руках. Сопло распылителя по-прежнему было направлено на полицейского. Гленвилл бросил полупустой контейнер на пол, где тот выплюнул наружу последние струи краски. Потоки воздуха тотчас подхватили их, и они закружились в солнечных лучах, словно серебристые светлячки. Гленвилл повернулся и, пригнувшись, побежал к краю

песчаного рифа в пятидесяти ярдах от них.

Спустя два часа, сидя скорчившись в одном из гротов на западном берегу озера, Гленвилл с улыбкой наблюдал, как из павильона на солнечный свет шагнула серебристая фигура Торнвальда. Алюминиевое облако над павильоном осело, и теперь тусклые серые панели крыши и стен сверкали на солнце серебром алюминиевой краски, издали напоминая какой-то храм.

Торнвальд шагал назад к своей капсуле. Стоя в дверях, Джудит провожала его взглядом. Не считая двух отпечатков ладоней на щеках, его фигура была сплошь покрыта частичками алюминия. Его волосы сверкали на солнце, словно серебристая фольга.

— Гленвилл! — Голос Торнвальда, слегка сердитый, эхом прокатился по галереям рифа. Кобура на его боку была открыта, но оружия он так и не вынул. Гленвилл догадался, что в планы Торнвальда не входит гоняться за ним по коридорам рифа. Колонны слежавшегося песка были едва ли в состоянии поддерживать собственный вес. Каждые несколько часов раздавался глухой грохот, когда та или иная колонна рушилась под собственным весом, обращаясь в облако пыли.

Злорадно улыбаясь, Гленвилл наблюдал за

своим противником. Торнвальд обернулся на павильон. Заинтригованная поединком между мужчинами, Джудит расположилась на веранде, словно средневековая дама на рыцарском турнире.

Неуклюже передвигая ноги, капитан полиции двинулся к рифу. Он как будто стеснялся своего сверкающего тела. Гленвилл усмехнулся. Он наскреб песок с поверхности рифа, натер им рукава и брюки, пряча частички серебряной краски. Выпив воды из фляжки, которую спрятал здесь еще три дня назад, он посмотрел на часы. Было почти три пополудни — через четыре часа по песчаному озеру поползут фантомы. Он похлопал завернутый в серый пластик сверток, лежавший с ним рядом.

В семь часов над Морем Грез подули ветра времени. Как только солнце скрылось за западными хребтами, по поверхности озера пролегли длинные тени рифов. Кварцевые вены тотчас потускнели, как будто скрывая лабиринт тайных ходов.

Пригнувшись пониже, Гленвилл бочком двинулся вдоль берега озера, почти неразличимый в темноте из-за песка. В четырехстах ярдах от него Торнвальд одиноко сидел на веранде павильона.

Его сутулая фигура в последних сумеречных лучах поблескивала серебром. Глядя на него через озеро, Гленвилл решил, что ветра времени уже движутся в его сторону, неся с собой странные образы кораблей и призрачных морей, возможно даже русалок и невообразимых чудовищ. Торнвальд неподвижно застыл в кресле, положив руку перед собой на перила.

Гленвилл двинулся дальше вдоль берега, пробираясь между жилами искрящегося кварца. Как только между ним и павильоном оказались обломки экскурсионного модуля и меньшей по размеру посадочной капсулы, глаза его различили слабые очертания корабля с низкой посадкой — шхуны или бригантины. Паруса были опущены, как будто она стояла на якоре в какой-нибудь пиратской лагуне. Не обращая на нее внимания, Гленвилл забрался в мелкую, глубиной не более трех футов складку, пересекавшую озеро. Переведя дыхание, он развернул сверток, после чего, зажав под мышкой лежавший в нем предмет, направился к поблескивающим обломкам модуля.

Спустя двадцать минут Гленвилл покинул свою обзорную точку позади экскурсионного модуля. Вокруг него, то и дело ныряя носом в теплый песок, кружились призрачные очертания

двух кораблей с квадратными парусами. Устремив взгляд на павильон, где фигура Торнвальда по-прежнему застыла словно некий сияющий призрак, Гленвилл шагнул сквозь полупрозрачный якорный канат, который, извиваясь, уходил куда-то в глубины песчаного озера. Держа вынутый из свертка предмет высоко над головой, словно фонарь, он уверенной поступью двинулся к павильону.

Оба парусника беззвучно двинулись вслед за ним на своих якорях. Вскоре Гленвилл уже был у края озера. В тридцати ярдах от него частички серебристой краски мерцали на песке вокруг павильона, словно некий фальшивый лунный свет, но остальная часть берега и озеро были погружены в кромешную тьму. Неторопливым, ритмичным шагом преодолевая последние ярды до павильона, Гленвилл отлично видел высокую фигуру Торнвальда. Тот стоял, прижавшись спиной к стене веранды. Его исполненное ужаса лицо с отпечатком ладоней глядело на возникшее перед ним видение. Как только Гленвилл дошел до ступенек, Торнвальд одной рукой потянулся за лежащим на столе пистолетом.

Гленвилл отбросил в сторону принесенный предмет. Схватив пистолет, прежде чем Торн-

вальд успел шелохнуться, он прошептал скорее себе, нежели своему противнику:

— Странные моря, капитан. Я вас предупреждал.

С этими словами он, пригнувшись, попятился вдоль веранды. Дуло его пистолета было направлено Торнвальду в грудь.

Затем дверь слева от него открылась, и прежде чем он успел сделать хотя бы шаг, из павильона выскользнула полупрозрачная фигура жены и выбила оружие из его рук.

Гленвилл со злостью повернулся к ней, затем прикрикнул на призрак без головы, который, пройдя сквозь него, зашагал к темным силуэтам кораблей, стоявшим на якоре посередине озера.

На следующее утро, через два часа после рассвета, капитан Торнвальд завершил приготовления к отлету. Последние минуты он провел на веранде, глядя на залитое солнечным светом озеро и стирая с себя последние следы алюминиевой краски смоченной в растворителе губкой. Закончив, он посмотрел сверху вниз на Гленвилла — тот сидел возле стола, привязанный к стулу. Несмотря на события предыдущего вечера, он, казалось, был собран и спокоен, на его губах играла добродушная усмешка.

Почему-то это странное дружелюбие заставило Торнвальда поежиться. Он спрятал пистолет в кобуру. Еще один такой вечер рядом с этим безумным озером, и он точно пустит пулю себе в лоб.

— Капитан, — Гленвилл посмотрел на него покорным взглядом и пожал пухлыми, обмотанными веревкой плечами, — когда вы намерены меня развязать? Нам ведь скоро улетать отсюда.

Торнвальд отшвырнул губку на серебристый песок перед павильоном.

— Это мне скоро улетать отсюда. Вы останетесь здесь. — когда же Гленвилл запротестовал, капитан добавил: — Не вижу смысла забирать вас с собой. Как вы сами сказали, вы построили здесь свой собственный мирок.

— Но… — Гленвилл пристально посмотрел в лицо капитану. — Честное слово, Торнвальд, я вас не понимаю. Зачем вам вообще было сюда прилетать? Кстати, а где Джудит? По идее, она должна быть где-то рядом.

Торнвальд ответил не сразу. Он был вынужден собрать волю в кулак, чтобы не поддаться воспоминаниям о предыдущем вечере.

— Да, она где-то рядом, — согласился он, и как будто проверяя некий бессознательный элемент в памяти Гленвилла, отчетливо произнес: — Если

уж на то пошло, она в модуле.

— В модуле? — Гленвилл напряг плечи, натягивая веревки, затем обернулся на солнечный свет. — Но ведь я сказал ей не ходить туда. Когда она вернется?

— Вернется, не переживайте. Думаю, что сегодня вечером, когда подуют ветра времени. Хотя лично мне не хотелось бы быть здесь, когда она вернется. В этом вашем море, Гленвилл, родятся дурные сны.

— Это как понимать?

Торнвальд пересек веранду.

— Гленвилл, вы хотя бы представляете себе, почему я здесь? Почему я отправился на ваши поиски?

— Один бог ведает почему! Мне казалось, это как-то связано с законами об эмиграции.

— С законами об эмиграции? — Торнвальд покачал головой. — Любые обвинения по этой статье будут сущей ерундой.

На миг он умолк, а затем добавил:

— Все дело в убийстве, Гленвилл.

Тот удивленно посмотрел на него со своего стула.

— В убийстве? Да вы в своем ли уме?! В чьем убийстве, хотел бы я знать?

Торнвальд похлопал воспаленную кожу на подбородке. На его красных щеках все еще были различимы бледные отпечатки ладоней.

— Вашей жены.

— Джудит? Но ведь она здесь, идиот! Вы собственными глазами видели ее, когда прилетели сюда!

— Это вы видели ее, Гленвилл, а я — нет. Но когда вы начали играть ее роль — заговорили этим своим безумным тонким голоском, — я понял, что вы привезли ее сюда с собой. Вам не понравилось мое желание осмотреть модуль. Затем, прошлым вечером, вы для меня оттуда кое-что принесли.

Стараясь не смотреть на обломки модуля, Торнвальд пересек веранду. Вспомнилось жуткая картина, которая привиделась ему прошлым вечером, когда он ждал этого безумца, который сбежал с телом убитой жены. Ветра времени принесли ему образ корабля-призрака, чьи гниющие останки образовали в вечернем свете странную решетку — решетку подземелья.

Затем внезапно он увидел, как через море крови к нему движется ужасный призрак, кошмарный командир этого адского судна — высокая женщина, ритмично шагавшая под звуки его реквиема.

«Ее локоны сверкали золотом, она была кош-

маром жизни-в-смерти, та, от которой стынет в жилах кровь».

Затем он с ужасом увидел на плечах этой ламии голову Джудит. Он едва узнал Гленвилла, безумного матроса, который нес ее голову, словно некий кошмарный фонарь. Торнвальд выхватил пистолет.

Гленвилл в очередной раз расправил стянутые веревками плечи.

— Капитан, мне ничего не известно про Джудит. Ей здесь не слишком нравится. Мы почти никогда не ладим, когда остаемся одни. Я хотел бы улететь вместе с вами.

— Извините, Гленвилл, но я не вижу в этом смысла — здесь вам самое место.

— Но капитан, вам не кажется, что вы превышаете свои полномочия?! Если мне предъявлено обвинение в убийстве…

— Не капитан, Гленвилл, а комиссар — до отлета я получил повышение, что дает мне право действовать в таких случаях, как ваш, на свое усмотрение. Думаю, эта планета довольно уединенная. Вряд ли кто-то прилетит сюда и нарушит ваше одиночество.

Он шагнул к Гленвиллу и посмотрел на него с высоты своего роста. Затем вынул из кармана

складной нож и положил его на стол.

— Если встанете, то сможете до него дотянуться. Прощайте, Гленвилл. Я оставляю вас здесь в вашем позолоченном аду.

— Но Торнвальд! Комиссар! — Гленвилл резко развернулся на стуле. — Где Джудит? Позовите ее!

Торнвальд обернулся через плечо.

— Не могу, Гленвилл. Но скоро вы ее увидите. Этим вечером, когда подуют ветра времени, они принесут ее вам, мертвую женщину из мертвого моря.

С этими словами он зашагал по сверкающему песку к посадочной капсуле.

1966

Tomorrow is a Million Years. Первая публикация в журнале New Worlds, декабрь 1966.

Птица Бурь против Бури Надежд
Перевод Г. Шокина

Рано-рано поутру светлое марево расползлось по болотным просторам, и тельца убитых птиц-переростков засверкали, словно облака, подсвеченные снизу солнцем. С разлетевшихся по округе перьев стекали капельки кристальной росы. Прогуливаясь по палубе корабля радиолокационного дозора, Криспин вел свою вахту. Трупы птиц набились в ручейки и протоки, некоторые двухмесячной давности. Течение, медленное, но беспрерывное, придало им вид взмокших исполинских подушек.

Вот уже какое по счету утро ему на глаза попадалась старуха, живущая в обветшалом доме у обрыва. Вышагивая по узкой змейке побережья, она порой останавливалась у птичьих тел, распластавших по земле гигантские крылья, и, подолгу примеряясь и выбирая, рвала то одно, то другое перо. Она не шла домой, пока не набирала полную охапку, и о наблюдавшем за ней с капитанского мостика Криспине то ли не догадывалась, то ли не волновалась.

Поначалу он испытывал чуть ли не раздражение при виде этой незнакомки, беззастенчиво ворующей оперение его трофеев. Окрестные берега и болота, окружавшие лагуну, где курсировало дозорное судно, были буквально завалены трупами крылатых монстров, но он все равно мнил этих птиц *своими.* Когда они, снявшись с гнездовий на северных берегах, прилетели сюда и устроили форменный кавардак, именно он вывел корабль в бой — и почти что в одиночку положил всем им конец. Тела этих тварей, чьи размеры будоражили разум, были превращены в решето *его* пулями. Почти все они были либо чайками, либо буревестниками. Реже попадались поморники и альбатросы.

Глядя, как старуха бредет по запущенному газону к дому, Криспин стиснул кулаки. В его памяти ожили безумные часы последней азартной битвы, когда он дервишем метался по ржавой палубе, сбитыми в кровь руками тягая к турели ящики с патронными лентами. Это сейчас, когда все они мертвы и их туши усыпали промозглые Норфолкские болота, можно говорить о каком-то там азарте, а тогда, жалкие два месяца назад, когда небо над мачтами потемнело от обилия кровожадных стай, он подумал, опустив руки: «Ну все,

нам с Куимби конец». Шести–, восьмиметровые крылья взбивали воздух в тайфуны, и твари вдруг будто по команде стали бросаться вниз, осыпаясь с неба крикливым гневом божьим.

Куимби был недалеким фермерским сынком из Лонг-Рич. Криспин уболтал его занять должность канонира на дозорном судне. Со своими обязанностями парень справлялся неважно, но Криспин был рад даже такому неказистому помощнику. Быть может, именно благодаря ему в тот день он одержал над птичьими ордами победу. Залпом очередей, раскаливших турель добела, он уложил в болото сначала первую, затем и вторую, подоспевшую на помощь со стороны реки волну. Борта корабля над ватерлинией были испещрены вмятинами от ударов их мощных клювов. В самый разгар смертельной битвы крылатые монстры были везде: радар и мачты побелели и дымились от их едких экскрементов, туши прорывались через такелаж и всем весом прикладывались о палубу, а Криспин разворачивал тяжелые стволы от упора до упора и строчил, строчил, строчил. Последняя надежда не раз и не два покидала его, и он беззвучно проклинал управу, бросившую его на этой ржавой посудине один на один с чудовищными алконостами, без

поддержки и финансирования, ведь даже службу придурка Куимби он оплачивал из собственного кармана.

Но позже, когда стало казаться, что битва длится уже целую вечность, что птиц в небе меньше не становится, а патроны вот-вот кончатся, алая пелена спала с глаз Криспина, и он увидел, как его горе-канонир победно выплясывает чечетку на заваливших палубу птичьих трупах и, ловко орудуя вилами, сбрасывает их за борт. Сраженные отродья градом осыпались с небес — и он выдохнул: победили-таки. Охваченный боевой лихорадкой, Куимби приволок еще ящик боеприпасов, весь перемазанный в крови и перьях, и Криспин, издавая победные варварские вопли, расправился с жалкими остатками атакующей стаи, подбив «подростков», птиц габаритами поменьше. Добрых полчаса после того, как издохла последняя пернатая бестия, он не отрывался от пулеметной установки, решетя впустую небосвод, осмелившийся бросить ему вызов.

Потом, когда кураж пошел на спад, он осознал, что свидетелем его беспримерной отваги был один лишь несчастный болван Куимби, и даже если этому простаку взбредет в голову поведать о том, как они вдвоем выстояли против крылатых

бригад смерти, — кто поверит? Ну, само собой, есть еще та старуха, жительница ветхого дома, но она выходит только тогда, когда ей нужно, — выходит нарушать покой его военных трофеев, угомонившихся в стылых водах лагуны и болот, столь приятных глазу в мертвом виде.

Отослав Куимби обратно на прибрежную ферму ниже по течению, он проводил плоскодонку болвана-деревенщины взглядом. Утлые борта раздвигали раздутые трупными газами туши птиц в стороны. Когда лодка исчезла из виду, Криспин взошел на мостик своего дозорного судна. С груди его свисали крест-накрест пулеметные ленты. «Знай, старуха, — думал он, — если бы не я, не хаживала бы сейчас твоя пыльная душонка там и не дергала бы перья — скорее бы тебя саму ощипали». Но пожилая мародерша никогда не удостаивала его чем-то большим, чем мимолетный равнодушный взгляд, словно оспаривая его триумф. Хотя, скорее всего, собственные поиски на берегу и на лужайке у дома попросту интересовали ее больше, чем Криспин.

На третий день после битвы она вышла во двор вместе с Куимби. Тот потратил весь день, горбатясь на нее и расчищая вверенную ему территорию от птичьих останков. Свалив их горой

на массивную телегу, он лично впрягся в оглобли и оттащил груз к яме, вырытой поблизости. Днем позже Куимби выступал уже в роли гребца на шлюпке, а старуха, которой, казалось, было глубоко наплевать на все окружающее, поглядывала из-за его спины на то, как весла расталкивают в стороны туши птиц. Время от времени Куимби, явно следуя ее приказу, ворочал туши острогой, как будто высматривая что-то. По округе ходили слухи, что в клювах у некоторых птиц можно найти самоцветы. Криспин прекрасно знал, что вся эта болтовня попросту антинаучна — просто новая версия старых суеверий.

Прогулки этой старухи вызывали недоумение у Криспина, подсознательно считавшего, что его победа над птицами укротила весь ландшафт, окружавший корабль, и все в нем. Как только она начала собирать птичьи перья, Криспин почувствовал, что она каким-то образом забирает те права, которые должны принадлежать только ему. Рано или поздно, конечно, шакалы, крысы и другие хищники уничтожили бы птиц, но до тех пор он не хотел, чтобы кто-нибудь трогал их. Сразу после битвы он направил краткий, наспех составленный отчет штабному офицеру на пост, до которого отсюда было миль двадцать,

и ему хотелось, чтобы до ответа вся перебитая птичья кавалькада лежала там, где упала. Криспин не был контрактником, так что о денежном вознаграждении и думать не смел, но смутные надежды хотя бы на медаль или благодарность у него еще теплились.

Старуха была единственным свидетелем его побед, если не брать в расчет деревенщину Куимби, и Криспину пока не хотелось угодить в немилость. Ее странные маневры не раз наводили его на мысль, что со здравым умом она распрощалась давным-давно. Криспин никогда не замечал, чтобы старуха подходила ближе, чем на триста ярдов, отделявших дозорный корабль от берега, куда она спускалась из дому, но в бинокль ее можно было превосходно разглядеть. Седая, худющая, волосы паклей, кожа болезненно-сухая — старуха расхаживала в своем бесформенном балахоне до колен, подбоченясь мосластыми руками. У нее был вид человека, не вполне осознающего, что давно живет в одиночку, — неопрятный и серый.

Несколько часов подряд Криспин следил, как она расхаживает среди трупов. Прилив каждую ночь прибивал к берегу новую партию, но теперь, когда туши стали гнить, вид их лишь издалека представлялся величественным. Залив, где сто-

ял дозорный корабль, залег через реку от дома, точно напротив. При желании, поднеся бинокль к глазам, Криспин смог бы пересчитать десятки лунок на бледной штукатурке, оставленных его шальными пулями.

К концу прогулки старуха насобирала полную охапку перьев. Вытерев взмокшие руки о пулеметную ленту на груди, Криспин приложился к окулярам. Ее фигура навевала смутное беспокойство — сама по себе напоминая какой-то павлиний скелет. Неужто мадам из белого дома решила, что стала своего рода птицей?

Заняв пост в рулевой, Криспин поправил висевшую на переборке ракетницу. Завтра утром он выйдет еще раз — и выпустит ракету у старухи над головой. Тогда-то она поймет, что все птицы — его собственность и ничья больше, что он унаследовал их по праву! Фермер по имени Хасл, однажды пришедший вместе с Куимби и спросивший Криспина, можно ли сжечь часть птиц и удобрить пеплом землю, — вот он был молодец, он признавал и авторитет, и его моральное право на здешние трофеи.

По обыкновению, Криспин каждое утро тщательно инспектировал судно, пересчитывая ящики с боеприпасами и смазывая пулеметы.

Палуба от здешней сырости успела заржаветь и потрескаться, да и сам дозорный корабль медленно, но верно уходил в трясину — в часы прилива Криспин слышал, как вода запускает свои щупальца в трюм сквозь уйму щелей и дырок, оставшихся в тех местах, где повыпадали бортовые заклепки. Но в это утро осмотр вышел так себе: удостоверившись, что турель на мостике не заедает и что возможная атака заплутавших птиц с прибрежных гнездовий будет без проблем отражена, Криспин снова занял свой наблюдательный пост. Старуха была на улице, во дворе — резво вжикала вниз-вверх пилой, снося то немногое, что осталось от маленькой беседки. Порой, устремляя взор к небесам, она внимательно оглядывала темный край облачного фронта, словно опасаясь новой атаки птиц.

Вспомнив о том, что и сам когда-то боялся смерти с неба, Криспин понял, почему его так раздражает собирательница перьев. Чем больше трупов съедал распад, тем больше он хотел сохранить от них хоть что-нибудь. Зачастую он ловил себя на том, что ему едва ли не стыдно смотреть в их огромные, наивно-трагичные глаза. Во многих аспектах все эти птицы заслуживали жалости, нежели страха и презрения, — как сказал один

профессор, «жертвы биологического несчастного случая». Экспериментальные стимуляторы роста, направленные на повышение урожайности в Восточной Англии, породили этих крылатых монстров.

Пять лет назад Криспин устроился на ферму поденщиком. Годы, проведенные на военной службе, оказались напрасными, и он попросту не смог найти себе места получше. Он помнил, как распылял над пшеничными полями и фруктовыми садами эту новомодную дрянь — по ночам липкий налет светился в темноте, превращая мирный сельский пейзаж во что-то инопланетное и противное самой природе. Потом на полях стали все чаще попадаться чайки и сороки, полумертвые от забившего их клювы серебристого флюида. Своими руками он спас тогда многих птиц — вычищал им перья и глотки и отпускал у побережья, чтобы им не составило труда вернуться на насиженные места.

Но птицы вернулись к нему самому — через три года. Сначала — гигантские хохлатые бакланы и черноголовые чайки, с размахом крыльев в десять, а то и в двадцать футов, с мощными лапами и клювами, способными насмерть задрать собаку. Они низко кружили над полями, по ко-

торым Криспин гонял плуг, замирали в пустоте небес над его головой. Все они будто выжидали чьего-то приказа.

Следующей осенью прибыла вторая волна совсем уж гигантских птиц — воробьев с орла размером, глупышей и чаек, больше напоминавших кондоров. Эти монстры с мощными и широкими, почти как у человека, телами, в часы прибрежных бурь совершали налеты на луга, безжалостно клевали скот, нападали на фермеров и их семьи. Возвратившись по неведомой причине на те самые поля, пища с которых превратила их в чудовищ, они были всего-навсего «первыми ласточками» многомиллионного воздушного нашествия, нависшего над всей страной. Голод вскоре повел их в прямую атаку на людей.

Криспин был слишком занят обороной фермы, на которой жил, чтобы отслеживать ход бедствия, так или иначе затронувшего весь мир. До берега было жалких десять миль, без труда преодолимых по воздуху, и вскоре ферма пала. Перебив скот, птицы атаковали жилые строения. Однажды ночью Криспина разбудил гигантский фрегат, вынесший клювом ставни и сунувший голову в комнату. Схватив вилы, Криспин пригвоздил пернатого дьявола к стене.

В итоге на ферме выжил он один: хозяин, его жена и дети, а также трое других поденщиков были убиты. Похоронив их, Криспин записался добровольцем в патрульную службу. Он пришел к штабному офицеру изрядно потрепанный, со сломанным носом и звездообразным шрамом, вспахавшим щеку, вся его одежда пропиталась кровью насквозь. Понятное дело, ему едва не отказали — офицер видел в его глазах лишь слепое желание отмщения. Однако, подсчитав убитых птиц, устлавших участок вокруг домны для обжига, у которой Криспин держал последнюю оборону, вооруженный одной лишь косой, что была больше его самого, штабной сменил равнодушие на милость. Криспина снарядили винтовкой, и он до конца дня патрулировал опустошенные поля, расхаживая между обглоданных до костей туш свиней и коров и добивая попадавшихся на пути раненых птиц.

В конечном итоге под отчет Криспина перешла ржавая радиолокационная баржа, застрявшая в затхлых водах среди речных плесов и болот — вместе с простофилей Куимби и сумасшедшей старухой, плетущей какие-то варварские ожерелья из перьев.

Целый час, пока ни у дома, ни в саду старухи

не наблюдалось движения, Криспин занимался нуждами корабля. Но вот она снова вышла, в этот раз с набитой перьями бельевой корзиной. Придвинув к себе столик для пикников, старуха принялась раскладывать добычу.

Пройдя на корму, Криспин ударом ноги распахнул дверь в камбуз и сощурился в царивший внутри мрак:

— Куимби, ты тут?

Отсыревший камбуз стал дурачку чуть ли не вторым домом. Время от времени Куимби возвращался по собственной воле на сторожевик, видимо, желая поучаствовать в еще одной схватке с птицами-мутантами.

Не дождавшись ответа, Криспин закинул на плечо винтовку и пошел к трапу. Все еще глядя на противолежащий берег, он оправил на груди пулеметные ленты и ступил на ржавую ступень — первую из многих, сбегавших к пришвартованному внизу катеру.

После нескольких бесплодных попыток провести катер через ковер мертвых птиц, Криспин заглушил мотор и ухватил острогу. Птичьи туши весили немало. Лежа вповалку, они сцепились крыльями, запутались в сброшенных с палубы веревках. Острога ворочала их с трудом — елееле

удавалось расчистить себе путь из залива.

Криспину вдруг вспомнились слова штабного офицера. Тот сказал ему, что ближайшие родственники птиц — рептилии, следовательно, птицы отчасти должны разделять их вроде как эволюционную неприязнь к млекопитающим. Забавно, но теперь, омытые стылой водой, именно млекопитающих убитые твари и напоминали — дельфинов, если говорить точно. Каждая клювастая морда несла свое, уникальное выражение, до ужаса роднившее ее с лицом человека. Продвигаясь к суше, Криспин думал, что его недавние злостные враги — неведомое племя крылатых людей, движимое не свирепостью и не глухим к мольбам инстинктом, а неким Роком, неотвратимым и непознаваемым. Среди редких деревьев и на зеленой траве, пробившейся на прогалинах, белели их крылья. Весь пейзаж напоминал поле битвы богов, а птицы — падших ангелов.

Криспин причалил лодку, оттолкнув с пути завал из мертвых птиц у самой отмели. Они лежали на чистом песке, словно уснувшие, и солнечный свет падал на их десятифутовые тела, отсвечивал в полузакрытых глазах. Незнамо как в общую могилу крупных мутантов затесалось несколько простых, одомашненных с виду голубей.

Держа оружие в руках, он быстро вскарабкался на берег. Впереди простерся небольшой луг. Стараясь не наступать на птиц, Криспин твердым шагом направился к дому.

Старый деревянный мост пролегал над неглубокой канавой. Подойдя к нему, Криспин замер. Перед ним, как геральдический символ, возвышалось отчлененное крыло белого орла. Оно напомнило Криспину надгробный памятник изысканной лепки, а сам сад вдруг обрел зловещие черты гигантского птичьего кладбища.

Он обошел дом. Старуха стояла у большого стола, раскладывая перья на просушку. Слева от нее белело что-то — некий монумент, вечный огонь из перьев, заключенный в грубую раму, которую она, видимо, соорудила из остатков беседки. Здесь царил дух истинного запустения, дикий и безотрадный.

Старуха обернулась и посмотрела на Криспина. Казалось, она не была удивлена его появлением здесь — ее нисколько не смутило его угрюмое лицо в шрамах, пулеметные ленты на груди, винтовка на плече. В бинокль она казалась старше своего возраста — он ведь повадился называть ее старухой, — но на деле этой женщине было не больше тридцати, и поседевшие полностью

волосы, напоминавшие цветом оперение чаек, подчеркивали ее скромную, но явственную красоту. У нее были грубые красные руки прачки, обута она была в стоптанные туфли, и промасленная роба на ее теле как-то не шла к ее лицу, отрешенному будто бы и от этого мира, и от постигшего его бедствия.

Криспин замер в нескольких метрах от незнакомки и вдруг задался вопросом, зачем пришел сюда. Охапки перьев на столе и в раме у беседки не казались теперь попиранием его власти над птицами — путь через луг убедил его в этом окончательно. И все же он чувствовал с этой женщиной некое родство, некий скрепленный птичьей кровью союз. Смертоносные и недружелюбные небеса посылали привет из безмятежного прошлого — солнце залило поля, отягощенные гниющей ношей и смиренно притихшие.

Уложив на столик оставшиеся перья, женщина обратилась к Криспину:

— Они скоро просохнут, солнце сегодня в ударе. Поможете мне?

Криспин неуверенно шагнул поближе:

— Ну… допустим. А что вам нужно?

Женщина указала на останки беседки. Из щербины в одной из стоек торчал ребристый язык

покоробленной ржавчиной пилы.

— Сможете ее спилить?

Сбросив винтовку с плеча, Криспин подошел к беседке. Кивнул на штакетины забора из сосны, валявшиеся в огороде:

— Если вам нужны дрова, эти вот деревяшки горят получше.

— Нет, не дрова. Мне нужна хорошая крепкая рама. Сможете сделать? Куимби в этот раз не придет. Обычно он мне помогает.

— Справимся как-нибудь и без него. — прислонив винтовку к беседке, Криспин выдернул пилу из щербины и начал с нового места.

— Премного благодарна. — пока он махал пилой, женщина стояла рядом и следила за ним с отстраненной улыбкой. Патронташи раскачивались в такт его движениям и слегка мешали. Взяв передышку, он нехотя снял их — все-таки они подчеркивали его военный статус. С тоской Криспин глянул в сторону корабля, и женщина перехватила его взгляд:

— Вы капитан? Я видела, как вы гуляете по палубе.

— Допустим. — его никто не посвящал в ранг капитана, но звучало это внушительно. — Меня Криспин звать. Рад знакомству.

— А я Кэтрин Йорк. — ухватив висевший у плеча хвост седых волос, она снова расплылась в улыбке и кивнула на дозорный корабль: — Внушительная посудина.

«Интересно, ты правда так думаешь или просто мне льстишь?» Отнеся древесину к похожей на заготовку под кострище конструкции, увенчанной перьями, и свалив ее наземь, он, крякнув, подобрал свои ленты и повесил на шею. Кэтрин до него, похоже, не было дела — она смотрела куда-то в небо. Криспин поднял винтовку и подошел к ней.

— Что там, птица? Если да, я с ней справлюсь. — он проследил за ее взглядом — тот скользнул по горизонту, будто вычерчивая траекторию какого-то невидимого предмета, приземлившегося где-то на другом берегу. Отвернувшись, Кэтрин стала перекладывать перья прерывистыми механическими движениями. Обведя рукой поля и почувствовав, как тревожно забилось сердце, как тогда, когда он сжимал рукояти пулеметов, Криспин похвастал: — Думаю, я перестрелял всех птиц в округе…

— Что? Простите, что вы сказали? — Кэтрин недоуменно огляделась по сторонам. Было очевидно, что Криспин ее больше не интересовал, и

она ждала, когда он куда-нибудь отсюда денется.

— Вам нужны еще доски? — спросил он. — Могу накропать побольше.

— Мне пока хватит. — проведя рукой над перьями, выложенными на столике, она вдруг развернулась и пошла к дому. Скрывшись внутри, она закрыла за собой дверь — скрип ржавых петель огласил окрестности.

Криспин пошел обратно, стараясь удержать в памяти ее пусть мимолетную, но явно дружелюбную улыбку и не замечать птиц, лежащих вокруг. Столкнув катер в воду, он поплыл, бесцеремонно раздвигая туши острогой, к дозорному кораблю, прочно засевшему в ряске. Впервые вид ржавого сторожевика, осевшего на мертвых якорях, пробудил в нем тоску. Поднявшись на палубу, он застал на мостике Куимби. Деревенский дурень испуганно таращился на небо.

— Крисп! — сипло выкрикнул он вместо приветствия. — Тут заприметили одну птаху! Тудыть летела, от бережку. Хасл мне поручил словцо замолвить…

Криспина продрал озноб. Кошки заскребли на душе. Он украдкой оглядел небо, стараясь при этом не спускать глаз с нерадивого подопечного.

— Когда это было?

— Намедни. Готов по ней вдарить, тудыть ее в качель?

— Я-то готов всегда, — Криспин передернул затвор винтовки, — а вот что насчет тебя? Ты сегодня не помогал Кэтрин Йорк, пришлось мне. А она, между прочим, тебя ждала.

— Да ну ее! Она ж с причудами, Крисп, сам знаешь. У ней мужа с дитем унесли.

Криспин замер у трапа, ведущего на капитанский мостик.

— Правда? Как это произошло?

— Да голубь огромный. Заклевал ее муженька на крыше вон того самого дома. А потом ребенка унес. Не веришь — а я своими глазами видел! Он ведь чокнутый был, этот Йорк, прямо как шляпник. Поймал энтого голубя-мутанта и посадил на цепь.

Покачав головой, Криспин поднялся на мостик и уставился на дом на берегу. Поняв, что сегодня от него ничего не добиться, Куимби отчалил с корабля. Едва простыл его след, Криспин стал заряжать пулеметы. С предупреждением Хасла нельзя было не считаться. Скорее всего, на ферме заметили птицу-одиночку, разыскивающую свою погибшую стаю. Сам Криспин ее не боялся, но за рекой жила беззащитная женщина. В доме или

неподалеку от него Кэтрин Йорк находилась в относительной безопасности, но на открытом месте, на берегу, например, она могла стать легкой добычей.

Именно подсознательное чувство ответственности за жизнь вдовы заставило Криспина еще раз покинуть в тот день корабль. Спустившись на четверть мили по течению реки, он спрыгнул с катера на широкий заливной луг. Как раз над этим местом пролетали нападавшие птицы, и здесь, на холодном зеленом дерне, лежало больше всего гигантских чаек и бакланов. Прошедший недавно дождь ослабил вонь разложения. Раньше Криспин с гордостью миновал плоды этой белой небесной жатвы, но сейчас он торопливо пробирался меж туш с корзиной в руке, погруженный в свои мысли. Поднявшись на небольшой холмик в центре луга, он поставил корзину на тушу буревестника и стал выдергивать перья из крыльев близлежащих птиц. Несмотря на дождь, их жирное оперение почти не намокло. В течение получаса Криспин работал, не разгибая спины, затем вернулся к катеру и вывалил на палубу полную корзину.

Снова поднявшись по течению, он причалил напротив дома женщины. От кострища вилась

худосочная струйка дыма. Равномерные меланхоличные щелчки свидетельствовали о том, что миссис Йорк колола дрова.

По воде Криспин обогнул пришвартованную на мелководье шлюпку, высматривая самые красивые перья и методично пристраивая их в свою корзину — яркие из хвоста сокола, жемчужные из крыла глупыша, коричневые с груди гагары. Взвалив корзину на плечо, он зашагал к дому.

Кэтрин Йорк в его отсутствие подтащила пикничный столик поближе к огню и теперь поправляла перья, чтобы сушка проходила быстрее. Перьевая груда на раме, сделанной из стоек беседки, выросла. Криспин поставил корзину у ног женщины и отошел на шаг.

— Миссис Йорк, я вам кое-что принес. Может, пригодятся.

Она покосилась на небо, затем взглянула на Криспина и помотала головой, словно он ей причудился. Или как если бы видела его впервые.

— Что это?

— Перья. Самые лучшие, отборные.

Кэтрин Йорк опустилась на корточки. Сандалии скрылись под подолом. Она пробежала пальцами по его улову, словно пыталась разобрать, каким птицам что принадлежало.

— Какие красивые. Спасибо, капитан. — она встала. — Я бы взяла их, но мне нужны только такие. — она показала на стол, и Криспин увидел разложенные на нем белые перья. Он выругался про себя и шлепнул ладонью по прикладу.

«Голубиные. Все до одного. Как я сразу не заметил».

Он взял корзину.

— Хорошо, я принесу вам такие же.

— Не стоит, капитан. — Кэтрин Йорк взяла его за руку. Ее глаза были далеко-далеко. — Мне хватит этих. Работа почти закончена.

Криспин колебался несколько мгновений, желая что-то сказать этой красивой белокурой женщине, чья роба была выпачкана грязью и пометом птиц, а затем повернулся и пошел к лодке.

По мере приближения к своему кораблю он выбрасывал перья из корзинки за борт, и вскоре за катером выстроился длинный белый след.

Ночью сон Криспина прервал слабый клекот, разносившийся над водой. Проснувшись, он еще немного полежал в своей тесной капитанской каюте, прислушиваясь к птице, которая кружилась возле мачты, разговаривая сама с собой хриплым голосом.

Криспин осторожно поднялся с койки, взял винтовку и босиком, чтобы не шуметь, поднялся по лестнице на мостик. Ступив на палубу, он заметил в ярком лунном свете гигантскую белую тень, парящую над водой. Опершись на перила, он как следует прицелился — и уже почти выстрелил, как вдруг силуэт пернатой гостьи погас на фоне утеса. Криспин тихо чертыхнулся. Однажды вспугнутая, птица уже ни за что не вернется к кораблю. Видимо, она отстала от стаи и решила свить гнездо где-то среди мачт и снастей.

Без толку проторчав на мостике несколько часов, Криспин сошел на катер и переплыл реку. Он был чрезвычайно взбудоражен: ему почудилось, что птица кружит над домом на берегу. Может быть, через разбитое окно в доме она увидела миссис Йорк? Над водой разносился негромкий рокот мотора, прерывавшийся, когда лодка натыкалась на туши. Весь подобравшись, Криспин сидел на корме с винтовкой в руках. Высадившись на берег, он пробежал по темному лугу, бросился через мощеный двор, опустился на колено возле двери в кухню и прижался к ней ухом, пытаясь уловить дыхание спящей этажом выше женщины.

Где-то с час Криспин обходил дом дозором.

Птицы не было видно. Но когда рассвет коснулся вершины утеса, он неожиданно наткнулся на кучу перьев, накиданную на останки беседки. Криспин решил, что вспугнул голубя во время строительства гнезда.

Осторожно, стараясь не разбудить женщину, спящую где-то наверху, за разбитыми стеклами, он разворошил пух и прикладом раскроил деревянную основу гнезда. Счастливый от того, что спас Кэтрин Йорк от возможной атаки очередного пернатого монстра, он пробрался к катеру и возвратился на корабль.

Все последующие двое суток Криспин вел дозор с мостика, но голубь не вернулся к гнезду. Кэтрин Йорк не покидала дома и даже не подозревала о том, что была спасена им, Криспином. Ночью он караулил ее дом. Смена погоды и первые весточки наступающей зимы причудливо преобразили местность, и Криспин стал запираться в каюте и следить за домом из иллюминатора. Таращиться на окружавшие судно болота ему совсем не улыбалось — до того постылым зрелищем они стали.

Однажды во время ночного шторма Криспин опять увидел гигантского голубя.

После полудня с моря стали появляться темные тучи, и к вечеру все побережье — и утес, и дом

— пропало за пеленой дождя. Криспин сидел в рубке, прислушиваясь к ударам волн, бьющих о борта корабля. Переборки натужно скрипели. Молнии вспыхивали над лугами, освещая призрачным светом клоаку гниющих птичьих туш. Криспин стоял, опершись на штурвал, и рассматривал свое отражение в темном стекле, когда перед ним возникло гигантское белое лицо… почти человеческое. Он в ужасе отпрянул, едва огромные крылья врезали по иллюминатору, — и затем голубь, из-за молний похожий на какой-то фантом, исчез, чтобы появиться снова в вышине, за паутиной металлических тросов.

Он все еще парил там, когда Криспин с винтовкой в руках вышел на палубу.

Пуля сразила птицу точно в сердце.

Едва рассвело, Криспин покинул рубку и забрался на крышу. Мертвый голубь, раскинув крылья, повис на тросах у верхней трети мачты, печально глядя сверху вниз на своего убийцу все теми же огромными глазами, что и ночью в иллюминатор. Ветер окончательно стих. У дома на берегу все было мертвенно-покойно. Впрочем, затишье это могло быть обманчивым — как бы не налетел шквал и не сбросил тушу, повисшую белой крестовиной на фоне темных лугов и болот,

прямо на палубу.

Через два часа к дозорному кораблю подрулил на своей бессменной шлюпке Куимби — ему страсть как хотелось поглазеть на очередной трофей друга. Криспин послал его на мачту и велел привязать мертвую птицу к рее. Дурачина, сломя голову рванулся исполнять указ.

— Стрельни поверх ее крыши, Крисп! — орал он сверху, пока капитан, задумавшись, стоял у фальшборта. — Стрельни, она выйдет!

— Думаешь, сработает? — Криспин взвел винтовку, щелкнул затвором, выбрасывая патрон, чья пуля сразила птицу. Гильза, блеснув в воздухе, полетела вниз, в воду, забитую перьями. — А вдруг испугается? Разумнее мне будет сплавать к ней.

— Дело говоришь, Крисп! — козырнул Куимби. — Вези ее сюдыть! Я пока уберусь.

— А что, возьму вот и привезу.

Выведя катер на отмель, Криспин взглянул на свое судно и лишний раз убедился, что убитый голубь виден с берега. В рассветном сиянии его перья казались на фоне ржавых мачт вылепленными из снега.

Кэтрин Йорк стояла в дверях и, хмурясь, следила за его приближением. Порывистый ветер

перебирал ее волосы. Дождавшись, когда Криспин подступит на десять ярдов, она спряталась в дом и прикрыла дверь, оставив небольшую щель. Криспин перешел на бег, но она высунула наружу голову и крикнула:

— Уходите! Возвращайтесь на борт и любуйтесь своей мертвечиной!

Криспин застыл как вкопанный.

— Миссис Йорк! — воззвал он к ней. — Кэтрин! Я спас вас…

– *Спас?* Спасайте-ка лучше птиц, капитан!

Криспин хотел что-то возразить, но она уже хлопнула дверью. Он побрел обратно и, переправясь через реку, взошел на палубу дозорного корабля, не глядя на Куимби, чьи глаза были как два серебряных медяка.

— Крисп? — спросил тот необычайно елейным голосом. — Что там стряслось?

Криспин покачал головой. Он неотрывно глядел вверх, на мертвую птицу, всеми силами пытаясь ухватить за хвост смысл последних слов женщины.

— Куимби, — наконец сказал он, — сдается мне, она считает себя птицей.

В течение следующей недели Криспин все больше и больше убеждался в правильности сво-

ей догадки. Одно портило ему жизнь: казалось, что мертвый голубь преследует его. Его глаза, понурые очи ангела смерти, следовали за Криспином по всему кораблю, напоминая о первом своем появлении, когда голова пернатого монстра внезапно возникла за стеклом рубки вместо отражения его лица. Именно это неприятное чувство подтолкнуло Криспина на последний маневр. Забравшись на мачту, он, орудуя клещами, сдерживая тошноту и стараясь не глядеть птице в глаза, перекусил металлические тросы, опутывавшие трофей. Порывы ветра качнули тушу — гигантское крыло, встрепенувшись, чуть не опрокинуло капитана вниз.

Начавшийся дождь помог ему отмыть кровь и налипшие перья от ржавой крыши. Затем Криспин стащил птицу на палубу и уложил ее на крышку люка, возле дымовой трубы.

Впервые за много дней Криспин спал спокойно. А утром, вооружившись мачете, он принялся потрошить голубя.

Через три дня Криспин поднялся на вершину утеса и встал там, вдалеке от своей водной твердыни — корабля, серебристой перегородкой вставшего поперек реки. Шкура голубя, покрывшая его голову и плечи, казалась немногим

тяжелее пуховой подушки. Пригретый теплыми лучами солнца, Криспин широко раскинул крылья, чувствуя, как ветер овевает каждое перышко. Еще несколько порывов взъерошили перья на голове, и Криспин отступил в тень большого дуба, спасавшего его от возможной слежки из дома на берегу.

Он сгрузил винтовку и пулеметные ленты близ дубового ствола. Опустив крылья, задрал голову, проверяя, нет ли в небе какого-нибудь шального сокола или альбатроса. Сбегавшая вниз каменистая тропа вела прямо к дому Кэтрин. Криспину вспомнилось, что с корабельной палубы склон выглядел почти отвесным — вблизи он оказался не так уж и крут. Если очень повезет, можно и пролететь несколько ярдов. Хотя большую часть пути к дому он намеревался просто пробежать, постепенно набирая скорость.

Криспин не мог нарадоваться собственному маскараду. Согнув ноги в коленях, сложив крылья и отгородившись от мира забралом в виде выскобленного черепа птицы, он ощущал себя почти настоящим гигантским голубем.

Отсчитывая время до появления Кэтрин Йорк, Криспин высвободил руку из стальной скобы, ввинченной в кость птичьего крыла, и поставил

винтовку на предохранитель. Уйдя в самоволку, разоружив себя и примерив личину птицы, он, как ему казалось, действовал в русле безумной логики, диктовавшей Кэтрин правила жизни. Но в то же время задуманный им метафорический полет был призван освободить не одну лишь Кэтрин Йорк от чар гигантских птиц, но и его самого.

Открылась дверь дома, и солнечные блики, отраженные остатками стекла, заметались по зеленой траве. Криспин спрятался за дуб, вцепившись в свои импровизированные крылья. Во дворе появилась Кэтрин Йорк. Она что-то несла в руках. Остановившись перед гнездом, развороченным Криспином, женщина склонилась и подняла с земли горстку перьев. Ветер трепал ее седые волосы.

Выйдя из-за дуба, Криспин направился к дому. Прошагав десять ярдов, он достиг утрамбованного дерна и бросился бежать — крылья судорожно били его по бокам. Криспин набирал скорость, и его ноги уже едва касались земли. В это время его крылья расправились, поймав восходящий ветер, и он почувствовал, что сможет планировать — далеко и долго.

До дома оставалась сотня ярдов, и тут Кэтрин за-

метила его. На минуту она скрылась в доме снова, а вышла наружу уже с массивным двуствольным ружьем в руках. Криспин не мог затормозить — слишком большую скорость успел набрать. Он хотел крикнуть ей, но птичий пух, провонявший кровью, забился вдруг ему в рот.

Склон завалился вниз, и он воспарил.

Долетев до края луга, обтекающего дом на берегу, он махнул через изгородь — добрых пятнадцать футов над твердью. Судорожно вцепившись в рвущийся прочь каркас голубя, Криспин с трудом ворочал головой в тесном голубином черепе. И тут женщина выстрелила — дважды. Первый заряд проредил хвостовое оперение, второй — угодил Криспину прямо в грудь, швырнув его в мягкую луговую траву, к остальным поверженным летунам.

Полчаса спустя, удостоверившись, что Криспин умер, старуха прошла к голубиному трупу и стала методично выщипывать лучшие перья. Она относила их к гнезду. Его она снова готовила для той гигантской птицы бурь, которая, отвечая на бурю ее надежд, непременно однажды прилетит снова — и вернет наконец ее горячо любимого сына.

1965

Storm-Bird, Storm-Dreamer. Первая публикация в журнале New Worlds, ноябрь 1966.

Признание
Перевод О. Макеевой

В канун дня летнего солнцестояния в городок на юго-западе, где я отдыхал, наведался маленький цирк. За три дня до этого в центральный парк привезли аттракционы — колесо обозрения, карусели, тиры и палатки с надписями «Узнай судьбу» и «Выиграй сахарную вату». Парк занимали каждое лето, так что цирку пришлось довольствоваться пустырем у реки, позади складов.

Близился вечер, и я бродил по городу — над морем огней высилось колесо обозрения, молодежь раскатывала на каруселях или гуляла рука об руку по мощеным мостовым. За пределами зоны оживленности город казался неестественно тихим — до самых берегов реки. Мне нравились эти одинокие хождения по городу, от одной тени к другой, мимо темных витрин закрывшихся магазинов. Канун дня летнего солнцестояния казался временем не для праздников, а для дум и внимательного созерцания меняющейся природы. Когда я прошел мимо темных речных вод,

лентой вившихся через город, и углубился в начавшийся за дорогой лес, показалось, что там, на лоне природы, кто-то в спешке готовится к прибытию чего-то. Деревья будто бы осторожно шевелили корнями под землей — говорят, такое бывает перед шабашами.

Возвращаясь после прогулки через мост, я зацепил взглядом маленький передвижной цирк. Караван, подогнанный к мосту по рукаву дороги, насчитывал всего-навсего пять или шесть повозок с высокими стальными клетками, передвигаемыми старыми и изможденными тягловыми лошадьми. Молодая женщина на сером жеребце возглавляла процессию. Встав посреди моста, я оперся на ограду и стал смотреть, как караван выползает на набережную. Потянув за узду, женщина остановила жеребца и бросила украдкой взгляд через плечо на сгрудившиеся позади повозки. И вот процессия принялась одолевать мост. Ничего сложного из себя пологий подъем не представлял, но лошадям на подкашивающихся костлявых ногах он дался нелегко — так что у меня было предостаточно времени, чтобы во всех подробностях разглядеть этот чудаковатый караван, позже послуживший предметом множества размышлений.

Торопя припадающего то на одну, то на другую ногу жеребца, женщина поравнялась со мной. Тогда она показалась мне молодой, но потом я понял, что возраст ее отражения в моих глазах определялся, скорее, настроением, как ее, так и моим. Я видел ее несколько раз, и порой она казалась мне девчонкой лет двенадцати, с острыми скулами и безвольным подбородком, а иногда — женщиной в летах, чьи седые волосы и дряблая кожа не могли скрыть ту смертную маску, что в итоге украшает всякое чело.

Тогда, на мосту, я дал ей лет двадцать от роду, посчитав, что передо мной — дочь владельца затрапезного цирка. Жеребец вяло протрусил мимо меня, и всполохи огней аттракционов вдалеке легли на решительно поджатые губы наездницы. Красивой ее вряд ли можно было назвать, но своеобразной причудливой привлекательностью — безотчетной, но совершенно очевидной, несмотря на видавшую виды одежду и жалкие жизненные обстоятельства, — она обладала. Проезжая мимо, она скользнула по мне взглядом спокойных глаз, отметив какую-то неощутимую точку на моем лице.

За нею последовали шесть повозок с массивными клетками. Лошади на последнем издыхании

одолели подъем моста, и за толстыми прутьями решеток я углядел в углу каждой клетки что-то вроде миниатюрного загона, а на полу — солому. Самих животных было не видать — наверное, так оголодали в дороге, что сейчас только и спят. Замыкал процессию еще один член труппы — как выяснилось, он же и последний: карлик в кожаной куртке.

Я побрел вслед за запоздалым цирком, раздумывая, не имеет ли он отношение к аттракционной компании, обосновавшейся в центральном парке. Но когда перед мостом весь караван нерешительно замер, молодая женщина принялась озираться по сторонам, а карлик сгорбился в тени последней клетки, я понял, что сверкающим огням и колесу обозрения они чужды. Казалось, даже лошади, сбившись с поступи и воротя морды от переливчатого сияния, ощущали здесь себя посторонними.

Выждав паузу, караван тронулся по узкой прибрежной дороге. Колеса постоянно соскальзывали с поросшей травой кромки, повозки качались туда-сюда. Вскоре показался пустырь, отделявший портовые склады от небольшой россыпи домов под мостом. Со стороны пустырь освещал одинокий мачтовый фонарь. Уже со-

всем стемнело, и этот клок земли показался мне отчужденным от всего на свете — даже близость реки не влияла на него, не вносила оживление.

Дернув узду, женщина свернула с дороги — вслед за серым жеребцом караван пересек пустырь и остановился у высокой складской стены. Очутившись в тени, лошади как-то приободрились. Спрыгнув с последней повозки, карлик засеменил к голове вставшей процессии. Спрыгнула наземь и молодая женщина.

Я тем временем неспешно шагал по линии берега, чуть в отдалении. Труппа, немногочисленная и странная, заинтересовала меня — теперь, по прошествии времени, мне кажется, что спокойный взгляд, брошенный женщиной на мосту, мог зацепить меня куда сильнее, чем виделось тогда. В любом случае, меня смущала кажущаяся бессмысленность их существования. Нет ничего тоскливее затрапезного зверинца, а этот смотрелся таким бедным и замороченным, что о прибыли явно оставалось только мечтать. Но кто эта женщина — и кто этот карлик? Неужто они думают, что кого-то завлечет мрачный пустырь, что кто-то захочет посмотреть на их скрытных зверей? Может, их цель — доставить состарившийся зверинец на усыпление и тут они просто

решили остановиться на ночлег?

Но женщина и карлик стали расставлять повозки типичным цирковым кругом — она потянула за поводья, он, проскочив у нее за спиной, стал хлопать лошадей кожаной шляпой по бокам. Клячи, пусть и с трудом, повиновались, и минут через пять на пустыре образовалось более-менее ровное кольцо. Дело было сделано, кляч распрягли и свели к реке — там они сразу принялись тихо щипать росшую под копытами жухлую траву.

Из клеток послышался шорох соломы, мелькнули несколько неясных теней. Карлик по лесенке вскарабкался в фургон и зажег лампу над видневшейся через дверной проем печкой. Назад он спустился с жестяным ведром в руках. Обходя караван, он разливал воду по поилкам и шваброй пропихивал в глубь клеток.

Женщина двинулась следом, но, видно, животные в клетках занимали ее ничуть не более карлика. Когда тот убрал ведро, она приставила к боку фургона лестницу. Карлик забрался на крышу и снял туго свернутые афиши. Распутав завязки, он переставил лестницу к первой клетке, вскарабкался наверх и стал крепить плакат.

В тусклом свете уличного фонаря я различал только выцветший за давностью лет цветочный

орнамент в классическом ярмарочном стиле; надпись же была совершенно неразборчива. Я подошел поближе; когда под ногами у меня захрустел измельченный шлак пустыря, женщина обернулась. Карлик прикреплял последнюю афишу, а женщина придерживала лестницу и не сводила с меня взгляда. Вероятно, в позе ее было что-то охранительное по отношению к суетящейся наверху фигурке, но теперь она казалась гораздо старше, чем когда появилась со своим зверинцем на городской окраине. В тусклом свете волосы ее стали почти седыми, а оголенные до плеч руки — изможденными и морщинистыми. Когда я поравнялся с первой из клеток, женщина проводила меня взглядом, будто пытаясь проявить заинтересованность к моему возникновению на сцене.

Что-то там, наверху, на лестнице, не заладилось — карлик уронил афишу, и та, шелестя, спланировала к ногам женщины. Молотя воздух коротенькими ручками и ножками, он соскочил с лестницы и, восстанавливая равновесие, закачался, словно волчок; затем поднял шляпу, отряхнул о голенища сапог и опять стал взбираться на лестницу.

Женщина придержала его за руку и сдвинула

лестницу вдоль клетки, пытаясь найти положение поустойчивей. Повинуясь неожиданному импульсу и чувствуя какое-то необъяснимое участие к этим двоим, я шагнул вперед.

— Давайте помогу! — вызвался я. — У меня, может быть, получится достать до верха. Давайте афишу…

Карлик замер в неуверенности, изучая меня страдальческим взором. Вроде бы он хотел согласиться на мою помощь, но стоял со шляпой в руке и молчал, будто говорить ему мешал некий пока что непреодолимый кастовый порог.

Впрочем, женщина кивнула на лестницу. Когда я приставил ее к клетке, она отвернулась и стала разглядывать лошадей, лакомящихся жухлой травой на берегу реки.

Я вскарабкался на лестницу, и карлик протянул мне афишу. Верхний край ее я придавил двумя половинками кирпичей, специально оставленными на крыше клетки, и попытался прочесть, что написано на потрепанной фанере. Кое-как мне удалось расшифровать два слова: «Поразительное Зрелище». К животным афиши явно не относились никак и были не то стащены из какого-то другого цирка, не то и вовсе найдены на свалке. Вдруг в клетке подо мной что-то за-

шуршало. Я дернулся посмотреть, но опоздал: животное, бледное и приземистое, разворошило солому и опять скрылось из виду.

Не знаю, испугал я зверя или же своей панической реакцией тот хотел предупредить меня о какой-то опасности, но от потревоженной соломы поднялся едкий и неуловимо знакомый запах. Я спустился с лестницы, но вонь продолжала стоять в носу, и чем слабее делалась, тем хуже воспринималась. Сощурившись, я попробовал вглядеться в проем загона в дальнем углу клетки, но там было слишком темно, да и соломы навалом.

Женщина и карлик кивнули мне, когда я отвернулся от лестницы. Никакой враждебности в них я не ощущал; карлик даже явно собирался поблагодарить меня. Рот его несколько раз безмолвно открылся и закрылся, и почему-то у меня возникло ощущение, что установить со мной контакт выше их сил. Женщина стояла спиной к фонарю, и лицо ее, смягченное окружающей темнотой, казалось теперь маленьким и едва сформировавшимся, словно у ребенка.

— Все готово! — шутливо щегольнул я и уточнил: — Хорошо ведь смотрится, правда?

Когда ответа не последовало, я оглянулся на

клетки. У нескольких домиков в глубине виднелись бледные, размытые тени; максимум, что можно было сказать о них, так это то, что они сидели.

— Когда вы открываетесь? — спросил я. — Завтра?

— Мы уже открыты, — ответил карлик.

— *Уже?*

Сомневаясь, шутит он или нет, я начал было показывать на клетки, — но ответ, очевидно, следовало понимать буквально.

— То есть вы только на один вечер. — я лихорадочно выдумывал, что бы еще сказать; они явно были готовы стоять так бесконечно. — И когда уезжаете?

— Завтра, — негромко ответила женщина. — Утром мы должны будем исчезнуть.

Словно сговорившись, они синхронно двинулись убирать импровизированную арену, сгребая в сторону обрывки газет и прочий мусор. В конце концов я ушел, по-прежнему недоумевая, что тут понадобилось этому жалкому зверинцу; тем временем женщина и карлик закончили с приборкой и заняли места между клетками, ожидая первых посетителей. Я замедлил шаг на берегу, возле тихо пасущихся лошадей. Иноходцы каза-

лись столь же призрачными, сколь и женщина с карликом. «Что за безумная логика, — подумал я, — привела их сюда, когда в центральном парке уже развернулся целый парад аттракционов, бесконечно больше и завлекательнее?»

При мысли о животных мне вспомнился специфический запах, витавший около клеток, подспудно неприятный, но точно хорошо знакомый. Почему-то у меня возникло убеждение, что ключ к разгадке кроется именно в запахе. От лошадей же приятно веяло по'том и отрубями. Опустив головы в прибрежную траву, они неторопливо двигали челюстями, и глаза их, отражающие свет фонаря, казалось, скрывали от меня какую-то тайну.

Я направился обратно к центру города и, выйдя к мосту, с облегчением увидел вращающееся над крышами колесо обозрения, расцвеченное огнями. Все-таки карусели и комнаты смеха, тиры и «Тоннель любви» относились к знакомому миру; даже ведьмы и вампиры, изображенные на стенках «Комнаты страха», узнавались и принимались. А эта женщина — молодая ли? — и ее карлик прибыли из неведомых краев, из ничьих земель, где ничто не имело смысла. Ни намека на смысл. Эта непостижимость их мотивов больше

всего тревожила меня.

Я потолкался в бурлящей между павильонами толпе и вдруг решил прокатиться на колесе обозрения. Пока ждал своей очереди вместе с группкой молодежи, над головой у нас плавно кружились подвешенные к ободу колеса гондолы, и казалось, будто вся гремящая вокруг музыка и сверкающие огни зачерпнуты ими из звездного неба.

Я забрался в освободившуюся гондолу, на противоположном сиденье устроились молодая женщина с дочкой, и через несколько секунд мы уже поднимались в испещренное огнями небо, а под нами открылась панорама парка. Полный оборот колесо делало за две-три минуты; все это время мы с соседками по гондоле занимались тем, что, перекрикивая шум ветра, наперебой показывали друг другу знакомые городские достопримечательности. Когда мы достигли самой верхней точки, колесо замедлило вращение — внизу происходила смена пассажиров, — и лишь тогда я заметил мост, совсем недавно мной пройденный. Проследив взглядом течение реки, я увидел единственный уличный фонарь, тускло освещавший пустырь у пакгаузов, где бледная женщина и карлик развернули свой цирк. Наша

гондола дернулась и начала спуск; в последний момент я углядел в разрыве между крышами смутные силуэты двух повозок с клетками.

Через полчаса, когда парк начали закрывать, я снова направился к реке. По улицам рука об руку прохаживались горожане — но когда уже показались склады, то в мощенном брусчаткой проулке, петлявшем между прибрежными домиками, не оставалось, кроме меня, фактически ни души. Потом возник уличный фонарь и круг повозок за ним.

К моему удивлению, несколько человек действительно пришли взглянуть на зверинец. Я остановился под фонарем и присмотрелся к двум парам, расхаживавшим между клетками в попытках распознать животных. Время от времени тот или иной из мужчин приближался к прутьям вплотную; тогда спутница его отшатывалась в притворном испуге, и раздавался взрыв хохота. К четверым посетителям присоединился пятый; шагнув к клетке, он просунул руку сквозь прутья, набрал горсть соломы и швырнул в сторону загона — но животное упорно отказывалось вылезти на свет. Обход они продолжали уже впятером.

Тем временем женщина и карлик молча оставались в стороне. Женщина стояла у ступенек

фургона и смотрела на посетителей с таким видом, будто ей совершенно безразлично, есть они тут или нет. У карлика тень от шляпы скрывала лицо; он терпеливо выжидал на противоположном конце арены, переходя с места на место по мере продвижения посетителей. Он не держал ни коробки для пожертвований, ни рулона билетиков; судя по всему, вход был бесплатный.

Необычная атмосфера места, похоже, передалась посетителям — или, может, им стало досадно, что зверей никак не выманить из клеток. Один из мужчин сперва попытался прочесть афиши, а затем принялся стучать тростью по прутьям клетки. Потом они как-то вдруг потеряли интерес ко всей затее и отправились прочь, даже не оглянувшись на женщину с карликом. Проходя мимо меня, мужчина с тростью скорчил гримасу и помахал перед носом ладонью.

Я подождал, пока они скроются из виду, и тогда подошел к клеткам. Похоже, карлик меня помнил — по крайней мере, он не пытался уйти в тень, а смотрел на меня своими блуждающими глазами. Женщина села на ступеньки фургона и уставилась на пустырь, глядя перед собой по-детски устало и бездумно.

Я заглянул в одну-две клетки. Животных видно

не было, но запах, спугнувший предыдущих посетителей, ощущался вполне явственно. В ноздрях закололо от знакомой едкой вони. Я подошел к женщине.

— У вас были посетители, — произнес я.

— Немного было, да, — ответила она. — Всего-то с пяток человек.

Я собирался заметить, что с такими скрытными зверями странно было бы ожидать аншлага, но виноватый вид девушки остановил меня. В неплотно запахнутом вороте халата виднелась маленькая, совсем еще детская грудь, и мне показалось невозможным, чтоб этой бледной молодой женщине поручили руководить столь обреченным предприятием.

— Уже довольно поздно… — проговорил я, изыскивая какой-нибудь утешающий предлог. — К тому же там аттракционы, в центральном парке. И… — Я показал на клетки, — этот запах, вы-то к нему, может, и привыкли, а других отпугивает. Прошу прощения, я не хотел…

Я выдавил улыбку.

— Понимаю, — совершенно невозмутимо отозвалась она. — Поэтому мы так скоро и уезжаем. — кивком она указала на карлика. — Убираемся-то мы каждый день.

Только я собирался спросить, что за животные у них в клетках — запах напоминал мне обезьянник в зоопарке, — когда с реки донесся шум голосов, и на прибрежной тропинке появилась группа матросов с двумя-тремя девушками. Завидев зверинец, матросы пронзительно заулюлюкали. Взяв друг друга под руки, компания цепью взбежала по травянистому откосу и, громко шурша измельченным шлаком, направилась прямиком к клеткам. Карлик отодвинулся в тень и со шляпой в руке наблюдал за вновь прибывшими.

Матросы вплотную надвинулись на первую клетку и, поддевая друг друга локтями под ребра, вжались лицами в прутья. Несколько оглушительных свистков разрезали воздух, но животное так и не показалось из загона; пьяно пошатываясь и чуть не падая, матросы перешли к следующей клетке.

— Вы что, закрыты? — крикнул один из них женщине, так и сидящей на ступеньках фургона. — Ваша скотинка даже носу не кажет!

Последовал взрыв смеха. Матрос побренчал сумкой одной из девиц и полез в карман.

— Пацаны, ищем мелочь. Где тут билет купить?

Он заметил карлика и швырнул тому пенни. Мгновением позже на голову бедолаги пролился целый медный дождь. Тот заметался, прикрываясь шляпой, но подбирать монеты не стал и пытаться.

Матросы перешли к третьей клетке. Когда выманить животное из домика так и не удалось, они принялись раскачивать повозку из стороны в сторону. Пьяная веселость на глазах начинала уступать место раздражению. Когда я отошел от женщины и направился к клеткам, несколько матросов уже карабкались вверх по прутьям.

В этот момент дверца, шумно звякнув о прутья, распахнулась. Гомон тут же утих. Все отступили, словно ожидая, что из клетки выпрыгнет огромный полосатый тигр. Наконец двое матросов выдвинулись вперед и осторожно протянули руки к дверце. Затворяя ее, один из них заглянул в клетку — и вдруг запрыгнул внутрь. Не обращая внимания на поднявшийся крик, матрос расшвырял ногами солому и заглянул в домик в углу.

— Черт, да тут пусто!

В ответ на этот возглас прозвучал радостный рев. Захлопнув дверцу — странно, но защелка была изнутри, — матрос принялся прыгать по клетке, как бабуин, и громко утробно ухать.

Сперва я подумал, что он ошибся, и оглянулся на женщину с карликом. Но те спокойно глядели на матросов; если звери в клетках и были, то, вероятно, никакой опасности не представляли. Потом к первому матросу присоединился второй, и вместе они подтащили загон к самым прутьям; тот был действительно пуст.

Я невольно уставился на молодую женщину. Неужели в этом и заключался весь смысл — что никаких животных не было по крайней мере в большинстве клеток, и что напоказ выставлялась пустота, демонстрируя сущность заточения в чистом виде, со всеми вытекающими двусмысленностями? Может, это абстрактный зоопарк — этакий чудной комментарий на тему смысла жизни? Впрочем, казалось мне, для женщины и карлика это как-то сложно; наверняка существовало какое-нибудь более очевидное объяснение. Может, когда-то животные и были, но постепенно издохли, а девушка с карликом обнаружили, что все равно обязательно хоть кто-нибудь да придет взглянуть на пустые клетки; примерно так же должно притягивать заброшенное кладбище. С течением времени они перестали брать плату за вход, бесцельно мотаясь от города к городу…

Прежде чем я успел довести эту логическую це-

почку до конца, сзади раздался громкий выкрик. Задев меня за плечо, мимо пробежал матрос. Обнаружив, что клетки пустые, матросы перестали себя сдерживать и принялись гонять между повозок карлика. Стоило ситуации выйти из-под контроля, женщина поднялась по ступенькам и скрылась в фургоне, а бедный карлик остался один против всех. Ему сделали подножку, он полетел вверх тормашками, и с него сбили шляпу.

Выбежавший передо мной матрос подобрал головной убор и хотел закинуть на крышу клетки. Шагнув вперед, я удержал его занесенную руку, но он вырвался. Карлик тем временем скрылся из виду, а другая группа матросов принялась разворачивать одну из повозок, чтобы столкнуть к реке. Еще двое матросов добрались до лошадей и пытались усадить на них спутниц-девиц. Неожиданно серый жеребец, возглавлявший недавний караван, взбрыкнул и понесся вскачь вдоль по берегу. Все смешалось; я бросился за жеребцом и услышал из-за спины предупреждающий окрик. Копыта выбили глухую дробь по травянистому склону; почему-то я оказался прямо на пути жеребца — тот, услышав женский визг, шарахнулся вбок. Меня ударило по плечу и голове, и я тяжело осел на землю.

Пришел в себя я часа через два на прибрежной скамейке. Высоко над головой висело ночное небо, и город был абсолютно тих — настолько, что с реки доносился далекий плеск волн об устои моста. Я встал и отряхнул с одежды капли росы. Чуть в отдалении из предрассветных сумерек выступали силуэты повозок с клетками; у воды неподвижно застыли лошади.

Судя по всему, решил я, после того как меня сбил жеребец, матросы отволокли меня к скамейке и оставили приходить в себя. Ощупывая голову и плечи, я огляделся, но, кроме лошадей, на берегу не было ни души. Встав со скамейки, я побрел к цирку в смутной надежде, что карлик поможет мне дойти до дома.

Где-то на двадцатом шаге я увидел в одной из клеток движение, и за прутьями мелькнул неясный белый силуэт. Ни карлика, ни женщины поблизости не было — но повозки стояли прежним кругом. Я замер в центре арены и неуверенным взглядом окинул клетки, чьи обитатели наконец-то выбрались из своих домиков. Угловатые серые фигуры были едва различимы в полумраке, но так же знакомы, как и идущий от клеток едкий запах.

За спиной раздался короткий бранный вопль. Я

обернулся и встретил холодный взгляд одного из обитателей зверинца. Тот поднял руку и свернул пальцы в непристойный жест.

Словно по сигналу из клеток засвистели и заулюлюкали. Я с усилием мотнул головой, разгоняя туман, и двинулся вдоль них, окончательно удостоверившись в личности их обитателей. Все клетки, кроме самой последней, оказались заняты. Тощие фигуры, не таясь, маячили за прутьями, защищавшими их от меня, и бледные лица отражали тусклый свет фонаря.

В конце концов я все-таки признал эту вонь.

Сопровождаемый оскорбительными возгласами, я двинулся прочь, а разбуженная шумом молодая женщина вышла на ступеньки фургона и молча глядела мне вслед.

1965

The Recognition. Первая публикация в антологии «Опасные видения», редактор-составитель Харлан Эллисон, октябрь 1967.

Облачные скульпторы Д-Коралла
Из цикла «Алые Пески»
Перевод О. Макеевой

Все лето из Алых Песков прибывали облачные скульпторы и водили свои расписные планеры над коралловыми шпилями — те, точно белые пагоды, возвышались неподалеку от шоссе, ведущего к Западной Лагуне. Самым высоким из шпилей был, несомненно, Д-Коралл — возле него в хорошую погоду воздушные массы, поднимающиеся над песчаными рифами, сбивали похожие на лебяжий пух облака. Подхваченные силой воздушной стихии над короной Д-Коралла, мы ваяли из тучек морских коньков и единорогов, портреты президентов и кинозвезд, ящериц и экзотических птиц. С земли на нас смотрели во все глаза зеваки из проезжих автомобилей — холодные капельки дождя стучали по запыленным крышам их стальных коней, покидая облачную стружку, а наши невесомые творения уплывали через пустыню навстречу солнцу.

Из всех облачных творений, вышедших из-под нашего резца, самыми странными были портре-

ты Леоноры Шанель. Когда я вспоминаю тот день прошлым летом, когда она впервые приехала на своем белом лимузине посмотреть на облачных скульпторов Д-Коралла, я понимаю, что мы едва ли осознавали, насколько серьезно эта красивая, но безумная женщина относилась к образам, парящим над ней в спокойном небе. Позже ее портретам, высеченным из вихря, уготовано было пролиться дождем в час грозы на безжизненные тела своих творцов.

В Алых Песках к тому моменту я, пилот-отставник, с трудом привыкавший к сломанной ноге и мысли, что карьере в поднебесье пришел конец, прожил три долгих месяца. Как-то раз, свернув с дороги на Западную Лагуну в пустыню, я притормозил у коралловых башен. Разглядывая эти величественные обелиски, берущие начало на дне давным-давно высохшего моря, я вдруг услышал музыку, несущуюся с ближайших песчаных отмелей.

На костылях я кое-как добрел по рассыпчатому песку до миниатюрной бухты в дюнах, где у входа в полуразрушенную студию стояли медленно погибающие поющие статуи. Старый владелец бросил смахивающую на ангар постройку на произвол судьбы, ее облюбовали песчаные скаты,

но меня она чем-то привлекла, и я стал наведываться туда чуть ли не каждый день. Обтачивая на старом станке найденные там бруски и палки, я мастерил огромных воздушных змеев, после перейдя к маленьким планерам с кабинами для пилотажа. Плоды трудов, поднятые в воздух, покачивались надо мной, привязанные за пучок веревок, выписывая в вышине умиротворяющие шифры.

Однажды вечером налетел, словно ниоткуда, резкий ветер, и я, сматывая веревки одной рукой, а другой опираясь на костыль, заприметил странную парочку, бредущую ко мне по песку. Одним из гостей был горбатый карлик с умными ярколубыми глазами и скошенной набок челюстью, напоминающей якорь. Он подбежал ко мне первым, стал помогать с пучком веревок, оттеснив меня мощным плечом. Посадив потрепанных шквалом змеев, он помог мне покрепче ухватить костыль, а сам заглянул в ангар. Там, обретая форму, ждало своего часа очередное мое творение — уже не воздушный змей, а самый настоящий планер, с рулем и системой управления.

Карлик постучал себя кулачком в грудь:

– *Petit*[26] Мануэль, акробат и тяжелоатлет, к вашим услугам. Нолан! — зычно окликнул он спутника. — Посмотри-ка на это! — Тот тем временем сидел на корточках у поющих статуй и крутил им спирали, чтобы песни звучали погромче. — Нолан — настоящий художник, — сказал Мануэль. — Такие планеры делает, что летают красивее чаек и выше орлов.

Высокий мужчина бродил между моих собственных планеров, касаясь их крыльев рукой скульптора. Взгляд его угрюмых глаз подошел бы скучающему боксеру. Он взглянул на гипс у меня на ноге, на выцветшую летную куртку — и указал на мои детища.

— Вы присобачили им кокпиты, майор, — сообщил он, кивая на планеры. «Свой человек, летный», — сразу же понял я. Помолчав, Нолан кивнул на коралловые башни, торчащие к вечернему небу: — Побольше йодистого серебра сюда — и можно ваять.

Горбатый карлик с энтузиазмом закивал. Его глаза горели огнем мечты.

Так и сформировалась команда облачных скульпторов Д-Коралла. Я себя тоже к ним при-

---

[26] Примечания: 26
Маленький *(фр.)*.

числял. В небо я, конечно, ни разу не поднялся, но мой летный опыт плавно перекочевал и к Нолану, и к Мануэлю, и к примкнувшему к нам позже Чарльзу. Этого белокурого пирата, немногословного немца с жестким взглядом и безвольным ртом, Нолан нашел в прибрежном шантане в Песках — и приволок на хвосте к нам. Сезон кончился, все богачи с хорошенькими незамужними дочками разъехались по домам, и Ван Айк здесь порядком заскучал. Мы стали его новым развлечением.

— Майор Паркер, перед вами Чарльз Ван Айк, охотник за головами… исключительно женскими, — представил нас друг другу Нолан. Между этими двумя уже тогда пробегали искры конкуренции за право носить титул самого брутального, но, как по мне, и к лучшему: Ван Айк вносил в атмосферу нашей компании нужную толику лоска.

А ведь я сразу начал подозревать, что ангар в пустыне принадлежал когда-то Нолану и все мы — лишь пешки в какой-то причудливой игре этого брюнета-одиночки. Однако в то время я был куда больше озабочен тем, как научить эту компанию летать — поначалу, само собой, на привязи, с тросом. Они освоили восходящие

потоки, охватывавшие низкорослую башню А-Коралла, наименьшего из здешних шпилей, затем стали штурмовать более крутые склоны высот Б, В и Г… и наконец, взялись за те мощные течения, которые овевали Д-Коралл.

Однажды ближе к вечеру, когда я начал сматывать привязь, Нолан обрубил свой трос. Планер перевернулся на спину, нырнул вниз и ударился о каменные пики. Я бросился на землю, когда обрубок веревки грянул о мою машину, разбив лобовое стекло. Подняв глаза, я увидел, как Нолан парит высоко в турбулентном воздухе, над коралловыми шпилями. Ветер, хранитель этих высот и самый древний здешний скульптор, нес его над островами облаков, скрытых вечерним светом.

Когда я подбежал к лебедке, второй трос оборвался, и вот уже малыш Мануэль свернул в сторону, чтобы присоединиться к Нолану. Уродливый краб на земле, в воздухе горбатый лилипут обернулся птицей с размашистыми крыльями, превосходя и Нолана, и Ван Айка. Я наблюдал за командой, пока они кружили над коралловыми шпилями, а затем вместе сошли на дно пустыни, распугивая песчаных скатов — те испуганно снимались с насиженных мест, походя на облака сажи, выдыхаемые печью. Коротышка Мануэль

ликовал, крутясь вокруг меня с дико важным видом, прямо-таки карманный Наполеон. Он потешался над моей сломанной ногой, целыми пригоршнями загребал осколки лобового стекла моего автомобиля и бросал их над головой, будто преподнесенные ему обожателями цветы.

Прошло два месяца, и к моменту роковой встречи с Леонорой Шанель наши восторги немного поулеглись. Сезон шел к концу, поток туристов, следующих в Западную Лагуну, измельчал. Иной раз мы вырезали из облаков фигуры прямо над пустым шоссе. Порой Нолан не выходил из отеля целый день — пил в одиночестве, не вставая с кровати. Ван Айк исчезал на несколько дней с какой-нибудь вдовой или разведенной женщиной, и только мы с *petit* Мануэлем вдвоем оставались верны виражам.

Тем не менее, когда в тот день мы вчетвером выехали на моем автомобиле и я увидел облака, ожидающие нас над коралловыми высями, вся моя депрессия и усталость исчезли. Десять минут спустя три облачных глайдера взмыли в воздух; вскоре на шоссе начали останавливаться первые машины. Нолан лидировал на своем чернокрылом планере, взмывая прямо к вершине Д-Коралла, на высоту двухсот футов, в то время

как Ван Айк парил взад и вперед внизу, демонстрируя, как полощется на ветру его белокурая шевелюра, женщине средних лет в топазовом кабриолете с откидным верхом. За ними появился маленький Мануэль — его полосатые крылья вонзались в вихрящийся воздух. Выкрикивая радостные ругательства, он, согнув колени, показывался из кабины, размахивая мощными тренированными ручонками.

Три планера, блестящие раскрашенные игрушки, кружились, как ленивые птицы, над Д-Кораллом, ожидая, когда над головой проплывут первые облака. Первым в атаку пошел Ван Айк. Разбрызгав над ним йодистое серебро, он стал ловко рассекать клочковатую массу, придавая ей форму с боков. Дымящийся град посыпался вниз — мелкие крошащиеся льдинки. Когда капли конденсирующихся брызг попали мне на лицо, я увидел, что Ван Айк лепит огромную лошадиную голову. Он прошелся вверх и вниз по длинному лбу и вырезал глаза и уши.

Как всегда, зевакам, следившим за происходящим из своих машин, будто бы пришелся по нраву этот кусочек небесного марципана. Конь проплыл над их головами, ветром гонимый прочь от Д-Коралла. Тем временем малыш Мануэль

трудился над соседним облаком. Пока он огибал его края, обрабатывая их из пульверизатора, в небе проступали узнаваемые, пусть и карикатурно-преувеличенные черты. Высоко зачесанную волнистую гриву, выдающуюся мощную челюсть и слегка приоткрытый рот Мануэль изобразил из облака серией ловких движений — при этом кончики крыльев почти касались друг друга, когда он нырял в этот облачный портрет и выныривал из него.

Блестящая белая голова, отчетливый шарж на Ван Айка, выпячивающий самое худшее в его наружности, пересекла шоссе и отчалила в направлении Алых Песков. Мануэль соскользнул с неба, посадив свой планер рядом с моей машиной. Ван Айк вышел из кабины с вымученной улыбкой.

Мы дождались третьего показа. За считаные минуты ветер пригнал к Д-Кораллу еще облака, и черный планер Нолана ринулся на них, словно кровожадная пустельга. Он обогнул скопление, вгрызаясь в его мягкие ткани. Мягкий небесный флис стекал вниз и превращался над нашими головами в холодный дождик.

От одной из машин донесся удивленный возглас. Нолан оторвался от облака и широко развел

крылья, как бы приглашая оценить творение его рук. И вот в лучах послеполуденного солнца показалось безмятежное личико трехлетнего ребенка. Раздутые щеки обрамляли его безмятежные губы и пухлый подбородок. Когда в толпе зевак пара человек зааплодировали, Нолан, волчком завертевшись над облаком, проворно превратил его верхушку в кудряшки и банты.

Самое интересное, впрочем, ждало впереди. Некий бес противоречия, преследовавший Нолана, призывал его в порыве циничного юмора уродовать собственные удачные творения. Как будто вид хорошо сделанной работы претил ему до зубовной боли! Малыш Мануэль отбросил сигарету, и даже Ван Айк отвернулся от женщин в машинах…

Нолан протаранил облачный невинный лик, точно безумный бык — матадора. Минута молчания… и вот кто-то возмущенно захлопнул дверцу машины: стараниями скульптора в небе завис белый череп. Нолан вылепил его из детского лица — и самым интересным было то, что в оскаленных зубах и пустых глазницах каким-то образом все еще узнавался тот самый младенчик. Рыдая моросью, мертвая голова уплыла прочь, а я без особой охоты подцепил с заднего сиденья старый

летный шлем и принялся обходить машины туристов. Две тронулись еще до того, как я успел к ним приблизиться. В голову ударило отчаяние — я ведь когда-то был воздушным офицером, а теперь живу на трюкаческие гроши.

Тут меня нагнал Ван Айк и принял шлем из рук.

— Обожди-ка, майор. Глянь, кто едет по нашу душу, — моя всадница Апокалипсиса…

Оглянувшись, я приметил белый «роллс-ройс» и шофера в светлой ливрее с галунами. Через тонированное окошко связи молодая женщина в деловом костюме секретарши о чем-то говорила с шофером. Рядом с ней, все еще держась рукой в перчатке за оконную планку, седовласая женщина с глазами, подобными сверкающим драгоценным камням, смотрела на кружащиеся крылья планера. Ее сильное и элегантное лицо, казалось, было запечатано прямо в темном стекле окна лимузина — будто исполненный тайны образ Мадонны на фоне черных приморских скал[27].

Ван Айк ринулся в небо, будто страшась упу-

[27] Примечания: 27

Намек на известную картину Леонардо да Винчи «Мадонна в гроте» (по сути, существует две такие картины с одним названием, практически не отличающиеся друг от друга).

стить удачу. Я прищурился, выискивая в небе Нолана. Куда-то он запропастился. А Ван Айк уже знай себе нарезал из белой массы лицо Моны Лизы — Джоконды с почтовой открытки, и выходило у него произведение столь же аутентичное, сколь Богородица из настоящего гипса. Глянцевая поверхность творения сияла в слишком ярком солнечном свете, будто покрытая эмалью из какой-то косметической пены.

Нолан, вдруг налетевший с той стороны, откуда светило солнце, занырнул Ван Айку за спину. Пролетая на своем чернокрылом планере мимо соперника, он пробороздил Джоконде горло — и одним взмахом крыла опрокинул широкоскулую голову. Та рухнула на автомобили внизу — черты лица расплылись, превратившись в бесформенную массу, клочья подбородка и носа взвихрились клубами пара. Резко развернувшись — да так, что планеры оцарапали друг друга крыльями, — Ван Айк расстрелял Нолана из пульверизатора с йодистым серебром. Уже в следующий миг двое сцепились в воздухе — на землю посыпались черные клочья ткани от планеров. Ван Айк сорвался с высоты, направив свой планер на жесткую посадку.

— Чарльз! — раздосадованный, окрикнул я. —

Что это с вами такое, что это за воздушные войны — в кого-то из вас что, барон Рихтгофен[28] вселился?

— Вини во всем Нолана, майор, — отмахнулся Ван Айк. — Я за его воздушное пиратство не в ответе.

Он приподнялся в кокпите и уставился на машины. Вокруг него планировали наземь обрывки ткани. Я повернулся и пошел к машине, решив про себя, что команду скульпторов Д-Коралла пора разгонять. Секретарша в белом «роллс-ройсе» открыла дверцу и поманила меня к себе. Через открытую дверь ее хозяйка наблюдала за мной своими драгоценными глазами. Ее белые волосы были уложены кольцом на плече, подобно витку перламутровой змеи.

Я протянул молодой женщине свой летный шлем. Она глянула удивленно:

— Я ведь не летаю — зачем мне это?

— А вам и не нужно. Просто подайте на упокой души Микеланджело, Эда Кинхольца[29] и облач-

---

[28] Примечания: 28

Манфред фон Рихтгофен — немецкий летчик-истребитель, ас времен Первой мировой войны. Сбил восемьдесят самолетов противника. Широко известен по прозвищу Алый Барон.

[29] Примечания: 29

Эд Кинхольц (1927–1994) — американский художник из поколения битников, известный инсталляциями и ассамбляжами.

ных скульпторов Д-Коралла.

— Ах, вот оно что! Может быть, у шофера есть наличные… Скажите, вы выступаете еще где-нибудь?

— Выступаем ли? — Я перевел взгляд с этой миловидной и приятной молодой особы на бледную Горгону с глазами-самоцветами в полутемном салоне «роллс-ройса». Та, в свою очередь, наблюдала за обезглавленной фигурой Моны Лизы, уплывавшей через пустыню в направлении Алых Песков. — Как вы уже, наверное, догадались, мы не профессиональная труппа. И очевидно, нам понадобится облачко в хорошую погоду. Где именно вы хотели бы нас увидеть?

— Над Западной Лагуной. — секретарша достала записную книжку в кожаном зеленом переплете. — У мисс Шанель там запланирована серия вечеринок на открытом воздухе. Она интересуется, не желаете ли вы у нас выступить — разумеется, за хорошие деньги!

— Шанель? Уж не Леонора ли Шанель, та самая…

Лицо молодой женщины снова приняло оборонительное выражение, будто отгородив ее от всего, что могло бы за этим последовать.

— Мисс Шанель приехала в Западную Лагуну

на лето. Правда, она здесь инкогнито… так что вы не должны никому распространяться о ней. Это ясно?

В пятидесяти ярдах от меня Ван Айк тащил свой поврежденный планер к моей машине. Нолан тоже приземлился — карикатура на Сирано[30], исторгнутая из небесного эфира. Малыш Мануэль, прихрамывая, ходил взад-вперед, собирая снаряжение. В угасающем свете полдня они все напоминали видавшую виды цирковую труппу.

— Ладно, мы согласны, — сказал я. — Вот только как насчет облаков, мисс?..

— Лафферти. Беатрис Лафферти. Мисс Шанель обеспечит облака!

Обойдя машины в последний раз, я принес деньги остальным, и мы поделили их. Ван Айк, Мануэль и Нолан застыли в сгущающихся сумерках, держа в руках несколько купюр, и смотрели на шоссе впереди.

Леонора Шанель покинула лимузин и направилась в пустыню. Ее седовласая фигура в пальто из шкуры кобры брела меж дюн. Вокруг нее сновали песчаные скаты, потревоженные явлением этого

---

[30] Примечания: 30

Подразумевается интерес французского писателя Сирано де Бержерака к летающим аппаратам — якобы тот даже сконструировал несколько оснащенных крыльями аппаратов для себя.

блуждающего фантома родом из угасающего дня. Не обращая внимания на их бестактные укусы в ноги, она смотрела на воздушный бестиарий, растворяющийся в небе, и на белый череп в миле от нее, над Западной Лагуной, неспешно размазывающийся по небу.

Когда я впервые увидел Леонору Шанель, наблюдающую за облачными скульпторами Д-Коралла, у меня сложилось лишь смутное впечатление о ней. Дочь одного из ведущих мировых финансистов, она была богатой наследницей как сама, так и после смерти мужа, застенчивого монакского аристократа, графа Луи Шанеля. Таинственные обстоятельства его смерти в Кап-Ферра на Ривьере, официально названные самоубийством, привлекли внимание прессы и сплетни к Леоноре. Она спасалась бесконечными скитаниями по всему земному шару, от обнесенной стеной виллы в Танжере до альпийского особняка в снежных горах над Понтрезиной, а оттуда — в Палм-Спрингс, Севилью и на остров Миконос.

За эти годы изгнания лишь на журнальных и газетных фотографиях проявлялись черты ее характера: вот она в задумчивости посещает испанскую благотворительную организацию

вместе с герцогиней Альба, вот общается с Сорайей[31] и другими членами светского общества в кафе на террасе виллы Дали в Порт-Льигате, вот самоуверенно глядит куда-то вдаль глазами-яхонтами на лазурном морском берегу Коста-Брава.

Ее роль в стиле Гарбо неизбежно показалась многим чрезмерно продуманной, навсегда подорванной подозрениями в ее причастности к смерти мужа. У графа осталась куча дел на земле — он водил самолет, порой организовывал археологические раскопки на Пелопоннесе, а его любовница, юная дива-ливанка, слыла одной из лучших пианисток-исполнительниц Баха в мире. Зачем было самоуверенному нарциссу сводить счеты с жизнью, никто так и не узнал. Экспонат, суливший сыграть важную роль на коронерском дознании, — изуродованный портрет Леоноры на мольберте, так графом и не дописанный, — был случайно уничтожен как раз накануне слушания. Возможно, картина раскрыла характер Леоноры лучше, чем та сама желала.

Неделю спустя, на пути в Западную Лагуну утром в день первой вечеринки в саду, я прекрас-

---

[31] Примечания: 31

Сорайя Исфандияри-Бахтиари (1932–2001) — вторая жена Мохаммеда Резы Пехлеви, последнего шаха Ирана, королева Ирана.

но понимал, почему Леонора Шанель приехала в Алые Пески — на этот чудной песчаный курорт с присущими ему летаргией, знойным томлением, зыбкими перспективами. Вдоль пляжа торчали поющие статуи — их голоса звучали все громче по мере продвижения по прибрежной дороге. Плавленый кремнезем на поверхности песчаного озера образовал огромное радужное зеркало, где отражались багрянец и киноварь береговых дюн. От самого Д-Коралла за мной бесшумно следовали три планера — Нолан, Ван Айк, Мануэль, — бросая на дорогу блики от крыльев цвета пурпура и цикламена.

Мы вошли в зону раскаленного марева. В полумиле от нас угловатые карнизы летнего домика выступали из ярко трепещущего воздуха, точно искаженные каким-то неправильным соединением времени и пространства. Позади домика, подобно изжившему себя вулкану, в остекленевший эфир вдавалась гора с широкой вершиной, на чьи высокие плечи взбирались термальные токи от разогретого озера.

Когда я въехал на подъездную дорожку позади грузовика, груженного оборудованием *son et*

lumière[32], дюжина трудяг расставляла на террасе позолоченные стулья и разворачивала полотнища тента.

Беатрис Лафферти перешагнула через тросы.

— Майор Паркер, а вот и обещанные вам облака!

Я посмотрел на темные клубы, нависшие, словно саваны, над белой виллой.

— Облака, Беатрис? Это же тигры, небесные тигры. Мы мастера воздушного маникюра, но никак не укротители драконов.

— Не тревожьтесь, маникюр — именно то, что от вас требуется.

Бросив лукавый взгляд, она добавила:

— Думаю, ваши парни уже поняли, что наняты воплощать здесь только один образ?

— Саму мисс Шанель, надо полагать? — Взяв Беатрис за руку, я пошел к выходящей на озеро террасе. — А вам, сдается мне, нравится напоминать о таких вещах. Пускай себе богачи оплачивают всякие безумства — мрамор, бронзу, плазму, облачные виды. Ничего же такого в этом нет, правда? Портретная живопись издревле нуждалась в меценатах.

---

[32] Примечания: 32

«Звук и свет» *(фр.)*. Здесь подразумевается оборудование для организации светозвуковых шоу.

— Бог мой, только не здесь!

Беатрис посторонилась, пропуская лакея с застеленным шелком подносом. Когда он прошел, она все же ответила мне:

— Заказать себе портрет в небесах из воздуха и солнца — конечно, от этого за версту несет тщеславием… да и кое-чем похуже.

— Что может быть хуже? — поддел ее я. — Вы прямо тень на плетень наводите.

— Я скажу вам, что может быть хуже. — она закатила глаза. — Но только через месяц, когда истечет срок моих соглашений с этой женщиной. Итак, где ваши друзья?

— Да вон же они! — Я указал на небо над озером.

Три планера повисли в раскаленном воздухе, мимо них проплывали клочья облачной ваты, растворяясь в дымке. Они следовали за дюноходом, приближавшимся к причалу и вздымавшим шинами облака вишневой пыли. За рулевым сидела Леонора Шанель в брючном костюме из желтой кожи аллигатора, ее седые волосы были убраны под черную повязку из рафии. Пока рулевой швартовал судно, Ван Айк и Мануэль устроили импровизированное представление, придавая форму обрывкам облачной ваты в сотне

футов над озером. Первый вылепил орхидею, затем — сердце и губы, а второй — голову попугая, мышек-близнецов и буквы ЛШ. Пока скульпторы кружились и пикировали, иной раз даже задевая крыльями воду, Леонора стояла на набережной и вежливо салютовала взмахом руки каждой из этих облачных диковин.

Вскоре они приземлились на набережной. Леонора, похоже, ждала, что теперь и Нолан возьмется за одну из туч, но он только метался вверх и вниз над озером, словно усталая птица. Наблюдая за этой странной госпожой Западной Лагуны, я подметил, что она глубоко погрузилась в какие-то свои мысли. Ее взгляд был прикован к Нолану, и она не обращала внимания на окружающих. Воспоминания, каравеллы без парусов, пересекли темные пустыни ее выгоревших, безучастных глаз.

Позднее тем же вечером Беатрис провела меня через французское окно библиотеки. Леонора встречала гостей в платье из органди и сапфиров, открывающем плечи и груди, сверкавшие в ажурной броне драгоценностей. Я осмотрел коллекцию портретов, собранную на вилле, и насчитал их больше двадцати: от величественных парадных в гостиной — на одном была подпись

Аннигони[33], на другом — президента Королевской академии — до фантастических этюдов Дали и Фрэнсиса Бэкона в столовой и баре. Где бы мы ни проходили, отовсюду — из альковов, украшенных мраморными полуколоннами, из узорных рамок на каминных полках, даже со стенных росписей на лестнице — на нас смотрело одно и то же отстраненное, красивое холодной красотой лицо. Этот чудовищный нарциссизм, похоже, служил оплотом для Леоноры — единственным спасением в ее бесконечном акте эскапизма.

В студии на крыше я увидел большую картину, блестевшую свежим лаком. Это была явная пародия на сентиментализм светских портретистов: нежнолубоватые тона, поворот головы нарочито манерный. Но под всем этим внешним гламуром Леонора была показана мертвой Медеей: дряблая кожа под правой щекой, обтянутый лоб и стиснутый рот придавали ей окоченелый вид. При фотографической точности портрет выглядел жутковатым шаржем.

Я глянул на подпись.

---

[33] Примечания: 33

Пьетро Аннигони (1910–1988) — итальянский художник-портретист и автор фресок, известный главным образом по своему портрету королевы Елизаветы Второй. Работал в традиции Ренессанса, вопреки господствующей в его время модернистской традиции.

— Нолан! Боже, вы были здесь, когда он это писал?

— Я здесь всего два месяца… Это было до меня. Она не пожелала вставлять его в раму.

— Неудивительно. — я подошел к окну, поглядел вниз на прикрытые маркизами окна спален. — Значит, он жил здесь. А тот ангар у Д-Коралла оставил.

— Но зачем Леонора опять пригласила его? Она же, должно быть…

— Чтобы он опять сделал ее портрет во все небо. Похоже, я лучше знаю ее натуру, чем вы, Беатрис.

Мы вышли из библиотеки и прошли мимо прилавков с коктейлями и канапе туда, где Леонора встречала своих гостей. Рядом с ней стоял Нолан, одетый в костюм из белой замши. Время от времени он поглядывал на нее сверху вниз, словно забавляясь мыслями о тех причудливых возможностях, какие самовлюбленность хозяйки банкета может предоставить его мрачному юмору. Леонора держала его за локоть. Обрамленные диамантами глаза делали ее похожей на варварскую жрицу. Груди, окованные контурными драгоценностями, под этой броней напоминали пару нетерпеливо свернувшихся змей.

Ван Айк представился, слишком уж низко поклонившись. За ним подошел Мануэль — среди обилия смокингов ему явно было нервозно, и он потешно вертел уродливой головой.

Губы Леоноры презрительно скривились, она смерила взглядом мою негнущуюся ногу.

— Ты, Нолан, окружаешь себя калеками — нравственными или физическими. Этот вот карлик… он что, тоже умеет обращаться с планером?

Малыш Мануэль уставился на нее во все глаза — мокрые, как растоптанные астры.

Часом позже мы приступили непосредственно к представлению. Огромные облака, залитые золотом солнца, садящегося за горный хребет, нависали над Лагуной, напоминая золоченые рамы наших будущих картин. Планер Ван Айка поднялся по спирали к кромке первого облака, замер ненадолго — и набрал еще высоту, подбрасываемый турбулентными восходящими потоками.

Когда обрисовались лоб и скулы, гладкие и безжизненные, точно из пены, гости на веранде зааплодировали. Через пять минут, едва планер Ван Айка спустился к озеру, я твердо решил, что тут Чарльз превзошел себя. Облитый светом софитов, сопровождаемый аккордами увертюры к «Тристану» — репродукторы были поставлены

на склоне аваншельфа, — портрет Леоноры величаво плыл над нами, сыпля мелким дождиком. Мне казалось, что он раздувается от всей здешней помпезности, как гигантский воздушный шар. Облако попалось удачное: до самой береговой линии оно сохраняло форму, а потом сразу расплылось в вечернем воздухе, словно чья-то раздраженная рука смахнула его с небосклона.

Малыш Мануэль, взлетев, закрутился вокруг темной тучи, будто уличный шалопай кругом старой сварливой матроны. Он метался в разные стороны, как будто не мог решить, что делать с этой непредсказуемой колонной холодного пара, потом начал вырезать контуры женской головы. Кажется, никогда прежде я не видел его в таком замешательстве. Когда он закончил, снова раздались аплодисменты, но вскоре они сменились хихиканьем и игривыми замечаниями. Облако, превращенное в изящный образ Леоноры, начало крениться, вращаясь в колеблющемся воздухе. Челюсть удлинилась, застывшая улыбка стала казаться идиотской. Через минуту гигантская голова Леоноры Шанель повисла над нами вверх тормашками.

Я сообразил отвести софиты, и внимание зрителей обратилось к чернокрылому планеру Нолана,

взлетевшему к вершине нового облака. Клочья белой ваты кружились в темнеющем воздухе, мелкий дождь скрывал до времени его двусмысленное творение.

К моему удивлению, портрет вышел очень похожим. Взрыв рукоплесканий, несколько тактов из «Тангейзера» — и софиты озарили элегантную голову.

Стоя среди гостей, Леонора подняла бокал в честь Нолана.

Озадаченный его благородством, я пригляделся к небесному лицу и все понял. Именно точность заключала в себе жесткую иронию. Обращенная вниз линия рта, вздернутый, чтобы натянуть кожу на шее, подбородок, дряблое местечко под левой щекой — все было передано в облаке с той же убийственной дотошностью, что и на той картине в мастерской.

Гости толпились вокруг Леоноры, поздравляя ее с удачным шоу. Она же не отводила глаз от облачного портрета, словно увидела себя впервые. На висках ее выступили вены.

Вскоре голубые и розовые фейерверки затмили плывущий над озером двусмысленный образ.

Незадолго до рассвета мы с Беатрис Лафферти шли по пляжу, наступая на шелуху от выгорев-

ших фейерверков. На опустевшей веранде в лучах фонарей блестели неубранные пластиковые стулья. Едва мы дошли до ступеней, наверху раздался звон стекла и женский возглас. Французское окно с треском растворилось, мужчина в белом костюме бегом пересек веранду.

Едва Нолан исчез в темноте, в освещенный проем вступила и Леонора. Устремив взор в темные облака, клубящиеся над виллой, она рассеянно обрывала одной рукой прилаженные к коже вокруг глаз драгоценности; они падали на плиты пола и слабо вспыхивали у ее ног. Из-под эстрады вдруг ужом вывернулся Малыш Мануэль и быстро пробежал прочь на своих кривых ногах, во тьму.

За воротами взревел мотор. Леонора повернулась и медленно пошла в дом, поглядывая на свои изломанные отражения в осколках стекла. Она встала, когда высокий блондин с холодными и жадными глазами шагнул ей наперерез из-за поющих статуй, стерегущих темную библиотеку. Потревоженные, те отозвались тихим скулежом. Ван Айк неспешно двинулся навстречу Леоноре, и статуи подхватили и усилили ритм его шагов.

Следующему нашему выступлению суждено было оказаться последним.

Всю вторую половину дня, пока не прибыли гости, озеро было окутано тусклым светом — а за плоскогорьем громоздились титанические ярусы грозового нимба, состоящие из туч, черных и недружелюбных. Для ваяния эти монстры явно не годились.

Ван Айк не отходил от Леоноры. Когда я разыскал Беатрис, она хмуро смотрела вслед дюноходу, неровно идущему по озеру. Предгрозовые шквалы трепали и дергали паруса.

— Что-то не вижу ни Нолана, ни Мануэля, — сказала она. — А представление начинается уже через три часа.

Я взял ее за руку.

— Представления тут уже ни к чему. Когда ты здесь закончишь, Беа, приезжай ко мне, к Д-Кораллу. Я научу тебя ваять из облаков.

Ван Айк и Леонора сошли на берег через полчаса. Пилот прошел мимо меня как мимо пустого места; хозяйка торжества прижималась к его плечу. Дневные украшения на ее лице ярко вспыхивали, разбрасывая резкие отблески по всей веранде.

К восьми, когда начали съезжаться гости, Нолана и Мануэля все еще не было. В ореоле электрического света веранда стала теплее и уютнее,

но черные громады туч нависали над нею, словно крылья гигантской недоброй птицы. Я поднялся по склону к тому месту, где были привязаны планеры. Их крылья трепетали на ярящемся ветру.

Не прошло и полминуты после подъема в темнеющие небеса, как Чарльз Ван Айк — на фоне огромного шпиля из грозовых туч сущий карлик — уже летел к земле. Планер трепало бешеным потоком воздуха. Он воспарил на пятьдесят футов над виллой и оседлал идущие от озера термальные потоки, проходящие в стороне от зловещей широкой облачной амбразуры. Вот он снова взмыл ввысь… Пока Леонора и ее гости наблюдали со своих мест, планер пролетел у них над головами в облаке пара, а затем рухнул в озеро со сломанным крылом.

Я направился к Леоноре. На балконе стояли Нолан и Мануэль, наблюдая, как Ван Айк поднимается из засыпанного песком кокпита в трехстах ярдах от нас.

— Зачем было приходить? — спросил я Нолана. — Ты уж не летать ли сегодня собрался?

— Нет, — процедил он, не вынимая рук из карманов. — Потому и пришел.

Леонора блистала в вечернем туалете из павлиньих перьев, веером развернувшихся у ее

ног. Сотни павлиньих глаз, безумно перемигивающихся в предгрозовом наэлектризованном воздухе, облекали ее тело синепламенной кольчугой.

— Мисс Шанель, — сказал я извиняющимся тоном, — погода нелетная. Сейчас будет буря!

Она кинула на меня встревоженный взгляд.

— А рисковать за те немалые деньги, что я плачу вам, вы, я гляжу, не намерены?

— Для таких облаков мне нужен Микеланджело на крыльях!

— А что Нолан? Тоже в коленках слаб?

Она почти выкрикнула его имя. Когда это произошло, Нолан уставился на нее, затем повернулся к нам спиной. Обстановка над Западной Лагуной изменилась. Половину озера заволокла тусклая пелена.

Кто-то дернул меня за рукав. Я опустил взгляд: Малыш Мануэль уставился хитрыми детскими глазами снизу.

— Майор, уж я-то смогу! Дай-ка планер!

— Мануэль, брось, ради всего святого! Ты разобьешься!

Но храбрый Малыш уже проскочил между золочеными стульями. Леонора вздрогнула, когда он бесцеремонно дернул и ее за руку.

— Мисс Шанель! — Мануэль смущенно улыбнулся. — Я вырежу для вас статую! Прямо сейчас, из большой грозовой тучи — каково, а?

Она смотрела на него сверху вниз, не отвечая. Казалось, ее и отталкивает, и дразнит простодушие маленького горбуна. Он пожирал ее взглядом, нисколько не стесняясь сотни холодных глаз ее павлиньего шлейфа.

Ван Айк, хромая, ковылял от погибшего планера к вилле. Я догадывался, что Мануэль решил потягаться с белокурым тевтоном.

Леонора поморщилась, словно сглотнула какую-то ядовитую слизь.

— Майор Паркер, велите своему… — Она взглянула на темное облако, клубящееся над плоскогорьем, словно извержение какого-то злобного вулкана. — хотя, нет! Поглядим, на что годен этот лилипут.

Она вдруг просияла над Мануэлем своей ослепительной улыбкой:

— Ну, давай, малыш, давай! Посмотрим, что ты сможешь изваять в урагане!

На мгновение мне показалось, что в ее сверкающем драгоценностями лике проступили очертания оскаленного черепа.

Под звуки смеха Леоноры Нолан метнулся че-

рез веранду; павлиньи перья хрустнули под его каблуками, но перехватить Мануэля не успел. Ужаленный насмешкой госпожи, тот с быстротой песчаного краба скользнул по склону. А на веранде уже собирались зрители.

Полосатый желто-оранжевый планер набрал высоту, поравнялся с тучей. В пятидесяти ярдах от ее темных валов внезапный вихрь ударил машину, но Мануэль выровнялся и начал ваять. По песку у наших ног забарабанил дождь. Вырисовалось женское лицо — адские очи горели из сквозных прорех в туче, рот темным пятном кривился в шевелящейся облачной массе…

Нолан, подбегая к своему планеру, громко вскрикнул. Мануэля подхватил восходящий поток — и вознес высоко над тучей. Борясь с непогодой, его планер устремился вниз и снова врезался в облачный фронт, чья колоссальная масса вдруг разомкнулась, дрогнула как бы в чудовищном спазме и заглотила машину. В молчании мы смотрели, как размочаленный планер крутит в чреве грозы. Куски фюзеляжа разлетались в стороны, пронзая глумящиеся черты гигантского лица. Когда планер рухнул в воду, это лицо уже корчилось в агонии. Его перекрутило, рот оторвался, глаз лопнул, щеки и лоб отплыва-

ли в разные стороны. Новый шквал смешал их.

С небес, ярко освещенных софитами, все еще сыпались обломки планера.

Мы с Беатрис объезжали на дюноходе озеро, разыскивая Мануэля.

Зрители, ставшие свидетелями гибели как скульптора, так и его творения, потеряли вкус к представлению; общество спешно разъехалось. Берег опустел буквально за несколько минут. Леонора равнодушно глядела вслед отъезжающим, стоя рядом с Ван Айком среди неприбранных столов.

Беатрис молчала. На песке тут и там валялись обломки планера: клочья парусины, размочаленные стойки, перепутанные рулевые тяги. В нескольких ярдах от кабины я нашел Малыша Мануэля. По-детски удивленные глаза смотрели в небо с бледного, залитого кровью лица, крохотное тело сжалось в комок, напоминая утонувшую обезьянку.

Я молча отнес его к дюноходу.

— Рэймонд! — Беатрис показала куда-то на берег.

Тучи сгустились уже над всем озером, первые вспышки молний целили в холмы позади дома. В наэлектризованном воздухе вилла, казалось,

утратила всю пышность. В полумиле от нас по долине шел смерч, опустив свой пульсирующий хобот к озеру.

Грозовой шквал опасно качнул дюноход на рессорах.

— Рэймонд! Там Нолан… он идет вместе с бурей!

Тут и я различил чернокрылый планер, чертивший круги под чудовищным грибком смерча. Нолан уверенно вел машину у самой воронки, не отставая от гиганта, словно рыбка-лоцман возле огромной акулы. Казалось, что он гонит торнадо прямо на виллу Леоноры.

Через двадцать секунд смерч обрушился на здание, и я сразу потерял Нолана из виду. Вилла будто взорвалась, черный вихрь поломанных стульев и разбитых кирпичей взошел над крышей. Мы с Беатрис бросились прочь от дюнохода и скатились по песчаному склону. Когда центрифуга смерча двинулась прочь, сливаясь с грозовым небом, шквал черного цвета еще висел над разгромленной виллой, обломки порывались снова взлететь. Вокруг носились клочья картин и перекрученные павлиньи перья…

Только через полчаса мы осмелились подойти к вилле. Веранда была завалена битой посудой

и обломками мебели. Я долго не мог найти Леонору Шанель — зато лицо ее попадалось чуть ли не на каждом шагу: картины с резким профилем валялись тут и там на влажных плитках. Ее загадочная улыбка, кружась, слетела на меня откуда-то сверху и обернула мою увечную ногу.

А сама она лежала среди разбитых столов у эстрады, увитая окровавленным холстом будто саваном. Лицо было перекошено и разбито, как у того портрета, что Мануэль пытался вырезать в туче.

Ван Айка мы нашли в лоскутах навеса. Он повис в путанице проводов, захлестнутый за шею гирляндой лампочек. Провода каким-то чудом не оборвались, по ним с перебоями шел ток, и лампочки расцвечивали мертвое лицо висельника разноцветными бликами.

Я склонился над перевернутым «роллс-ройсом», потом обнял Беатрис за плечи.

— А Нолана нет… не видно ни куска от его планера.

— Несчастный… Рэймонд, ведь это он привел сюда смерч! Он как-то управлял им…

По мокрой веранде я вернулся к телу Леоноры Шанель и накрыл его кусками холстов — ее же растерзанными лицами.

Мы с Беатрис уехали в студию Нолана, в пустыню у Д-Коралла. Мы ничего больше не слышали о Нолане и никогда не поднимались в воздух. Слишком много плохого помнит это небо.

Три месяца назад случайный проезжий, заметив ветшающие за студией планеры, остановился у Д-Коралла и зашел к нам. Он рассказал, что видел над Ред-Бич планериста, вырезавшего где-то в стратосфере изображения драгоценных камней и детских лиц. Как-то раз загадочный скульптор вырезал голову карлика.

Выходки как раз в духе Нолана — значит, он вырвался тогда из смерча?

Или все же нет и призраки существуют?

По вечерам мы с Беатрис сидим среди поющих статуй, внимая их голосам и глядя, как легкие облака собираются над Кораллом. Мы ждем, что ветер принесет сюда человека в темнокрылом планере — или теперь он будет раскрашен карамельными полосами? — и явит нам изваянных в облаках единорогов и морских коньков, лилипутов, драгоценные камни и беспечные детские лица…

1966

The Cloud Sculptors of Coral D. Первая публикация в журнале Fantasy and Science Fiction, декабрь 1967.

Мертвый астронавт
Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой

Мыса Кеннеди с его космодромом больше нет. Вышки торчат среди наносов песка. Песок пришел сюда с другого берега Банановой речки. Он заполнил обмелевшие речные русла, а старый космический комплекс превратил в заброшенную пустошь — сплошь болота и нагромождения бетонных глыб. Летом охотники строят навесы из обломков искореженных автомобилей, но к началу ноября, когда мы с Джудит приехали сюда, здесь уже не было ни души. По ту сторону Какао-Бич, где я оставил нашу машину, среди высокой травы были едва различимы осыпающиеся стены бывших мотелей. Пусковые установки вздымались в вечерний воздух, словно ржавые цифры некой забытой алгебры неба.

— До ограждения еще полмили, — сказал я. — Давай подождем здесь до темноты. Кстати, тебе уже лучше?

Взгляд Джудит был устремлен на огромную воронку багрового облака. Казалось, что где-то за горизонтом оно втягивало в себя день, а вместе с

ним свет с ее потускневших белокурых волос. Вчера в отеле Тампы Джудит на пару часов слегла в постель с каким-то непонятным недомоганием.

— Как насчет денег? — спросила она. — Сейчас, когда мы здесь, они могут запросить еще больше.

— Пять тысяч долларов? Хватит с лихвой. Эти охотники за реликвиями — исчезающий вид. Мыс Кеннеди сейчас мало кому интересен. А в чем дело?

Ее тонкие пальцы мяли воротник замшевой куртки.

— Наверно, мне следовало надеть что-то черное.

— Это еще зачем? Джудит, мы ведь с тобой не на похоронах. Ради бога, уймись. Роберт умер двадцать лет назад. Знаю, он значил для нас с тобой все на свете, и все же…

Взгляд Джудит был устремлен на старые покрышки и брошенные машины. Светлые глаза на худом лице со впалыми щеками оставались спокойными.

— Филипп, ну как ты не понимаешь? Сейчас он возвращается. Здесь наверняка должен кто-то быть. Заупокойная служба по радио — это же сущая насмешка! Боже мой, у священника навер-

няка случился бы удар, если бы Роберт заговорил с ним в ответ. Здесь должен быть полноценный комитет, а не просто мы с тобой да эти пустые ночные клубы.

— Джудит, — сказал я решительным голосом, — комитет был бы, если бы мы сообщили в НАСА то, что нам известно. Тогда бы его останки погребли в склепе НАСА в Арлингтоне, был бы оркестр, а на церемонии, возможно, присутствовал бы сам президент. Время еще есть.

Я ждал, что она ответит мне, но взгляд ее был по-прежнему прикован к вышкам, чьи очертания постепенно сливались с ночным небом. Пятнадцать лет назад, когда мертвый астронавт, вращавшийся вокруг Земли в своей полусгоревшей капсуле, был забыт, Джудит основала мемориальный комитет в своем единственном лице. Возможно, через несколько дней, когда она наконец получит в свои руки то, что осталось от тела Роберта Гамильтона, она успокоится и будет считать свою миссию выполненной.

— Филипп! Посмотри вон туда! Тебе не кажется, что…

Высоко на западном небосклоне, между созвездиями Цефея и Кассиопеи, возникла светлая точка и устремилась навстречу нам, словно звез-

да, потерявшая свое зодиакальное созвездие. Через несколько минут она пролетела у нас над головами и вскоре исчезла над морем среди перистых облаков.

— Все в порядке, Джудит. — я показал ей таблицы траекторий, начерченные карандашом в моем дневнике. — Охотники за реликвиями читают небесные орбиты лучше любого компьютера. Еще бы, ведь они наблюдают за ними многие годы!

— Кто это был?

— Русская космонавтка — Валентина Прокрова. Ее двадцать пять лет назад запустили с космодрома на Урале для работы над системой передачи телевизионных сигналов.

— Телевизионных сигналов? Надеюсь, передача всем понравилась.

Эта ледяная ремарка, сделанная Джудит, когда она выходила из машины, заставила меня в очередной раз задуматься о том, что у нее имелись свои мотивы для приезда на мыс Кеннеди. Я проводил глазами капсулу с мертвой женщиной. Вскоре та растворилась в темноте над темным Атлантическим течением. Меня как обычно растрогало это печальное и в то же время умиротворяющее зрелище — очередной призрачный

космический странник, возвращающийся домой после многих лет, проведенных в пустоте космоса.

Об этой русской женщине я знал лишь одно, ее позывной, Чайка. И все же по какой-то причине я был рад, что стал свидетелем ее приземления. В отличие от меня, Джудит осталась безучастна. В течение многих лет, пока она холодными вечерами сидела в саду, уставшая настолько, что у нее не было сил добраться до кровати, ее поддерживали переживания по поводу лишь одного из двенадцати мертвых астронавтов, пролетавших в ночном небе.

Пока она ждала, сидя спиной к морю, я поставил машину в гараж заброшенного ночного клуба в пятидесяти ярдах от дороги и достал из багажника два чемодана. Один легкий, дорожный, — с нашей одеждой. Второй, с подкладкой из фольги, крепкими ремнями и второй ручкой, был пуст.

Подобно двум припозднившимся туристам, прибывшим на давно заброшенный курорт, мы зашагали на север, к ограждению, протянувшемуся по периметру пускового комплекса.

С тех пор как последние ракеты взлетели к небу с платформ мыса Кеннеди, минуло двадцать лет. Тогда я был старшим программистом полетов, и

НАСА уже перевело нас с Джудит в новый космический комплекс в Нью-Мексико. Вскоре после нашего прибытия мы познакомились с одним из астронавтов, проходивших там предполетную подготовку. Это был Роберт Гамильтон. Спустя два десятилетия я помню лишь подчеркнуто вежливого молодого человека с острым взглядом и кожей альбиноса, в чем-то похожего на Джудит. У нее тоже светлолубые глаза и белокурые волосы. Один и тот же холодный ген пометил их обоих арктической бледностью. Мы были близкими друзьями всего полтора месяца. Увлечение Робертом было для Джудит из разряда тех странных сексуальных импульсов, которые хорошо воспитанные молодые женщины выражают свойственным им наивным способом. Они вместе плавали и играли в теннис, я же наблюдал за ними. Меня это не столько раздражало, сколько тревожило: было трудно сказать, сколько продлится эта ее иллюзия.

Спустя год Роберта Гамильтона не стало. Он вернулся на мыс Кеннеди, с которого осуществлялись последние военные запуски. Через три часа после старта его корабль столкнулся с метеоритом. Система подачи кислорода была выведена из строя. Роберт прожил в скафандре еще пять

часов. Первые пару часов он оставался спокоен. Его последние радиограммы представляли собой бессвязный набор слов. Нам с Джудит не дали их даже послушать.

Всего в орбитальных авариях погибли двенадцать астронавтов. Их капсулы остались на орбите, и теперь их можно было увидеть на ночном небе — этакие звездочки новых созвездий. Первое время Джудит никак не проявляла своих чувств. Позднее, после того как у нее случился выкидыш, образ мертвого астронавта, пролетающего в небесах у нас над головой, вновь возник в ее сознании, а потом и вовсе превратился в навязчивую идею. Она могла подолгу смотреть на часы в нашей спальне, как будто ждала чего-то.

Спустя пять лет я ушел из НАСА, и мы совершили нашу первую поездку на мыс Кеннеди. Тогда заброшенный космодром еще охраняли военные, однако бывшая пусковая площадка уже использовалась под кладбище спутников. Когда мертвые аппараты теряли орбитальную скорость, их вел на снижение радиомаяк. Не только американские, но также российские и французские участники совместных космических проектов падали сюда, разбиваясь вдребезги о растрескавшийся бетон.

В ту пору там уже обосновались охотники за реликвиями. Они прочесывали высокую тлеющую траву в поисках панелей управления, скафандров и — что самое ценное — мумифицированных останков мертвых астронавтов.

Эти почерневшие фрагменты ключиц и голеней, коленных чашечек и ребер считались бесценными реликвиями космической эры и ценились столь же высоко, как и мощи средневековых святых. После первой космической аварии, повлекшей человеческие жертвы, общественность потребовала вернуть орбитальные катафалки на землю. К сожалению, когда возвращавшаяся ракета разбилась в пустыне Калахари, местные племена проникли в космический корабль. Вообразив, что мертвые тела — это их боги, они отрезали от них восемь кистей и скрылись вместе с ними в буше. На поиски отрезанных конечностей ушло два года. После этого случая было решено оставлять капсулы на орбите. Пусть они вращаются до тех пор, пока сами не сгорят в верхних слоях атмосферы.

Если же останки, или какая-то их часть, сохранялись после твердой посадки на кладбище спутников, они тотчас становились добычей охотников за реликвиями. Их бродячее племя

годами обитало в ржавых автомобилях и заброшенных мотелях, воруя свои «иконы» из-под носа у охраны, которая все еще патрулировала бетонные платформы. В начале октября, когда один из наших бывших коллег по НАСА сообщил мне, что орбитальная капсула Роберта Гамильтона проявляет признаки нестабильности, я поехал в Тампу и начал зондировать почву по поводу цены останков Роберта. Пять тысяч долларов — невелики деньги, решил я, если они помогут изгнать из головы Джудит его призрак, а ей самой — обрести душевное спокойствие.

Через восемьсот ярдов от дороги мы пересекли заграждение. Под напором песка огромные секции высотой в двадцать футов рухнули, и теперь сквозь стальную сетку проросла высокая трава. Ниже нас окружная дорога, шедшая мимо заброшенного контрольно-пропускного пункта, разветвлялась на две, все еще с твердым покрытием. Это было место условленной встречи. Пока мы ждали, с какого-то места рядом с берегом нам помигали фарами вездеходы охранников.

Спустя пять минут с заднего сиденья занесенной песком машины в пятидесяти метрах от нас вынырнул невысокий темнокожий тип и, пригнувшись, перебежками бросился в нашу

сторону.

— Мистер и миссис Гровс? — Он пару секунд изучал наши лица, и лишь затем представился сам: — Квинтон. Сэм Квинтон.

Мы обменялись рукопожатиями. Его похожие на когти пальцы как будто изучали кости моего запястья. Острый нос описал в воздухе круги. Глаза его были глазами нервной птицы, добывающей себе пропитание в этих дюнах и этой траве. На поясе залатанных черных джинсов красовался армейский ремень с пряжкой. Руки постоянно делали какие-то движения, как будто он дирижировал камерным ансамблем, спрятавшимся за песчаными дюнами. Я отметил про себя, что его ладони сплошь в шрамах. В темноте эти огромные рубцы казались бледными звездами.

На какой-то миг мы, похоже, его разочаровали. Он как будто не знал, что ему делать дальше. Впрочем, затем он бодро зашагал через дюны, время от времени отрываясь от нас и уходя вперед, и тогда мы были вынуждены почти вслепую искать дорогу самостоятельно. Спустя полчаса, когда мы вступили в неглубокую впадину рядом со щелочными отстойниками, мы с Джудит уже почти валились с ног от усталости. Как не устать, ведь нам пришлось тащить наши чемоданы

через горы старых покрышек и завалы колючей проволоки.

Несколько сборных домиков были перевезены с их первоначальных мест на берегу и заново установлены в этой впадине. Теперь они кривобоко стояли на песке, а их внешние стены украшали каминные полки и обои в цветочек.

Сама впадина была завалена тем, что удалось снять с отработавших свое спутников: тут были и тепловые экраны, и антенны, и капсулы с парашютами. Рядом с покореженным корпусом метеоспутника на автомобильном сиденье расположились двое мужчин в коротких дубленках с лицами нездорового желтоватого цвета. У того, что постарше, на глаза была надвинута видавшая виды фуражка военно-воздушных сил. Руки были сплошь в шрамах. Этими руками он до блеска натирал стальной козырек космического шлема. Второй, помоложе, с редкой бороденкой, скрывавшей его рот, следил за нами холодным, равнодушным взглядом кладбищенского сторожа.

Мы вошли в самый большой из домиков — две комнаты, оторванные от какого-то пляжного бунгало. Квинтон зажег парафиновую лампу и посветил ею, давая нам возможность осмотреться.

— Вам здесь будет… удобно, — сказал он, правда, без особой убежденности в голосе. Когда Джудит посмотрела на него с нескрываемым отвращением, он поспешил добавить: — У нас тут почти не бывает гостей.

Я поставил чемоданы на металлическую кровать. Джудит прошла в кухню. Квинтон попробовал открыть пустой чемодан.

— Вот сюда?

Я вынул из кармана куртки две пачки стодолларовых купюр и протянул их ему, пояснив:

— Чемодан для останков. Надеюсь, поместятся?

Квинтон с прищуром посмотрел на меня сквозь рубиновый свет, как будто сомневался в нашем присутствии здесь.

— Зря вы его тянули с собой, мистер Гровс. Останки и так болтались в космосе слишком долго, а после удара, — по какой-то причине он бросил на Джудит плотоядный взгляд, — их там осталось разве что на коробку для шахмат.

Когда он ушел, я заглянул в кухню. Джудит стояла у плиты, положив руки на картонную коробку с консервами. Взгляд ее был устремлен в окно, на груды металлических останков, небесный мусор. Где-то там, наверху, внутри изъеденной

ржавчиной оболочки все еще вращаются останки Роберта Гамильтона. На какой-то миг мне показалось, будто весь пейзаж, вся земля усеяна космическим мусором, и здесь, на мысе Кеннеди, мы обнаружили его источник.

Я обнял ее за плечи.

— Джудит, а есть ли в этом смысл? Может, лучше вернемся в Тампу? Когда все будет готово, я мог бы один приехать сюда деньков через десять.

Она отвернулась от меня и потерла замшу своей куртки там, где мои пальцы оставили отпечаток.

— Я хочу быть здесь, Филипп, даже если это будет отвратительное зрелище. Мне все равно. Неужели ты не понимаешь?

В полночь, когда я закончил готовить для нас скромный ужин, она застыла на бетонной стене отстойника. Трое охотников за реликвиями, не шелохнувшись, сидели в своей машине и наблюдали за ней. Их покрытые шрамами ладони казались в темноте всполохами пламени.

В три часа утра, когда мы, не сомкнув глаз, лежали на узкой кровати, с небес спустилась Валентина Прокрова. Восседая на катафалке из горящего алюминия шириной в триста ярдов, она пронеслась мимо нас по своей последней орбите. Когда я вышел на ночной воздух, охотни-

ков за реликвиями рядом не было. Стоя на краю отстойника, я заметил, как они несутся по дюнам, словно зайцы, перескакивая через покрышки и проволоку. Я же вернулся в домик.

— Джудит, она спускается! Не хочешь взглянуть?

Джудит лежала на кровати, тупо глядя в оштукатуренный, весь в трещинах потолок. Ее светлые волосы были обмотаны белым полотенцем. Вскоре после четырех утра, когда я сидел рядом с ней, комната внезапно наполнилась фосфоресцирующим светом, а откуда-то со стороны дюн донеслись глухие взрывы. Тотчас вспыхнули фары, а вслед за ними взревели моторы и взвыли сирены.

На заре охотники за реликвиями вернулись. Руки их были обмотаны импровизированными бинтами. Зато с собой они тащили награбленные сокровища.

* * *

После этой меланхоличной репетиции Джудит неожиданно развила бурную деятельность. Она как будто готовилась к приему гостей — заново перевесила шторы, до блеска вымыла обе комнаты, даже заставила себя попросить у Квинтона

бутылку моющего средства. Она часами сидела за туалетным столиком, расчесывая волосы и пробуя разные прически, то одну, то другую. Я видел, как она трогает впалые щеки, как будто ищет контуры своего прежнего лица, которое исчезло двадцать лет назад.

Когда же Джудит заводила разговор про Роберта Гамильтона, казалось, будто она переживает, что покажется ему слишком старой. В иные дни она говорила о нем как о ребенке, как о нашем с ней сыне, которого так и не сумела зачать после выкидыша. Эти разные роли следовали одна за другой словно сцены некой приватной психодрамы. Тем не менее, сами того не зная, мы с Джудит долгие годы использовали Роберта Гамильтона в наших собственных целях. Ожидая, когда его капсула приземлится, и прекрасно отдавая себе отчет в том, что после этого Джудит будет к кому обратиться за поддержкой, кроме меня, я молчал.

Тем временем охотники за реликвиями трудились над фрагментами капсулы Валентины Прокровой. Они сумели разжиться тепловым экраном, шасси радиотелеметрической установки и несколькими контейнерами с пленкой, запечатлевшей ее столкновение и гибель. Если

пленка окажется неповрежденной, они смогут выручить за нее бешеные деньги. Эту пленку затем будут крутить в подпольных кинозалах Лос-Анджелеса, Лондона и Москвы на потеху любителям кровавых сцен.

Проходя мимо следующего домика, я увидел разложенный на двух автомобильных сиденьях серебристый космический скафандр, весь в дырах и лохмотьях. Квинтон и его товарищи расположились перед ним на коленях. Засунув руки в штанины и рукава, они посмотрели на меня восторженными глазами ювелиров.

За час до рассвета меня разбудил рокот моторов, доносившийся откуда-то с берега. В темноте трое охотников за реликвиями притаились рядом с отстойником. Вскоре их бледные лица осветили автомобильные фары. На космодром въезжал длинный конвой грузовиков. В следующий миг с них уже начали спрыгивать солдаты, которые принялись разгружать палатки и разного рода припасы.

— Что они делают? — спросил я у Квинтона. — Они ищут нас?

Старик поднес к глазам изуродованную руку.

— Это военные, — сказал он без особой уверенности в голосе. — Наверно, маневры. Раньше их

здесь не было.

— А как же Гамильтон? — Я схватил его костистую руку. — Ты уверен, что…

Он демонстративно оттолкнул меня прочь.

— Мы получим его первыми. Не переживайте, он будет здесь раньше, чем они думают.

На третью ночь, как и предсказал Квинтон, Роберт Гамильтон начал снижаться с небес. Стоя на дюне рядом с отстойниками, мы наблюдали, как он вынырнул из звезд и устремился к финишу. В высокой траве вокруг нас в стеклах засыпанных песком машин отразилась тысяча горящих космических капсул. За спутником тянулся, расходясь в разные стороны, широкий призрачный шлейф серебристого спрея.

В лагере военных рядом с вышками началась бурная деятельность. Бетонные дорожки осветили яркие фары. С первого дня, когда сюда нагрянули военные, мне, а может, и Квинтону, стало понятно: никакие это не маневры. Они готовятся к приземлению капсулы с Робертом Гамильтоном.

По дюнам, поджигая брошенные кабинки и круша ржавые остовы машин, ползала дюжина вездеходов. Целый взвод солдат был брошен на починку заграждения. Еще один заменял метал-

лические настилы, которые когда-то разобрали охотники за реликвиями.

Вскоре после полуночи на северо-востоке, на высоте сорок два градуса, между Лирой и Геркулесом, Роберт Гамильтон в последний раз появился на ночном небе. Джудит вскочила и крикнула в ночной воздух. В следующий миг темноту неба прорезало лезвие света. Увеличиваясь на глазах, корона света неслась навстречу нам подобно огромной сигнальной ракете, освещая мельчайшие детали пейзажа.

Джудит бросилась навстречу летящему к земле спутнику.

— Миссис Гровс! — Квинтон бросился к Джудит и оттащил ее назад в траву. В трехстах ярдах на одинокой дюне застыл силуэт вездехода. Слепящее свечение капсулы затмило слабый свет его фар.

Издав негромкий металлический вздох, горящая капсула с мертвым астронавтом пронеслась над нашими головами. С ее корпуса стекал, испаряясь, металл. Через пару секунд, когда я прикрыл ладонью глаза, откуда-то из-за спины донесся грохот взрыва. В потемневшем воздухе возникла пыльная завеса, как будто сотканная из множества перемолотых в прах костей. По

дюнам прокатился рокот взрывной волны. Рядом с пусковой установкой, там, где упала капсула, вспыхнули языки пламени. В воздухе повисла фосфоресцирующая газовая пелена, внутри которой подмигивали частички пыли.

Джудит рядом не было. Петляя между прыгающими лучами фонариков, она бросилась догонять охотников за реликвиями. Когда и я их догнал, среди вышек пусковой установки догорали последние языки пламени взрыва. Капсула упала рядом со старыми пусковыми платформами. Теперь в месте ее падения зиял мелкий кратер пятидесяти ярдов в диаметре. Его стенки были усыпаны раскаленными частицами. Те, прежде чем погаснуть, мигали, словно глаза. Джудит растерянно бегала между ними туда-сюда, выискивая взглядом фрагменты дымящегося металла.

Кто-то задел меня по плечу. Квинтон и его подручные пронеслись мимо меня словно отряд сумасшедших — руки по локоть в раскаленной пыли, глаза горят безумным огнем. Мы бросились прочь от лучей фонариков. Убегая, я на миг обернулся и посмотрел на берег. Вышки были затянуты бледной серебристой пеленой, образовавшейся над местом падения. Впрочем, повисев там какое-то время, она, словно умирающий

призрак, потянулась к морю.

На заре, когда среди дюн раздался рокот моторов, мы собрали последние останки Роберта Гамильтона. К нам в домик заглянул старик Квинтон и вручил мне картонную коробку из-под обуви. Джудит стояла в кухне, вытирая руки полотенцем.

— Это все? — спросил я, принимая у него коробку.

— Да, это все. Если хотите, можете взглянуть.

— Ничего, все в порядке. Мы уезжаем через полчаса.

Квинтон покачал головой.

— Лучше не спешить, пока они здесь. Стоит вам высунуть нос, как они сразу же нас обнаружат.

Он подождал, когда я открою коробку, затем скорчил гримасу и вышел на бледный утренний свет.

Мы задержались там еще на четыре дня, в то время как армейский патруль обыскивал окружающие дюны. Днем и ночью среди ржавых останков машин и домиков ползали вездеходы. Однажды, когда я наблюдал за ними вместе с Квинтоном с развалин обрушившейся водонапорной башни, в четырехстах ярдах от нашей

впадины остановился вездеход и два джипа. Подъехать ближе им помешала исходившая от отстойников вонь и растрескавшийся бетон насыпей. В это время Джудит сидела в домике, положив на колени картонную коробку. Она не сказала ни слова, как будто вообще потеряла ко мне всякий интерес. Ко мне и ко всему бывшему космодрому, этому кладбищу ржавых останков. Она механически, словно робот, расчесывала волосы и накладывала косметику.

На второй день я помог Квинтону закопать домики по самые окна в песок. Когда я вернулся, Джудит стояла у стола. Коробка была открыта. В центре стола лежала горстка обожженных щепок, как будто Джудит пыталась развести небольшой огонь. Джудит перемешивала пепел пальцами. И тогда я понял, что это. Серые хлопья облетали с суставов, обнажая кости — острые концы нескольких ребер, правую кисть и лопатку.

Вопросительно посмотрев на меня, Джудит сказала:

— Они черные.

Я заключил ее в объятья и лег вместе с ней на кровать. Среди дюн грохотали громкоговорители. Долетавшие до нас обрывки команд барабанили по оконным стеклам, и те дребезжали.

— Теперь мы можем уйти, — сказала Джудит, когда все стихло.

— Чуть позже, когда осядет пыль. А что делать с ними?

— Закопать, что же еще. В любом случае, какая разница? — Джудит казалась такой спокойной, что у меня отлегло от сердца. Я улыбнулся ей, как будто соглашаясь с тем, что эта мрачная шарада наконец завершилась.

И все же, когда я уложил кости назад в коробку из-под обуви, собрав десертной ложкой прах Роберта Гамильтона, Джудит оставила коробку себе и даже отнесла ее в кухню, где готовила нам еду.

На третий день мы заболели.

После долгой, наполненной звуками ночи я обнаружил Джудит сидящей перед зеркалом. Она вычесывала с головы толстые пучки выпавших волос. Рот ее был открыт, а губы как будто намочены кислотой. Затем она встала и стряхнула с колен выпавшие волосы. Меня поразила мучнистая бледность ее лица.

Усилием воли заставив себя встать, я кое-как прошаркал в кухню, где посмотрел на кастрюлю с холодным кофе. Мною владела жуткая усталость, как будто все кости в моем теле размягчились и утратили былую прочность. Лацканы моей

куртки устилали выпавшие волосы.

— Филипп, — Джудит пошатнулась в мою сторону, — ты чувствуешь? Что это?

— Это вода. — я вылил кофе в раковину и помассировал горло. — Наверно, она заразная.

— Может, нам пора отсюда? — Она поднесла руку ко лбу, а когда убрала, на худых пальцах остался спутанный комок пепельных волос. — Филипп, какой ужас, у меня выпадают волосы!

Аппетит начисто отшибло. Ни Джудит, ни мне не хотелось даже смотреть на еду. Когда же я заставил себя съесть несколько ломтиков холодного мяса, мне тотчас сделалось муторно. Я едва успел забежать за дом, где меня вырвало.

Квинтон и его приятели сидели на корточках у стены отстойника. Придерживаясь за ржавый корпус метеоспутника, я подошел к ним. Квинтон спустился ко мне. Когда же я сказал ему, что вода заражена, он в упор посмотрел на меня немигающими птичьими глазами.

Через полчаса их как ветром сдуло.

* * *

На следующий день, наш последний день на заброшенном космодроме, нам стало еще хуже. Держа одной рукой картонную коробку, Джудит

в куртке лежала в кровати: ее била дрожь. Я провел несколько часов, обыскивая другие домики в поисках чистой воды. Я так устал и выбился из сил, что едва сумел пересечь песчаную впадину. Армейские патрули были все ближе и ближе. Время от времени до меня долетали щелчки — это водители вездеходов переключали скорость. Грохот громкоговорителей бил по мозгам, словно железный кулак.

Вернувшись, я остановился в дверном проеме и посмотрел на Джудит. Внезапно в моем сознании всплыли несколько слов: «…Загрязненная территория… Эвакуация… Радиоактивные…»

Я подошел к ней и взял у нее из рук коробку.

— Филипп, — она подняла на меня усталый взгляд, — отдай ее мне…

Лицо ее напоминало опухшую маску. На запястьях белели бледные пятна. Ее левая рука, протянутая ко мне, напоминала костлявую конечность трупа.

Я со злостью встряхнул коробку. Кости внутри нее ответили грохотом.

— Ради всего святого! Неужели ты не понимаешь, почему мы больны?!

— Филипп, а где остальные? Где старик? Пусть они помогут тебе.

— Их тут больше нет. Они сбежали. Я ведь тебе говорил! — Я выпустил коробку из рук. Та упала на стол. Крышка отвалилась, связанные, словно охапка дров, ребра выкатились на столешницу. — Квинтон знал, что происходит, почему сюда нагрянули военные. Они пытались предупредить нас.

— Что ты хочешь этим сказать? — Джудит присела в кровати. Ей с трудом удавалось сфокусировать взгляд. — Только не отдавай им Роберта. Похорони его где-нибудь. Мы вернемся за ним позже.

— Джудит! — Я нагнулся к ней и хрипло крикнул ей прямо в ухо. — Ну как ты не понимаешь! На борту корабля была бомба! Роберт Гамильтон нес с собой ядерное оружие! — Я отдернул шторы. — Боже мой, вот это насмешка! Я двадцать лет мирился с ним, потому что не был до конца уверен, что…

— Филипп!

— Не переживай. Я использовал его: мысли о нем — это единственное, что связывало нас с тобой вместе! И все это время он ждал там, наверху, чтобы расплатиться с нами.

Снаружи донесся рокот работающего мотора. Это к краю впадины подъехал вездеход с крас-

ными крестами на боках и капоте. Из вездехода, высоко держа перед собой счетчики, выпрыгнули два человека в виниловых костюмах.

— Джудит, пока мы не ушли отсюда, скажи мне… Я никогда не спрашивал тебя…

Джудит сидела в кровати и трогала лежащие на подушке волосы. Половина ее головы была почти лысой. Затем она посмотрела на свои руки, худые, обтянутые серебристой кожей. Такого выражения ее лица я не видел ни разу — немой ярости человека, которого предали.

Она посмотрела на меня, затем на разбросанные по столу кости. Я знал ответ на мой вопрос.

1967

The Dead Astronaut. Первая публикация в журнале Playboy, май 1968.

Ангелы КОМСАТА
Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой

Летом 1968 года, впервые услышав об этом задании, я всячески пытался от него отказаться. Чарльз Уайтхед, продюсер «Горизонта», научного телеканала Би-би-си, попросил меня вместе с ним вылететь во Францию и записать на пленку пресс-конференцию, которую устраивал четырнадцатилетний вундеркинд Жорж Дюваль, попавший в поле зрения парижских газет. Фильм должен был стать частью новой серии передач «Горизонта» под названием «Расширяя границы разума», для которой я на тот момент писал сценарии. В ней рассказывалось о роли спутников связи и устройств по обработке информации в условиях так называемого информационного взрыва. Меня сильно раздосадовало включение в серьезную программу неуместного, на мой взгляд, «сенсационного» материала.

— Чарльз, ты загубишь передачу, — протестовал я в то утро, сидя за рабочим столом. — Эти вундеркинды все под одну гребенку. У них либо какой-то ненормальный талант, либо ими мани-

пулируют амбициозные родители. Ты серьезно считаешь, что этот парнишка — гений?

— Я этого не исключаю, Джеймс. Как знать? — Чарльз указал пухлой рукой на прикнопленные к стенам снимки орбитальных спутников. — Мы делаем программу о современных системах связи. Если в них вообще есть какой-то смысл, так это то, что они выявляют вот такие редкие таланты.

— Чушь, эти вундеркинды время от времени выявляются сами. К истинной гениальности они имеют такое же отношение, как пловец через Ла-Манш к побывавшему на Луне астронавту!

В конце концов, несмотря на все мои протесты, Чарльз меня уломал. Впрочем, когда на следующее утро мы приземлились в аэропорту Орли, я по-прежнему был настроен скептически. Сообщения об очередном новоявленном юном гении появлялись каждые два-три года. Модель всегда была одна и та же: вундеркинд овладел шахматами в возрасте трех лет, санскритом в шесть, эйнштейновской общей теорией относительности — в двенадцать. Университеты и консерватории Старого и Нового Света с готовностью распахивали перед ним двери.

Странно, но по какой-то причине ничего путного из этих скороспелых талантов не выходило.

Как только родители или неразборчивый спонсор выжимали из ребенка последнюю каплю сенсации, его так называемый гений как будто испарялся, а сам он куда-то исчезал в полной безвестности.

— Ты помнишь Мину Друэ? — спросил я Чарльза, когда мы ехали из Орли. — Юная поэтесса, о которой много писали несколько лет назад. Жан Кокто, прочитав ее стихи, сказал: «Каждый ребенок гениален, кроме Мины Друэ».

— Успокойся, Джеймс… Как и все ученые, ты терпеть не можешь вещи, которые бросают вызов твоим предрассудкам. Давай подождем, пока мы сами не увидим его. Он может нас удивить.

И он нас удивил, хотя и не так, как мы ожидали.

Жорж Дюваль жил со своей овдовевшей матерью в небольшом городке Монтро на Сене, в тридцати милях южнее Парижа. Когда мы проезжали мощенную брусчаткой главную площадь с ее обшарпанным зданием префектуры, мне с трудом верилось, что в таком месте мог появиться на свет новый Дарвин, Фрейд или Мари Кюри. Впрочем, дом семьи Дюваль оказался солидным особняком с белыми стенами, окна которого выходили на плавный изгиб реки. Ухоженная

лужайка спускалась вниз, к берегу, где виднелись лебеди и заливные луга.

На подъездной дорожке стоял нанятый нами автобус съемочной группы, а рядом с ним — фургон французской телерадиокомпании и «мерседес» со стикером «Пари-Матч» на заднем стекле. По гравийной дорожке, скрываясь в окне кухни, змеились кабели звукового канала. Остроносая горничная без лишнего шума отвела нас на пресс-конференцию. В гостиной, напротив стола из красного дерева, придвинутого к самым окнам, были расставлены четыре ряда складных стульев, принесенных из мэрии. Примерно десяток репортеров были заняты тем, что фотографировали мадам Дюваль — красивую женщину тридцати пяти лет со спокойными серыми глазами. Она сидела, сложив на груди руки под двумя нитками жемчуга. Трио мужчин в костюмах с серьезными лицами ограждали ее от сновавших рядом техников, которые устанавливали микрофоны и тянули под столом звуковые кабели.

Еще за четверть часа до того, как появился сам Жорж Дюваль, я ощутил во всем этом некую фальшь. Три человека в темных костюмах — глава отдела научных исследований Сорбонны, старший чиновник министерства образования

Франции и представитель института Паскаля, центра перспективных исследований, — придавали конференции некий напыщенный дух, который лишь слегка ослабляло присутствие непритязательной фигуры местного мэра в лоснящемся костюме и директора школы со впалыми щеками, посасывавшего курительную трубку.

Как и следовало ожидать, сам юный Жорж Дюваль меня разочаровал. Сопровождаемый молодым кюре, семейным советником, он сел за стол, кивком поприветствовал троих официальных лиц и, как полагается, чмокнул в щеку мать. Когда же зажглись софиты и заработали телекамеры, его взгляд без смущения остановился на нас.

Жоржу Дювалю было тогда четырнадцать — щуплый, узкоплечий, невысокий для своего возраста, сдержанный, в сером фланелевом костюме. Бледное и анемичное лицо, волосы зачесаны вниз на огромный выпуклый лоб. Руки он держал в карманах, пряча непомерно широкие запястья. Первое, что поразило меня, это отсутствие каких-либо эмоций на его лице, как будто разум юноши остался в другой комнате и до сих пор бьется там над разгадкой какой-то сложной проблемы.

Пресс-конференцию открыл профессор Леру из Сорбонны. О Жорже впервые заговорили, когда он в тринадцать лет получил ученую степень по математике, став самым юным ученым после Декарта. Леру описал его карьеру: научился читать в два года, в девять сдал все экзамены за курс средней школы, какие обычные школьники сдают в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Во время каникул в качестве хобби овладел английским и немецким, в одиннадцать лет получил диплом Парижской консерватории по теории музыки, в двенадцать приступил к работе над диссертацией. В нем рано проснулся интерес к молекулярной биологии, и теперь он вел переписку с биохимиками Гарварда и Кембриджа.

Пока Леру перечислял все эти хорошо известные факты, в глазах Жоржа под огромной черепной коробкой, похожей на панцирь черепахи, не мелькнуло даже слабой искорки эмоций. Время от времени он бросал взгляды на молодого лысеющего мужчину в сером костюме, который сидел отдельно от других в первом ряду. Тогда я решил, что это его старший брат — у незнакомца были такие же костистые виски и непроницаемое лицо. Однако позднее мне стало известно, что он играл совершенно иную роль.

Затем Леру предложил задать Жоржу вопросы. Вопросы последовали, но самые банальные: что он думает о войне во Вьетнаме, о соревновании в исследовании космоса, психоделической рок-музыке, мини-юбках, девушках, Брижит Бардо? Короче, ни одного серьезного вопроса. Жорж честно признался, что за пределами его штудий он не имеет достойных мнений. Его голос звучал твердо и вместе с тем скромно. Однако было видно, что эта пресс-конференция все больше и больше его тяготит, и как только она закончилась, он присоединился к молодому человеку, сидевшему в первом ряду. Они вместе вышли из комнаты, у обоих на лицах было одинаковое рассеянное выражение, какое бывает у умалишенных, как будто их случайно по касательной занесло в нашу с вами вселенную.

Пока мы выходили на улицу, я поговорил с другими журналистами. Отец Жоржа в свое время был рабочим на конвейере автомобильного завода «Рено» в Париже. Ни он, ни его супруга не могли похвастаться образованием, а за дом, в который вдова с сыном переехали всего два месяца назад, платил один крупный научный фонд. Похоже, Жоржу благоволили некие незримые силы. Он наверняка никогда не играл с соседскими

мальчишками.

— Я заметил, что ты не задал ни одного вопроса, — лукаво произнес Чарльз Уайтхед, как только мы отъехали.

— А зачем? Это был отрепетированный спектакль на публику. С таким же успехом мы могли интервьюировать де Голля.

— Пожалуй, ты прав.

— Ты думаешь, что за всем этим может стоять сам генерал?

— Не исключено. Давай посмотрим правде в глаза: если мальчишка и впрямь такая выдающаяся личность, ему будет трудно работать на «Дюпон» или на «Ай-Би-Эм».

— Выдающаяся? Разумеется, он мозговитый. Но я готов спорить на что угодно, что через три года о нем никто даже не вспомнит.

Мы вернулись в Лондон, и мое любопытство слегка оживилось. Пока мы в автобусе «Эйр Франс» ехали в телецентр в Уайт-Сити, я внимательно разглядывал детей на тротуаре. Вне всякого сомнения, никто из них не обладал зрелостью ума Жоржа Дюваля. На второе утро, поймав себя на том, что Жорж не выходит у меня из головы, я отправился в библиотеку, чтобы кое-что проверить.

Просматривая газетные вырезки за последние двадцать лет, я сделал любопытное открытие. Начав поиски с 1948 года, я обнаружил, что крупные новости о гениальных детях появлялись каждые два года. Последней «сенсацией» был Бобби Сильверберг, пятнадцатилетний мальчишка из Тампы, штат Флорида. С тем же успехом фотографии в «Лук», «Пари-Матч», биографические очерки в «Огги» могли быть посвящены Жоржу Дювалю. За исключением американского антуража, все прочие детали совпадали: пресс-конференция, телекамеры, президиум из официальных лиц, директор школы, слепо обожающая свое чадо мать и сам юный гений, на этот раз с короткой стрижкой ежиком — теперь ничто не скрывало высокий выпуклый лоб. Уже получены дипломы двух колледжей, из Массачусетского технологического, Принстона и Калифорнийского технологического поступили предложения об аспирантуре. И что потом?

— Это было почти три года назад, — сказал я Джуди Уолш, моей секретарше. — Что он делает сейчас?

Покопавшись в картотеке, она покачала головой.

— Ничего. Наверно, учится еще в каком-нибудь

университете.

— Но у него уже и так два диплома. По идее, к этому времени он уже должен был объявить об изобретении им двигателя, позволяющего путешествовать со сверхсветовой скоростью, или о способе синтеза белка.

— Ему всего лишь семнадцать. Подожди, пока он немного повзрослеет.

— Повзрослеет? Ты подсказала мне идею. Давай вернемся к началу, в 1948 год.

Джуди протянула мне пачку вырезок. Журнал «Лайф» опубликовал историю семнадцатилетнего шведского паренька Гюнтера Бергмана, первого послевоенного вундеркинда. Со всех фотографий на нас смотрели его светлые, немного навыкате глаза. Необычным было и присутствие на выпускной церемонии в университете Упсалы трех представителей Нобелевского фонда. Поскольку Бергман был старше Сильверберга и Дюваля, его интеллектуальные достижения поражали. Диплом Упсалы должен был стать третьим по счету. Бергман уже провел оригинальное исследование в области радиоастрономии, которое помогло распознать необычные источники радиоволн — десятилетие спустя те получили название квазаров.

— Блестящая карьера в астрономии, похоже, была ему гарантирована. Думаю, ее будет несложно отследить. Одну минутку! Сейчас ему тридцать семь, он, по меньшей мере, профессор и находится на пути к Нобелевской премии.

Мы с Джуди прошерстили все профильные справочники, позвонили в Гринвичскую обсерваторию и Лондонский секретариат Всемирной астрономической федерации. Никто даже слыхом не слыхивал ни о каком Гюнтере Бергмане.

— Итак, где же он? — спросил я Джуди, когда она исчерпала все мыслимые варианты поисков. — Бог мой, ведь прошло двадцать лет! По идее, сейчас он должен был быть всемирно известен.

— Может, он умер?

— Возможно. — я задумчиво посмотрел на озадаченное лицо Джуди. — Закажи телефонный разговор с фондом Нобеля. Более того, очисти свой письменный стол и принеси все международные справочники, которые у нас есть. Мы попробуем расколоть КОМСАТ.

Через три недели, когда я принес в кабинет Чарльза Уайтхеда мой разбухший от бумаг портфель, я был весь буквально наэлектризован.

Чарльз с подозрением посмотрел на меня по-

верх очков.

— Джеймс, я слышал, что ты пустился в розыск наших пропавших гениев. И что тут у тебя?

— Новая программа.

— Новая? Мы уже включили в программу «Радио таймс» Жоржа Дюваля.

— Надеюсь, ненадолго? — Придвинув стул к его столу, я открыл портфель и разложил перед ним десяток папок с бумагами. — Для начала обрисую картину. Мы с Джуди покопались в прошлом вплоть до 1948 года. За эти двадцать лет было одиннадцать случаев появления так называемых юных гениев. Жорж Дюваль — двенадцатый.

Я положил перед ним список.

1948 год – Гюнтер Бергман (Упсала, Швеция).

1950 год – Яакко Литманен (Вааса, Финляндия).

1952 год – Джон Уоррендер (Канзас-Сити, США).

1953 год – Артуро Бандини (Болонья, Италия).

1955 год – Гесаи Рей (Калькутта, Индия).

1957 год – Джулиано Кальдаре (Палер-

мо, Сицилия).

1958 год – Вольфганг Гертер (Кёльн, Германия).

1960 год – Мартин Шеррингтон (Кентербери, Англия).

1962 год – Иосиф Обленский (Ленинград, СССР).

1964 год – Янь Сишань (Ухань, Китай).

1965 год – Роберт Сильверберг (Тампа, США).

1968 год – Жорж Дюваль (Монтро, Франция).

Чарльз внимательно изучил список, время от времени вытирая лоб носовым платком в цветочек.

— Честно говоря, кроме Жоржа Дюваля, эти имена мне ничего не говорят.

— Разве это не странно? Здесь столько талантов, что можно трижды получить все Нобелевские премии!

— Ты пытался отследить их?

Я издал мучительный стон. Даже всегда спокойная Джуди содрогнулась в беспомощном отчаянии.

— Пытались ли мы?! О господи, Чарльз, мы толь-

ко это и делали! Мы изучили сотни справочников и реестров, мы общались с представителями новостных агентств, журналов и газет, проверили университеты, которые изначально предлагали им стипендии, разговаривали по международному телефону с репортерами Би-би-си в Нью-Йорке, Дели и Москве!

— И? Что вы узнали?

— Ничего. Абсолютно ничего.

Чарльз недоверчиво помотал головой.

— Но они же где-то должны быть. А как же университеты, в которых они якобы учились?

— Там тоже ничего. Странно, но ни один из них не пошел учиться дальше в университет. Мы обзвонили почти пятьдесят университетов. Ни единого слова о них! Они получили дипломы экстерном, еще учась в школе, после чего обрубили все связи с миром науки.

Чарльз склонился над списком, словно над картой, на которой указано место, где закопаны сокровища.

— Джеймс, похоже, ты выиграл наш спор. Став старше, они все как один растеряли свои таланты. Неожиданная вспышка интеллекта, подкрепленная исключительной памятью, при отсутствии реальной творческой искры… В общем, сдается

мне, никто из них не был гением в полном смысле этого слова.

— А по-моему, все-таки были. — прежде чем он успел возразить, я продолжил: — Давай вообще на минутку об этом забудем. Неважно, были они гениями или нет. Безусловно, их интеллект был выше среднего — равный двумстам ай-кью, огромный научный талант в самых разных областях знания. У каждого — свой краткий момент славы, известности и…

— Все как один бесследно исчезли. Ты на что намекаешь? На какой-то заговор?

— В некотором смысле, да.

Чарльз вернул мне список.

— Не говори глупостей! Или ты на самом деле считаешь, будто некое зловещее правительственное бюро тайно их куда-то переправило, и они как рабы трудятся над каким-то супероружием?

— Возможно, но лично я в этом сомневаюсь. — с этими словами я достал стопку фотографий из второй папки. — Взгляни сюда.

Чарльз взял в руки первое фото.

— Ах, это Жорж. Здесь он выглядит старше, эти кинокамеры определенно старят человека.

— Это не Жорж Дюваль. Это русский юноша по фамилии Обленский, снимок сделан шесть

лет назад. Однако какое сходство! — Я полукругом разложил на столе двенадцать фотографий. Чарльз взялся их рассматривать, сравнивая глаза навыкате, выпуклые лбы и одинаково пристальный взгляд.

— Погоди минуту! Ты уверен, что это не Дюваль? — Взяв фото русского юноши, Чарльз указал на фигуру молодого человека в сером костюме, стоявшего позади какого-то человека, по виду чиновника мэрии, в какой-то ленинградской гостиной. — Он был на пресс-конференции Дюваля, сидел прямо перед нами.

Я кивнул Джуди.

— Ты прав, Чарльз. И он не только на этом фото. — я сдвинул вместе фотографии Бобби Сильверберга, Гертера и Мартина Шеррингтона. На каждой из них на заднем плане маячила одна и та же фигура лысеющего молодого человека в сером костюме, чьи проницательные глаза избегали смотреть в объектив фотоаппарата. — Ни в одном из университетов его не знают, равно как и в «Шелл», «Филипс», «Дженерал моторс» и еще десятке международных компаний. Конечно, есть и другие организации, для которых он может выискивать таланты…

Чарльз встал и медленно обошел стол.

— Такие, как ЦРУ… Думаешь, что он занят поисками талантливых парней для какого-нибудь сверхсекретного научного центра? По-моему, такое маловероятно, но все же…

— А как насчет русских? — перебил я его. — Или китайцев? Давай признаем честно: одиннадцать талантливых юношей бесследно исчезли. Что с ними стало? Куда они подевались?

Чарльз снова посмотрел на фотографии.

— Странно, но я смутно припоминаю все эти лица. Эти выпуклые лбы, эти глаза навыкате… Где я их видел? Послушай, Джеймс, возможно, у нас наклевывается новая программа. Этот английский вундеркинд, Мартин Шеррингтон, отыскать его будет проще других. Затем этот немец, Гертер. Найди их, и мы, похоже, получим кое-что интересное.

На следующее утро мы отправились в Кентербери. Адрес, который я раздобыл у моего друга, научного редактора «Дейли Экспресс», был в жилом микрорайоне за большим радиотелевизионным заводом компании «Дженерал электрик» на самом краю города. Мы ехали мимо вереницы домов из серого кирпича, пока в самом конце не нашли дом Шеррингтонов. Над развалинами теплицы возвышалась огромная радиомачта.

Державшие ее тросы проржавели, а кое-какие даже лопнули. За восемь лет, прошедших с того момента, как его великий интеллект был выявлен директором местной школы, Мартин Шеррингтон мог уехать куда угодно, на край света, будь то мыс Кеннеди, Уральские горы или Пекин.

По указанному адресу не оказалось ни Мартина, ни его родителей. Более того, нам потребовалось целых два дня, чтобы найти хоть кого-то, кто бы их помнил. Нынешние жильцы дома, потертого вида пара, поселились здесь два года назад. До них там обитала многодетная семейка с криминальными наклонностями, которую выселили судебные приставы и полиция. Директор школы ушел на пенсию и перебрался в Шотландию. На наше счастье, Мартина вспомнила сестра-хозяйка школы — «мальчик блестящего ума, мы все им гордились. Хотя, если честно, не скажу, что мы его любили; он не слишком располагал к себе». О миссис Шеррингтон она ничего не знала, что же касается отца мальчика, все считали, что он погиб на войне.

В конце концов — спасибо кассиру из бухгалтерии местной электрической компании — мы узнали, куда перебралась миссис Шеррингтон.

Стоило мне увидеть симпатичный особняк с белыми стенами в богатом пригороде на другом краю Кентербери, как я почувствовал, что мы вышли на верный след. Хрустящий гравий подъездной дорожки и огромный ухоженный сад тотчас напомнили мне о другом доме — доме Жоржа Дюваля недалеко от Парижа.

С крыши моей машины, которую припарковали вплотную к живой изгороди, мы увидели широкоплечую женщину, неторопливо прогуливавшуюся по розарию.

— Она преуспела в жизни, — заметил я. — Интересно, кто платит за этот шик?

Встреча прошла довольно странно. Глядя на нас поверх серебряного чайного сервиза, словно испуганная Мона Лиза, эта довольно некрасивая, скромно одетая женщина лет сорока сообщила нам, что у нас нет абсолютно никаких шансов взять у Мартина интервью для телевидения.

— В свое время ваш сын, миссис Шеррингтон, привлек к себе такой огромный интерес. Вы можете рассказать нам о его последующей научной карьере? В какой университет он поступил?

— Свое образование он завершил частным образом.

Что касается его нынешнего местонахождения,

то, по ее мнению, в данный момент сын живет где-то за границей, работает на крупную международную организацию, название которой она не имеет права разглашать.

— Неправительственную, миссис Шеррингтон?

Она на миг замешкалась с ответом.

— Насколько мне известно, эта организация неким образом связана с правительствами разных стран, но точно я не знаю.

Ее голос звучал излишне ровно, как будто она пыталась спрятать свой настоящий акцент. Насколько же одинока ее жизнь, подумалось мне, когда мы ушли, но, как заметила Джуди, она была одинока с тех самых пор, как Мартин Шеррингтон научился говорить.

Наша поездка в Германию оказалась столь же бесплодной. Вольфганг Гертер исчез с карты мира. Несколько человек в крохотной деревушке рядом с Франкфуртским автобаном припомнили его, а деревенский почтальон сказал, что фрау Гертер перебралась в Швейцарию и теперь живет близ Люцерна, на вилле на берегу озера. Женщина скромных средств и со столь же скромным образованием, но ее сын, несомненно, преуспел в жизни.

Я задал лишь пару вопросов.

Отец Вольфганга? Фрау Гертер приехала в эти места с ребенком после войны. Ее муж, по всей видимости, погиб в одном из безымянных лагерей для военнопленных или на полях Второй мировой войны. Лысеющий мужчина в светло-сером костюме? Да, такой точно приезжал к ним в деревню, помогал фрау Гертер с переездом.

— Возвращаемся в Лондон, — сказал я Джуди. — Это требует больше средств, чем мы с тобой можем себе позволить.

— Одного не понимаю. Почему отцы вечно куда-то исчезают? — сказала Джуди, когда мы летели домой в Англию.

— Хороший вопрос. Грубо говоря, дорогая моя, этих двенадцать гениев произвело на свет некое уникальное генетическое совокупление. Такое впечатление, будто кто-то разорвал карту с местонахождением сокровищ пополам и одну половинку оставил себе. Или как будто кто-то создает банк замороженной спермы, этакий евгенический коктейль, которого должно хватить, чтобы заново заселить целую планету.

Одолеваемый именно такими мыслями, я на следующее утро вошел в офис Чарльза Уайтхеда. И впервые застал Чарльза без пиджака. К моему

удивлению, он отмахнулся от моих извинений, кивком указав на фотоснимки, пришпиленные к оштукатуренной стене позади его стола. Кабинет был буквально завален ворохом газетных вырезок и увеличенных кадров из кинохроники. Вооружившись лупой, Чарльз изучал фото президента Джонсона и Роберта Макнамары, сделанное на приеме в Белом доме.

— Пока тебя не было, мы провели собственное расследование, — пояснил он. — Если тебя это утешит, скажу, что мы не сразу смогли выйти на их след.

— Но затем все-таки вышли? Где же?

— Здесь. — он указал на десятки фотографий. — Прямо у нас перед носом. Мы смотрим на них каждый день.

Он указал на фото агентства новостей, на котором был изображен прием в честь президента ГДР Вальтера Ульбрихта. Рядом с ним Брежнев и Косыгин. Председатель Верховного Совета Подгорный разговаривает с послом Финляндии. Здесь же два десятка других высших функционеров КПСС.

— Узнаешь кого-нибудь? Кроме Косыгина и компании?

— Обычная команда высоколобых приспеш-

ников, какими любят окружать себя эти люди. Хотя… подожди минуту.

Палец Чарльза остановился на молодом человеке рядом с Косыгиным — узкий, вытянутый череп, бесстрастное лицо. Что любопытно, Косыгин, скорее, стоял, повернувшись лицом к нему, чем к Брежневу.

— Обленский, русский вундеркинд. Что он делает рядом с Косыгиным? Похож на переводчика.

— Переводит слова Косыгина для Брежнева? Вряд ли. Я связался с московскими корреспондентами Би-би-си и «Рейтер». Они его частенько видели. Сам он никогда ничего не говорит на публике, однако важные люди всегда с ним разговаривают.

Я положил фотографию на стол.

— Чарльз, свяжись с Форин-офисом и посольством США. Все сходится! Все одиннадцать, скорее всего, там, в Советском Союзе.

— Успокойся. Мы тоже так подумали. Но ты посмотри на это.

Следующий фотоснимок был сделан на встрече Джонсона, Макнамары и генерала Уэстмор-

ленда[34] в Белом доме, где эти трое обсуждали политику Соединенных Штатов во Вьетнаме. Там на лужайке, как всегда, присутствовали адъютанты, секретари и люди из службы безопасности. Одно лицо было обведено кружком — лицо мужчины тридцати с небольшим лет, скромно стоящего позади Джонсона и Уэстморленда.

— Уоррендер! Юный гений 1952 года! Он работает на правительство США!

— Есть и другие сюрпризы. — Чарльз показал мне остальные фотографии. — Тебе наверняка будет интересно взглянуть на это.

На следующем снимке папа Павел с балкона собора Святого Петра выступал с ежегодным посланием «Граду и миру» перед огромной толпой на площади. Рядом с папой — глава папского секретариата кардинал Манчини и прочие ватиканские функционеры. Чуть наискосок позади папы стоял мужчина лет тридцати в иезуитской сутане. Пучеглазый, он буквально буравил понтифика взглядом.

— Бандини. Артуро Бандини, — прокомменти-

---

[34] Примечания: 34

Уильям Чайлдз Уэстморленд (1914–2005) — американский военачальник, в разное время занимавший посты главнокомандующего американскими войсками во Вьетнаме во время войны и начальника штаба армии США. *(Прим. пер.).*

ровал я, узнав это лицо. — Журнал «Огги» сделал о нем серию репортажей. Он высоко поднялся в ватиканской иерархии.

— Таких любимчиков папы, как он, можно пересчитать по пальцам.

Затем последовала фотография У Тана[35], сделанная на заседании Совета Безопасности ООН во время кубинского ракетного кризиса. За генеральным секретарем сидел молодой светлокожий брамин с красивым лицом, Гесай Рей, единственный, как я выяснил, из гениев, родившийся в богатой, привилегированной семье.

— Рей сейчас поднялся еще выше в окружении У Тана, — добавил Чарльз. — Есть интересная фотография, на которой он вместе с Уоррендером в дни кубинского кризиса. Тогда Уоррендер был в аппарате Джона Кеннеди.

Секунду помолчав, он как бы невзначай, добавил:

— Через год в Кремль проник Обленский, а Хрущева свергли.

— Значит, они контактируют? Кажется, я начинаю понимать, для чего на самом деле нужна горячая линия Москва — Вашингтон.

---

[35] Примечания: 35

У Тан (1909–1974) — бирманский дипломат и третий Генеральный секретарь ООН с 1962 по 1971 год. *(Прим. пер.).*

Чарльз протянул мне новый снимок.

— Вот твой старый друг, наш земляк Мартин Шеррингтон. Он состоит в штате профессора Ловелла в радиообсерватории «Джодрелл Бэнк». Он один из немногих, кто не пошел ни в правительство, ни в большой бизнес.

— Зато пошел в большую науку. — я вгляделся в спокойное, серьезное лицо неуловимого Шеррингтона. Черт, кто-то в обсерватории «Джодрелл Бэнк» намеренно сказал мне неправду.

— Как и Гюнтер Бергман. Пятнадцать лет назад он перебрался из Швеции в Соединенные Штаты и теперь занимает высокий пост в НАСА. Янь Сишань — самый молодой, ему нет и семнадцати, но ты только взгляни на это.

Снимок запечатлел Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая[36] в дни «культурной революции». Стоя на высокой трибуне в Пекине, они взирали вниз, на бесконечные колонны молодых людей с цитатниками Мао в руках, скандирующих революционные лозунги. Между двумя вождями стоял молодой человек со вскинутым кулаком,

---

[36] Примечания: 36

Чжоу Эньлай (1898–1976) — политический деятель Китая, первый премьер Госсовета КНР с момента ее образования в 1949 году до своей смерти. *(Прим. пер.).*

глава китайских хунвейбинов[37].

— Янь Сишань. Он начал рано, — сказал Чарльз. — Есть еще парочка других, которых нам пока не удалось найти, хотя мы слышали о том, что Гертер якобы работает в гигантском банковском тресте «Цюрих — Гамбург». Яакко Литманен, юный финский гений, по слухам, задействован в советской космической программе.

— Что ж, следует признать, что все они определенно добились успехов, — заметил я.

— Не все, — возразил Чарльз и показал мне последний снимок. На нем был сицилийский гений Джулиано Кальдаре.

— Один из них пошел по кривой дорожке. В 1960 году Кальдаре эмигрировал в Соединенные Штаты и теперь, по слухам, считается одним из главарей коза ностра.

Я сел за стол Чарльза.

— Ну хорошо. Однако что это доказывает? На первый взгляд, да, похоже на заговор, но учитывая их талант, вполне можно было ожидать, что они добьются в жизни больших успехов.

---

[37] Примечания: 37

Хунвейбины — «красные охранники», «красногвардейцы» — члены созданных в 1966–1967 годах отрядов студенческой и школьной молодежи в Китае, одни из наиболее активных участников «культурной революции». *(Прим. пер.).*

— Это еще мягко сказано. Честное слово, всего один шаг, и эта компания будет заправлять целым миром.

— Согласен. — я открыл блокнот Чарльза. — Не возражаешь, если мы слегка переделаем программу? Начнем с пресс-конференции Жоржа Дюваля, добавим наши изыскания об остальных, включим кадры старой кинохроники, интервью с матерями. Это тянет на крутую передачу.

По крайней мере, мы на это надеялись.

Нет необходимости говорить, что никакой передачи не состоялось. Два дня спустя, когда я просматривал кадры кинохроники, поступило распоряжение от главы отдела научных программ положить наш проект на полку. Мы попытались возражать, но решение было окончательным.

Вскоре мой контракт на сотрудничество с «Горизонтом» истек, и я получил заказ на серию детских передач о великих изобретателях. Чарльза перевели в «Международный гольф». Мы оба понимали, что слишком приблизились к чему-то такому, что вызвало у кого-то крайнее неудовольствие, но ничего не могли поделать. Через три месяца в составе группы журналистов, занимающихся научной тематикой, я побывал в

обсерватории «Джодрелл Бэнк» и мельком видел там Мартина Шеррингтона, высокого мужчину с тонкими чертами лица. Он холодным взглядом следил за залом, пока профессор Ловелл проводил пресс-конференцию.

В течение последующих месяцев я пристально следил за газетами и выпусками телевизионных новостей. Если действительно существует некий заговор, то что замыслили заговорщики? Вот они, никуда не прячутся, сидя за спинами сильных мира сего, готовые в любую минуту взять в свои руки рычаги верховной власти. Всемирная диктатура? Крайне маловероятно. По меньшей мере, двое из них, на первый взгляд, противостояли законной власти. Это Кальдаре в коза ностра и Жорж Дюваль, чьи музыкальные таланты снискали ему громкую славу, затмившую даже славу «Битлз». Менее чем через год он стал самым знаменитым из всех французских исполнителей в стиле йе-йе. Признанный лидер психоделического поколения молодежи, Дюваль фактически возглавил всемирное протестное движение. Неудивительно, что его ненавидела полиция десятка государств. Зато подростки от Бангкока до Мехико боготворили своего кумира.

Любое сотрудничество Жоржа и Бандиди пред-

ставлялось невероятным. Кроме того, ничто из происходящего в мире не предполагало, что члены данного сообщества занимаются чем-то недостойным. Напротив, благодаря им ядерной конфронтации в дни кубинского ракетного кризиса удалось избежать. Сюда же можно добавить низложение Хрущева, разрядку в отношениях между СССР и США, попытки достижения мира во Вьетнаме, либерализацию позиции Ватикана в вопросах контроля рождаемости и разводов. Даже разгул хунвейбинов и творимый ими хаос можно было рассматривать как хитрый способ направить воинственность Китая внутрь страны и тем самым уберечь Вьетнам от вторжения.

Через три месяца мне позвонил Чарльз Уайтхед.

— В «Шпигеле» опубликована статья, — как бы невзначай сообщил он. — Я подумал, что тебе это может быть интересно. Обнаружен еще один юный гений.

— Великолепно, — ответил я. — Мы сделаем об этом программу. Насколько я понимаю, все та же история, что и раньше?

— Абсолютно. Тот же самый лоб и те же глаза; мать, много лет назад потерявшая мужа, наша знакомая по делу с виллой. Впрочем, похоже,

этот парень по-настоящему мозговитый. Ай-кью зашкаливает за триста. Блестящий ум.

— Я читаю сценарий. Проблема в другом: я ни разу не увидел программы в эфире. Кстати, где это?

— В Хевроне.

— Это где?

— Недалеко от Иерусалима. В Израиле.

— Израиле?

Я положил телефонную трубку. В глубине сознания что-то щелкнуло. Израиль! Ну конечно! Все стало на свои места. Двенадцать молодых мужчин, занимающих ключевые места во власти, контролирующих все от правительств США, Советского Союза и Китая до правил запуска спутников, международных финансов, ООН, большой науки, молодежного и протестного движения. Среди них был даже Иуда, Джулиано Кальдаре из коза ностра. Теперь это было очевидно. Я всегда думал, что эти двенадцать работают на какую-то загадочную организацию, на самом же деле они сами и были организацией. Они ждали нужный момент. Когда родится этот ребенок, к его появлению все будет подготовлено надлежащим образом: спутники связи будут держать его в поле зрения, заработают горячие линии, армии всего

мира будут обездвижены. На этот раз ошибок не будет.

Через час я перезвонил Чарльзу.

— Чарльз, — начал я, — я знаю, что происходит. Израиль…

— О чем ты?

— Израиль. Неужели ты не понимаешь, что Хеврон рядом с Вифлеемом?

Возникла напряженная пауза.

— Джеймс, во имя всего святого… Ты ведь не думаешь, что?..

— Конечно. Двенадцать молодых мужчин, к чему еще они могут готовиться? И почему арабо-израильская война закончилась всего через два дня? Сколько лет этому парню?

— Тринадцать.

— Скажем так, еще десяток лет. Господи, у меня такое ощущение, что он проявит себя!

Когда Чарли запротестовал, я передал трубку Джуди.

Кстати, я абсолютно уверен в своей правоте. Я видел фотографии Иешуа Герцля, сделанные во время пресс-конференции. Парень оказался колючий, он явно поддразнил коекого из репортеров. После этого он куда-то исчез, но я не сомневаюсь, что его мать теперь имеет превос-

ходную виллу с белыми стенами неподалеку от Хайфы или Тель-Авива.

А в обсерватории «Джодрелл Бэнк» скоро появится новый огромный радиотелескоп. Когда-нибудь, совсем скоро, мы кое-что увидим на небе.

1967

The Comsat Angels. Первая публикация в журнале Worlds of If, декабрь 1968.

Зона поражения
Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой

Во влажный предрассветный воздух поднимался дым подбитого бронетранспортера. С холма майору Пирсону хорошо просматривалась серебристая спина реки, протекавшей в трех сотнях ярдов от командного пункта. Превращенные артиллерийским огнем в земляную крошку, берега обрушились в бесчисленные воронки, которые были оставлены снарядными взрывами. Вода разлилась по лугу, вся в пятнах дизельного топлива, вытекшего из топливных баков бронетранспортера. Подкрутив тонкими руками резкость бинокля, Пирсон навел его на деревья на противоположном берегу. Река была чуть шире обычного ручья, в глубину — лишь по пояс взрослому человеку, а вот поля по обе ее стороны были ровными, как бильярдные столы. Поднявшись со своих баз в городе, многочисленные американские вертолеты уже кружили над долиной, словно неразумные птицы, наполняя воздух оглушающим стрекотом.

Угодивший в водительскую кабину снаряд

взрывом вынес двери бронетранспортера и лобовое стекло. Над залитым водой лугом мигнула вспышка, на мгновение осветив вытертые буквы на мемориальной плите, служившей задней стеной командного пункта. Пирсон поднял глаза, наблюдая за полетом вертолетов поблизости. Они нарезали круги над автомобильным мостом через реку, примерно в миле от него, слишком далеко, чтобы заметить подбитую машину и разбросанные вокруг нее мертвые тела. Засада, хотя и удачная, не была заранее спланированной. Когда отряд Пирсона готовился переправиться через реку, бронетранспортер слепо выехал на прибрежную дорогу.

Пирсон надеялся, что если повезет, то переправу на тот берег отменят, и вместо этого им прикажут отступить в горы. Он дрожал от холода в своей поношенной форме. Вчера утром капрал Бенсон снял штаны с мертвого пулеметчика-морпеха, и у него не было времени отстирать запекшуюся кровь на бедрах и талии.

Позади мемориала располагался сложенный из мешков с песком вход на склад. Здесь сержант Таллок и семнадцатилетний лейтенант, присланный накануне вечером из роты новобранцев, колдовали над полевой радиостанцией

— заново соединяли проводами наушники и батарею. Вокруг огневой позиции расположились три десятка человек Пирсона. Возле их ног были навалены кучи оружия, ящики с боеприпасами, катушки телефонных проводов. Изнуренные пребыванием в засаде, они слишком устали, чтобы форсировать водную преграду.

— Сержант… Сержант Таллок! — позвал Пирсон, намеренно огрубляя свой хорошо поставленный голос школьного директора. Как он отчасти и ожидал, Таллок его проигнорировал. Зажав зубами два конца оборванного медного провода, он продолжил заниматься починкой радиостанции. Хотя партизанским отрядом командовал Пирсон, реальная инициатива исходила от этого шотландца. Служивший до высадки американцев шесть лет назад в полку Гордонских хайлендеров, сержант сразу же вступил в один из первых партизанских отрядов, ставших ядром Национально-освободительной армии.

Таллок открыто хвастался, что вступить в партизанскую армию его привлекла возможность убивать англичан. Пирсон частенько задумывался о том, в какой мере сержант все еще отождествлял его с марионеточным режимом Лондона, поддерживаемым американскими ок-

купационными войсками.

Как только он вылез из противовоздушной щели, враг открыл с траверса автомобильного моста артиллерийский огонь. Пирсон притаился за постаментом мемориала, вслушиваясь в тявканье тяжелых минометов, которые вели огонь из американского анклава в пяти милях к западу отсюда. Там вот уже несколько месяцев девятьсот артиллеристов морской пехоты США держали оборону под натиском двух мятежных дивизий. Поддерживаемые боеприпасами, которые сбрасывали им с вертолетов, американцы воевали, засев в бункерах и обстреливая противника из семидесяти пушек тысячами снарядов в день. Луга вокруг этого анклава представляли собой изрытую воронками лунную поверхность, залитую водой.

Влажный воздух пронзал вой снарядов. От взрывов содрогалась почва, осыпая все вокруг комьями земли. Между взрывами раздавались звуки стрельбы из автоматического оружия — это начались попытки атаковать мост. Перебросив ремень автомата «стен» через узкое плечо, Пирсон снова бросился в туннель.

— Что нас сдерживает, сержант? Эту рацию нужно было проверить еще в расположении

батальона!

Он потянулся к заляпанной грязью консоли, но Таллок гаечным ключом отвел его руку в сторону.

— Я починю ее вовремя, майор, — огрызнулся он, не обращая внимания на робкое приветствие лейтенанта. — Или вы хотите отступать прямо сейчас?

— Мы выполним приказ, сержант, когда — и если — вы почините эту рацию, — ответил Пирсон, стараясь не смотреть лейтенанту в глаза.

— Починю, можете не волноваться.

Пирсон отстегнул ремешок каски. За три месяца совместных боев сержант явно решил, что Пирсон утратил боевой дух. Конечно, Таллок был прав. Пирсон оглядел укрепленную позицию, закрытую для наблюдения с воздуха поникшими ивами, посчитал по головам изнуренных солдат, сгрудившихся возле полевой печки, в потрепанной форме, перехваченной американскими матерчатыми ремнями, месяцами живущих в землянках, измученных голодом, плохо вооруженных. Что поддерживало их боевой дух? Не ненависть же к американцам, которых, за исключением убитых, они практически не видели. Сидящие в безопасности по своим базам,

защищенные мощью современного оружия, американские экспедиционные войска были от них так же далеко, как какой-нибудь легион архангелов в день Армагеддона.

Если на то пошло, даже к лучшему, что американцы рассеяны по всей стране, иначе весь освободительный фронт был бы давно полностью уничтожен. Даже имея двадцатимиллионную армию, американцы смогли выделить для отправки на Британские острова, это далекое захолустье в их глобальной войне против десятка национальных освободительных армий, менее двухсот тысяч солдат.

Подпольное свободное радио, которое Пирсон и Таллок слушали по ночам, сидя скорчившись в туннелях, пока над ними кружили стервятники-вертолеты, сообщало о непрерывных боях от Пиренеев до Баварских Альп, от Кавказа до Карачи. Спустя тридцать лет после первоначального вооруженного конфликта в Юго-Восточной Азии мир представлял собой гигантский мятежный факел, этакий сплошной глобальный Вьетнам.

— Бенсон! — К ним, ковыляя, приблизился капрал с трофейным карабином, слишком тяжелым для его тощих рук. Пирсон недовольным жестом указал ему на людей, привалившихся к мешкам

с песком. — Капрал, через полчаса идем в атаку! Вы хотя бы разбудите их!

Устало отдав честь старшему по званию, капрал обошел огневую позицию, несмело будя пинками спящих солдат. Пирсон вглядывался в лесок на берегу реки. На севере, близ разрушенного Виндзорского замка, поднимались столбы дыма. Это вертолеты пикировали на цели, выпуская ракеты в изуродованные взрывами рощицы, что успели вырасти на пустых пригородных улицах. На этом огромном поле брани мирными казались лишь залитые речной водой луга. Вода плескалась вокруг бронетранспортера, шевеля ноги убитых. Пирсон снова машинально принялся пересчитывать своих людей. Им предстоит перебежать открытое пространство, форсировать реку и проникнуть в лесок на другом берегу. Не исключено, что американцы затаились там со своими скорострельными «гатлингами», ожидая, когда противник выберется из укрытия.

— …Майор Пирсон, — лейтенант прикоснулся к его локтю, — вы хотели взглянуть на пленных.

— Верно. Попробуем еще раз.

Пирсон двинулся следом за юношей вокруг мемориала. Присутствие этого парня, который был чуть старше его учеников в школе в горах

на севере Шотландии, каким-то образом ободряло. Его возраст уже начал заявлять о себе. За эти годы потери в живой силе были немыслимо велики: миллион солдат плюс миллион мирных жителей. Так что люди старшего возраста были вынуждены взять на себя более опасную роль, оберегая молодежь ради мира, который должен однажды наступить.

Три американца, которых охранял боец с ручным пулеметом «брен», находились позади мемориала. Сержантнегр, раненный в грудь, лежал на спине и едва дышал. Его руки и ноги, рот и подбородок были покрыты толстой коркой запекшейся крови. К нему спиной, навалившись на лежавший на коленях рюкзак, притулился юный рядовой. Усталыми глазами типичного студента он рассматривал скованные наручниками запястья, как будто никак не мог осознать тот факт, что оказался в плену.

Третьим пленным был капитан, единственный офицер из устроившего засаду дозора, — худощавый мужчина с седыми, стриженными ежиком волосами и мягким, но умным лицом. Несмотря на форму и нашивки, он был мало похож на фронтовика, скорее на военного корреспондента или наблюдателя. Его запястья были связаны

телефонным проводом таким образом, что он был вынужден держать локти сжатыми вместе. Тем не менее он внимательно наблюдал за приготовлениями противника к предстоящей атаке. Пирсон заметил, как пленный считает людей и оружие, два пулемета и коробки с патронами.

Наконец его пронзительно голубые глаза остановились на Пирсоне, скользнув по его изношенной форме и снаряжению. Майор ощутил, как в нем поднимается ярость, злость на этих умных, уверенных в себе людей, чьи экспедиционные войска оккупировали весь мир. Американец смотрел на него с таким же удивлением, какое Пирсон и раньше замечал на лицах пленных — искреннее изумление тем, что эти жалкие оборванцы так долго продолжают борьбу. Даже прозвище, которое янки употребляли в адрес повстанцев, «чарли», доставшееся в наследство со времен первой вьетнамской войны, говорило об их презрении, кем бы ни был сражавшийся против них солдат: кочевником-бербером, каталонским крестьянином или японским заводским рабочим.

Впрочем, американцы прекрасно знали: если поступит приказ атаковать, все трое будут расстреляны на месте.

Пирсон опустился на колени возле сержанта-негра. Он легонько толкнул стволом автомата навалившегося на него молодого солдатика, сжимавшего скованными руками лежащий на коленях рюкзак.

— Ты можешь что-то для него сделать? Где твой морфий?

Солдат посмотрел на Пирсона и снова уронил голову, глядя на масляные разводы на ботинках. Пирсон замахнулся на него кулаком. Но в следующий миг звуки стрельбы на мосту утонули в грохоте взрыва. С той стороны реки тяжелый 120-миллиметровый снаряд пролетел над лугом и разорвался в лесу у подножия холма. Пирсон скорчился за мемориалом в надежде на то, что снаряд прилетел случайно. Однако сержант Таллок знаком сообщил, что в их сторону летят еще. Второй, не разорвавшись, упал на залитый водой луг. Третий — в пятидесяти ярдах от них, за мемориалом, осыпав его комьями земли.

Когда снова стало тихо, Пирсон дождался, когда капрал Бенсон вырвал у молодого пленного рюкзак и вывернул его содержимое на землю. После чего штыком распорол карманы капитана и сорвал нашивку с его личными данными.

Допрашивать этих троих не было никакого

толку. Американские оружейные технологии достигли того уровня, когда сделались абсолютно непонятными для любого из командиров мятежников. Артиллерийские обстрелы, диспозиции боев, вертолетные атаки — все это теперь управлялось компьютерами, а дозоры и боевые операции программировались заранее. Американское военное снаряжение было настолько сложным, что даже в наручных часах, снятых с мертвых врагов, невозможно было разобраться.

Пирсон потянулся к кучке монет и ключей рядом с рядовым. Затем открыл ежедневник в кожаном переплете. В нем оказалось несколько неразборчивых записей и сложенное в несколько раз письмо от какого-то друга, по всей видимости, уклониста, об антивоенном движении в Штатах. Пирсон бросил все это в лужу возле постамента мемориала. Затем взял в руки запачканную масляными пятнами книжку в мягкой обложке из серии образовательной литературы, «Зовите меня Ишмаэль» Чарльза Олсона.

Держа ее в руках, он снова бросил взгляд туда, где сержант Таллок склонился над полевой рацией, прекрасно зная, что сержант не одобрит его неувядаемую любовь к литературе. Он стер жирное пятно с американского орла. Что это за

армия, в которой рядовые вместо маршальского жезла носят в вещмешках подобные книжонки?

Капитану он сказал другое:

— Армия США, должно быть, самая грамотная после войск Ксенофонта. — с этими словами Пирсон сунул книжку себе в карман. Пленный капитан через его плечо смотрел на реку. — Вы знаете, где мы?

Капитан обернулся, пытаясь ослабить давление пут на руках, и пронзительно посмотрел на Пирсона.

— Думаю, да. Раннимед, на Темзе.

Если честно, такой осведомленности Пирсон не ожидал.

— Вы информированы даже лучше, чем мои люди, — довольно дружелюбно произнес он. — Когда-то я жил милях в десяти отсюда. Рядом с одной из усмиренных вами деревень.

— Может быть, когда-нибудь вы вернетесь туда.

— Может быть, капитан. Может даже, в придачу подпишем очередную Хартию вольностей. Вы давно здесь?

Капитан помедлил с ответом, как будто оценивая степень интереса Пирсона.

— Чуть более месяца.

— И вы уже участвовали в боях? Мне казалось, вам обычно дают три месяца на акклиматизацию. Должно быть, дела у вас так же плохи, как и у нас.

— Я не комбатант, майор. Я архитектор. Работаю в комиссии армии США по захоронениям. Присматриваю за мемориалами по всему миру.

— Вот это работа, я понимаю! С учетом того, как развиваются события, у вас почти безграничные перспективы.

— Ужасно не хочу соглашаться с вами, майор. — манера речи американца стала более заискивающей, но Пирсон был слишком занят собственными мыслями, чтобы обращать на это внимание. — Поверьте мне, многие из нас, особенно те, кто находятся в Штатах, считают эту войну совершенно бессмысленной. Она ничего не достигла.

— Ничего? — повторил Пирсон. — Она достигла всего.

Над гребнем холма пролетел бронированный вертолет, его тяжелые лопасти сбивали листву у них над головой. Прежде всего война превратила все население Европы в вооруженное крестьянство, первое сообщество разумных аграриев после восемнадцатого столетия. Тогдашнее кре-

стьянство породило промышленную революцию. Нынешнее, в буквальном смысле зарывшись подобно неким продвинутым видам термитов в подпочву двадцатого столетия, возможно, со временем произведет нечто более грандиозное. К счастью, американцы были защищены от любой надежды на успех их собственными же благими намерениями, в частности, отказом, невзирая на потери, воспользоваться ядерным оружием.

Подъехав к парапету моста, два танка вели по дороге пулеметный огонь. Вертолет-разведчик, подбитый над полем на другой стороне реки, ярко пылал. Металлические лопасти скручивались в языках пламени.

— Майор! — В туннель выбежал капрал Бенсон. Согнувшись в наушниках над рацией, Таллок указал на Пирсона. — Сэр, они связались с командованием!

Через десять минут, когда Пирсон прошел мимо мемориала по пути на передовой наблюдательный пункт, американскому капитану удалось подняться и встать на колени. С запястьями, связанными на уровне груди, казалось, будто он молится перед неким разрушенным придорожным алтарем. Раненый негр открыл глаза. Частое дыхание прорывалось сквозь запекшуюся

корку крови на его губах. Юный рядовой спал, привалившись к постаменту мемориала.

Связанными руками капитан указал на солдат, надевавших рюкзаки. Пирсон демонстративно его проигнорировал и собрался было идти дальше, но что-то в позе американца, а также их взаимная общность усталости и безнадежности заставили его остановиться.

— Мы выступаем.

Полузакрытыми глазами американец смотрел на свои запястья, как будто понимая всю тщетность своих усилий не дать ранам вскрыться.

— Не везет так не везет. Наверно, не мой день.

Кровь отлила от его лица, и оно как будто одеревенело.

Убедившись, что сержант Таллок следит за укладкой рации, Пирсон начал обход своих бойцов, ждавших с оружием на изготовку.

— Почему вы пришли к реке?

Капитан постучал связанными запястьями по мемориалу.

— Мы хотели посмотреть, можно ли его перевезти отсюда. В Мемориал Кеннеди.

— Кеннеди? — Пирсон обернулся и посмотрел на разбитую надпись на камне. Он смутно помнил о том, что мемориал в Раннимеде был

воздвигнут предыдущим британским правительством в честь убитого президента. В дружеском, едва ли не сентиментальном жесте американскому народу был передан акр английской земли, с которого открывался вид на остров Хартии вольностей. На открытии мемориала присутствовала вдова президента.

Американец ощупывал разбитую надпись. Сняв фуражку, он намочил ее в луже грязной, в масляных пятнах воды рядом с постаментом и принялся чистить ею мемориал, соскребая с него грязь. Пирсон же зашагал сквозь деревья к наблюдательному посту.

Когда Пирсон вскоре вернулся, пленный американец все еще чистил мемориал связанными руками. Из-под слоя грязи стали видны более ранние надругательства — сделанные машинным маслом надписи, нацарапанные штыками лозунги. Был среди них и такой — «Остановите зверства Америки во Вьетнаме!», столь же старый, как и сам монумент. Пирсон вспомнил, что мемориал регулярно оскверняли с самого его открытия, он был излюбленной мишенью вандалов и агитаторов.

— Майор, мы готовы выступать, сэр! — впервые за день энергично отсалютовал Таллок. Амери-

канец все еще отскребал каменную поверхность. Ему удалось очистить по крайней мере, половину.

Передовой взвод двинулся вниз по склону. Наконец капитан выронил фуражку и сел. Пирсон дал знак сержанту Таллоку.

— Окей, Чарли, живо поднимай задницу!

Таллок достал свой «кольт». Мимо него прошел замыкающий взвод. Глаза всех солдат были устремлены на просветы между деревьями. На пленных никто не обратил внимания.

Американец встал и, почти не открывая глаз, перешел к двум другим пленным, лежащим за мемориалом. Он уже начал садиться, когда к нему сзади шагнул Таллок и выстрелил ему в голову. Пленный упал на спящего рядового. Сержант одной ногой удержал тело. Как опытный фермер, стригущий овцу, он пристрелил двух остальных, удерживая их, когда они попытались сопротивляться. Теперь возле мемориала лежали все трое. По их ногам текла кровь. В слабых лучах солнца подсохший камень над ними становился светло-серым.

* * *

Через двадцать минут, когда они начали наступление на лугу, он уже был почти белым. В пятидесяти ярдах от берега их встретил смертоносный огонь со стороны засевших в лесу американцев. На глазах у Пирсона подстреленный Таллок упал в залитую водой траву. Сам он едва успел крикнуть капралу Бенсону, чтобы тот укрылся. За его спиной на фоне зеленых деревьев маячил белый прямоугольник мемориала. Светлый и отчетливый, не то что ранним утром. Лежа в свои последние мгновения в неглубокой воронке, Пирсон подумал о том, не была ли чистка мемориала условным сигналом, который наблюдавшие за противником американцы смогли верно истолковать. Выходит, капитан ловко использовал его в своих целях?

Вокруг него в сырую траву падали минометные снаряды. Пирсон встал и, дав знак молодому лейтенанту следовать за ним, бросился вперед, к покореженному бронетранспортеру. Через десяток шагов он был убит и упал в грязную, в маслянистых пятнах, воду.

1967

The Killing Grounds. Первая публикация в журнале New Worlds, март 1969.

Время и место умереть
Перевод А. Бушуева, Т. Бушуевой

Наведя на цель дробовики, два человека замерли в ожидании на берегу реки. С противоположного берега в четырехстах ярдах от них через пространство светлой весенней воды громкие удары в гонги и барабанная дробь отскакивали эхом от металлических крыш опустевшего города. Над деревьями с треском взлетали фейерверки, из орудийных стволов танков и бронетранспортеров вырывались вспышки розового пламени.

Все утро эта несуразная пара — Мэннок, отставной и теперь слегка эксцентричный начальник полиции, и его вынужденный помощник Форбис, страдающий от базедовой болезни торговец подержанными автомобилями, — наблюдали за бурной деятельностью противника на другом берегу. Вскоре после восьми часов, когда Мэннок проезжал по пустому городу, на сцене появились первые участники действа. На берегу реки были припаркованы четыре разведывательных грузовика, привезшие взвод солдат в коричневых ватниках.

Офицер на несколько секунд навел на Мэннока бинокль, после чего принялся разглядывать город. Через час головной саперный батальон занял позиции возле заминированного железнодорожного моста. В полдень прибыла целиком вся дивизия. Преодолев близлежащие поля, на берегу реки остановилась запыленная кавалькада самоходных орудий, тягачей с танками и полевых кухонь. После них прибыло подразделение пехоты, а с ним обслуга из числа гражданских лиц. Последние тащили деревянные повозки и били в гонги.

Ранее этим утром Мэннок поднялся на водонапорную башню на ферме своего брата. Раскинувшееся внизу пространство до самых гор на расстоянии десяти миль отсюда пересекали десятки моторизованных колонн. Большая их часть двигалась наугад, добрую половину времени движения ослепленная дорожной пылью, которую они сами же и поднимали. Подобно наступающей орде муравьев, они, совершенно не обращая внимания на город, ползли через брошенные фермерские земли, двигаясь курсом на пустой зерновой элеватор.

После полудня все части этой огромной полевой армии достигли реки. Если Мэннок ранее и

питал надежды, что эти полчища куда-нибудь свернут и исчезнут за горизонтом, то теперь надежды эти окончательно испарились. Было невозможно предсказать, когда именно они начнут переправу на другой берег. Пока они с Форбисом вели наблюдение, у них на глазах было разбито несколько гигантских лагерей. Ряды складных хижин образовывали квадраты казарм, взводы солдат отрабатывали в пыли строевой шаг, соперничающие между собой гражданские — предположительно, политический состав — маршировали и скандировали лозунги.

В воздух поднимался дым сотен полевых кухонь, закрывая Мэнноку вид на голубые горы, служившие своего рода задником для речной долины в течение всех двадцати лет, которые он провел в этих местах. На берегу застыли вереницы камуфлированных грузовиков и вездеходов-амфибий, но никаких признаков предстоящего форсирования реки по-прежнему не наблюдалось. Танковые экипажи расхаживали по дощатому настилу, пуская фейерверки и воздушных змеев с начертанными на их хвостах лозунгами. Отовсюду раздавалась непрерывная барабанная дробь и удары гонгов.

— Да их там целый миллион! Они будут весь год

переправляться на этот берег! — Разочарованный Форбис опустил дробовик на мешки с песком.

— Пока их ничто не остановило, — возразил Мэннок и указал на колонну грузовиков, тащивших за собой по заполненному людьми плацу флотилию деревянных десантных судов. — Сампаны. Жутко смотрятся, правда?

Пока Форбис пристально вглядывался в другой берег, Мэннок смотрел на него едва ли не с отвращением. Оно овладевало им каждый раз, стоило подумать, кого он выбрал себе в последние напарники. Форбис, тощий язвительный тип с выпученными глазами, был одним из немногих, кого Мэннок инстинктивно терпеть не мог всю свою жизнь. Последние несколько дней, проведенные в опустевшем городе, подтвердили все его предубеждения.

Вчера, после того как они целый час разъезжали по городу, стреляя в бродячих собак, Форбис привез Мэннока к себе домой, где с гордостью продемонстрировал свой внушительный домашний арсенал. Утомленный показом оружия, Мэннок забрел в столовую, где обнаружил лишь стол, на котором, словно на алтаре, были выложены десятки журналов крайне правого толка, листовки, пропитанные патологической ненавистью,

и прочая чушь, напечатанная на примитивном печатном станке.

Что же заставило Форбиса остаться в пустом городке, покинутом жителями? Откуда в нем появилось желание защищать эти несколько улиц, где его никто особо не жаловал и где он сам мало чего достиг? Безумный ген или странная вспышка патриотизма — нечто такое, что недалеко ушло от его вздорного характера. Мэннок посмотрел на другой берег: в воздухе над вереницей танков закрутилось гигантское карнавальное огненное колесо. Окутанный розовым дымом лагерь тотчас превратился в огромную праздничную площадку. На какой-то миг на Мэннока нахлынула волна надежды: вдруг эту гигантскую армию привели сюда мирные цели? Вдруг они сейчас решат уйти отсюда, погрузят на прицепы танки и исчезнут за горизонтом, уйдя на запад?

Когда же наступили сумерки, он отчетливо понял: ничего подобного не произойдет. Столетия ненависти и обид погнали этих людей через весь мир, и здесь, в этом городе, в речной долине, они, пусть частично, отомстят за все прежние унижения.

Так почему сам он решил остаться? Чего он ждал, лежа с дробовиком в руках, здесь, за эти-

ми бесполезными мешками с песком? Мэннок оглянулся на водонапорную башню в северо-западном углу земельных угодий его брата, долгие годы бывшую местной достопримечательностью. До самого последнего момента он намеревался уехать вместе со всеми членами семьи, помогал заправлять топливом баки машин, выпускал на свободу домашний скот. Закрыв в последний раз свой дом, он, когда начался великий исход, решил подождать, пока уляжется пыль. Затем поехал к реке и стоял под разрушенным пролетом моста, который при отступлении взорвали военные.

Шагая вдоль берега на юг, он чуть было не стал жертвой выпущенной Форбисом пули. Торговец подержанными машинами окопался на устроенном им же блокпосту и ждал там в одиночку появления первого врага. Мэннок попытался убедить его уехать вместе с остальными, однако, увещевая Форбиса, осознал, что взывает в первую очередь к самому себе. Понятно, почему его слова звучат так неубедительно.

В последующие дни, когда из-за горизонта, превращая небольшую долину в апокалиптический пейзаж, в их сторону двинулись клубы пыли, эти двое составили странный альянс. Форбис нетерпеливо наблюдал за Мэнноком, пока тот ходил

по пустым улицам, закрывая дверцы брошенных машин, парковал их рядом с тротуаром, закрывал окна домов и крышки мусорных баков. Следуя некой безумной логике, Форбис был убежден, что они вдвоем сумеют сдержать наступление огромной армии.

— Пусть всего на несколько часов, — заверял он Мэннока с гордостью в голосе, — но и этого будет достаточно.

Скорее, на несколько секунд, подумал Мэннок. Не сегодня так завтра произойдет короткая, но кровавая схватка. Одна автоматная очередь — и мы навечно успокоимся в пыли.

— Мэннок! — Форбис указал на берег в пятидесяти ярдах от насыпи моста. Трудовой взвод спускал на воду тяжелую металлическую плоскодонку. Его действия прикрывал стоявший сзади танк, вращая башней и изрыгая выхлоп дизельного топлива.

— Они наступают! — воскликнул Форбис и, юркнув за мешки с песком, нацелил на врага дробовик. — Ради бога, пригнитесь, Мэннок! — прикрикнул он на товарища по оружию.

Мэннок никак не отреагировал. Стоя во весь рост на огневой позиции, где был отлично виден со всех сторон, он наблюдал за тем, как на

воду сталкивают лодку. Пока два члена экипажа пытались завести мотор, взвод на носу лодки, работая веслами, выгреб к первому пилону моста. Других лодок пока не спускали. Как уже отметил Мэннок, никто вообще не смотрел на противоположный берег, хотя любой хороший стрелок мог легко убить его. А всего один 75-миллиметровый снаряд мог в два счета разнести в щепки их самих и огневую точку.

— Саперы, — сообщил он Форбису, — проверяют опоры моста. А может, хотят сначала перестроить его.

Недоверчиво посмотрев в бинокль, Форбис слегка расслабил сжимавшие дробовик пальцы. Его нижняя челюсть по-прежнему была агрессивно выпячена вперед. Посмотрев на него, Мэннок понял: Форбис и впрямь не боится того, что может с ними произойти. Он снова бросил взгляд на город. На миг его ослепила яркая вспышка — это открылась, поймав солнце, дверь второго этажа.

— Куда вы собрались? — Форбис подозрительно посмотрел на Мэннока. Похоже, он питал по его поводу серьезные сомнения. — Они могут прийти раньше, чем вы думаете.

— Они придут, когда сочтут нужным, а не когда мы думаем, — ответил Мэннок. — В данный

момент, похоже, они даже сами не знают. Я скоро вернусь.

Деревянной походкой он направился к машине, ни на минуту не забывая о том, что на фоне белого автомобиля его черная кожаная куртка служит идеальной мишенью. В любой момент с того берега может прилететь пуля, и тогда светлая краска обагрится частичками его сердца.

Он завел мотор и, осторожно развернув машину багажником к берегу, принялся в зеркало заднего обзора наблюдать за передвижениями на другом берегу. Между тем саперы в лодке как будто утратили интерес к мосту. Подобно группе туристов, они скользили по течению вдоль берега, глазея на танкистов, сидевших на корточках на башнях своих боевых машин. Над водой не смолкая разносились удары гонга.

В опустевшем городе эти звуки эхом отлетали от металлических крыш. Мэннок объехал железнодорожную станцию и автобусный парк, проверяя, не появились ли там беженцы с другого берега. Ни души. Переулки были забиты брошенными автомобилями. Разбитые магазинные витрины ощерились осколками стекла. Были видны упаковки стирального порошка и банки консервированного супа. На бензоколон-

ках распоротые шланги сочились последними струйками бензина, растекавшегося по грязному бетону.

Мэннок остановил машину в центре города. Здесь он вылез наружу и посмотрел на окна гостиницы и городской библиотеки. Каким-то акустическим чудом удары гонга сюда не долетали. Казалось, будто в городе царит ленивый, сонный полдень, как и десять лет назад.

Мэннок наклонился к заднему сиденью и достал бумажный сверток. Повозившись с сухой бечевкой, он наконец развязал древний узелок, развернул бумагу и извлек выцветший форменный мундир.

Копаясь в карманах в поисках сигаретной пачки, Мэннок разглядывал потертые галуны. Он заранее задумал этот скромный жест, бессмысленное проявление сентиментальности. Он понимал это как личное прощание с самим собой и городом, однако потускневшие металлические значки имели такое же отношение к реальности, как и ржавый колпак колеса, валявшийся в сточной канаве в нескольких ярдах от него. Перебросив мундир через согнутую левую руку, Мэннок открыл дверцу машины.

Увы, прежде чем он бросил мундир на сиденье

автомобиля, над площадью грохнул ружейный выстрел, многократным эхом отразившись от стен домов. Упав на одно колено позади машины, Мэннок пригнулся как можно ниже, чтобы его не было видно из окон четвертого этажа отеля. Оставив звездочку в стекле со стороны пассажирского сиденья, пуля рикошетом отскочила от приборной доски, сделав отметину на руле, после чего вылетела через окно рядом с сиденьем водителя.

Как только все стихло, Мэннок услышал легкий топот резиновых сапог. Кто-то худой и невысокого роста сбегал вниз по пожарной лестнице позади здания. Мэннок посмотрел вверх. Высоко над городом на мачте отеля развевался незнакомый флаг. Похоже, первые снайперы переправились сюда с другого берега. Чувствуя, как учащается пульс, Мэннок вытащил из-под автомобильного сиденья дробовик.

Спустя минут пять он притаился в переулке за супермаркетом, когда мимо него пробежал какой-то человек. Когда же человек этот упал в гравий, Мэннок встал над ним, нацелив дробовик ему прямо в лицо. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть желтолицего юношу в ватнике.

— Форбис?!

С трудом хватая ртом воздух, торговец подер-

жанными машинами поднялся на колени. Он посмотрел на кровь на своих руках, затем на Мэннока и ствол дробовика.

— Что за игры вы, черт побери, затеяли? — устало спросил он, одним ухом прислушиваясь к происходящему на другом берегу реки. — Этот выстрел… вы хотите, чтобы они пришли сюда?! — Он указал на полицейский мундир, который теперь был на Мэнноке, и печально покачал головой. — Мэннок, это вам не бал-маскарад…

Мэннок собрался было объяснить ему все, когда рядом хлопнула дверца автомобиля. Мотор универсала взревел, перекрывая визг шин. Когда они добежали до тротуара, автомобиль, сбив бампером кучу картонных коробок, уже выезжал с площади.

— Хэтэуэй! — крикнул Форбис. — Вы видели его? Это он, ваш снайпер, Мэннок!

Мэннок проводил машину взглядом, пока та, нырнув в переулок, не скрылась из вида.

— Хэтэуэй, — кисло повторил он, — и как это я не догадался! Он решил остаться и встретить своих товарищей.

После того как Форбис сорвал с мачты отеля флаг, они с Мэнноком вернулись к реке. Чувствуя себя неуютно в полицейском мундире, Мэннок

сидел, думая о Хэтэуэе, странном молодом человеке, вместе с которым он и Форбис составляли главный треугольник внутри их общества. Хэтэуэй — изгой, чья голова была набита плохо переваренными марксистскими лозунгами, обремененный занудливой женой, которая, устав жить в съемных квартирах, в один прекрасный день ушла от него, забрав с собой их маленького сына. Несостоявшийся политический активист, чьи горящие фанатизмом глаза были слишком безумны даже для ультралевой студенческой группы. Мелкий правонарушитель, арестованный за воровство в супермаркете. Правда, он вскоре убедил себя в том, что был жертвой капиталистического заговора.

Неудивительно, что одного вида старого полицейского мундира Мэннока ему оказалось достаточно.

Через час началось форсирование реки. Еще минуту назад Мэннок сидел на рельсовой шпале, образовывавшей заднюю стену огневой точки Форбиса, и наблюдал за бесконечной отработкой строевого шага на другом берегу, слушая удары гонга и треск фейерверков. А уже в следующую минуту на воду были спущены десятки десантных судов. Следом за ними, держа над головой

узлы с обмундированием и боеприпасами, устремились тысячи солдат.

Казалось, будто все вокруг поднялось и, придя в движение, устремилось вперед. Где-то в полумиле от них, на противоположной стороне, в небо вздымались клубы пыли. Складные хижины и командные пункты разбирали и снимали с места. Неуклюжие подъемные краны переносили над деревьями секции понтонов. Барабанная дробь гремела на многие мили вдоль всего берега. По прикидкам Мэннока, реку форсировали не менее пятидесяти десантных судов. Каждое тащило за собой два-три танка-амфибии.

Одно такое деревянное судно двигалось прямо на них. На его палубе сидело на корточках более ста пехотинцев. На носу стоял тяжелый пулемет, ствол которого торчал из прорези в массивном металлическом щите. Пулеметчики сигналили рулевому.

Форбис стал прицеливаться, но Мэннок выбил прижатый к плечу дробовик.

— Отступаем! Ближе к городу! Здесь они нас мгновенно сомнут!

Пригибаясь почти к самой земле, они начали отходить от огневой точки. Когда первый десантный бот врезался в берег, они уже успели

укрыться в лесопосадке рядом с дорогой. Форбис со всех ног бросился вперед, к груде лежавших в кювете пятидесятигаллонных бочек, и принялся сооружать из них примитивную огневую позицию.

Мэннок наблюдал за ним под рев танковых моторов и удары гонгов. Когда Форбис закончил свое дело, Мэннок покачал головой. Указав усталой рукой на поля по обе стороны дороги, он прислонил свой дробовик к стенке кювета.

Насколько хватало глаз, к городу, закинув на плечо ремни винтовок и автоматов, направлялись сотни солдат. Берег реки был забит десантными ботами. Через реку был перекинут десяток понтонных мостов. Высадившись на берег, пехотинцы и саперы разгружали офицерские легковушки и легкие полевые орудия. Чуть дальше, на расстоянии полумили, первые солдаты двигались вдоль железнодорожного полотна в сторону города.

На глаза у Мэннока в их сторону строем шагала колонна пехотинцев. Когда они подошли ближе, он понял, что по меньшей мере половина из них — гражданские. У них не было ни оружия, ни патронташей, разве что красные книжечки в руках у женщин. На шестах, которые они держали

высоко над головой, были портреты партийных вождей и военачальников. Мимо колонны проложил себе путь и, неожиданно заглохнув, остановился у обочины мотоцикл с коляской, на котором был установлен легкий пулемет. Подбадривая себя криками, военные и гражданские совместными усилиями подтолкнули его. Затем с ликующими возгласами зашагали следом.

Когда мотоцикл подъехал ближе, Мэннок подумал, что сейчас по ним откроют огонь из пулемета. Форбис, нахмурившись над прицелом, скорчился за пустой бочкой. Его выпученные глаза были похожи на сваренные вкрутую куриные яйца. Правый уголок его рта подергивался от тика, и казалось, будто он читает себе под нос молитву. Затем, словно осознав, что происходит, он неожиданно навел дробовик на мотоцикл, но тот, ревя мотором, объехал Мэннока и, набирая скорость, умчался в сторону города.

Мэннок повернулся и посмотрел ему вслед, но тут на него с разбега налетел какой-то пробегавший мимо человек. Мэннок схватил его за тощие плечи и помог ему удержаться на ногах. Он заглянул в знакомое землистое лицо и горящие глаза, которые в последний раз видел сквозь прутья решетки тюремной камеры.

— Хэтэуэй, вы сошли с ума…

Прежде чем Мэннок успел удержать его, тот рывком высвободился и со всех ног бросился к приближающейся колонне, шагавшей по пыльной дороге. Остановившись в нескольких шагах от первой пары солдат, он выкрикнул какое-то приветствие. Один из них, офицер, как решил Мэннок, поскольку ни у кого из них не было знаков различия, посмотрел на него, затем вытянул руку и оттолкнул в сторону. Еще мгновение, и Хэтэуэя поглотила масса бьющих в гонги и что-то скандирующих солдат. Натыкаясь то на одно плечо, то на другое, он потерял равновесие и упал. Однако сумел подняться и начал махать проходящим мимо него лицам, пытаясь привлечь их внимание.

Вскоре в поток человеческих тел угодил и сам Мэннок. Серо-коричневые форменные ватники, запыленные, все в пятнах пота, толкаясь, проходили мимо него, выдавливая его на обочину. Дробовик вылетел из рук Мэннока. Десятки маршрующих ног пинками отбрасывали его прочь, все дальше и дальше. Затем оружие кто-то поднял и швырнул в одну из многочисленных повозок, а Мэннока окружила группа молодых женщин. Глядя на него без всякого любопытства, они при-

нялись скандировать лозунги. Большинство из них были подростками, почти детьми, коротко стриженными и с серьезными, как у манекенов, лицами.

Осознав, что произошло, Мэннок оттащил Форбиса от кювета. Никто даже не пытался отнять у бывшего торговца машинами дробовик, и тот прижимал его к груди, как ребенка. Мэннок вырвал оружие у него из рук.

— Неужели вы не понимаете? — крикнул он. — Мы им не интересны! Мы им совсем не интересны!

1969

A Place and Time to Die. Первая публикация в журнале New Worlds, сентябрь–октябрь 1969.

Совокупность 80-х Путеводитель по сексуальным утехам образца 1980 года *Перевод Г. Шокина*

Во время их совместных вечеров в апартаментах…

Женская грудь: редукционная маммопластика. Уменьшение размера женской груди — это весьма серьезная задача для хирурга, особенно если требуется еще и сохранить возможность дотянуться до соска ртом. Следует уделить внимание множеству аспектов: возраст пациентки, степень визуального увеличения объема, «чистота» гипертрофии, наличие уплотнений и кист в структуре груди. По возможности лучше отказаться от манипуляций с сосудистой ножкой — оптимальным методом признана ампутация с транспозицией сосков на свободных лоскутах. В случае абнормальной пролиферации грудей у молодых пациенток может оказаться показанным уменьшение больших объемов тканей груди в два этапа. Следует всегда помнить, что у женщин

в возрасте после тридцати лет ткани груди способны проявлять весьма непредсказуемые и не самые желательные свойства.

…Вон[38] питал всевозрастающий интерес…

Позиционирование соска. Критически важным шагом перед операцией по редукционной маммопластике является тщательное определение области, предназначенной для оптимального обновленного размещения соска. Перед операцией с пациентки в сидячем положении снимают надлежащие мерки. Зафиксировав грудь одной рукой, ассистент чертит маркером линию от верхней части груди до соска. Новое положение должно размещаться как раз на этой черте, на удалении в 7,5 дюйма от надгрудинной впадины. Нужно удостовериться заранее, что соски разделяет между собой не более восьми дюймов. Совершается омовение всего дермиса грудной стенки водой и мылом; кожу сушат полотенцами, прошедшими обработку в стерилизаторе.

---

[38] Примечания: 38

Роберт Вон — один из центральных персонажей романа Дж. Г. Балларда «Крушение» (1973), безумный ученый и «проповедник автокатастроф», возводящий симфорофилию и дорожно-транспортный травматизм в некую форму пугающего искусства.

...к телу молодой женщины.

Возможно проведение данной операции при помощи только лишь скальпеля. Проводится вертикальный разрез от соска до субмаммарной складки, позволяющий отвернуть кожу груди по сторонам, как пару «лепестков». После этого «тело» груди подцепляют и раскладывают на деревянной подставке. Большим секционным ножом производится надрез сверху вниз, близко к соску. Сохраняемые ткани груди укладываются в требуемую конфигурацию; так проводится проба желательной формы. Особого внимания требуют швы — безыскусно наложенный шов способен спровоцировать чрезмерное латеральное уплощение соска. Далее кожные покровы плотно подгоняются под обновленную форму груди. Результат операции — поверхностно заживленная рана, соединяющая сосок в новом положении и инфрамаммарную складку; после остается только вывести сосок через новую апертуру на отмеченные линией вертикального шва позиции снаружи. Определив наиболее комфортное положение и наиболее валидный внешний вид соска, производят иссечение кожи по окружности. К этой иссеченной ткани и подшивается сосок.

Операция является продолжительной и нередко провоцирует послеоперационный шок.

Их половые акты были отмечены…

Окружающие сосок швы снимают через 7 дней. Грудь должна быть крепко прибинтована к грудной стенке косыночной повязкой, с сильным давлением, приложенным к нижней трети. Пройдет время, прежде чем орган достигнет финальных пропорций и формы. На бюстгальтере пациентки должен наличествовать глубокий вырез, рекомендуются чашечки свободного кроя. Субтотальная ампутация с трансплантацией соска показана при сильной пролиферации груди. Снятие швов и проведение последующих трансфигураций не должно быть чрезмерно скорым — рекомендуется выдержать паузу минимум в 6 месяцев.

…нежностью едва ли не серафической…

Улучшающая маммопластика продемонстрировала хорошие результаты как средство для послабления хронической тревоги, каковую провоцирует у многих женщин сплюснутая или асимметричная форма груди. Пока пациентка

покоится на животе, на левой и правой ягодицах намечают два эллиптических разреза, вверх от ягодичной складки. Оба эллипса должны быть 3 дюйма шириной и 7–8 дюймов длиной. Затем удаляется большой клиновидный участок кожи с подкожным жировым слоем. Рана закрывается в два слоя; показан дренаж. Пациентку затем переворачивают на спину; груди тщательно очищаются и обтираются полотенцами. Разрез по инфрамаммарной складке осуществляется с каждой стороны, вплоть до глубоко залегающих под грудью мышц. Жировые лоскуты с ягодиц помещаются под давлением в раны так, чтобы дермальная поверхность была обращена наружу. Затем разрез закрывается узловыми швами.

...пассажами прикосновений и ощущений...

Обнаружение влагалища. Чем больше проводится взаимодействий с различными типами влагалищ, тем труднее определиться. Значит, уместно ограничиться технической проблемой исследования и обнаружения влагалища, если таковое присутствует. Опыт подсказывает, что там, где ищется влагалище, может потребоваться лапаротомия. Если один ассистент работает со стороны брюшной полости, а другой — от прямой

кишки, то они могут содействовать друг другу, особенно при затруднениях в обнаружении влагалища, нередко отсутствующего.

...столь же безмятежных, как проседающие песчаные барханы.

Известно множество оригинальных попыток «построить» влагалище из петли кишечника — или с использованием лоскутов, взятых с внутренней поверхности бедра. В целом техника кожно-эпидермального протезирования зарекомендовала себя как наиболее результативная и надежная. Ключевым моментом операции является подготовка пустого протеза из плексигласа или эбонита, размерами 5 на 2,5 дюйма, близкого по форме к эрегированному пенису, с трубкой оптимальной ширины по всей длине. Пациентку располагают в литотомической позиции, и с одного бедра вырезают тонкий лоскут, достаточный для обертывания вокруг протеза. Затем в промежности производится поперечный разрез, открывающий зону между мочевым пузырем и прямой кишкой, пока не сформируется проход протезного доступа. Формирование прохода требует большой осторожности; травмы прямой кишки и уретры недопустимы.

В области интроитуса определяется кольцевидный рубец, болезненный при тракции — для отвода естественных выделений. По окончании операции следует тщательно убедиться в том, что протез надежно закреплен и не отторгается.

Движение автотранспорта по эстакаде снаружи…

Период приживления протеза пациенткой зависит от приживления лоскутов, в силу чего значительно варьируется. При хорошем приживлении контрактура лоскута равномерна по всей окружности протеза, тенденция к экструзии незначительна. Даже в этом случае трудно убедить пациентку сохранять протез дольше трех месяцев. После принятия решения о депротезировании проводится разъединение сращенных лабиальных тканей у основания протеза и полная очистка новой полости. Метод подразумевает несосудистый анастомоз, так что риск застойных явлений очень низок, хоть и ситуацию подчас трудно контролировать. Единственный надежный способ контроля — физиологическая активность и регулярные совокупления, хотя данная опция часто воспринимается пациенткой как неподходящая, травмирующая, малоэффек-

тивная. Неизвестны долгосрочные результаты процедуры и их влияние на формирование сексуальных фантазий.

...лучилось изысканным, не подверженным гибели эротизмом.

Гипоспадия пениса: перед тем как для данной группы случаев будут реализованы любые попытки реконструкции, требуется уделить тщательное внимание определению пола пациента. Зачастую пенис гораздо более напоминает клитор или, даже будучи крупным, надежно закрыт крайней плотью, искривлен. Мошонка обыкновенно расщеплена, в подавляющем большинстве случаев — пустует. Процедура выпрямления пениса должна проводиться всегда, перед любой попыткой реконструкции канала, и может в ряде случаев сопровождаться меатотомией. У этой операции не всегда оптимальны эстетические последствия; возможна пролиферация тканей на дистальном конце пениса — они приобретают форму «крылышек» по обе стороны от ствола. По меньшей мере 6 месяцев должны пройти для преодоления пациентом страха перед повторным хирургическим вмешательством. Вышеописанные неэстетичные образования вполне подлежат

резекции, после которой орган приобретает более правильную форму.

Личная хирургическая практика подсказывает: кожа всегда в избытке.

1969

Coitus 80. Первая публикация в журнале New Worlds, январь 1970.

Путешествие через кратер
Перевод Г. Шокина

Начало: место крушения

Первое ощущение после возвращения в мир бодрствующих и истинно чувствующих — асфальт, мокрый асфальт, царапины от его зазубрин на лице и запястьях. Больно.

В истощенном свете ранней непогоды четырехугольная дорожная развязка, нависшая над ним, исполненная парапетов, прилегающих друг к другу под неожиданными углами, виделась небывалостью, частью двусмысленной декорации.

Чувствуя, как вымоченная ткань скафандра льнет к его телу, он поднялся на насыпь. Отсюда, с этой неожиданной высоты, недостроенные сегменты автодороги складывались в разбитое целое будущей модели лунного кратера.

На обочине была припаркована пустая машина. Повозившись с открытием дверцы, он проник в салон и сел за руль. Руки заскользили по выпуклостям приборной доски, абсолютно неизведанной панели управления абсолютно

неизведанным устройством, кое-как считывая с нее неуместно конфигурированные брайлевские словеса. Когда они нашли верньер и чувственно выкрутили его, радио вознесло свои постнатальные вопли во влажный воздух, и молодая женщина, стоявшая, облокотившись о балюстраду в пятидесяти ярдах от него, встревоженно оглянулась и побежала навстречу машине. Все то время, пока он блаженно внимал новостям, ее по-детски кукольное личико все мельтешило где-то там, прямо за лобовым стеклом. Отрывистые фрагменты репортажа о катастрофическом приземлении неизвестного объекта из космоса звуковыми аналогами перекати-полей прокатывались по обнаженному бетону.

Входа нет

Ведя машину по бетонному усу главного шоссе, Кэтрин Остин украдкой поглядывала на своего попутчика, мужчину в изодранном серебристом комбинезоне на пассажирском сиденье. Его суровое лицо с синевой небритости то и дело оборачивалось к окну со скучающим выражением. Единственным фокусом интереса казалась приборная доска машины — он изучал ее клапаны и рычаги, словно абориген, завороженный

яркой игрушкой. Кем он был? Жертвой дорожно-транспортного происшествия? Или, быть может, выжившим после авиакатастрофы пассажиром самолета? Душевнобольным, эксцентричным извращенцем? Его появление она застала случайно — в пути ее настигла непогода, и она решила переждать самый пик шторма под эстакадой. Но что же именно произошло там? Зрение подвело ее в тот момент — мужчина появился из самого сердца вихря, как ниспровергнутый архангел.

Задумчиво опустив взгляд и закусив губу, она стала наблюдать за его сильной рукой. Пытливые подушечки пальцев прохаживались, надавливая то тут, то там, вверх и вниз по ее левому бедру.

Гончие преисподней

Сквозь окуляры бинокля Кестер наблюдал за чернеющими в огне остовами из стали в самом центре стадиона. Вечерний бриз сносил прочь клубы дыма, искусственно-черного; толпа зрителей мельчала. Лица присутствовавших были землистыми и щербато-угловатыми — будто изукрашенные вмятинами, последствиями столкновений с незримыми адскими экипажами. Кестер перевел взгляд на забинтованного мужчину, сидящего на скамейке для шоферов.

Когда наступил кульминационный момент перформанса, этой театрализованной дорожной аварии, он догадался, что мужчина был одним из водителей, исполняющих пленительные роли жертв автокатастроф. Все верно, ведь он, похоже, едва ли осознавал противоестественные столкновения, творившиеся снова и снова, в замкнутом на самом себе лимбе, в нескольких ярдах впереди него. Взгляд его, миновавший пустые пивные жестянки и автомобильные покрышки, был холодным и пустым.

Брезгливо пожав плечами, Кестер отдал бинокль маленькому мальчику, нетерпеливо топтавшемуся за его спиной. Встав, он стал продвигаться по пустой арене, вытирая влажные ладони о замшевый с кожаными вставками чехол, облепивший корпус фотокамеры.

Эвакуация экипажа

Они обходили аэродром по периметру, стараясь не наступать на мотки колючей проволоки с запутавшимися зелеными клочками травы. Кестер протянул руку и указал на раскрошенную скорлупу разбившегося черного вертолета.

— Как видите, срок аренды аэродрома истек в прошлом году.

Он ждал какого-нибудь внятного ответа от мужчины в изорванном серебристом комбинезоне, но тот, все еще молча, вернулся к привезшей его машине.

— А если не секрет, — окликнул его Кестер, — какие воздушные суда вы собрались тут сажать вообще?

Мужчина пристально и пристрастно разглядывал свое отражение в окне автомобиля, словно восстанавливая в памяти собственную идентичность. Вот только лобовое стекло, исчерченное струйками дождя, исказило черты его выразительного лица до неузнаваемости, преобразовав в диспропорциональную личину, в отечную маску из папье-маше, будто вышедшую из-под рук умалишенного приверженца поп-арта.

Его налитые кровью глаза бездумно обшарили Кестера. Он отвернулся и оглядел небо от горизонта до горизонта, будто выжидая миг, когда армада военизированных «шаттлов» грандиозно объявится и запросит посадку где-то в этих окрестностях.

Кестер привалился к капоту машины, отмечая большую примитивную силу крупных рук и плеч спутника. За последний час он намеренно разговаривал с ним на бессмысленном летном

жаргоне, но мужчина в изорванном серебристом комбинезоне, казалось, способен был понять его бред. Все вокруг него являло собой элемент пазла. Взять хотя бы вот что: на переднем сиденье машины лежала пачка рекламных буклетов для нового терминала аэропорта, чей абстрактный дизайн заставлял думать о никак не встающей на место части китайской головоломки; полусферические формы новой постройки в последнее время стали все чаще мелькать на рекламных щитах вдоль наиболее загруженных автострад.

Многоканальность

Дрожащий свет проникал сквозь стены пустых баков аквариума вокруг них. Глядя на этот лабиринт осклизлых стекол, Кэтрин Остин чувствовала на своем локте его жесткие пальцы. Совсем недавно они распрощались с Кестером. Теперь же он становился все более и более нервозно-озабоченным, вышагивая с ней на буксире между аквариумной пустотой пустыря, освещенного вспыхивающими искристыми прожекторами на высоких бетонных мачтах, и кирпичными стенами травматологического отделения больницы, подсвеченными медовым сиянием редких окон. Зачем он повсеместно арендовал эти пустынные

загородные земли? Со стороны это выглядело так, будто он подготавливал посадочные площадки для каких-то неведомых кораблей.

Она споткнулась о моток резинового шнура и схватилась за ушибленную ногу, пока он вглядывался в потемневшую воду в баках. Перебивка: фрагменты квантифицированной утробы, точки вхождения в каналы-форамины[39] памяти и желания.

Комплекс нутриентов

Она сидела перед туалетным столиком, слушая, как по радио передают репортаж о погибшей космической капсуле. Она взглянула в зеркало и непроизвольно сложила руки на маленьких грудях. Он пристально смотрел на нее с почти клинической отстраненностью, будто снимая мерки с ее брюшной области и ягодиц для очередного нового извращения. Всю неделю, когда они лежали в кровати в арендованной квартире, акты их совокуплений становились все более абстрактными. Странный опыт поначалу отталкивал ее, но теперь она осознала его истинную

[39] Примечания: 39

Foramina — отверстие, канал или проход, особенно в кости. Например, межпозвоночные промежутки в анатомии называются фораминами.

суть: те акты были подобны *мостам,* и по ним ее гость надеялся совершить побег. Она выключила радио, когда закончился выпуск новостей. Стараясь не вздрагивать, она ждала, пока его сильные руки скользили по ее телу.

Неопознанный летающий объект

Выехав к побережью, доктор Натан указал Кестеру на отмель в устье реки:

— Космический корабль распался на части уже при снижении. Вполне вероятно, что пилоту удалось спастись. Разумеется, одному небу ведомо, какие метаморфозы претерпел его рассудок в последние минуты. Вспомните об отчетах русского космонавта Ильюшина, впоследствии сошедшего с ума.

Доктор остановил машину на заболоченной пристани. Они вышли наружу и зашагали по мокрому песку в сторону развалин. Натан наклонился, чтобы поднять раздавленного моллюска.

— Если основательно задуматься на эту тему, мы ничтожно мало знаем о реальных последствиях этой катастрофы в космосе. О последствиях, которые затрагивают напрямую нас, я имею в виду. Можно рассматривать эту катастрофу как тайное событие, покрытое слоем информационной ми-

микрии и выраженное через неправильные углы ступенек, провальные рекламные кампании, неудовлетворительные сексуальные отношения, изломы арифметики повседневной жизни. Вы ведь сами сказали — эта неделька выдалась во многих отношениях странной… но все-таки, кто тот парень, которого вы все время преследуете?

Физика частиц

Кестер сидел на краешке стула и наблюдал за парасоревнованиями спортсменов в инвалидных колясках, кружащих по баскетбольной площадке. В его памяти ожил случай двухгодичной давности. Тогда, возвращаясь вечером домой, он увидел распавшийся при посадке «Космос–253». Полминуты небо светилось сотнями пылающих обломков — будто целый воздушный флот был охвачен огнем.

Когда раздались аплодисменты, Кестер поднялся со своего места и заспешил прочь, пробираясь сквозь толпу зрителей и игроков.

Человек в изодранном серебристом комбинезоне быстро выкатывал к выходу одного из инвалидов, сбитого с толку. Интересно, что он делал здесь, в госпитале для летчиков-калек?

Связь через связь

Сквозь пелену дождя за окном можно было различить летное поле и краешек пляжа. Лавируя между теннисными столами, доктор Натан пересек спортзал и открыл дверь в запущенную оранжерею.

«Машина», которую описал ему Кестер, лежала на стеклянном столике, снесенные сюда мониторы заключали ее в жертвенный круг. Доктор бегло просмотрел список предлагаемых программ, вздохнул и выглянул в окно.

Одинокая фигурка брела вдоль пляжа, а дождь все не переставал. Вернувшись в коридор, Натан пригласил Кэтрин Остин. Пока она нервно просматривала набор программ — как если бы выискивала в них следы былой привязанности, — он курил и ждал.

Вязатели узлов

Данные, которые были выведены на мониторы для учета доктора Натана:

Screen 1: фотография недостроенной четырехугольной дорожной развязки; бетонные эстакады

даны в поперечном разрезе и обозначены одним словом: *crater*.

Screen 2: репродукция картины Сальвадора Дали «Мадонна Порт-Льигата».

Screen 3: 500 воображаемых отчетов о вскрытии жертв первого в истории крушения самолета марки «Боинг–747».

Screen 4: ряд зарисовок, изображающих сеть коридоров психиатрической лечебницы Белмонт.

Screen 5: «маски смерти» на лицах Армстронга и Олдрина со снимка, сделаного во время очередной «космической» пресс-конференции.

Screen 6: таблица исследования кислотности воды в отстойниках муниципального водоснабжения в Стейнс-Тауне.

Screen 7: терминальная фонограмма голоса неизвестного самоубийцы, сделанная им самим.

Screen 8: рекламный буклет нового полусферического терминала аэропорта.

Космическая платформа

Доктор Натан сочувственно взглянул на молодую женщину.

— Быть может, эта постройка — овеществленное признание в любви к вам, Кэтрин. На более прозаическом уровне они, кажется, пред-

ставляют собой компоненты некоего странного космического корабля. Здесь транспорт, несравненно более мощный, чем любой имеющийся в распоряжении современной науки, — позволяющий преодолевать огромные расстояния во всех смыслах, начиная от простого прямого и заканчивая всевозможными метафорическими. Нашим энтузиастам космоса такое и не снилось. — Доктор Натан указал на одинокую фигуру человека, до сих пор исследующего пляж, чей скафандр промок под дождем насквозь. На песке была выстроена путаная конструкция из прибившихся к берегу деревяшек и натянутых на ржавые обрезки труб рыболовных сетей.

— Я полагаю, — произнес доктор, — что с помощью таких конструкций он собирается вернуться туда, откуда прибыл. В космос.

Наблюдательный пост

При слабом освещении гостиничного номера она исследовала ящики туалетного столика. Ковер и постель были завалены газетными вырезками, рекламными брошюрами, обрывками страниц из учебника по геометрии. Оставив ящики в покое, она подняла с пола постер, рекламирующий новый фантастический фильм. Под

выпуклым стеклом шлема было *его* лицо.

Неужели он на самом деле снимался в этом фильме? Или это была просто очередная из его странных выходок? Его личность, казалось, затрагивала все сущее под косым углом. Даже их связь была отмечена той же неясностью, неуловимостью смысла.

Все еще держа постер в руках, она подошла к окну и выглянула во двор. Скульптуры в садике отбрасывали длинные тени, и где-то там, в королевстве теней, он вышагивал по дну осушенного плавательного бассейна.

Отказы техники

Его внимание занимал осушенный плавательный бассейн — в плоскостях стен и пола образовалась темпоральная пробоина, делающая старт астрокапсулы невозможным.

Он также думал о груди Мэрилин Монро, потому что в растекшихся липоидах мертвой кинодивы ему виделись прямые истоки собственного падения и оправдание тому факту, что с Кэтрин Остин он так и не нашел общего языка.

Вмятина на стальном борту автомобиля нагляднейшим образом демонстрировала противоестественные структурные решения его собственного

кожного покрова, неизбывно дисгармоничные позы и жесты.

Все это были небольшие, но досадные отказы техники, и с ними надо было что-то делать.

Приманка

Он выжидал на бровке тротуара, пока служащие художественной галереи помогали молодой женщине-калеке выбраться из автомобиля. Они поставили хромированное сиденье на платформу с колесиками, и солнечный свет озарил изуродованные конечности. Женщина перехватила его взгляд, направленный в то место, где смыкаются ее ноги, и, кажется, поняла его. Лицо ее было суровым и очень бледным. Кестер прошептал в сторону:

— Я ведь знаю ее! Это Карен Новотна. Но ведь вы не будете…

Он оттолкнул Кестера и направился в галерею вслед за инвалидной коляской. Кожей он чувствовал давление солнечного света, экскрементально стекающего по тротуару.

Марафон

Весь день он кружил по городу, следуя по пятам

за белым автомобилем — с женщиной-инвалидом внутри. На перекрестках, подобравшись совсем близко, он разглядывал ее бесцветное лицо, изуродованное шрамом, рассекавшим щеку от виска до линии губ. Ее сильная рука ловко управлялась с переключением скоростей. Он преследовал ее от клиники до художественной галереи, пытаясь заметить малейшую перемену в ее холодном лице, и процесс переключения скоростей посредством правосторонней коробки передач виделся ему изысканно-возбуждающим.

Драйв-ин для жертв аварий

Стоя на балконе своих апартаментов, он наблюдал за женщиной через визир кинокамеры Кестера. Женщина в хромированной коляске ездила по садику, разбитому на крыше. Бывало, напудриваясь, она внезапно начинала корчиться и извиваться; казалось, ее внутренности вот-вот покинут тело, миновав кольцо ротового отверстия, ожесточенного судорогой.

Его особое внимание привлекали следующие действия:

— припудривание лица: ласкаемый мягкой пуховкой для пудры шрам по своей геометрии был похож на помятое автомобильное крыло — и

на резкие переходы отношений с Кэтрин Остин;

— мочеиспускание: положение увечного тела, поддерживаемого шкивами, вторило гротескным перспективам экспонатов музея Соломона Гуггенхейма и тончайше подмечало антагонистичную природу пространства и времени, столь тонко ощущаемую Кестером;

— самоудовлетворение: наблюдая за судорогой, растянувшей ее деформированный хребет, он вновь созерцал хромированные стойки панорамного ветрового стекла, обратную тягу выруливающего «Боинга».

Подслушанное

Он прислонился к исковерканному автомобилю, поставленному на постамент в центре галереи, и краем уха слушал ничего не значащий разговор:

— …Установленный на переднем бампере контакт включает камеру, предоставляя вам, таким образом, полную видеозапись столкновения. А если к тому же в аварию попадает какая-нибудь знаменитость, то пленку можно выгодно продать. И в конце концов, видеозапись, прокручиваемая назад, позволит вам увидеть собственную смерть *в режиме реального времени*…

Карен Новотна вкатила свое тело в галерею, ее лицо исказила недобрая гримаса. Он подошел к ней и дружески улыбнулся. Ее тело лучилось сильной — и небывало порочной — сексуальной энергией.

Векторы влечения

В гараже, рядом с плавательным бассейном, он исследовал внутренности белого автомобиля Карен и обнаружил следующие векторы влечения:

(1) хромированная педаль сцепления у правого квадранта рулевого колеса;

(2) черный кожаный поручень ниже дверного порога;

(3) панель стороннего управления тормозной педалью, вмонтированная в переднюю поверхность рулевой колонки;

(4) декоративная рукоятка в спинке кресла;

(5) войлочная поверхность пенопластовой спинки кресла;

(6) неистертая планка вмонтированной в пол педали сцепления;

(7) серебряная арматура педали сцепления;

(8) истертые металлические направляющие хромированных мостков для кресла;

(9) несимметричные отпечатки ягодиц и бедер на пенопластовом сиденье;

(10) отделанная продольная впадина для позвоночного крепления;

(11) кожаный хирургический клин на правом полушарии сиденья;

(12) отделанная коническая впадина для бандажа левого бедра;

(13) испачканный кожаный ободок мочеприемника;

(14) стальная воронка мочеприемника;

(15) покрытая трещинками плексигласовая крышка отделения для бумажных салфеток в приборной доске.

Молочная железа

Вместе с Карен Новотной он изучил множество грудей, выясняя пространственно-временные характеристики соска и розового кружка вокруг него. В белом автомобиле они кружили по улицам, рассматривая груди женщин — манекенов в витринах, молоденьких девушек, перезрелых матрон, мастэктомированных стюардесс. Мягкое брюшко нижнего грудного изгиба описывало восходящую траекторию полета самолета, стартующего ввысь с взлетной полосы аэродрома.

Небеса его ума были заполнены геометрией этих вездесущих невесомых полусфер. Держа на коленях блокнот, чьи страницы приютили сотни зарисовок и скетчей женских грудей, он одновременно наблюдал, как сильные руки Карен Новотны умело ведут автомобиль в лабиринте запруженных толпами улиц. Она доверилась ему с некоторой долей юмора:

— Между прочим: решение удалить мою собственную левую грудь было очень трудно принять. Но необходимо — из эстетических соображений. Ты мог бы использовать это в своей рекламной кампании? Кстати, а что ты рекламируешь?..

Снижение

В тусклом свете фюзеляж самолета казался корпусом громадного корабля. Стоя на крыше аэровокзала, Кестер разглядывал мокрую поверхность взлетно-посадочной полосы. Они прогуливались рука об руку, словно уединившиеся в парке любовники. Карен Новотна передвигалась кошмарными рывками. Кестер оперся локтями о перила и принялся изучать фотографии: секции стен, зоны ранений, элементы коммуникационной системы спутника, промежности,

пустынный пляж — что это? Жанры странного концептуального искусства? Или знаки очередной бессознательной попытки спастись?

Да, он был выброшен в мир, словно на необитаемый остров. В мир в той же степени враждебный и непонятный, что и какой-нибудь минеральный лес кисти Макса Эрнста.

Орбитальная система

Доктор Натан щелкнул диапроектором. Кэтрин Остин восседала в пассажирском кресле с измочаленной сигаретой в подрагивающих пальцах.

— То, что представляют собой эти якобы непристойные фотографии, есть ключевые моменты трагической психодрамы — по каким-то причинам предзаписанной. Кажется, мисс Новотна играет роль увечной искусительницы, разбитой мадам Дали. Можно расценивать эту драму еще и как своего рода пусковую установку…

Доктор Натан вышел из машины и пошел по краю эстакады. В сотне футов под ними на парапете насыпи стоял Кестер. На поручне, на уровне его груди, покоилась камера.

Перерыв

Настала идиллическая эра, эра успокоения и абсолютного принятия, знойный полдень утопии. Они с Карен Новотной гуляли вместе, грезя близостью, бредя страстью. Они без цели курсировали среди пациентов в палисаднике психиатрической лечебницы и смеялись, глядя в их вымаранные, пустые лица — представляя их левретками на приеме у королевской четы. Они обнимали друг друга, а изогнутый балкон грязной террасы, где они стояли, видом своим напоминал ампутированную конечность. Безумцы таращились на их соитие.

Объявляется посадка

К дюнам они приехали в большом автомобиле с открытым верхом. Голубая вода текла по дну обмелевшего устья, бетонные разделители взрезали ее зеркальную поверхность. По бесплодной земле прыгали солнечные зайчики. Он помог Карен Новотне вылезти из салона. Яркий хром блестел у его пальцев, когда они касались ее запястий. Прокатывая ее кресло по зарослям выбеленной солнцем травы, он увидел Кестера, крадущегося

среди бетонных конструкций. Объектив камеры «Никон» хищно посверкивал на солнце.

Время

Он толкал хромированное кресло к виадуку, цепочка следов вилась за ним по незастывшему цементу. Бетонные колонны по обеим сторонам дороги поддерживали необъятные склепные своды. Он остановился в центре четырехугольной развязки, откуда ограждения напоминали уже знакомый ему плацдарм, и с силой оттолкнул Карен Новотну. Кресло поехало вниз, опрокинулось и сбросило женщину в жидкий цемент. Он смотрел на пылающий хром коляски; мерцая отполированными спицами, беспомощно вращались в последнем вальсе колеса. Остановившись в пятидесяти ярдах от них, Кестер встал на колено; застрекотал «Никон». Постепенно он сокращал расстояние между ними, пряча лицо за видоискателем. Он с трудом удерживал равновесие на неровной поверхности, из-за чего его походка была похожа на танец неисправного робота. Приближение Кестера являлось как бы декоративной пластиной из стекла с выгравированным титром; сам титр представлял собой пронзительный вопль Карен Новотны.

K-Line[40]

Увечья Карен Новотны были ключами к его свободе. Кодами, которые расшифровали несовершенные перспективы времени-пространства. Он взглянул вверх, в небо. Наконец-то оно распахнулось ему, сдергивая покровы с безмятежной голубизны его разума.

Кестер стоял в считаных шагах от него, все еще пряча лицо за камерой. Стрекотание пленки нарушало симметрию пейзажа, и с этим надо было что-то срочно сделать.

Исход

Переступив через ноги Кестера, он двинулся прочь от обоих тел. Из автомобиля, стоящего на виадуке, за ним наблюдали доктор Натан и Кэтрин Остин. Он пересек арену и исчез под аркой — оправдав наконец всю геометрию насилия и эротизма четырехугольной дорожной развязки.

---

[40] Примечания: 40

K-Line — однопроводная двунаправленная шина, предназначенная для связи между электронными блоками управления (ЭБУ) автомобиля и диагностическим оборудованием. Используется в системах с инжекторным впрыском топлива двигателей внутреннего сгорания.

1969

Journey Across a Crater. Первая публикация в журнале New Worlds, февраль 1970.

Скажите ветру «прощай»
Из цикла «Алые Пески»
Перевод О. Макеевой

Ночью, когда луна достигла своего пика, я снова услышал музыку, несущуюся из заброшенного ночного клуба, скрытого в глубоких дюнах Западной Лагуны. Эти пронзительные мелодии уже не впервые лишали меня покоя в моем особняке, возвышающемся над безмятежным пляжем. Не имея другого выбора, я решил спуститься с высоты балкона на мягкий песок и отправиться вдоль побережья в поисках источника звуков. В темноте мне приходилось мимоходом встречать бездомных, сидящих у кромки берега и слушающих музыку, источаемую певчими ядрами. Эти странники, одетые в пестрое рванье и напоминающие бледных клоунов под угасающим светом, словно надеялись на что-то необъяснимое.

Ночной клуб, пустой с момента ухода владельцев прошлым летом, теперь вздымался над песчаными волнами окружающих его дюн своими белыми стенами. Слабый свет потускневших букв неоновой вывески едва освещал

площадку бара под открытым небом, а музыка, доносящаяся со сцены — там был установлен проигрыватель, — принесла с собой дыхание забытого фокстрота. Среди столиков, утопающих в песке, плавно скользила женщина с волосами цвета кораллов. Ее мягкий голос тихо сливался с мелодией проигрывателя, а движения ее тела, украшенного драгоценностями, подчеркивали ритмы давно забытой музыкальной темы. Ее уставший взгляд, весь ее задумчивый облик, облик заблудившегося ребенка, заставил меня предположить, что она ходит во сне. Возможно, она прибыла сюда из какого-то секретного отеля; эти удивительные постройки тянулись вдоль берега длинной грядой.

Рядом со мной, у стойки заброшенного бара, из темноты внезапно появился один из бродяг. Его ободранные одежды висели на крепком теле, словно обрывки кожуры на гнилом фрукте. Мерцающий свет, падавший на волосатую грудь, иногда сверкал угольками в глазах этого человека, явно задурманенного каким-нибудь наркотиком, и периодически придавал его внешности вид умиротворенной ясности.

Когда танцующая в одиночестве дама в черном вечернем платье подошла к нам, он сделал шаг

вперед и схватил ее за руку. Они начали кружиться вместе, и ее рука с изысканными браслетами небрежно лежала на покрытом шрамами плече странника. Как только музыка затихла, она с безразличным выражением лица отошла от случайного партнера и грациозным движением скрылась во мраке между столиками.

Кто же была моя обворожительная соседка? Что позволяло ей бесстрашно скитаться по темноте и танцевать ночь за ночью с бродягами в заброшенном ночном заведении?

На следующий день я прогуливался по улицам Алых Песков, уставившись на виллы вдоль берега и надеясь увидеть загадочную ночную незнакомку. Однако пляж здесь посещали лишь поздние лентяи, еще не воспрянувшие ото сна и досыпающие свою норму под тканью навесов. Лето в Алых Песках было в самом разгаре: толпы отдыхающих заполняли кафе и лавки с сувенирами, где торговали поющими цветами и скульптурами. После нескольких недель курортных фестивалей, посвященных самым разным темам — от ветряной музыки до восточной кухни, — туристы поспешно избавлялись от своих покупок, выбрасывая их из окон машин, устремляющихся к безопасным улицам Ред-Бич.

Потому-то и мелькали перед моими глазами эти выброшенные цветы и скульптуры, покоящиеся среди крошечных песчаных холмов вокруг Алых Песков. Казалось, будто они были частью странной экосистемы острова, насыщенного загадочными звуками.

Пару лет назад я открыл магазинчик «Топлес-Газа», где продавал дизайнерский биотекстиль. Подойдя к арке около одиннадцати часов, у Прибрежной аллеи, я увидел уже собравшуюся толпу у витрины. Прохожих зачаровали удивительные узоры «Оп-Арт», менявшиеся прямо на их глазах и заставлявшие платья на витрине как будто оживать под лучами утреннего солнца. Мой коллега Джордж Конт, сдвинув на лоб глазную повязку в стиле ар-нуво, пристраивал на вешалку пляжное платье яркого цвета. Ткань была настолько капризной, что словно не хотела отпускать его, как невротичная вдова, цепляющаяся за своего возлюбленного. Джорджу пришлось даже схватить одежку за «запястье», с трудом натягивая ее на вешалку. После этого он быстро отпрыгнул в сторону, ускользнув от объятий ткани. Разгневанная одежда затрепетала рукавами в воздухе — вся ее материя пульсировала, как поток лавы.

Уже на входе в магазин я понял, что денек

предстоит не из простых. Обычно, приходя сюда, я застаю платья и пальто сонно мурлычущими на вешалках — ни дать ни взять сонм довольных котов, разлегшихся на ветках одного большого дерева. Но сегодня мой ассортимент что-то растревожило. Стойки с модельной одеждой буквально бурлили — их узоры переливались диссонирующими, мертвенными оттенками. Стоило тканям соприкоснуться, как они тут же отскакивали в разные стороны, будто резиновые мячики. Пляжная одежда была охвачена таким же возбуждением: парео и купальники вспыхивали неприятными глазу переливами, как если бы их сюда принесли с безумной выставки кинетического искусства.

Воздев руки к небу в жесте героического отчаяния, Джордж Конт направился ко мне. Его сверкающий костюм из яркой чесучи сверкал радугой в желтом тумане. Даже моя лиловая рубашка потеряла свое обычное спокойствие от его вида. Она стала растягиваться все больше и больше, швы начали размыкаться.

— Что случилось, Джордж? Почему такой шум и суета? — спросил я.

— Мистер Самсон, я отказываюсь от ответственности. Эта одежда — просто кошмар! С ней

невозможно вести дела! — ответил Джордж, осуждающе взирая на свой покрытый пятнами рукав. Он попытался очистить его от блеклых красок своей пухлой ладонью. Волнуемый нервной обстановкой, его костюм неистово колебался, то сжимаясь, то расширяясь. Ткань на груди Джорджа дрожала, словно больное сердце. Не в силах сдержать раздражение, мой помощник в ярости взял первое попавшееся модельное платье и решительно его потряс.

— Цыц! — гаркнул он тоном импресарио, усмиряющего непокорных хористок. — Это что у нас тут, высококлассный супермаркет или адская гулянка?!

На протяжении двух последних сезонов, когда Джордж был при мне, он всегда обращался к одежде и нарядам как к перчатке, которую надо аккуратно надеть на руку. С самыми дорогими и чувствительными материалами с богатой родословной он взаимодействовал с таким элегантным шармом, что мог бы снискать одобрение самой капризной королевы. На другом конце комнаты висели пляжные наряды с яркими опартовыми принтами. Он всегда подходил к ним с теплым отношением, точно к непоседливым деткам, снова и снова забегающим в магазин.

Мне часто приходило в голову, что, возможно, Джордж считает эти наряды и костюмы более живыми, чем даже наших клиентов. Я предполагал, что он видел в посетителях исключительно чековые книжки, существующие лишь для того, чтобы удовлетворять и развлекать изысканных созданий, которых он вынужден был на них надевать. Когда какая-то беззаботная или слишком развязная посетительница случайно примеряла не свой размер или, что еще хуже, не была наделена пропорциями Марлен Дитрих, она напрашивалась на весьма резкие ремарки со стороны Джорджа. Он энергично просил ее покинуть лавку и отправиться в магазины парка развлечений, где продают обычную одежду. Это было довольно смелое предложение, учитывая, что носить обычную одежду было непопулярно в любой среде, за исключением общества редких эксцентриков и бродяг. Впрочем, существовала еще одна форма обычной одежды — саван, но большинство предпочло бы скорее умереть, чем надеть подобное. Мрачное зрелище могильной флоры, пробивающейся из растрескавшейся земли на погостах, — потусторонний эквивалент показов новинок от Мэри Куант или Диор — быстро положило конец всем динамическим

разновидностям погребальных облачений, прославляя постулат: «Нагими мы являемся в этот мир, нагими из него уходим».

Увлеченность Джорджа гарантировала магазину успех и хорошую рекламу в престижнейших кругах, так что я охотно поощрял его забавную веру в личную индивидуальность каждого наряда. Его чуткие пальцы убеждали подол укоротиться за считаные секунды, а не за часы; втянуть вытачку или расширить ластовицу быстрее, чем клиентка успевала выписать чек. Особо экзотические наряды, пугавшиеся первого выхода в свет или встревоженные близостью липкой от выделений человеческой кожи, он успокаивал, разглаживая их на теле владельца, нежно похлопывая ткань на непривычных для материала контурах бедер и груди.

Однако сегодня все его обаяние и мастерство потерпели фиаско. Платья дрожали, охваченные тревогой, их узоры расплывались клочьями цветной мглы. Это было одним из проявлений их уникальной чувствительности. Созданные на основе генов глицинии и нежной мимозы, эти сплетенные нити сохраняют что-то от замечательной реакции виноградной лозы на атмосферные колебания или прикосновения.

Одежда способна за считаные секунды изменить и цвет, и текстуру — открыть декольте в присутствии нравящегося даме кавалера, стать строгим костюмом при случайной встрече с управляющим банка… Эта способность понимать настроение владельца объясняла головокружительную популярность тканей нового поколения. Одежда больше не создавалась из инертных нитей с застывшими красками и текстурами, плохо адаптирующимися к изменчивому человеческому эмоциональному состоянию, — живые структуры теперь активно приспосабливаются не только к форме, но и к индивидуальности своего обладателя. Одно из главных достоинств биотканей заключалось в том, что материал, питающийся выделениями кожи владельца, постоянно прирастает. При этом он испускает из своих пор восхитительные, непрерывно изменяющиеся ароматы. Его волокна неустанно обновляются, исправляя мелкие повреждения и не требуя стирки.

В то утро, обходя дозором магазин, я осознавал: нет плюсов без минусов. По непонятной случайности у нас осела в продаже очень уж капризная коллекция моделей. У ткани наблюдались случаи внезапной паники из-за громкого рева мотора

автомобиля. Однажды целая коллекция стильной одежды в несколько мгновений уничтожила сама себя в приступе безумного исступления. Вместо элегантных моделей у нас на руках осталось нечто, больше походившее на безобразную кучу изрядно подгоревших шляп.

Я уже думал порекомендовать Джорджу прикрыть лавочку на это утро, когда увидел, как в магазин зашла наша первая покупательница. Ее фигура была частично скрыта от моих глаз разнообразной пляжной одеждой, из-за которой можно было видеть только привлекательное лицо под шляпкой с белыми полями. У входа, на палящем солнце, ее ждал молодой водитель, со скучающим видом наблюдавший за прогуливающимися по улице туристами.

Изначально мне не понравилось, что богатая женщина появилась в самый неподходящий момент, когда наше изделие начало вести себя нервно. Меня все еще немного потряхивало при воспоминании о бикини, соскользнувшем к щиколоткам хозяйки аккурат тогда, когда она намеревалась спрыгнуть с вышки в бассейн отеля «Нептун». Я обратился к Джорджу с просьбой излить все свое обаяние и убедить даму покинуть нас как можно быстрее. Но Джордж оказался не в

своей тарелке. Как страдающий от близорукости жалкий развратник, подглядывающий за подростком-нимфеткой, он с прищуром уставился на вошедшую даму, весь подавшись вперед.

— Эй, Джордж! Прекрати путать меня! Ты с ней знаком? — зашипел я, пытаясь пробудить его от транса. Он обратил ко мне пустой, осоловелый взгляд.

— Прошу прощения?..

Его наряд словно превратился в шелк и отражал свет, как зеркало, — это было его обычное поведение, когда хозяин оказывался рядом с прекрасной женщиной.

— Рейн Чаннинг, — пробормотал Джордж.

— Кто-кто?

— Рейн Чаннинг, — повторил он. — Вы ее не помните, мистер Самсон. И никто не помнит.

Я пропустил Джорджа вперед; он двигался как Персиваль, стремящийся к своему священному Граалю. Конечно, я с ясностью вспоминал ее — знаменитую модель мирового уровня, воплощение вечной женственности. Вот только сладенькая внешность была результатом многочисленных хирургических вмешательств. Рейн Чаннинг была загадочным артефактом семидесятых годов, эпохи поклонения вечной

молодости. В то время зрелые актрисы обращались к пластической хирургии, чтобы подтянуть обвисшую кожу, избавиться от морщин. Но история Рейн была уникальна. Молодая модель, едва достигшая двадцати лет, отдала свое лицо хирургическому скальпелю, доверилась мастерству хирурга, чтобы возродить образ невинной подростковой красоты. Она многократно возвращалась на сцену операционного театра, уходя оттуда с закутанным в бинты лицом. Когда бинты снимались, она снова и снова подставляла свое лицо девочки-подростка под лучи прожекторов — лицо, застрявшее в прошлом. Вероятно, именно она — на свой мрачный манер — и поспособствовала гибели этого жестокого культа молодости. Со сцены она ушла уже много лет назад. Недавно я вспомнил, что несколькими месяцами ранее услышал о смерти ее партнера по бизнесу и доверенного лица Гэвина Кайзера, молодого искусного модельера, создателя моды на биотекстиль.

Даже сейчас Рейн, почти достигнув тридцатилетней отметки, сохранила детское личико — дикий коллаж подростковых черт. В ее взгляде отражались всполохи тех пожаров, что сгубили и Кэрол Лэндис, и Мэрилин Монро. Пока она тихо

беседовала с Джорджем, я осознал, что ее-то и видел танцующей с бродягой в пустом ночном клубе Западной Лагуны.

В то время, когда я приобрел лавку, здесь еще можно было найти старые журналы мод с целыми страницами, отведенными только под фотографии Рейн, с глазами раненой лани, поблескивавшими из-под повязки, закрывавшей ее только что воссозданные юные черты. Она же в платье последней модели, дефилирующая в биотканевой одежде в фешенебельном клубе. Она же — улыбающаяся Кайзеру, юнцу с физиономией красавца-гангстера. С многих точек зрения, связь между Рейн Чаннинг и этим молодым дарованием от мира мод на диво точно характеризовала эпоху разрушения старых устоев. Теперь же лицо Рейн было всего лишь отжившим свое реликтом, тенью на пороге забвения.

Тем не менее во время посещения моей лавочки эта перспектива наверняка представлялась ей достаточно отдаленной. Джордж был счастлив видеть ее. Наконец-то ему удалось повстречать в среде полного равенства одну из самых ярких звезд его юности. Не заботясь о наших взволнованных платьях, он раскрывал одну за другой витрины, демонстрировал содержимое шкафов.

Неожиданным и странным образом обстановка в лавке выровнялась. Платья теперь едва шевелились на плечиках, подобно послушным домашним птицам.

Я предоставил Джорджу время, чтобы насладиться воспоминаниями, потом подошел к ним.

— Вы подействовали на наши платья успокаивающе. Похоже, что они любят вас.

Она обернула вокруг шеи мех песца и потерлась о него щекой. Мех ласково обвил ее плечи, как будто заботливо укрыв их в уютном гнездышке.

— Надеюсь, что так и есть, — откликнулась она. — Знаете, всего несколько месяцев назад я испытывала отвращение к этим нарядам. Мечтала, чтобы все эти ткани исчезли, чтобы все, кто их носил, оказались обнаженными на улице. — Она громко засмеялась. — А теперь вот я полностью хочу обновить свой гардероб.

— Мы восхищены тем, что вы начали с нашего магазина, мисс Чаннинг. Вы задержитесь в Алых Песках надолго?

— На какое-то время. Раньше я уже была здесь, мистер Самсон. Но все вокруг меняется постоянно — вы не замечали? А к вам вот приятно возвращаться — тут все неизменно.

Мы прогуливались между рядов одежды. Время

от времени она легким прикосновением ласкала ткань своей белоснежной рукой подростка. Она распахнула плащ, и акустическое украшение — хрустальная роза, приютившаяся на груди, — издало мелодичную трель. Ее предплечья обвивали бархатные лозы. Казалось, что Рейн плывет в облаке живой пены, как современная молодая Венера.

Что же мне приглянулось в этой особе? На какой крючок удалось ей поймать меня? Глядя, как Джордж помогает ей подобрать эффектный вечерний наряд в нежных оттенках, пока другие предметы гардероба, разложенные на стульях кругом, мурлычут ей, я подумал, что Рейн Чаннинг и впрямь слишком уж напоминает ребенка — этакую Алису в Стране чудес моды. Каждое ее мимолетное прикосновение одаряло предметы особой жизнью. В памяти вновь ожил образ ее, танцующей с бродягой в заброшенном ночном клубе на окраине Западной Лагуны.

В то время как молодой водитель относил ее покупки к автомобилю, я обратился к ней:

— Я видел вас вчера вечером. В клубе рядом с пляжем.

Впервые она бросила на меня пробудившийся взгляд взрослого, странно контрастирующий с

молодостью лица.

— Я живу недалеко, — сказала она. — В доме на берегу песчаного озера. Там играла музыка и танцевали люди…

Когда шофер распахнул дверь автомобиля, я заметил, что сиденья были сплошь уставлены безделушками и безумно сверкающими драгоценностями.

Потом они уехали — двое взрослых, прикидывающихся детьми.

* * *

Через пару дней я снова услышал музыку, доносящуюся из клуба. Я только что устроился на веранде своего поместья, когда ночной воздух пронзило слабое звучание стальных дребезжащих нот. Я спустился на темнеющий пляж. Сегодня бродяг было не видать, и Рейн Чаннинг блуждала между столиками клуба одна. Подол ее белого платья вычерчивал на песке обделенные смыслом абстрактные узоры.

Поблизости в ожидании застыл дюноход. Рядом с ним дежурил юноша с обнаженным торсом, уперев руки в бедра. Термальные вихри вздымали рябь на песке у его ног; крепкие икры под штанинами шорт отчетливо белели в сумерках.

Широким лицом с перебитым, как у Микеланджело, носом он напоминал темного пляжного ангела. Он подождал, пока я не приблизился, затем двинулся вперед, пройдя перед самым моим носом настолько вплотную, что даже задел меня плечом. Его блестящая от пота спина отражала далекие огни Алых Песков все время, пока он пересекал дюны, направляясь к ночному клубу.

После этого странного рандеву я с чего-то вбил себе в голову, что Рейн Чаннинг исчезнет из моей жизни навсегда. Но на следующий день, когда я пришел к магазину, Джордж уже беспокойно бегал у дверей.

— Мистер Самсон, я пытался до вас дозвониться! С нами связалась секретарша мисс Чаннинг. Все ее покупки ведут себя неподобающе! Не сидят на фигуре, три платья распускают крой…

Я кое-как утешил его, затем пообщался с доверенным лицом Рейн — крайне нелюбезной француженкой. Она кратко сообщила мне, что два вечерних платья, одно коктейльное и три костюма — то есть все, что было приобретено в «Топлес-Газе», — «пошли в семя» по каким-то неясным причинам.

— Будьте в курсе, господин Самсон, я требую, чтобы вы немедленно явились к госпоже Чан-

нинг и либо заменили все ее покупки, либо возвратили их полную стоимость, шесть тысяч долларов! Другие варианты…

— Мадемуазель Фурнье, — отреагировал я решительно, собрав все остатки своего самолюбия, — никакого «другого варианта» не может быть.

Прежде чем я покинул магазин, Джордж бережно вынес мне цикламеновый спортивный костюм из певчей биоткани, пошитый на заказ для одного крайне состоятельного клиента.

— Чтобы поддержать вашу репутацию, да и мою тоже, мистер Самсон… в подобных случаях просто необходимо держать марку.

Костюм приник ко мне, точно невесомое кружево, змеиной кожей облепил меня, сам себя подгоняя под охват груди и бедер. Его краски сверкали и переливались, пока он изучал мое тело с должной осторожностью. Когда я вышел из бутика, чтобы сесть в автомобиль, люди оборачивались мне вслед, дивясь дорогой обновке.

Через пять минут после прибытия в резиденцию Рейн Чаннинг костюм притих и поник на моих плечах, точно раненый кот. В воздухе разлилось неприятное напряжение. Молодой шофер, приняв у меня машину, стартовал с места так

резко, что покрышки жалобно взвизгнули. Взгляд его ясных колких глаз неприятно резанул по мне напоследок.

Мадемуазель Фурнье встретила меня величественным кивком головы. Это была старая дева лет сорока с угловатым лицом. Она была одета в черное платье колдуньи, дергавшееся на ее костлявых плечах, словно какая-то суетливая птица.

— Весь гардероб погиб, мистер Самсон! И не только платья от вас, но и уникальные, бесценные модели, последний писк парижской моды. Мы тут буквально потеряли голову!

Я сделал все возможное, чтобы успокоить ее. Одна из опасностей, когда имеешь дело с биотканями, заключается в том, что они очень легко поддаются панике. Семейная склока, гневный возглас, даже грохот резко захлопнутой двери — все это способно спровоцировать самоуничтожение. Даже мой костюм заметно увял под мрачным взглядом мадемуазель Фурнье. Поднимаясь по ступенькам, я бегло приласкал взволнованный бархат занавесей. Они тут же вернулись на свое место, успокоенные.

— Может быть, их используют слишком редко? — предположил я. — Этим тканям нужен постоянный контакт с человеком.

Мадемуазель Фурнье бросила на меня странный ироничный взгляд. В этот момент мы вошли в комнату на верхнем этаже. Сквозь занавешенные шторами окна можно было разглядеть просторную террасу бледно-зеленого цвета. Ниже ее виднелась утопающая в мареве гладь песчаного озера.

Мадемуазель Фурнье указала мне на распахнутые дверцы гардероба, расположенного вдоль стен просторного помещения.

— Контакт с человеком? Вот именно, мистер Самсон.

По полкам и отделам гардероба будто прошелся безжалостный вихрь. Платья раскидало по всей комнате — одно свисало с каминной полки, парочка укрыла широкую софу на манер покрывала. Почти вся ткань была инертной, покоробленной, лишенной естественной живой окраски. Иные наряды покрылись безобразным ворсом и катышками — этим уже наверняка ничто не поможет; их оборки почернели, усохли и загнулись кверху, как засохшая банановая кожура. Два вечерних платья, брошенные на секретер, совершенно одичали и переплелись нитями. В платяных шкафах ряды вешалок с одеждой нервно дергались взад и вперед, и их краски трепетали, словно свет

обезумевших пульсаров.

После нескольких минут наблюдения за одеждой я почувствовал, что она с трудом, но все же начинает успокаиваться после эмоциональной встряски сегодняшнего утра.

— Кто-то сильно напугал их, — обратился я к мадемуазель Фурнье. — Неужели мисс Чаннинг не понимает, что с биотканями нельзя вести себя как капризная идиотка?!

Француженка резко схватила меня за руку.

— Мистер Самсон! У всех свои причуды. Постарайтесь сделать все, что в ваших силах. За труды вам заплатят безотлагательно, будьте спокойны.

После того как она ушла, я занялся платьями, висевшими неровными рядами. Мне пришлось снять с вешалок наиболее пострадавшие. Что до остальных, то я сперва постарался осторожно отделить их друг от друга — принялся ласково поглаживать ткань, пока наряды не расслабились и не успокоились.

Я уже приступил к осмотру шкафов в соседней комнате, когда открылось нечто удивительное и загадочное. В стенном шкафу, скрытом за двумя распахнутыми дверцами, я обнаружил множество платьев, выгоревших от времени и оставленных на вешалках погибать и вянуть

— этакие забытые жертвы прошлого. Даже самые живые из них еле-еле реагировали на свет. Особенно меня поразило, что все они принимали странные, искаженные формы, а их краски текли, будто ткань была иссечена. Это явственно свидетельствовало о таинственном раздоре, разыгравшемся между Рейн Чаннинг и еще кем-то, кто бы то ни был, прожившим рядом с ней не один год.

Мне вспомнилась одежда женщины, погибшей в автокатастрофе близ Алых Песков — и то, как ее одежды расползлись по покореженному стальному корпусу машины сетью диких адских вьюнков. Вспомнил обезумевший гардероб, возвращенный мне семьей богатой наследницы после ее самоубийства. Вспомнил историю об убийце, закутавшемся в плащ, снятый с его жертвы, — одежда, огорошенная смертью прежнего владельца, сама задушила злодея, воспроизведя предсмертные судороги.

Оставив эти неупокоенные останки роскоши чахнуть в мрачных недрах гардероба, я вернулся в первую комнату. Я развешивал последние дрожащие платья, когда за моей спиной отворилась дверь, выходящая на террасу. Рейн Чаннинг шагнула из солнца в тень. Сейчас на ней не было

привычных мехов — им на смену пришел раздельный купальник из биоткани. Желтые чаши бюстгальтера плотно облегали ее изящные формы, словно ласковые ладони. Несмотря на явные свидетельства утреннего бурного столкновения, она выглядела чинно и уравновешенно при осмотре уже успокоившихся обитателей своего гардероба. Ее юное личико как никогда остро напоминало маску — или хитроумный макияж, нанесенный на неприметные азиатские черты маньчжурской императрицы.

— Мистер Самсон! Они совсем утихли! Вы прямо как…

— Прямо как святой Франциск, приручающий птиц? — подсказал я, все еще раздраженный чрезвычайно грубым требованием прибыть в эту резиденцию в Западной Лагуне. Чтобы смягчить свою резкость, я указал рукой на закрытые шкафы в соседней комнате: — Простите за любопытство, но там у вас хранятся странные реликты!

Она подхватила мой пиджак и накинула его на свои голые плечи, изображая при этом приступ стеснительности. Надо сказать, что этот жест, несмотря на фальшь, выглядел просто очаровательно. Ткань сразу же прильнула к ее телу, словно огромный розовый цветок, лаская ей

плечи и грудь.

— Прошлое для меня — как мрачный лес, где вечно сверкают глаза демонов. Территория бедствия, где я извечно обречена купаться в страхах и комплексах. Я признаю, что вас сюда вызвали под ложным предлогом, мистер Самсон. С самого утра у меня все не ладится, а вы — мой единственный достойный доверия сосед.

Она подошла к окну и выглянула наружу, изучив взглядом песчаное озеро.

— Причины, привлекшие меня назад в Алые Пески, могут показаться безумными…

Сначала я слушал с недоверием, но затем что-то в ее поведении заставило меня поверить в ее искренность и забыть об осторожности. Я понял, что ее полуночный спутник, тот парень с дюнохода, и послужил причиной недавнего сокрушительного стресса.

Мы перешли на террасу, где устроились на складных стульях возле бара. После этого в течение нескольких часов, проведенных мной в этом доме без зеркал над цветным озером, она рассказывала мне о годах, прожитых с Кайзером. Она рассказала, как он нашел ее, когда она пела в ночном клубе под открытым небом в Западной Лагуне. Он сразу же приметил пятнадцатилет-

нюю красотку, олицетворявшую культ вечной молодости, и быстро сделал из нее свою лучшую модель для демонстрации одежды из создаваемых им биотканей. Четыре года спустя прошла ее первая операция на лице. В последующие годы таких операций было немало. После смерти Кайзера ей не оставалось ничего иного, кроме как возвратиться сюда, в Западную Лагуну — в эту виллу возле давно заброшенного ночного клуба.

— Я оставила немало кусочков себя во всех этих клиниках и частных хирургиях, и мне так хотелось надеяться, что хоть здесь я немного оправлюсь, восстановлюсь…

— Как умер Кайзер?

— От сердечного приступа — так мне сказали. Его охватили жуткие конвульсии, и выглядел он так, словно его искусала стая бешеных псов. Перед смертью он так впился ногтями себе в лицо, что… — Она побледнела и не нашла сил продолжить.

— Не было ли каких-нибудь подозрений… — нерешительно начал я.

Она судорожно вцепилась в мою руку.

— Гэвин совершенно растерял рассудок. Он желал, чтобы наши отношения оставались неизменными. Эти махинации, подтяжки… Он

стремился к тому, чтобы я вечно сохраняла облик пятнадцатилетней девушки не из-за модных тенденций — ему *требовалось*, чтобы я оставалась такой же, как в те дни, когда он влюбился в меня.

Не то чтобы мне были по-настоящему интересны причины возвращения Рейн Чаннинг в Западную Лагуну. Куда больший интерес пробуждала во мне она сама. Под вечер каждого дня я подъезжал к ее вилле, и мы устраивались под навесом у бара, наблюдая за переливами марева над песчаным озером. Она пересказывала мне свои сны — красной нитью через них пролегал ужас перед возрастом. Вечерами, когда в покинутом ночном клубе кто-то включал музыку, мы проходили через дюны и танцевали среди заметенных песком столиков.

Кто принес сюда проигрыватель и эту единственную пластинку без этикетки? Как-то раз, случайно обернувшись, я увидел парня с могучими плечами и перебитым носом, державшегося поодаль, возле застывшего в темноте дюнохода. Он пристально следил за тем, как мы с Рейн медленно проходим мимо, нежно обнявшись, — ее голова на моем плече. Она прислушивалась к мелодии своего акустического украшения, и ее

взгляд безразлично скользил по лицу наблюдавшего за нами красавца. Я нередко заставал его в середине дня. Наверное, это был кто-то из легиона отвергнутых Рейн поклонников, теперь с любопытством и даже, как мне показалось, с симпатией наблюдавший за своим более удачливым конкурентом. Музыка в ночном клубе, видимо, отражала его специфическое чувство юмора.

Однажды вечером, когда я завязал разговор с Рейн об этом незнакомце, она категорически заявила, что не имеет ни малейшего представления о нем и даже не может вспомнить, встречала ли его когда-либо. В ответ на мое предложение попросить его покинуть место, где мы находились, Рейн отрицательно покачала головой. Однако, несмотря на ее отказ, я не унимался:

— Он появился здесь не просто так. Что случилось между вами?

— Почему тебя это волнует? — холодно поинтересовалась Рейн.

Я понял, что дальше давить не стоит. Ее взгляд оставался пристальным, но я все равно расслабился на песке рядом с ней, позволяя солнечным бликам резвиться на моей коже.

Через несколько недель я снова встретил того парня. После полуночи я проснулся на террасе

виллы, услышав во сне знакомую мелодию, доносящуюся из клуба. Под террасой в тусклом свете промелькнул силуэт, идущий к песчаным дюнам. На пляже термальные ленты, принесенные прибоем, льнули к белому песку. На вилле к тому моменту остался только я — мадемуазель Фурнье отбыла на несколько дней в Ред-Бич, а шофер всегда спал в оборудованной для себя комнатке над гаражом. Я пробежал через калитку, выходящую в темную аллею, и направился к клубу. Музыка плыла мимо меня, парила над равнодушными песками пляжа.

В ночном клубе я никого не застал. Пластинка крутилась для самой себя на пустынной сцене. Я бродил между столиками, пытаясь выискать следы Рейн. На несколько минут я задержался возле бара, облокотившись о стойку, когда из темноты ко мне устремилась безошибочно узнаваемая фигура. Шофер. Он кинулся на меня, метя кулаком в лицо.

Я увернулся и схватил его за правую руку, прижав к стойке. Его лицо в темноте исказилось злобным оскалом. Он высвободился и повернулся к озеру за дюнами. Музыка все еще звучала, пластинка играла снова и снова.

Оказалось, они все это время были у песчаного

берега — рука Рейн покоилась на бедре юноши, в то время как он, изогнувшись от напряжения, пытался сдвинуть увязший дюноход с места. Я не знал, что мне делать. Меня поразило, насколько непринужденно он обращался с Рейн. Я застыл среди дюн, возвышавшихся над пляжем, неотрывно глядя на Рейн, чья белая маска, заменявшая лицо, двоилась в обманчивом лунном сиянии. Я не услышал шорох шагов по песку — шофер подкрался незаметно и ударил меня в висок.

Очнулся я в постели Рейн на безлюдной вилле. Сияние луны погребальным саваном окутало террасу. По стенам метались гротескные тени, уродливые жильцы какого-то жуткого птичника. Мне представлялось, что я слышу в абсолютном безмолвии, воцарившемся на вилле, как они рвут друг друга на куски. Иногда же мне казалось, что это висельники, дергающиеся на своих веревках.

Выбравшись из постели, я уставился на собственное отражение в распахнутом окне. На мне был костюм из золотого ламе[41], сверкающий в лунном свете броней призрачного архангела-де-

[41] Примечания: 41

Ламе — парча с шитьем металлическими нитями по основе, изготавливаемой обычно из синтетических или искусственных волокон.

моноборца. Прижав руку к раскалывающемуся от боли черепу, я вышел на террасу. Мой позолоченный костюм плотно прильнул к телу. Его отвороты сильно давили на грудь.

На обрамленной рододендронами аллее зелень наполовину скрывала автомобиль Рейн. За рулем сидел молодой шофер. Он остановил на мне свой скучающий взгляд.

— Рейн!

На заднем сиденье шевельнулся чей-то призрачный силуэт. Это был мужчина с обнаженным торсом, развалившийся на подушках. Не желая становиться зрителем разворачивающегося действа в этом несуразном одеянии, я принялся сдирать его с плеч — но, не успев и пикнуть, был плотно схвачен за икры и бедра. Попытавшись шагнуть вперед, я лишь прочнее увяз в золотых силках! Я посмотрел на рукава — ткань яростно светилась, закручиваясь прямо на мне узлами, ее волокна стягивались в миллион крепких стяжек.

Каждый вдох давался все труднее и труднее. Я хотел пошевелиться, но не смог даже поднять руки, чтобы разжать отвороты пиджака, тисками сдавившие шею. В тот момент, когда я рухнул на парапет, аллею осветили фары — автомобиль медленно двинулся вперед по скрежетавшему

под шинами гравию.

Я лежал в канаве, повергнутый навзничь, с насильно вывернутыми за спину руками. Сияющий костюм золотого оттенка ослепительно горел во мраке, а желтые блики выплясывали рьяный танец на окнах балкона. Вдруг внизу машина вылетела из-за ворот и стремительно рванулась во тьму, ревя двигателем.

* * *

Когда я пришел в сознание, какие-то руки энергично массировали мне грудную клетку. Затем меня подняли и посадили, прислонив спиной к каменному барьеру террасы. Я сидел без сил, чувствуя неотступные удары боли, когда при каждом вдохе и выдохе грудь, обретя прежнюю свободу, вздымалась и опускалась. Молодой человек, голый по пояс, стоял на коленях передо мной. В его руке блестело серебряное лезвие — с его помощью он освобождал мои ноги от последних клочков золотистой ткани. Изорванные куски материи слабо сверкали, словно угасшие угли среди мрачного пепла.

Молодой человек наклонил мою голову назад и с огромным интересом заострил взор на моих глазах, затем плавно убрал острый предмет.

— Вы и впрямь походили на гибнущего ангела в этом наряде, Самсон.

— О, небеса… — Я повис на парапете, внимая очагам боли, разгоравшимся там и сям по всему телу. — Проклятый костюм едва не удавил меня! Кто вы такой?

— Меня зовут Язон. Язон Кайзер. Вы меня уже давно видите, верно? Мой брат был убит именно этой тканью, Самсон.

Твердый взгляд юноши неотрывно следил за мной. Теперь я улавливал в его лице черты сходства с братом, несмотря на перебитый нос.

— Кайзер? Хотите сказать, ваш брат… — Я протянул руку к обрывкам позолоченной ткани. — Он был убит, задушен?

— Он погиб в этом роскошном одеянии. Бог знает, что ему довелось увидеть перед смертью, но это убило его. Как иронично: мастер, загубленный собственным изделием. — скривив лицо, Язон поддал рдеющим лохмотьям ногой и взглянул на пустынную виллу. — Я знал, что она вернется сюда. Почти ожидал, что эта гарпия подцепит какого-нибудь не повинного ни в чем бродягу… Но подставились под удар вы. И, как и ожидалось, в какой-то момент вы ей наскучили. — он указал на окна ее комнаты. — Костюм хранился там,

рассчитанный именно на то, чтобы вновь пережить подобный кризис. Знаете, я ведь был с ней в автомобиле, когда она решила применить его. Самсон, именно таким образом она отправляет своих любовников в рай.

— Погодите-ка… Выходит, она не узнала вас?

Юноша отрицательно покачал головой.

— Она никогда раньше не встречала меня. Мы с братом не особо-то ладили. Тем не менее, можно сказать, в лице любого человека всегда есть определенные знаки, черты сходства — на то я и рассчитывал. Мне требовалась лишь пластинка, старый лейтмотив этого клуба… и я нашел ее в баре.

Забыв о помятых ребрах и поврежденной коже, я все думал о Рейн, о ее странной детской личине. Она вернулась в Западную Лагуну, чтобы пережить все заново — и события, втянувшие ее в мрачную реконструкцию смерти Кайзера, услужливо повторились.

Язон пошел к вилле. Я, осознав, что гол как сокол, остался на месте.

— Куда вы? — окликнул я его. — Там никого.

— Я знаю. Не так-то легко было напялить на вас этот костюм, Самсон. Одежда догадывалась о том, что здесь готовилось. — он кивнул в сторону

дороги. Свет автомобильных фар скользил в этот момент вдоль берега озера, в пяти милях к югу от нас. — Скажите «прощай» мисс Чаннинг, Самсон.

Я опустошенно следил за автомобилем, пока он не скрылся за холмами. В той стороне, где стоял заброшенный ночной клуб, порывы темного ветра вычерчивали на песках дюн новые символы, обделенные всяким смыслом.

— Скажите ветру «прощай»…

1966

Say Goodbye To The Wind. Первая публикация в журнале Fantastic, август 1970.

Интервью с Дж. Г. Баллардом
(беседует Ванора Беннет)
Перевод Е. Трубецкой

— Вы всегда знали, что станете писателем?

— Да. Еще ребенком я постоянно что-то писал. Думаю, у меня всегда была некая склонность к этому: еще в шанхайской школе, когда мне было лет восемь или девять, меня в качестве наказания посадили писать строчки. Переписывать я их должен был из романа «Вествард Хо!», и в процессе вдруг осознал: это же книга про Испанский Мэйн, пиратов и все такое прочее. Гораздо проще не переписывать, а сочинить самому. И с тех пор поступал именно так. Однажды сдал написанное учителю, он просмотрел и сказал: «В следующий раз, Баллард, когда тебя посадят за строчки, чтоб взял мне классическую литературу, а не какую-то бульварщину». Вот тогда я и понял, что у меня талант. И продолжил в том же духе. Писал сначала рассказы, а потом, уже в середине пятидесятых, взялся за научную фантастику и стал профессиональным писателем.

— В детстве вы пережили заключение в ла-

гере для интернированных во время Второй мировой войны. Какое влияние на вас оказал этот опыт?

— Огромное. Шанхай во время войны и японский лагерь представляли собой экстремальную версию обычной жизни. Я испытал много такого, что мои дети, например, не испытают никогда. Почти три года в лагере — это все равно что в гигантском трущобном районе. По сути, я жил так, как сегодня живут беженцы в Африке и на Ближнем Востоке: в ужасной тесноте и постоянном голоде. Я видел взрослых в таком подавленном состоянии, с каким современные дети никогда не сталкиваются. Видел оккупированный город, вражеских солдат на улице, грохочущие танки, бомбежки и прочее. Это действительно был мир на грани гибели, и думаю, он глубоко запал мне в память. Это как попасть в авиакатастрофу. Даже если выживешь, не забудешь уже никогда.

— Приходилось ли вам еще бывать в Китае?

— Да, в 1991 году, спустя сорок лет после отъезда. Было так странно: я, словно путешественник во времени, вернулся в свое детство. Повсюду выросло множество небоскребов, но улица, где мы жили, осталась прежней, и даже наш дом сохранился. Сохранился и лагерь, теперь в его

здании школа. Было очень странно вновь увидеть все это.

— После войны вы вернулись в Лондон и погрузились в совсем другую, очень английскую жизнь — два года изучали медицину в Кембридже, потом работали везде, где только может работать молодой человек: и рекламные тексты писали, и овощи на рынке Ковент-Гарден разгружали. Как эта резкая перемена в жизни сказалась на вашем творчестве?

— Полагаю, пережитое во время войны побудило меня выяснить, если возможно, что же не так с этим миром? Откуда в нем столько жестокости, почему люди так любят убивать друг друга? Я интересовался медициной, вот и решил: стану врачом. Проучившись на медицинском два года, я понял, что с меня достаточно, и мой истинный путь — карьера писателя.

Сперва я писал научную фантастику, поскольку не хотел быть автором хемпстедовских романов. А научная фантастика тем и хороша, что ее персонажи в Хемпстеде не живут. И потом, фантастика стояла на грани больших перемен, а они-то меня и интересовали. Сама Англия в пятидесятые годы начала меняться: появились легковые автомобили и телевидение, супермаркеты и реактивные

самолеты. Зарождалось общество потребления, страна менялась быстро и кардинально. И я хотел писать о переменах.

— Какие писатели и художники повлияли на вас больше всего?

— Грэм Грин очень сильно повлиял, и Кафка тоже. И конечно, художники-сюрреалисты: они писали то, что я называю «внутренним пространством». Вот и моя научная фантастика не о том, что происходит вовне, а о пространстве и изменениях человеческой психики.

— За те сорок с лишним лет, что вы живете в Шеппертоне, он превратился из пасторальной глубинки в «окрестности лондонского аэропорта». И наверное, неспроста у вас в книгах так много заброшенных пригородных ландшафтов?

— Да, меня увлекает психология охраняемых жилых комплексов, дух трассы M25. Вот та Англия, которая мне интересна. Не памятники культуры и истории в столице и за ее пределами. Нет, это автостанции и элитные дома, камеры наружного наблюдения и аэропорты. Множество мрачных сценариев, что приходили мне в голову, так или иначе воплотились в жизни.

Если оглянуться назад, можно увидеть, что за последние тридцать лет бессмысленное насилие вошло в норму. Тут и там люди входят, например, в супермаркет и начинают палить во всех подряд. Или взять убийство Джилл Дандо, или недавние страшные взрывы в Мадриде. И вряд ли те, кто совершает подобные зверства, могут хотя бы мысленно дать им какое-то оправдание. Скорее всего, это просто насилие ради насилия. Оно очень опасно, поскольку непредсказуемо. Возможно, люди настолько измучены скукой и пустотой современной жизни, что готовы взрывать бомбы или стрелять в других людей, просто чтобы почувствовать себя живыми.

— Если говорить о личной жизни, всем известно, что вы очень привязаны к семье. Есть ли в ней еще писатели или художники?

— У меня трое детей и четверо внуков, всеми ими я очень горжусь. Моя супруга умерла очень давно, в 1964 году, и я растил детей один.

— Как вы распределяете свое время? Есть ли какое-то расписание, которого вы придерживаетесь, когда пишете?

— Конечно. Если не выработать систематический подход к работе, единственным ее

результатом будет гора пустых винных бутылок. За все эти годы я ежедневно писал по тысяче слов, даже в состоянии жестокого похмелья. Если ты профессионал, то должен приучить себя к этому, иначе просто никак.

— В 2003 году вам хотели вручить орден Британской империи. Почему вы отказались?

(Смеется.)

— Я бы его принял, если б только мог называть себя командором Баллардом. Но этому всему, я считаю, придается слишком большое значение.